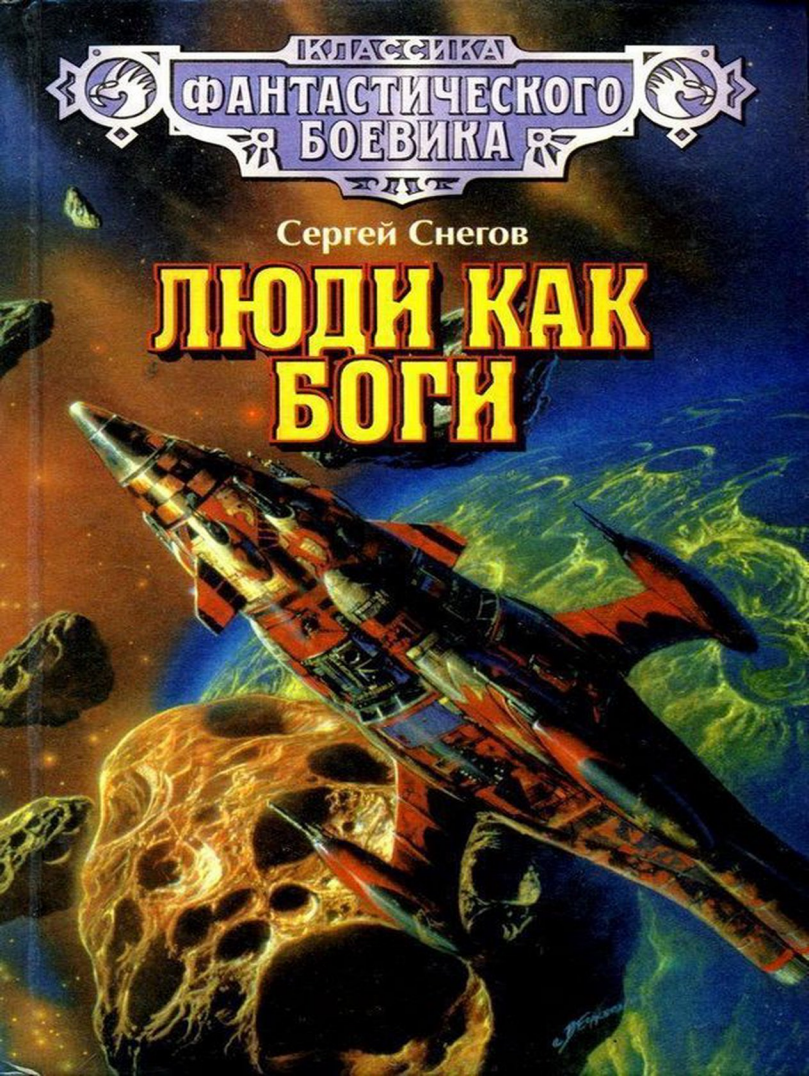
КЛАССИКА ФАНТАСТИЧЕСКОГО БОЕВИКА

Сергей Снегов

ЛЮДИ КАК БОГИ



Люди как боги (Художник С. Цылов)

Сергей Александрович Снегов

Аннотация
Сергей Александрович Снегов. ЛЮДИ КАК БОГИ. (Сокращенное издание)
Книга первая. ГАЛАКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА
  Часть первая. НА ОРЕ
  Часть вторая. ПОХОД ЗВЕЗДНОГО ПЛУГА
  Часть третья. ЗЕМЛЯ
Книга вторая. ВТОРЖЕНИЕ В ПЕРСЕЙ
  Часть первая. В ЗВЕЗДНЫХ ТЕСНИНАХ
  Часть вторая. ВЕЛИКИЙ РАЗРУШИТЕЛЬ
  Часть третья. МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ АВТОМАТ НА ТРЕТЬЕЙ ПЛАНЕТЕ
  Часть четвертая. ГОНИМЫЕ БОГИ
Книга третья. КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ
  Часть первая. МУЧЕНИКИ ЗВЕЗДНОЙ ДИСГАРМОНИИ
  Часть вторая. ГИБНУЩИЕ МИРЫ
  Часть третья. РАЗОРВАННАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН
  Часть четвертая. ПОГОНЯ ЗА СОБСТВЕННОЙ ТЕНЬЮ
КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

~ ~ ~

Аннотация

Роман одного из классиков русской фантастики С. Снегова рассказывает об опасных космических экспедициях землян, их попытках установить контакт с инопланетными цивилизациями. Главный герой романа Эли — адмирал космической эскадры. В самых критических ситуациях он ведет себя мужественно и хладнокровно. Во многом благодаря ему экспедиции удается спастись и решить свою главную задачу-земляне смогли продемонстрировать разумность и доказать могущественной цивилизации рамиров свое право на существование.

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

ЛЮДИ КАК БОГИ

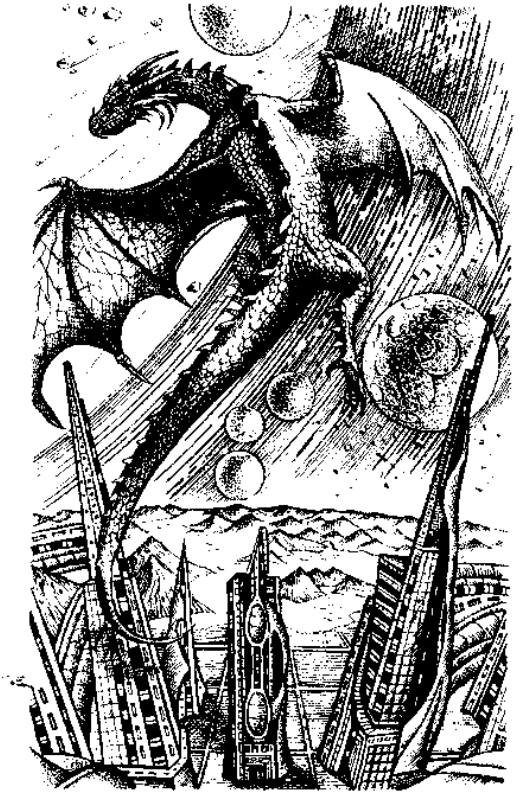
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА
ВТОРЖЕНИЕ В ПЕРСЕЙ
КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ

Москва
АРМАДА
1996

Сергей Александрович Снегов

ЛЮДИ КАК БОГИ

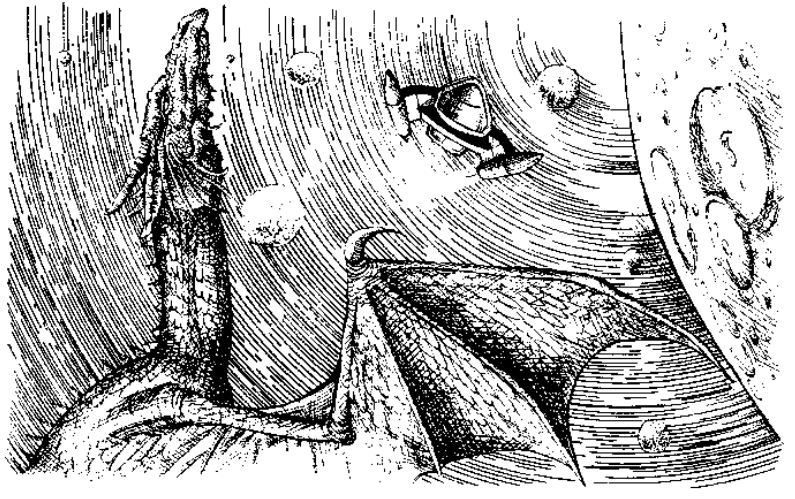
(Сокращенное издание)



Книга первая
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

КНИГА ПЕРВАЯ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА



Часть первая
НА ОРЕ

Из Фраскатти в старый Рим
Вышел Петр Астролог.
Свод небес висел над ним,
Будто черный полог.
Он глядел туда, во тьму,
Со своей равнины.
И мерещились ему
Странные картины.

Н. Морозов

Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

И. Бунин

1

Для меня эта история началась с того, что на второй день после возвращения на Землю, во время прогулки над кратерами Килиманджаро, я повстречал Лусина верхом на огнедышащем драконе.

Я не люблю летать на драконах. В них есть что-то от древнего театра. А неповоротливых пегасов я попросту не терплю. На Земле для полетов я беру обычную авиетку — так и надежней и удобней. Но Лусин без драконов не мыслит передвижения. В школе, когда эти неповоротливые чудовища лишь входили в моду, Лусин вскарабкался на учебном драконе на Джомолунгму. Дракон вскоре подох, хоть был в кислородной маске, а Лусину запретили месяц появляться в конюшне. С той поры прошло пятнадцать лет, но Лусин не поумнел.

Он твердит, что в нем играет душа его предков, обожествлявших эти странные существа, по-моему же, он оригинальничает. Андре Шерстюк да он готовы вывернуться наизнанку, лишь бы чем-нибудь поразить, — такой уж это народ!

И когда с Индийского океана понесся крылатый змей, окутанный дымом и пламенем, я сразу понял, что на нем Лусин. Лусин выкрикнул приветствие и приземлился на обрыве кратера Кибо. Я покружился в воздухе, рассматривая его зверя, потом тоже сел. Лусин побежал ко мне, мы сердечно пожали друг другу руки. Мы не виделись два года. Лусин наслаждался моим удивлением.

Дракон был крупный, метров на десять. Он

бессильно распластался на камнях, устало закрыл выпуклые зеленые глаза, его худые бока, бронированные оранжевой чешуей, вздувались и западали, крылья подрагивали. Над головой зверя клубился дым, при выдохе из пасти вырывалось пламя. Огнедышащие драконы были мне внове.

— Последняя модель, — сказал Лусин. — Два года выводил. Инфовцы хвалят. Хорош, нет?

Лусин работает в Институте Новых Форм — ИНФе — и не устает хвастаться, что у них создают живые новообразования, до каких природа не доберется и за миллиард лет. Кое-что, например говорящие дельфины, у них и вправду получалось неплохо. Дымящий, как вулкан, змей не показался мне красивым. Правда, летает он красиво, этого не буду отрицать.

И пегасы, и драконы в воздухе чувствуют себя хорошо.

Лусин объяснял, что при работе мышц у них развивается антигравитационное поле, отчего они теряют добрых девять десятых веса. Но мне все равно странно глядеть, когда такие массивные животные легко устремляются вверх. Драконы обычно довольно медлительны. А у этого мне не понравился дым, хотя Лусин сказал, что и дым и

пламя созданы у них лишь для красоты, вроде как оперенье у павлина: и не жжет, и не пачкает.

— Вся эта бутафория ни к чему. Если, конечно, вы не задумали пугать им детишек.

Лусин любовно похлопал дракона по одной из его лягушачьих ног.

— Эффектен. Повезем на Ору. Пусть смотрят.

Меня раздражает, когда говорят об Оре. Половина моих друзей летит туда, а мне не повезло. Меня бесит не их удача, конечно, а то, что они превращают интереснейшую встречу с обитателями иных миров в примитивную выставку игрушек. Каких только изделий не тащат на Ору!

— Чепуха! Никто там не взглянет на твое ископаемое. Каждый звездожитель сам по себе удивительней всех ваших диковинок. Думаю, машины заинтересуют их куда больше.

— Машины — да! Звери — тоже да. Все — да!

— И ты — да! — передразнил я. — Вот уж образец человека пятого века: рыжеволосый, рыжеглазый, рост метр девяносто два, одинок. Как бы там в тебя не влюбилась мыслящая жаба. И на драконе не удерешь!

Лусин улыбнулся и покачал головой:

— Завидуешь, Эли. Древнее чувство. До драконов. Понимаю. Сам бы на твоем месте.

Лусин говорит словно иероглифами. Мы привыкли к его речи, но незнакомые не всегда его понимают. Его укор расстроил меня, я с возмущением отвернулся.

Лусин положил мне руку на плечо.

— Спроси — как? — попросил он печально. — Интересно.

Я кивнул, чтобы не огорчать Лусина равнодушием. Из рассказа я понял, что в легких у дракона синтезируются горючие вещества и что самому дракону от этого тоже ни холодно ни жарко.

Лусин работает над темой «Материализация чудовищ древнего фольклора», огнедышащий дракон — четвертая его модель, следующие за ней формы — крылатые ассирийские львы и египетские сфинксы.

— Хочу бога Гора с головой сокола, — сказал Лусин. — Еще не утверждено. Надеюсь.

Я вспомнил, что Андре везет на Ору сочиненную им симфонию «Гармония звездных сфер» и что первое исполнение симфонии состоится сегодня в Каире. Я с сомнением отношусь к музыкальным способностям Андре, но лучше уж музыка, чем дымящиеся змеи.

Лусин вскочил.

— Не знал. Летим в Каир. Я впереди. До ракет-

ной станции.

— Сам наслаждайся ядовитыми парами своего урода, — сказал я. — А я по старинке: раз, два, три — и ста километров нет!

Мне удалось обогнать Лусина минут на двадцать. Пока он выжимал из своего оранжевого тихохода последние километры, я договорился, чтоб дракона покормили в «Стойле пегасов».

На ракетной станции была конюшня крылатых коней — специально для туристов. Просьбу мою встретили без энтузиазма, особенно когда узнали, что змей огнедышащий. Задиристые пегасы ненавидят смирных драконов и, чуть их заметят, сейчас же яростно обрушиваются сверху. Конечно, ни копыта, ни зубы ничего не могут поделать с чешуей, но вздорные лошади упрямо штурмуют до изнеможения. Не понимаю, что побудило когда-то греков избрать для поэтических полетов этих все-таки быстро устающих в воздухе животных. Я предпочел бы устремляться в художественные высоты на кондорах и грифах — те поднимаются выше и отлично парят над землей.

Я помахал рукой медленно приближающемуся Лусину.

— Торопись, а то опоздаем! Можешь оставить своего вулканоподобного детеныша здесь. Пега-

сов к нему обещали не подпускать.

2

Первым, кого мы повстречали в Каире, был Аллан Круз, тоже из школьных товарищей. Он прилетел часа за два до нас и шел с чемоданом из Палаты Звездных Маршрутов. В чемодане у него, как всегда, книги. Аллан обожает это старье. В этом отношении он схож с Павлом Ромеро — тот тоже не отрывается от книг. Павлу они требуются по роду занятий, Аллан же возится с ними для забавы. Острее ощущаешь современность, когда поглядишь рассыпающиеся журналы двадцатого века, говорит он, посмеиваясь.

Он или сердится, или хохочет, гнев и радость — не крайние, а соседствующие состояния его психики. Если он не возмущен, то ликует — от одного того, что не возмущен. Узнав, куда мы идем, он остановился.

— Да зачем было мчаться в Каир? Включили бы концертный зал и наслаждались музыкой издалека.

Я потянул его за рукав. Не люблю, когда люди ни с того ни с сего замирают на полушаге.

— Симфонию Андре надо слушать в специальных помещениях. Его музыка не удовольствие, а

тяжелая физическая работа.

Аллан пошел с нами.

— Мне надо поговорить с Андре, — сказал он грозно. — Последняя модель его портативных дешифраторов никуда не годится.

— Умерь шаг и не махай чемоданом перед моим носом. У тебя там, наверно, килограммов пятьдесят?

— Шестьдесят три. Послушайте, какой конфуз приключился с нами на Проционе из-за легкомыслия Андре.

О конфузе на Проционе мы уже знали. Экспедиция Аллана испытывала облегченную модель Звездного Плуга. В окрестностях Солнечной системы разгоняться запрещено, и одиннадцать с половиной светолет пути они проделали за тридцать девять ходовых суток. В созвездии Малого Пса тоже усердствовать не пришлось, там они обгоняли свет всего в сто раз. Зато именно в этом созвездии, в планетной системе Проциона, они, так и не узнав сами, совершили наконец предсказанное пять столетий назад открытие — обнаружили мыслящие мхи. На второй из трех планет Проциона не хватало света и тепла и скалы покрывал рыжий мох. Астронавты ходили по мхам. Изучали их приборами. Но нашли лишь,

что от растений исходят слабые магнитные волны. А когда экспедиция возвратилась на Землю, Большая Академическая машина расшифровала, что записанные излучения — речь. Удалось разобрать предложения: «Кто вы такие? Откуда? Как вы развили в себе способность передвижения?»

Неподвижные мхи больше всего поразило человеческое искусство ходьбы.

— Во всем виноват дурацкий ДП-2! — гремел Аллан на всю улицу. Он всегда говорит очень громко. — Он, конечно, лучше наручных дешифраторов, те годятся лишь для бесед с собаками и птицами. Но для трудных случаев прибор Андре не годится. Совершенно беспомощная машина, а выдана за последний крик техники!

Аллан вдруг снова остановился. Я хотел еще нетерпеливей дернуть его за рукав, но меня поразило выражение его лица.

— Совсем забыл, братцы! — сказал он и оглянулся, как бы боясь, что кто-то подслушает. — В Палате Звездных Маршрутов сегодня получено удивительное сообщение. Толком никто ничего не знает, а в общих чертах — открыты новые разумные существа. Что-то вроде людей. И, похоже, в их обществе свирепствуют междоусобные войны куда посерьезней, чем древние человеческие.

Сейчас мне странно то безразличие, с каким мы слушали Аллана. Вся история человечества переламывалась — теперь это ясно каждому школьнику. А мы с Лусином даже не поинтересовались, кто доставил информацию и чем именно новооткрытые существа похожи на людей. Я лишь высказал предположение, что они обитают далеко от ближайших звезд: в нашем районе Галактики ни о чем похожем еще и не слыхано было.

— Не знаю, — ответил Аллан. — Большая Академическая второй день обсчитывает полученную информацию. Завтра-послезавтра нас ознакомят с результатами обработки.

— Подождем до завтра, — сказал я. — А если и до послезавтра, так я тоже стерплю.

Лусин был того же мнения. Концерт Андре занимал его больше, чем информация о последних открытиях. В эти месяцы перед совещанием на Оре мы только и слышали, что о новых разумных существах, обнаруживаемых звездными экспедициями. Мы как бы потеряли ощущение необычности. Удивительное стало обычным.

— Толпа! — сказал Лусин, ткнув вперед пальцем. — Мест не хватит. Поторопимся.

Мы прибавили шагу. Огромный Аллан вынесся

вперед. Он и в школе ходил быстрее всех, в его шаге метр и две десятых. Я крикнул:

— Захвати для нас с Лусином два местечка рядом с собой!

В концертный зал вливалось два потока людей. Западные двери были к нам ближе, и мы направились туда.

Аллан проник в голову потока, под прикрытием его широкой спины двигался Лусин, за Лусином я. У дверей случилась неприятность, порядком попортившая мне настроение.

Какая-то худощавая некрасивая девушка резко отодвинулась от пробивающего себе дорогу Аллана, и на нее налетел я. Она с негодованием обернулась. У нее была тонкая высокая шея и темные глаза.

— Грубиян! — сказала она. Голос у нее был мелодичный, низкого тона. Лицо ее портили широкие брови, такие же черные, как глаза.

— Вас тоже не обучали вежливости! — огрызнулся я, но она, похоже, не услышала.

В зале, сидя между Лусином и Алланом, я раза два вставал и осматривался, отыскивая эту худощавую девушку. Но среди двадцати восьми тысяч человек, заполнивших концертное помещение, обнаружить ее было непросто.

3

— Андре! — сказал Лусин. — Вот чудак!

Андре и на концерте не удержался от озорства. Вместо того чтобы показаться на стереоэкране и оттуда улыбнуться публике, он вышел на сцену. Человек казался крохотным на пустой площадке. Он произнес речь: что-то о Земле и звездах, небожителях и людях, полетах и катастрофах — все это, мол, отражено в его космической симфонии.

Мне так это надоело, что я крикнул: «Хватит болтовни!» Если бы я знал, что усилители настроены на все звуки в зале, я бы вел себя поосторожней. Мой голос оглушительно отразился от потолка, в ответ понесся такой же громовый хохот. Андре, не смутившись, весело воскликнул:

— Будем считать ваши нетерпеливые крики увертюрой к симфонии!

После этого он исчез, и грянула музыка звездных сфер. Прежде всего мы провалились. Мы неподвижно сидели в своих креслах, от неожиданности вцепившись в ручки, и вместе с тем ошалело неслись вниз. Состояние невесомости наступило так внезапно, что у меня защемило сердце.

Думаю, другие чувствовали себя не лучше.

А потом зазвучала тонкая мелодия, в воздухе поплыли клубящиеся разноцветные облака, и возвратилась тяжесть. Мелодия усиливалась, электронный орган гремел во все свои двадцать четыре тысячи голосов, цветовые облачка пронизало неистово пляшущее сияние, все пропало в кружащемся многокрасочном дожде искр, не было видно ни стен, ни потолка, ни дальних соседей, а ближние вдруг превратились в какие-то факелы холодного света. И тут свет стал теплеть, мелодия убыстрилась, увеличилась тяжесть, в воздухе волнами пронеслась жара. Я уже собирался сбросить пиджак, как вдруг зал озарила синяя молния, все вокруг запылало зловещими фиолетовыми пламенами и нестерпимо ударил ледяной ветер. Никто не успел ни отвернуться, ни защитить лицо руками. Оледенение разразилось под свист и жужжание электронных голосов. Перегрузка быстро увеличивалась, легким не хватало кислорода. Снова взревели трубы, запели струны, зазвенели медь и серебро, в фиолетовой тьме зажглись оранжевые языки. Ледяное дыхание сменилось волнами теплоты, перегрузка падала, превращаясь в невесомость. Воздух, ароматный и звучный, сам лился в горло, голова кружилась от тонких звуков, нежных красок,

теплоты и легкости в теле.

Так повторялось три раза — багровая жара под грохот труб и невесомость, стремительно нарастающий, пронзительно синий холод под перегрузку, почти удушье, мелодичное розовато-оранжевое возрождение, овеянное теплотой. А потом в последний раз ударил мороз, промчалась жара, и уже по-обычному солнечно вспыхнул потолок концертного зала. Первая часть симфонии кончилась.

Со всех сторон неслись восклицания и смех. Кто-то кряхтел, кто-то оттирал застуженные щеки, кто-то зычно орал: «А ну, автора сюда! А ну, автора!» Большинство торопилось к выходу.

— Он совсем с ума спятил! — негодовал Аллан. — Даже от Андре не ожидал такой нелепицы! Зачем вы меня сюда притащили?

Лусин молча наблюдал за взволнованными зрителями, а я возразил:

— Никто тебя не тянул, ты сам пришел. И что тебя ожидает, знал отлично. Я предупреждал, что музыку Андре могут вынести лишь здоровяки.

— Я здоровяк, но и мне нестерпимо! Неужели и во второй части такой же страх?

Я протянул ему пригласительный билет. На нем было напечатано: «Андре Шерстюк. Гармония

звездных сфер. Симфония для звука, света, тепла, давления и тяжести. Часть первая — Круговорот миров. Часть вторая — Люди и небожители. Часть третья — Вечное как жизнь».

Аллан хмыкнул и повеселел.

— Здесь еще одного компонента не хватает: запаха, — пророкотал он, посмеиваясь. — Вот бы смердящее аллегро и благоухающее адажио! Чтобы полнее впечатление, как по-вашему?

— Успех! — с уважением сказал Лусин. — Все потрясены. Равнодушных нет. А?

— Не «а», а «ч». Чепуха, — сказал я. — На вторую часть осталась лишь треть зала.

— Новизна. Понимают не сразу.

— Занимайся лучше своими диковинными новыми формами, а не музыкой, — посоветовал я. — Твоего бога Гора с головой сокола, может, удастся приспособить для защиты от летучих мышей на дальних планетах, а на что пригодится новое творение Андре?

4

После неистовой первой части вторая показалась спокойной. Возможно, впрочем, что мы пообтерпелись. Главным в ней был свет — клубящаяся зеленовато-желтая тьма, красные

вспышки, змеящиеся фиолетовые полосы, искры и стрелы, рушащиеся с потолка, как при полярных сияниях, потом все постепенно затянуло розовым теплым туманом, в нем хотелось понежиться, чувства и мысли засыпали.

Все это происходило под мелодичное звучание электронных голосов, тяжесть и давление то мерно нарастали, то исчезали, холод налетал не так пронзительно, как раньше, сменявшая его жара не так обжигала.

В общем, эта часть мне понравилась. Ее можно было терпеть, а для произведений Андре это уже немало. Зато в третьей части нам снова досталось. «Вечное как жизнь» могло вогнать в гроб любого. Андре, видимо, хотелось доказать, что жизнь штука непростая, и он достиг цели. Нас обжигало, леденило, оглушало, ослепляло минут двадцать, если не больше.

Симфония уже окончилась, а все в зале сидели, опоминаясь. У некоторых был до того измученный вид, что я расхохотался. Аллан шумно ликовал. Так с ним всегда. Необычное сперва озадачивает его, потом приводит в восторг.

— Крепкая симфония! — орал он. — Обрушить этакий концертище на существа с Альфы Центавра или Сириуса — там они не очень кости-

сты, — останется мокрое пятно! Нет, здорово!

По пустеющему залу разнесся голос: друзей автора симфонии просили к восточному выходу. Аллан помчался, обгоняя выходящих, мы с Лусином не торопились. Я знал, что Андре меня дождется.

У восточного входа быстро скопилась кучка приятелей. Я устал пожимать руки. Хорошенькая Жанна Успенская, жена Андре, сияла. Она неумеренно торжествует, если Андре что-нибудь удается, и надо сказать, ей часто приходится торжествовать. В данном случае, впрочем, она могла бы радоваться и не столь открыто.

Она громко сказала:

— Ты изменился, Эли! Просто не верится, такой ты загорелый и добрый. Послушай, ты не влюбился?

Я знал, почему она говорит громко, и мне это не понравилось. К нам приближались Леонид Мрава и Ольга Трондайк.

Грозный Леонид на этот раз казался почти веселым, а Ольга как всегда была уравновешенна и светла. Она, конечно, поняла намек Жанны, но и виду не подала, а Леонид с такой силой тряхнул мою руку, что я охнул. Этот великан — они с Алланом вымахнули до двух метров тридцати — вбил

себе в башку, что я стою у него на дороге. Боюсь, Ольга поддерживает в нем это заблуждение. Это тем удивительней, что, не в пример Жанне, Ольга совсем лишена кокетства.

— Я рада, что вижу тебя, Эли, — сказала Ольга. — Ты, кажется, улетал на Марс?

— А чего я не видал на Марсе? — буркнул я. — Мы монтировали седьмое искусственное солнце на Плутоне. Слыхала о таком?

— Конечно. Желто-красный карлик нормальной плотности, мощность восемь тысяч альбертов. Я недавно вычислила, что этой мощности не хватит для нормального функционирования. Ты не ознакомился с моей запиской, Эли?

— Нет. От твоих записок у меня голова болит — так они учены!

Ольга не обиделась и не огорчилась. Она слушала, ровная и розовощекая. Уверен, она и не вдумывалась в содержание моих слов, с нее достаточно, что я говорю. Она слушает один мой голос. Жанна встряхнула локонами, они у нее длинные и так светлы, что издали кажутся седыми.

— Ты не ответил на мой вопрос, Эли!

— Да, — сказал я. — Влюбился. И знаешь в кого? В тебя. Я долго скрывал, но больше нет сил. Что ты теперь собираешься делать?

— Переживу, Эли. А может, расскажу Андре, пусть он знает, каковы его друзья.

Она повернулась ко мне спиной. Жанна так хочет всем нравиться, что сердится, когда над этим подшучивают.

— У Аллана интересное сообщение, — сказал я, чтобы перевести разговор на другое. — Аллан, повтори-ка, что ты говорил нам.

И снова, как перед тем мы с Лусином, никто не отнесся серьезно к новостям Аллана! Его выслушали равнодушно, словно он делился пустяками, а не самой важной информацией, когда-либо полученной человечеством. Сегодня, вспоминая те дни, я не могу понять, почему нами овладело такое непростительное легкомыслие. Оно было тем непостижимей, что Леонид и Ольга, капитаны дальних звездолетов, уже и в то время слыли опытными астронавтами. Кто-кто, а они должны были сообразить, что означает открытие в звездных мирах, на наших галактических трассах, существ, равных нам по разуму и могуществу. Леонид поступил еще легкомысленней, чем я. Он попросту отмахнулся от Аллана. Наше маленькое искусственное солнце на Плутоне интересовало его больше.

— Удивляюсь вашему консерватизму, — сказал

он. — Сперва монтируете огромный спутник, потом разжигаете, пока он не превратится в крохотное светило, и тратите на это столько же лет, как и два столетия назад наши деды. А зачем? Звездный Плуг за месяц работы зажжет десяток искусственных солнц всех проектированных размеров и температур. Не нужно ни монтажа, ни разогрева, короче, ничего, кроме приказа: зажечь и доставить на место солнце!

— Хорошо! — сказал Лусин. — Очень. Даже — очень-очень! Зажечь и доставить! Замечательно. А?

— Великолепно! — сказал я. — Много лучше пожаров, которые ты разжигаешь в животах бедных драконов. Кстати, почему, в самом деле, не используют для создания малых солнц Звездные Плуги?

Ольга сказала рассудительно, иначе она говорить не умеет:

— Создание солнц с помощью Звездных Плугов, вероятно, было бы проще. Но их запуск в окрестностях нашей системы грозит нарушением равновесия космического пространства. Не хотите же вы, чтоб Сириус налетел на Процион, а Проксима Центавра ударилась о Солнце?

Леонид сказал:

— Реальность такого катастрофического нарушения равновесия не доказана…

— Никто не доказал и обратного, — возразила Ольга. — Решение может дать опыт, неудачный же опыт — непоправим.

Из концертного зала вышли Андре с Павлом Ромеро. Появление Павла было так неожиданно, что я в восторге побежал к ним навстречу.

5

Ромеро после разлуки не здоровается, а обнимается, он говорит, что этот обычай раньше существовал во всех цивилизованных племенах. Хорошо еще, что он не целуется, — был, кажется, и такой странный обряд приветствования.

— Это вы, Эли! — сказал он важно. — Ясно вижу, что это вы!

Они стояли передо мной, плечо к плечу, улыбающиеся, довольные. Оба были невысокие, всего метр девяносто один каждый — меньше, чем Лусин и я, — широкоплечие, молодые: Андре ровесник мне и Лусину, Ромеро на пять лет старше. На этом сходство заканчивается, все остальное, от облика до привычек, вкусов и поступков, у них не только различно, но и противоположно. Ромеро ни на кого не походит, кроме себя, его усы и бо-

родка-эспаньолка мало напоминают окладистые бороды и усы на портретах доисторических королей, хотя он утверждает, что скопировал их не то с римского цезаря, не то с американского президента — в общем, с какого-то из владык древних республик. И он всюду для забавы таскает трость. Он и обнимал меня, не выпуская трости.

Но если Ромеро ни на кого не похож, то Андре не бывает долго похожим на самого себя. При каждой встрече Андре иной и неожиданный. Если бы он не был гениален, я бы сказал, что он тщеславен. В школе он менял волосы чаще, чем костюмы. На пятом курсе второго круга он удалил доставшиеся ему от природы каштановые кудри и вывел черные и прямые волосы, а на третьем круге растительность на голове менялась год от года: гладкие волосы сменились локонами, за ними появились пучки, похожие на кочки, потом он был сияюще лыс, затем снова завел волосы, на этот раз короткие и колючие, как проволока.

Цвет волос тоже менялся: кудри были золотые, потом превращались в вороные, а проволокоподобная поросль обжигала малиново-красным, так что голова пылала на свету, как головешка, — Андре считал, что такое сверкание ему к лицу. На этот раз у Андре были мягкие каштановые

кудри, такие же длинные, как у Жанны. Во всяком случае, это красивее, чем малиновая проволока.

— Ты загорел, Эли! — сказал мне Андре. — Неужели солнца на Плутоне так пламенны?

— Это результат концерта, — возразил я. — Твоя симфония меня чуть не испепелила. А один старичок хватался за сердце.

— Тебе не нравится? Нет, правда, тебе не нравится, Эли?

— Как может нравиться вздор?

— Та же мысль, что я высказывал, — подхватил Ромеро. — И те же слова, дорогой Андре: вздор ваша симфония!

— Твои намерения прекрасны, Андре, но неосуществимы. Мне кажется, не существует произведений искусства, воздействующих на все разумные существа Вселенной. Человеческое — человеку. А мыслящим рыбам — нечто особое, может, вовсе чуждое нашему пониманию.

Не помню случая, чтоб Андре уступил сразу. Он непременно поищет неожиданные ходы, изобретет запутанные варианты, те потребуют проверок, — лишь бы не признавать поражения.

— Пусть звездожители сами разрешат наш спор! Продолжим дискуссию на Оре!

Наступило замешательство. Мне трудно было

смотреть на Андре.

— Разве ты не знаешь, — сказала Ольга с упреком, — что Эли не летит с нами на Ору?

6

Андре так огорчился, что мне стало его жаль. Он глядел на меня, словно не верил.

— Ничего не поделаешь, — сказал я. — Вы отправитесь знакомиться со звездожителями, а я возвращусь монтировать искусственные солнца в небесах далеких планет.

— Заупокойный тон не идет твоей насмешливой роже, когда ты это поймешь? — воскликнул Андре. — Я хочу знать, почему все так неожиданно повернулось?

Я объяснил, что неожиданного нет ничего. При отборе претендентов у меня не оказалось тех преимуществ, какими блистали мои друзья. Без Ольги, Аллана и Леонида дальние полеты невозможны — они инженеры и командиры космических кораблей. Андре тоже необходим: мало кто сравнится с ним в умении расшифровывать незнакомую речь. И Лусин нужен: он познакомится с иными формами жизни, некоторые попытается потом воспроизвести искусственно. Тем более потребуется знаток старины Ромеро.

Кто знает, не повторяют ли иные обычаи и законы новооткрытых обществ того, что уже некогда цвело и увяло на Земле?

Ну, а кому там нужен я?

— В жизни не встречал большего глупца, чем ты! — закричал Андре. — Я спрашиваю о другом: добивался ли ты, чтоб тебя зачислили в экспедицию? Что ты сделал для этого?

Я терпеливо разъяснил Андре, что еще год назад записался на отборочный конкурс. Большая Государственная машина три месяца назад приступила к обработке данных. Всего нас было около шестидесяти миллионов человек, но после первой же отбраковки по возрасту и здоровью осталось три с четвертью миллиона.

— Ты был среди прошедших первую отбраковку?

— Да. Легче от этого мне не стало. Машина последовательно сужала круг отобранных. В конце концов осталось сто тысяч человек, удовлетворявших всем условиям конкурса, и среди них снова был я. И тогда бросили жребий. Мне выпала пустышка.

Некоторое время мы шли молча. Андре хмурился. Я догадывался, что он выискивает возможности возобновить мое ходатайство. Я был спокоен.

Таких возможностей не существовало.

— Мы сделаем так, — сказал Андре. — Эли полетит вместо меня. Он отлично меня заменит.

Одна Жанна обрадовалась, что Андре остается. Мы хором ругали Андре. Наше возмущение было тем сильнее, что мы знали, как нелегко переубедить этого человека, когда он вобьет что-нибудь себе в голову.

— Без Эли не полечу! — твердил Андре. — Еще в школе мы мечтали, что первое путешествие в иные созвездия совершим вместе. Поймите, мне не хочется расставаться с ним!

— Правильно, миленький! — быстро говорила Жанна. — И со мной не надо расставаться. Я тоже не хочу с тобой расставаться. Не слушай их!

Андре и без ее советов не слушал нас, мы кричали и перебивали друг друга. Потом в спор вступила молчавшая до того Ольга:

— В твоих действиях нет логики, Андре. Если Эли полетит вместо тебя, вам все равно придется разлучаться.

Андре зачастую в спешке хватается за первый попавшийся аргумент, не соображая, что тот повернется против него. Ошеломленный, он уставился на Ольгу. Этим воспользовался Ромеро.

— Я попрошу Веру помочь Эли, — объявил

он. — Через пять минут я лечу в Столицу, — сказал Павел. — Сейчас десять. В одиннадцать вы узнаете, Эли, благосклонна ли к вам судьба.

Он завершил эти напыщенные слова таким же напыщенным поднятием руки и удалился. Ромеро умница и добряк, но говорит и ходит, как древнеримский император.

Андре пригласил нас к себе в гостиницу. Лусин вспомнил о своем драконе: бедного дракона, вероятно, обижали пегасы. Леонид и Ольга торопились на галактическую базу, у Аллана тоже нашлись неотложные дела.

— Хотелось поругать тебя за дешифраторы, но придется отложить, — сказал он с сожалением.

Андре взял меня под руку.

— Погуляем еще и пойдем ко мне. Нет, я так рад, так рад, что вижу тебя, Эли!

7

В Каире я люблю летние вечера. Конечно, с тех пор как Управление Земной Оси научилось ориентировать в пространстве нашу планету, различия в климате разных широт смягчились. Еще на моей памяти в Антарктике в иные зимы бушевали бесконтрольные снежные бури. Лет пятнадцать назад всерьез обсуждалось, не

установить ли на Земле стационарный климат — вечное лето в тропиках, вечную весну на высоких широтах. Идею постоянной весны на шапках планеты и непрестанной жары в центральном поясе, однако, отвергли — и хорошо, что отвергли. Чувство жаждет перемен и противится однообразию. Нынешняя, расписанная по месяцам и неделям, смена тепла и холода, дождей и ясности, ветров и тишины мне по душе.

Однако каждое место на Земле имеет свою особую прелесть. Никакие старания метеорологов не придадут воздуху в Гренландии и Якутии южного аромата и неги. На севере мир суровей и светлее, а у тропиков природа задумчивей и нежней. Синий, напоенный выразительными, как крик, ароматами южный вечер волнует меня своей музыкальностью — возможно, это надо сказать по-иному, я просто не подберу слов точнее.

Именно так я и выразился, когда мы прогуливались с Жанной и Андре по бульвару под пальмами и кипарисами. Жанна сорвала амариллис, кроваво-красный, с дурманящим запахом. Садовые амариллисы на севере не пахнут. Этот же изнемогал, источая благовоние, два-три вдоха из его распахнутой чаши заставляли усиленно биться сердце.

— Глупая! — Андре забрал цветок у Жанны. — В твоем состоянии надо быть осторожней.

Я поинтересовался, что за состояние у Жанны. Она мало изменилась за два года, что мы не виделись. Андре объяснил, что они ждут мальчика. Он показал синтезированный по формулам портрет их ребенка, каким тот будет в десять лет. Я поразился, до чего малыш походил на Андре, — те же глаза, нос, подбородок. Оказалось, Жанна на четвертом месяце, и вчера, перед отлетом в Каир на концерт, Медицинская машина, обследовавшая Жанну, установила, когда будут роды, а затем рассчитала и отпечатала будущий портрет сынишки.

— Вот генетический гороскоп Олега, мы хотим назвать его Олегом, — сказал Андре. — Чудный парень, не правда ли? Ты полюбуйся, какова степень его познавательных способностей, как высок индекс жизненной активности!

Не прошли мы и двух шагов, как на аллее вспыхнул видеостолб и в нем загорелся силуэт Веры. Она сидела на диване и улыбалась мне. Я видел люстру и цветы справа, остальное терялось во тьме меж цветами и картинами. Слева от Веры кто-то стоял, мне показалось, что это Ромеро, но Вера поняла, куда я смотрю, и освещенное про-

странство сузилось, охватывая лишь ее.

— Брат, — сказала Вера, — ты мог бы по приезде на Землю явиться ко мне.

— У меня были дела по командировке. И я не знал, что на вашей суматошной Земле стало модой ходить в гости.

— Ты мало изменился, Эли, — заметила она.

— Другие находят, что я очень изменился, — отозвался я.

— А теперь ты хочешь лететь на Ору?

— Разве запрещено хотеть, что вздумается?

— Не все желания осуществляются, Эли.

— Я уже изучал это в курсе «Границы возможного» и, кажется, получил за благоразумие высший балл — двенадцать.

— Боюсь, твоего благоразумия дальше экзаменов не хватило.

— Я часто огорчался своему благоразумию на экзаменах.

Она засмеялась. Я люблю ее смех. Никто так не умеет смеяться, как Вера. Она словно освещается при смехе.

— Тебя не переговоришь, брат. Завтра вечером приходи. Обстоятельства стали другими, и, возможно, твое желание осуществится.

Я не успел ни поблагодарить, ни узнать, почему

обстоятельства стали другими, — видеостолб погас. Андре в восторге обнял меня.

— Итак, ты летишь с нами, Эли!

— Вера сказала: возможно.

— Если Вера говорит «возможно», это значит — наверно!

Жанна тоже поздравила меня, но по-своему. Она сказала, что двумя сумасбродами на Земле станет меньше, а она устала от сумасбродств. Потом она прислушалась к себе.

— Охранительница требует, чтоб я легла, Андре. Не понимаю, почему такая спешка, еще нет двенадцати.

Андре схватил нас с Жанной под руки.

— Немедленно в гостиницу! Я могу объяснить, что случилось. Ты сегодня чувствуешь себя хуже, но не знаешь этого, а Охранительница на то и Охранительница, чтобы все знать о нас.

Мы прошли в их номер. Жанна удалилась в спальню, а я вышел на балкон. Внизу лежал спящий Каир, над ним раскинулась звездная полночь.

8

Может, я сентиментален, но у меня все внутри замирает, когда я остаюсь один на один со звезд-

ным небом.

Наших предков-пастухов охватывал страх при виде Вселенной, сверкающей тысячами бессмертных глаз, меня же охватывает восторг. Они и понятия не имели, как неисчислимо велик мир, и все же ощущали себя исчезающе малыми перед лицом звездного величия. Я отлично знаю, сколько десятков и сотен парсеков до каждой из ярких звезд, но не чувствую себя ничтожным перед их грозной отдаленностью и громадой. Это блажь, в ней неудобно признаваться, но мне всегда хочется протянуть руки далеким мирам, так же вспыхивать и менять свой блеск, так же кричать, кричать во Вселенной сияющим криком!..

— Что с тобой? — спросил Андре, выйдя на балкон. — На тебе лица нет.

— Любуюсь небом — ничего больше.

Он сел в кресло и, тихо покачиваясь, тоже засмотрелся на звезды. Вскоре и у него стало странно восторженное лицо, как у всех, кто делается сопричастен величественности мироздания.

Звездная сфера медленно вращала светила вокруг невидимой оси. Небо, бархатно-черное, было почти над головой, протяни руку — дотронешься до звезды! На севере, у горизонта, сверкала

Большая Медведица, в зените горел исполинский Орион, неистово пылал Сириус, а пониже, тоже чуть ли не у горизонта, торжественно вздымался Южный Крест, в Киле полыхал багрово-зеленый костер Канопуса. Воздух был так прозрачен, что я легко различал светила седьмой величины, а от жгучего блеска нулевых и отрицательных глазам становилось больно.

Андре тихо проговорил:

— А там, в безмерных провалах Вселенной, мы будем тосковать по родной Земле. Знаешь, Эли, я иногда думаю о людях, которые улетали в космос до того, как был применен эффект Танева. Рабам жалких досветовых скоростей, им не хватало их маленькой жизни на возвращение, они знали это — и все же стремились вперед.

— Ты хочешь сказать, что они были безумцы?

— Я хочу сказать, что они были герои.

Внизу тихо шумели листья пальм и акаций, всегда недвижные кипарисы вдруг забормотали жесткими ветвями. Я закрыл глаза, улыбаясь. Прямо на меня низвергался оранжевый глаз разъяренного небесного быка — Альдебарана. Двадцать один парсек, шестьдесят пять световых лет разделяли нас. Где-то там, в стороне Альдебарана, летела невидимая искусственная планета

— Ора.

— Четыреста двадцать лет назад в пространстве затерялись Роберт Лист и Эдуард Камагин с товарищами, — задумчиво сказал Андре. — Может, и сейчас их корабль несется шальным небесным телом, а мертвые космонавты сжимают истлевшими пальцами рукояти рулей. Как же страдали эти люди, вспоминая маленькую, зеленую, навеки недостижимую Землю!

— Почему такая печаль, мой друг?

— Я страшусь оставлять Жанну.

— Что за опасения! Неудачных родов давно не бывает.

— Да нет, не то!..

Он помолчал, словно колеблясь.

— Перед женитьбой мы с Жанной запросили Справочную о нашей взаимной пригодности к семейной жизни. И Справочная объявила, что мы подходим друг другу всего на тридцать девять процентов.

— Вот как! Никогда бы не подумал.

— Мы сами не ожидали. Я был как пришибленный. Жанна плакала.

— Помню, помню, перед женитьбой ты ходил мрачный…

— Будешь мрачным! Соединиться, имея про-

гноз, что брак будет неудачен! Потом я сказал Жанне: ладно, пусть тридцать девять, да наши, в старину люди сходились при двух-трех сотых взаимного соответствия, ничего — жили!.

— Все влюбленные глупы. Радуюсь, что не влюблен.

— Это ругань, а не аргумент, Эли. — Андре уныло покачал головой. Я еле удержался от смеха, такое у него было лицо.

Он ушел, а я задержался на балконе.

Когда Орион повернулся над головой, я лег на диван и заказал Охранительнице музыку под настроение. Если бы Андре узнал, что я делаю, то закричал бы, что у меня нет вкуса и я не понимаю великих творений. Он обожает сильные словечки. Что до меня, то я считаю изобретение синтетической музыки для индивидуального восприятия величайшим подвигом человеческого гения. Она лишь для тебя, другой бы ее не понял. И древние Бах с Бетховеном, и более поздние Семенченко с Кроттусом, и штукари-модернисты Шерстюк с Галом творят для коллективного восприятия. Они подчиняют слушателя — хватают меня за шиворот и тащат куда нужно им, а не мне. Иногда наши стремления совпадают, и тогда я испытываю наслаждение, но не часто. Индиви-

дуальная музыка как раз та, какой мне в данный момент хочется. Андре обзывает ее физиологической, но почему я должен бояться физиологии? Пока я живу, во мне совершаются физиологические процессы, от этого никуда не денешься. Вскоре зазвучала тонкая мелодия. Я сам создавал ее, Охранительница лишь воспроизводила то, чего я жаждал. Грустные голоса скрипок звенели, тело мое напевало и нежилось, за сомкнутыми веками, в темноте, вспыхивали световые пятна. Сперва все это совершалось живо и громко, потом слабело, и я засыпал, борясь со сном, чтобы по-прежнему ощущать музыку. «Завтра будет… Что будет?… Завтра… день!» — возникла последняя смутная мысль, и она отозвалась во мне торжественно-радостной, радужно-зеленоватой мелодией.

9

Утром я узнал, что сегодня в средних широтах праздник Большой летней грозы, и поспешил в Столицу. Андре с Жанной улетели на рассвете. Когда я подошел к гостиничному стереофону, на экране показался смеющийся Андре.

— Ты так крепко спал, что нам с Жанной было жалко тебя будить. После Веры приходи к нам.

На улицах Каира чувствовалось, что предстоят важные события, в воздухе проносились аэробусы и авиетки, шумели крылья пегасов, извивались молчаливые драконы. Я вскочил в аэробус, летевший к Северному вокзалу, и полюбовался сверху панорамой гигантского города. На земле Каир многоцветен и разнообразен, с воздуха все забивают две краски — зеленая и белая, но сочетание их приятно для глаз.

Мы обогнали не меньше сотни пегасов и летающих змеев, пока добрались до вокзала. Экспрессы уходили на север поминутно.

Гроза по графику начиналась с двенадцати часов. Над серединой Средиземного моря мы врезались в первый транспорт облаков. Я знал, что с Тихого и Атлантического океанов заблаговременно подняты тысячи кубических километров воды и что их неделями накапливают на водных просторах, пока не придет время двинуть на материк. Но что и заповедное Средиземное море стало ареной тучесборов, было неожиданно. На Земле произошло много нового за два года, что я отсутствовал. Я пожалел, что узнал о празднике поздно: хорошо бы слетать на Тихий океан — посмотреть, как гигантские облачные массы, спресованные в десятикилометровый слой,

внезапно приходят в движение и, опускаясь с высоты, куда их загнали, бурно устремляются по предписанным трассам в предписанные места.

Ветер был около тридцати метров в секунду, Средиземное море бурлило, с каждым километром за окном становилось темней. Через некоторое время экспресс повернул на восток и вырвался на ясное солнце. Минут двадцать мы летели вдоль кромки туч. Я поразился, с каким искусством формируют транспорты облаков — километровая толща тумана неслась таким четким фронтом, как если бы ее подравнивали под линейку. Переход из темноты в ясность был внезапен.

В Столицу мы прибыли в одиннадцать и высадились на пересечении Зеленого проспекта и Красной улицы. Чтоб не выходить на многолюдный в праздники проспект, я свернул на Красную.

Однако на Красной было много людей. Полеты на пегасах и драконах в Столице запрещены, зато сегодня жители высыпали в воздух на авиетках. Как всегда, усердствовала детвора, этому народу нужен лишь повод для шума, а разве есть лучший повод побеситься, чем Большая летняя гроза? Они отчаянно кувыркались над домами и дере-

вьями. Я знал, что Охранительницы следят за ними, но становилось не по себе, когда малыши принимались соревноваться в падении с сороковых этажей. Один из десятилетних храбрецов с воплем обрушился на меня. Охранительница, разумеется, вывернула его авиетку, мальчишка пронесся мимо и повис, покачиваясь метрах в десяти.

— Вот догоню тебя! — рявкнул я, стараясь сдержать улыбку.

— Не догоните. Я от всякого убегу.

И он тут же удрал наверх — выглядывать с орлиной высоты новую жертву.

На пересечении Красной улицы и Звездного проспекта стояли свободные авиетки. Я сел в одну и мысленно распорядился: «В Музейный город». Авиетка через три минуты опустилась на площади Пантеона, около памятника Корове. Приезжая в Столицу, я всегда захожу в Пантеон. Ныне сюда уже никого не вносят. Но могучие умы и характеры прошлых веков, своей деятельностью подготовившие наше общество, заслужили вечный почет — он был им оказан прадедами, построившими Пантеон. Мне нравится надпись на фронтоне дворца: «Тем, кто в свое несовершенное время был равновелик нам». Андре иногда сме-

ется, что надпись хвастлива: задираем нос перед предками. А я в ней вижу равнение на лучших людей прошлого, желание стать достойными их.

Я прошел аллею памятников вымышленным людям, оказавшим влияние на духовное развитие человечества, — Прометею, Одиссею, Дон-Кихоту, Робинзону, Гамлету, мальчишке Геку Финну и другим — сотни поднятых голов, скорбных и смеющихся лиц. В стороне от них, у стены, приткнулась статуя Андрея Танева, и я постоял около нее.

Собственно, Танев жил, а не был придуман, о его жизни многое известно, хотя тюремные его тетради были найдены лишь через двести лет после его смерти. Но правда так переплелась с выдумкой, что достоверно одно: в начале двадцатого века по старому летосчислению жил человек, открывший превращение вещества в пространство и пространства в вещество, названное впоследствии «эффектом Танева», этот человек долго сидел в тюрьме и вел свои научные работы в камере.

Скульптор изобразил Танева в тюремном бушлате, с руками, заложенными за спину, с головой, поднятой вверх, — узник вглядывается в ночное небо, он размышляет о звездах, создавая теорию

их образования из «ничего» и превращение в «ничто». То, что мы знаем о Таневе, рисует его, впрочем, вовсе не отрешенным от Земли мыслителем — он был человек вспыльчивый, страстно увлеченный жизнью, просто жизнью, хороша она или плоха. До нас дошли его тюремные стихи — нормальный человек на его месте, вероятно, изнывал бы от скорби, он же буйно ликует, что потрудился на морозе и в пургу и, с жадностью проглотив свою еду, лихо выспится. Вряд ли человек, радовавшийся любому пустяку, очень тосковал о звездах. Тем не менее Таневу первому удалось вывести формулы превращения пространства в массу, и он первый провозгласил, что придет время, когда человек будет как бог творить миры из пустоты и двигаться со сверхсветовой скоростью, — все это содержится в его тюремных тетрадях.

В это время снаружи зазвонили колокола, запели трубы.

— Тучи! Тучи! — кричали на площади.

Я побежал к выходу, вызывая через Охранительницу авиетку.

10

Вера ходила по комнате, а я сидел. Она казалась такой же, как прежде, и вместе с тем иной. Я не мог определить, что в ней изменилось, но чувствовал перемену. Она похвалила мой вид.

— Ты становишься мужчиной, Эли. До отъезда ты был мальчишкой, и отнюдь не примерным.

Я молчал. Так у нас повелось издавна. Она выговаривала мне за проказы, я хмуро отворачивался. Нетерпеливая и вспыльчивая, она болезненно переживала мои шалости, а я сердился на нее за это. Отворачиваться сегодня не было причин, но и непринужденного разговора не получалось. О делах на Плутоне она знала не хуже меня.

Она иногда останавливалась, закидывая руки за голову. Это ее любимая поза. Вера способна вот так — со скрещенными на затылке руками, высоко поднятым лицом — ходить и стоять часами. Я как-то попробовал минут тридцать выстоять так же, но не сумел.

Сегодня она была в зеленом платье с кружевами на плечах, кружева прихватывала брошка — зеленоватая змея из дымчатого камня с Нептуна. Вера любит брошки, иногда надевает браслеты — пристрастие к украшениям, кажется,

единственная ее слабость. Я наконец разобрал, что в ней изменилось. Изменилась не она, а мое восприятие ее. Я видел в ней то, чего раньше не замечал. Я вдруг понял, что Вера необыкновенно красива.

О ее красоте я знал и раньше, все твердили, что она красавица. «Ваша сестра — греческая богиня!» — говорил Ромеро. Но для меня она была старшей сестрой, заменившей рано умершую мать и погибшего на Меркурии отца, строгой и властной сестрой, — я не приглядывался к ее внешности. Теперь же я не только знал, но и видел, что Ромеро прав.

Она спросила с удивлением:

— Что ты приглядываешься ко мне, Эли?

Я признался, усмехнувшись:

— Обнаружил, что ты хороша, Вера.

— Ты ни в кого не влюбился, брат?

— Жанна приставала с тем же вопросом. По какому признаку вы определяете, что я влюблен?

— Только по одному — ты стал различать окружающее. Раньше ты был погружен в себя, жил лишь своими страстями.

— Страстишками, Вера. Дальше проказ не шло, согласись. Побегать одному в пустыне или Гималаях, забраться тайком в межпланетную ракету

— помнишь?

Она не отозвалась. Она остановилась у окна и глядела на город. Я тоже промолчал. Мне незачем было торопить ее. И без понукания она объяснит, зачем позвала к себе.

— Ты закончил командировочные дела на Земле? — спросила она.

— Закончил, и вполне успешно. Мы получили все, что запрашивали.

— Павел сообщил, что возобновляешь ходатайство о поездке на Ору. Почему ты стремишься на звездную конференцию? Я не уверена, что ты правильно понимаешь, какие мы ставим себе задачи на Оре. До сих пор ты был равнодушен к тому, что волнует других.

Я засмеялся. Характер у Веры не изменился за те два года, что мы не виделись, хоть внешне она показалась иной. Каждый наш разговор превращался в экзамен того, что я знаю и умею. Я твердо решил на этом новом экзамене не провалиться.

— Нет так уж равнодушен, Вера. И я аккуратно слушаю передачи с Земли. А о конференции на Оре всем прожужжали уши.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос, Эли.

— Я не дошел до ответа. Вот он, дорогая сестра. Вы собираете на Оре жителей соседних звезд-

ных миров, чтобы познакомиться с их нуждами и возможностями, завязать с ними дружеские связи, наладить обмен товарами и знаниями, организовать межзвездные рейсы. Задуман проект Звездного Союза, объединяющего всех разумных существ нашего района Галактики… Верно я излагаю?

— Верно, конечно, и вместе с тем уже неверно.

— Не понимаю, сестра…

— Видишь ли, общепризнанные задачи Оры ты рассказал точно. Но открыто так много неожиданного…

Я вспомнил, что Аллан говорил о существах, похожих на нас.

— Ты колеблешься, говорить или нет?

— Просто обдумываю, с какого конца начать. Мы, разумеется, понимали, что нами обследован лишь незначительный участок Галактики, несколько тысяч соседних звезд, и делать окончательные выводы преждевременно, если вообще это когда-либо возможно — делать окончательные выводы… Но, открывая одно звездное общество за другим и обнаруживая, что все они ниже нас по техническому и социальному уровню, мы как-то утвердились в чувстве своей исключительности. Жители Альдебарана и Капеллы,

Альтаира и Фомальгаута, даже вегажители, не говоря уж о бесчисленных ангелах в Гиадах, — все они уступают человеку. Наши звездные соседи примитивней нас — таков факт. И что собираем конференцию на Оре мы, а не кто-либо из них, и свидетельствует об особой роли человека среди звездожителей.

— А новые данные опрокидывают ваш вариант антропоцентризма? Человек отнюдь не пуп мироздания, правильно я понимаю, Вера?

— Ты всегда торопишься, брат. Мартын Спыхальский, наш руководитель на Оре, доставил записи сновидений ангелоподобных одной из крайних звезд в Гиадах — Пламенной В. Два слова об этой звезде. Она немного горячее Солнца, класса Ф-8, у нее девять планет, тоже мало отличающихся от Земли, и все населены четырех- и двукрылыми ангелами. Уровень общественной жизни низок — примитивная материальная культура, вражда племен, отсутствие письменности и машин. Но запись излучения их мозга при сновидениях раскрыла факты, каких мы пока не встречали. В снах ангелоподобные с Пламенной В видят существ, похожих на людей, и видят их воистину в трагических ситуациях. Интересно, что бодрствующие ангелы объясняют свои сны как

изображения бытующих у них сказок о каких-то высших по разуму и мощи существах.

— А может, это и вправду сказки? Вроде человеческих сказок о богатырях и волшебниках?

— Сказки у них тоже записаны — они беднее снов. Судя по всему, похожие на людей существа прилетали в Гиады издалека. Кстати, БАМ перевела их название громким словом «галакты», а не «звездожители», как обычно. Это еще не все. Тому, что где-то во Вселенной есть схожие с нами существа, можно лишь радоваться — постараемся познакомиться с ними и завязать дружбу. Но новые открытия вызывают нелегкие размышления. Дело в том, что у галактов существуют могущественные враги, с которыми они находятся в состоянии космической войны, такой невообразимо огромной, что она подходит к границе нашего понимания. Объектами разрушения в этой войне являются уже не существа и механизмы, как в древних человеческих сражениях, а планетные системы. Ангелы именуют грозных существ, враждующих с галактами, зловредами.

— Зловреды! Какое нелепое название! В нем есть что-то инфантильное. Для научного термина оно, по-моему, не подходит.

— Думаю, БАМ не случайно выбрала это слово

из тысяч других. Очевидно, оно дает самое точное определение их поведения. Другой вариант — разрушители. Интересно, что на вопрос, каковы они внешне, БАМ ответила: «Неясно». И еще неопределенней: «Разные».

— Крепкий же это орешек, если сверхмогущественная БАМ не сумела его разгрызть!

— Очевидно, недостает данных. С названием «разрушители» ассоциируются зашифрованные понятия: «уничтожать живое», «сжимать миры». Завтра ты увидишь на стереоэкране, как это выглядит. Похоже, разрушители владеют обратной реакцией Танева, то есть создают вещество, уничтожая пространство, без этого миры не «сжать». А галакты противодействуют им. В результате в межзвездных просторах кипит война.

— Это так грандиозно, словно ты описываешь битву богов.

— Я излагаю расшифрованные записи, не больше. И что значит «битва богов»? Нынешнее могущество человека много больше того, что люди когда-то приписывали богам, тем не менее мы люди, а не боги. Луч света далеко отстает от наших космических кораблей — разве это не показалось бы жителю двадцатого века сверхъестественным? В сегодняшнюю грозу ты мчался

наперегонки с молниями. Вряд ли подобную забаву сочли бы естественной сто лет назад.

— Ты и об этом, оказывается, знаешь?

— Я следила за тобой. Раз ты в Столице, следует ожидать рискованных чудачеств. Почему-то ты считаешь этот город лучшим местечком для озорства. На Плутоне ты вел себя сдержанней.

— На Плутоне у меня не хватало времени для забавы. И потом, там отсутствуют Охранительницы. Скажи теперь, Вера, какие выводы вы делаете из информации о галактах и разрушителях?

Вера, задумавшись, ответила не сразу:

— Завтра собирается Большой Совет, будем решать. Но и сейчас уже ясно, что возникли десятки вопросов и каждый требует своего ответа. Существуют ли еще разрушители и галакты или информация о них — пережиток миллионы лет назад отгремевших катаклизмов? Кто из них победил в космической схватке? Может, обе стороны погибли в своих чудовищных сражениях? Какое отношение имеют к людям так удивительно похожие на нас галакты? И если и те и другие еще существуют, то где они обитают? Мы выходим, впервые в нашей истории, на галактические трассы — безопасны ли они для нас? Мы вознамерились создать Межзвездный Союз Разумных

Существ — не рано ли? Может, следует полностью замкнуться в мирке солнечных планет? Есть и такое мнение, Эли! У нас огромные ресурсы — не направить ли их на строительство оборонительных сооружений? Может быть, возвести вокруг Солнечной системы кольцо искусственных планет-крепостей? И об этом надо поговорить. Словом, множество непредвиденных проблем! И решением некоторых придется заняться тебе, Эли, — с нашей помощью, конечно.

— Значит ли это, что я поеду на Ору, или у меня будет другое задание? — спросил я, волнуясь.

— Как тебе известно, руководить совещанием на Оре поручается мне. Я хочу взять тебя секретарем.

— Секретарем? Что это такое?

— Была в древности такая профессия. В общем, это помощник. Думаю, ты справишься.

— Я тоже так думаю. Тебе придется запросить Большую, подхожу ли я в секретари?

— БАМ уже сделала выбор. Я попросила в секретари человека мужественного, упорного, быстрого до взбалмошности, решительного до сумасбродства, умеющего рисковать, если надо, своей жизнью, любящего приключения, вообще неизвестное, — никто теперь не знает, с чем мы

столкнемся в других мирах. И Большая сама назвала тебя. Должна с прискорбием сказать, что ты один на Земле обладаешь полным комплексом сумасбродства.

— Ну что же, Вера, — сказал я, успокоившись. — Возможно, на Земле я кажусь сумасбродом. Но эти дурные свойства моего характера могут пригодиться в других мирах.

— Еще одно, брат. Тебе разрешено быть завтра в Управлении Государственных машин. Нам покажут, что удалось расшифровать. Ровно в десять, не опаздывай! — Она встала. — Твоя комната в том же виде, в каком ты ее оставил, улетая на Плутон, — прибрана, конечно.

— Я не хочу спать. Я посижу в саду.

11

На другое утро ничто не показывало, что вчера был праздник.

Если бы в Столице появился никогда в ней не живший человек, он не поверил бы, что ее населяют пятнадцать миллионов, до того малолюдны и тихи ее улицы.

У входа в Управление Государственных машин я повстречался с Ромеро и Андре.

— Ты не пришел к нам, — сказал Андре. — А

Жанна тебя ждала.

— Был важный разговор с Верой.

Оба поздравили меня с назначением на Ору.

— Кто из вас уже бывал здесь? — спросил Андре. — Я — впервые.

Ромеро показал нам здание. Все три великие машины — и Большая Государственная, и Большая Академическая, и Справочная — смонтированы в многоэтажных подвалах, мы туда не пошли. Там неинтересно: миллионы рабочих и резервных ячеек на стеллажах, миллиарды действующих элементов, дикая, на неопытный глаз, путаница коммуникаций — таков облик этих машин.

Зато залы заседаний мы осмотрели. Здесь все величественно. Большой Совет заседает в Голубом зале, потолок там имитирует звездное небо. Нас пригласили в Оранжевый зал. Он вмещает около пяти тысяч человек, и к десяти часам утра все места были заняты. Нашей семерке отвели ложу. Впереди размещался пустой куб стереоэкрана. Все, что появляется на стереоэкране, передается по стереофонам Земли. Сегодняшнюю передачу должны были смотреть также и Солнечные планеты, такое ей придавалось значение.

Когда побежали последние секунды десятого часа, в туманном кубе стереоэкрана появился

большеголовый человек с глазами навыкате, румяными щеками и седыми усами.

— Мартын Спыхальский, — прошептал Андре.

Я с интересом рассматривал знаменитого астронавта. Его корабли дальше всех проникли в звездные просторы: он побывал в местах, куда ни до, ни после него никто не проник. Для своих лет он выглядел молодцом, даже голос его был звучен по-молодому.

Он рассказал об экспедиции на Пламенную В, и мы увидели все девять планет звезды. Звезда и планеты были заурядные небесные тела, каких множество. Но крылатые обитатели планет вызвали в зале шепот и смех. Они и вправду напоминали представления древних об ангелах, почему их так и назвали открывшие их Чарльз Вингдок и Софья Когут.

Все ангелы вспыльчивы и драчливы, без потасовок у них редко обходится. Нам показали одну такую стычку — пух с крыльев заволок все как туманом, а клекот был так громок, что звенело в ушах. И уж совсем убогими нам показались жилища на планетах этой дальней звезды в Гиадах — одноэтажные бараки с такими узкими дверьми, что бедные ангелы не влетают, а вползают в них, сминая крылья. На центральных светилах

Гиад живут удобней, там для отдыха и сна воздвигнуты общественные дворцы с широкими входными — вернее, влетными — порталами. А затем одна за другой стали вспыхивать расшифрованные картины снов ангелов Пламенной В.

Сперва мы увидели фигуру, издали поразительно похожую на человеческую. Фигура выплывала из клубящегося тумана предсна, она разгоралась по мере того, как сновидение становилось глубже. Вскоре стало ясно, что это и человек, и нечеловек, нечто и меньшее, и большее человека. На нас спокойно взирали огромные — в треть лица — глаза, длинные локоны падали на плечи. Галакт поднял руку, на ней извивались пять пальцев, именно извивались, а не шевелились. Он поскреб подбородок одним из этих подвижных пальцев и положил руку на грудь — два пальца были протянуты вперед, три загнулись назад, к тыльной части ладони. Руки поразили меня еще больше, чем лицо.

На второй картине были малиново-красные скалы, такая же ярко-красная жидкость, бившаяся волнами о камни, и огромное сине-желтое светило, поднимавшееся над малиновой жидкостью. У меня похолодела кожа, так был зловещ этот дикий пейзаж, я не сразу понял, что нам

попросту показывают одну из планет Пламенной В.

На скалу поднялся галакт, окруженный крылатыми обитателями планеты, он почти вдвое возвышался над ними. Рост галакта, доложила машина, два метра восемьдесят. В зале зашумели — галакт на полметра превосходил рослого человека. Присмотревшись, я убедился, что это тот самый, что был в первой картине. Он осматривался, приложив руку к глазам для защиты от ползущего наверх пронзительного светила, а другой рукой дружески похлопывал по плечам четырех- и двукрылых недорослей. Из-за скалы поднялся второй галакт, старик с седой бородой и седыми волосами, и подошел к первому. И старик, и молодой были в одеждах, похожих на древние человеческие, — ярко-зеленые, свободно развевающиеся плащи. Оба с какой-то тревогой молча всматривались в красное море.

— Записано на четвертой планете Пламенной В, — доложила БАМ. — Следующая запись совершена на восьмой планете той же системы.

И эта картина началась с пейзажа, но теперь окружающее было серо, почти черно: однообразно-холмистая равнина, тусклые звезды на темном небе. На поверхность планеты опускался

сигарообразный корабль, отбрасывая снопы зеленоватого света.

— Фотонный космический корабль, — сообщила БАМ, — примерно та же конструкция, что разработали наши предки четыре столетия назад.

— Первая ступень космической техники! — пробормотал Аллан. — Негусто у небесных странников.

В следующей картине фотонный звездолет лежал на грунте, а около него возились галакты и ангелы. В руках у галактов были ящики, похожие на старинные сварочные аппараты, из ящиков вырывались лучи и искры. Неподалеку, на холме, возвышалась башня с вращающимся прожектором. Прожектор обрыскивал небо. Из носовой части звездолета вынеслась ракетка и умчалась в темное небо. Галакты, похоже, были в тревоге. Не доверяя вращающемуся глазу на башне, они сами, вдруг забрасывая работу, вглядывались в звезды, тускло посверкивавшие на черном фоне. Движения галактов были быстры, работа тороплива — они спешили. А когда и эта картина потускнела, появились новые записи: туманные полосы, светящаяся пыль, заполнившая весь объем телеэкрана. В этой пыли выросли два

сближавшихся, скудно мерцавших шара. Сближение походило на преследование: правый шар отклонялся к краю экрана, левый его настигал. Пространство залил голубой свет и забушевал, поглощая оба шара. У меня было впечатление, будто оба шара взорвались от столкновения и их пожирает пламя. БАМ подтвердила, что в видении изображено столкновение двух пока еще не разгаданных небесных тел.

— Предположительно — космическая катастрофа, — сообщила БАМ.

Следующая картина представляла собой изображение звездного скопления, по виду — рассеянного, а не шарового. БАМ информировала, что скопление не идентифицировано, но в видениях крылатых обитателей девятой планеты повторяется часто. Облик скопления был причудлив, мне почудилось в нем что-то угрожающее. Оно распадалось на две почти равные половинки — многие тысячи звезд в каждой из половинок. Странность была не в обилии светил — в галактике многозвездных скоплений хоть отбавляй. Одна половинка походила на сомкнутый звездный кулак, мощно ударивший во вторую кучку — та как бы отлетела, рассыпаясь на сотни разобщенных звезд.

— Последняя из записей, — доложила машина. — Четвертая, седьмая и девятая планеты. Повторяется у многих крылатых. Демонстрируется самый четкий образец.

И сразу перед нами возник галакт. Из всех картин, что мы увидели в зале БАМ, это была самой драматичной. Галакт, как подрубленный, падал на землю, он именно падал, а не упал, сонное воспоминание начиналось с момента его падения. А потом, уже лежа, он отчаянно бил ногами и взрывал своими подвижными пальцами землю. Он пытался ползти, голова его была поднята — он полз на нас. На шее его зияла рана, кровь широким потоком хлестала на руки и землю. Никогда не забуду его лица — юного, красивого, искаженного испугом и страданием. Потом он в последнем усилии протянул к нам руки, язык его окостеневал, щеки бледнели, одни гигантские, нестерпимо сияющие глаза продолжали молить о помощи. Неотвратимо оковываемый смертью, юноша закрыл глаза и только слабо вздрагивал телом, пытаясь бессильным содроганием порвать ее цепи.

По залу пронесся гул — тысячи зрителей разом вздохнули.

— Черт знает что! — вслух ругался бледный

Андре.

Снова заговорила БАМ.

Академическая машина оправдывала свое название — она описывала и показывала аппаратуру для записи сновидений, оценивала достоверность расшифрованных картин. Крылатые жители Пламенной В, оказывается, не могли растолковать многого из того, что являлось им во снах, — например, ни один из них и понятия не имел о фотонных ракетах и сварочных аппаратах. БАМ рассказала, как полученные некогда сильные впечатления передаются потомкам механизмом наследственности, потом приступила к изложению сказок о галактах и разрушителях, бытующих на планетах Пламенной В. Предания о пришельцах из космоса обнаружены лишь у ангелов этой планетной системы. Вкратце они сводятся к следующему.

В давние времена планеты были мрачны и неустроенны, по земле ползали хищные гады, в воздухе, таясь от соседей, изредка пролетали дикие ангелы. Кровавые свары раздирали крылатые народы, все было предметом драк — почва и воздух, растения и одежда, еда и жилища. Скудная природа рожала мало, кусок по сто раз переходил из крыльев в крылья, из когтей в когти, прежде

чем попадал в рот, — так жили неисчислимую бездну лет, ничто не менялось.

Но однажды с неба спустились корабли и из них вышли галакты. Перепуганные ангелы сперва попрятались в пещерах и лесах, потом, убедившись, что пришельцы зла не несут, высыпали в воздух и с клекотом носились над ними, устраивая тут же драки меж собою. Галакты буянов заперли, а войны запретили. Мир и спокойствие понемногу водворились на спутниках Пламенной В. Галакты, однако, чувствовали себя гостями, а не жителями на ее планетах. Они неустанно наблюдали за небом. И однажды ангелы стали свидетелями космической битвы, разразившейся между ними и какими-то их врагами. Небо превратилось в бездну испепеляющего пламени. Две крайние планеты столкнулись и взорвались. На оставшихся были истреблены посевы, сады, города. От созданной галактами цивилизации не осталось и следа.

Когда уцелевшие от огня и голода ангелы выбрались на поверхность из пещер, куда забились, им предстала ужасная картина разрушений. Крылатые народы сразу были отброшены в первобытное дикое существование. Ни галактов, ни их врагов нигде не было — и больше ни те, ни

другие не появлялись в системе Пламенной В.

БАМ так прокомментировала легенды крылатых:

— За орбитой девятой планеты Пламенной В открыты пылевые облака, вращающиеся вокруг центрального светила. Гипотеза, что они представляют собой остатки некогда уничтоженных двух планет, весьма вероятна. На всех планетах системы обнаружены следы пожаров, прикрытые последующими напластованиями. По времени это от двухсот тысяч до миллиона лет тому назад по земному счету.

На этом информация, присланная Спыхальским, была закончена. Членов Большого Совета попросили в Голубой зал. Мы вышли.

12

Вера ушла на заседание Большого Совета. Ромеро пригласил нас в висячие сады Семирамиды. Авиетки унесли нас в кварталы Месопотамии и Египта и высадили на верхней террасе Вавилонской башни, у храма Мардука с золотой статуей уродливого бога. Мы сошли на среднюю террасу. Здесь уютно и зелено, отсюда хорошо видны ближние окрестности Музейного города — пирамиды слева и античные храмы справа.

Мы уселись у барьера, над нами шумели кипарисы и эвкалипты, странные для пейзажа Столицы. На острове странное — обычно.

— Что вы думаете обо всем этом, друзья? — спросил Андре.

— По-моему, тебя интересует не столько то, что думаем мы, сколько то, что пришло в голову тебе самому, — возразил я. — Поэтому не трать время на расспросы. Мы слушаем тебя.

— Я утверждаю, что наше сходство с галактами не случайно, — объявил Андре. — Мы с ними состоим в родстве, и они раньше достигли высокой цивилизации.

— Машинная техника галактов отстает от нашей, — заметила Ольга.

— Отставала двести тысяч или даже миллион лет назад. Какая она сейчас, мы не знаем. И тогда она была столь высока, что недалеким ангелам галакты должны представляться богами.

— Гонимые по свету боги, к тому же смертные, — съязвил я.

— Да, гонимые боги! — закричал он. — Во всяком случае, таковы они в суеверных представлениях первобытных народов. Для меня галакты — существа, как мы. Их надо разыскать и предложить им союз. Сама природа создала нас для

сотрудничества. И если они по-прежнему изнемогают в борьбе с врагами, мы обязаны прийти им на помощь.

— Человек помогает попавшим в беду богам — зрелище для богов! — хладнокровно сформулировал я.

В спор вступил Ромеро.

— Вы спорите о пустяках, — сказал он. — В родстве ли мы с галактами или развились независимо от них — несущественно. Одно важно: где-то во Вселенной бушуют истребительные войны и они затронут нас, раз мы входим в галактические просторы. Я считаю, что человечеству грозит опасность. Если враги галактов уже миллион лет назад были способны сталкивать между собой планеты, то как усовершенствовалась с тех пор их техника уничтожения? Их называют разрушителями, «зловреды» лишь бранное слово, — название не случайное, подумайте об этом! И вполне возможно, что галакты давно истреблены, а поиски наших звездных родичей приведут лишь к тому, что человечество лицом к лицу столкнется с грозными разрушителями и в свою очередь будет истреблено. Поймите же наконец, слепые люди, что мы знаем о Галактике? Мы только выползли за околицу нашего земного

домика, а вокруг нас огромный, неизвестный, таящий неожиданности мир!

Не могу сказать, что его зловещая речь не произвела на нас впечатления. Имел значение также и страстный тон пророчеств. Впрочем, все пророки страстны, особенно пророки гибели, — уравновешенных пророков никто не стал бы слушать.

В этом смысле я и возразил Ромеро: посоветовал не пугать нас и самому успокоиться. В тот день я даже отдаленно не догадывался, какой перелом совершается в Ромеро. Он заговорил спокойней:

— С вами спорить не буду, Эли. Для вас, друг мой, любая серьезная мысль раньше всего лишь повод для зубоскальства. И с Андре не хочу препираться, он во всем неизвестном отыскивает материал для удивительных гипотез. Думаю, мне надо обратиться не к вам, а ко всему человечеству, и предостеречь его.

— Мы тоже часть человечества, — пробормотал, нахмурясь, Леонид. — И какое-то значение наше мнение имеет.

Ему, как и мне, не понравились предсказания Ромеро. Но вступать в дискуссию Леонид не стал. Среди вещей он ориентируется лучше, чем среди мыслей.

Чтобы отвлечься, Ольга стала рассказывать о придуманных ею усовершенствованиях звездолетов, а я залюбовался Парфеноном. Знаменитый храм был отсюда метрах в двухстах и казался еще гармоничней, чем вблизи. Не знаю почему, но греческая старина мне ближе всего. И я снова подивился искусству, с которым строители Музейного города разместили великие памятники старины: каждый храм и дворец выступает отдельно, в своем естественном окружении, даже сверху нет впечатления путаницы разноликих зданий.

А потом прилетела Вера.

— Мы приняли важные решения, — сказала она. — По общему мнению, мы стоим в переломном пункте развития человечества и любой неосторожный шаг может оказаться непоправимым. Но и бездействовать нельзя. Осторожность и смелость — вот что сегодня требуется.

И она заговорила о постановлениях Совета.

Звездная конференция на Оре утверждена. Возможности создания Межзвездного Союза Разумных Существ нашего уголка Галактики будут исследованы со всей полнотой. Поставлена также новая задача — раздобыть побольше сведений о галактах и разрушителях. Лишь после

детального знакомства с этими народами и их конфликтами будет выработана всесторонняя галактическая политика — с кем дружить, против кого выступать? Возможен и нейтралитет Земли в спорах, не ею начатых и ее мало касающихся, об этом тоже говорилось. Будет повышена обороноспособность Земли и планет. Опасность из дальних районов Галактики не доказана, но и не доказано, что опасности не существует. Совет рекомендует приступить к созданию Большого Галактического флота.

— Принята ваша идея о судах, в десятки раз превосходящих самые мощные нынешние корабли, — сказала Вера Ольге. — Но этих судов будет не два опытных экземпляра, как вы предлагали, а серии в сотни кораблей. И еще одно, для вас приятное: командование первой галактической эскадрой поручается вам. И ты радуйся, брат, — сказала она мне. — Построить галактические крейсеры на Земле технически невозможно. Решено одну из планет превратить в космическое адмиралтейство, выбор пал на твой любимый Плутон. Вот главное в рекомендациях Совета. Если человечество утвердит их, они станут законом.

После этого Вера извинилась, что не может

остаться с нами: у нее неотложные дела.

— Могу я сопровождать тебя, Вера? — спросил Ромеро.

— Да, конечно, как всегда, Павел.

Свободное время на Земле Вера проводит с Ромеро. Раньше, когда я был поменьше, меня это раздражало. Но с годами я примирился с тем, что Ромеро забрасывает друзей ради нее.

13

Мы с Верой и Ромеро улетели с Земли 15 августа 563 года в последней партии.

Перед посадкой в межпланетный экспресс мы совершили прогулку над Землей. Земля была прекрасна. Я любовался ею и Солнцем. Я знал, что мы прощаемся с ними надолго. На трапе Вера помахала Земле рукой, я ограничился тем, что подмигнул нашей старушке. В салоне планетолета я скоро позабыл о Земле. Мысленно я уже ходил по Плутону.

Нет ничего скучнее рейсовых межпланетных кораблей — старинных ракет-рыдванов с фотонной тягой. Даже облик их — длинная уродливая сигара — тот же, что и три столетия назад. И плетутся они с доисторическими скоростями — до Луны добираются за пять минут, до Марса

за сутки, а на полет к Плутону тратят неделю. Ни один из этих «экспрессов» не способен идти быстрее сорока тысяч километров в секунду. И гравитаторы не на всех хорошо работают, временами чувствуется увеличение тяжести. Лишь с невесомостью они справляются отлично, но смешно было бы пасовать перед такой детской задачей, как ликвидация невесомости.

Я просил Веру заказать межпланетный курьер с аннигиляторами Танева, тот достигает Плутона за восемь часов. Но она ответила, что торопиться ни к чему, и все согласились с ней. Меня с детства раздражает непогрешимость Веры. Главное в ее словах не их содержание, а то, что они — ее. Те же мысли, но изложенные мной, не производят действия на слушателей.

— В прежнее время секретари не кричали на своих руководителей, Эли, — возразила она, когда я сказал, что думаю о ее решении.

— Ты еще скажешь, что руководители кричали на своих секретарей. И так как это будет твоя мысль, то даже Ромеро признает ее достоверной.

Ромеро и вправду признал эту мысль достоверной. Начальники в старину не церемонились с подчиненными, сказал он. А один русский царь при беседах с министрами нередко прибегал к

дубинке. Особенно доставалось его любимцам, в те времена лупцовка считалась одной из форм поощрения. Тогда были в ходу выражения: «Бросить на руководящую работу», «Влупить(или влепить, точно неизвестно) строгача», «Посвятить ударом меча в рыцари» — все это были синонимы продвижения вперед на жизненном пути.

Я,однако, не думаю, чтоб рыцарей, выдвигая их на руководящие посты, реально бросали на что-то, рубили мечами и лупили строгачом. Наши предки обожали языковые фиоритуры. По-моему, в описанных Ромеро явлениях бросания на работу, влупления строгачей и посвящения мечом таятся типичные для той эпохи религиозные обычаи и магические приемы.

— Возьмите такой распространенный тогда термин, как «в магазине выбросили товары»! — воскликнул я, воодушевляясь. — Нормальному человеку это представляется бессмыслицей: вещи изготавливались, чтобы их тут же выбрасывали. Но общественная жизнь тех времен полна противоречий. Нам сейчас известно, что тщательно собранным урожаем кофе и кукурузы иногда топили паровозы или сбрасывали эти продукты в море, а ботинки, сошедшие с конвейера, отправляли на другой конвейер, где их разрезали

на части. Неужели вы не согласны, что все это делалось из ритуальных соображений? Вообще, доложу вам, предки логикой не блистали. На Плутоне мы как-то просматривали старинную ленту. Оказывается, люди в прошлом все поголовно страдали носотечением. Они собирали бесполезные выделения носа в специальные тряпочки и хранили их там, как сокровище, а тряпочки, надушенные и украшенные кружевами, рассовывали по карманам, чтоб кончик торчал наружу… Не скрывали болезнь, а хвастались ею!

Ромеро смотрел на меня с удивлением. Мне показалось, что на время он потерял голос от новизны моих мыслей.

— Ваши исторические познания внушают мне трепет, — сказал он очень вежливо. — И поскольку вы с такой остротой проникаете в былое, вас, мне кажется, нисколько не должно удивлять, что начальники некогда кричали на своих подчиненных, хотя здравому человеческому смыслу представлялось бы гораздо более естественным, если бы подчиненные орали на начальников, ибо начальники должны стесняться показывать свое превосходство, а чего, в самом деле, стесняться подчиненным?

Известная логика в этом, конечно, была.

14

За Ураном экспрессы разгоняются, и даже наша колымага показала одну десятую световой скорости. Плутон сверкал в иллюминаторах, вырастал из горошины в яблоко, из яблока в футбольный мяч, вокруг него чиркали крохотные искусственные солнца, на полюсах вздымались туманные протуберанцы — заводы водяного пара и синтетической атмосферы теперь ежечасно выдавали по десять миллионов тонн воды и по два миллиарда тонн азотно-кислородной смеси. Эти цифры я привел Вере и Ромеро на память.

— Воды пока не хватает, а атмосфера уже сравнима с земной, дышится, как у нас в горах, — сказал я.

— Мне кажется, на Плутоне самое интересное — заводы воздуха, — сказала Вера. — От их работы сейчас зависит, удастся ли нам быстро осуществить проект переоборудования Плутона в галактический завод.

На подлете к Плутону Веру заинтересовало скопление гигантских глыб, кружившихся над планетой. Их было девять, одна глыба выделялась — гора посреди холмов.

Я сказал очень торжественно, как и подобало в

такой момент:

— База Звездных Плугов. А тот огромный — «Пожиратель пространства», флагман Галактического флота. Здесь мы наконец распрощаемся с фотонными ракетами. И здесь мы снова встретимся с друзьями, которые нас поджидают, — Алланом, Ольгой, Андре, Лусином…

15

Пока я понятия не имел, в чем функция секретаря, но лоботрясничать не приходилось и без загадочных секретарских дел.

Я основательно изучил недра Звездных Плугов: побывал и на складах, хранящих миллионы тонн запасов, и в цехах, вырабатывающих любую продукцию из любого сырья, и на улицах жилого города, и в сердце корабля — отделении аннигиляторов Танева, самом необыкновенном заводе в мире — заводе, производящем вещество из пустого пространства и пустое пространство из вещества. Когда этот завод запущен, кругом на многие светогоды, на триллионы километров сминается или разлетается межзвездный космос. Я приведу лишь одну потрясающую цифру, она волнует меня: мощность аннигиляторов Танева в самом крохотном из Звездных Плугов достигает

двух миллионов альбертов, а в «Пожирателе пространства» превышает пять миллионов! Все электростанции Земли в конце двадцатого века старой эры не составляли трех миллиардов киловатт, то есть не достигали трех альбертов!

И эта исполинская мощность может быть полностью превращена в сверхсветовую скорость, вся до последнего грамма будет работать на аннигиляторы хода. Но если непредвиденное препятствие внезапно станет на пути корабля, мгновенно заговорят другие аннигиляторы — и в старом космосе добавится новой пустоты взамен испепеленного препятствия! Еще не существовало механизмов, так грозно защищенных, как наши галактические корабли, — так мне тогда казалось.

Я выложил свой восторг Ольге. Она посмотрела на меня с недоумением.

— Ты увлекаешься, Эли. У звездолетов мощности немалые, но для глубокого проникновения в Галактику их не хватит. К тому же мы не знаем, кто нас ждет впереди — друг или враг, и если враг — как он вооружен? Я допускаю, что техника таинственных разрушителей выше нашей.

С Ольгой можно вычислять, но не разговаривать. Кибернетический робот показался бы ей

приятным собеседником. Она вполне отвечает своему высокому посту — адмирала эскадры межзвездных кораблей.

— Не расстраивайся, — посоветовал я. — Как-нибудь добредем до Оры и на твоих маломощных суденышках. А что до разрушителей, так ходят слухи, что все они повымерли миллион лет назад.

Ольга так и не поняла, что я смеюсь. Она слушала меня и улыбалась. Если бы я не отошел, она могла бы слушать и улыбаться часами. Ее золотистые волосы приглажены волосочек к волоску, светлые глаза всегда добры, щеки румяны каким-то своим, очень спокойным, уравновешенным румянцем… Меня раздражает и десятиминутный разговор с ней. Если бы меня назначили адмиралом галактической экспедиции, я бы сутки рычал, ревел, хохотал и топал ногами. А она даже не обрадовалась!

16

Андре уединяется с Жанной. Разлука дается им нелегко. Жанна пополнела так, что заметно и посторонним. Роды назначены на 27 февраля и пройдут нормально, я сам читал в прогнозе. Но Андре не доверяет прогнозу.

Мы третий день живем на корабле, и Жанна с нами. Древний обряд расставания решено выполнить на планете. В полдень со всех кораблей устремились ракеты с провожающими и отъезжающими обратно на Плутон. Я был с Ромеро. Он не пропустит случая потешиться стариной, а мне хотелось еще разок потоптать камень планеты.

Мы высадились в порту, когда выкатывалось оранжевое солнце. Ромеро назвал это добрым предзнаменованием, хотя мы заранее знали, что прибудем к дежурству седьмого солнца. На Ору летит около восьмисот человек, провожающих вряд ли меньше. Никто не уходил далеко от ракет, но мы с Ромеро зашагали в каменистые россыпи и присели на бугорке. В сиянии оранжевого солнца равнина светилась, как подожженная.

— Скажите, Эли, — спросил Ромеро, — нет ли у вас ощущения, что вы с этими местами прощаетесь навсегда?

— С чего бы это? Нет, конечно!

Когда мы возвращались обратно, Ромеро показал тростью на Жанну с Андре.

— Прощание Гектора с Андромахой. Нам придется стать свидетелями нежных объяснений.

Мы остановились так близко, что слыхали их разговор.

— Скорее бы уезжали! — говорила Жанна. — Я измучилась от провожаний.

— Не нарушай режима! — говорил Андре. — Еда, работа, прогулки, сон — все по расписанию! Я спрошу отчет, когда вернусь.

— А ты не болей. И если попадутся красивые девушки с других звезд, не заглядывайся на них. Я ревнива.

— Ревность — истребленный пережиток худших времен человечества.

— Во мне этот пережиток не истреблен. Ты не ответил, Андре, меня это тревожит.

— Успокойся! На Ору людей не привезут, а влюбляться в ящериц или ангелиц я не собираюсь.

Я взял под руку Ромеро, и мы прошли в ракету. Странно все же устроен человек. Ничего я так не желал, как поездки на Ору. Но мне стало грустно, когда я смотрел в окно ракеты на удаляющийся Плутон. Мы жаждем нового и боимся потерять старое. В одну руку не взять два предмета, одной ногой не вступить в два места, но, если покопаться, мы всегда стремимся к этому, — не отсюда ли обряды прощания с их объятиями, слезами и тоской?

При мысли, что кто-то заменит меня на Плутоне и восьмое, прекраснейшее из солнц, создадут без

меня, я расстроился. Черт побери, как говорили в старину, почему мы не вездесущи? Что мешает нам стать вездесущими? Низкий уровень техники или просто то, что мы не задумывались над такой проблемой? Почему каждый из нас — один и единственный? Лусин запросто творит новых животных, воздействуя на гены зародышей, разве так уж трудно продублировать себя в пяти или шести одинаковых образах? Две Веры, восемь Ромеро, три Андре — один создает новые дешифраторы, второй любит свою Жанну, третий уносится к галактам! Уехать, но оставить себя, одновременно быть и отсутствовать — нет, это было бы великолепно!

— Ручаюсь, что вы фантазируете о чем-то немыслимом, — сказал Ромеро.

Я опомнился.

— Прощание Андре навело меня на мысль, что мы еще далеко не так удобно устроили свою жизнь, как всюду хвалимся.

— Желания всегда опережают возможности. Недаром Андре жалуется, что половина потребностей остается неудовлетворенной, — он путает, для острого словца, желания и потребность. Кстати, он все еще прощается — посмотрите.

Андре не отрывался от окна. Планета умень-

шалась, по ее диску катились три солнца, издали они казались ярче, чем были в натуре.

Я отвернулся от Плутона. Впереди вырастал похожий на исполинскую чечевицу «Пожиратель пространства», в стороне, сохраняя дистанцию, висели остальные галактические корабли. Только издали можно было охватить одним взглядом эти громадины. В боковине звездолета раскрылся туннель космодрома, и ракета устремилась на посадку.

17

На второй день полета я выбрался в командирский зал, откуда управляют движением звездолета.

Зал — полая сфера, куполообразные экраны с боков, сверху и снизу: звездное пространство на всех координатных осях. Посреди зала подвешены в силовых полях пять свободно — по мысленному приказу — вращающихся кресел. В центральном — Ольга, с боков ее помощники — Леонид и Осима, низенький, очень энергичный капитан. На боковине кресел — поворачивающийся бинокль с огромными увеличениями. В зале темно. Пассажиров сюда не пускают, но для меня Ольга сделала исключение.

— Завтра в двенадцать переходим с фотонной тяги на аннигиляцию пространства, — сказала она вскоре после отлета. — Приходи в восемь ко входу в зал.

Без двух минут восемь я подошел к заветной двери. Никто меня не встретил, я постучал — ответа не было. На последней секунде восьмого часа дверь распахнулась и что-то мощно всосало меня в темноту.

Ошеломленный, я вскрикнул. Тут же я почувствовал, что удобно сижу в кресле. Обычно мы применяемся, чтобы удобно разместиться, здесь линии поля сами выбрали мне наилучшую позу. В этом я разобрался потом, а в тот момент меня охватил ужас. Я был словно выброшен вовне, в безмерность космоса, — звезды над головой и под ногами, справа и слева, передо мной и позади!

Я услышал спокойный голос Ольги:

— Ты, кажется, застонал, Эли?

Я сделал усилие, чтобы голос не дрожал:

— Это от восторга. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Рассказывай, что тут к чему?

Ольга объяснила, что в зале нет ни верха, ни низа, все направления равноправны. Она тут же хладнокровно перевернулась вниз головой. Я последовал за ней, и та часть неба, что была под

ногами, встала над макушкой. Все совершалось так, как если бы верх и низ поменялись местами: тело мое по-прежнему плотно прижималось к креслу.

— Мы могли бы передвигать звездную сферу, — заметила Ольга. — Но тогда бы картина была одной для всех наблюдателей. У нас каждый исследует свой участок неба, не мешая остальным. Силовое же поле создает ощущение, будто голова вверху.

— Как узнать направление полета? Здесь темно и всюду звезды.

— Пожелай увидеть — и увидишь.

Кресло описало полуоборот. Теперь передо мной сияло созвездие Тельца, в нем дико посверкивал оранжевый бычий глаз — Альдебаран, призрачно, на границе видимости, светились Гиады. В сторонке, похожие на клубок сияющей шерсти, горели Плеяды, или Стожары. Я пока не находил изменения в рисунке созвездий. Я поискал Большую Медведицу — ковш как ковш, я тысячи раз видел его таким.

Ольга рассмеялась:

— Ты нетерпелив. Мы в полете меньше суток и идем на фотонной тяге. От Плутона нас отделяют миллиардов десять километров. Этого недоста-

точно, чтобы изменились созвездия.

Скорость звездолета определялась по параллаксу ярких звезд относительно шаровых скоплений на границах Галактики. В темноте призрачно засветились две шкалы. На одной были досветовые скорости, на другой — сверхсветовые, первая действовала при фотонной тяге, вторая — когда включались аннигиляторы Танева. На досветовой шкале колебался зайчик — мы шли на трети скорости света.

Я повернулся назад, чтоб поглядеть на другие звездолеты, но не нашел даже точек. Ольга показала, как пользоваться биноклем. Теперь я видел все восемь кораблей, веером идущих за нами на отдалении в миллиард километров. Это была дистанция безопасности, дальнейшее сближение могло затруднить маневрирование судов.

— А когда мы уйдем в сверхсветовую область, мы вообще перестанем их видеть, — сказала Ольга. — Там есть лишь одно средство координировать полет — заранее рассчитанный график движения.

— Лететь, не видя друг друга, не умея передать нужную информацию!.. Вслепую и вглухую!..

— Что поделаешь, Эли! Звездолеты в сотни раз обгоняют свет, а другого природного агента для

связи, движущегося со скоростью наших кораблей, мы не знаем.

На некоторое время я увлекся биноклем. Я мысленно задавал увеличение и тут же получал его. В такой прибор с Плутона можно было бы видеть на Земле все города и реки. Осима сказал, что фотонные умножители — так называются эти галактические телескопы — изобретены недавно и на звездолете опытный экземпляр.

Принцип действия прибора иной, чем у телескопов. Те лишь собирают звездный свет, этот его усиливает, умножая число уловленных фотонов. По существу, это не прибор, а оптико-квантовый завод, перерабатывающий полученную скудную информацию в удобную для наблюдения. Бинокль на ручке кресла — лишь ничтожный элемент умножителя, основные его механизмы размещены в недрах звездолета.

До меня донесся глуховатый голос Осимы:

— Через минуту включаю аннигиляторы пространства.

Все совершалось буднично-невыразительно. Не произошло ни толчков, ни грохота, ни вспышек, ни перегрузок. Кровь не бросилась мне в лицо, в ушах не зашумело. «Пожиратель пространства» уже не летел в пространстве, но уничтожал его

перед собой. Ничто в зале не изменило своего вида. Правда, звезды впереди как бы затянуло маревом, но и это продолжалось недолго.

— Повернись назад, — посоветовала Ольга. — Там ты скоро откроешь новое.

Однако и позади я не обнаружил чего-либо поразительного. Лишь потом я заметил за кораблем ту же дымку, что впереди, но более плотную, — звезды сквозь нее казались тусклей и красноватей. Это было вещество, созданное самим звездолетом: космическая пустота, сжигаемая аннигиляторами Танева, становится пылевым облаком. На одном параллаксометре была все та же треть скорости света, быстрота нашего движения в пространстве, но на другом мерцающий зайчик перевалил за двадцать световых единиц — так бурно пожирали пространство аннигиляторы. Восемь точек, веером стремившихся за нами, пропали. И сами мы стали невидимы для других звездолетов. «Нырнули в невидимость», — сказал я про себя.

Хоть я не ощущал перемен ни в окружающих предметах, ни в далеком звездном мире, в котором мы так ошалело неслись, мне стало страшно от сознания того, что я двигался с такой быстротой.

— До каких величин будет увеличиваться скорость? — спросил я.

— Она непрерывно увеличивается, — разъяснил Осима. — Сегодня мы ограничимся ста единицами, а потом доберемся до двухсот.

Ольга добавила:

— До Оры двадцать парсеков, шестьдесят светолет. Нам задано добраться туда за три месяца. Приходится торопиться, Эли.

Я поднимал умножитель вверх, опускал его. Пылевой туман позади сгущался. Пять-шесть полетов такой армады звездолетов, размышлял я, и из Галактики выхватится основательный кусок пространства, а взамен его образуется новое космическое тело — пылевое облако, «сотворенное из ничего», как сказали бы наши предки. Не удивительно, что запуск аннигиляторов Танева в окрестностях Солнечной системы запрещен.

Когда Ольге пришло время сдавать дежурство, меня высосало наружу тем же способом, что и втягивало внутрь. У входа я повстречался с Леонидом. Его сумрачные глаза недобро засветились.

— У меня было разрешение, — сказал я.

— Не сомневаюсь, — холодно ответил он. — Наш строгий адмирал очень добр к тебе.

Этот пустячок — встреча с Леонидом — поря-

дочно попортил мне настроение. Для пассажиров устроен обсервационный зал, побольше командирского, но по тому же образцу — невесомость, силовое поле, вращающиеся кресла, бинокли умножителя. Оттуда, правда, нельзя распоряжаться механизмами корабля, но и в командирском зале я не командовал, а наблюдал.

«Буду ходить в обсервационный зал», — решил я.

18

Ору мы увидели на сорок восьмой день путешествия. Знаменитая искусственная планета предстала крохотным пятнышком в умножителе.

День уходил за днем, а она не увеличивалась. Так будет до конца полета. Ора вырастет вдруг, а до той поры останется точечкой в пространстве.

Единственное ощутимое свидетельство пройденного пути — изменение рисунка созвездий. Звездный мир становится незнакомым, и его незнакомость все увеличивается.

Сперва преобразился Орион, от него оторвалось блестящее его окружение — Капелла, Сириус, Поллукс, затем и само созвездие сжалось и переместилось. Большая Медведица значительных

перемен не претерпела, зато Сириус бурно полетел влево от нас, потом повернул назад и стал уменьшаться. Через месяц путешествия мы удивлялись: неужели вон та скромная звездочка — красивая, конечно, красоты у нее и сейчас не отнять, — неужели это и есть прекраснейшее из светил земного неба? А за Сириусом пришла в движение торжественно-холодная Вега, она покинула созвездие Лиры и устремилась к Змееносцу и Скорпиону. Одни звезды стушевывались, другие выплывали, на небе разгоралась исполинская Капелла, явственней очерчивались Гиады, жарче пылал Альдебаран — мы мчались в их сторону. Лишь Плеяды, маленькое туманное пятно, клубок сияющей шерсти, не увеличивались, они были так далеко, что наше движение не сказывалось на них.

И вовсе не менялся Млечный Путь, исполинская звездная река Вселенной, поток миров, выхлестывающий на берега. Мы можем годами мчаться с этой нашей многократно сверхсветовой скоростью — грандиозный и недоступный, он будет оставаться тем же.

Чаще всего мы глядели назад, на оставленный звездный край.

В той стороне звезды, сорвавшиеся с разных

участков неба, сбегались в одно созвездие, оно оконтуривалось, становилось чем-то единым. Вскоре оно напоминало вытянутый параллелограмм, граничные линии отчеркивались Фомальгаутом и Альтаиром, Вегой и Арктуром, Сириусом и Капеллой, а в центре сияли Солнце, Поллукс и Альфа Центавра. Это был наш мир, родина человечества, Солнце и его соседи!

И хоть Солнце, превратившееся в звездочку пятой величины, ничем не выделялось среди тысяч таких же скромных звезд и остальные светила нового созвездия потускнели в сравнении с тем, как выглядели с Земли, их вид волновал нас. Нет, оно было красиво, это собрание неярких звезд! «Солнечный мешок» — назвал я его. Мы были вытряхнуты из этого мешка в космическую пустоту и падали, все падали в безмерность звездной бездны!

Вскоре в окружающем Ору пространстве появились признаки жизни. Мы приближаемся к узловой станции в космосе — пересечению великих галактических дорог. Ольга выключила аннигиляторы Танева, теперь мы снова шли на фотонах. Остальные корабли эскадры, вынырнув из сверхсветовой области, стали видны в умножителе.

А потом Ора из точки превратилась в горошину, горошина стала апельсином. Теперь нами командовал диспетчер межзвездного порта. По голосу, это девушка — решительная, четкая, звонкая. Она велела нам перестроиться: первыми опускались на Ору малые корабли, «Пожиратель пространства» замыкал эскадру.

Ухваченные силовыми полями планеты, звездолеты один за другим продвигались к назначенным местам. Нигде так сложно не швартуются, как на Оре. Это объясняется тем, что звездолеты опускаются прямо на поверхность, а не превращаются на время в спутников планеты, куда прибыли.

Отведенная для больших кораблей равнина космодрома напоминала горную страну — кругом вздымались причалившие раньше нас звездолеты. «Пожиратель пространства» покачивался в тормозном поле, медленно приближаясь к своему участку. Мы обошли стороной неподвижное искусственное солнце — оно притушило сферу, чтобы не извергать на нас вблизи радиацию.

Перед нами, сколько хватал глаз, простиралась поверхность искусственной планеты — самое величественное из чудес человеческого ума и рук! Вот она, вот она, зеленовато-серая, залитая

сиянием, суровая, вдохновенная рабочая площадка Вселенной — здравствуй, Ора, сердце мое!

Корабль замер, плотно усаженный на тормозном поле, и к его шлюзу устремился полупрозрачный трап. Я не стал дожидаться, пока меня вытянет наружу как пушинку и, заорав, покатился вниз. На меня свалился хохочущий Андре, на него — Вера и Павел.

Наша забава не понравилась диспетчеру порта. Невидимые руки грубо швырнули нас в разные стороны, несколько секунд мы повисели в воздухе, словно ухваченные за шиворот, затем мягко опустились.

— Как девчонка!.. — говорила Вера, смеясь. — Что ты делаешь с нами, Эли!

— А здесь не любят шутить! — заметил Ромеро, он первый, разумеется, обрел серьезный вид. — Встретили нас не слишком любезно.

Мы были на Оре!

19

Прежде чем перейти к событиям на Оре, я должен поговорить о ней самой. Нет темы, столь захватывающей, как Ора. Детьми мы грезили о ней, взрослыми стремились на нее. Сейчас, в наш 563 год, мы способны возвести сооружения

пограндиознее Оры. Но такой близкой каждому человеку, как Ора, уже не будет. Ее придумали наши прадеды, возвели отцы. Это было первое крупное космическое новообразование, заранее рассчитанное и спроектированное. Ора раньше была чертежом, потом лишь стала сооружением. Сто четыре года человечество жило мыслями об Оре, работало на нее, пело и мечтало о ней, и почти половину этого столетия заняло не возведение Оры, а придумывание ее.

Ору задумали как галактическую гостиницу, как место, пригодное для всех форм жизни, — Ора многообразна, как жизнь. Естественные планеты, как бы их ни оборудовали, не годились для такой цели. Ора — не планета, заставленная механизмами, а механизм, выросший до размеров планеты. И ее поместили на таком отдалении от Земли для того, чтоб она была поближе к нашим звездным соседям: Ора возведена в геометрическом центре нашего звездного района.

И это также первое в истории человечества небесное тело, сотворенное из вакуума, из «ничего», по терминологии древних. Флотилия Звездных Плугов многие годы сгущала пространство в этом уголке вселенной — космическая пыль заклубилась между Тельцом и Гиадами но-

вой туманностью. Воистину они напылили, эти машины! А потом пыль уплотняли, формируя в металлы и минералы, газы и воду, — выстилались равнины, возводились холмы, устанавливались здания.

Необычна и форма Оры. Конструкторы отказались от шара, в шаре много излишнего — практически используется лишь его поверхность. Ора — плоскость. Ее расстелили гигантским листом в космосе. Толщина почвенного покрова — несколько метров, а под ним — десятки этажей машин, создающих на своих участках заданные условия существования. Я бы сказал еще так: Ора — это ящик, заполненный механизмами и накрытый крышкой, а крышка ее — жилая поверхность планеты.

Уникально и солнце Оры, другого такого пока нет, оно недвижно подвешено над центром планеты. Здесь оно всегда в зените, а в других районах видно под постоянным углом. От вращающегося солнца вроде тех, что мы запустили на Плутоне, отказались именно потому, что Ора — плоскость, а не шар. Но это не помешало устроить правильные чередования дня и ночи, рассвета и сумерек, и притом так остроумно, что, уверен, схожие конструкции солнц появятся вскоре и

на других планетах. Солнце на Оре управляемое, температура его меняется по графику: на рассвете оно тусклое, потом разгорается, свирепеет до белокалильного жара, снова ослабевает, становится из желто-белого красноватым, меркнет совсем и через некоторое время опять зажигается, но уже холодным лунным светом, и работает не во весь диск, а по долям, согласно расписанию ночных фаз. Полный цикл изменений активности охватывает двадцать четыре земных часа — чтоб люди не отказывались от привычек, усвоенных с детства.

И последнее — воздух! Нигде нет такого воздуха, как на Оре. Атмосфера создана по образцу земной, но на старушке Земле я никогда не дышал так легко, так радостно, так весело. Дыхание на Оре не потребность, а наслаждение. Уверен, в нем не только ароматы, но и питательные калории. В старину шутили: «Питаться святым духом». Когда-нибудь я попытаюсь покормиться одним здешним воздухом.

Такова Ора.

20

На второй день Вера сказала:

— Итак, начинается наша работа, Эли. Ты свои

обязанности, конечно, знаешь?

Я их, конечно, не знал. Вера разъяснила, чего от меня ждет. Секретарствовать оказалось несложно. Для начала всюду нужно было ходить с Верой и помогать ей. Хожу я хорошо, а что до помощи, то до сих пор она помогала мне, не я ей, — думаю, так будет и впредь.

— Сейчас идем на совещание к Спыхальскому, он доложит, как они выполнили решение Большого Совета.

Спыхальский торжественно поздравил нас с прибытием. Доклад его был неутешителен. Получив предписание с Земли, Спыхальский разослал специальные экспедиции во все звездные окрестности. Но на звездах вне Гиад о галактах не слыхали, а в Гиадах ничего нового не узнали.

— Правда, к нам на Ору привезли с девятой планеты Пламенной В одного четырехкрылого молодца с яркими сновидениями о галактах, — сказал Спыхальский. — Вы сможете с ним потолковать. Он захулиганил и сейчас отделен от собратьев. К людям он относится с уважением, но своих не переносит. Между прочим, мы открыли в Гиадах любопытный астрофизический факт: Гиады удаляются от всех окружающих звезд, расстояние между ними и всеми другими светилами

растет по всем координатным осям.

— Вы хотите сказать, что Гиады генерируют вокруг себя новое пространство? — спросила Ольга с удивлением.

— Да, это. Очевидно, какая-то часть вещества в Гиадах аннигилирует. Причины этого явления пока не установлены.

Я посмотрел на Андре. У Андре был взволнованный вид, он что-то горячо доказывал Лусину, тот лишь покачивал головой. Я не сомневался, что Андре уже придумал теорию, полностью объясняющую выпадение Гиад из окружающего звездного мира.

В заключение Спыхальский сообщил, что на Ору приглашены представители всех звездных народов, населяющих окружающие Солнце светила. Звездожители поселены в гостиницах, создающих привычные им условия жизни.

— Через час отправимся в гости к звездожителям, — сказала мне Вера. — Позаботься о дешифраторе.

Я подошел к Андре.

— Даже издали видно, что ты нафантазировал что-то ошеломляющее. Ну, обрушивай на мою бедную голову.

— И обрушу! — закричал он. — Твоя усмешка

меня не смутит! Только глупцы заранее издеваются над тем, о чем и краем уха еще не слыхали.

— Выделяю тебе не край уха, а полностью два.

Андре, смягчившись, с увлечением изложил родившуюся у него гипотезу. Должен признаться, что и меня она захватила — если не правдоподобностью, то яркостью. Андре полагал, что удаление Гиад от всех светил — следствие бушевавшей когда-то в этом скоплении космической схватки галактов с разрушителями. Одна воюющая сторона уничтожала пространство, сталкивая планеты, другая уничтожала вещество, превращая его в пространство, чтоб не дать планетам обрушиться друг на друга. Короче, были одновременно запущены обе реакции Танева — и прямая, и обратная. Прямая давно исчерпала себя, а обратная — превращение вещества в пространство — продолжается, и в результате Гиады медленно погружаются в созданный некогда провал в космосе.

— Этот провал и в наши дни расширяется! — энергично закончил Андре. — А питает его та пыль, что образовалась после взрыва планет. Я утверждаю, что это не простая пыль, а аннигилирующая. Хочу попросить Большой Совет направить в Гиады экспедицию для проверки

моей гипотезы.

— Ладно, проси! — разрешил я. — А я попрошу у тебя дешифратор. Ты пойдешь знакомиться со звездожителями?

— Хочу навестить крылатого буяна, которого поселили отдельно. Дешифратор возьмешь у меня в номере.

В номере у Андре я с сомнением поглядел на солидный чемодан, последний вариант того ДП-2, что так подвел Аллана в Малом Псе.

— Теперь он называется малым универсальным, а не переносным, — сказал Андре. — ДУМ, понял?

— Дело не в названии.

— Название отвечает сути. Каждый дурак, посмотрев шкалу настройки, сумеет общаться с любым разумным звездожителем. Забирай и проваливай, Эли!

Я пожелал Андре, чтоб сварливый ангел вцепился ему в кудри. Андре хохотал, глядя, как я сгибаюсь под тяжестью дешифратора. Но я вызвал авиатележку и не торопясь удалился, а тележка с прибором колыхалась на уровне моего плеча — ее тянуло мое индивидуальное поле. На Оре все снабжаются такими полями.

Вера с Ромеро уже ждали меня в ее номере. На

улице нас встретил Спыхальский. Он поинтересовался, к кому мы раньше других пойдем в гости.

— К тем, что всех интересней, — сказал я.

Спыхальский улыбнулся странноватой улыбкой — косой, не оживляющей, но словно бы перерубающей лицо: один ус поднимался, другой опускался.

— Мне все интересны, юноша. А вас что больше интересует — ум или красота? Умом они нас не превосходят, а что до красоты… Впрочем, сами увидите.

То, что мы увидели в гостинице «Созвездие Тельца и Возничего» — она была первой, куда мы вошли, — особенного впечатления на меня не произвело. Обитателей Капеллы и Альдебарана — это были первые мыслящие существа, открытые нашими звездопроходцами, — часто показывали в стереопередачах, в них все было знакомо. Конечно, было удивительно, что существа, похожие на земных бегемотов, способны внятно рассуждать, а целый пояс глаз на боках альдебаранцев — впрочем, в сумме все они видели не больше наших двух — способен был восхитить не одного Лусина. Общение с ними не шло дальше разговоров о еде, о тепле, о силе тяжести — массивные альдебаранцы особенно к

ней чувствительны.

21

После такого предисловия я с нетерпением ожидал встречи с альтаирцами. Гостиница «Созвездие Орла» была зданием из металла, без окон, — ящик, поставленный на почву. В вестибюле мы надели скафандры, прозрачные и гибкие. За вестибюлем открылся высокий пустой зал. Единственным его украшением, если это можно назвать украшением, был пояс прожекторов, протянувшийся чуть ниже потолка.

Спыхальский смотрел на нас с ироническим торжеством.

— Почему такая невежливость, дорогие земляне? Вас окружают приветливые альтаирцы, жаждущие беседы с людьми, а вы словно воды в рот набрали.

Ромеро с недоумением поворачивался, пытаясь уловить что-нибудь в пустоте.

— Сдаюсь, — признался он. — Ничего не понимаю.

Пояс прожекторов тускло засветился. И мгновенно вокруг нас зажглись полупрозрачные силуэты, зеленые и фиолетовые. Это были, несомненно, живые существа, но они смахивали на

призраков: не то гигантские пауки на тонких ножках, не то шары с жесткими волосиками. Они отталкивались от пола ногами-волосиками и скоплялись вокруг нас: мы были окружены облаком таких существ.

— Паукоподобные из созвездий Орла, — сказала Вера, перехватив иронический взгляд Спыхальского. — Жизнедеятельны лишь под жестким облучением.

Я задал дешифратору программу: «Район Орла, жесткое излучение». Ромеро не пожелал признать себя побежденным. Вера, пользуясь дешифратором, как передатчиком, беседовала с альтаирцами, а он прошептал мне на ухо:

— Существа эти, пожалуй, прозрачнее наших медуз. Но изящества в них не больше, чем в медузах.

Пока альтаирцы реяли вокруг Веры, Спыхальский рассказал мне и Ромеро об их образе жизни.

Альтаир — звезда класса А с температурой поверхности 9000 градусов, в его излучении жесткие компоненты сильнее, чем у Солнца. Белковые организмы, попав на планеты Альтаира, вскоре были бы истреблены беспощадным светилом. И вот совершилось чудо приспособления — жизнь

на Альтаире превратила в свое животворное начало именно то, что несло ей смерть. Клетки в организмах альтаирцев функционируют лишь под действием жестких лучей, исторгаемых звездою. Каждое из этих существ, окружавших нас, само являлось источником радиоактивности, даже мысли их несли в себе смертельную радиацию — они мыслят, убивая.

Забавен образ жизни этих опасных для нас, но добродушных по характеру существ: они просыпаются и становятся видимыми на рассвете, когда поднимается Альтаир, в полдень жизнедеятельность в максимуме, а к вечеру, когда поток рентгеновских лучей ослабевает, становятся вялыми и впадают в спячку, из которой их могут вывести лишь гамма-лучи.

На Оре в определенные часы их облучают, в другие часы радиация ослабевает и они засыпают. Позаботились и об их работе. Альтаирцы — прекрасные строители, возводят здания, роют каналы. За этим залом простирается площадка, заполненная их созданиями. Кстати, альтаирцы — отличные живописцы, но картины их жестковаты: они пишут не красками, а радиоактивными веществами, иначе не увидали бы своих творений.

Я стал прислушиваться к беседе Веры с альтаирцами. Наших гостей из созвездия Орла интересовало, нельзя ли привезти им на Альтаир великолепный пламень, пронизывающий члены, — они имели в виду гамма-излучатели. Вера пообещала прислать им партию таких приборов.

Ромеро негромко сказал мне:

— Нет, меня определенно не восхищают ни эти нитеобразные разбойники с Альтаира, ни бегемоты с Альдебарана и Капеллы. И свирепое их солнце не вызывает симпатии. Помните в стихах Танева строчки, как бы специально посвященные Альтаиру:

…Он, осужденный, помощи не просит
И не находит. Нет пощады. Поздно.
Некрепкой жизни быстро рвутся узы.
Лишь мстительное солнце грозно
Стоит над всем, как голова Медузы.

Отвращение Ромеро к этим странным звездным существам показалось мне наигранным. Но и увлечения Веры я не понимал. Она раскраснелась, глаза ее радостно блестели. Она поворачивалась то к одному, то к другому альтаирцу, старалась ответить каждому.

— Теперь идемте в гостиницу «Созвездие Ли-

ры», к мыслящим змеям с планетной системы Веги, — предложил Спыхальский.

22

И вот мы вошли в третью гостиницу — купол и внутри купола сад.

Я помню, с каким нехорошим чувством переступал порог, как внутренне сжался перед встречей с ползучими гадами, где-то на далекой звезде, одной из прекраснейших звезд земного неба, развившихся до ранга разумных существ. Вега горячее Альтаира, в ее излучениях жестких компонентов больше, какими же уродами должны оказаться вегажители, если альтаирцы так страшны?

А Мартын Спыхальский громко проговорил:

— О чем замечтались, юноша? Прошу настроить дешифратор на звуко-цветовую речь.

Мне странно теперь, что перелом моего существования от примитивного человеческого эгоизма к ощущению единства мира был ознаменован прозаическим советом настроить дешифратор. Я отрегулировал прибор — и перенесся в другой мир.

Вначале было темно. Вокруг высились одни растения — темные деревья, густые шапки ку-

стов, пряно пахнущие цветы. И вдруг повсюду замерцали оранжевые огоньки — тусклые, как и все в этом сумеречном саду, быстро передвигающиеся среди деревьев. Горло мне сжала немота, непроизвольная, как приступ. На меня глядело человеческое лицо, необыкновенное лицо, прекрасней всех человеческих! Я оглянулся. Такие же лица смотрели и сбоку, и сзади. Нас окружили существа, до того великолепно похожие на людей, что мне захотелось закричать от испуга и восхищения.

Да, конечно, у них было туловище, похожее на змеиное, очень гибкое, но человеческое лицо и руки, чуть лишь покороче и потоньше наших, свидетельствовали, что они все-таки не змеи.

Как я потом разглядел, у них не было ног, туловище оканчивалось пятою, они передвигались, вращаясь на пяте, и так быстро, что превращались в сверкающий столб. В ту первую встречу с вегажителями я даже не заметил, что они приближаются, вращаясь.

Я открыл их, когда они стояли рядом, приветствуя нас голосом и сиянием. Очарованный, я не мог оторвать от них взгляда.

Я сказал, что их лица напоминают человеческие. Это справедливо лишь в грубом приближе-

нии. У них очертания человеческого лица, контур нашей головы, такие же глаза, рот и нос. Но и лучшая из красавиц Земли и мечтать не может о такой матовой коже, таких ярких губах, таких четких бровях и мохнатых ресницах. Все это неважно, я говорю о пустяках. Они одеты в разноцветные, полупрозрачные одежды — платья или плащи…Нет, и это не то! Самое необыкновенное у вегажителей — их глаза. Глаза вспыхивали и погасали, они меняли свой цвет. Это были огни, а не глаза. Жители Веги разговаривают сиянием своих глаз!

— Начнем! — сказала Вера. — Я хочу узнать, как чувствуют себя наши гости.

Это был стандартный Верин вопрос, у меня же дрогнули руки, когда я поднимал шар дешифратора. Шар засиял и запел, из него исторгались цвета и звуки. А когда он замолк, один из жителей Веги запел и засиял глазами в ответ. Это было так красиво, что казалось фантастически неправдоподобным. Шар перевел его ответ на человеческий скучный язык хрипловатым человеческим голосом — одинаковый на всех звездных мирах обмен любезностями: в гостях, мол, хорошо, мы благодарны за гостеприимство.

Один из пришельцев с Веги — вернее одна,

это была девушка — с интересом рассматривала меня. Я тоже залюбовался ею. Среди прекрасных вегажителей она была всех прекрасней.

— Как вас зовут? — спросил я.

Она пропела свое имя нежным голосом, напоминавшим флейту. Чтобы повторить, что она произнесла, нужны ноты, а не буквы. Одновременно глаза ее озарились фиолетовым пламенем. Я воскликнул:

— Фиола! Я понял, вас зовут Фиола!

Все кругом засмеялись, даже Вера. В глазах девушки тоже вспыхнул розовато-голубой смех. Она смеялась ярко, радостными цветами.

— Фиола, — повторил я, смущенный. — Разве я не так выговариваю?

— Фиола, — проговорил машинный голос дешифратора. — Фиола…

23

— Теперь ангелы с Гиад, — сказала Вера. — В этих крылатых обществах сохранились враждующие классы.

— Вздорный народец, — подтвердил Спыхальский. — Каждый день у них драки. Перья летят, как пух с тополей.

— И их много. Двадцать три обитаемые звезд-

ные системы в Гиадах, сто семь густо населенных планет. Ни одно из разумных племен не размножилось так — почти четыреста миллиардов…

— Разумное племя? — переспросил Спыхальский. — Что, конечно, считать разумом… Одно добавлю — голодное племя. Посмотрели бы вы, что происходит, когда звонят к столу.

Вера задумалась. Я был полон мыслей о Фиоле. Мы долетели до гостиницы «Гиады». В этом здании размером с город масса зелени и света, прямоугольники домов образуют улицы, на пересечении улиц разбиты амфитеатры с экранами — ангелы любят картины. Условия тут подобны земным. Крылатые легко приспосабливаются к любым параметрам гравитации, атмосферы и температур. Вероятно, этим и объясняется, что они широко расселились на планетах.

На нас сразу набросились, осатанело зашумев крыльями, три обрадованных ангела. Через минуту вокруг носилась, сталкиваясь и дерясь в воздухе, целая толпа крылатых. Я хлопал их по крыльям, приветствуя, но их было слишком много, чтоб со всеми здороваться.

В ангелах есть что-то внушающее неприязнь. Внешне они импозантны, даже величественны, — белое тело, золотые волосы, широкие

мощные крылья, причудливо окрашенные: розовые, фиолетовые, оранжевые, даже черные, особенно среди четырехкрылых, чаще же всего — разноцветные. Зато лица ангелов грубы. Я не встретил ни в тот день, ни после ангела без морщин, морщинисты даже молодые, — каждый кажется состарившимся ребенком. Впечатление это усиливается еще и оттого. что они галдят и носятся, как расшалившиеся дети. К тому же ангелы редко моются. В вертепах ангелов вряд ли лучше, чем в конюшнях пегасов.

Когда мы продирались сквозь крылатую толпу, я увидел в стороне Андре с Лусином. Я наклонился к Ромеро.

— Павел, замените меня у дешифратора.

Выбравшись из толпы, я припустил к Андре. Какой-то шальной ангелочек, восторженно завизжав, ринулся на меня с распахнутыми крыльями, но я ускользнул от него.

— Молчи и слушай! — закричал Андре. — Новые данные о галактах. Говорю тебе, молчи! Мы получили великолепные записи у того четырехкрылого. Чего ты размахиваешь руками?

— Я молчу! — закричал я. — Покажи записи.

— Сперва выслушай, потом покажу.

Андре и Лусину повезло. Когда они пришли к

изолированному четырехкрылому, тот спал и ему снились кошмары, мозг его усиленно излучал.

Андре, не дожидаясь пробуждения ангела, поспешил материализовать записанные излучения на большом дешифраторе.

Он тут же, на улице, при сиянии дневного солнца, вызвал видеостолб. Я с усилием всматривался, внешний свет был сильнее внутреннего свечения видеостолба. Я увидел те же картины, что уже демонстрировались на Земле, — скалы, яркие звезды, черное озеро, спускающийся сигарообразный корабль. Нового не было и дальше — те же галакты, башня с вращающимся глазом…

— Ну? — спросил Андре. — Понимаешь ли ты, что это такое?

— Понимаю. Бледная копия старых записей Спыхальского.

— Правильно, — проговорил молчавший Лусин. — Копия. Уже видели.

— Вы дураки! — сказал Андре радостно. — Ну и что, если видели? Важно одно: звездные видения посещают нашего четырехкрылого очень часто, раз мы записали их в первом же обследованном сне. Только личные впечатления могут дать такую четкость образов. Короче, он видел галактов сам! — Андре с торжеством смотрел на нас. Я

хладнокровно рассмеялся ему в лицо:

— И сейчас ты идешь выспрашивать своего ангела, правильно ли толкуешь его сновидения?

— Совершенно верно.

— Я пойду с тобой, чтобы присутствовать при оглушительном крушении твоей очередной теории.

Четырехкрылый буян был громадный, мужиковатый ангелище со свирепой мордой и могучими крыльями. Он уставился на нас мутными глазами и что-то проворчал. У ангелов тонкие, п исклявые голоса. Разговаривая, они захлебываются от торопливости — в любом их сборище трескотня и писк. У этого даже голос был мощный, он не пищал, а грохотал. Он мне понравился.

Андре настроил дешифратор и вежливо проговорил:

— Разрешите задать вам несколько вопросов.

— На колени! — рявкнул ангел. — На колени, не то — к чертовой матери!

Его ярость была так внезапна и буйна, что мы рассмеялись. Смех озлил его. Он грозно вздыбился, распахнув крылья и клокоча.

— У людей не принято становиться на колени, — сказал Андре.

Дешифратор перевел ответ ангела:

— Я — князь!

Я усомнился в правильности перевода. Слова «к чертовой матери», «князь», «на колени» слишком отдавали старинными земными понятиями, чтобы быть правдоподобными.

— Не думаю, чтобы дешифратор врал, — возразил Андре. — Объем его памяти — четыреста тысяч слов и сто миллионов понятий. И если он выбрал князя и чертову мать, то, значит, наш узник имел в виду нечто, что больше всего подходит к понятиям «князь» и «к чертовой матери».

Тогда к ангелу обратился я:

— Почему вы считаете себя князем?

— Налечу и растопчу! — сварливо сказал ангел.

Я вспомнил, что охранное поле людей на Оре зависит от настроения. Я вызвал в себе гнев. Ангела отшвырнуло в сторону, он завопил от испуга. Я то увеличивал, то уменьшал поле. Крылатого «князя» беспощадно мотало в воздухе. Когда его особенно сильно встряхнуло, он заревел бычьим голосом:

— Спасите! Спасите!

Я сбросил поле, и ангел рухнул. От страха и бессилия он даже не пытался подняться и ползал, униженно расплескав широкие крылья. Лусин,

засопев, отвернулся. Уверен, что в этот миг грубый ангел представлялся ему чем-то вроде его смирных драконов или диковатого бога Гора с головой сокола.

— Высшие силы! — потрясенно бормотал ангел. — Высшие силы!

— Поднимайся и перестань быть князем! — сказал я. — Терпеть не могу дураков. Тебя по-хорошему спрашивают, а ты грубишь!

— Спрашивайте! — поспешно сказал ангел. — Хотя не знаю, что я могу таким могущественным особам…

Андре рассказал ангелу о его сновидениях и спросил, не видал ли он сам галактов и их врагов.

— Это предания, — бормотал ангел. — Никто не видел галактов. Я слышал в детстве сказки о них.

Я выразительно посмотрел на Андре. Он постарался не заметить моего взгляда. Он не очень огорчается, когда его теории терпят крах. Он слишком легко их создает.

— А почему ты хвастался знатностью? — спросил я ангела. — Что означает этот вздор?

Ангел опустил голову и поник крыльями.

— У нас предание, что четырехкрылых привезли небесные скитальцы, двукрылые же — порода

местная… Я не люблю двукрылых. Они презренные низшие существа, но вы, люди, не разрешаете бить их…

— И никогда не разрешим, — подтвердил я. — И считать их низшей породой тоже не разрешаем. Как тебя зовут?

— Труб. Я постараюсь… Я хочу, чтоб вы меня полюбили.

Он был так унижен, что я пожалел его. Я ласково потрепал его перья. Перья на крыльях у него отменные — шелковистые, крепкие, густой лиловой окраски. Собственно, настоящих крыльев у него два, вторая пара скорее подкрылки. На изгибе больших крыльев имеются руки, чуть покороче наших, без ладони, но с пятью крепкими черными пальцами с когтями.

Выйдя, мы подвели итоги тому, что узнали от Труба. Андре запоздало пытался оправдаться в неудаче теории:

— Все же кое-что новое есть. Я имею в виду предания о происхождении четырехкрылых.

— Нас интересуют галакты, а знаний о них не добавилось, — сказал я. — Такие предания имеются всюду, где работящие существа разрешают оседлать себя паразитам. Разве ты не знаешь, что лучший способ оправдать собственное тунеяд-

ство — объяснить его божественностью своей натуры? Все подлое издавна валят на божество.

— Труб хороший, — сказал огорченный Лусин. — Не паразит. Красивый. Очень сильный. Сильнее всех ангелов.

24

Впечатление от следующих гостиниц слилось в смутное ощущение чего-то утомительного. Я понимал, что человеческая двуногая одноголовая форма лишь одна из возможностей разумной жизни, и был готов к любым неожиданностям. Даже когда мы беседовали с существами, на три четверти состоящими из металлов, и студенистыми мыслящими кристаллами, погибающими от света, я не удивлялся. Можно и так, говорил я себе. В природе существует могучий позыв познавать себя. А каким способом она осуществляет самопознание — игра обстоятельств.

Вечером мы с Ромеро гуляли по Оре.

Недвижное солнце утратило дневной жар и потускнело, превращаясь в луну. Три четверти диска вовсе погасло, луна было на ущербе. Звонкий днем воздух, далеко разносивший звуки, глохнул, звуки преобразовывались в шумы и шорохи, зато густели ароматы. Цветы запахами

хватали за душу, как руками. У меня немного кружилась голова. Ромеро помахивал тростью, я рассказывал, какие мысли явились мне при знакомстве со звездожителями. Ромеро возмутила моя покладистость.

— Чепуха, друг мой! Все эти ангельские образины, змеелики и полупрозрачные пауки не больше чем уродства. С уродствами я не помирюсь. Раньше я не очень восхищался людьми, теперь я их обожаю. Знакомство со звездожителями доказало, что человек — высшая форма разумной жизни. Только теперь я понял всю глубину критерия: «Все для блага человечества и человека».

— Разве против него кто спорит?

— Вы ошибаетесь, — сказал он сумрачно. — Мне не нравится настроение вашей сестры. Я хочу сделать вам одно предложение. Она нам обоим дорога. Давайте образуем дружеский союз против ее опасных фантазий. Вы удивлены — какой союз? Слушайте меня внимательно, мой друг!

Опершись на трость, он торжественно проговорил:

— Я не влеку вас в неизведанные дали, наоборот, отстаиваю то, что уже пять столетий считается величайшей из наших социальных истин. Хочу восстать против того, чтобы забывали о

человеке ради полуживотных, моральных и физических уродцев... — Отвращение исказило его лицо. Мне многое не нравилось в звездожителях, но ненависти они не вызывали.

— По-вашему, реальна опасность забвения интересов человека?

— Да! — сказал он. — Они уже забываются. Верой, когда она планирует широкую помощь сотням звездных систем. Вами, когда вы так возмутительно равнодушно признаете, что мыслящая жизнь может быть равноправно прекрасной и безобразной. Андре, готовым все силы положить на возню с дурацкими мыслями примитивных, как идиотики, ангелочков. И тысячами, миллионами похожих на вас фантастов и безумцев. Скажите, по-честному скажите, разве не забвение интересов человечества то, что происходит на Оре? Богатства Земли обеспечивают идеальные условия паукам и бегемотам! Звездный Плуг, отправленный на Вегу, израсходовал все запасы активного вещества на создание искусственного солнца для милых змей. Такова наша забота о других. А человек? Человека отставляют на задний план. О человеке понемножку забывают. Но я не дам человека в обиду. Если еще недавно я молчал, то сейчас я молчать

не буду. Я повторяю то, что уже говорил на Земле. Неожиданная опасность нависла над человечеством. Мы обязаны сегодня думать только о себе, только о себе! Никакого благотворительства за счет интересов человека!

Он выкрикнул последние слова, пристукнув тростью. Я сказал:

— Не понимаю, к чему этот пафос, Павел? Запросите МУМ, кто прав, ваши противники или вы, и все станет на место.

К Ромеро понемногу возвращался его обычный надменно-иронический вид. На лице его вызмеилась недобрая усмешка.

— Благодарю за дельный совет, мой юный друг, обязательно им воспользуюсь. Итак, насколько я понимаю, вам не подходит предлагаемый мной союз?

— Я вообще не нахожу нужды ни в каком подобном союзе.

— А вот уж это мое дело — есть нужда или нет. Покойной ночи, любезный Эли.

Он церемонно приподнял шляпу и удалился. Я с тяжелым сердцем смотрел ему вслед. Мне было грустно, что в считанные минуты наша многолетняя дружба развалилась. Опустив голову, я шагал по аллее пустынного бульвара.

25

Я собирался к Вере, но она сама вызвала меня. У входа в гостиницу вспыхнул видеостолб. Вера сидела за столом. Она казалась усталой.

— Я не спала. Дурацкая ночь — споры, ссоры... Как бессердечны иные люди!

Я сообразил, что она говорит о Ромеро. Я редко видел Веру такой измученной. Раньше в спорах она воодушевлялась. Дискуссии оживляли, а не подавляли ее. Что-то очень серьезное случилось у них с Ромеро.

— Прими радиационный душ, Вера. И не думай о чужом бессердечии.

— Не думать о бессердечии я не могу. Бессердечие, распространившееся на многие сердца, становится грозной силой. Я вызвала тебя, чтобы освободить на этот день.

Я пошел к Андре. У Андре сидел Лусин. Я предложил им отправиться на розыски сведений о галактах. Андре собирался сегодня готовить зал Галактических Совещаний к своему концерту. Я уверял его, что звездожители отнесутся к симфонии не лучше, чем люди, музыка должна радовать, а не терзать.

— Наш век трагичен! — закричал Андре. —

Посмотри на небо — сколько горя! И еще эти чертовы человекообразные с их загадочными врагами! Наши предки могли дикарски радоваться неизвестно чему, а мы обязаны задуматься над смыслом существования.

Он готов был завязать запальчивый спор, но я отвернулся к Лусину. Лусина уговорить легче, чем Андре. Он потащил передвижной дешифратор. На улице мы взвалили прибор на воздушную тележку и поехали в гостиницу «Созвездие Орла».

Мысль о том, что надо поискать сведений о галактах у альтаирцев, явилась мне вчера. Я хотел также познакомиться с их живописью. В вестибюле мы облачились в скафандры и получили гамма-фонари для высвечивания невидимых жителей Альтаира.

В зале было пусто. Мы светили во все стороны, но никого не обнаружили. В конце зала открывался туннель, и мы прошли сквозь него на рабочую площадку. У меня защемило сердце, когда я увидел раскинувшуюся кругом страну. На темном небе висел синевато-белый шар, имитировавший жестокий Альтаир. Все вокруг разъяренно сверкало. Ни единой травинки не оживляло сожженную почву — до скрежета белый камень, до хруста белый песок, удушливая пыль, вздымав-

шаяся из-под ног…

— Пейзаж! — сказал я. — Жить не захочешь!

Лусин не изменил себе и тут.

— Неплохо! Здесь жить — искусство. Мастерство. Высокое.

Вскоре нам стали попадаться сооружения альтаирцев — каменные кубы без окон. Мы вошли в один и засветили фонарями. На окнах вспыхнули люминесцирующие картины. Рисунки меняли окраску и интенсивность, стоило повести фонарями, а когда мы тушили фонари, картины медленно погасали.

Живопись была странна — одни линии, хаотически переплетенные, резкие, мягкие, извилистые, — не штрихи, но контуры. Я вспомнил о математической кривой Пеано, не имевшей ширины и толщины, но заполнявшей любой объем. Линии, какими рисовали альтаирцы, заполняли объем, отчеркивали глубину, изображали воздух и предметы. Я видел все тот же беспощадный пейзаж — неистовое солнце, камни, песок, сооружения. И всюду были сами альтаирцы — нитеногие, паукообразные, проносящиеся между предметами.

На одной картине два альтаирца дрались, яростно переплетаясь отростками, сшибаясь

туловищами. Художник великолепно передал обуревавшую их злобу, стремительность и энергию движений. Я двигался вдоль одной стены, Лусин вдоль другой. Он вдруг закричал:

— Эли! Скорей! Скорей!

Лусин показывал пальцем на картину. На картине были галакты.

И эта картина была рисована линиями — лишь контуры вещей заполняли пейзаж. На камне лежал умирающий бородатый галакт в красном плаще и коротких штанах. Одна рука бессильно отваливалась вбок, другая сжимала грудь, глаза умирающего были закрыты, рот перекошен.

Неподалеку стояли трое закованных галактов — на картине отчетливо виднелась цепь, стягивающая их руки, заложенные за спину. И с тем же жутким совершенством, с каким художник передал страдание в облике умирающего, он изобразил молчаливое отчаяние трех пленников. Они не смотрели на нас, головы их были опущены с безвольной покорностью… А над ними реяли альтаирцы. Каждая линия их тел кричала, альтаирцы метались, хотели что-то сделать, но не знали — что.

— Где же те, кто пленил галактов? — размышлял я. — Очевидно, это не альтаирцы, те сами в

ужасе. Никакого намека на их врагов!

— Загадка. Надо искать. Может, еще картина?

— Надо поискать альтаирцев, — сказал я. — Только они смогут объяснить загадки своих рисунков.

Побродив по пустыне, мы увидели сборище усердно работающих альтаирцев. Шар, заменяющий Альтаир, накаливался по-полдневному, и паукообразные создания светились в видимых лучах, но слабее, чем в зале, где мы их впервые увидели. И если там они были полупрозрачны, то здесь их сходство с призраками еще увеличилось. Кругом были одни тускло мерцающие контуры тел, а не тела. «Вот откуда их странная живописная манера», — подумал я.

Альтаирцы побежали к нам. Они протискивались поближе, стремились дружески обнять ножками-волосиками — пришлось усилить охранное поле. Я настроил дешифратор и пожелал им здоровья. Эти добрые создания в ответ пожелали нам никогда не спать. Очевидно, сон у них — штука страшная, и они его побаиваются.

— Нам очень понравились ваши картины, друзья.

— Да, да! — загомонили они. — Мы рисуем. Мы всегда рисуем.

— И нам хочется знать, что за существа, похожие на нас, изображены на одной вашей картине?

Когда дешифратор преобразовал вопрос в гамма-излучение, альтаирцы словно окаменели. Если бы у них были глаза, я бы сказал, что они замерли, выпучив глаза. Потом по кольцу паукообразных пробежала судорога, и оно стало разваливаться. Передние отступали, кто-то из задних пустился наутек.

— Что с ними? — спросил я Лусина. — Они вроде испугались вопроса.

— Повтори! — посоветовал Лусин. — Не поняли.

Несколько секунд я молчал, обводя альтаирцев взглядом, и они молчали, ожидая, не скажу ли я еще чего-нибудь страшного. А когда я набрался духа и вторично поинтересовался, кто изображен на картине, их охватила паника. Они уносились с такой быстротой, что не прошло и секунды, как около нас никого не было. Я повернулся к Лусину:

— Вот так история! Ты что-нибудь понимаешь?

— Понимаю, — отозвался Лусин. — Загадка.

26

Лусин, выбравшись из гостиницы «Созвездие Орла», сразу затосковал по своим чудищам.

— Да что с ними случится? Пегасы дерутся, а драконы жуют траву. Кому на Оре нужны твои примитивные создания?

— Не говори, — бормотал он. — Не надо. Хорошие.

— Проваливай, — сказал я. — Надоел до смерти. Желаю пегасам попасть в пасть дракона.

Лусин, счастливый, долго хохотал — таким забавным показалось ему мое пожелание. Два пегаса даже из смирных, пусти их, загонят любого дракона.

Я завернул к себе и поспал часок за вчерашнюю бессонную ночь. Меня разбудил вызов Веры. Она требовала меня к себе.

Вера порывисто ходила по комнате, иногда что-нибудь брала со стола и, повертев, клала обратно. На столе у нее множество пустячков — кристаллики с записью, крохотные осветители, зеркальца, гребешки, духи, книги первого века. Когда Вера волнуется, у нее темнеют глаза. Сейчас они были почти черные. Она встряхивала волосами — волосы спадали ей на глаза, и она

отбрасывала их. В гневе Вера только и делает, что взмахивает волосами. «Трясет головой как лошадь», — мстительно думал я в детстве, когда она отчитывала меня. Разгневанная, она так хорошеет! Все неприятные минуты моего детства связаны с образом рассерженного, красивого лица. С той поры я недолюбливаю красивых женщин, и это уже навсегда. Красота для меня неотделима от резких слов. Сегодня Вера была красивей, чем когда-либо. Теперь я твердо знал, что у них с Ромеро разрыв.

— Ну что ты нашел нового, Эли? — Она делала усилие, чтоб слушать.

Она сразу поняла, что мы совершили открытие. До сих пор было известно, что галакты появлялись на одной отдаленной звезде Гиад, в 150 светогодах от Солнца. Теперь следы их обнаружены около Альтаира, в ближайших наших звездных окрестностях.

— Из твоей находки следует, что галакты со своими врагами могут появиться и в Солнечной системе, если уже не появлялись в ней, — сказала Вера. — То, о чем мы на Земле говорили лишь как о теоретической возможности, стало реальной угрозой. Но снова — кто такие разрушители, пленившие галактов? Почему их нет на картине? Не

духи же они, в самом деле! Чем ты объясняешь бегство альтаирцев, брат?

Я развел руками, у меня не было объяснений.

— Еще одна загадка! А теперь поговорим о другом.

— О другом — это значит о Ромеро, сестра?

— Да, о Ромеро. Три часа назад мы с Ромеро запросили МУМ, кто из нас прав. И машина ответила, что я — не права. Помощь звездожителям она объявила несовместимой с принципом, что все совершается для блага человечества и человека.

— Машина соврала! На Земле запросим Большую.

— Нет, машине можно верить, Эли! Если она и не содержит всех знаний Большой, то принципы истолковывает правильно. Такой же ответ даст и Большая.

Я смотрел на Веру во все глаза. Раньше она не уступала, если чувствовала свою правоту. Меня охватила обида за прекрасных вегажителей, за добрых и смертоносных альтаирцев, даже за болтливых, дурно пахнущих, но по-своему симпатичных ангелов.

— Ромеро умело воспользовался последними данными… Он поднимает крик, что человечеству

грозит чуть ли не гибель. А социальные наши машины, конечно, проштампуют его версию — раз над человечеством нависла опасность, нужно думать только о человеке. На то они и машины, чтоб мыслить по-машинному.

— Быстро же ты отступаешься, Вера. Быстро, быстро!..

— Я вспоминаю, — сказала она, — как менялись отношения между людьми. Человечество начало со свирепой взаимной ненависти. «Человек человеку — волк!», «Падающего толкни!», «Каждый за себя, один бог за всех» — таковы были жестокие символы веры тех далеких времен. Что заменило их, когда человечество достигло единства? Гордая формула: «Человек человеку — друг, товарищ и брат!» Почти пять столетий жили мы под сенью этой формулы, ибо никого не знали, кроме человека. А теперь пришло время расширить эту формулу: «Человек всему разумному и доброму во Вселенной — друг!»

И вот Ромеро объявляет, что она противоречит принципу «Общество живет для блага человека — каждому по его потребностям», и машина поддерживает его. Но я утверждаю: если примут мою формулу, принцип «Каждому по его потребностям» останется. Старое, из двадцато-

го века, понятие «потребности», заложенное в программу машин, стало узко. Тогда к потребностям относили создание обеспеченной благами, справедливой жизни человека среди людей — звездожителей мы не знали. А сейчас человек стал лицом к лицу с иными мирами.

Можем ли мы равнодушно пройти мимо разумных существ, томящихся без света, тепла и пищи? Повернется ли у нас язык бросить им: «Вы сами по себе, мы сами по себе — прозябайте, коли лучшего не сумели…» А раз появились новые обязанности, то возникли и новые потребности — мы должны стать достойны самих себя! Мы вступаем в следующую стадию нашего развития — выход в широкий мир. А наши государственные машины застыли на уровне, когда человечество знало лишь себя. Они выражают наше младенчество, мы же стали взрослыми. Надо изменить их программу — вот мой план. Сомневаюсь, чтоб Ромеро удалось долго торжествовать!

Как меня ни захватили мысли Веры, я не мог не указать, что все опять упиралось в проблему галактов. Не скажут ли ей, что рискованно начинать космические преобразования, когда мы не знаем, что ждет нас завтра?

— Уже сказали — Ромеро! Но на их возражения

у меня есть ответ. Разузнаем, какая реальность скрывается в известиях о галактах, — это первое. Второе — только не впадать в панику! Миллионы лет нашу систему не посещали эти таинственные существа, лишь на отдельных звездах о них сохранились предания, — почему мы должны вести себя так, словно завтра ожидаем вторжения? И третье, самое важное, — если где-то в межзвездных пространствах бушуют жестокие войны и войны эти могут затронуть нас, почему нам заранее не объединиться со звездными соседями для отражения враждебных нашествий? Разве, объединенные, мы не станем сильнее? И кто доказал, что будут одни противники? Галакты так похожи на нас, неужели они станут врагами?

— Ресурсы, Вера! Человеческие ресурсы не безграничны. Ты понимаешь, я высказываю не свою мысль, но твоих противников…

— Наши ресурсы огромны, и в нашей воле их увеличить.

Я помолчал, прежде чем задать Вере новый вопрос. До сих пор мы никогда не беседовали о ее личных делах.

— А Ромеро, Вера? Неужели твои доказательства на него не подействовали? Мне всегда казалось, что у вас полное духовное единение.

— И мне так казалось, — сказала она с горечью. — Я думала, что нет человека ближе мне, чем он, — кроме тебя, конечно. Вероятно, я просто закрывала глаза на многие его недостатки. А вчера ночью он кричал, топал ногами, ругался…

— Ты просила его успокоиться?

— Я прогнала его. Я сказала, что он мне омерзителен.

— Ты всегда резка, сестра!

— Я права, Эли! Это единственно важное — я права! А когда он ушел, мне показалось, что у меня разваливается голова. Почему Ромеро? Нет, почему он? Ну, пусть бы другой, я бы пережила это, мало ли какие люди попадаются!.. Но Павел! Я верила в него как в себя, гордилась им. Ты этого не поймешь, Эли, ты еще никого не любил!..

Воодушевление, охватившее ее, когда она излагала мне свои доказательства и предложения, угасло. Она казалась еще измученней, чем утром. Я молчал, не зная, что сказать.

Потом я спросил:

— Как ты мыслишь себе борьбу с Ромеро?

— По возвращении на Землю мы обратимся к людям с просьбой решить, кто прав. Коллективный человеческий разум и воля будут высшими судьями.

27

Андре, разумеется, не поверил, что альтаирцы улепетывают при упоминании о галактах. Он схватил дешифратор и умчался в гостиницу «Созвездие Орла». Днем я повстречал его в столовой. Он уныло жевал мясную синтетику.

— Эти чертовы существа трусливее зайцев! — ругался он. — От меня убегали почище, чем от вас. Кое-что я, впрочем, записал.

— И картины, что вы обнаружили, уже нет, — добавил Андре. — Альтаирцы стерли ее. Зато я знаю, почему вы не увидели разрушителей рядом с закованными галактами.

— Ты, очевидно, разработал новую ослепительную теорию?

— Во всяком случае, справедливую. Секрет в том, что разрушители невидимы.

Он хладнокровно стерпел мое изумление. Когда же я сказал, что он пытается разрешить одну загадку придумыванием другой, еще посложней, Андре презрительно бросил:

— Ты педант и консерватор. Всякая новизна претит тебе уже по одному тому, что она — новизна. Подумай над этим на досуге, Эли. Еще не поздно исправиться. Жду перелома.

Он махнул мне рукой и убежал заканчивать подготовку к своему концерту. Он любил прерывать споры так, чтобы последнее слово оставалось за ним.

Я посетил Труба. Строптивого ангела днем выпустили наружу, но он устроил на площади очередной скандал. Спыхальский распорядился водворить его на прежнее место. Мне показалось, что Труб обрадовался моему приходу, хотя ни единым движением крыльев не показал этого. Он скосил на меня угрюмые глаза и что-то проворчал.

— Как настроение, Труб? Не мучают страшные сны?

— Не хочу здесь больше, — зарычал он. — Отправьте меня домой. Ненавижу низменных двукрылых, которым вы угождаете.

— Не все двукрылы, Труб. Попадаются и четырехкрылые.

— Их тоже ненавижу. Всех ненавижу!

— А себя любишь?

Он уставился на меня, как на дурака. Я ожидал ответа с такой серьезностью, что он смутился.

— Не знаю, — сказал он почти вежливо. — Не думал.

Я похлопал его по плечу и приласкал вели-

колепные перья. Это был чудесный экземпляр настоящего боевого ангела.

— Глупый ты, Труб! — сказал я от души.

Он молчал, возбужденно ероша перья. В глазах у него появилась почти человеческая тоска. Но он заговорил с обычной строптивостью:

— Ты не ответил, человек: когда повезете нас обратно?

— Подготавливается звездная конференция. Поговорим о формах общения, о межзвездных рейсах и прочем. А после конференции — по домам!

Он величественно закутался в крылья.

— Конференции меня не интересуют. Двукрылые пищат о межзвездной торговле. Не терплю торгашей!

Уже в дверях я спросил:

— Меня ты терпишь? Заходить к тебе?

Он хмуро проговорил:

— Заходи! И товарищи твои… тоже…

28

Конференция звездожителей удалась на славу. Огромный зал Галактических Приемов был разбит на секторы, прикрытые куполами, а внутри каждого сектора созданы свои условия: льдеба-

ранцы находят расплющивающее тяготение, альтаирцы — жесткое излучение своего яростного светила, вегажители — томный полумрак с роскошными растениями. Лишь для ангелов с Гиад условий не обеспечили: этот народ отлично приспосабливается к любым.

Много секторов пустует. Конструкторы Оры предусмотрели столько разных возможностей существования, что половину их пока не удалось обнаружить.

Я хотел посидеть с Фиолой во время совещания. Но Вера настояла, чтоб я явился в сектор Солнца, где собрались люди. Я сел между Ромеро и Андре, тут же разместились Аллан, Ольга, Лусин, Леонид, позади и впереди — работники Оры, свободные от дежурств по механизмам. Людей набралось порядочно. Еще больше было гостей, особенно ангелов.

За отдельным столиком в центре зала уселись Вера и Спыхальский — председатели сегодняшнего совещания.

Я толкнул локтем хмурого Андре:

— Надо бы выбрать президиум, как любили предки, по одному представителю от созвездия, как по-твоему?

Он буркнул:

— Обратись к Ромеро. Я не специалист по президиумам.

К Ромеро я не обратился. Ромеро поставил трость между ног и скрестил на набалдашнике руки. Он со скучающим презрением оглядывал зал.

Спыхальский предложил Вере доложить о цели первого межзвездного совещания. Вера в своей речи объявила начало новой космической эры — периода внутригалактического сотрудничества. Андре показалось, что Вера старается расписать межзвездное сотрудничество слишком уж розовыми красками.

— Вселенское благотворительное общество, — сказал он, зевнув. — Братство падающих с неба синтетических галушек. Великое объединение звездожителей губ-не-дур.

Я с упреком спросил, не он ли недавно сочинил симфонию о гармонии звездных миров.

— Я, — отозвался Андре равнодушно. — И сейчас я за космическое товарищество. Но пусть и звездные братцы закатывают рукава.

29

Последние дни пребывания на Оре заполняли совещания — то людей меж собой, то людей с

группами звездожителей. На одном из совещаний у Спыхальского, без звездных гостей, было решено, что два самых крупных галактических корабля, «Пожиратель пространства» и «Кормчий», должны продолжать путешествие в глубь Галактики.

Вера объяснила, почему вторжение в звездную глубину не может быть отложено. У экспедиции на Ору было две задачи, из них выполнена лишь первая: заложены организационные основы Межзвездного Союза.

— Однако, — сказала Вера, — где-то обитает высокоразвитый народ галактов, нового о нем мы не узнали. У этого народа имеются могущественные враги, и о них мы ничего не знаем. Вся работа по созданию братства звездожителей станет необеспеченной, если не дознаемся, не грозит ли что-либо проектируемому Межзвездному Союзу. Куда направить корабли на поиск? Откуда галакты прилетали в созвездия Гиад и Альтаир? Вероятней всего, из Плеяд — ближайшего к Гиадам скопления звезд. Итак, прыжок на Плеяды, где люди еще не бывали, — вот очередное задание. Я лечу на «Пожирателе пространства», — закончила Вера. — Эвакуация гостей и отправка кораблей на Землю возлагается на руководителей Оры.

Я спросил Ромеро, когда совещание закончилось:

— Вы с нами, Павел, или на Землю?

Он сухо ответил:

— В древности главным достоинством мужчины считалось умение сражаться с врагами. «Пожиратель пространства» имеет задание — разведать врагов. Я потерял бы к себе уважение, если бы уклонился от возможности показать свою мужскую храбрость!

На другой день флотилия из трех звездолетов с ангелами уходила на Гиады. Посадка крылатых на корабли совершалась под крики, хлопанье крыльев и клекот. Знакомые ангелы кидались прощаться, увеличивая беспорядок плачем и причитаниями. А потом в крылатой толпе появился Труб, и разыгрался скандал. Труб заметил нас и, расшвыривая сородичей мощными крыльями, ринулся наперерез общему потоку. Он ревел, обращаясь почему-то ко мне одному:

— Эли! Эли! Эли!

Обхватив меня крыльями, он страшно заклекотал:

— Не пойду! Хочу с людьми!

У Лусина в глазах стояли слезы. Он с нежностью гладил глянцевитые крылья Труба.

— Хороший, — шептал он. — Замечательный. Лучше всех.

Я разыскал Спыхальского и объяснил, что происходит.

— Хотите взять ангела с собой? — изумился Спыхальский. — А какого вам черта в ангеле?

— Посмотрите на него, — сказал я. — Это же красавец. Привести такого на Землю, он же всех потрясет. И он привязался к нам не меньше, чем мы к нему.

Спыхальский вызвал Веру, сообщил ей о желании Труба и нашем и от себя добавил, что ходатайствует о том же.

— Можете взять Труба, — сказала Вера, исчезая.

Я помчался к своим, издали крича, что дело выгорело.

У Труба дьявольская сила в крыльях, он так сжал ими, что у меня закружилась голова.

— Я твой раб, — сказал он. — Раб навеки, Эли!

— Ты мой адъютант, — сказал я. — Адъютант — это что-то не ниже друга, что-то близкое, почти братское. На правах друга я попрошу об одном приятельском одолжении.

— Спрашивай и требуй. Я счастлив, могущественный…

— Прими ванну и смени одежду. На складе заготовлены тюки ангельских рубах, возьми дюжину в запас.

Он немедленно взмыл вверх.

Для такого тяжеловеса летал он великолепно.

Часть вторая
ПОХОД ЗВЕЗДНОГО ПЛУГА

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Ф. Тютчев

1

Когда я оглядываюсь на пройденный путь, меня охватывает сложное чувство: печаль понесенных утрат и гордость. Мы были участниками самой трудной космической экспедиции из всех доныне свершенных и полностью выполнили свой человеческий долг.

Дело не в том, конечно, что за два земных года мы преодолели десять тысяч светолет, и если не вторглись в таинственный центр Галактики, скрытый темными туманностями, то проникли в звездную бездну так далеко, как еще никто до нас. Если бы лишь этим — триллионами оставленных за кормой километров — исчерпывалась заслу-

га, гордиться было бы нечем. Пустота остается пустотою, большая она или малая. Но мы узнали, как высоко достигнутое иными существами могущество, как огромны добро и несправедливость, схватившиеся меж собою в галактической схватке, и как неизбежно все это заставляет человека, лишь вступившего на звездный путь, втягиваться в не им начатые споры, ибо, кроме него, некому их решить окончательно. «Наш век трагичен», — часто говорил бедняга Андре и доказал это собственной жизнью. За бортом нашего корабля промелькнули тысячи звездных систем — ни в одной мы не открыли сладенького рая спокойствия и благости.

Зато нам пришлось обрушить тяжкий кулак человеческой мощи на тех, кто строит свое маленькое счастьице на большом несчастье других. В сплетение кипящих во Вселенной страстей мы вторглись величайшими из доселе существовавших собственными нашей страстью и силой — страстью разума, силою справедливости. Быть злым ко злому — тоже доброта. Мы промчались меж звезд факелом освобождения, ударили в грудь жестоких угнетателей мечом возмездия. Да, конечно, полной победы мы не добились, я далек от такого высокомерного заблуждения, мы

были разведчиками, а не армией человечества. Но мы знаем теперь, за кого мы и кто против нас, мы знаем, что тысячи обитаемых миров, проведав о нашем выходе во Вселенную, с мольбой и надеждой простирают к нам руки.

Вот она вьется тонкою нитью, пылевая стежка, след нашего полета. Я надеюсь, я уверен, что недалек тот час, когда проложенная нами в космосе тропка превратится в широкую дорогу, высочайшую трассу Вселенной — от человека к мирам, от миров к человеку!

2

Первым летел «Пожиратель пространства», за ним «Кормчий». Командиром первого звездолета была Ольга, помогали ей Леонид и Осима. Вторым звездолетом командовал Аллан. Вера избрала «Пожиратель пространства», с ней были я, Лусин, Андре, Ромеро.

Я каждый день подолгу работал с Верой над ее отчетом Земле, и она разрешила вызывать себя без предупреждения. Как-то, высветив ее комнату, я увидел Ромеро. Мне надо было тотчас погасить вызов. Растерянный, я забыл об этом. Вера прижималась к стене, Ромеро схватил ее за плечи. У него бело сверкали глаза, дыхание

вырывалось со свистом.

— Нет! — не говорил, а шипел он. — Нет, Вера! Этого не будет!

— Уйди! — требовала она, вырываясь. — Я не хочу тебя видеть. Отпусти руки, мне больно!

Ромеро отошел на середину комнаты. Он запнулся, отходя, и бешено глянул на пол, я хорошо помню его взгляд, полный ярости, — он ненавидел даже вещи.

Вера поправила кружевной воротничок.

— Вот так лучше. И поставим на этом точку, Павел. Уходи!

Он взглянул не на нее, а на меня. Он не мог знать, что я незримо присутствую, но повернулся ко мне. Его сведенные брови как бы ударились одна о другую, скулы ходили. Если бы я был с ними, я бы загородил Веру. От человека с таким лицом нельзя ждать доброго.

— В древности существовал неплохой обычай, — заговорил он хрипло. — Дамы, бросая поклонников, объясняли, что перестало им нравиться у отвергаемых. Надеюсь, ты не откажешь мне в вежливости твоих легкомысленных предшественниц?

— Ты хочешь сказать, что я легкомысленна?

— Я хочу знать, что случилось? Только одно

— что?

— Ты не знаешь? Странно для такого проницательного человека, каким ты считаешь себя, Павел.

— Вера, клянусь тебе! Крыша обрушится на голову — не так неожиданно!.. Всего я ожидал от поездки на Ору…

— Хорошо, слушай. Я не люблю тебя. Этого хватит?

— Это я знаю. Но почему? По-человечески объясни — почему?

— Я могла бы ответить твоим любимым присловьем: неизвестно, почему возникает любовь, неизвестно, почему она пропадает. Вряд ли тебя удовлетворит объяснение в твоем стиле. Так вот, я не люблю тебя, ибо не уважаю. На этот раз достаточно?

Он помолчал, набираясь духу.

— Значит, все дело в звездных недочеловеках? В бегемотах с Альдебарана, пауках с Альтаира, змеях с Веги, тупых ангелочках с Гиад? Они тебе дороже, чем я? Я встал на защиту человека и в результате потерял единственное человеческое чувство, что нас связывало, — нашу любовь?

— Павел, наш разговор беспредметен. Неужели ты не понимаешь, что каждым словом усилива-

ешь отвращение к себе.

Гордость боролась в нем со страстью. На миг мне стало жаль его. Еще больше мне было страшно за Веру. В неистовстве он мог поднять на нее руку. Я сжимал кулаки от бессилия. Мне надо было оградить ее грудью, а не подглядывать!

— Я бы ползал перед тобой на коленях, целовал твое платье, — сказал он горько. — Я гордился бы долей быть твоим слугой, рабом твоим, если бы тебе хоть немного это было нужно.

— Рабов мне не нужно. А слуг у каждого хватает.

— Да, механических! Механических, будьте вы все!..Восемнадцать миллиардов киловатт на человека, так ведь? Восемнадцать миллиардов киловатт, двести миллиардов египетских рабов! Какой фараон, какой президент мог похвастаться такой армией лакеев? И среди этой бездны киловатт ни единого горячего, преданного, человеческого сердца! Автоматы вы или люди, вы, апостолы всеобщей помощи? Как я ненавижу вас!

Вера подошла к нему вплотную. Теперь я боялся, что она первая ударит его.

— Я долго ждала такого признания. Вот он весь ты — ненависть порождает любовь?

Он опустился на колени и, обхватив Веру, прижался лицом к ее платью — она молча боролась с ним. Он в исступлении целовал ее ноги.

— Оставь! — закричала она гневно. — Зачем ты мучаешь себя и меня?

Он медленно поднялся. Он стоял, пошатываясь.

— Верочка, Верочка! — шептал он, задыхаясь, и неуверенно, как слепец, протянул к ней руки. У него были мутные глаза, мне показалось, что он и вправду не видит. Она отодвинулась. — Верочка, жить без тебя!.. Пойми, жить без тебя!.. Все, что потребуешь, ни единого слова против, восхвалять буду… Верочка!

Она руками заслонилась от него, отвернула лицо от его отчаянного взгляда. Он подошел ближе, она оттолкнула его:

— Отойди и успокойся! Это недостойно — действовать такими средствами… У нас с тобой спор о принципах. Будь честен, Павел, ты не переделаешь себя!

— Переделать себя! — бормотал он глухо. — Переделать себя!

Он вдруг скверно выругался и пошел к двери. Вера устало села на диван и закрыла глаза. Она по-прежнему не догадывалась, что я наблюдаю

за ней. Так, с закрытыми глазами, она сидела минуты две. Потом она стала плакать, сперва тихо, почти беззвучно. Рыдания, усиливаясь, трясли ее тело. Вера повалилась лицом на диван, вскрикивала, захлебывалась слезами. Я погасил вызов.

3

Лусин со своим новым любимцем Трубом пропадает в недрах корабля, и мы его почти не видим. Ангел учится говорить по-человечески без дешифратора. На столе у Андре стоит карточка Жанны. Жанна так походит на Андре, что издали их путаешь. Многое тут от природы, но еще больше от старания — одинаковые, до плеч, локоны, тот же наклон головы, тот же покрой одежды. Не знаю, кто к кому приноравливается, — вероятно, оба стараются, но они больше смахивают на брата и сестру, чем на мужа с женой.

Однажды на столе у Андре появился и его будущий сынишка, три гороскопических фотографии — каким тот будет в год, в два и в десять лет.

— Иконостас родственников, — сказал я. — Затосковал, милок?

— Сегодня Олег родился, — торжественно ответил Андре. — В десять утра по местному земному времени. Толстенный парень, сероглазый и ро-

зовощекий, шестьдесят три сантиметра, пять с половиной килограммов улыбок и веселья — вот он каков!

Я полюбопытствовал, как известие с Земли преодолело разделявшие нас в это время четыреста светолет.

Андре поглядел на меня с возмущением.

— Не думал, что ты забудешь о машинном гороскопе малыша. Мне подарили в дорогу альбом состояний Жанны на все дни беременности.

Он вытащил из стола объемистую книгу. На каждой странице имелась дата, фотография Жанны, синтезированная по формулам этого дня, и запись, как Жанна будет чувствовать себя, а также какой у нее на эти сутки режим сна, еды и прогулок. Я перелистал книгу.

Корабли третий месяц шли курсом на Плеяды.

Скорость звездолетов равнялась трем тысячам световых, мы основательно вспахивали пространство. Из мироздания был вырван клок вакуума, достаточный для образования звезды. Если бы нарушенная нами геометрия этого участка мира не восстанавливалась за счет невозмущенной мировой пустоты, изменения от вторжения Звездных Плугов были бы еще значительней. «Зола космического пространства», — сказал как-то

Андре, рассматривая образованную нами пыль.

Я забросил Плеяды и перевел умножитель немного в сторону. Передо мной засияли два рассеянных звездных скопления — Хи и Аш Персея.

С Земли и Плутона я часто рассматривал эти плотные кучки светил, удаленных от нас на четыре тысячи светолет. Никогда они не вызывали во мне большого интереса. Но сейчас в их рисунке было что-то непонятно знакомое. Я понимал, что это обман восприятия: отсюда, с Плеяд, далекие скопления Персея видны под другим углом, чем с Земли или Оры. Не только я, но и никто из людей не наблюдал еще этих скоплений в такой проекции, они не могли быть мне знакомы. Так я говорил себе, пытаясь подавить нараставшее волнение.

— Что с тобой? — спросил Андре. — Третий раз окликаю, не отзываешься. Посмотри на Электру. Искусственный свет над одной из планеток.

— Отстань! — пробормотал я. — Надоела твоя Электра!

Две сияющие кучки звезд были почти равны, но одна казалась концентрированней — многие тысячи светил, натолканные в узкий объем… Она была похожа на сжатый кулак, ударивший в центр другого скопления, — звезды разлетались

в стороны как осколки… Внезапно я вспомнил, где уже видел эту картину.

Я схватил Андре за плечи, потряс его. Голова его моталась, он безвольно щелкал челюстями.

— Они с Персея! — орал я. — Они с Персея!

— Отпусти! — молил он. — Ты вытрясешь из меня зубы. Кто они? Почему Персей?

— Разрушители! Я знаю теперь, где гнездятся эти чертовы создания.

Андре так разволновался, что потерял голос.

— Вспомни картины в Оранжевом зале, — говорил я. — Вспомни, как ты убеждал нас, что слышал вопль, исторгнутый звездным скоплением при ударе… Разве это не те звезды? Я спрашиваю тебя, разве это не в точности та же картина?

Андре наконец оторвался от умножителя.

— Эли, друг мой, ты совершил открытие, — сказал он торжественно. — Я всегда был уверен, что ты предназначен природою для чего-то более серьезного, чем скучное зубоскальство. А теперь бегом к Вере.

— Зачем? Успеется.

— Ничего не успеется. Надо срочно менять курс. Зачем нам Плеяды, если те, кого мы ищем, в Персее?

Он тянул и толкал меня. Я уже хотел подняться, но в это мгновение вспыхнули аварийные сигналы, завизжали сирены. Небесную сферу затянуло дымкой. Мы услышали спокойный голос Ольги:

— Справа впереди по курсу космическое тело с околосветовой скоростью. Объявляю общую тревогу. Мы выходим из сверхсветовой области.

В последующие минуты на свободных креслах обсервационного зала непрерывно появлялись пассажиры. Рядом со мной уселась Вера. Я торопливо рассказал ей, что увидел в Персее.

— Мы поручим автоматам проверить твое наблюдение, — сказала она. — Но сейчас меня интересует, что за тело несется с такой скоростью. Что, если это звездолет?

Через некоторое время анализаторы доложили:

— Впереди корабль на фотонной тяге с бездействующими двигателями. Движется по инерции.

4

Космический корабль предстал в умножителе светящейся точкой, потом удлинился до стручка. Это была металлическая ракета. Мы различали кормовые дюзы, не экранированные броневыми плитами окна. «Пожиратель пространства»

подал сигналы, незнакомый корабль не откликнулся. Андре стал доказывать, что перед нами «Менделеев» Роберта Листа, затерявшийся в мировом пространстве четыреста лет назад. Мне показалось невероятным, чтоб корабль с мертвым экипажем мог сохраниться за четыре века блуждания.

— Что-то не верится в летучих голландцев космоса!

Когда до корабля оставалось с миллион километров, на нем заработала радиостанция. Андре запустил дешифратор на все радиодиапазоны. Незнакомые звездоплаватели, применяя старинную азбуку Морзе, пытались заговорить с нами на русском и английском языках. Отчетливо различались фразы: «Земля… Лишен управления. Камагин, Громан… Земля… Звездолет „Менделеев“…»

— На этот раз ты угадал, — сказал я Андре. — Первый успех после многих провалов.

В пространство понеслись радиоволны нашего корабля. «Слышу вас хорошо, — диктовала Ольга. — Я звездолет с Земли. Отсутствие у вас управления значения не имеет. Заторможу и поведу на посадку своими полями. Дверей без команды не открывать».

А затем «Пожиратель пространства» повис над фотонным звездолетом, осветив его прожекторами. Рядом со Звездным Плугом ракета казалась крохотной. Поле плавно втягивало «Менделеева» в недра нашего корабля, потом вывело на причальную площадь, где стояли оперативные звездолеты, планетолеты и авиетки.

Дверь ракеты распахнулась, из нее высунулась лесенка. На лесенку выбрались два молодых человека. Они сорвали с себя шлемы и замахали ими, мы закричали и зааплодировали. Потом, словно по соглашению, на миг наступила тишина, и мы услышали первые слова космонавтов с ракеты.

— Боже, какие они высокие! — сказал один по-русски. — Это же не люди, а великаны!

А второй восторженно воскликнул:

— Эдуард, у них нормальная тяжесть! Здесь наши магнитные башмаки ни к чему!

К ним подошел Ромеро. Он единственный среди нас владеет древними языками. Ромеро пожал каждому руку и поздравил с благополучным причаливанием.

— Надеюсь, вы здоровы? На борту имеются средства от любой хвори.

— Мы здоровы, — ответил первый. — Нас двое: я — Эдуард Камагин, помощник командира, и Ва-

силий Громан — штурман. Товарищи наши… они недавно погибли в катастрофе. — Он добавил с волнением: — Почему вы не появились на месяц, всего на месяц раньше?

— Давно стартовали с Земли, дорогие друзья?

На это ответил Громан:

— Не так давно: три года назад.

На площади пронесся гул, мы переглядывались. Ракеты в наше время можно увидеть лишь в музеях.

— Вы забываете, земляки, об Эйнштейновом замедлении времени, — весело сказал Камагин. — Чем больше торопилась наша ракета, тем тише плелось бортовое время. Когда мы покидали Землю, шел сорок первый год новой эры. — Он посмотрел на Ромеро. — Не откажите в любезности сообщить, какое сегодня столетие на дворе?

Ромеро ответил:

— Сегодня девятое апреля пятьсот шестьдесят третьего года новой эры!

5

Их все изумляло, этих славных парней, пятьсот двадцать лет назад стартовавших в космос и вскоре затерявшихся в его просторах. Они восхищались всем. О корабле они сказали: «Летающий

остров — вот что это такое!» Их поражало, что внутри звездолета имеются не только машины, но и городок с парком и бассейнами. И они чуть ли не со страхом глядели на нас: наш рост поражал их, пожалуй, больше, чем размеры корабля. А когда они узнали, что мы движемся в сверхсветовой области и превращаем пространство в вещество, в материальные тела, как говорили в их времена, и столь же легко создаем гигантские пустоты из уничтожаемых материальных тел, то решили, что мы шутим. Физика двадцатого века старой эры с ее непониманием вещественности пространства, с преклонением перед необъяснимо предельной скоростью света, засела у них в мозгах как гвоздь!

— Мы знали, что вы, наши потомки, далеко уйдете вперед, — сказал Громан, когда ему разъяснили, что такое эффект Танева. — Но такой скачок!..

После того как молодые «предки» отдохнули, они рассказали подробности своего затянувшегося путешествия.

Звездолет «Менделеев», самое совершенное человеческое творение того времени, отчалил от Земли в пятницу, 13 августа 41 года новой эры, имея на борту четырнадцать инженеров и двух

капитанов — Роберта Листа и Эдуарда Камагина. Съестных припасов и ракетного горючего было взято с расчетом на пятьдесят лет путешествия. В первые месяцы рейса миновали Солнечную систему, углубились в межзвездные просторы — шли курсом на Сириус. Цель экспедиции состояла в исследовании этой двойной звезды, в частности — меньшей, белого карлика.

Вскоре после выхода за Солнечную систему звездолет разогнали до световых величин. Лишь три тысячи километров в секунду отделяли их от светового барьера. Начали действовать околосветовые эффекты — увеличение массы звездолета, замедление бортового времени. А затем произошла катастрофа — удар шального метеорита и взрыв. Та часть звездолета, где хранились запасы антивещества, была уничтожена. К счастью, корабль разделен на отсеки, и люди не пострадали. Места разрушения были блокированы. Корабль, получивший от взрыва дополнительное ускорение, продолжал мчаться, но уже не в сторону Сириуса, а в созвездие Тельца, к рассеянному скоплению Плеяд. И выправить курс было невозможно, у них не осталось фотонного горючего, не действовали тяговые механизмы.

После первого отчаяния Роберт Лист потребо-

вал от космонавтов, чтобы они взяли себя в руки. Плохо, говорил он, но мы еще не погибли, а это уже хорошо. Времени достаточно — вся жизнь, имеются механизмы, материалы, лаборатории, будем заделывать повреждения, попытаемся произвести некоторое количество горючего. Скорость у нас гигантская, убеждал он, нужно лишь изменить ее направление, может, и удастся вывернуть звездолет назад. Мы еще вернемся на Землю, твердил он, давайте закатывать рукава!

И вот они приступили к труду, продолжавшемуся, по их бортовому времени, около трех лет, а по земному — свыше четырех столетий. Повреждения были заделаны, и тяговые механизмы, ослабленные, но работоспособные, ожидали лишь топлива. Космонавты уже считали дни до пуска двигателей, когда разразилась вторая катастрофа. Камагин и Громан в тот день дежурили в штурманской рубке — лишь они уцелели…

Эдуард Камагин, вспоминая появление светящегося шара, весь побелел, и нам передалось его волнение. Шар возник внезапно, именно возник, а не приблизился: зеленый, пронзительно излучающий, он словно выпрыгнул из небытия «по щучьему велению» — это было первое загадочное, что принес он с собою. «Менделеев» несся

вплотную у светового барьера, и тем не менее шар настигал звездолет. Он был огромен — светящаяся планетка.

«Эдуард, дай наши позывные! — приказал Лист. — Интересно, корабль это или космическое тело?»

Это были последние слова Листа. Камагин запустил передатчик и фотографирующий аппарат обзора. Он не успел отнять пальцев от пульта, как страшная тяжесть вдавила его в приборный щит. Теряя сознание от перегрузки, он услышал вопли товарищей.

Когда Камагин очнулся, шара не было. Проявленные впоследствии снимки показали его внезапное исчезновение — не удаление, а скачок в небытие. Шар пропал, как будто и не появлялся! Около Камагина лежал стонущий Громан. Камагин влил ему в рот воды и подтащил к креслу. Немного оправившись, они спустились в лабораторию. На полу лежали мертвые товарищи: кто погиб от перегрузки, кого придавило рухнувшими предметами.

— Мы уложили их в холодильник, — закончил Камагин свое печальное повествование. — Пленки со снимками шара хранятся в сейфе.

На другой день останки космонавтов пере-

несли на наше кладбище в парке — склеп с прозрачными саркофагами, где в нейтральной атмосфере трупы, нетленные, сохраняются вечно. Гремела траурная музыка двадцатого века, над погибшими склонялось знамя Освобожденного Человечества, найденное на звездолете «Менделеев».

6

Позади остался рассеянный звездный шлейф Стожар, мы приближаемся к центру скопления. Вокруг множество ярких звезд. Однако космической пустоты хватает — одна звезда от другой отстоит если не на десятки светолет, как у нас, то и не ближе светогода. Наш курс — по-прежнему на Электру. На звездолете образована исследовательская группа. Космонавты Камагин и Громан включены в нее. Руководит Андре, я — первый помощник. Я спросил Лусина:

— Как Труб? Не рвется наружу?

Лицо Лусина осветилось, ответ был ясен без слов.

— Готовь ангела в полет. Будет разведчиком.

На походе к Электре звездолет перешел на субсветовые скорости.

Из осторожности Ольга не приближалась ни к

одному светилу, поджидая «Кормчий». Тот шел в сверхсветовой области, пока невидимый, но сами мы были ему уже видны. Мы пробирались к Электре по сложной кривой. Одни автоматы выискивали в пространстве чужеродные тела, другие нацеливались на планеты. Андре хвастался, что различает города и каналы на второй планете, я видел лишь ночное свечение, разгоравшееся с наступлением сумерек. Мы назвали планету Сигмой.

Вскоре стали поступать сигналы от «Кормчего». Ему передали о встрече с «Менделеевым» и о таинственном шаре. Встреча звездолетов произошла недалеко от «Электры». Из «Кормчего» вынесся планетолет. Аллан, сдав корабль помощникам, отправился к нам. С ним был его вечный походный чемоданчик.

— Где предки? — гремел он. — Дайте-ка расцеловать их!

Он так стиснул Камагина и Громана, одновременно обоих, что они заохали. Ни тот, ни другой не доставали Аллану до плеча.

— Вот вы какие! — грохотал Аллан. — Точь-в-точь как на фотографии, ну ни капельки не переменились за четыре столетия. Можете сами полюбоваться — здорово, правда?

Он вытащил из чемоданчика книги, журналы и монографии первого столетия. Со страниц на гостей глядели они сами и их погибшие товарищи — репортажи с космодрома, сообщение об утрате связи со звездолетом и изменении его курса. В последних журналах грустная правительственная сводка поисков извещала о неудаче попыток наладить связь с пропавшим звездолетом. Там же похоронными колонками выстраивались статьи друзей и ученых: да, погиб великолепный корабль, и все они погибли, наши дорогие товарищи, отважные разведчики галактических бездн.

Было что-то трогательное и странное, что родные и друзья космонавтов, горевавшие о их гибели, сами давно, четыре века назад, простились с жизнью, даже памяти о них не сохранилось, кроме как на пожелтевших бумажных страницах. А те, кончину кого они оплакивали, стояли рядом с нами — молодые, здоровые, красивые, далекие предки наши, живущие с нами предки, с которыми еще предстояло работать, спорить, сражаться плечом к плечу против общих врагов. Камагин со слезами обнял улыбающегося Аллана. Громан тоже заплакал, разглядывая фотографии давно умерших товарищей и родных.

— Это подарок — да! — сказал потом Кама-

гин. — Самый дорогой, самый неожиданный — взгляд в неизвестное нам будущее, которое давно стало прошлым.

— Именно ваше будущее! — захохотал Аллан. — Самый свежий журналец — через двадцать лет после старта «Менделеева», а ведь по вашему календарю с того часа прошло всего три года, так что события еще предстоят. Покажите теперь, братья-звездопроходцы, на какой космической галоше вас унесло с Земли на Плеяды.

Он отправился с космонавтами осматривать их звездолет, а я стал готовиться к высадке на Сигму. Дело это возложили на меня.

7

Мы высадились на планету 8 мая 563 года.

День этот отмечен в календаре моего сердца черной краской. В школе я знакомился с подлостями прошлых веков человечества. По космическому масштабу, они были мелки: войны между крохотными государствами, людские свары… Здесь я увидел подлость такую космически огромную, что путались мысли. И здесь я потерял самого близкого мне человека.

На Сигме имелись города. Именно имелись, их уже не было, когда мы высадились. Я забегаю впе-

ред. Мне надо начать с того, как мы исследовали издали четыре спутника Электры.

Первая, ближняя планета нас не заинтересовала. Это был огненно-дымный шар — океаны лавы и тучи сернистого газа над ними. Никакие формы жизни не могли существовать в этом адском пекле. Две крайние планеты тоже не привлекали: они были покрыты толщами вечного льда.

Но вторая, Сигма, вспыхивавшая вечерами розоватым сиянием, была похожа на Землю: океаны, горы, леса и реки. Одно поразило нас: приближаясь, мы сигнализировали радиоволнами и светом, но ответа не получили. Побаиваются неожиданных пришельцев, думали мы. Оба звездолета повисли над планетой, а к ней направился планетолет: Андре, я и Лусин с Трубом. Из осторожности много людей решили в разведку не посылать.

Сперва мы облетели Сигму — обнаружили четыре города и десяток поселений, но ни жителей, ни машин не увидели. Внизу лежали четко распланированные ящики глухих зданий, они складывались в улицы, улицы вливались в площади — и улицы, и площади были пусты. Андре выбрал лужайку в леске недалеко от города и вылез первый. Когда я стал выбираться, меня

обогнал Труб. Ангел с шумом вырвался наружу. Как ни просторно в звездолете, но здесь ему было вольготней. Он стонал от восторга и кувыркался в воздухе, как мальчишка на авиетке.

— Отправимся на поиски местных жителей, — сказал Андре.

Труб понесся вперед, стараясь обогнать авиетки, но вскоре отстал. Лусин посадил к себе пристыженного ангела. Мы не торопясь продвигались к городу. После пещерных жилищ альдебаранцев и защитных рощ вегажителей город нас не поразил. Здесь все же были здания — ящики без окон и дверей, с какими-то отверстиями у крыш, приземистые, угрюмые, непомерно длинные — иные простирались на километр и больше. Если бы не исполинские размеры помещений, я сказал бы, что они напоминают дома альтаирцев.

— Ручаюсь, что жители здесь крылаты, — сказал Андре. — Что-нибудь вроде нашего Труба.

Но они были скорей похожи на кузнечиков, чем на ангелов. Мы вскоре увидели группу таких кузнечиков, ростом с наших десятилетних детей, зеленых, чешуйчатых, прозрачнокрылых, шестиногих, с прямо поставленной, узкой, почти человеческой головой, — мертвых… Они лежали

у стены, окровавленные, расплющенные, ни у одного не билось сердце, ни один не дышал. Мы молча стояли перед ними, лишь Труб со свистом рассекал воздух крылами.

— Нет мира под звездами, — хмуро сказал Андре. Он поманил Труба. — А ну, приятель, просунь голову в дырку и доложи, что видишь.

Труб пролез в одно из верхних отверстий и пропадал минуты две. Потом он камнем рухнул вниз.

— Смерть! — хрипел он в волнении. — Все убиты!

Я подозвал Труба. Он с готовностью подставил спину. Этот крылатый парень был силен как бык и легко доставил меня к отверстию. Я просунул вниз ноги и сел, ухватившись руками за край отверстия.

— Внутрь и побыстрее, Труб! — сказал я.

Он мигом проник в другое отверстие и подлетел ко мне изнутри. Я шире его в плечах и не мог пролезть так легко. Труб дернул меня за ноги и подхватил на лету. Я засветил карманный прожектор.

В гигантском каменном сарае были навалены штабелями мертвые кузнечики с человеческими головами. Везде лежали мертвецы, одни мерт-

вецы — никто не приподнял головы, никто не шевельнул крыльями.

— Мор или побоище? — спросил Андре, когда мы с Трубом вернулись.

— Вероятней, что побоище. Жители города прятались под защитой стен, смерть настигла их в укрытии. И произошло это недавно, может, несколько дней или часов назад. Трупы расплющены, очевидно, удар из гравитационных орудий.

Впереди тянулась стена здания, перегородившего улицу, мы свернули налево, Лусин вдруг побежал, крича:

— Человек! Мы. Такой же.

Мы поспешили за ним, нас опередил с клекотом Труб.

На крохотной площади, образованной торцами трех зданий-сараев, стояла скульптурная группа из трех фигур. Высокий человек обнимал двух человекоголовых кузнечиков. Все трое смеялись, поднимая лица вверх, они чему-то одинаково радовались. Желтый, нарядный камень, не похожий на холодный мрамор наших статуй, дополнял впечатление радости.

— Галакт, — сказал Андре, показывая на изогнувшиеся в разные стороны пальцы центральной фигуры.

— Встреча друзей, — сказал Лусин. — Сошел с неба. Ждет других.

Я не мог оторваться от галакта. Скульпторы Земли не умеют с такой живостью передавать лица, в изображениях всегда остается что-то безжизненное, показывающее, что перед тобой камень, а не тело. Здесь было живое лицо, до того живое, что хотелось улыбнуться в ответ на его улыбку. И снова меня поразили огромные глаза галакта. Почти четырехугольные, они захватывали добрую треть лица. И у них было свое выражение — сквозь веселье проступала тревога, художник мастерски передал ее: кузне-

чики с умными человеческими лицами только радовались, обнимая галакта, он и радовался, и тревожился, был счастлив и насторожен, он, казалось, не одних веселых известий ожидал, вглядываясь в небо.

Я мысленно вызвал Веру. Во вспыхнувшем видеостолбе я увидел командирский зал, в креслах сидели Вера, Ольга и Леонид.

— Не беспокойся, — сказала Вера. — Мы следим за вами.

— Значит, вы видели ужасы этого города мертвецов? И понимаете, что это значит?

— Да, Эли. Вы защищены мощными полями, пользуйтесь ими.

Вокруг нас летал Труб, то взмывая, то падая вниз. Внезапно он унесся в сторону, и вскоре раздался его призывный клекот. Он кричал так страшно, что мы со всех ног кинулись к нему. Я вспомнил, что он не обучен пользоваться защитными полями, и огородил его своим. Труба отбросило от глыбы, на которую он с яростью кидался. Я поспешно снял поле. Труб так и не понял, что произошло. Он потом рассказывал, что невероятная сила схватила его за волосы и метнула прочь.

— Враг! — надрывался Труб, снова бросаясь на

глыбу. — Подлый!

Но это было не живое существо, как показалось Трубу, а снова камень.

На отполированном пьедестале возвышалось нечто странное: не то раздувшаяся черепаха, не то рыцарский шлем из земных музеев. А из середины каменной опухоли вздымалась гибкая — змеиным телом — трубка, и на конце ее был нарост, вроде ананаса. Он сверкал, этот нарост, от него отбрасывались лучи, но не как от лампочки — сплошным сиянием, а словно от тысячи колюче-ярких остриев, как если бы он был инкрустирован драгоценными камнями и каждая грань блистала особо. В облике удивительного сооружения ощущалось что-то зловещее, и я понимал Труба, набросившегося на него с таким неистовством.

— Не разрушитель ли это? — сказал Андре без обычной уверенности.

— Скорей боевая машина разрушителя, — высказался я. — А огурец на шее — глаза или перископ. Конструкция, живая или механическая, которую так и хочется назвать головоглазом.

— Третья! — крикнул Лусин, бросаясь в проход между зданиями. — Головоглаз первоклассный! И галакт — тоже!..

Третья скульптурная группа в самом деле была великолепна. Слово «великолепна» относится к мастерству, а не к содержанию. На краю постамента громоздилась такая же каменная туша со сверкающим наростом, а в центре и с другого края располагались два галакта и восемь жителей Сигмы.

Притихшие, мы замерли перед скульптурой. Вторично, после уничтоженной картины альтаирцев, мы видели ужасную сцену неволи. На шее галактов висели цепи, такие же цепи были и у жителей Сигмы. Это была процессия невольников, и первыми невольниками шли галакты, а сверкавший перископом головоглаз был, очевидно, надсмотрщиком.

— И все-таки кое-чему я во всем этом безобразии радуюсь, — сказал я. — И знаешь чему, Андре? Теперь мы можем спокойно закрыть одно твое открытие. Я имею в виду твою грозную теорию невидимок.

— Не могу передать, как я сам рад! — воскликнул Андре. — Вид у этой бронированной опухоли отвратительный, но все же это тело, а не привидение.

— И я думаю… — начал я, но не закончил.

— На помощь! — отчаянно крикнул Андре.

Ошеломляюще острый свет ударил нас по глазам, и необоримая тяжесть швырнула на стену здания.

Мне показалось, что я попал под пресс и раздавлен.

8

Это продолжалось, очевидно, сотые доли секунды — стремительный, тотчас же отраженный удар.

Теперь я понимаю, что, если бы друзья на звездолетах не следили за нами, мы были бы уничтожены первым же гравитационным выстрелом головоглаза. Наши индивидуальные поля, как потом выяснилось, слишком слабы, чтобы противостоять мощи создаваемых ими в коротких ударах перегрузок тяжести. И когда разрушитель послал свой убийственный импульс, защитные наши поля были смяты, лишь ослабив навалившийся на нас тысячетонный груз. Зато на помощь пришли автоматы звездолетов, их встречный импульс нейтрализовал удар.

Несмотря на потрясение, я удержался на ногах. В секунды больших напряжений мысль и чувства убыстряются в сотни раз. Я слышал, видел, воспринимал десятки важных образов, давал на них

ответы, отвергал, принимал — все сразу. Во мне кричал яростный голос Леонида: «Кинжальное поле, Эли, кинжальное поле!», я видел перекошенное лицо самого Леонида, он, отдаленный от нас тысячами километров, сражался вместе с нами.

И тут же я увидел посиневших, задыхавшихся Андре и Лусина — главная волна перегрузок обрушилась на них, и, почти расплющенные, они боролись с самими собой, чтобы не потерять сознания. И еще я увидел головоглаза — огромную землистую опухоль с длинной шеей и сверкающим на шее страшным глазом. Он выполз из-за стены и приближался, готовя новый, в десятки раз усиленный удар, который, возможно, уже не смогли бы отразить далекие автоматы звездолетов.

Все это запечатлелось в моей памяти единой картиной, оно, вероятно, и было единой картиной, ибо совершилось в десятые доли секунды — появление разрушителя, стремительная атака Труба, мой бешеный выпад. Я не знаю сейчас, что тогда поразило меня больше: вид погибающих Андре и Лусина, свирепый облик наступающего разрушителя или глыбой упавший с высоты Труб.

Отважный ангел с ревом низринулся на врага, выбросив свои грозные когти. Он нацелился на его глаз, и нападение, видимо, было так неожиданно для головоглаза, что Трубу удалось полоснуть его когтями. Головоглаз мотнул шеей, выбросил свое поле вверх, Труб отлетел в сторону, крылья его были сломаны, смятые перья облаком рассеивались в воздухе. И в это мгновение я поразил разрушителя насмерть.

Я хорошо помню свое собственное состояние в тот миг. Я зарычал от непереносимого бешенства. Все мои помыслы были сконцентрированы в точечном фокусе одной мысли: «Пронзить! Пронзить!» И, до нестерпимости сжав свое охранное поле в узкий, как луч, пучок, я ударил им врага, как шпагой. Головоглаз не упал, обливаясь кровью, но лопнул, как мыльный пузырь, по которому хлопнули палкой. Взрыв, взвившийся столб огня и дыма, падающие куски и капли — вот и все. Существо, напавшее на нас, было превращено в осколки — не повержено, а разбрызгано. Я тогда не знал, что это — единственная форма смерти головоглазов.

Я кинулся к Андре и Лусину. Андре, бледный, пошатывался, глаза его были закрыты. Лусин пришел в себя быстрее.

— Труб, кажется, погиб! — крикнул я. — Посмотри Труба, Лусин.

Лусин, держась за стены, направился нетвердым шагом к Трубу. Поверженный ангел лежал у стены, Лусин пытался поднять его и не мог. Я возился с Андре. Тот открывал глаза, но еще не мог говорить. Я выкликнул авиетки, но они не появились. Я выругался и вызвал планетолет. Он тоже не отозвался. Вспыхнул видеостолб. Никогда не забуду страха на лице Веры. Она глядела на меня, словно я был уже мертв.

— Эли! — простонала она. — Вас окружают, Эли!

Ее сменил Леонид. Его резкое лицо пылало гневом.

— Авиетки уничтожены! — крикнул он. — Планетолет поврежден. К вам ползет не меньше полусотни этих тварей. Мы усилили ваши поля до предела, идем на помощь. Держитесь, братья!

— Сколько у нас времени? — спросил я. — Минуты? Секунды?

— Минуты три. Прячьтесь за экранирующие укрытия!

Оставив Андре у стены, я помчался к Лусину. Вместе мы перетащили Труба к Андре. Бедный ангел был так помят, что голова его бессильно

завалилась. Но в нем еще бушевал задор битвы, он хрипло заклекотал, когда его проносили мимо места, где стоял головоглаз, остатки перьев на сломанных крыльях злобно взъерошились.

Положительно, я испытывал нежность к этому молодцу!

Я оглянулся. Ничего экранирующего от гравитационных полей вблизи не было. Я потряс Андре.

— Нас окружают враги! Надо концентрировать поля.

Андре вздрогнул и сел. В его глазах появилась мысль. Я оставил его и обратился к Трубу. Я был теперь спокоен за Андре. Сознание опасности и необходимости присоединить свои усилия к общим усилиям — лучшее лекарство для таких, как он.

С ангелом было хуже. Он хорошо сражался крыльями и когтями, умело наваливался телом, но плохо оперировал полем. Поле приводится в действие мыслью и ощущением, Труб никак не мог постигнуть, что одно желание обороняться есть уже оборона. Для него существует лишь мир видимый и осязаемый. Того, что нельзя потрогать, того попросту нет — вот его понимание мира: храбрый, но наивный парень.

— Появятся головоглазы, сам не шевелись, а

кричи на них: назад! назад! Про себя кричи, понимаешь? — убеждал я его. — А если не можешь про себя, ори вслух, это тоже подействует.

— Их надо рвать зубами, бить телом! — твердил он в волнении и пытался встать, помогая себе обломками крыльев, но они не держали, и он охал и морщился от боли.

И тут показались разрушители. Они выкатывались из-за стен, неуклюже шествовали по улице, предваряемые сумрачным сиянием своих глазоголов. Багровые пламена метались меж стен, становились все ярче, мы словно попали в центр гонимого ветром пожара, до того мощно и зловеще было выбрасываемое ими красноватое сияние. Чтобы не ослепнуть, мы опустили шлемы и включили на скафандрах светофильтры. Андре, окончательно придя в себя, раскрыл чемоданчик дешифратора и пустил его на все диапазоны.

— Сумасшедший, зачем? — прошептал я.

— Не помешает. Я уверен, что они переговариваются между собою и сияние их голов связано с этим.

Я человек другого толка, чем Андре. Я весь был поглощен ощущением предстоящего боя. Уверенности, что мы отразим нападение, у меня не было, но что дешево мы не отдадим жизни, я

знал твердо.

Врагов собиралось все больше, они выстраивались полукругом, неторопливо приближались. Я понимал их план, в основе его лежал нехитрый расчет. Сила их гравитационных полей обратно пропорциональна квадрату расстояния — вдвое сокращая его, они усиливали свой удар в четыре раза. Судя по всему, они намеревались методично сжимать кольцо, сколько позволит сопротивление наших полей, а там, внезапно суммировав усилия, нанести короткий уничтожающий удар.

Я понял, что, если не расстроить их план, они превратят нас в раздавленное яйцо. Во мне пылала злоба против этих бестий, без причин и повода напавших на нас. Я должен был выплеснуть ее в хорошем выпаде. У нас было огромное личное преимущество перед ними — скорость нашего бега, — я надумал использовать это преимущество.

— Концентрируйте на мне свои поля! — приказал я. — Сейчас я покажу этим светящимся черепахам, что им далеко до людей!

— Эли! — сказал Лусин. — Берегись! Концентрируем!

И тогда я ринулся на ближайшего головоглаза. Он выполз немного дальше других и поплатился за неосторожность жизнью. Брызги его еще

сыпались на землю, когда мое кинжальное поле прошило насквозь его соседа.

Разрушители попятились, головы их тревожно усилили и без того мощный свет, теперь они пылали, как прожектора, даже сквозь густые светофильтры глазам стало больно. Тело мое сжало словно тисками, я стал задыхаться от боли. Сжатие налетело мгновенно, тут же ослабло, снова усилилось и спало — головоглазы рубили меня гравитационными импульсами, а друзья отражали удары своими полями. Я зашатался, теряя сознание, и, перед тем как рухнул, успел разбрызгать еще одного врага.

Андре и Лусин подбежали, и я упал им на руки. Они проворно оттащили меня под прикрытие стены. Лусин хохотал и топал ногами, ангел свирепо рычал, обнажая клыки, даже Андре смеялся. Нам — не говорю об ангеле, конечно, — еще не приходилось драться насмерть с врагами, и первая удача хмелем бросилась в голову.

— На атомы! — орал Лусин. — В брызги! Так их!

Андре первый успокоился.

— Они повторяют натиск, — сказал он.

Головоглазы снова шли на нас полукругом. На этот раз они изменили план нападения. Центр их

надвигался осторожнее, чем крылья, они старались охватить нас с боков и отсюда, поле на поле, смять двумя встречными ударами. А если бы я опять вырвался вперед, они, отступив в центре, спокойно расправились бы с моими друзьями, лишенными защиты с флангов. Расчет их был на такого недальновидного противника, что я почувствовал к ним презрение. Я еще не знал тогда, что не следует считать врага глупее себя, если не хочешь, чтоб он тебя перехитрил.

— Мы тоже повторим нападение, но уже по-иному, — сказал я.

И когда они приблизились на достаточное расстояние, мы, собранные в кулак — трое людей впереди, прихрамывающий ангел сзади, — ударили по их левому крылу. Все было рассчитано до мелочей и удалось даже в мелочах. Нападая на одно крыло, мы удалялись от другого и тем ослабляли его удар, а с центром во время короткой схватки можно было не считаться: раз проученный, он не спешил попасть под кинжальные поля.

Разя уже не одним, а четырьмя полями, мы обратили в бегство весь их левый край. Преследовать мы не могли, пришлось поворачиваться к центру и второму крылу. Коротким выпадом

мы заставили и их попятиться. Поле боя было усыпано останками уничтоженных врагов.

Мы опять укрылись под защиту стены и перевели дух.

Эти дьявольские создания, однако, хорошо учились на неудачах. Они поняли, что, атакуя цепью, лишь подставляют себя под клинки наших силовых шпаг. Сейчас они шли компактными группами, голов на двадцать каждая, туша к туше. То самое, чем мы разметали их во второй атаке, они обращали против нас — многократно усиленное, собранное в кулак поле. Никаким выпадом, как бы он ни был быстр, мы не смогли бы разметать столь многократно суммированный силовой поток. Теперь время, отведенное нам на жизнь, определялось лишь скоростью сближения.

— Ты успеешь вызвать звездолет и записать прощание, Андре, — сказал я и отвернулся.

Враги не торопились. Они знали, что мы у них в полях. Они наступали осмотрительно. Андре вызвал звездолет. Никогда еще порывистый Андре не говорил так ровно и ясно.

— Жанна! Олег! — диктовал он. — Через две минуты меня не станет. Я люблю вас. Будьте счастливы!

— Обнимемся, друзья! — сказал я. — И потом ударим в последний разок. Не стоит тянуть эту волынку.

Мы обнялись. Труб припал к моему плечу и всхлипывал, как человек. Оказанная этому чудаку человеческая ласка почти примирила его с гибелью. Я подал сигнал, и мы бросились на центральную группу головоглазов. Как я и опасался, нам не удалось ее разметать. Мы даже не смогли собрать остриями поля — так непреоборимы были охватившие нас силовые цепи. Лишь Лусин пронзил одного врага и тут же сам упал. Я не хотел ни кричать, ни звать на помощь, но отчаянный вопль непроизвольно исторгнулся из меня. Рядом закричал Андре.

И не успели наши крики оборваться, как сверху что-то обрушилось и все волшебно переменилось: внезапно ослабли тиски, погасло нестерпимое жжение перископов, а головоглаз, на которого я перед тем нацелился, но не достал, взвился облаком брызг и пыли.

— Концентрируйтесь на мне! — грянул дикий голос Леонида. — Вперед!

Я пошатнулся, и меня поддержал Ромеро.

— Не правда ли, неплохой удар, храбрый Эли? — сказал он, усмехаясь. — Кажется, мне удалось

разложить вашего противника на молекулы. Соберитесь с полем и поспешим за нашим боевым вождем!

9

Леонид рвался вперед, и перед ним, словно сметаемые вихрем, разлетались и распадались враги. С двух боков его охраняли Аллан и Андре, сзади торопились, поддерживая друг друга, Лусин и ангел. Я сделал шаг и почувствовал, что у меня нет сил двигаться.

— Смелее, смелее! — подбадривал Ромеро. — Вам, конечно, досталось побольше, раньше всего они собирались покончить с вами, но нельзя же так распускаться, говорю вам, соберитесь с полем!

— Не отставай, Эли! — весело орал Аллан. — Покажи им, чего ты стоишь, Эли!

Уговоры и крики, а также то, что я увидел низкорослых Громана и Камагина, бежавших на помощь передовой группе, придали мне бодрости. Я двигался все уверенней, и мы догнали Леонида. Я схватил его за руку и прошептал:

— Подожди! Их не надо истреблять. Нужно хоть одного заполучить живьем.

— Правильно! — сказал Аллан и захохотал. —

Притащить такое чудище на Землю! Раньше это называлось «добыть языка». — Он повернулся к Камагину и Громану. — Так ли, предки?

Те подтвердили, что добывание языков и скальпов — важная операция в любой цивилизованной войне. В их времена войн уже не было, но предания о них сохранялись. Кроме того, они читали о войнах в книгах. Писатели древности с охотой изображали ужасы: кражи, убийства, погоню за прибылью и славой, измены жен и мужей, коварные продвижения по так называемой службе и прочие дикие действия, требовавшие хитрости и крови. Так как мы в этом далеком созвездии столкнулись с жестоким народом, то и нам следовало знать кое-что из обычаев тех воинственных времен.

Андре поднял кусок тела одного из разлетевшихся головоглазов.

— Посмотрите-ка! Они не существа, а машины!

На его ладони лежал смоченный темной жидкостью набор элементов электрической схемы — полупроводников, сопротивлений, емкостей, соединительных каналов. Это было, несомненно, искусственное приспособление.

— Нет, — сказал Лусин, поднимая с камня другую часть тела. — Организм. Вот!

Второй кусок был живой тканью — в нем переплетались нервы и сухожилия, виднелся обломок кости, приставшее к кости мясо. Андре вертел находку, обмазывая пальцы в неприятной клейкой жидкости.

— Да, — признался он. — Не механизмы.

Наши спасители ушли, прихватив Труба, а мы втроем обшаривали арену недавней битвы. И снова я поразился, до чего велики силы, взрывавшие сраженных врагов. Термин «разбрызган» был не образным выражением, а точно описывал гибель головоглаза.

— Мне кажется, странная форма уничтожения есть ключ к тайне их существования, — сказал я после того, как, повозившись полчаса, мы раздобыли десяток кусочков.

Андре разложил кусочки в ряд.

— Посмотрите, шесть — живые ткани, четыре — искусственные элементы. Вам это ничего не говорит?

— Понимаю, — сказал Лусин. — Наполовину — организм, наполовину — механизм. Полуживой, полуискусственный. Нет?

— Да, — сказал Андре. — Именно это.

— Вы забываете еще об одной возможности: живой разрушитель сидит в машине, — возразил

я. — При распаде ткани тела перемешиваются с частями механизма — вот и разгадка.

— Тогда полюбуйся вот этим кусочком.

Кусочек и вправду был поразительный — живая ткань переплеталась с искусственной, одно продолжало другое: из кости вытягивался провод, на конденсаторе виднелись нервы и крохи мяса. Это было органическое соединение, а не механическое соседствование живого и мертвого.

— Две возможности, — сказал Андре. — Или живые существа открыли способ мастерски заменять свои несовершенные органы искусственными и стали наполовину механизмами. Или, наоборот, кем-то созданные автоматы научились монтировать в себя органические ткани и поднялись до степени полуорганизмов. В том и в другом случае мы имеем дело с объектами высокой культуры.

Для меня сложная природа разрушителей объясняла самое важное: их жестокость. Существа, деградировавшие до механизмов, не могли не потерять доброты.

— Зовут, — сказал Лусин. — Поспешим.

10

Леонид мрачно прохаживался у одного из зданий. Он так взглянул на нас, словно мы тоже принадлежали к породе головоглазов. Было ясно, что заполучить разрушителя живьем не удалось.

— Распадаются, как мыльные пузыри. Остались в живых три.

В углу между двух стен сидели головоглазы, сжатые нашими полями. Враги были обессилены — глаза светились тускло, временами исторгаемые гравитационные импульсы утеряли прежнюю мощь. Андре запустил дешифратор. Ромеро поманил меня к себе.

— Знаете, почему мы ни одного не взяли живьем? Вам покажется невероятным! Они кончают с собой, когда положение безвыходно! Самовзрывающаяся конструкция — таковы наши противники.

В это время Камагин, сконцентрировав в себе три поля, отрывал одного головоглаза от двух других. Когда между ним и остальными образовался просвет, разрушитель ударил глазом по телу. Раздался взрыв, и головоглаз разлетелся кучкой мокрого праха. Два оставшихся еще теснее прижались один к другому. Их головы

сумрачно мерцали.

— Так все они! — сказал Леонид, топнув ногой. — Хоть руками хватай их за проклятую голову!

— Как у тебя? — спросил я Андре. — У них, кажется, световая речь, а это штука нехитрая.

— В том-то и дело, что нет. — Андре озадаченно пожал плечами. — От них исходят слабые гравитационные импульсы, похожие на речевые, а свечение лишь сопутствует им. С такой формой речи я сталкиваюсь впервые. Ключ, ключ! Один бы сигнал расшифровать.

— Сейчас дам тебе ключ. Я кое-что сделаю, следи за их реакцией.

Я выдвинулся вперед, ударил — не очень сильно — полем и снова отошел. Операцию эту я повторял раза три, потом стал осторожно раздвигать головоглазов. И опять, бросив это занятие, я перешел к ударам. Удары были несильны, оплеухи, а не рапиры. Раза два я наставлял на головоглазов растопыренные пальцы.

— Хватит! — сказал Андре радостно. — Теперь, кажется, мы расшифруем их речь. Слушайте, это поразительно!

Впоследствии выяснилось, что в деталях расшифровка была неточна, но суть передавала

правильно:

«Тот же, убийца первого… Опять тот же… Опять… он раздвигает… Прикажите экранированным… Только они…На планете двое, все погибли… Я слабею. Не хватает гравитации. Отвечаю: они каменнопалые, они другие…Экранированных… До вечера не удержусь… Ударю головой… планета больше не нужна…»

Очевидно, где-то неподалеку была их база, и они переговаривались с ней. Надо было ждать нового нападения.

— Помощь к ним придет не раньше ночи, — сказал Леонид. — Значит, надо справиться с ними к ночи.

— Гравитация у них слабеет, — сказал Андре. — Что таится в этой странной фразе? И почему не обнаружены импульсы их собеседника?

— Собеседник далеко, — возразил я. — Дешифратор не принял его слабых импульсов.

— Планета, — выговорил Лусин, — не нужна. Уничтожат?

— Практически сейчас важна лишь угроза: «Ударю головой», — сказал Камагин. — Несомненно, это извещение о готовящемся самоубийстве. Надо предотвратить его, но как?

— Лишить этих молодчиков возможности дви-

гать головой, — загремел Аллан. — Отрубить ее мечевым полем — и все!

— Нет, — возразил я. — Тогда они развалятся. Андре прав: что-то важное связано с тем, что слабеет гравитация. Давайте сожмем их полями и перетащим в барокамеру сдавленными.

Лишенные возможности пошевелиться, они вскоре были растащены. И тут один все же ухитрился ударить себя головой. Тем тщательнее мы оперировали с последним. Мы несли его к планетолету, на котором прибыла помощь, отдельно сжимая полями туловище и отдельно голову. Он явственно ослабевал. Импульсы его становились невнятнее, голова перестала шевелиться и погасла.

— Умер, кажется, — сказал Андре, когда мы помещали головоглаза в барокамеру планетолета. — Дешифратор не улавливает излучений.

Мы усилили давление в камере, запустили бортовой гравитатор. Если головоглазу нравилась большая тяжесть, то он мог пользоваться ею и после смерти. Закрепив голову, чтобы она случайно не упала на тело, мы надежно устроили разрушителя в его временной усыпальнице.

— Поищем жителей планеты, — сказал Леонид. — Может, удастся кого живого найти.

Мы облетели город, направились к другим городам. Они казались копиями друг друга. Везде были ужасные следы разгрома, зеленые утром леса и луга сохли и поникали, опадая. Зелень на планете была полностью истреблена, как и насадившие ее умные кузнечики с почти человечьими головами.

11

Теперь я перехожу к трагедии Андре, и у меня путаются мысли.

Даже сейчас, отдаленный от того страшного дня годами и событиями еще пострашнее, я не понимаю до конца всего, что произошло.

И прежде всего, не понимаю себя. Как я мог оказаться таким легкомысленным? Почему все мы вели себя как несмышленыши? Уже и тогда мы знали, что боремся с коварным, технически очень развитым врагом, мы знали и тогда, что во многом враг этот превосходит нас, — почему, нет, почему, самодовольные глупцы, мы не подумали о простейших, элементарно неизбежных мерах защиты? Враг сам указал, чем собирается одолеть нас. Почему мы пренебрегли его угрозой?

Я снова перечитываю гравиграмму переговоров головоглаза со своей базой и вижу, что из

всех толкований загадочного слова «экранированные» выбрал самое далекое от истины. И Андре, бедный Андре, так прозорливо угадавший невидимость наших противников, он разве с облегчением не отказался от своего провидения? Я снова спрашиваю себя: почему глаза наши затмило слепотой в тот решающий миг, когда требовалась вся острота зрения? Или, узнав, как уродливы и неуклюжи первые противники и как легко мы расправляемся с ними слабыми нашими полями, мы сразу преисполнились неумного презрения к ним, даже не попытавшись узнать, все ли они такие?

Над Сигмой опускалась ночь. Посланная врагами подмога уже приближалась к планете. До жестокого удара оставались считанные минуты. А мы болтали, радуясь легко вырванной победе!

— Здесь хорошие ночи! — сказал я Андре. — Даже эта автоматическая иллюминация не забивает блеска звезд.

С минуту мы любовались небом. Воздух был удивительно прозрачен. Экранированные враги уже висели над нами, выбирая момент для прыжка, а мы безмятежно восхищались светилами Плеяд.

— Торопитесь! — сердито крикнул Леонид. —

Одних вас ждем.

Я сделал шаг к планетолету и тут услышал крик Андре. Он хрипел, голос обрывался — его душили, он отчаянно бился. Я чувствовал пульсацию его поля, никогда ни до, ни после того я не испытывал такого ощущения — поле Андре взрывало меня, вздымалось во мне собственной моей дико убыстренной кровью.

— Эли, помоги! — кричал Андре. — Эли, Эли!

Я кинулся к нему и не увидел его. Над черной землей густо сверкали звезды, воздух был тих и прозрачен. Где-то рядом со мной хрипел и звал на помощь Андре, я слышал его с безмерной отчетливостью, я знал, что ему затыкают рот, что он захлебывается собственным криком и, выворачивая шею, на секунды освобождая лицо, снова кричит, все снова кричит о помощи — и я не видел его!

— Эли! Эли! — слышал я вопль. — Эли! Эли!

— Невидимки! — крикнул я в неистовстве и бросил свое поле на крик, не соображая уже, что оно так же опасно для Андре, как и для напавших на него.

И тут я в последний раз увидел Андре.

Мой удар отбросил кого-то из невидимок. В воздух вдруг вырвались ноги Андре — они бешено

боролись, ударяли во что-то, брыкались, словно их пытались сдавить, а они не давались. И только ноги были видны, одни ноги! На том месте, где должны были быть туловище и голова, мирно светили звезды. С тех пор прошло много лет, но до сих пор передо мной во всех подробностях встает эта картина — одни сражающиеся в воздухе ноги Андре.

Я не успел собраться с полем, но нанес второй удар. Я знал, что товарищи спешат на помощь и самое главное — не дать утащить Андре, пока они не подоспеют. Я нанес второй удар, чтобы полностью раскрыть Андре, но промахнулся. Какая-то сила подбросила меня в воздух. Я оглянулся и понял, что стал невидим. Я не нашел своего туловища и ног. Я видел сквозь тело камешки и траву на земле — они отдалялись и быстро пропадали в черноте опускавшейся ночи. Какие-то гибкие путы вязали и скручивали мне руки, тащили вверх. Захваченный врасплох, я все же до предела напряг свое поле и задержал подъем.

Теперь я колебался метрах в пяти над землей. Андре по-прежнему кричал, но крик его прерывался чаще и становился глуше. Андре непреодолимо утаскивало наверх. Он снова стал полностью невидим.

Внизу я увидел бежавших друзей. Они мчались на крик Андре, сам я, напрягая поле, чтоб не дать одолеть себя, был охвачен молчаливым ожесточением борьбы. Леонид остановился подо мной и поднял вверх голову.

— Где вы? — кричал он в тревоге. — Я вас не вижу! Где вы?

Что-то отвратительно жесткое и холодное закрыло мне рот. Я вывернулся и крикнул вниз:

— Концентрируйте на мне поля! Андре утаскивают нав…

На этот раз рычаги сдавили мою голову и шею так основательно, что легким не хватило дыхания. Перед глазами заметались красные полосы. Вместе с тем я сразу почувствовал, как наливается мощью мое ослабевшее поле. Я уже почти терял сознание от удушья, но не пустил поле в ход немедленно. Я еще поупирался немного, а потом рванулся изо всех сил.

Напавших на меня противников разметало как пушинки. Один, сраженный, выпал в видимость и рухнул рядом со мной на землю. Я вскочил на ноги и выкрикнул авиетку. Рядом со мной взвилась авиетка Ромеро.

— Берегитесь, они невидимки! — успел я крикнуть.

Вырвавшись вверх, я остановился. Ромеро тоже замер в воздухе. Мне показалось, будто сбоку доносится крик и прерывистое дыхание. Я устремился на эти звуки, прощупывая силовыми линиями прозрачный воздух. Как слепой, протягивающий вперед руки в поисках предметов, я протягивал свое поле, стараясь уцепить сражающуюся в воздухе невидимую группу. Но ни я, ни Ромеро ничего не обнаружили.

— Надо как-то рационализировать наши поиски, — сказал Ромеро, подлетая ко мне. — Согласитесь, это метание вслепую…

— Они утащат его! — твердил я, не слушая.

— Они уже утащили Андре. Вопрос: куда они скрылись? Мы их ищем над полем боя, а они, может быть, давно уже покинули планету. Надо вызывать звездолеты.

На звездолетах уже знали о несчастье. Локаторы кораблей обрыскивали пространство вокруг планеты. Чувствительность их такова, что они засекают пуговицу на расстоянии в сто тысяч километров. Андре и его похитители были больше пуговицы, а звездолеты держались к планете ближе ста тысяч километров, но даже следов разрушителей не было.

Мы еще не знали тогда, что все типы наших

локаторов бессильны перед их экранирующими устройствами. Действенные средства борьбы против невидимок нам еще лишь предстояло изобрести. Сейчас каждому ясно, что мы опрометчиво ввязались в борьбу, хоть и грозно, как мы доказали впоследствии, вооруженные, но совершенно не представляя себе, что потребуется для этой борьбы.

Мы были подобны слепому гиганту, яростно бросившемуся на зрячих врагов. Тем, конечно, не поздоровится, если они попадут ему в руки — если они попадут!.. Несчастье — похищение Андре — уже разразилось над нами, но еще никто не отдавал себе отчета в размерах несчастья. Меньше всех понимал тщету наших поисков я. Меня трясло отчаяние, я знал лишь то, что Андре перед гибелью звал на помощь одного меня, а я помощи не оказал. Я проклинал себя, впивался глазами в темноту — авиетка черной молнией проносилась над ночной Сигмой. Не помню, сколько времени продолжались наши метания над планетой. Мы с Ромеро взмывали и рушились вниз, бросались в стороны. К нам присоединились Лусин и Аллан. Четыре поля, перекрещиваясь, ощупывали каждую молекулу воздуха. На них накладывались гигантские локаторные поля звездолетов,

широкие силовые конусы планетолета. Все было напрасно.

Ко мне снова подлетел Ромеро.

— Со звездолета передали, чтоб мы прекратили поиски. Нам дают четверть часа на возвращение. Что-то еще случилось важное.

К этому времени я был обессилен и опустошен. Я опустился около планетолета и поплелся к входу. Меня встретил подавленный Леонид.

— Посмотри, кто боролся с тобой, Эли, — сказал он, показывая на ящик около планетолета.

В ящике лежали останки моего врага. Я тупо смотрел на него, не отдавая себе отчета в том, что вижу. Я так уверовал, что умирающие разрушители разлетаются в брызги и пыль, что уже не допускал для них другой кончины. Потом я сообразил, что если это и разрушитель, то мало похожий на тех, с какими мы боролись раньше.

— Знаете, кого напоминает мне этот уродец? — прошептал изумленный Ромеро. — Человечков из арматуры и железного лома, которыми пугали зрителей в старину скульпторы-абстракционисты.

Я молча обернулся к Ромеро. Я понятия не имел, что когда-то жили такие скульпторы, никогда не видел их изделий.

Существо, лежавшее в ящике, было собрано из одних костей или прутьев — центральный столб, две ноги, две руки, два кольца, толщиной с нашу шею, на том месте, где у нас бедра, а взамен головы хитрое переплетение костяных трубок. Это был скелет, только сочленения скелета, прочные и гибкие, изгибались легче человеческих. Лишь в бредовом видении могли примерещиться такие чудища.

Лусин поднял сломанную при падении на землю кость ноги.

— Смотри, Эли. Мясо и нервы — тоже. Только внутри. И кровеносные сосуды. У нас кости — опора. У них — оболочка. Очень толстая кость. Надежная конструкция тела. Природа поработала. Интересно, сколько миллиардов лет? За сто миллионов не создать…

— Звездолеты опять торопят нас! — сказал Леонид. — Внесем ящик в планетолет и отправляемся.

Пока автоматы возились с ящиком, я отошел к месту, где был похищен Андре. Терзавшее меня отчаяние разрешилось диким приступом. Я упал на землю, и рыдал, и кусал ее в бессильной ярости, и бил ее кулаками. Я проклинал и этот отвратительный скелет, на создание которого

природа затратила миллиарды лет, и эту мягкую, еще теплую, еще живую, хотя и опустошенную чужую землю, которая тоже существовала, наверное, не меньше миллиарда лет, и особенно себя за свою нерадивость и нерасторопность.

Но невидимка, уже погибший, лежал в ящике, а чужой земле, насчитывающей миллиард лет существования, осталось существовать меньше часа — она была обречена независимо от моих проклятий. А мне еще многое предстояло испытать, такое же горькое, как гибель Андре.

Меня обнял Лусин. Он лег рядом и плакал, как я.

— Пойдем, — шептал он, тихонько плача. — Пойдем, Эли. Больше нельзя! Последнее сообщение — приближается крейсер разрушителей.

12

Когда планетолет исчез в недрах «Пожирателя пространства», оба корабля быстро удалились от Сигмы.

Лицо Веры опухло от слез, она ни о чем не расспрашивала: они видели на экране нашу борьбу с невидимками. Я спросил, почему нам запретили продолжать поиски? Вероятно, произошло что-то ужасное, раз решились на такой приказ.

— Пространство полно гравитационных возмущений, — ответила Вера. — Дешифраторы перехватили депешу невидимок. К счастью, вам удалось правильно распутать их код, и мы ее прочли. Судя по сообщению, Андре на планете уже нет.

«Взяли одного камнепалого, — было в перехваченной гравиграмме. — Разрушитель номер сто тридцать погиб. Уходим на базу. Пора кончать с планетой».

Все свободные от вахты были в обсервационном зале. Рядом со мной села Ольга. Она сдала командование Леониду, была его вахта.

— Эли, дорогой, — сказала Ольга. — Такая страшная гибель…

— Исчезновение, — сказал я. — Андре не погиб, а похищен. Запомни это, Ольга.

Ольга не отозвалась. Я тоже не хотел говорить. Слова не могли ни помочь, ни утешить. Мы не знали самого главного: где Андре? Может, он неподалеку, невидимый и недоступный. Я готов был бить себя кулаками по лицу, кричать от боли и ярости. Я стиснул зубы и молчал, задыхаясь.

В этот момент появился шар разрушителей. Он воистину словно выпрыгнул из небытия, точь-в-точь как описывали космонавты с «Менделеева».

Он возник сразу, неистово несущийся, огромный. Он шел на Сигму, притормаживая.

Шар летел теперь над поверхностью Сигмы. Никто не заметил, как его облет превратился в гравитационный удар по планете. Все, что было на ней, — города, леса, равнины, — вдруг взметнулось вверх, словно вырванное гигантским плугом.

На Сигме бурно вздымалась исполинская приливная волна — с той разницей, что это была волна не воды в океане, а твердых планетных масс, вал камней и грунта. Тяжелые облака пыли затянули взорванную планету, она вся представляла теперь лишь прах и дым. Никакое извержение вулкана, никакой атомный взрыв не причинил бы таких гигантских разрушений, как облет этого грозного шара вокруг планеты. Многие тысячелетия, может, миллионы лет должны будут пройти, пока Сигма станет вновь удобной для жизни.

Крейсер завернул за край Сигмы, теперь он вздымал поверхность ее обратной стороны.

— Леонид! — кричала Вера. — Останови его силой!

— Нет! — воскликнул я. — Нет, Вера! На Сигме жизни больше нет, а на шаре — Андре. Мы еще

не все сделали, чтобы спасти его.

— Да и поздно выручать Сигму, — отозвался Леонид. — Мы не ожидали, что он способен на такое… Не исключено, что он и с нами попытается проделать эту штуку. Разбойнику не поздоровится, если он нападет.

— Если придется принять с ним бой, помните, что на нем Андре.

Корабль разрушителей, вынырнув с другой стороны, уже лег на обратный курс, когда заметил нас. Он завернул и пошел на сближение.

Леонид и Аллан запустили аннигиляторы вещества, реакционная масса, сгорая в топках аннигиляторов, вырывалась наружу пространством. Из осторожности ни Аллан, ни Леонид не вовлекали в аннигиляцию окружающие космические тела. В этом пока не было нужды — вражеский крейсер, летя почти со световой скоростью, не приближался ни на километр, навстречу ему мчались такие объемы космической пустоты, что продраться сквозь нее он не сумел.

Со стороны казалось, будто наши корабли, обладая преимуществом в скорости, удирали от преследователя. Если разрушители сами не владели техникой аннигиляции вещества, то им трудно было догадаться, что в действительности

мы и не думали никуда двигаться.

МУМ расшифровала гравиграмму крейсера: «Вижу чужой корабль, сближение не удается. Перехожу на сверхсветовую, чтобы вырваться в конус удара».

— Пусть переходят, — сказал Леонид. — Пока большой опасности нет.

Я не разделял оптимизма Леонида. Уйдя в сверхсветовую область, крейсер стал не только невидим, но и неконтролируем. Не зная, насколько он обгоняет свет, мы не могли быть уверены в действенности аннигиляционной защиты. Он мог прорваться и сквозь заслоны непрерывно генерируемой пустоты!

Леонид успокоил меня:

— Говорю тебе, мы его отбросим, хотя и не знаем, где он. А если он все же приблизится, мы успеем реально кинуться наутек, не принимая сражения.

Вскоре враги поняли, что им ничего не добиться, и, затормозив, снова появились в оптике. Теперь крейсер удалялся. Вскоре он полностью пропал. И вместе с ним пропала последняя надежда выручить Андре. Он мчался пленником на корабле космических разбойников куда-то в недра Плеяд. Если, конечно, уже не погиб…

13

— К бою! — гремело на корабле. — К бою!

По боевому расписанию мое место около больших дешифраторов МУМ.Я кинулся в обсервационный зал: отсюда с дешифраторами отличная связь. Рядом, кто отставая, кто обгоняя, бежали к своим предписанным местам другие.

Шум продолжался еще минуты две, а потом глубокая тишина сковала звездолет, наполненная великим напряжением тишина!

Мы были к бою готовы.

К бою! Почти пятьсот лет человечество не знало истинного значения этого призыва. Он еще существовал в языке — как диковинный термин из словаря, как звук, как предание, как тема для ученого разговора о прошлом, за ним не стояло единственно важного — действий.

Люди моего поколения, пятнадцатого поколения мира на Земле, утратили воинственность. Мы рождались мирными и должны были умереть в вечном мире — так нам самим казалось. Сила уже не была аргументом на Земле. И мы искренне думали, что из нас вытравлен даже боевой инстинкт. Но вот жестокие обстоятельства навязали нам бой, и в каждом из нас мгновенно

проснулся воин. Собранные и грозные, мы на своих заранее указанных местах молча ожидали нападения. Враг безрассудно ринулся на нас, его надо сурово покарать — так чувствовал каждый из нас. МУМ непрерывно суммировала наши ощущения и мысли, непрерывно докладывала их командиру корабля: нас наполняли одинаковые чувства, мы думали одинаковыми мыслями.

Нас было почти сто — женщины и мужчины, старые и молодые, сдержанные и порывистые, серьезные и веселые, — в тот миг, перед первым после четырех с половиной столетий мира человеческим сражением, мы внезапно стали одним огромным человеком — одной несгибаемой волей, одним мощным разумом. Исполинская тишина, полная страсти и напряжения, оковывала звездолет. Мы были полностью готовы к бою!

И тут мы увидели крейсеры противника. Перейдя из сверхсветовой области в обычную, они выпрыгнули как бы из небытия в мир нормальных тел и масштабов. Что бы Ольга ни говорила об опасности близких гравитационных ударов, главная опасность таится в неожиданности появления врагов.

В данном случае они просчитались. Если бы они скрытно подлетели достаточно близко, нам

пришлось бы труднее. Но они обрисовались в десятке миллионов километров. Лишь убежденность в собственном могуществе, до сих пор не встречавшем достойного противодействия в их глухом уголке Вселенной, могла привести к такому промаху.

Я насчитал шестнадцать шаров, несущихся со всех направлений звездной сферы, потом прибавилось еще два, отставших от общего строя. Восемнадцать крейсеров против двух — они могли надеяться на победу! И, полностью уверенные в победе, они больше всего заботились, чтоб мы не сбежали. Они замкнули нас в сферу — в кольцо, как говорили наши предки, воевавшие лишь в двух измерениях. И, как принято у всех флибустьеров, злодействуют ли они в крохотном земном море или в безграничных просторах космоса, разрушители не собирались вступать в переговоры, чтоб выяснить наши намерения, — они обрисовались и немедленно атаковали.

И навстречу им снова грянули аннигиляторы Танева, превращенные в защитные батареи.

Если бы я мог рассматривать все эти сцены взглядом стороннего наблюдателя, они, вероятно, показались бы мне даже забавными. Стремительно нараставшие шары вдруг унесло.

Генерируемое двумя звездолетами пространство образовало провал в космосе, исполинскую яму в его метрике, и шары барахтались где-то на границе неожиданно разверзшейся бездны, отлетая от нас все дальше. Они по-прежнему рвались к нам со всех осей, и на всех осях расстояние между ними и нами увеличивалось.

Теперь даже самые тупые из них должны были сообразить, что мы не убегаем, а не подпускаем их к себе: если бы мы убегали, то, удаляясь от одних, сближались бы с другими.

Когда крейсеры отбросило так далеко, что они полностью перестали улавливаться в умножителе, Леонид и Аллан остановили аннигиляторы, чтоб не расходовать активное вещество.

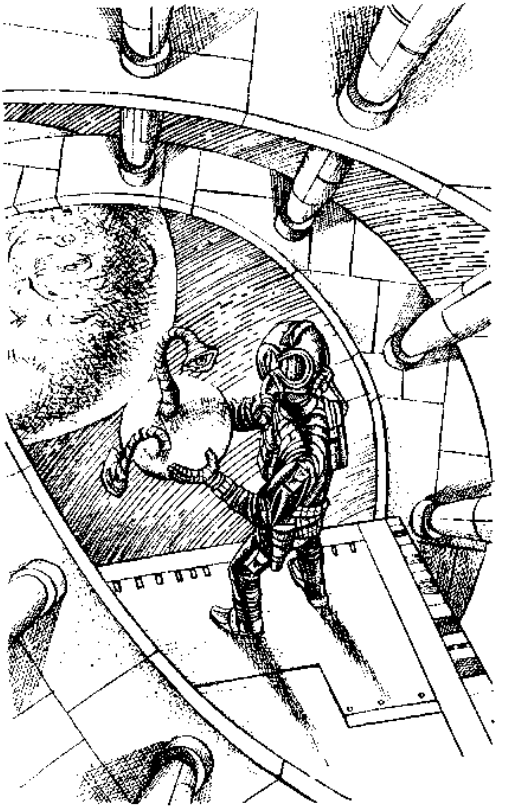
Через некоторое время шары опять появились в зоне видимости, а дешифратор уловил гравитационные волны передач между кораблями противника. Один из крейсеров являлся флагманом. Флагмана одолевали вопросами, он отдавал приказания. Разрушителей ошеломило наше умение генерировать пространство. Их флагман намеревался прорваться сквозь толщи разлетающейся пустоты на сверхсветовых скоростях, раз не удались обычные.

— Один разок уже прорывались на сверхсвето-

вых, да не вышло, — сказал Леонид. — И сейчас добьются не большего.

Приблизившись на достаточную, по их мнению, дистанцию, шары один за другим ныряли в невидимость. Я не мог подавить чувства беспомощности, когда корабли разрушителей стали исчезать. Я снова и снова спрашивал себя все о том же, пытался разрешить все ту же загадку. Вокруг нас на триллионы километров простиралась сияющая звездная пустота, в пустоте, невидимые, бешено неслись к нам восемнадцать смертоносных шаров — что если Леонид и Аллан ошибутся, и скорость сближения превысит скорость рассекания пространства? Что если вражеские машины, пожирающие пустоту, возьмут верх над нашими, сеющими пустоту вокруг себя?

Решение может дать лишь опыт, но опыт — палка о двух концах. Если он повернется против нас, ошибка будет непоправимой.



И когда умножитель зафиксировал появление шаров на пределе видимости, словно гора свалилась с моей души. Но я рано торжествовал. Разрушители оказались проницательнее, чем я о них думал. Они нашли единственно возможный способ борьбы — навязать нам многократные космические сражения, каких мы долго выдержать не могли. Они хорошо понимали, что генерирование пространства идет за счет ресурсов заранее подготовленного вещества, а не по велению высшей воли, никакие же материальные ресурсы не безграничны. Правда, они не знали, как вскоре показали события, что мы умеем вовлекать в реакцию уничтожения вещества и внешние тела, в том числе и их корабли. Так продолжалось несколько раз: мы отбрасывали их, генерируя пространство, они ныряли в невидимость и прорывались в сверхсветовой области. С каждым разом их прорывы становились опасней. Теперь они тормозили так близко, что только форсирование всей мощности аннигиляторов спасало нас от гравитационного залпа.

Леонид обратился к экипажам обоих звездолетов с просьбой высказаться через МУМ.

— Имеются две возможности выйти из боя. Первая — прорваться сквозь их окружение и, оставив

Плеяды врагу, бежать к Солнцу. Гарантии, что мы прорвемся без боя на уничтожение, дать не могу. Вторая — перейти от обороны к нападению. Не сомневаюсь, что нам удастся аннигилировать несколько крейсеров врага. Я знаю, что на одном из них может оказаться наш исчезнувший товарищ. И все-таки мое мнение — атаковать.

Каждый из нас думал в эту грозную минуту об Андре.

Мы не торопились принимать решение. На нас лежала ответственность перед человечеством — мы обязаны были вернуться на Землю и рассказать о том, что открыли в далеких районах Галактики. Но и ответственность за возможную гибель друга, попавшего в беду, мы снять с себя не хотели — мы просто не могли ее снять! Мы понимали, какой сделаем вывод, было только одно решение, но не торопились его высказывать. Мы не перебарывали себя — нам надо было перемучиться.

А затем МУМ объявила, что ни возражающих, ни воздерживающихся нет. Раз нам навязывают сражение, надо его принять.

И снова, уже в последний раз, на всех направлениях небесной сферы вспыхнули восемнадцать быстробегущих звезд. Сражение разыгралось в

самом центре Плеяд, под лихорадочным блеском ярчайших светил. Небо пылало и переливалось, звезды исторгались в сиянии. А в неподвижности великолепных реальных светил мчались искусственные светила, стремительные, пронзительно-зеленые. Восемнадцать факелов рушились на нас со всех сторон, они с каждой секундой нарастали.

На крейсерах противника поняли, что мы готовы принять бой, и стали притормаживать. Они выстраивались по сфере, центром которой были наши звездолеты. Теперь они двигались компактно и с одинаковой скоростью. В зловещем сиянии кораблей вражеской эскадры тускнели и пропадали звезды. От одновременного залпа всех гравитационных орудий эскадры нас отделяли считанные минуты. Все решало теперь, кто сможет ударить раньше — мы или они?

И когда восемнадцать кораблей врага, еще не войдя в сферу своего прицельного удара, оказались в зоне нашего действия, Леонид и Аллан разом пустили в ход аннигиляторы. Пока это были еще рейсовые, а не боевые аннигиляторы, они лишь уничтожали пространство, врагу могло показаться, что мы сами ринулись на сближение. Но они сразу увидели, что сближаются с нами

не в одном, а во всех направлениях. Четыре из восемнадцати звездолетов противника, захваченные конусами исчезающего пространства, быстро оторвались от своих, их всасывало к нам, они полностью потеряли управление. И то, что увидели мы и что, несомненно, увидали оставшиеся в живых враги, было грандиозно. Теперь они познали размер человеческого могущества.

В звездном небе ослепительно вспыхнули четыре багровых солнца и тут же погасли, образовав туманные облака. Облака крутились, рассеивались, становились невидимыми — мировая пустота обогатилась четырьмя новыми провалами, зловещие крейсеры стали километрами, просто километрами, не газом, не молекулами, не атомами — одной лишенной телесного содержания протяженностью, миллионами километров пустого «ничто»!

Остальные крейсеры противника ринулись наутек и унеслись в сверхсветовую область.

Я побежал к Ромеро. Я должен был жгучим упреком бросить ему в лицо свою радость.

— Андре ничего не выдал, Павел! До последней минуты враги и не подозревали об аннигиляции.

Ромеро долго смотрел на меня, не отвечая. Я

вдруг заметил, что он осунулся и постарел.

— Поверьте, я радуюсь вместе с вами, — сказал он устало. — Хотя, если вдуматься, — чему тут радоваться?...

Я ненавидел его. Он не верил, что Андре мог остаться в живых и не выдать секретов. Для него было одно объяснение — Андре мертв.

14

Плеяды остались за нами.

Это было печальное приобретение.

День за днем, неделю за неделей мы облетали одну звездную систему за другой. На тех планетах, где имелись условия для жизни и где еще недавно жизнь цвела, жизни не было.

День за днем, неделю за неделей в биноклях умножителя, на стереоэкранах вспыхивали одни и те же картины: густые облака пепла и праха, клубящиеся над планетами, суша, перемешанная с океанами в одно топкое месиво...

Мы попытались высадиться на одной из разрушенных планет.

Это было в звездной системе Альционы — великолепной, празднично яркой звезды. В недалеком прошлом здесь, вероятно, всего хватало: света и тепла, воды и зелени, воздуха и простора, ми-

нералов и еды. В печальном настоящем здесь была пыль, ничего, кроме пыли… Над планетой клубились черные облака тончайшей взвеси. Мы рассматривали планету в приборы, угадывали по горам праха уничтоженные города. Причалив к поверхности, мы едва не утонули в пыли. Пыль текла, как вода…

Однажды вечером в клубе звездолета Вера попросила нас высказаться: что делать дальше?

Теперь мы знаем, что в Галактике свирепствуют странные полусущества-полумеханизмы, воинственный, технически высокоразвитый народ, говорила она. Мы выбрались на галактические просторы и обнаружили, что они захвачены пиратами. Но еще не все ясно. Где они обитают? Для чего совершают свои нападения? И где похожие на нас существа? Мы видели их в видениях ангелов, на картинах альтаирцев, в скульптурах жителей Сигмы, но не живыми. Может, этого народа, наших потенциальных друзей, больше не существует?

Не исключено, что мы оказались зрителями последней фазы космической войны разрушителей с мирными звездожителями, и в ней погибли все противники злодеев. Это еще предстоит выяснить. Вместе с тем пора возвращаться на Землю.

Нужно ознакомить людей с собранными фактами, чтоб решения были объективны.

Вера предложила разделить флотилию. Один звездолет берет курс на Землю, другой продолжает поиски звездных гнездовий раскрытых противников и неведомых друзей.

За несколько месяцев мы удалились от Солнца на пятьсот светолет и проникли в Плеяды. Следующий объект разведки, по-видимому, — скопление в Персее, до него четыре тысячи светолет. Экспедиция туда займет не один год, однако она необходима. Пока мы не узнаем, куда исчезла флотилия разрушителей, никто на Земле не вправе пребывать в спокойствии.

— Я возвращаюсь на Землю, — закончила Вера. — И вы понимаете почему: предстоят споры.

— Я готова лететь дальше, — объявила Ольга. — «Пожиратель пространства» лучше приспособлен для дальних рейсов, чем «Кормчий». Мы перегрузим к себе часть активного вещества с «Кормчего». Экипаж скомплектуем из тех, кто вызовется в экспедицию.

— Я лечу в Персей, — сказал я.

Ромеро и Лусин решили возвратиться на Землю. Труба Лусин брал с собой.

А потом наступил день расставания. Расстава-

ние было невесело. Вера обняла меня, я поцеловал ее. Я не был уверен, что еще увижу ее.

— Вера, все может быть в такой дальней дороге, — сказал я. — Запомни мое последнее желание: Ромеро нужно опровергнуть. Если люди не выйдут на помощь звездожителям, грош цена человечеству.

Она с нежностью смотрела на меня сквозь слезы.

— Люди помогут всему доброму и разумному, что нуждается в помощи. Нет, Эли, человечеству не грош цена.

Последними, с кем я прощался, были Камагин и Громан. Отважные маленькие космонавты, наши предки, были взволнованы, как и мы.

— Три года назад, пятьсот двадцать земных лет, мы расстались с Землей, — сказал Камагин. — Сами мы с той поры переменились мало, Земля и люди неузнаваемы. От души желаю вам в межзвездных странствиях большей удачи, чем выпала на долю нам.

— А вам доброй встречи на Земле, — ответил я. — И доброй новой жизни на ласковой зеленой старушке, на вечно молодой Земле!

Мы с Ольгой сидели в обсервационном зале. Очертания «Кормчего» быстро уменьшались на

фоне звездного неба.

— Вот мы и остались в одиночестве, — сказал я печально.

— Я не боюсь одиночества, — сказала Ольга. — Я могу лететь хоть на тот свет, только не знаю, где он находится — тот свет.

Она с улыбкой смотрела на меня. У меня было такое ощущение, словно я сделал что-то нехорошее. Я стал всматриваться в звезды.

— Эли! — позвала она тихо. — Эли!

— Да! — отозвался я, не отрываясь от неба. — Вспорем Звездным Плугом Вселенную, Ольга! И кто знает, может, нам удастся что-нибудь разузнать об Андре.

15

По графику МУМ, при скорости, в четыре тысячи раз превышающей световую, путешествие до звездных скоплений в Персее должно было продлиться свыше года. Подобных скоростей еще не достигали, но Леонид с Осимой не сомневались, что рекорд удастся.

— Один Аллан наполовину уменьшал нам ход, — доказывал Леонид. — Его звездолет — тихоня.

Теперь Леонид дал волю страсти к быстроте. Ес-

ли бы уничтожаемая пустота издавала звуки, по всей Галактике разнесся бы треск разрываемого пространства. Но мы летели в великом молчании космоса. Впереди сероватой дымкой чуть проступало дивное скопление в Персее, много, много месяцев должно было пройти, пока оно из тусклой дымки превратится в скопище светил.

Все знают, что галактические просторы пусты. Одно — знать, другое — ощущать. При перелете с Земли на Ору я не чувствовал пустоты, звезды удалялись и приближались, рисунок созвездий менялся. Исполинской пустотой дохнуло лишь в полете на Плеяды, день уходил за днем, неделя за неделей, мы тысячекратно обгоняли свет — за бортом все оставалось тем же. Но лишь удаляясь от Плеяд, я полностью понял, как бездонно пуста Вселенная! Уже через неделю великолепное скопление — три сотни звезд, собранных в кучу, — превратилось в такой же моточек сияющей шерсти, каким оно видно с Земли. Нет, мироздание не такое, каким оно представляется на школьной парте. Звезды, как и люди, коллективисты, они теснятся друг к другу. А вне этих звездных коллективов — безмерная «пустейшая пустота».

И если в пустоте попадается одинокая звезда

— это событие. Мы иногда встречали такие шальные звезды, чаще темные карлики, ни одного гиганта и сверхгиганта, — звезда вылетала из мрака, мы проносились мимо. Ни на одном из таких светил не было и признаков жизни.

Жизнь в Галактике — дар более редкий, чем тепло и свет.

Теперь я имел свое кресло в командирском зале, рядом с дежурным командиром. От дешифраторов информация поступала в МУМ, та отдавала команды автоматам, а я ставил механизмам дополнительные задания.

Обычно я дежурил с Ольгой, мы часами молчали, вглядываясь в звездное небо, мысленно переговариваясь с подчиненными нам машинами. Я все более узнавал другую Ольгу, не ту, что порядком надоедала мне в школе, не ту, что вела ученые разговоры в веселой компании, — спокойного, решительного, проницательного командира. Я учился у нее. Сейчас все это в прошлом, но я с радостью вспоминаю дни совместных дежурств.

Каждый день я уходил в гравитационную лабораторию. Излучения мозга разрушителей, записанные Андре, просматривались все снова и снова. Я считал эту работу главным своим делом.

Раньше Андре делал все сам, мы лишь помогали ему. Мы посмеивались над его скоропалительными теориями, снисходительно одобряли его прозрения, а про себя были спокойны. Рядом с нами огромный разум непрерывно порождал и выбрасывал наружу ослепительные идеи. Он жадно ухватывал каждую загадку, бился, пока не разрешал ее, — зачем нам тревожиться? Все, что возможно сделать, сделает он, и сделает лучше любого из нас — так чувствовал каждый.

Теперь Андре не было. Исчез гениальный генератор новых идей. Его надо было заменять, хотя бы частично. У меня и в помине не было вдохновляющей легкости Андре. Но я неустанно, непрерывно размышлял — хотел заменить трудом его интуицию. Там, где он одолевал простор неизвестности двумя-тремя исполинскими прыжками, я пробирался ползком, петлял, возвращался обратно и снова полз вперед.

Во всяком случае, я был настойчив. Я садился на диван, закрывал глаза, тысячи раз возвращался мысленно все к одной картине. Мы сжали полями слабеющего головоглаза, он отчаянно гравитировал своим: «Помогите! Помогите!» Его гравитационные призывы уходили с нормальной световой скоростью, с той же скоростью возвра-

щались ответы. Можно вычислить по времени, разделявшему призыв и ответ, расстояние от Сигмы до крейсера, вышедшего ему на помощь. Но крейсер, летя в сверхсветовой области, раньше ночи добраться не мог — так он сообщал. Сколько дней или недель светового пути разделяло их? А разрушитель беседовал с крейсером так, словно тот стоял рядом.

«Что же это такое? — спрашивал я себя. — Что может двигаться в пространстве, не уничтожая его, со сверхсветовой скоростью?»

Я пытался разрешить эту загадку даже во сне. Как-то я запустил дешифратор на излучения своего мозга, и он записал, что, и сонный, я бьюсь мыслью все над тем же.

И мало-помалу, еще смутное, стало вырисовываться решение. Оно было до того просто, что я поначалу в него не поверил.

Но все пути вели в одну точку, все логические нити завязывались в один узел.

Я вышел наконец на верную дорогу. Я попросил к себе Ольгу. Она пришла в лабораторию, долго слушала, потом сказала:

— Итак, ты считаешь, что этот загадочный агент связи, мгновенно проносящийся сквозь пространство, — само пространство?

— Да, само пространство. Вернее, колебания плотности пространства. Только изменения пространства могут распространяться в пространстве со сверхсветовыми скоростями — вот моя мысль.

Ольга продолжила дальше мою гипотезу:

— Мы научились превращать вещество в пространство и получать из пространства опять вещество. Короче, мы оперируем крайними точками — создавать и уничтожать…А между ними спектр разнообразных состояний, возможно, не менее важных, чем крайние точки… Надо искать, Эли, надо искать!

От восторга я расцеловал Ольгу в обе щеки. Это было лишнее, конечно. Она растерялась, как девчонка, пойманная на шалости, хотя виноват был я, а не она.

— Не сердись, — сказал я с раскаянием. — Я от души, Ольга.

— Я не сержусь, — ответила она грустно. — Разве ты не заметил, что я не умею на тебя сердиться?

16

Весь тот год, что мы летели к двойному скоплению Персея, я был погружен в исследования

свойств пространства.

Я не буду описывать подробности опытов. Неудачи и успехи зафиксированы в памяти МУМ, пусть обратится к ней, кто заинтересуется. Важно одно: эксперименты установили, что колебания плотности пространства подчиняются волнообразным законам. Мы получали сферические волны, конические, цилиндрические — кинжальный луч, пронзающий простор. И лишь один из законов колебательных движений не оправдывался для волн плотности пространства — они распространялись всегда со сверхсветовой скоростью. Световой барьер был для них низшей границей. Мы получали волны пространства, в миллионы раз более быстрые, чем свет, а можно было идти и выше. Сам свет являлся предельным случаем волн пространства, этим объяснялось его загадочное постоянство в движущихся системах.

А когда открытие было изучено, мы смонтировали цех новых машин — генераторы волн пространства, приемники и дешифраторы депеш, передаваемых этими волнами.

Теперь мы могли принять любое возмущение — от околосветовых, когда пространственная волна шла на низком уровне, готовая превратиться во вспышку света, и до высоких, со скоростями,

в миллиарды раз превышающими световую. Отныне разрушители не могли подкрасться к нам незамеченными. Они оставались невидимыми в оптике, но не в пространственных волнах. Борьба слепого со зрячим перестала грозить нам.

И теперь я снова удивился, до чего высокая организация у этих чудовищных существ, что были названы разрушителями: сердце у каждого было не только гравитационным орудием, но и совершенной станцией волн пространства.

Ольга мечтала о создании диспетчерской службы звездоплавания.

— Ныне звездолет отчалил и пропал, ибо он движется быстрее света. Вскоре диспетчер на Оре будет знать состояние любого звездолета, сколько бы тысяч светолет ни разделяло их. Отдавать команды кораблям в другой край Вселенной, немедленно получать ответы — голова кружится, так это грандиозно!

А я вспоминал Андре, тосковавшего о Жанне и не увиденном им Олеге. Нет, сколь радостней была бы его жизнь, умей он сноситься с дорогими ему людьми! Нигде не чувствовать себя непреодолимо отрезанным от близких, быть здесь, в новом мире, и мгновенно переноситься туда, в мир старый, — разве не осуществляется в этом

мечта о вездесущности?

— Слушать Землю! — сказал я. — Видеть Землю! Везде быть с Землей!

17

А затем произошло то, что уже не раз происходило в нашей галактической одиссее и что должно было стать привычной и скучной картиной, но вместо этого каждый раз представало неожиданным, грандиозно-прекрасным явлением.

Двойное скопление звезд Хи и Аш Персея, тусклая дымка, долгий год не менявшая ни формы, ни размеров, ни яркости, вдруг ожила и пошла в рост. Скопление менялось на глазах, менялось ежедневно, потом ежечасно, росло, раскидывалось, звезды в нем укрупнялись, наливались сиянием.

Наступил час, когда передняя полусфера была вся заполнена светилами Персея, лишь позади оставались посторонние звезды. А потом наступил и их черед исчезнуть, скопление, расширяясь на вторую полусферу, расступалось перед нами. Дежуривший в этот знаменательный час Осима стал сбрасывать скорость.

Мы вторглись в пределы одного из величайших

звездных скоплений Галактики. Оно явственно распадалось на два коллектива звезд. Небо по экватору сферы прорезала темная полоса, делившая эти группы; светил и в темной полосе было, однако, больше, чем на любом участке земного неба. Направо разворачивалось скопление Аш, налево — скопление Хи, тысячи гигантских звезд. Небо пылало кострами — я различал буквы в формулах в сиянии сверкающего неба Персея. Здесь никогда не бывает глухих земных ночей с тускло мерцающими льдинками наверху, даже в затемненных залах предметы становились отчетливыми, когда на экранах вспыхивали звездные прожектора.

Несколько дней никто на звездах не показывал, что мы замечены, ничьего присутствия мы не открыли.

А затем приемники волн пространства уловили слабые импульсы.

Периодически налетавшие сгущения и разрежения пространства складывались в одну и ту же, сызнова повторяющуюся, фразу. Мы предположили, что это вопрос: «Кто вы такие?» — именно об этом в первую очередь должны спросить неизвестные корреспонденты. Дешифраторы, приняв за основу такое чтение, дали набросок кода. Стало

ясно, что мы сумеем объясниться с незнакомцами, колеблющими пространство сигналами.

Я уже хотел наладить связь, но Ольгу страшило, не провоцируют ли нас противники на откровенность. Может случиться, что мы передадим в руки врага тайны защиты от них.

— Чепуха! — сказал я, и со мной согласился Леонид. — Разрушителям невыгодно показывать, что мы замечены, их орудия действуют на ближней дистанции — они постараются подпустить нас поближе. Кто бы ни искал с нами связи, это не враги.

В качестве основы нашего кода мы, как и наши предшественники при встречах с разумными существами, взяли таблицу элементов. В последующие дни генераторы пространственных волн передавали ее по всем направлениям, откуда приходили сигналы. Я не сомневался, что, когда мы закончим сообщения, начнут они.

И сразу же после наших передач в пространстве понеслись новые волны плотности, но не речь к нам, а, скорее, переговоры между собою. Неизвестные существа запрашивали и отвечали, в чем-то убеждали друг друга — так, во всяком случае, мне представилось. Звезда разговаривает со звездою: согласовывают отношение к нам,

думал я, разглядывая записи возмущений плотности. Мы углублялись в скопление, стократно обгоняя свет, а вокруг тревожно пульсировало пространство, споря, кто мы такие.

— Мы поворачиваем влево, — сказала Ольга, когда мы вместе вышли на дежурство. — Будем исследовать скопление Хи, оно вроде плотнее звездами, чем скопление Аш. Есть что новое, Эли?

— Пока нет. Таинственные переговоры продолжаются. Но мы записываем все возмущения пространства и, когда расшифруем язык передач, сможем прочитать, о чем шли беседы.

В этот день звездожители снова непосредственно обратились к нам, я понял это, взглянув на запись. Они перечисляли элементы таблицы Менделеева, повторяя то, что недавно генерировали мы, но уже на своем языке. Дешифраторы превратили первый набросок кода в ясную расшифровку. Теперь у нас был общий язык.

А затем я продиктовал одобренную экипажем телеграмму: «Мы идем издалека. В созвездии Плеяд нас атаковало восемнадцать космических кораблей. Видели ужасные разрушения на планетных системах, где имелась развитая жизнь».

Ольга и я находились в лаборатории волн про-

странства, когда была принята новая депеша. Дешифраторы звездожителей работали не хуже наших. Корреспонденты, пытавшиеся наладить с нами связь, передали ответ: «Вас поняли. Немедленно поворачивайте обратно. Вам грозит гибель. Вырывайтесь на полной мощности».

Потрясенный, я молча глядел на Ольгу. Она побледнела.

— Как это понимать?... — начал я, но не кончил. По кораблю разнесся сигнал боевой тревоги. Леонид и Осима требовали Ольгу и меня в командирский зал.

18

Когда объявляется боевая тревога, полная информация о положении, в спокойное время доставляемая лишь в командирский зал, передается каждому члену экипажа, и МУМ непрерывно суммирует и обобщает все мнения. В эти часы командиром становится коллектив и номинальный командир корабля обладает властью лишь в той мере, в какой выполняет коллективную волю экипажа.

Леонид был мрачен, но спокоен. Осима казался расстроенным. Мы с Ольгой заняли свои места, и Осима объявил:

— Мы шли на скорости в сто десять единиц. Я приказал автоматам затормозить на двадцать процентов. Когда они выполнили программу, оказалось, что скорость не восемьдесят девять, как следовало бы, но девяносто шесть. Вокруг нас само по себе исчезает пространство примерно на семь световых единиц.

— Сейчас нужно срочно решать, что делать дальше, — сказала Ольга. — Продолжать углубление в звездную гущу или вырываться назад, как советуют неведомые друзья?

— Или враги, — возразил Леонид. — Я не уверен, что депеша от друзей. Я предлагаю продолжить рейс.

МУМ передала, что экипаж поддерживает Леонида. Было обидно после долгого путешествия бежать неизвестно от чего. Даже новая депеша загадочных корреспондентов: «У вас еще есть время спастись! Вы катитесь к гибели!» — не поколебала нас. Я передал наш ответ: «Продолжаю рейс. Объясните, в чем усматриваете опасность?»

— А пока они соберутся с мыслями, давайте сами дознаемся, что происходит, — сказала Ольга. — Придется варьировать скорость. Для начала добавим единиц тридцать.

Когда автоматы завершили заданную про-

грамму, мы шли на ста двадцати единицах. Дополнительного исчезновения пространства не наблюдалось. Если раньше кто-то стремился убыстрить наш полет, то нынешняя скорость звездолета его удовлетворяла.

— Снова сбросим эти тридцать единиц, но по этапам, — скомандовала Ольга.

На перевале через стократную световую скорость появились признаки постороннего воздействия. По мере того как мы тормозили, постороннее воздействие увеличивалось. Собственнная скорость звездолета уменьшилась до шестидесяти единиц, суммарная скорость равнялась семидесяти пяти, на пятнадцать дополнительных единиц нас что-то пришпоривало.

Некоторое время мы неслись с этой сложной скоростью — не сбрасывали собственной, нам не увеличивали дополнительной. «Разрушители сжимают мир», — вспомнил я сообщение, переданное Спыхальским на Землю. Вот оно, их сжимание мира, думал я. Они вычерпывают собственное звездное пространство, чтоб подтянуть нас на дистанцию гравитационного удара. Они рискуют нарушением космического равновесия своего мирка, лишь бы расправиться с противником.

— Полностью заглушить аннигиляторы хода, — скомандовала Ольга.

Вскоре ни одного альберта не расходовалось на движение.

Но звездолет продолжал лететь со скоростью в двадцать пять световых единиц. Кто-то энергично пожирал разделявшее нас пространство.

Приемники уловили новое сообщение. На этот раз оно было расшифровано с трудом. Появились помехи, одна волна плотности перебивалась другою. «Попали конус сжатия… опасность… стяжение до тридцати двух световых… есть еще время… окраина… всей мощностью выбросите… беспощадные… к сожалению, бессильны… возвращайтесь…»

— Совет их ясен, — задумчиво сказала Ольга. — Они рекомендуют выбираться, пока еще есть время и мощностей хватает.

— И враг, притягивающий нас к себе, забивает их передачи, чтоб до нас не дошли советы друзей, — добавил я.

— Лично я считаю, что надо делать обратное тому, чего добивается враг, — продолжала Ольга. — Я бы все-таки выбралась пока из скопления. Возвратиться мы всегда сумеем.

Леонид с раздражением заговорил:

— Не понимаю, что тебя страшит? В депеше сказано, что предел стяжения пространства — тридцать две световые единицы. Мы же развиваем пять тысяч единиц! Если понадобится, мы прорвемся сквозь их десятикратный заслон, как носорог сквозь парусину.

Леонид, когда с ним спорят, легко впадает в неистовство. Его черная кожа сереет, глаза становятся белыми, рот хищно раскрывается. И если имеется много возможностей, он выберет ту, что всего ближе к драке. В древности он был бы полководцем воинственного племени. В битве его охватывает вдохновение.

Ольга повернулась ко мне.

— Эли, а волны пространства?

Я понимал, что ее тревожит. Если мы погибнем, то погибнет и наше открытие, так нужное человечеству. Сколько времени пройдет, пока до него доберутся другие? Человечество станет выше на голову, когда воспользуется тем, чем мы у себя уже свободно пользуемся, — имеем ли мы право безрассудно рисковать его благом? Но кто доказал, что риск наш безрассуден?

— Я тоже за продолжение экспедиции.

— Пусть снова решает МУМ, — сказала Ольга.

МУМ сосчитала, что лишь командир звездоле-

та за возвращение назад, все остальные члены экипажа требуют продолжения рейса.

— Мне остается подчиниться, — хмуро сказала Ольга.

Мы бурно устремились в центр звездного скопления Хи.

19

Я хорошо помню свое состояние во время вторжения в гущу гигантской звездной кучи. Я и понятия не имел тогда, что рискованная наша экспедиция едва не закончится трагически для звездолета, а сам я на долгие месяцы превращусь в инвалида. Но на душе у меня было невесело.

Я сидел с краю, рядом Леонид, впереди Ольга и Осима. Скорость корабля нарастала, и все вокруг плавно менялось. Звезды сверкали, как маленькие луны. У особенно ярких светил можно было наблюдать корону. Плотность звездного населения в скоплении в сотни, если не в тысячи раз превышает ту, к какой мы привыкли в районе Солнца. Но все это великолепие было грозно: таинственной опасностью веяло от величественной картины.

Мои размышления прервала Ольга:

— Траектория звездолета направлена на свети-

ло, видимое под углом сорок пять градусов.

Она указала на звезду, сверкавшую впереди и сбоку. До нее было несколько светолет, но яркостью она превышала все остальные звезды. Это был типичный красный сверхгигант. А рядом виднелись другие звезды, послабее, — вместе они составляли компактную группку.

— Уважаемая МУМ наврала, — откликнулся Леонид. — Я и не думал прокладывать курса к той звезде. Она остается в стороне.

Я рассматривал звезду в умножитель. У нее имелось три планеты. Все три интенсивно блистали. Анализаторы определили, что планеты не каменные, а металлические.

В пространстве разыгрывалась свистопляска возмущений плотности. Кто-то без устали генерировал волны, кто-то с энергией забивал их. Дешифраторы не смогли разобраться в путанице сообщений и помех. Одно лишь многократно повторенное слово «Нельзя! Нельзя!» — удалось выудить из хаоса.

— Неведомые друзья отчаянно пытаются донести до нас какое-то сообщение, неведомые враги бешено противодействуют, — сказал я.

— Несомненно, сообщение их связано с той звездой, — откликнулась Ольга. — Она уже под

углом в тридцать пять, а не сорок пять градусов. Нас сносит на нее, а кто-то предупреждает, что идти к ней нельзя.

— Назовем ее Угрожающей. Название ей соответствует.

Леонид, убедившись, что МУМ не ошибается, выправил курс. Теперь Угрожающая убегала назад. Я задремал в кресле.

Когда я проснулся, раздраженный Леонид препирался с Осимой.

Оказалось, впереди раскрылась кучка звезд, белые и красные гиганты такой же неистовой светимости, что и Угрожающая. Нас сносит к ним при полностью выключенных аннигиляторах, пространство между нами интенсивно уничтожается. МУМ установила, что мы попали в область высокой кривизны и движемся по геодезической линии в неизвестную точку. Кривизна пространства непостоянна, похоже, таинственные наши враги свободно меняют ее, то увеличивая, то уменьшая.

— Надо повернуть и прорваться сквозь кривизну, — настаивал Леонид. — Когда мы разнесем в прах их криволинейную метрику, они прекратят попытки диктовать нам направление полета.

— Я более высокого мнения об их возможно-

стях, — возразила Ольга. — Но у нас нет другого выхода, как круто отвернуть в сторону.

Пока Леонид с Осимой отдавали команды, Ольга продолжала разговор со мной:

— Боюсь, мы попали в затруднительное положение, Эли. Что разрушители глубже нас проникли в природу тяготения, я знала. Но что они меняют метрику мирового пространства — для меня неожиданность. Мы пока и мечтать не можем о чем-либо подобном.

— Ну, не мирового, а лишь своего межзвездного. В их красочном скоплении так много вещества и так мало пространства, что не стоит большого труда устроить любую кривизну в любом месте.

Я и сам понимал, что объяснение мое легкомысленно.

Искусственная кривизна была взорвана аннигиляторами звездолета. Разинувшая на нас пасть звездная кучка — я назвал ее Недоброй — покатилась вправо. Анализаторы показывали, что пространство на новой трассе мало отличается от Евклидова.

Леонид ликовал. Наш корабль недаром назван Звездным Плугом. Он мощными бороздами вспарывает космос, все конструкции и структуры пространства, называемые метрикою, трещат,

когда он движется напролом.

Ольга рассердилась на него:

— Я не уверена, что криволинейность нами уничтожена!

— Ты споришь против очевидности, Ольга!

— Нисколько. Возмущения метрики пространства производятся, очевидно, сверхгигантскими механизмами. Предположи, что механизмы остановлены, когда мы изменили курс.

— Но почему? Ты способна объяснить — почему?

— Во всяком случае, догадываюсь. Мы свернули как раз туда, куда нас завлекают, и теперь достаточно прямолинейной дорожки, чтобы попасть в западню.

Даже Леонида проняло. Замолчав, он мрачно уставился вперед. Впереди было пылающее крупными светилами черное небо. Такое же небо было и слева, где осталась Угрожающая, и справа, откуда мы бежали, чтоб не угодить в созвездие Недоброе.

— Идите отдыхать, — сказала Ольга Леониду и мне. — Пройдет немало часов, пока выяснится, что нас ждет на новом пути.

Мы пошли в столовую. Леонид набрал холодное молоко и бутерброды с яйцами, я выстукал салат

и квас. Мы ели молча, погруженные в невеселые мысли. За наш столик уселись два механика из отделения аннигиляторов. Леонид сказал:

— Эти чертовы разрушители хитрее, чем я о них думал.

— Они заставят нас израсходовать запасы активного вещества, — заметил один из механиков. — Вы слишком часто меняли сегодня режим хода.

— Вы принимали решение со мною, — зло сказал Леонид. Он так сверкнул глазами, что я встревожился, не начнется ли ссора.

Второй механик в разговор не вступал, но было ясно, что он поддерживает товарища. Леонид ушел к себе. Сомневаюсь, чтоб ему хорошо отдыхалось.

Я бродил по кораблю. В обсервационном зале было полно свободных от дежурств астронавтов. Меня окликнули. Я был допущен в командирский зал и нес свою долю ответственности за то, что совершалось там.

— Ребята, ситуация вам ясна, — отвечал я на посыпавшиеся вопросы. — Нас крутит меж этих чертовых звезд.

МУМ потребовала нового решения. Скопление Хи складывало свои тысячи звезд из тесных кучек

в десяток-другой светил. Нас снова сносило на одну из кучек. Анализаторы фиксировали исчезновение пространства на трассе и значительное искривление его. Ольга просила санкции на перемену курса.

Сидевшие в зале молчали. МУМ, суммировавшая наши настроения и мысли, доложила, что экипаж поддерживает командира.

Третье изменение курса воздействовало на всех сильнее, чем первые два. Даже оптимисты стали понимать, что происходит неладное.

Я ушел в парк и опустился на скамью. В парке шла весна, нарядная, как на Земле. Семь времен года расцвели и отшумели с того дня, как я опустился на ракетодром этого корабля, — всего семь времен, неполных два года, а мне представлялось, будто столетие прошло во мне, так все переменилось. Надо мной цвела, капая клейковиной с листьев, высокая березка, на земле очерчивался влажный круг. В кривой, низенькой яблоне, в белых вишнях и абрикосах мерно, как заведенные, гудели пчелы. Закрыв глаза, можно было спутать деревья с запущенным аннигилятором, тот гудит тем же ровным бормочущим гудом. Мне стало душно от неподвижного запаха цветущих деревьев, от сирени, обступившей пруд, от терпкого

аромата каплющей березки, я мысленно попросил ветерка, ветерок пронесся, шумя ветвями и травой, все вблизи тонко запело, закачалось, жарко задышало, ароматная духота унеслась, и я открыл глаза на маленький мирок сада, так совершенно имитирующий далекую Землю.

И тогда я почувствовал, что сам стал горек, как березка, я ощутил свой собственный аромат и вкус, словно прикоснулся к себе жаждущими губами, но я был сух и бесплоден, меня не обсыпали пчелы, лишь мысли мерно гудели во мне, как большие аннигиляторы Танева во чреве галактического корабля…

— Какая чепуха! — сказал я, тряхнув головой, чтоб сорвать опутавшую меня паутину расслабленности. — Какая чепуха!..

Я пошел к себе. Надо было по настоящему отдохнуть, не раскисая. Весна сейчас не для нас. Я предпочел бы суровую зиму наших предков — темные холода, пронзительные, острые ветры. Свирепые погодки ближе отвечают создавшейся обстановке.

Я задремал, и меня разбудил вызов. Леонид требовал меня в командирский зал. За несколько дней, что мы провели в Персее, он похудел, как в старину худели лишь от болезней. Голос его

дрожал от ярости. Он ткнул пальцем в звездную сферу:

— Нас вторично несет на Угрожающую! Мы замкнули круг в этом чертовом скоплении!

20

Слова его я воспринял сразу, но значение их оценить быстро не сумел. В то мгновение я лишь отчетливо понимал, что Леонид вне себя и в таком неистовстве командовать кораблем не должен.

— Подумаем, а потом будем решать, — посоветовал я. И, водя биноклем по сфере, нарочно не торопился, чтоб дать ему время успокоиться.

В оптике развертывалась картина, похожая на ту, что мы видели, когда впервые пролетали мимо Угрожающей. Как и тогда, мы отстояли от жгуче пылающей звезды на месяцы светового пути. В сверхсветовой области пространство было прозрачно. Если враги и готовили нападение на нас, то они не спешили.

— Нужно поворачивать, — сказал Леонид. — Куда поворачивать? Что это даст? Сколько будут продолжаться наши блуждания среди звезд?

Он рассказал, что в дежурство Ольги с Осимой опять началось искривление пространства,

каждый час метрика становилась другой. В результате курс насильственно искажен и, вместо того чтоб оставить Угрожающую далеко справа, корабль устремился ей в лоб.

— До нее еще далеко, — заметил я. — Есть срок подумать.

Леонид остановил аннигиляторы хода. Теперь мы летели лишь потому, что кто-то впереди уничтожал пространство. Суток через трое, если ничего не изменится, мы, не тратя ни грамма энергии, прямехонько влетим в планетную систему Угрожающей.

— Если я дам обратный ход, их аннигиляторы не удержат нас, — сказал Леонид.

— Нас и не будут удерживать. При обратном ходе мы возвращаемся в центр скопления, зачем же нас удерживать? И еще одно ты забываешь, Леонид. Аннигиляторы у них, пожалуй, слабее наших, зато они легко меняют метрику и наносят неотразимые гравитационные удары. Если все их умения соединятся в один выпад, нам не поздоровится!

В зале появились Ольга с Осимой. Время было слишком тревожное, чтобы соблюдать чередование дежурств. Ольга и раньше не сомневалась, что нас вынесет на Угрожающую.

— Их план ясен. Они будут мотать нас меж звезд, пока не истощатся запасы, питающие аннигиляторы. А тогда подтянуть нас под удар какой-либо планетной системы будет просто.

— Если враги не торопятся, то и нам нечего пороть горячку, — сказал я. — Мы примчались в Персей, чтобы узнать о них побольше, пока же только удираем то от одной, то от другой звезды. Давайте продолжим курс на Угрожающую и рассмотрим, что это за штука.

— Резон тут есть. Но и опасности есть. Попробуем все же.

Всю эту ночь и половину следующего дня звездолет с отключенными аннигиляторами несся на зловещую звезду.

«В оптике крейсеры противника», — передала в полдень МУМ.

Я рассматривал в умножителе металлические планеты.

Две внутренние были свинцовые, третья, наружная, блистала оболочкой из золота. Поле тяготения вокруг Золотой планеты в тысячи раз превосходило то, какое было бы, если бы она вся состояла из золота: ядро планеты, видимо, было из сверхплотной плазмы. Над Золотой планетой, словно ее спутники, кружили корабли против-

ника. Это были точно такие же чудовища, как и те, что атаковали нас в Плеядах. Крейсеров было десять.

Угрожающая отходила назад, теперь она была перпендикулярна оси полета. Зато во вращение пришли другие светила, звездная сфера поворачивалась. Точка, куда мы устремились, вырываясь наружу, была уже не впереди, а позади. Мы описали около Угрожающей гигантскую полуокружность и ворвались обратно в центр скопления.

Леонид ударил кулаком по креслу. Лицо его дико перекосилось.

— Они сильнее! — рычал он. — Они сильнее нас!

Ольга схватила его за плечо.

— Стыд! Немедленно прекрати истерику! Они не сильнее нас, но мы безрассудны!

21

Ее окрик подействовал отрезвляюще не на одного Леонида. Почти у всех нас сдали нервы. Еще никогда мы так не форсировали мощности, а нас даже не отшвырнуло — просто повернуло.

— Я требую спокойствия! — властно сказала Ольга. МУМ донесла ее настояние до экипажа. —

Положение осложнилось, но не безнадежно. То, что не удалось около Угрожающей, может удаться в другом районе. У нас есть последняя возможность — прорываться с боем!

Звездолет, завернув вокруг Угрожающей, вторично несся в созвездие Недоброе, откуда мы поспешно удирали. Между созвездием Недобрым и развернувшей нас обратно Угрожающей густо пылали рассеянные звезды — такой представилась нам картина этого участка сферы.

Вскоре обнаружилось, что нас вовлекали не все звезды. От некоторых вырывался гигантский конус аннигилирующего пространства, засасывающего звездолет. Мы поспешно уходили от этих активных светил. Недоверие к ним превратилось в боязнь, когда вокруг одного мы обнаружили систему таких же металлических планет, как вокруг Угрожающей, а на планетах — крейсеры. Нас подтягивали поближе для нанесения удара по звездолету — сомнений не было.

Зато встречались и другие светила. Они не стремились засосать нас к себе. У этих светил тоже встречались планетные системы, но планеты походили на наши солнечные, а не металлические шары. Мне показалось, что на одной из них я вижу города.

— Надо прорываться в районе неактивной звезды, — решила Ольга. — Нам будут мешать, и придется действовать похитрее.

Враги не хуже нас соображали, чего мы хотим. Они поймали нас в звездную мышеловку и не собирались выпускать. Они меняли кривизну межзвездных просторов с непостижимой легкостью и энергией. Нас даже не подпустили к неактивным светилам — к ним не было прохода в пространстве. Мы нацеливались на них, но пролетали мимо.

А когда нас выворачивало в сторону, впереди опять появлялась зловещая активная звезда и мы различали вокруг нее металлические планеты и флотилии космических крейсеров.

Ольга проанализировала тактику противника:

— К неактивным звездам они закрывают дорогу весьма решительно — очевидно, здесь существует реальная возможность выхода наружу. Но к активным светилам присасывают, в общем, без особой энергии. Очевидно, они поджидают, когда мы выдохнемся. Нам надо сыграть на их ожидании и повернуть их план против них.

— Что ты придумала, Ольга?

— Скоро увидишь, Эли.

Приемники продолжали ловить возмущения

пространства, одну передачу удалось частично расшифровать: «Продолжайте… Не безграничны заслоны… единственный…»

Удалившись от кучки Недоброй, мы штурмовали серию неактивных звезд неподалеку. Атаки не усиливались, а слабели. Мне вообразилось, что запасы активного вещества на исходе, но Ольга успокоила меня:

— Пусть и у врагов создастся то же впечатление. Не возражаю, если они порадуются, что мы выдыхаемся.

Вскоре звездолет стал сбрасывать скорость. Если кривизну мы штурмовали на пяти тысячах единиц, в скоплении двигались на сотнях, то теперь скорость превышала световую всего в десятки раз. И тогда Ольга объявила свой замысел. Враги искривляют пространство, когда мы пытаемся проскочить мимо активных звезд, но не препятствуют сближению с ними. Значит, надо идти на присасывающую звезду, а потом, вблизи, ударить по ее планетам боевыми аннигиляторами. Превратить планету в гигантскую яму пространства и вырваться сквозь новосотворенную пустоту наружу!

Я знал, что Ольга задумала что-то смелое. Я предполагал, что она собирается навязать бой

крейсерам врагов. То все же было испытанное дело, Леонид с Алланом уничтожили уже четыре вражеских корабля, удастся справиться и с сорока.

Но уничтожать планеты!..У человечества имелся опыт создания планет, на одну Ору потратили труд двух поколений. Но ударить по шарику, раз в пять превышающему Землю по объему, в тысячи раз — по массе! По металлической планете, защищенной собственными механизмами, флотилией галактических кораблей и, быть может, коллективной поддержкой других мощно вооруженных космических тел!

Ольга спокойно опровергла посыпавшиеся возражения.

Расчеты пока в нашу пользу. Запасов активного вещества хватит на поражение любой планеты, какова бы ни была ее масса, мощность одновременного удара аннигиляторов обеспечивает практически мгновенный распад объекта, нужно лишь подойти на достаточную дистанцию. Об этом позаботятся сами враги. Пусть они подтягивают нас к себе — на свою голову!

— Других шансов вырваться нет! Еще десяток кругов в звездном скоплении, еще два десятка ударов о заборы их кривизны — и, обессиленные,

мы станем добычей разбойников.

Ольга получила затребованные полномочия на космическое сражение.

— Командование на время прорыва беру на себя, — закончила она. — Я не хочу обижать мужчин, но для битв вы малопригодны, друзья. Вы слишком темпераментны и неустойчивы. Отдохните, нам предстоят тяжкие испытания. Пусть каждый исполнит свой долг, как говорили предки.

Мне кажется, Леонид даже обрадовался, что не он будет командовать сражением. После неудачного прорыва мимо Угрожающей он в какой-то степени потерял уверенность в себе.

22

Каждый из нас мыслью и чувством ускорял сближение с врагами. Но Ольга не увеличивала, а сбрасывала скорость.

Мы уже не неслись, мощно сматывая пространство, но еле плелись на дне сверхсветовой области. Еще несколько торможений — и мы должны были перевалиться по ту сторону светового барьера, став видимыми для любого наблюдателя с телескопом. Со стороны наш звездолет, вероятно, казался материальным комком отчаяния

и безволия, мечущимся почти без энергии то сюда, то туда. Но как бы мы ни метались и не меняли направление, появившаяся в пространстве кривизна сама задавала нам траекторию на Угрожающую. В третий раз нас несло на нее.

Какие-то чудовищные механизмы деятельно перетасовывали геометрию космоса, чтоб мы угодили в разверзшуюся пасть. И Ольга покорно вела звездолет по предписанному пути. Конечно, мы понимали, что она обманывает врага, но то было понимание разума, а не чувства. У меня все холодело, когда я глядел, как свирепо вырастает зловеще-красная Угрожающая. Еще ни разу нас не выворачивало так прямо в лоб на нее!

Безвольный полет корабля продолжался до тех пор, пока искривление пространства не сменилось его уничтожением.

Опять нас стало засасывать на Угрожающую. Звездолет, словно очнувшись, рванулся назад. Но с каждым разом действия врагов становились увереннее, наше сопротивление слабело. Мы боролись, обреченно боролись, перед тем как погибнуть, — так это должно было представляться со стороны… Вскоре у нас уже не было собственной скорости, нами полностью командовала чужая воля. И стало ясно, куда нас тащат. Угро-

жающая понемногу отклонялась от оси полета. Нас несло на Золотую планету — базу вражеских крейсеров, под удар ее гравитационных механизмов.

— Что там видно, Эли? — Руководя работой всех механизмов корабля, Ольга сама редко бралась за бинокль.

— Все те же крейсеры.

— Они не летят навстречу?

— В сверхсветовой области пространство чисто.

— Скоро сорвутся. Золотая планета уменьшает аннигиляцию. Очевидно, они считают, что можно уже не гнать нас форсированно на убой. Через несколько минут они убедятся, что рано нас хоронят.

Эти несколько минут тянулись долго. И когда они исчерпали себя, началось то, чего мы с такой тревогой ожидали и что так торопили мыслью. Ольга запустила ходовые аннигиляторы, и Звездный Плуг ринулся по прямой на Золотую планету.

Рекорды скорости, поставленные Леонидом около Угрожающей, были сметены. Предварительный расчет и близко не подходил к тому, что с таким хладнокровием, так решительно проде-

лывала Ольга. Я не знаю, сколько прошло минут, велся ли вообще счет на минуты, может, это были лишь замедлившиеся в сознании секунды, но корабль перелетел за шесть тысяч световых единиц, а скорость все увеличивалась, — мы атаковали, в семь тысяч раз обгоняя свет!

И тут разрушители поняли свою ошибку.

В сверхсветовой области появились десять рванувшихся навстречу точек. Я видел две разные картины. Вокруг Золотой планеты хищно кружили десять боевых крейсеров врага — так показывали бинокли умножителя в обыкновенной оптике, но реально было уже не так. Оптика с ее медленным светом давала картину давно прошедшую.

В действительности все они, эти десять крейсеров, как спущенные с цепи псы, яростно пожирали простор — мы четко локировали их волнами пространства. И я не мог не удивиться мужеству наших врагов. Нет, я не перестал их ненавидеть! В разрушителях сконцентрировано общественное зло, открытое нами в космосе. К злу нельзя относиться по-доброму, с ним нельзя мириться, его немыслимо уважать. Презрение, ненависть — вот единственное, чего оно заслуживает.

Но враги были храбры, это надо признать. Они

могли бы разлететься от обреченной планеты. На спасение собственных жизней тем, кто сидел в крейсерах, хватило бы и времени, и скорости. Вместо этого они бросились на верную гибель, чтоб попытаться уберечь от уничтожения оставшихся на планете. И, вспоминая все, что тогда произошло, я не перестаю удивляться, почему их отчаянно смелый план не удался. Во всяком случае, они были близки к его осуществлению, так угрожающе близки, что, может, лишь тысячных долей секунды им не хватило для успеха.

Мной овладело смятение, когда я увидел эти несущиеся навстречу смертоносные точки.

— Ольга, атакуй! — крикнул я.

— Рано! — ответила она. — Рано, Эли!

— Атакуй! — молил я, охваченный страхом. — Пойми, они обгоняют собственные гравитационные удары! Каждая секунда промедления — это новые волны перегрузок, что обрушатся потом!

— Гравитаторы смягчат их! — сказала она непреклонно. — Я не могу слишком рано атаковать, чтоб не упустить планету с оси. Планета, не корабли, закрывает выход на волю, не забывай этого!

Наша скорость складывалась со скоростью крейсеров, точки в сверхсветовой области стре-

мительно росли. И тут не выдержали нервы у Леонида.

— Больше нельзя, Ольга! — закричал он. — Ты погубишь звездолет, Ольга!

— Еще не время! — ответила она.

Он схватил Ольгу за руку. Он был вне себя:

— Ольга, я не позволю!..

Она с силой вырвала руку.

— Приказываю всем: спокойствие! Не сметь отвлекать меня!

И опять была мутная тишина, звенящая тяжко бьющейся в жилах кровью. Крейсеры противника приобрели контуры. Они были в часах светового пути, в секундах нашего исступленного космического бега.

И в этот момент Ольга включила боевые аннигиляторы. Тела на экранах волн пространства мгновенно расплылись в туманности, завихрились, слились в одно мерцающее пятно. И, пронесясь сквозь то, во что они превратились, мы увидели в оптике десять ярко вспыхнувших и тут же погасших звезд. Флотилия врага больше не существовала.

Теперь мы видели лишь медленно выраставшую в оптике обреченную Золотую планету, отчаянно генерирующую, как показали потом

приборы, защитные гравитационные поля.

А затем мы ворвались в полосу гравитационного залпа погибших крейсеров, и оказалось, что наши гравитаторы не способны его отразить. Меня сжало, дыхание вырвалось стоном, около меня застонал Осима, Леонид чертыхнулся. Эта первая волна была самой слабой, крейсеры выпускали ее перед уничтожением, и, очевидно, мощности их орудий тогда иссякали. Не сомневаюсь, что и сами они знали об ослаблении своих ударов и дальнейшее сближение преследовало лишь одну цель — столкновение лоб в лоб, взаимное уничтожение.

Зато вторая полоса перегрузок была так мощна, что у меня не хватило дыхания на стон. Я был раздавлен, пронзительная боль разрывала клетки тела. Рядом со мной хрипел опрокинувшийся Леонид, он потерял сознание, может, был уже мертв. Лишь Ольга, вцепившаяся руками в поручни кресла, сумела сохранить себя от потери сил.

— Ольга! — прохрипел я, силясь приподняться. — Ольга, третьего удара!..

— Держись, Эли! — крикнула она, задыхаясь. — Держитесь, друзья! Сейчас мы их уничтожим!

Третья волна перегрузок обрушилась на нас в момент, когда я увидел распад проклятой плане-

ты разрушителей.

Огромный диск вспыхнул в сверхсветовой области и тут же разлетелся в клочья. А в оптике мы увидели гигантский взрыв, вырвавшийся из недр планеты. Ольга точно рассчитала, беспощадно нанесла удар. Все было кончено в доли секунды. Ужасной планеты, преградившей своими чудовищными механизмами выход из звездного скопления, больше не существовало. Взамен ее зияла новая яма в пустоте, провал в космическом пространстве.

И последним, что я видел, теряя сознание от третьей гравитационной волны, налетевшей слишком поздно, чтобы спасти врагов, были видения унесенной далеко в сторону, превратившейся снова в красноватую точку, никому теперь не грозной Угрожающей и чистое небо, великолепный Млечный Путь — гигантский простор мироздания!

Мы вырвались из звездной тюрьмы, едва не ставшей нашей могилой, на волю, в космос.

Часть третья
ЗЕМЛЯ

…Теперь мой час:
Земля передо мной почти нагою,
Почти уснув, темна и горяча,
Лежит. Она моя. Моя до боли!
Прекрасен мир! Как счастлив я, что мог
Все видеть в нем, все знать в нем в полной воле,
Как будто я не человек, а бог!

А. Танев

1

— Эли! — звал меня голос. — Эли! Эли!

Я хотел откликнуться, хотел сказать, что жив, все слышу. «Я, кажется, ослеп, но в остальном все хорошо! — хотел крикнуть я этому голосу. — Я сейчас встану, не зовите меня так отчаянно, мне тяжело! — думал я. — Оставьте меня в покое!» — молил я молча.

Мне казалось тогда, что мысль моя четка. Сейчас, просматривая записи излучений мозга, я

вижу, что разум мой еле мерцал, его озаряло лишь чадное тление бесформенного бреда. Я десять раз умирал и десять раз меня возвращали к жизни, пока я сам — сперва неуверенно, потом все настойчивее — не стал цепляться за нее.

— Эли! — взывал ко мне голос. — Эли! Эли!

Он не оставлял меня. В темном внешнем мире ничего не было, кроме голоса, он и был всем этим миром. Тесный, кричащий, беспокойный мир. И я наконец откликнулся на его призыв. Я открыл глаза.

Около кровати сидели Ольга и Осима. Они всматривались в меня.

— Он приходит в себя! — сказала Ольга шепотом.

Я снова закрыл глаза. Я измучился, поднимая броневые плиты век. Мне надо было отдохнуть от усилия. Но во мне надрывался все тот же голос: «Эли! Эли!» Я застонал.

— Перестань! — прошептал я, снова раскрывая глаза.

Ольга молча плакала. Внешний мир внезапно расширился и замолк.

— Друзья! — сказал я и попытался подняться.

— Лежи! — сказала Ольга. — Тебе нельзя двигаться, Эли.

Но меня охватил страх. Я вспомнил кроваво-красную Угрожающую. Мне надо было убедиться, что мы удаляемся от страшного скопления Хи в Персее…

— Где мы? — спросил я. — Сколько времени прошло?

Я услышал, что до звездных скоплений в Персее три тысячи светолет, и опять впал в беспамятство.

Так началось мое выздоровление.

2

Я учился быть живым: раскрывать глаза, слушать, отвечать, принимать пищу, постигать ходьбу. Это была нелегкая наука. Много месяцев прошло, пока я стал похожим на остальных.

Случилось так, что мне досталось больше всех. Третья гравитационная волна была мощна, однако у других не перемешало ткани и не раздробило кости. Человек восемь потеряли сознание — среди них Леонид, — они пришли в себя, когда звездолет вырвался на простор.

— Я тоже лишилась чувств, — сказала Ольга. — Это случилось, когда я увидела, в каком ты состоянии…

Мы были в парке. Я сидел в коляске, Ольга

стояла рядом. В парке распускалась сирень, наступила третья походная весна, пахло землей. Ольга исхудала, была бледна и кротка. В дни выздоровления я узнал, что она способна часто плакать. Это меня трогало, но не было приятно. Мне хотелось бы видеть не вздрагивающую от страшных воспоминаний, а прежнюю рассудительную, невозмутимо ровную Ольгу, а еще лучше ту, какой она раскрылась на Персее, — мужественную, пронзительно-проницательную…

Я пошутил:

— Во всяком случае, мы поступили со зловредами весьма зловредно. Думаю, все в этом мерзком скоплении трепещут, что мы можем возвратиться.

— Почему ты называешь его мерзким? Разве ты не говорил, что оно красиво? И не все его жители со страхом помышляют о нашем возвращении. У нас там есть друзья. Помнишь неактивные звезды, от которых нас так энергично отбрасывали враги?

— Значит, галакты населяют эти звезды? Это точно?

— Ты в этом убедишься сам, когда познакомишься с обработанной МУМ информацией. И дружеских звезд в Персее больше, чем населен-

ных разрушителями. Другое дело — межзвездный простор: им, по-видимому, безраздельно владеют они.

Я напомнил о сражении с Золотой планетой.

— Наши враги так до конца и не знали, на что мы способны. Иначе они побоялись бы сближения со звездолетом.

— Почему ты вспоминаешь об этом?

— Так — вспомнилось…

— Ты думаешь, Андре еще жив? Мы ничего о нем не узнали и не смогли ему помочь… Ты ведь и сам в Персее высказался за возвращение…

— Тогда не могли помочь, поэтому и проголосовал за возвращение.

— По-твоему, с тех пор положение изменилось?

Я сделал вид, что устал от разговора. Мне не хотелось раскрывать, что тревожило меня. Пока мы не прибудем на Землю, ничто не будет известно достоверно.

3

Когда в оптике появилась Ора, шел третий год нашей межзвездной одиссеи. Мы шли в сверхсветовой области, и на Оре нас не видели. Зато мы отлично видели в оптике планету. Правда, это бы-

ла картина прошлого, она непрерывно менялась — прошлое приближалось к настоящему. Если вдуматься, это было странно: обычно настоящее отодвигается и становится прошлым. Здесь все шло наоборот: прошлое становилось настоящим.

Не долетев до Оры световых суток, «Пожиратель пространства» вынырнул из сверхсветовой области и — уже обычным материальным телом — продолжал движение. Лишь после этого нас обнаружили.

Навстречу помчался «Кормчий». На нем по-прежнему командовал Аллан. Он издалека засыпал нас приветственными депешами, спрашивал, что было в походе, не отыскали ли мы следов Андре. Об Андре мы ответили сразу, а рассказывать остальное до встречи отказались. Он пригрозил, что уйдет в сверхсветовую невидимость, чтоб скорее добраться. При общем смехе Ольга радировала: «Уходи! Все равно будем видеть твое суденышко».

Когда звездолеты вышли на параллельный курс, Аллан, передав командование помощнику, перебрался к нам. На радостях он перестарался. Даже Леонид охал, выбравшись из его объятий. Для меня одного Аллан сделал исключение — как для больного. Зато он расцеловал меня громкими,

как выстрел, поцелуями.

— Бродяги небесные! — орал Аллан минутой позже. — Куда же вы запропастились на два с лишним годика? Рассказывайте, рассказывайте: где? что? как?

На Оре я перебрался из одного звездолета в другой. «Пожиратель пространства» поступал в распоряжение Спыхальского, а на Землю уходил «Кормчий».

За месяцы моей болезни на звездолете изготовили три установки для генерирования и приема волн пространства, мало отличающиеся от той, что так честно послужила в Персее. Мы назвали эти механизмы СВП-1, то есть станция волн пространства, модель первая. Одну СВП-1 передали Спыхальскому, вторую предназначили для Плутона, последнюю я везу на Землю.

Мне трудно передать восторг Спыхальского, когда он узнал, что это за установки. Нужно, как он, всю жизнь провести в полетах вслепую, а после этого неожиданно прозреть, чтоб понять его состояние. Он расплакался, обнимая нас по очереди. Мне он сказал:

Я не могу припомнить сейчас недели, проведенные на «Кормчем». Аллан из той породы звездопроходцев, которые, доверяя командо-

вание автоматам, сами не отходят от них. Мы встречались с ним лишь в столовой. Я часами сидел в парке и дремал в кресле.

На Плутоне я задержался на два дня.

4

Я обо всем размышлял, воображая встречу с Землей, только не о том, что встреча будет торжественной. Я поспешил возвратиться раньше своих товарищей и поплатился за это: если и не весь предназначенный нам общий почет, то значительная часть его досталась мне одному.

Начиная от Марса наш звездолет сопровождала флотилия космического эскорта. Я не буду описывать сцену на космодроме, ее передали на все планеты Солнечной системы. Три часа я кланялся, пожимал руки, взмахивал шляпой — и очень устал. Лишь дома, на Зеленом проспекте, в окружении друзей, я вздохнул с облегчением.

— Такое впечатление, будто обворовал товарищей, — пожаловался я. — Знал бы, ни за что не прилетел один.

— Они будут довольны своей встречей, — утешила меня Вера. — А тебя приветствовали не только как члена экипажа, но и особо. Должна тебя порадовать. Твой проект переоборудова-

ния Земли в главное ухо, голос и глаз космоса принят.

Озадаченный, я не нашел слов. Я еще ни с кем не делился своими мыслями.

— Вдалеке от Земли ты позабыл о порядках на Земле, — сказала Вера, улыбаясь. — Разве тебе не говорили, что на Плутоне смонтирована Государственная машина? Ты прогуливался над планетой, а Охранительница фиксировала твои мысли. Они оказались настолько важными, что она немедленно передала их на Землю, а Большая, тоже незамедлительно, довела их до сведения каждого. Ты лишь усаживался на Плутоне в звездолет, а люди уж спорили, прав ты или не прав. Но перед тем, как будем осуществлять проект, тебе придется подлечиться — здоровье твое внушает опасение Медицинской машине.

Мне мое здоровье опасений не внушало. Встреча с друзьями и известие о принятии проекта были лучше любого лекарства.

Большая комната Веры едва вместила всех собравшихся. Особенную тесноту создавал Труб. На космодроме он вместе с нами влез в аэробус, он знал уже, что за этими машинами ангелам не угнаться. Зато он наотрез отказался от лифта и объявил, что самостоятельно взлетит на семь-

десят девятый этаж. Признаться, я не поверил: в Трубе килограммов сто, а высота все же около трехсот метров. Но он взлетел. Он отдыхал сперва на каждом двенадцатом этаже — в садах, потом на верандах каждого пятого, но одолел высоту. Он вспотел и был горд необыкновенно.

Он понемногу вписывается в наши земные обычаи, но прочерчивает в них свою особую колею. Лусин в нем души не чает. Ради Труба Лусин забросил идею птицеголового бога. Все же земные жилища, особенно женские комнаты, не приспособлены для ангелов. Труб и сам понимал, что летать здесь немыслимо, и старался не давать воли чувству. Но даже когда он делал шаг или просто поводил крыльями, обязательно что-нибудь летело на пол.

Среди гостей была Жанна с Олегом. Этот хорошенький мальчишка, живой, с умными глазами, очень похож на своего отца — мне показалось, что я вижу маленького Андре.

Я сто раз репетировал в уме встречу с Жанной, повторял про себя слова, какие скажу, думал, какое у меня должно быть выражение лица. Я все забыл — и слова, и мины. Она положила голову мне на плечо, тихо плакала, я молча обнимал ее. Потом я пробормотал:

— Поверь, еще не все пропало, Жанна.

Она поднялась.

— Нам с Олегом пора домой. Спасибо тебе, Эли! Ты всегда был верным другом Андре, я даже иногда ревновала его к тебе. Но сейчас, после его гибели…

— Исчезновения, — сказал я с яростью. — Исчезновения, Жанна!

5

До чего же она была прекрасна, милая зеленая Земля!

Я все утро бродил по улицам Столицы, поднимался над грядами ее домов, выбирался в окрестные поля и парки, выкупался в канале. Мальчишки из соседнего интерната с молчаливым уважением следили, как я вылезал: стоял октябрь. Нужно затеряться на три года в космических просторах, чтобы ощутить, как хорошо дома!

Я присел в скверике на площади. Напротив стоял дом с навесом над первыми этажами, под этим навесом в последний приезд в Столицу я прятался от дождя. Я вспомнил незнакомую девушку с высокой шеей и широкими бровями, Мери Глан, мы с ней тогда стояли рядом, и она

издевалась надо мной. Что с этой строптивой Мери? В Столице ли она? Умчалась, как все, куда-нибудь на новостройку? Кто-то сел на скамейку. Вначале я не обращал внимания на соседа, потом повернулся.

На скамейке сидела Мери Глан.

— Здравствуйте, Эли! — сказала она. — Ведь вас зовут Эли Гамазин?

— Здравствуйте! — ответил я. — Да, я Эли Гамазин. А вас, если не ошибаюсь, зовут Мери Глан?

Она спокойно кивнула головой.

— Какое совпадение, — сказал я. — Представьте себе, я только что думал о вас, и вот — вы появляетесь!

— Вы считаете это совпадением? Просто я попросила Охранительницу навести вас на мысли обо мне.

Мне стало смешно и досадно. В странствиях я успел забыть, что на Земле командуют Охранительницы. Если и было чудо, что я думал о Мери, то чудо обыденное, технически подготовленное, еще деды потрудились, чтоб оно стало легко осуществимым.

— Итак, вы хотели меня увидеть, Мери? Я все же настаиваю на своем: я тоже поинтересовался, где вы. Что же мы скажем друг другу теперь, когда

желания наши осуществились?

Она не торопилась с ответом. Впоследствии я узнал, что до нее не вдруг доходит, чего от нее ждут. Пока она раздумывала, я разглядывал ее. Я помнил ее некрасивой, но она была скорее хорошенькой, чем некрасивой. Единственным, что не вязалось с ее тонким лицом, были широкие брови, но они нависали над такими темными задумчивыми глазами, что несоответствие пропадало. И при первой встрече я запомнил, что глаза у нее темные, но мне показалось тогда, что они темные от гнева.

— Я виновата перед вами, — сказала Мери. — Не знаю, почему я была с вами груба в Каире и на этой площади. Я решила: извинюсь, когда встретимся. Но вы улетели на Ору, а после в Плеяды и Персей. А теперь вы вернулись, и я извинилась!

Она встала, но я задержал ее. Мне захотелось пошутить.

— А знаете ли, что перед отлетом я запрашивал Справочную о нашей взаимной пригодности?

Мери решительно не хотела смущаться.

— Да, знаю. Я знаю также и то, что мы ни с какой стороны не подходим друг для друга. Всего доброго, Эли.

Я больше не решился задерживать ее. Я сидел

на скамейке и смотрел ей вслед. О Справочной она соврала, Охранительницы не выдают личных тайн. Потом я сообразил, что Мери, очевидно, тоже запрашивала обо мне и потому знает, как мало у нас соответствия. Она для того и удалилась, чтоб я последующими вопросами не выведал ее маленького секрета. Мне было жалко, что она ушла.

— Вы не забыли, что вас ждет друг? — сказала Охранительница голосом старика.

Вызванная авиетка появилась немедленно.

— Я хотел лететь вам навстречу, — сказал Ромеро, сердечно обнимая меня. — Справочная доложила, что вы замечтались на одной из площадей. Куда же мы с вами, юный многострадальный Одиссей? До обеда еще часа два, если, конечно, вы не желаете подкрепиться пораньше.

Он держался так непринужденно, словно у нас никогда не было споров. Я охотно поддержал этот тон.

— Пойдемте на гребень Центрального кольца. Оттуда великолепнейший вид на Столицу.

— Отлично. Любоваться Столицей я готов ежедневно, сегодня к тому же ясный день.

Пока мы поднимались на крышу, я украдкой присматривался к Павлу. Все мои знакомые стали

иными, я еще не привык к их новому облику.

— Один вопрос, Павел. Вы сказали, что проголосовали за мой проект превращения Земли в космический генератор волн пространства. Почему вы это сделали? Вы, конечно, отдавали себе отчет, что Земля тем самым становится непосредственно на службу всему Межзвездному Союзу?

— Как вам сказать? Надоело плыть против течения… Почему и мне не побезумствовать, раз все кругом посходили с ума?

— От вас я ожидаю ответа посерьезней, Павел.

— Вот как, посерьезней? Тогда получайте другой ответ. В вашем проекте одно меня подкупило сразу — размах. Раз уж мы ввязались в большую войну, несмотря на мои предупреждения, так надо вести ее по-большому счету… Не думайте, что я мещанин, боящийся всего, что за околицей. Превратить Землю в командную точку Галактики, в исполинский глаз, обыскивающий отдаленнейшие звездные уголки, в эдакое галактическое ухо, чутко улавливающее гармонию звездных сфер, — нет, это, знаете ли, внушительно!..

— Вот и прекрасно! — сказал я весело. — Думаю, мы найдем с вами общий язык и в остальном. Нет, Павел, Столица не умерла, вы ее рано хороните. Я попрошу у Большого Совета, чтоб именно

в ней разместили экспериментальную станцию волн пространства. Скоро кавернам в ее теле придет конец.

Ромеро снял шляпу и церемонно поклонился, показывая, что у него не хватает слов выразить свое восхищение.

На позы он мастер.

6

Дни не шли, а летели, я вставал на рассвете и не успевал оглянуться — дня уже не было. Я торопился, вся Земля торопилась — Большой Галактический флот, покинув Плутон, сконцентрировался у Оры. Корабли ждали сверхдальних локаторов, без этого теперь нечего было и думать выпускать их в космические просторы.

Я наблюдал за проектированием гигантской станции волн пространства СВП-3 и руководил выпуском установок для звездолетов, названных нами СВП-2.

Это уже была не та станция СВП-1, что так честно послужила нам в Персее. Она годилась лишь для прощупывания близкого пространства, в рейсы с Солнца на Сириус и звезды Центавра, не дальше. Недаром, отдаляясь от Персея, мы быстро потеряли связь с галактами.

Зато модель СВП-2 легко локировала объекты в ста светогодах. Снабженные такими механизмами, звездолеты уже не теряли связи друг с другом, даже отдаляясь на расстояние Веги от Солнца. И они уже не страшились нападения из невидимости. Кроме того, установки СВП-2 могли переговариваться с более мощными станциями и далеко за этими пределами.

Именно такую сверхмощную станцию СВП-3 мы и возводили сейчас на Земле. Здесь создавался величайший глаз и ухо Вселенной. СВП-3, по расчету, должна была действовать в радиусе десяти тысяч светолет. До центра Галактики, скрытого в созвездиях Стрельца и Змееносца, мы не доставали, тем более не доставали до внешних галактик, но звездные скопления в Персее, Гиады, Плеяды, гиганты Ригель и Бетельгейзе — все эти далекие светила нашего звездного мира попадали в зону действия.

В этой работе было сделано лишь два перерыва. Первый — когда на Землю вернулся экипаж «Пожирателя пространства». Ольге и ее товарищам прием был устроен намного торжественнее, чем незадолго до того мне. Земля неделю ликовала, два дня на ликование пришлось потратить и мне.

А второй перерыв произошел, когда мои товарищи улетали на Ору — Вера, Лусин (с Трубом, конечно) и многие другие.

— Надеюсь, ты недолго останешься на Земле? — сказала Вера перед прощанием. — Без тебя даже как-то неловко отправляться в дальние экспедиции.

Я усмехнулся и показал на своего помощника Альберта Бычахова, вместе со мной приехавшего на космодром. Альберт, беловолосый, веселый человек, руководил монтажом.

— Он меня держит, Вера. Пока он не высветит все закоулки в Персее, нечего и думать мне покидать Землю.

После прощания с друзьями мне захотелось пройти по пустынным проспектам. Я отпустил авиетку.

7

Осень в столице всегда хороша.

Хотя Управление Земной Оси расписывает свою власть над климатом и действительно выдает по графику ясные дни и дожди, ураганные ветры и дремотную тишь, морозы и оттепели, власть у него лишь на подобные грубые явления, а не на оттенки, в них же главная прелесть. «Завтра, с

10 до 14 часов, выпадет сорок семь миллиметров осадков, потом будет солнце и тишь» — сколько раз я слышал подобные объявления. Но что-то ни разу мне не попадалась такая сводка: «Этой осенью яркость листьев на кленах превысит среднегодовую на 18 процентов, а дали будут прозрачней на 24 процента, журавлиное же курлыканье прозвучит особенно призывно».

Если вдуматься, мы лишь кое-как справляемся со стихийной силой природы, но красота ее не в наших руках. Она создается сама.

Я шел по аллее Звездного проспекта и радовался, что кругом прекрасно. Низко нависало забитое облаками небо, ветер шумел в деревьях и кустах, ветви взмывали и рушились. А если ударял резкий порыв, тонкими голосами, заплетаясь, заговаривала трава.

На повороте аллеи, чуть ли не нос к носу, я столкнулся с Ромеро и Мери. От неожиданности я остановился, а когда, спохватившись, хотел пойти дальше, остановились они.

— Как здоровье, друг мой? — спросит Ромеро. — Вид у вас неплохой.

— Суть тоже. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Простите, я тороплюсь.

— Идите, Эли! — разрешил Ромеро, привет-

ственно приподняв трость. — Вы всегда были твердокаменно аккуратны.

Я успел услышать, как Мери сказала:

— Эли мог бы составить компанию для той экскурсии? Как по-вашему, Павел?

Что ответил Ромеро, я не разобрал. Экскурсии я не терплю со школы, когда нас пичкали ими. Меня удивило лишь, что Мери назвала Ромеро Павлом.

Я долго гулял по Звездному проспекту. В аллеях все так же шумели липы, глухо бормотали дубы, несильный ветер трепал листву, как волосы. Я думал о разных событиях, одна мысль неторопливо сменяла другую. Ничего нет странного, что Ромеро знаком с Мери, он покидал Землю всего на год, остальное время провел в Столице. Будем надеяться, что с Мери он будет счастливей, чем с Верой. Нужно ли сообщать Вере о новой привязанности Ромеро? Очень возможно, что Вера огорчится… Вера уже далеко — в иных мирах!

Потом эти мысли отошли от меня, и я снова стал размышлять о своей работе — о быстродействующей связи со звездолетами, уходящими в далекие рейсы.

Как и Ольга когда-то, я мечтал о диспетчерских планетах, созданных на галактических трассах.

Я видел темные точки, насаженные в космосе, и говорил с ними, я снова был звездопроходцем в командирском зале: «Алло, девушка, вы Н-171? В тринадцатый раз вызываю, нельзя же так!.. Я — звездолет ВК-44. Сообщите, сколько до Дзеты Скорпиона? У нас что-то забарахлили параллаксометры и интеграторы пути». — «Я Н-171, — шептал я себе. — Не нервничайте, звездолет ВК-44, вы не один в космосе. До Дзеты Скорпиона от вас сто тринадцать парсеков, вам надо прибавить ходу, чтобы уложиться в расписание. Делаю замечание: с неисправными приборами не отправляются в рейс. В следующий раз сниму с полета».

Я был счастлив оттого, что придумал суровую отповедь себе от незнакомой девушки на диспетчерской планете Н-171. Потом, устав, я присел на скамейку и снова вскочил. Идти домой по-прежнему не хотелось. Я запросил у Справочной информацию о сценических представлениях.

В стереотеатрах шла смешанная программа. Театр классики показывал Еврипида, Аристофана, Шекспира, Мольера, Турнэску, Мазовского, Сурикова, Джеппера — в каждом из восемнадцати своих залов по две пьесы в день. В театре комедии шел водевиль «Три страшных дня космонавта

Гриши Турчанинова» — вещица отнюдь не свежая, и злая сатира «Генрих Бриллинг играет в бильярд на планете ДП-88». В концертных залах обещали Баха и Мясоедова, Трейдуба и Шопена. Я выбрал стереотеатр. Это старейший из театров Столицы, там гордятся приверженностью к древности, вот уже два века до него не доходят новые веяния.

Стариной пахнуло уже в вестибюле. Сдав пальто роботу, я попал под радиационный душ, вызывающий благодушное настроение, — нехитрая гарантия, что любая программа понравится.

Второй робот спросил, желаю ли я привычное место или то, где объективно мне лучше всего любоваться представлением. Я сказал, что привычных мест у меня нет, пусть будет то, что мне больше подходит. Он проводил меня в тринадцатый ряд к пятому креслу, по дороге попросив заказать температуру, влажность и запахи микроклимата моего места. Я заказал восемнадцать градусов, семидесятипроцентную влажность, легкий ветерок и запахи свежескошенного луга, нагретого солнцем. Эти наивные удобства, так радовавшие предков, скорее забавляли, чем ублажали, а древние роботы, двести лет назад вышедшие из моды, просто развеселили. Девиз

стереотеатра — «Представление начинается с входной двери».

Сегодня шла драма «Встреча на белом карлике», а перед ней показали Ору. Я увидел себя и друзей в момент, когда мы высаживались. Сперва появился «Кормчий», за ним «Пожиратель пространства», один за другим мы вылезали из корабля, а нас встречал, помахивая рукою, седой Мартын Спыхальский.

А потом началась пьеса. Ее сочинили в двадцать первом веке, она вся полна наивной романтики той эпохи. Капиталист Невилл Винн спасается от революции на звездолете, выстроенном на его заводах, и насильно прихватывает с собой слуг, в том числе и машинистку Агнессу Форд, возлюбленную Аркадия Торелли.

Они высаживаются на планетке, вращающейся вокруг мрачного белого карлика. Торелли мечется по Галактике, разыскивая утерянную возлюбленную, и набредает на белый карлик, где во мраке крохотной планетки между ним и Невиллом Винном разыгрывается последняя схватка.

Я улыбаюсь, рассказывая сюжет. Я улыбался, сидя в кресле и наслаждаясь заказанным микроклиматом, когда вспоминал, что актеры пьесы

умерли без малого триста лет назад. В конце концов это древнее стереопредставление — лишь немного усовершенствованное еще более древнее кино, в нем столько же условностей и странностей, как и в вытесненном им кино.

Потом я сел на скамейку и спросил себя: чего мне надо?

Мне ничего не было нужно. Просто я не находил себе места.

Тогда, поколебавшись, я попросил Охранительницу соединить меня с Мери Глан. Мери появилась сейчас же, как я послал вызов.

Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и смотрела на меня настороженно и иронически.

— У вас много терпения, Эли. Я ожидала вызова раньше.

— Здравствуйте, Мери. Не понимаю, о чем вы говорите?

— Значит, так, — сказала она. — Приближается праздник Первого снега. Ваш друг Павел Ромеро собирается отметить его угощением у костра. Все будет как в старину, точность обычаев он гарантирует. Я хочу, чтобы вы сопровождали меня. Вы согласны?

— Раз вы хотите, то да, конечно. В свою очередь я приглашаю вас с Павлом, но не на праздник, а

на испытание станции дальней галактической связи. Вам будет интересно.

— Вы приписываете другим свои желания, — возразила она. — У вас, кажется, друзья на всех звездах, а у меня там никого нет. Как и ваш друг Ромеро, я привязана к Земле, а для ориентировки на ней хватает Охранительницы. Сомневаюсь, чтоб мне было интересно.

Я сказал сухо:

— При такой общности земных интересов вы, пожалуй, больший друг Павлу, чем я. И раз вас не интересует галактическая связь…

— Общий сбор у Коровы. Доброго кувыркания в облаках! — сказала она и исчезла.

8

Это был последний большой праздник года, завершавший цикл поворотов в природе: Зимний солнцеворот, Большое таяние снега, Первый дождь, Летний солнцеворот, Большая летняя гроза, Первый снег…

В этом году не было уверенности, что торжество удастся. Праздник требовал слишком много энергии: все ресурсы Земли отдали строительству СВП-3. Выдвигались и другие соображения: половина населения планеты на космических

стройках, а тем, кто остался, не до праздников: началась предпусковая горячка на станции сверхдальней связи. Но Управление Земной Оси выполняло свою программу неукоснительно. Если на Земле останется один человек, желающий повеселиться, для него развернут все установленные праздники.

Я думаю, это правильно. Мой помощник Альберт, увидев, какой размах принимает подготовка, направил Большой протест: «Человечеству сейчас нет времени праздновать, кроме, может, отдельных весельчаков. Для кого вы стараетесь?» Большая ответила со всей электронной рассудительностью: «Каждый человек достоин всего, чего достойно человечество».

Как всегда, снеговые тучи прессовали над северной акваторией Тихого океана. Для интереса я слетал туда на рейсовой ракетке, а на Камчатке забрался в морскую авиетку. Охранительница предупредила меня, что надо потеплее одеться, но я пренебрег ее советом — и раскаялся. Холод был адский. Кругом простиралась непроницаемо белая пелена, похожая скорее на скрипящую под руками вату, а не на влажный туман: тучи спрессовывались из мельчайших льдинок, им предстояло лишь немного укрупниться, чтоб

образовать готовые снежинки.

Я пригласил с собой на праздник и Альберта. Он явился раньше всех и, усевшись у памятника Корове, по обыкновению возился с формулами. Он всегда вычисляет — в свободное и несвободное время.

— Опаздывают ваши друзья, — сказал он и опять занялся вычислениями.

Я сел рядом с ним. Это местечко перед Пантеоном — любимое место свиданий. На приземистом, красного гранита постаменте корова склоняла рогатую голову, всматриваясь в меня темными выпуклыми глазами. Я в тысячный раз прочитал надпись, почему-то она всегда трогает меня: «Кормилице людей. Благодарное человечество». Во мне поднялись и прошли торжественно-широкие мысли. Никто давно не пьет молока от коров, но хорошо, что человечество не забывает свое прошлое. Над каменной рыже-черной коровой неторопливо плыли облака, обычные облака этого дня, не те, что наготавливались для праздника. Клены и каштаны стояли голые, лишь высокие узкие дубы не хотели прощаться с ржавыми листьями. Лужи затягивал ледок. Мир был суров и юн.

— Опаздывают ваши друзья, — повторил Аль-

берт и, закончив одно вычисление, принялся за другое.

На площади опустилась авиетка с Ромеро. Кабина была заставлена свертками и пакетами, были даже два ведра. Ромеро помахал нам рукою.

— А Мери еще нет? Ладно, сейчас я ее доставлю.

Пока он летал за Мери, на площади приземлились еще три авиетки, из них вылезали друзья Ромеро, мужчины и женщины. Затем снова показалась авиетка Ромеро, за ней другая, с Мери.

— Кажется, все в сборе? — сказал Ромеро, весело оглядывая нас. — По креслам, друзья, и — за мной!

Мери сердито сказала мне, глядя в сторону:

— Приняли приглашение, но не удосужились залететь за мной.

— Я думал, что за вами залетит Павел, как, впрочем, и произошло…

Она отошла. Она не желала со мной разговаривать. Я уже подумывал, не отказаться ли от экскурсии. Если бы не Альберт, я постарался бы незаметно улизнуть.

Ромеро взял курс на север. Внизу проплыли три гряды жилых колец, затем потянулись парки, их сменили поля и леса. Ромеро шел на излучину ре-

ки Синюхи, где она образует петлю, поворачивая с запада на восток. На заросшем деревьями полуострове я не раз проводил летние дни, купался, влезал на дубы и тополя.

Ромеро опустился на полянку в центре излучины.

— Здесь! — сказал он, потопав ногами по земле. — Снег назначен на шестнадцать, у нас впереди четыре часа. Потратим это время на сооружение костра и приготовление еды. Сегодня, вероятно впервые в жизни для многих из вас, вы попробуете снедь и напитки, к которым не прикасались электронные руки автоматов. «Будем подобны предкам!» — таков девиз сегодняшнего праздника.

Ироничный, малоподвижный Ромеро, в практических делах скорее наблюдатель, чем участник, сегодня с энергией командовал. Мы с Альбертом собирали валежник, другие мужчины расчищали местечко для костра, женщины распаковывали свертки и доставали необычную посуду — фарфоровые тарелки, металлические вилки и ножи, хрустальные бокалы, скатерти из странного материала.

— Где вы достали такое старье, Павел? — спросил я.

— В музее. Надеюсь, вы не подумали, что для обеда в манере предков я прибегну к услугам автоматизированных столовых? Скатерти из чистого льна — великолепно, правда?

— Грубоватая ткань. Надеюсь, еда не из музея? Я не хотел бы глодать котлеты, приготовленные пятьсот лет назад.

— Успокойтесь, из музея одни вина, да и им, конечно, не пятьсот лет, хотя они очень стары! Но вино чем старее, тем лучше, — так считали в древности, а нам сегодня предстоит проверить, верно ли это. Я угощу вас свежайшим шашлыком из натурального барашка. Вчера еще наш шашлык блеял в саду музея.

— Вы убили бедное животное, Павел?

— Дорогой Эли, предки не убивали, а приготавливали барашков. Я его приготовил, то есть зарезал, освежевал, разрубил мясо на кусочки, посолил, залил уксусом, приправил луком и высыпал в ведро — томиться... — Он с наслаждением описывал свои действия, у него горели глаза. — Не делайте кислого лица, мой друг! Ручаюсь, вы пальчики оближете, когда попробуете шашлыка.

Костер взметнулся пологом багрового пламени, дым обвивал пламя, как кружево ткань. Я взял

на себя обязанность надзирателя огня, Ромеро важно называл меня «дневальным по печке». Это было все же лучше, чем возиться с дурно пахнущим мясом.

К шашлыку Павел пристроил Альберта, тот нанизывал мясо вперемежку с луком на металлические шесты, похожие на прутья садовых решеток, — их тоже привез с собой Ромеро.

Время шло к шестнадцати, небо опускалось все ниже. Тучи двигались быстро, густые и темные, в любую минуту из них мог вывалиться снег. Дубы рассыпали багровые листья, их засасывало к костру и отбрасывало вверх: листья кружились над огнем стаей больших медленных бабочек. Альберт разместил шесты, мясо шипело, с него капал жир, чадно обволакивая горящие сучья. Меня подташнивало от усилившегося неприятного запаха.

Без пятнадцати четыре Ромеро стал открывать бутылки. Пробки окаменели в горлышках, одна бутылка сломалась. От вина шел густой аромат, в нем смешивалось что-то хорошее и что-то неприятное. Я заметил, что и другие, прежде чем хлебнуть вина, украдкой принюхивались к нему.

По команде Ромеро мы подняли бокалы.

— Зима идет, друзья! За хорошую зиму!

Стал падать крупный снег, и мы выпили вино. Не могу сказать, чтоб оно мне понравилось. В нем была терпкость, оно жгло во рту, как кислота, хотя скорей было сладко, а не кисло. В старину вино смаковали, но я чувствовал, что меня затошнит, если буду долго держать его во рту, и я проглотил его залпом. Альберт покривился, словно глотал жабу. Я сказал тихонько, чтобы не слыхала Мери, сидевшая по другую сторону Альберта:

— Не знаю, как наши предки ели, а пили они невкусно.

Он отозвался громким шепотом:

— Ели они еще хуже. В шашлыке не чувствуется мяса.

— А у вас побагровели щеки! — сказал я со смехом. — И все лицо отекло. Боюсь, вино не опьянило, а отравило вас, а может, вы просто молодой, легкомысленный человек и потому… Дайте мне вот тот длинный жезл шашлыка. Хочу проверить, так ли он невкусен, как говорите вы…Речь идет о наших предках, надо это понимать, Альберт, я никому не позволю, чтоб наших великих предшественников…

— Ладно, ладно, вы раньше сжуйте хоть четвертинку вашего жезла!

Натуральное мясо и вправду пахло чем угодно, но не мясом — дымом, угольями, сажей, пережаренным жиром, жилами, костями. И в нем не было той сочности и свежести, той ароматной мягкости, что радуют в настоящем синтетическом мясе. Я жевал кусок, перекатывая его из одного угла рта в другой, он был весь собран из каких-то терпких нитей и неперекусываемых железных пленок. Если бы такую продукцию выдали в столовой, все кухонные автоматы немедленно бы отправили на перемонтировку.

Мери, усердно жевавшая кусок, вдруг с отвращением выплюнула его в траву.

— Наплевательское отношение к великим традициям, — сказал я. — Не кажется ли вам, Мери, что вы оскорбляете тех, кто жил задолго до нас?

— Мне кажется, что вы не в себе, — огрызнулась она. — Раньше вы при каждом слове попеременно краснели и бледнели, сейчас вы только красны. И вы многословны, этого тоже за вами не замечалось.

Я повернулся к Мери и Альберту:

— Вы летите домой, а я немного задержусь. Нам надо кое о чем потолковать с Павлом.

— Я не позволю!.. — начал он, но я стал между ним и авиетками. Он замолчал, всматриваясь в

мое лицо. Я тоже молчал.

— Мы вас ждем! — крикнула Мери. Ее авиетка унеслась в темноту снегопада, а за ней пропала авиетка Альберта.

Только после этого я заговорил:

— Теперь можно не стесняться. Какой вывод вы собираетесь сделать из данного происшествия, высокоуважаемый Ромеро?

Он сперва повернулся к распевавшим у костра людям, потом со злой усмешкой посмотрел на меня. В темноте, слабо озаренной снегом и бликами костра, я видел лишь его белое лицо и сверкающие глаза.

— Когда-то был хороший обычай, — сказал он медленно. — Если двух мужчин разделяла женщина, они сами решали свой спор, не прибегая к помощи Охранительниц, Больших и Малых и прочих Справочных и Академических. Вы меня понимаете, высокомудрый Эли? Я согласен на любой вариант — шпаги, пистолеты, винтовки… Оружие возьмем из музея.

Я изучал его бешеное лицо, стараясь сообразить, насколько он серьезен.

— Я не такой поклонник старины, как вы. Что до меня, то предпочитаю для дуэли аннигиляторы. Тут есть некоторое преимущество перед

прежними формами поединков — побежденный увеличивает собою мировую пустоту…

— Короче говоря, вы отказываетесь из трусости, — сказал он надменно. — Могу вам сказать одно: трусостью еще никто не покорял сердца женщин.

— Да? — переспросил я, надвигаясь на него. — У вас, конечно, опыт — такой покоритель сердец!.. А не приходит ли вам в голову, рыцарь мужества, что я сейчас схвачу вас за грудки и выбью вашей стройной фигурой дупло в одном из дубов?

Теперь и он изучал мое лицо, пытаясь разглядеть, как далеко я готов пойти. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и хмуро:

— Что же, такой способ тоже был — драка на кулачках, зубами и ногами. Лично я не поклонник неандертальских манер. Но если вы настаиваете…

— Нет! Это вы настаиваете, а не я. Я хочу спать, а вы мешаете возвратиться домой. Пустите меня или нет? Еще минуту я потерплю…

Он колебался всю отпущенную ему минуту. Зато теперь он снова был прежний — ироничный, немного высокомерный, любезный Ромеро.

— Вы правы, мой друг. В наше время кулаком не завоевывают сердца женщин. И в пылу

наших споров я позабыл, что меня ждут гости. Пренебрегать обязанностями хозяина в старину почиталось не меньшим грехом, чем показать трусость. Видимо, я опьянел. Я, как и вы, в первый раз пробую старинное вино. Желаю доброго сна.

Он пошатнулся, поворачиваясь. Я поддержал его. Он высокомерно отвел мою руку.

— Стой! — сказал я с яростью. — Должны же мы когда-нибудь поговорить как друзья, Павел? Не идите к костру, вам не место там.

— Позвольте мне самому выбрать себе место. И разрешите вам заметить, проницательный друг, я не нуждаюсь ни в чьих советах.

Я опять не пустил его.

— Я не советую, а спрашиваю. Почему вы на Земле, а не на Оре? Что вам делать сейчас на Земле?

— Странный вопрос! — сказал он, пожимая плечами. — А что мне делать на Оре? Вы, кажется, забыли, что там ваша сестра?

— Я ничего не забыл. Вы должны лететь на Ору.

Он уже не вырывался.

— Вы преувеличиваете мою выдержку, Эли. У нас с Верой нет дорог друг к другу. Если бы вы знали, как безобразно мы поссорились еще тогда,

на звездолете…

— Я видел вашу ссору. Это получилось случайно, но я все видел.

— Значит, вы видели и то, как хладнокровно она прогнала меня? По-вашему, это можно снести?

— Глупец, она рыдала после вашего ухода! Слушайте, Павел, каждый день на Плутон уходят три экспресса, вы еще успеете к ночному.

Ромеро так побледнел, что я испугался. Он беззвучно шевелил губами, долгую минуту всматривался в меня, потом сказал:

— Я подумаю. Сейчас меня ждут гости.

Я смотрел ему вслед. Он шел быстро и легко. Опьянение с него слетело сразу.

9

Утром меня разбудил Альберт. Он ухмылялся в видеостолбе.

— Проснитесь! — кричал он. — Как здоровье после вчерашнего? Мы с Мери добрались великолепно. Она передает вам привет. Да проснетесь ли вы наконец?

— Что случилось? — спросил я, вскакивая. — Почему такая спешка?

— Разве вы забыли, что сегодня опробование

связи с Орой? Я вызываю вас уже со станции. Кого из ваших друзей приглашать?

— Жанну, жену Андре, и Мери. Впрочем, я уже пригласил их.

Я быстро оделся и поспешил к аэробусу на станцию.

Там уже все было подготовлено к открытию связи.

Гостей было немного, среди них Жанна. Я провел ее в зал и сел рядом с ней. Она попросила продемонстрировать во время сеанса связи места, где произошли сражения с разрушителями, я пообещал сделать все, что возможно.

Потом появилась Мери. Она с улыбкой пожала мне руку.

— Что вы сделали с Ромеро, Эли? Вы знаете, что он сразу после праздника улетел на Ору?

— Вас это огорчает, Мери?

— Разве похоже, что я огорчена? Вы, кажется, заподозрили, что я увлечена вашим другом?

— Очень рад, если не увлечены.

Положительно, у нее было неплохое настроение. Я первый раз видел ее такой веселой.

— Эли, вы разговариваете так, словно сами влюбились в меня. Не забывайте, что у нас нет взаимного соответствия. Ничего хорошего для

вас из этого не получится.

— Как и для вас, — сказал я и показал ей место рядом с Жанной.

Пуск установки поручили Альберту. Он разместился в кабине, устроенной тут же, в зале, позади нас. Перед нами зиял темный ящик, нечто вроде сцены театров — приемный стереообъем станции. Возмущения плотности пространства, переведенные дешифраторами на язык человеческих звуков, линий и красок, должны были вещно изобразиться в стереообъеме.

— Луч в пространстве, — сказал Альберт в двенадцать часов.

Внешне все совершалось без эффектов — Земля не затряслась и не загудела, атмосферу не полоснуло пламя, даже кресла не дрогнули.

Но каждый из нас знал, что в мировое пространство рванулся поток энергии еще не слыханной мощи и концентрации. Прими этот поток иную, более вещественную форму и попади в него любая планета — даже вспышки не произойдет, просто исчезнет планета, словно и не было ее никогда.

И от одной мысли, что мы присутствуем при высвобождении чудовищно огромных сил, я испытывал гордость.

— В луче звездолет, — доложил автомат. — Рас-

стояние — полпути до Оры.

— Это «Кормчий», — воскликнул Альберт. — Очертания старого звездолета.

Стереообъем дымно сиял, и в нем плыла одинокая темная точка. Это мог быть любой звездолет — и старый, и новый.

— Ора в луче! — крикнул Альберт.

Ора летела навстречу, быстро увеличиваясь в тумане стереоэкрана. Это были пока наши импульсы, отраженные от нее, потом стали действовать ее собственные, от отосланной на Ору установки СПВ-2. Мы увидели зал Звездных Приемов, много людей, среди них Веру, Ольгу, Аллана, Мартына Спыхальского.

— Так что же? — сказал Спыхальский с подходящей случаю торжественностью. — Откроем первую быстродействующую галактическую передачу? Ора докладывает Земле: мы в луче.

Я ответил за всех, находившихся на станции, а также за всех, кто в этот момент слушал и наблюдал нас на планете:

— Земля горячо обнимает вас!

Спыхальский доложил, что установка СВП-2 пущена в срок, налажена связь со звездолетами и близкими светилами. Связь работает отлично. «Звезда со звездою говорит напрямую, запазды-

ваний нет!» — объявил он.

— Попробуем теперь достать скопление в Персее, — сказал я Альберту.

Наступил решающий момент испытания. Земля выбрасывала свои могучие локаторные лучи на пять тысяч светолет. Теперь должно было стать ясно, оправдались ли расчеты нашего проекта или мы потерпим поражение.

Несколько минут прошли в молчаливом ожидании. Потом в стереообъеме зажглось великолепнейшее из скоплений нашего района Галактики — две звездные кучки, несколько тысяч ярчайших светил…Я видел знакомую картину, ровно год я каждый день рассматривал ее в командирском зале несущегося в Персей звездолета.

И снова я не сумел отделаться от старого жутковатого ощущения, будто я вижу удар столкнувшихся звездных кулаков — звезды разлетались в стороны, как осколки… Скопление вспухало, звезды в нем разбегались. Теперь мы были где-то неподалеку от Угрожающей.

— В сверхсветовой области две флотилии звездолетов, — бесстрастно доложил автомат. — Идут параллельными курсами, скорость не выше ста световых.

Мы увидели точки, медленно плывущие в светящемся тумане стереообъема. В первой группе было пять, во второй семь кораблей. Куда они шли? Нападать на блокированные планеты галактов? Обычный рейс в безраздельно контролируемом ими пространстве или свирепая попытка уничтожить внутренних звездных врагов, перед тем как подоспеем мы, враги внешние?

Я улыбался, сидя в кресле. Превращение Земли в величайшее ухо, глаз и голос Вселенной удалось! Альберт дал свет в зал.

— Ты видела места, где исчез Андре, места, где он сейчас томится, — сказал я Жанне. — Верь, Жанна, верь — ждать уже недолго!

Она вытирала покрасневшие глаза. Я повернулся к Мери. Мери не было.

— Твоя знакомая ушла, когда показался Персей, — сказала Жанна. — Я хотела обратить твое внимание, но ты так следил за этими крейсерами… Тебя огорчает ее уход, Эли?

— Скорее радует! — сказал я весело.

После этого я обратился к Альберту:

— Итак, пуск состоялся. В соответствии с решением Большого Совета, я с этой минуты свободен. Желаю успеха, Альберт.

Он крепко пожал мне руку.

10

Теперь оставалось немногое. Вещи, собранные заранее, ждали меня на космодроме. До вечернего экспресса на Плутон оставалось три часа. Я вызвал Мери. Охранительница отыскала ее на одном из городских проспектов. Мери шла домой, сердитая и заплаканная. У нее были красные глаза, я различал это даже в видеостолбе. Она вздрогнула, когда я неожиданно засветился перед ней.

— Вы пытались убежать, — сказал я, — но я вас нашел. И хочу, чтобы вы немедленно прилетели ко мне. Мне очень нужны вы, Мери…

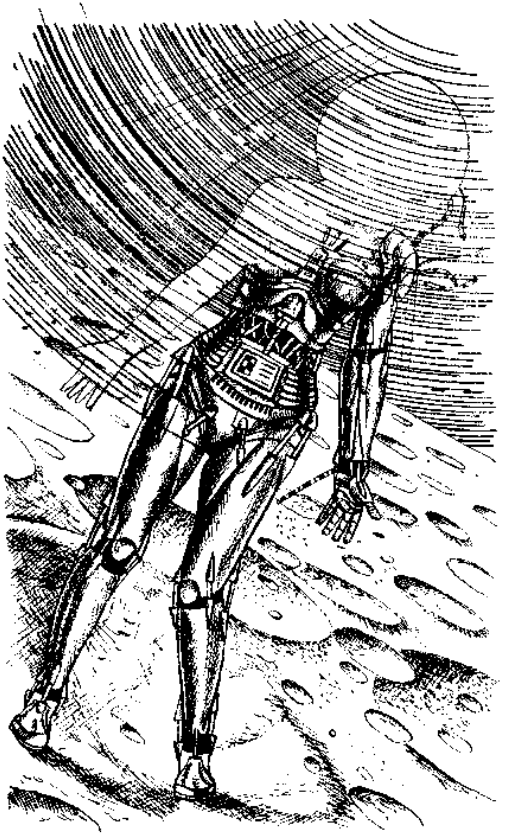
Она смотрела в сторону, потом сказала очень неохотно:

— Ладно, вечером. Если у меня появится настроение видеть вас…

— Вечером будет поздно, Мери. Я улетаю на Ору сегодня.

Пораженная, она взглянула мне в глаза:

— Хорошо, я вызываю авиетку.



Мы появились на космодроме одновременно. У нее опять переменилось настроение. Теперь Мери была недоброй и язвительной. Она не протянула мне руки, она собиралась на прощанье посмеяться надо мной.

— Когда прибудете на Вегу, передайте… — начала Мери, но я прервал ее.

— Не знаю, удастся ли скоро побывать на Веге. Мы идем в Персей. Я хочу, чтобы вы полетели с нами.

У нее был такой удивленный вид, что я рассмеялся. Она совсем рассердилась.

— Я не из тех, кто любит шутки, — сказала она в негодовании. — Очень жалею, что приехала вас провожать.

— Я не шучу, Мери. Ничего я так в жизни не хотел, как того, чтоб вы сопровождали меня! Что вас держит на Земле? Вам будет хорошо, обещаю! А на Плутоне вы возьмете все, что вам нужно в дальнюю дорогу.

Она колебалась. На глазах у нее опять появились слезы.

— Удивляюсь вам, — сказала она. — Вы, кажется, задумались над тем, что мне хорошо и что плохо. До сих пор вы больше думали о себе.

— Это потому, что до сих пор я чаще бывал с

собою, чем с другими, Мери. К тому же, мужчины эгоистичней женщин, так написано в древних книгах. Но теперь все это переменится.

— Вы решили покончить со своим мужским эгоизмом?

— Наоборот, стремлюсь ублажить его. Оставить вас на Земле и потом не знать ни днем ни ночью покоя — что с вами, не влюбились ли в кого, не заболели ли? В тысячу раз спокойнее, если вы рядом, смотри в глаза, сколько хочешь, говори, когда хочешь, беги исполняй желания, с наслаждением слушай, как тебя ежедневно, ежечасно, ежеминутно пробирают!.. Я слишком большой эгоист, чтоб упустить свое счастье.

— У вас странный эгоизм, Эли.

— Какой есть. Идемте, Мери, остались минуты…

Она сделала шаг к звездолету и остановилась. У нее грозно хмурились широкие брови.

— Но предупреждаю, Эли: вашу прекрасную змею…

Я весело прервал ее:

— Она будет и вашей. Вы с Фиолой рождены быть подругами. Идемте, идемте, Мери!

Она все же колебалась. Она шла и останавливалась. Я ласково подталкивал ее. У планетолета

она повернулась ко мне. Она была очень бледна.

— Эли, разве это серьезно? — сказала она чуть не плача. — Понимаете вы сами, что делаете? Павел утверждает, что вы способны на самые безрассудные поступки. Вы сейчас…

— Павел правильно говорит, — прервал я ее. — Павел отлично знает меня. И вообще он все в мире знает. Но какое отношение к нам имеют все его удивительные знания? Немного безрассудства — единственное, что нам требуется, чтобы быть вполне разумными.

Я ввел Мери в свою каюту. Она села на диван и радостно засмеялась.

— Эли! Знаете, в каком своем постоянном желании я хотела бы вам признаться?

— Знаю. Вы желали, чтобы мы вдвоем куда-нибудь далеко улетели. Это также всегда было и моим сокровенным желанием, Мери!

Книга вторая
ВТОРЖЕНИЕ В ПЕРСЕЙ

КНИГА ВТОРАЯ

ВТОРЖЕНИЕ В ПЕРСЕЙ

Часть первая
В ЗВЕЗДНЫХ ТЕСНИНАХ

Вестник беззвучный восстал и войну
многозвучную будит.
С башенной брови, о Кирн, вспыхнул до-
зорный костер…
Что же, мужайся! Взнуздать торопись
ветровеющих коней!
Грудью о грудь на коне встретить хочу
я врагов.
Близится пыль их копыт. До ворот они
быстро доскачут,
Если очей моих бог не обуял слепотой…
Феогнит из Мегары (VI век до н. э.)

1

Все повторилось, все стало другим.

В прошлый раз я летел на Ору с чувством первооткрывателя. Звездный мир на полусферах стереоэкрана был первозданно ярок. Сейчас мы мчались проторенной дорогой, десятки кораблей впереди, десятки позади. Хорошо известные звезды неслись навстречу и погасали в отдалении

— нового не было. Я торопился. Я больше не хотел быть звездным туристом. Воин величайшей армии, когда-либо собранной человечеством, — я опаздывал на призывной пункт!

— Не понимаю тебя, — сказала Мери, хмуря широкие брови. — Без тебя в Персей не уйдут — зачем нервничать? И неужели красота мира становится меньше, если ты уже любовался ею?

— Она перестает быть неожиданной, — пробормотал я, мрачно взирая на Альдебаран, который все увеличивался.

В Мери есть что-то общее с Верой, хотя внешне они не схожи. Та прямолинейная, сухая логика, что зовется женской, у них, во всяком случае, одинакова.

— Красота — это совершенство, то есть максимум того, что всегда ожидается и всегда желается. Желаемая ожиданная неожиданность — согласись, это нелепо, Эли.

— Согласись и ты, Вера… — начал я запальчиво и запнулся.

Мери рассмеялась.

— Я видела твою сестру лишь на стереоэкранах. Но ты уже не первый раз называешь меня Верой. И ошибаешься ты, лишь когда не прав и собираешься оправдываться. Разве не так?

Я поцеловал Мери. Поцелуи, кажется, единственное, что не требует ни обоснований, ни оправданий.

Мери все же пожаловалась:

— Я думала, ты будешь мне гидом на первой моей звездной дороге. Когда-то поездки молодоженов назывались свадебными путешествиями. У меня впечатление, что наше свадебное путешествие тебе наскучило.

Я стал вспоминать, что знаю о светилах, рассказал о полете в Плеяды и Персей.

— Звездная бездна со всех сторон, и мы куда-то падаем в ней, — сказал я с волнением. — Это нужно почувствовать, Мери: звездная бездна — и ты в ней все падаешь, падаешь, падаешь…

— Звездная бездна, и ты в ней падаешь, падаешь, — повторила Мери тихо. Она склонила лицо, я не видел ее глаз.

2

На Оре нас встретило так много друзей, что я устал обниматься, хлопать по плечу и жать руки. Рядом с Верой стоял Ромеро — как обычно изящный и холодно-подтянутый. Он ограничился тем, что крепко пожал мне руку.

С Мери Ромеро разговаривал так, что даже

незнакомый явственно различил бы иронию.

— Вас можно поздравить, дорогая Мери? Насколько я понимаю, осуществились ваши заветные мечты?

Если раньше я опасался, что Мери влюблена в Ромеро, то сейчас мне показалось, что она его ненавидит, так раздраженно заблестели ее глаза.

— Вы угадали, Павел. Самые заветные из моих мечтаний!

Он почтительно развел руками, церемонно склонил голову, — так, наверное, в древности изображали поздравления.

— Что это значит? — Вера с недоумением переводила взгляд с меня на Мери и с Мери на Ромеро. — Случилось что-нибудь важное, брат?

— Для меня — важное! — Я взял Мери за руку. — Познакомься с моей женой, Вера.

Я всегда удивлялся быстроте, с какой женщины сдруживаются.

У мужчин мгновенное взаимопонимание не развито, мы раньше обмениваемся приветствиями, долго присматриваемся, принюхиваемся и прищупываемся, прежде чем начинаем соображать, чего нам друг от друга надо. Условности поведения у нас сильнее, мужчины и доныне жертвы этикета. Я бы на месте Веры часок потол-

ковал с Мери, потом взял ее дружески под руку. Вера же просто шагнула к Мери, а та бросилась к ней в объятия.

— Наконец-то, Эли! — возгласила Вера, отпуская Мери. — И ты, кажется, сделал удачный выбор, брат.

— Не очень удачный! Справочная предрекла нам развод на третьем месяце брачной жизни. Правда, уже идет четвертый…

Вера увлекла Мери в сторону, а я поступил в безраздельное обладание приятелей. Пополневшая Ольга пожелала мне счастья, Леонид добавил своих поздравлений, Аллан похвастался, что никогда не изменит корпорации холостяков, а Лусин, глядя с нежностью, словно я был выведенным в его институте крылатым человекобыком, вдруг промямлил:

— Хочешь подарю? Дракон! Изумительный. Летай с Мери. Райское счастье.

— На огнедышащих драконах летать только в ад, а это я погожу, — сказал я.

Прилетевший Труб увеличил общую сумятицу. Я выбрался из его крылатых объятий основательно помятым. Прошло не меньше часа, прежде чем установился упорядоченный разговор взамен сплошного смеха и выкриков.

— Вы не сердитесь на меня, Павел? — спросил я Ромеро. — Я имею в виду совет насчет Оры…

— Я благодарен вам, Эли, — сказал он без обычной напыщенности. — Я был слепец, должен это с прискорбием признать. Наше примирение с Верой было так неожиданно быстро…

Я не удержался от насмешки.

— Не верю в неожиданности, особенно в счастливые. Хорошая неожиданность требует солидной подготовки. Этой, как вы помните, предшествовала наша ссора в лесу.

— Неожиданности у вас здесь будут, — предрек он. — И очень скоро, любезный друг.

Вера с Мери подошли к нам. Вера сказала:

— Нам нужно наедине поговорить о походе в Персей. Может быть, сделаем это не откладывая?

Я удивился, почему о походе в Персей нужно беседовать наедине.

— У меня обязанности гида, Вера. Мери впервые на Оре.

— Тогда приходи после прогулки в мой номер.

Лусин объявил, что не успокоится, пока не продемонстрирует мне с Мери зверинца, вывезенного с Земли. Мы не стали огорчать Лусина и пошли к его питомцам. Одних пегасов было не меньше сотни — черные, оранжевые, желтые,

зеленые, красные с белыми искрами, белые с искрами красными — в общем, всех поэтических красок, воинственно ржущие, непрерывно взлетающие, непрерывно садящиеся…

Труб, скрестив на груди крылья, с насмешливой неприязнью следил за сутолокой.

— Неразумный народец, — проворчал он. — Не умеют ни читать, ни писать. Я уже не упоминаю о том, что не говорят по-человечески.

В первый год пребывания на Земле Труб справился с азбукой, а перед отлетом на Ору сдал экзамен за начальную школу, а там интегральное исчисление и ряды Нгоро. На Оре Труб устроил для своих сородичей училища. У ангелов обнаружились недюжинные способности к технике. Особенно они увлекаются электрическими аппаратами.

— Это же только лошади, хотя и с крыльями, — сказал я.

— Тем непростительней их тупость.

Было забавно, что один из любимцев Лусина поносит других его любимцев. Лусин от ангела, однако, легко сносил то, чего не потерпел бы от человека.

— Расист, — сказал он и так ухмыльнулся, будто ангел не ругал, а превозносил пегасов. — Культ

высших существ. Детская болезнь развития.

За конюшней пегасов мы увидели крылатого огнедышащего дракона. Он был такой огромный, что походил скорее на кита. Он лежал, пламенно-рыжий, в толстенной броне, из ноздрей клубился дым, а когда он выдыхал пламя, проносился гул. Полуприкрыв тяжелыми веками зеленые глаза, крылатое чудовище надменно посматривало на нас. Казалось невероятным, что эта махина может парить в воздухе.

— У него корона! — воскликнула Мери.

— Разрядник! — с гордостью объяснил Лусин. — Испепеляет молниями. Хорош, а?

На голове дракона возвышалась корона — три золоченых рога. С рогов срывались искры, красноватое сияние озаряло чудище. На молнии, испепеляющие врага, искорки похожи не были.

— Проверь, — предложил Лусин. — Кинь камень. Или другое.

На прибранной Оре найти камушек непросто. Я метнул в дракона карманный нож. Дракон рывком повернул голову, глаза остро блеснули, туловище хищно изогнулось, а молния, вырвавшаяся с короны, ударила в ножик, когда тот еще летел, — ножик бурно вспыхнул, превращаясь в плазму. И тотчас вторая молния, только еще

мощней, разрядилась прямо мне в грудь. Если бы жители Оры не защищались индивидуальными полями, все мы, безусловно, были бы ослеплены вспышкой, а сам я, так же безусловно, разлетелся бы плазменным облачком.

— Может сразу три молнии, — восторженно пояснил Лусин. — И по трем направлениям. Имя — Громовержец.

— Не хотел бы я схватиться с Громовержцем в воздухе, — сказал потрясенный ангел.

Дракон успокаивался — приподнявшееся тело опадало, над короной плясали синеватые огни Эльма, тяжелые веки прикрывали потухавшие зеленые глаза.

— Громовержец так Громовержец, — сказал я. — Существо эффектное. Но зачем нам в Персее громовержцы с пегасами?

— Пригодятся, Эли.

Я тогда и понятия не имел, как жестоко Лусин будет прав!

Мы с Мери вышли наружу, оставив Лусина с его созданиями и с Трубом. Был вечер, искусственное солнце погасло.

— Одни! — воскликнул я. — На Оре — и одни, Мери!

— До сих пор ты больше стремился к своим

друзьям, чем к одиночеству со мной, — упрекнула Мери.

Я рассмеялся. Нигде мне не бывает так хорошо, как на Оре!

— Ты, кажется, приревновала меня к Лусину и Трубу? Пойдем, я покажу тебе Ору.

Мы долго гуляли по проспектам планеты, заходили в опустевшие звездные гостиницы. Я рассказывал, как познакомился с альтаирцами, вегажителями, ангелами. Прошедшее нахлынуло на меня, призраки, как во плоти, двигались рядом. Я вспомнил и об Андре. Здесь он совершал великие открытия, а я зубоскалил, придирался к мелким ошибкам. Пока он жил среди нас, мы недооценивали его, я больше других был этим грешен.

Внезапно я увидел слезы в глазах Мери.

— Я чем-то расстроил тебя?

Она быстро взглянула на меня и спросила почти враждебно:

— Ты не замечаешь во мне перемен?

— Каких?

— Разных… Ты не находишь, что я подурнела?

Я смотрел на нее во все глаза. Никогда еще она не была так красива. Она отвернулась, когда я сказал об этом. Погасшее было солнце разгорелось в

луну — на Оре по графику было полнолуние.

— Ты странный человек, Эли, — заговорила она потом. — Почему, собственно, ты в меня влюбился?

— Это-то просто. Ты — Мери. Единственная и неповторимая.

3

— Ты удивлен, что беседа наедине? — так начала Вера. — Дело в том, что речь пойдет о личностях. По решению Большого Совета я должна обсудить с тобой, кого назначим адмиралом нашего флота. Требований к адмиралу больше, чем к командирам кораблей.

Я пожал плечами:

— Я раньше должен услышать, что это за требования.

— Во-первых, общечеловеческие — смелость, решительность, твердость, целеустремленность, быстрота соображения... Надеюсь, не нужно подробней? Во-вторых, специальные — умение командовать кораблем и людьми, хорошая ориентировка в галактических просторах, понимание противника и его приемов борьбы. И, наконец, особенные — широкий ум, ощущение нового, а также живое, доброе, отзывчивое серд-

це, глубокое понимание наших исторических задач… Ибо этот человек, наш адмирал, будет верховным представителем человечества перед пока малознакомыми, но, несомненно, мощными галактическими цивилизациями.

Я расхохотался:

— Ты нарисовала образ не человека, а божества. Сусальный лик, а не лицо. К несчастью, люди не боги.

— Нужен лишь такой командир. Другому нельзя поручить верховное командование.

Мы стали перебирать кандидатуры. Ни Ольга, ни Леонид, ни Осима, ни Аллан не подходили, это было ясно. Я упомянул Веру. Она отвела себя. Я сказал, что если бы Андре не был в плену, он подошел бы всех лучше. Вера отвела и его: она считала, что у Андре ум остер, но не широк.

Эта игра в кандидатуры начала мне надоедать. Мне все равно, кто будет командовать. Пусть обратятся к Большой — бесстрастная машина даст точный ответ.

— Мы обращались к Большой.

— Что-то не слыхал.

— Это держалось в секрете. Мы предложили машине проверить правильность кандидатуры, принятой единогласно Большим Советом. Маши-

на подтвердила наш выбор.

Я был удивлен, и даже очень. Что-что, а решение Большого Совета могли от меня не таить, кое-что и я смыслю в делах Персея.

— Кто же этот удивительный человек, так совершенно наделенный прописными достоинствами, что вы единогласно прочите его в свои руководители?

Она сказала спокойно:

— Этот человек — ты, Эли.

Я был так ошеломлен, что даже не возмутился. Потом я стал доказывать, что их решение — вздор, ералаш, чепуха, ерунда, нелепость и недомыслие, она может выбирать любое из этих определений. Себя-то я знаю отлично. Ни с какой стороны я не вписываюсь в нарисованный ею силуэт идеального политика и удачливого военачальника.

— Ты, кажется, вообще отрицаешь у себя какие-либо достоинства?

— Кое-какие хорошие человеческие недостатки у меня есть.

— Не очень основательно, хотя и хлестко, Эли.

— Уж каков есть.

— Если ты будешь упорствовать, твое сопротивление вызовет недоумение и обиду. Зачем оскорблять поверивших в тебя?

Подавленный, я молчал. Как и в детстве, когда она меня распекала, а я не находил защиты от ее настояний. Но радости не было. Я припомнил, как возмутился спокойствию Ольги, когда ее назначили командующей эскадрой. Былая наивность повыветрилась из меня — я не ликовал, а страшился огромной ответственности.

— И долго ты будешь молчать? — иронически спросила Вера.

— Рассмотрим еще разок другие кандидатуры.

— Большой Совет рассматривал их. Государственная машина придирчиво исследовала каждого человека на годность в командующие. Капитаны кораблей пришли в восторг, узнав о решении Большого Совета. Тебе мало этого?

Я понял, что выхода мне не оставили.

— Согласен, — сказал я.

Она хладнокровно кивнула головой. Иного она и не ждала.

— Теперь о других назначениях. У тебя будут два заместителя и три помощника. Заместитель по государственным делам — я, по астронавигации — Аллан Круз. Помощники, командующие тремя отдельными эскадрами, — Леонид, Осима и Ольга. Возражений нет?

— Нет, конечно.

— Еще один пункт. Ты когда-то был моим секретарем, правда, не очень удачным. Теперь тебе самому нужно иметь секретаря. В секретари предлагают…

— Надеюсь, не тебя! — сказал я с испугом.

— Я твой заместитель, а это выше, чем секретарь.

— Извини, я не силен в рангах. Так кого прочат мне в секретари?

— Павла Ромеро. На него возложены также функции историографа похода. Но, если ты возражаешь, мы подберем другого.

Я задумался. Взаимоотношения с Павлом были слишком сложны, чтобы ответить простым «да» или «нет». Я не знал другого человека, столь резко отличавшегося от меня самого. Но, может быть, несходство характеров и требовалось для удачной совместной работы?

Вера спокойно, слишком спокойно, ожидала моего решения. Я улыбнулся. Я видел ее насквозь.

— Разреши задать один личный вопрос, Вера?

— Если о моих отношениях с Ромеро, то они сюда не относятся. Действуй так, словно Ромеро мне незнаком.

— Павел, вероятно, будет лучшим секретарем,

чем я командующим. Я принимаю его с охотой. Теперь можно задавать щекотливые вопросы? Я никогда не вмешивался в твою жизнь, Вера, но один раз позволил себе это. Должен ли я извиниться?

— Скорее я должна благодарить тебя за вмешательство!

Оставлять что-либо недосказанным мне не хотелось.

— Павел передавал тебе, при каких обстоятельствах произошла наша последняя беседа?

— Чуть не превратившаяся в драку? Я знаю обо всем: как он почти влюбился в Мери, и как ты встал на его дороге, и как Мери перед тем праздником в лесу призналась Павлу, что любит тебя и любит давно, с какой-то вашей встречи в Каире. И если бы не опьянение, Павел поздравил бы тебя там же, у костра, а не полез в драку.

— А вот я этого не знал. В Каире Мери обругала меня, как если бы возненавидела с первого взгляда.

— А мне сказала сегодня, что ты так беспомощно взглянул, когда она обозвала тебя грубияном, что у нее застучало сердце. Тебе повезло, Эли, и я хочу, чтоб ты знал: я очень люблю твою жену.

— Я тоже, Вера. У нас с тобой не так много было

случаев, когда бы мы сходились во мнениях. Можно уйти?

— Теперь ты должен мне разрешать или не разрешать, — педантично напомнила она.

— В таком случае, я разрешаю себе уйти, а тебе разрешаю остаться.

4

МУМ предсказала, что роды у Мери будут нелегкими, и роды были нелегкими. В эти дни я часто вспоминал об Андре: он тревожился о Жанне, а я посмеивался, ибо знал, что новый человек появится на свет в предсказанный срок и с предсказанным благополучием. Сейчас я тоже знал, что Астру гарантировано удачное рождение, но волновался не меньше Андре.

Он был, конечно, отличный паренек, наш Астр, пять килограммов мускулов и обаяния, он засмеялся, чуть раскрыв глаза, радостно задрыгал ножками — ему показалось хорошо на свете!

— Он ударил меня ножкой в грудь, и, знаешь, было больно, — с восторгом утверждала Вера. — Скоро мы покажем его тебе, посмотришь, какого родил озорника.

— Он похож на тебя, Эли, — добавила Ольга. Она, прилетев, сразу пошла к Мери. — Он хохочет,

как ты, у него твое умное лицо, а когда ему что-то не понравилось, он нахмурился не хуже тебя.

А потом примчались поздравления с Земли, и первое от Альберта. Этот мальчишка поздравил нас с Мери по-своему. Он предложил Большой просчитать, какие космологические проблемы будут мучать нарождающееся поколение людей, и Большая выделила два вопроса: проникновение в загадочное ядро Галактики, скрытое от нас темными туманностями, и выпадение Гиад из нашего мироздания — теперь уже не подлежало сомнению, что звезды Гиад рушатся в какую-то яму в космосе, разверзшуюся словно специально для них.

Астру надлежит первому из людей броситься в провалы этой пропасти, пророчествовал Альберт, он первый исследует, вправду ли она бездонна.

Я не мистик и не ясновидец, я не мог догадаться в то время о судьбе, уготованной Астру, но хорошо помню, каким зловещим холодом повеяло на меня от астрологической шутки Альберта!

Мери, когда меня пустили к ней, выглядела такой веселой и красивой, точно вернулась с прогулки, а не выкарабкалась из болезни.

— Я знала, что Астр будет похож на тебя, — сказала она. — Уже на третьем месяце беременности

у меня были его гороскопические фотографии, но тебе я не показала, я была тобой недовольна. Не оправдывайся. Лучше скажи, когда выступление.

— Уже скоро. Ты хочешь присутствовать при нашем отлете или возвращаешься на Землю раньше?

— Я хочу лететь с тобой!

— Чепуха, — сказал я великодушно. — Я знаю, у молодых матерей бывают странные причуды.

— О всех моих причудах ты и не догадываешься! Придется тебе взять нас с Астром с собою.

Я переубеждал ее. Я привел в пример Ольгу. Ольга — известнейший галактический капитан, кому-кому, а ей раньше всех нужно идти в экспедицию. А она попросилась в резервную третью эскадру, стартующую с Оры года через три, — так ей хочется побыть со своей Ириночкой подольше. О том же, чтобы тащить с собой в опасный поход девочку, ни она, ни Леонид и не помышляют. Материнство, сказал я, — это древнейшая из человеческих профессий, все мы должны считаться со священными обязанностями матери даже и в наше время, когда детишкам в яслях куда удобнее, чем у подола родительницы.

— По-моему, я не хуже тебя знаю профессию матери, — возразила Мери, хмурясь. — Уговоры

бесполезны, мы летим с тобой.

— Но почему? Объясни по-человечески, для чего тебе подвергать себя и Астра превратностям дальнего путешествия?

На это она ответила так:

— Где ты, Кай, там и я, Кая.

Я не понял, почему она назвала меня Каем, а навести потом справку у МУМ как-то не удосужился.

— Ты, кажется, хочешь, чтобы я внес Астра в списки экипажа?

— Не иронизируй. Я хочу именно этого.

Я прошел к Астру. Малыш дрыгал ногами и пускал пузыри. Он невнятно проговорил: «Бы!» Он вовсе не спал, отрешенный от окружающего, как любят проделывать другие человечки его возраста, он отнюдь не был некой «вещью в себе», он уже жил, уже энергично барахтался в этом новом для него мире.

И когда я схватил его под мышки и поставил ножками на перину, он не сжал безвольно коленки, не повис беспомощно в воздухе, а энергично ударил подошвами в одеяльце. Он отталкивался от постели, уминал ее ножками, бил меня пятками в грудь, порывался идти. Он беззвучно хохотал, ловил пухлыми ручками воздух — нет,

повторяю, он не покоился в этом мире, сонно набираясь сил, а действовал в нем, упругий, звонкий, всем своим существом радующийся тому, что существует.

— Астр, собирайся в поход! — сказал я, ликуя. — Надевай доспехи и собирайся в поход, маленький человек Астр!

Он проговорил гораздо отчетливее и громче прежнего: «Бы!»

…У меня сжимается сердце, когда вспоминаю тот день и что произошло потом. Даже случайные обстоятельства складывались так, что все они, как лучи, отраженные от вогнутого зеркала, собирались в одном зловещем фокусе, и в фокусе том была неизбежность.

5

Мы шли двумя эскадрами, по сто звездолетов в каждой.

Я поднял свою адмиральскую антенну на «Волопасе» — флагманском крейсере Осимы. На «Волопасе» поселились также Вера и Лусин. На «Скорпионе», командирском корабле Леонида, разместился Аллан со своим штабом.

Сверхсветовые локаторы Альберта не обнаруживали перемен в звездных теснинах Персея.

Земля, превращенная в величайшее ухо и глаз Вселенной, напрасно всматривалась и вслушивалась в два звездных кулака, столкнувшихся в гигантском космическом ударе, — из Персея не доносилось новых звуков, в нем не вспыхивало новых картин.

Лишь одно загадочное явление произошло незадолго до старта, но в тот момент мы не придали ему значения.

Альберт сообщил, что внезапно пропала одна из звезд скопления Хи, светило с единственной планетой, населенной разрушителями, — «зловредное» светило, по нашей терминологии.

— Взяло и пропало, было и не стало, — докладывал Альберт по СВП. — А звездочка неплохая — гигант класса К, абсолютная светимость около минус пяти — в десять тысяч раз поярче Солнца! И внезапно — нету! Исчезла из этого мира за считанные секунды, без потускнений и угасаний. Провалилась, как в люк, иного слова не подберу.

— Может, аннигиляция? — Меня встревожило сообщение Альберта. Если разрушители обладали искусством превращения вещества в пространство, то главное наше военное преимущество перед ними утрачивалось. — Вы не проверили, не расширяется ли скопление?

— Вы плохо относитесь ко мне, Эли, если думаете, что я немедленно не исследовал именно это — не появились ли каверны новых пустот? Никакого дополнительного пространства в Персее! Говорю вам, звезда просто пропала — и все.

— Наблюдения велись при помощи СВП?

— В оптике эта звездочка — мы ее назвали Оранжевой — будет мирно светить еще по крайней мере пять тысяч лет. Она исчезла в сверхсветовой области.

Станции волн пространства и на звездолетах, и на Оре были слишком слабы, чтобы зафиксировать пропажу и появление Оранжевой, зато мы хорошо рассмотрели ее в оптике. Звезда была эффектна — ярко-оранжевая, она затмевала своих соседей мятежным сверканием. Я и раньше замечал, что разрушители облюбовывают для своих селений именно такие звезды-гиганты поздних спектральных классов.

— Родная сестра Угрожающей, — сказал я Осиме. Сражения в районе Угрожающей еще были свежи в памяти.

Через три дня после первого сообщения Альберт передал, что Оранжевая появилась на прежнем месте и светит так же мощно и мирно.

История с пропажей звезды занимала нас

недолго и не встревожила никого. Мы были поверхностны в суждениях, сейчас это надо признать. Никто не знает своего будущего. Не знал его и я. Нельзя требовать от человека больше того, что свойственно человеку.

Я не буду описывать движения к звездным скоплениям Персея, — об этом рассказал Ромеро. Упомяну лишь, что каждый из кораблей был быстроходней «Пожирателя пространства», но флот в целом двигался медленнее, чем тот галактический разведчик. Мы не могли рассчитывать, что такая армада подберется незамеченной к крепостям разрушителей, — нужно было принять меры, чтобы вражеская атака не застигла врасплох в пути.

Астру пошел шестой год, когда перед нами на все звездное небо раскинулись гигантские скопления светил Персея.

6

Мы подошли к поясу космической пустоты, разделявшей оба скопления: ближнее Аш и дальнее Хи. Расстояние между скоплениями около сотни парсеков — пустяк по масштабам Галактики, но вовсе не пустяк для наших кораблей. Некоторые капитаны настаивали на обследовании ближнего

— Аш, но я повернул на Хи, где мы уже побывали однажды: там нас поджидали подготовленные к встрече враги, но также и несомненные друзья.

Каждая эскадра двигалась самостоятельно — строем тарана в восемь слоев. В эскадре Осимы острие тарана составлял «Волопас», за ним шел «Гончий пес», а вокруг «Гончего пса» по кольцу располагались двенадцать других звездолетов. Дальше этот слой из тринадцати звездолетов, один в центре и двенадцать по окружности, повторялся семь раз с одним изменением — диаметр окружности от слоя к слою увеличивался.

Колоссальный конус из ста пяти кораблей штурмовал тенета неевклидовости, чуть не запутавшие когда-то «Пожирателя пространства».

А на отдалении в несколько световых недель точно такой же отряд звездолетов под командованием Аллана и Леонида прокладывал собственный туннель в неевклидовости.

Первые депеши Аллана говорили, что все идет хорошо.

Я хорошо помню день, когда уверенность в легкой победе была разметена. В тот вечер мы сидели вчетвером в командирском зале — Осима, Вера, Ромеро и я. Эскадра неслась на желто-красное светило с одной планетой. Это была Оранжевая

— звезда, внезапно исчезнувшая перед нашим выступлением с Оры и так же внезапно потом появившаяся. Альберт назвал ее мирной. Мне она мирной не показалась: ее исступленное сияние тревожило, а не успокаивало.

Это, конечно, были эмоции, а не расчеты, тем более — не факты, но о фактах рассказал Ромеро, я же описываю свои ощущения, и тут ничего не поделаешь — Оранжевая меня беспокоила…

— Пока, кажется, все удачно? — прервала молчание Вера.

Ей ответил Ромеро. В те первые дни он выглядел оптимистом.

— Думаю, разрушителям на этот раз не удадутся нехитрые приемы, которыми они чуть не запутали Ольгу с Леонидом.

— И меня, — коротко напомнил Осима.

— И вас, уважаемый капитан Осима. Я хорошо помню, что вы были в числе трех командиров, сломя голову бежавших из Персея. И очень рад, что именно вы командуете победоносным возвращением.

Я наблюдал в это время Оранжевую. Волны пространства, сканировавшие странную звезду, преобразовались в приборе в обычный оптический спектр — я видел ее не той, какой она была

месяцы и годы назад, а какой она была сейчас, в данную минуту. И я ожидал от нее удивительных перемен — вспышек, гигантских протуберанцев, бешено разлетающихся туманностей. Если бы она на моих глазах превратилась в сверхновую, я бы не удивился.

— Почему ты так впился глазами в Оранжевую, Эли? — поинтересовалась Вера.

— Что-то произойдет, — сказал я. — Это ведь не просто светило, а звездное оружие… Как бы оно не грянуло в нас ошеломляющим залпом разрушительных частиц и испепеляющих полей.

— Пусть попробует, адмирал, — отозвался Осима. — Наши средства защиты от частиц и полей вполне надежны.

И, как бы накаркaнные мною, вскоре произошли перемены, но не те, каких мы ожидали. Оранжевая не вспыхнула, исполинский взрыв не превратил ее в сверхновую. Она стала тускнеть, просто тускнеть. Что-то в этом ослаблении блеска было нехорошее.

— Сообщение от Аллана! — сказал Ромеро. — Кажется, рапорт о полной победе!

Но это был рапорт о неудаче, а не о победе. Впоследствии таких рапортов я получал много и сам отправлял такие же на Землю — и понемногу

мы к ним привыкли. Но в тот день слова депеши звучали похоронными колоколами. Попытка вторгнуться в глубь скопления не удалась. «Пожирателя пространства» когда-то не выпускали из скопления, а сейчас нас не впустили в него.

И хотя сейчас в звездную ограду врага врубалось больше ста сверхмощных кораблей, а тогда в его лабиринте метался лишь один неосторожный галактический разведчик, перемен не произошло.

С той же стремительностью, с какой Леонид ударил тараном эскадры в звездные стены противника, отряд выворачивало назад: задние слои тарана еще штурмовали окраинные звезды скопления, а острие, флагманский корабль «Скорпион», вылетел наружу, в свободный от светил космос. Звездные проходы в скопление Хи были закрыты.

— Вчера отсюда не было выхода, сегодня сюда нет входа, — невесело сформулировал я.

— Но пока мы движемся вперед, адмирал! — воскликнул Осима. — И что не удалось эскадре Леонида, может удастся мне!

Оранжевая все больше тускнела. Я уже понимал, что это как-то связано с искривлением пространства. Скоро, очень скоро и мы, вслед за

Алланом, должны были, как шар под гору, покатиться по предписанной кривизне наружу.

МУМ вскоре информировала о нарастающей кривизне пространства. Нас выбрасывало наружу.

— Разрушители действуют по шаблону, — заметил Ромеро. — Не противоборствуя нашему движению, спокойно меняют его направление. Вы не собираетесь поискать новых вариантов, дорогой адмирал?

— Уже ищу…

— Ну и?…

— Если они повторяют удавшийся им прием, то почему нам не повторить удар Ольги по планетке? Аннигилируем подходящий объект на окраине скопления и ворвемся в созданные нами ворота пустоты.

Осима передал командование автоматам. На полусферах засветились карты скопления Хи. Оно не было компактным. Здесь имелись и одинокие звезды с планетками, и темные космические шатуны, уныло странствующие возле скопления.

Нужно было подобрать планетку так, чтоб искривляющие механизмы разрушителей не успели ввести новосотворенную пустоту в свои пространственные поля. В том районе, куда подо-

шли обе эскадры, имелось около десятка планет вокруг одиноких звезд и примерно столько же галактических шатунов с массой покрупней планетной, но значительно меньше звездной. Каждый из них мог быть использован для прорыва.

— Атака в лоб не удалась. И не удастся, сколько бы мы ее ни повторяли, — подвел я итоги обсуждения. Я говорил так резко для упрямого Осимы. — Но если прямые пути перекрыты, можно пойти в обход.

7

Я прошел к Мери в лабораторию. Она занималась выведением простейших жизненных форм для разных условий питательной среды, гравитации, температур и давления.

В колбах плескалось что-то мутное.

— Неинтересно, правда? — Мери засмеялась.

— Неинтересно. Жиденькая грязца.

— А если я скажу, что одной капли этой грязцы, пролей ее случайно из колбы, достаточно, чтобы уничтожить весь наш звездолет, — тоже неинтересно?

Я посмотрел колбу на свет. Это, несомненно, была колония бактерий. Но о бактериях, уни-

чтожающих корабли, мне еще не приходилось слышать. Я попросил разъяснить, как могли попасть на звездолет такие опасные препараты.

— Они занесены в списки корабельного имущества в соответствии с требованиями закона, — успокоила меня Мери.

— Но они грозят разрушениями. Руководителю экспедиции полагается знать, для каких целей на корабле появляются предметы, таящие в себе гибель.

— Разве мало у нас предметов, потенциально опасных? В сравнении с аннигиляторами, уничтожающими планеты, мои микробы — стая ос рядом с тигром.

Из объяснений с Мери я понял, что недавно были синтезированы удивительные тельца — микроскопические атомные заводы. При достаточном притоке энергии извне, а иногда и за счет внутренней энергии процесса, они перестраивают ядра атомов, входящих в состав их пищи.

— Вот эти крохотульки питаются железом, — сказала Мери, любуясь колбой. — И после их работы железа уже нет, а есть кислород и водород, кремний и углерод… Если мы где-нибудь натолкнемся на планету из чистого железа, я заражу планету этими бактериями, и через несколько

тысячелетий на безжизненном металле появится разрыхленный слой, вполне пригодный для питания растений.

Я сказал удовлетворенный:

— Можешь возиться со своими крохотными страшилами, звездолету они не опасны. Железо для постройки кораблей давно не применяется.

Мери лукаво смотрела на меня.

— У меня еще десятка два похожих на эту колб, и в каждой точно такая же грязь… Но она разъедает уже не железо, а другие элементы.

8

Проклятые разрушители были умнее, чем нам того хотелось.

Ни к окраинным звездам, ни к планетоподобным шатунам прохода не было. Мы нацеливались на них, но пролетали мимо. Неевклидова сеть сперва прогибалась, потом, пружиня, выбрасывала нас обратно.

Гигантское скопление, мощно пылавшее прожекторами звезд, было по ту сторону досягаемости.

Альберт с Земли насчитал шесть светил, подобных Оранжевой, наша старая знакомая Угрожающая тоже принадлежала к этой грозной

стае звездных крепостей. Каждая защищала свой участок, а все вместе они были расположены так умело, что закрывали скопление как стеной.

Если бы я диктовал роман в манере моих предков, у меня нашлось бы много захватывающе интересного материала.

Одно описание погонь за одинокими небесными телами, пропадавшими в момент, когда мы направляли на них аннигиляторы, составило бы авантюрную повесть. А наши разочарования, неизменно заканчивавшие кратковременные надежды на успех! А тающие запасы активного вещества, сжигаемого без норм и меры!

И, быть может, самое непонятное и тягостное — ни одна из «неактивных» звезд, населенных галактами, не откликнулась на наши призывы, ни одна не пообещала и не оказала помощи! Если на подходе к Персею мы как-то улавливали их передачи, то сейчас их не было, никаких передач от галактов не было!

Три года прошло по земному счету, как мы подошли к теснинам Персея, а мы все толкались у звездной околицы. И тогда у меня возник проект, так разно потом оцененный историками. Я не хочу ни восхвалять, ни обвинять себя. Недавно я слышал лекцию, передававшуюся по системе

Звездного Содружества, в ней с моего предложения датируется поворот во взаимоотношениях звездных народов.

Трудно не усмехнуться. Потомки иногда презрительно отвергают твои достижения и увлеченно возвеличивают твои провалы, издалека твое время видится иным, чем оно было для тебя.

Так вот, я утверждаю, что большей катастрофы, чем та, что обрушилась на нас в результате моего плана, нельзя было и ожидать. А если итог вышел иной, чем рассчитывали разрушители, то это была не их вина и не моя заслуга. Ибо в нашу взаимную отчаянную борьбу непредвиденно вмешалась третья сила.

Буду рассказывать по порядку.

На «Волопас» прибыли Аллан, Леонид и другие командиры — вести межкорабельный совет на пространственных волнах я не решился.

Вкратце мое предложение сводилось к следующему. Обе эскадры соединенной армадой атакуют неевклидовость неподалеку от Оранжевой. Отразить удар такой силы разрушители смогут, лишь форсировав защитные механизмы Оранжевой. А в это время три корабля во главе с «Волопасом» ударяют с другой стороны, где в момент атаки основных сил флота защита, несомненно, будет

ослаблена. Три корабля вторгаются внутрь, а по открытому ими пути туда же устремляется флот.

Я ожидал возражений, и возражения посыпались. Аллан сказал:

— Резервная эскадра Ольги наконец заполнила трюмы активным веществом. Не лучше ли подождать подхода Ольги?

— Третья эскадра добавит мощи, но МУМ не дает гарантии, что этой добавки хватит, — возразил я. — Разрушителей надо взять не силой, а обманом. Обмануть их можно и без крейсеров Ольги. Риск поражения, конечно, есть. Всякая война — риск. Я не требую немедленного согласия — подумайте, посовещайтесь с экипажами.

Пока командиры совещались, я поговорил с Леонидом и Алланом. Леонид был мрачен, Аллан весел. Он был идеальным руководителем для экспедиций, попадающих в беду. Я сказал им:

— Командовать кораблями, идущими на прорыв, буду я. Руководство объединенным флотом примет Аллан. Не вешай носа, Леонид. У нас с тобой бывали положения и похуже.

У Леонида раздраженно побелели синие белки глаз.

— Хуже, чем сегодняшнее положение, — да. Но я не уверен, что через неделю «Волопас» не запу-

тается в треклятой неевклидовой улитке. Риск неизвестности — самый страшный риск. Как бы наш обман не натолкнулся на встречный обман.

— А есть другой риск, кроме риска неизвестности? Пусть тогда Павел разъяснит нам философскую природу понятия «риск».

Ромеро припомнил смешную историю. Когда древние греки поднялись на таких же древних персов, божественный оракул на просьбу дать прогноз войны вдохновенно изрек: «Большое царство будет разрушено», — не уточнив, однако, какое царство: греческое или персидское.

Ловкий ответ оракула привел Аллана в восторг.

— Не возражаю, чтоб и нам дали такой же результативный прогноз. Царство будет разрушено — значит, никаких ничьих. А наше дело — чтобы разрушалось царство врага, а не свое!

Я прошел к Вере, у нее сидела Мери.

— Тебе придется разлучиться с Павлом, — обратился я к сестре. — Операция «Волопаса» — военный маневр, незачем рисковать в ней судьбой политического руководителя экспедиции. Павел будет со мной, а ты переберешься к Аллану.

— Если надо, значит — надо, — ответила она.

— Ты и Астр будете с Верой, — сказал я Мери.

Мери наотрез отказалась.

— Ладно, оставайся на «Волопасе», — сдался я. — Но зачем брать малыша? Поручим Астра заботам Веры. Если с ним что-либо случится, мы же себе не простим этого, Мери!

Когда Мери что-нибудь задевало, она становилась невероятно упрямой. Мне нужно было отложить этот разговор. Потом, остывшая, она решила бы по-иному. Это был тяжкий мой просчет — я стремился сразу поставить точку над «і», а надо было маневрировать.

— Что может случиться с ним, что не случилось бы с нами? — опять, как перед отлетом с Оры, спросила она. — Я жена твоя, он твой сын — мы разделим твою судьбу, какой она ни будет.

9

«Волопас» сопровождали «Гончий пес» и «Возничий». Мы ждали лишь известий от Аллана, что атака всем флотом начата. Аллан сообщил, что и новая попытка прорваться развивается неудачно. Неевклидова улитка выворачивала назад один за другим все звездолеты.

— Пора! — передал я на мои три корабля, и мы ринулись вперед.

Мы сидели втроем — Осима, Ромеро и я. Осима командовал, мы с Ромеро наблюдали. На оси полета сверкала Оранжевая, в умножителе был виден и шарик ее планеты. Если там обитали враги, они должны были принять какие-то защитные меры, пусть неэффективные, но немедленные. Мы летели, все убыстряя ход, противодействия не было — ничто не показывало, что нас раскрыли. Три звездолета вторгались в скопление, как в открытые ворота.

— Слишком хорошо, чтобы было хорошо, — прервал молчание Ромеро. — Оранжевая как бы распахивает нам объятия. Если бы у меня была хоть капля суеверия наших добрых предков, я бы добавил к этому, что она коварно улыбается.

Мы продолжали лететь в ненарушенном просторе.

— Среди прочих вариантов мы рассматривали и тот, что разрушители будут нас заманивать, — высказался Осима. — Не кажется ли вам, адмирал, что осуществляется именно этот вариант?

Аллан передал в это время, что Оранжевая действует очень энергично. Лишь на направлении прорыва не было признаков активности — вариант, что нас заманивают, делался достоверным. Но я не мог в это поверить. Нужно было обладать

мощью, несравненно превосходящей нашу, смелостью, граничащей с безрассудством, чтоб без сопротивления пропустить в свои тайники три звездолета после того, что наделал у них один «Пожиратель пространства».

— Разрушители захвачены врасплох, — сказал я Осиме.

Мы пронеслись мимо окраинных одиноких звезд. Уже не только впереди, но и по бокам густо засверкали светила. Мы, наконец, были внутри Персея.

Корабли Леонида спешили в район прорыва. Они приближались, количество их умножалось, а в пространстве по-прежнему не появлялось возмущений.

— Кажется, растерявшиеся противники упускают последний шанс на действенное сопротивление, — оценил положение Ромеро, и мы с ним согласились, я — с торжеством, Осима — с удивлением.

Усталый, я задремал в кресле и увидел бредовый сон, первый из серии удивительных снов, так часто посещавших меня впоследствии.

Я был в огромном зале, темный купол блистал звездами, но то был экран, а не небо, и я хорошо знал, что вижу проекцию звезд на потолке, а не

сами звезды. Я то шел, то бежал вдоль стены по окружностям, радиусы окружностей уменьшались, меня по спирали выносило в центр зала, я туда не хотел, там реял меж полом и потолком полупрозрачный шар, я почему-то боялся этого шара, а меня неотвратимо толкало к нему. В тоске, молчаливо поднимая руки, я вглядывался в потолок, чтоб только не смотреть на страшный шар, а на потолке, среди ярких естественных звезд, беспокойно сновали звезды еще ярче, искусственные, я знал, что это не звезды, а наши эскадры. Аллан упрямо штурмовал скопление, а его так же упрямо вышвыривало назад…

— Кажется, я попал во сне в наблюдательную рубку врагов, — сообщил я, пробудившись, Осиме и Ромеро. — Вам, историографу экспедиции, нужно бы заинтересоваться дурацкими видениями, которые появляются временами в мозгу.

— Действительность фантастичней бреда, адмирал, — мрачно отозвался Осима. — Послушайте депешу Аллана.

Корабли Леонида, следовавшие по проложенному нами пути, натолкнулись на неевклидову метрику и возвращались обратно. Ворота, пропустившие три звездолета, захлопнулись для остальных.

— Посмотрите теперь на экран, дорогой друг, — проговорил Ромеро.

Я поглядел на экран со стесненным сердцем. Несколько минут назад, во сне, я видел примерно такую же картину: множество подвижных светил среди неподвижных. Но в видении подвижные огни были дружественны — наши собственные корабли, здесь же это были крейсеры врага, сферой окружавшие нас.

— Около двухсот кораблей против трех, — сказал Осима. — Боятся они нас основательно, адмирал!

— И мы докажем им еще раз, что нас надо бояться. Приготовьте корабли к бою, Осима.

Мы понеслись навстречу эскадрам противника.

10

— Скучная история, — проговорил Ромеро, зевнув.

Прошло уже несколько дней с момента, когда мы ринулись на противника, а столкновение все не удавалось. Преследуемые корабли врага бросались наутек, зато нас настигали те, от кого мы в это время удалялись. Когда же мы поворачивали на них, удирали и они, а недавние беглецы

превращались в преследователей. Тактика была проста: нас не выпускали, но сражения не завязывали.

— Хоть бы одна неактивная звезда отозвалась! Неужели в скоплении не осталось ни одной звезды, населенной галактами?

Ромеро промолчал, но я разбирался в его мыслях: мы явились сюда не как туристы, мы освобождали родственные народы, попавшие в беду. Они могли бы отозваться на поданный им клич! Различие между тем, что происходило во время полета «Пожирателя пространства», и тем, что мы встретили сейчас, было тягостно.

Тогда неактивные звезды, не умевшие менять метрики, отчаянно взывали к нам, предупреждали об опасностях, восхищались нашим успехом.

А враги с энергией подавляли их передачи — межзвездные просторы были полны сигналов и шумов, волны боролись с волнами. Сейчас пространство было мертво. Мы без устали вслепую пробивались к друзьям, а друзья не хотели даже сообщить, где их искать.

— За сферой вражеских звездолетов проглядывается темный шатун, — сказал Осима. — Если оседлать его, получим свободу действий.

— Созовите командиров кораблей, — сказал я.

Осима приказал кораблям выброситься в Эйнштейново пространство. Вскоре «Возничий» и «Гончий пес» появились в оптике. Мы остановили сверхсветовой бег, в отдалении замерли и крейсеры врага.

К «Волопасу» понеслись планетолеты. «Возничим» командовал Камагин, второго капитана, Артура Петри, я знал меньше. Аллан говорил, что после Спыхальского Петри больше всех налетал в Галактике.

— Нужны большие решения, — сказал я на совещании командиров. — Вам не меньше моего надоело бесцельное мотание вокруг Оранжевой.

— У меня возражение против нового плана, — объявил капитан Камагин, когда я закончил сообщение. — Наших запасов активного вещества недостаточно, чтобы настичь и разметать неприятельский флот. И выйти к какой-нибудь дружественной звезде мы не сумеем, ибо попросту не знаем, где она. Но захватить шатун надо.

— А для чего он нам тогда?

— Чтобы бежать к своим, — холодно сказал Камагин.

— Вы отказываетесь развить успех удачного вторжения? — неприязненно спросил Осима. Он был настроен воинственней всех нас.

Камагин живо повернулся к Осиме.

— Я отказываюсь считать вторжение удачным. Оно скорее похоже на провал, чем на успех. В чем была идея плана? В том, что вначале прорываются три звездолета, а за ними весь флот. А что получилось реально? Флот отброшен назад, а мы мечемся, как затравленные зверьки, в этой звездной крысоловке. Пора, пора убегать! Именно поэтому я голосую за захват шатуна.

Ромеро обратился ко мне:

— О чем так напряженно думает наш уважаемый командующий?

Я ответил в тон:

— Ваш уважаемый командующий согласен с капитаном Камагиным. У нас мало сил, чтобы господствовать в скоплении. Вторжение не удалось, пора возвращаться.

Ромеро пишет, что приказ о бегстве был в общем стиле моих приказов — неожиданных, круто поворачивающих ход событий.

11

Я и не помышлял, конечно, что разрушители легко отдадут неприкаянную планетку. Она мчалась меж их кораблей, как привязанная. В отчете Ромеро вы найдете описание нашего обманного

маневра. Там подробно рассказано, как три звездолета, мчавшиеся до того компактной группой, вдруг ринулись в разные стороны, смяли стройную сферу вражеских крейсеров, а когда вновь пошли на взаимное соединение, добрый десяток кораблей противника вместе с темным шатуном оказался с трех сторон от оси нашего движения, и деться им было некуда.

Зрелище панического бегства врага было красочно. Их корабли мчались кто куда, лишь бы скорее удрать. Ни Осима, ни Петри не преследовали беглецов, но Камагин отомстил за предательское нападение на звездолет «Менделеев» в Плеядах. Один из крейсеров попал в прицельный конус «Возничего», и Камагин ни секунды не медлил.

Зажженное им солнце пылало недолго, но, не сомневаюсь, зловещий блеск нового светила нагнал еще страху в души беглецов. А затем наши звездолеты повисли над темной планеткой. Это был типичный шатун — каменистый шарик, раза в три побольше Земли, без атмосферы, без воды, без каких-либо признаков жизни. Его не жалко было уничтожить, и мы его спокойно уничтожили.

Планета таяла, источая вокруг себя простран-

ство, как пар, она «газила пространством», по удачному выражению Ромеро. Все происходило, как было задумано. Мы стали независимы от нарушений метрики, создаваемых врагами. Возмущения метрики — это перемена структуры уже существующего пространства, а тут оно еще было в акте творения, его еще предстояло ввести в ту или иную структуру.

И оно росло, расширялось, мы мчались в этом непрерывно генерируемом защитном пространстве, как в беспрестанно возобновляемой скорлупке, — какой бы ад ни кипел снаружи, какие бы мощные поля метрики ни формировали создаваемую нами пустоту, до нас эти внешние бури не доходили.

Я сказал: все происходило, как было задумано. Теперь добавлю — кроме одного. Выбраться не удалось.

Колыбелька автономного пространства была не больше чем колыбелька. Мы лишь немного расширили объем скопления Хи, в одной его части появилась крохотная опухоль, а надо было взорвать исполинскую сферу, замкнувшуюся вокруг Оранжевой, теперь мы знаем это хорошо. Люди крепки задним умом, ничего не поделаешь.

День за днем мы удалялись от Оранжевой, слой пространства, закрученного в неевклидову улитку, становился все тоньше, мы уже видели корабли Аллана по ту сторону неевклидова забора — еще один-два хороших удара, еще одно отчаянное напряжение генераторов — и мы вырвемся на свободу, так это тогда нам представлялось.

И когда стали таять последние мегатонны планетного вещества, я отдал приказ готовить к уничтожению «Возничего» и «Гончего пса».

— Лучше пожертвовать двумя звездолетами, чем успехом кампании! — оборвал я запротестовавшего Осиму. — Прикажите капитанам эвакуировать на «Волопас» свои экипажи. Пусть корабельные машины просчитают, каковы наши шансы.

Все три МУМ подтвердили, что дополнительного вещества хватит на разрыв последнего слоя неевклидовости. Тогда мы еще не знали, что сверхмудрые МУМ тоже способны ошибаться…

12

Один за другим планетолеты перебрасывали людей и имущество с обреченных звездолетов. Командиры совещались в салоне, а я сидел с Мери

и Астром. Древние капитаны, отказывавшиеся брать в походы свои семьи, были мудрыми людьми, сейчас я это понимал особенно ясно.

Астр все свободное время проводил в обсервационном зале. Когда мы встречались, он давал мне пылкие советы, они были не хуже моих собственных решений. Пусть меня не поймут превратно, я не хочу сказать, что он гениален, нет, напротив, все мы, участники экспедиции, были средними людьми, о чем ныне стали забывать, изображая нас чуть ли не титанами, — дорасти до нашего уровня было несложно.

— Ты напрасно взрываешь два корабля, отец, — убеждал меня Астр. — Так ослаблять свою силу! Три корабля или один!

— Три корабля больше, чем один, но у нас нет другого выхода.

— Есть! Захватите корабли врага. Пусть они, а не мы, увеличивают собой мировое пространство.

Я любовался им. Стройный и сильный, он уже доставал головой мне до уха — веселый и живой, сообразительный мальчишка. И просто удивительно, как он походил на меня. Я иногда раскладываю на столе его фотографии и свои в том же возрасте, и сам затрудняюсь сказать, где

он и где я. Отличие лишь в том, что он красивее меня.

— Корабли противника не дают приблизиться к себе, — сказал я со вздохом. — Погуляй, сын, нам с мамой нужно поговорить.

— Не скрывая ничего! — потребовала Мери, когда Астр убежал. — Дело идет к гибели, да?

— Кризис, Мери. После кризиса или спасаются, или погибают. Терять бодрость не следует, но быть ко всему готовым — надо.

Она обняла меня, прижалась ко мне.

— А если что случится… Ты не простишь, что я взяла Астра?

— Астр такой же человек, как и мы. И если придется умирать, он умрет не раньше нас с тобою.

Сверхсветовые волны трижды уносили наше послание из звездных бездн Персея в мировой космос. Мы не сомневались, что враги перехватят нашу передачу, но не считали нужным таиться, даже если бы могли сохранить секрет: новая стратегия держалась не на скрытности, а на могуществе.

И еще не кончилась третья передача, как мы приняли ответ Аллана: «Приказ адмирала получен. Всей душой с вами. С волнением ожидаем результатов прорыва».

— Можно взрывать звездолеты, — сказал я.

13

План уничтожения звездолетов был итогом холодной работы ума, а не плодом вольного желания. Только одну уступку мы сделали чувству — не было никаких внешних эффектов: ни шаров испепеляющего пламени, ни снопов убийственной радиации, ни газовых туманностей, ни потоков элементарных частиц…

Звездолеты, почти невидимые, просто таяли, истекая пространством, сперва один, потом другой, — и в этом темном новосотворенном «ничто» мощно несся «Волопас», снова превращая его в «нечто» — шлейф горячей, быстро остывающей пыли тянулся за ним, как за кометой.

Чтобы скорее привести Камагина в себя, я приказал первым аннигилировать «Возничего», в нервах Петри я был уверен больше.

В командирском зале распоряжался один Осима, обсервационный зал был забит эвакуированными с гибнущих звездолетов. В салоне сидели Ромеро, Петри и Камагин. Здесь обзор был хуже, чем в обоих залах, но я пришел сюда, чтоб в эту трудную минуту не расставаться с капитанами. Я сел рядом с Камагиным и тронул его за

локоть. Он повернул ко мне насупленное лицо.

— Как идет разрыв неевклидности? — спросил я.

Он ответил холодно:

— В три раза слабее, чем нужно для успеха.

Ромеро показал рукой на экран:

— Флотилия врага закатывается в невидимость.

Я закрыл глаза, мысленно я видел картину совершающегося яснее, чем физически. Гигантская буря бушевала снаружи, особая буря, таких еще не знали ни под нашими родными звездами, ни даже здесь, среди враждебных сил Персея.

Вещество уничтожается и тут же заново создается, гигантские объемы нарождающегося аморфного пространства — мы сейчас неистово несемся в нем — мгновенно приобретают структуру, губительную для нас метрику, а мы все снова и снова оттесняем эту организованную пустоту своей неорганизованной, хаотичной, первобытно аморфной… Корабли врага исчезли, даже сверхсветовые локаторы не улавливают их — так жестко скручено пространство, в котором они движутся…

— Идите в командирский зал, Эли, — посоветовал Ромеро.

В последнее время он почти не называл меня по имени.

Вместе со мной поднялся Камагин.

В коридоре он остановил меня. Он пошатывался, словно отравленный. Пожалуй, это было единственным, в чем он не мог сравниться с людьми нашей эпохи, — чувства, одолевавшие его, слишком бурно проявлялись. Он заговорил хрипло, быстро, страстно:

— Адмирал, я не хочу оспаривать ваши решения. Нас в далекие наши времена приучали к дисциплине, вам непонятной…

Я прервал его, чтобы не дать разыграться истерике:

— Вы исполнительный командир, я знаю. И претензий с этой стороны у меня к вам нет.

Он продолжал еще громче:

— Я больше не могу, адмирал, вы обязаны меня понять… «Возничий» уничтожен, очень хорошо, но «Гончий пес» еще существует, он еще может сражаться. Неужели вы не видите сами, что жертва напрасна? Нам не уйти из скопления, но мы ослабляем себя, мы сами ослабляем себя, поймите же, Эли!

Я взял его под руку, и мы вместе вошли в командирский зал.

— Поймите и вы меня. Три звездолета или один, конечный итог — гибель. А здесь хоть и сомнительный, но шанс. Неужели вы не хотите испробовать все отпущенные нам возможности?

— Сейчас я хочу лишь одного: подороже продать наши жизни!

Мы уселись рядом с молчаливым Осимой, я слышал в темноте, как тяжело дышит Камагин. На экране, отчетливый, распадался последний осколок «Возничего». Я всматривался в тающий звездолет. Последний шанс, думал я, последний шанс! У меня путались мысли.

Голос Осимы резко разорвал тишину:

— «Возничий» прикончен начисто, адмирал! МУМ сообщает, что преодолено не больше четверти пути. Ваше решение — продолжаем аннигиляцию?

Пока он говорил, я очнулся. Среди растерянности, постепенно становившейся всеобщей, я был обязан сохранять спокойствие духа.

— Да, теперь, конечно, очередь «Гончего пса». Не понимаю вашего вопроса, Осима!

Осима справлялся со своими чувствами лучше Камагина.

— МУМ рекомендует ускорить аннигиляцию второго звездолета. Последуем ее расчету?

— Расчеты МУМ не безошибочны, но иных у нас нет.

На этот раз вспышки избежать не удалось, багровый шар забесновался на месте взорванного звездолета, и мы устремились в центр взрыва. На стереоэкранах мира впоследствии, когда мы наконец вернулись из Персея, часто показывали картины аннигилирующегося темного шатуна, постепенный распад «Возничего», быстрое уничтожение «Гончего пса». Каждый мог увидеть все, что видели тогда наши глаза, пожалуй, даже с большими подробностями, мы ведь не были способны взглянуть на это зрелище повторно.

Но сомневаюсь, чтобы кому-нибудь удалось хотя бы отдаленно испытать чувство, с каким мы смотрели на тающее плазменное облачко — это был не просто гибнущий крейсер, а последняя гибнущая надежда, единственный оставшийся нам шанс на свободу.

— Все, адмирал! — сказал Осима. — Прорвать барьер не удалось.

Мы долго молчали, покоясь в командирских креслах, командовать было нечем и незачем. На экране, замутненном взрывом «Гончего пса», постепенно высветлялось пространство. Сперва блеснула Оранжевая, затем появились другие

звезды, потом засверкали зеленые огоньки неприятельского флота.

— Противник идет на сближение, — сообщил Осима. — Ваше распоряжение, адмирал?

— Готовиться к бою, — сказал я и вышел из зала.

14

За дверью я остановился, в изнеможении прислонился к стене.

У входа в командирский зал люди не прогуливались, здесь можно было побыть одному. Я боялся лишь встречи с Ромеро и Петри: с ними надо было обсуждать положение, а я не был способен на это. Не мог я оставаться и с Осимой и Камагиным, я весь сжимался при взгляде на страдальческое лицо и враждебные глаза маленького космонавта. А мысль, что попадется Астр или Мери, приводила меня в ужас, такая встреча была всего невыносимей. Я не мог быть ни с кем, перенапряжение последних дней сломило меня.

— Нет, нет, нет! — бормотал я лихорадочно, я не знал, к кому направляю эти слова, я словно отстранился ими от неулышанных упреков, от невысказанных обвинений. — Нет, нет, нет! — повторял я все громче и, когда не выговорил, а

выкрикнул «нет», вдруг очнулся. Я вытер пот со лба и быстро отошел от двери: мне почудились шаги выходящего Камагина. «Нет!» — сказал я себе, это было первое осмысленное «нет», я приказал себе не торопиться, никто не должен видеть, что я бегу.

Я шел по извилистым коридорам, передо мною бесшумно раздвигались двери, все охранные механизмы здесь были настроены на мое индивидуальное поле, я еще был адмиралом Большого Галактического флота — для адмиралов на их кораблях не существует секретов. Адмирал! Ты еще адмирал, Эли! Я снова прислонился плечом к стене, перед глазами прыгали глумливые огоньки, издевательски подмигивала Оранжевая, зловеще наливались блеском точки вражеских крейсеров.

«Ты еще адмирал, Эли! — сказал я себе с гневом. — Борьба не кончена, нет!» Я дышал часто и глубоко, мне не хватало воздуха. Надо было успокоиться, пока я ни с кем не повстречался.

Я прошел в помещение МУМ, там никого не могло сейчас быть, лишь я один имел право входить сюда без разрешения командира корабля. Свет зажегся, едва я ступил на порог, посреди комнаты стояло кресло. Я опустился в кресло,

закрыл глаза. Я задыхался.

— Надо успокоиться! — сказал я вслух. — Слышишь, надо успокоиться.

Я повторял это до тех пор, пока не сумел взять себя в руки.

Передо мной на столике с ножками, таящими в себе тысячи проводов к датчикам и анализаторам, возвышался ящик, за полированными стенками его были собраны редчайшей чистоты кристаллы, уникальные химические образования, в равной степени творения ума и рук мастеров и плод поисков космонавтов-геологов. Я вспоминал зеленый камень с Меркурия, красовавшийся на платье Веры, он достался ей лишь потому, что его забраковали создатели этой машины, нашей корабельной МУМ, одной из многих сотен однотипных машин, рассеянных по планетам, смонтированных на галактических судах, тот удивительно красивый, самосветящийся камень был недостаточно хорош для МУМ, он годился лишь на украшения, а не на вычисления, мог стать элементом платья, но не уголком всепонимающего мозга.

— Ты, сверхмудрая и безошибочная! — сказал я горько. — Ты, рассчитывающая миллиарды комбинаций в секунду, может, поделишься со мной

итогом одной комбинации, что реально совершается снаружи — двести кораблей против одного?

«Поражение! — засветился в моем мозгу холодный ответ МУМ. Через секунду она уточнила: — Гибель „Волопаса“ после гибели многих атакующих судов врага».

Я зло усмехнулся. Я ненавидел черствую машину.

— Подороже продадим наши жизни, как это называется на языке Камагина. А если без категорий купли и продажи? Согласись, всезнающая, та эпоха, когда все продавалось и покупалось, в том числе и человеческие жизни, давно завершилась.

«Вы воюете, а война древнее торговли. Раз явление древнее, термины, описывающие его, тоже не новы».

— Значит, иного выхода нет?

«Нет. Гибель».

— И твоя, стало быть, гибель, всепонимающая?

«Моя — в первую очередь. Если попаду в руки врага, человечество потерпит больший урон, чем если им достанется живым кто-либо из вас или все вы разом. Для гарантии успеха вы должны демонтировать меня, не дожидаясь общей гибели».

— Дура ты! — сказал я. — Надменное и тупое

вещество, имитирующее живой разум! Гарантия успеха… Ты будешь, конечно, демонтирована, это я тебе обещаю!

Я быстро вышел из помещения МУМ и прошел в отделение аннигиляторов Танева. Я блуждал по узким коридорам, пролезал в щели, поднимался на лесенки, задерживался на площадках — всюду вспыхивал свет, когда я приближался. И всюду были машины, гигантские, огромней городских домов, механизмы, сотни, может быть, тысячи автономных машин, при всей своей величине не более чем крохотные элементы созидательного и разрушительного начала галактического корабля.

Я дотрагивался до них, прислонялся к ним, любовался ими, печалился о них.

Может быть, только в мечте о всемогущем боге создавал до них человек нечто подобное, умеющее творить вещество из «ничего» и превращать вещество снова в «ничто». Но это представление о боге было мечтой, фантастично разыгравшимся воображением, а здесь присутствовало материальное создание человеческого ума — реальный аппарат творения и уничтожения. И сейчас я должен был их уничтожить, чтоб они не достались врагу. И это было много тяжелее, чем решиться

на собственное уничтожение.

«Сентиментальный дурак! — сказал я себе с отвращением. — Ты, не колеблясь, приказал уничтожить точно такие же механизмы на „Возничем“ и „Гончем псе“. И сурово осуждал колебания Камагина, а сам нынче раскис! Погибнешь только ты и твой корабль — человечество остается. Риск, на который ты шел, не вышел из границ расчета, наша гибель была одним из допущенных вариантов — разве не так?»

Из отделения аннигиляторов я завернул в общежитие ангелов. У них шли занятия: ангелы обучались человеческому языку, нашим наукам и трудовым умениям. Мое появление прервало урок, ангелы шумно сгрудились вокруг. Обрадованный Труб сжал меня крыльями.

Я извинился, что внес беспорядок, и увел Труба.

— Наши дела плохи, друг мой, — сказал я.

— Хуже, чем были в Плеядах, когда напали зловреды? — спросил он. События тех дней были для него как бы эталоном отличного поведения.

— Много хуже. Речь идет о наших жизнях — и прогноз МУМ отрицательный.

— Ты хочешь сказать, что мы погибнем в предстоящем сражении?

— Именно это.

Он слушал, грозно хмурясь. Он уже не был тем первобытным наивным храбрецом, каким когда-то явился к нам. И он уже не считал реально существующим одно то, что видели его глаза и до чего он мог дотянуться когтями, он знал теперь, что невидимое временами страшнее предметного.

Он громко всхлипнул и утер глаза.

— Тебе не хочется умирать, Труб? — Это был глупый вопрос, но ничего умнее не пришло в голову.

— Не то, Эли. Я был уверен, что мы высадимся на зловредной планете и произведем там революцию.

— Революцию, Труб?

— Разве я неправильно произнес это слово? Мы изучаем человеческую историю, — объявил он с гордостью. — И нам нравится, что люди, когда становилось невтерпеж, совершали революцию. Хорошо бы сделать революцию у зловредов, освободив всех, кого они угнетают. Теперь этим мечтам — конец.

— История не кончается на нас. Нам не удалось — удастся другим людям и их друзьям.

От ангелов я пошел к Лусину. Для его конюшен

был отведен поселок на окраине городка. Лусин обучал Громовержца приемам воздушного боя. На дракона налетал отряд пегасов, крылатый ящер отбивался от воинственных лошадей. Меня удивило, что он не мечет молний, но Лусин разъяснил, что разряд даже малой интенсивности замертво сшибает даже самого дюжего пегаса.

— Как снаружи? — спросил он. — Нас преследуют? Опасно? Очень? Нет?

Я и ему рассказал, как сложилась обстановка. Лусин с отчаянием посмотрел на своих драконов и пегасов.

— Все погибнут? Эли, скажи — все?

— Неужели ты надеялся, что кто-то из твоих тварей уцелеет в таком катаклизме?

— Не говори так, не твари. Разумные. Жалко до смерти.

И сейчас он думал не о себе, а о своих синтезированных чудовищах, три четверти его духовных помыслов сводились к заботе о них. Умом я понимал такое отношение, но чувство мое протестовало. Что-то от прежнего Ромеро, боровшегося против помощи звездожителям и превозносившего человека, сохранялось, видимо, и во мне.

Лусин с мольбой тронул меня за плечо:

— Сохранить, Эли! Нас много. Громовержец

— один. Уникальный. Пегасы — тоже редкие. Высадить на планете. Пусть размножаются. Пойми, Эли! А?

— Ты произнес большую и горячую речь, впервые слышу от тебя такую, Лусин, — сказал я. — Если бы можно было где-нибудь высадить пегасов, я и Астра добавил бы к ним в компанию, пусть уж и он спасется. Надежды нет, Лусин!

Я ушел, не дожидаясь, какую еще нелепость он сморозит. Я вдруг успокоился. Отчаяние, терзавшее меня перед МУМ, пропало, словно я передал его Трубу и Лусину. Я знал уже, чего хочу, и знал, что отстоять свой новый план перед помощниками и экипажами трех звездолетов легко не удастся, и был готов страстно всех переубеждать и делать это быстро: военной судьбой нам было отпущено совсем мало времени.

Осима в командирском зале встретил меня восклицанием:

— Наконец-то вы появились, адмирал. Командующий вражеским флотом обратился с наглым посланием.

15

Прежде чем ознакомиться с депешей разрушителей, я посмотрел на стереоэкран. Зеленые

огоньки собирались в кучки, ылали раздражающе ярко. Что-то произошло новое — корабли противника пренебрегли дистанцией безопасности, недавно так строго ими соблюдаемой.

«Почему они перестали нас бояться?» — подумал я и выговорил это вслух.

— Оставшийся звездолет ровно в три раза слабее, чем три прежних, — отозвался Камагин хмуро. — И враги соответственно чувствуют себя по крайней мере в три раза храбрее.

Арифметического соответствия тут быть не могло, но я не хотел вступать в спор.

— Доложите послание противника, — приказал я МУМ.

Она громко заговорила:

— «Галактическому кораблю, вторгшемуся в наше звездное скопление. Попытка выброситься наружу вам не удалась. Подвергнуть распаду какой-нибудь из наших кораблей вам не удастся. Вы обречены на гибель. Предлагаем капитуляцию. Гарантируем жизнь. Орлан, разрушитель Первой Имперской категории».

Я обвел глазами помощников. Ромеро отвернулся, Петри угрюмо глядел на вражеские корабли, Осима спокойно ждал приказа, чтобы тут же, не оспаривая, энергично проводить его в жизнь.

Зато Камагин с вызовом глядел прямо на меня. Я знал, что он скажет.

— Ваше решение, адмирал! — потребовал Осима.

— Хочу сначала выслушать вас. Начинайте вы, Павел.

Ромеро часто хвалился своей мужской доблестью и в драках держался отлично, но стратегическим мышлением одарен не был. Современный бой на сверхсветовых скоростях с применением аннигиляторов был ему противен: в таком бою побеждал математический расчет, а не личная храбрость. Рыцарское представление о сражениях прозвучало в его ответе:

— Ждать нападения, а затем обороняться, пока хватит сил.

— Петри?

— Сражаться, не отвечая на послание, — был короткий ответ.

— Камагин?

— Напасть! Посмотрите, Эли, они все приближаются, будто мы уже обессилели, скоро, очень скоро они попадут в конус удара аннигиляторов. Если вы разрешите мне занять одно из командирских кресел, я выброшу на тот свет треть неприятельского флота, прежде чем они откроют

дорогу туда нам самим.

— Ясно. Вы, Осима?

— Атаковать, потом погибнуть, — повторил он мысль Камагина. Вглядевшись в меня, он поинтересовался: — У вас другое решение, адмирал?

— Да, другое, — сказал я. — Мое предложение — капитулировать.

Все четверо разом вскрикнули. Громче других прозвучал возмущенный выкрик Камагина:

— Сдаться в плен?

Я ответил не Камагину, а всем:

— Да, сдаться в плен! Именно это я и хочу предложить.

Помощники с возмущением глядели на меня.

Первым обрел спокойствие Осима:

— Адмирал, уточните. Речь не только о наших жизнях. придется сдать врагу звездолет — боевые аннигиляторы, МУМ.

— Сдать — да. Но не в сохранности, Осима. МУМ должна быть уничтожена, схемы аннигиляторов демонтированы. Это я поручу Камагину и вам, Осима. Враг может любоваться видом наших механизмов, но не должен разобраться в их действии.

Камагин не выдержал. Сомневаюсь, чтобы его поведение соответствовало даже современным

мягким правилам дисциплины, не говоря уже о дисциплине древней, приверженностью к которой он гордился.

Он вскочил, гневно крича:

— Безумец! Вы думаете, неприятель не выбьет из пленных объяснения работы механизмов?

Вежливостью ответа я подчеркнул, что не принимаю такого тона:

— Знание всех схем аннигиляторов не является достоянием отдельных людей. Лишь все человечество в целом обладает таким знанием. Но человечество сегодня в плен не сдается, только три экипажа звездолетов.

Теперь я знал, что время эмоций прошло, будут не кричать на меня, а задавать осмысленные вопросы. «Половина дела сделана», — сказал я себе с облегчением.

После нового молчания заговорил Ромеро:

— Я вижу, у вас все продумано, проницательный Эли. Не откажитесь сообщить, зачем вам потребовалось сдавать нас в плен вместе со звездолетом? Неужели жизнь в плену приемлемей почетной смерти?

Его вопрос воспламенил угасшего было Камагина.

— И пусть адмирал ответит еще на один вопрос!

Не влияет ли на него то обстоятельство, что на борту звездолета находится семья адмирала?

Именно этого вопроса я и ждал.

— Да, влияет. Если бы на борту звездолета не находилась моя семья, я принял бы решение о капитуляции значительно раньше и без тех колебаний, которые меня одолевали.

— Вы сказали — решение? — спокойно поинтересовался Петри. — Разве это уже решение, а не свободная пока дискуссия?

— Выслушайте меня, — попросил я. — Только об одном прошу — выслушайте, а там решайте, прав я или не прав. И пусть вместе с вами слушают через МУМ все на «Волопасе».

Я заговорил с волнением, я убеждал не только слушателей, но и себя, многое во мне самом протестовало против позорного плена.

Если говорить лишь о нас, сказал я, то честная гибель в неравном бою лучше рабского существования у разрушителей.

Но мы не имеем права думать лишь о себе. Мы — первые представители человечества, попавшие в логово разрушителей, мы должны быть достойны самих себя. Умереть всякий может. Жить в тяжких условиях — подвиг. Я пекусь не о наших жизнях, даже не о том, чтобы мы познако-

мились с противником изнутри, хотя и это может пригодиться, если нас вызволят.

Разрушители должны познакомиться с нами — вот главная задача. Наши противники должны узнать, за что мы ратуем. Одни станут еще враждебней, другие задумаются, третьи начнут колебаться, а некоторые, пусть их вначале будет немного, примкнут к нам: ведь разрушители не только свирепый, но и разумный народ, никто их разума не отрицает… Нет, борьба с разрушителями не заканчивается с нашим пленением, она продолжается, но в иной форме, без аннигиляторов и взрыва планет. Гибель в бою — легкий путь прекращения борьбы. Я уверен, что и более суровый жребий нам по плечу, я верю в себя, я верю в вас!

— А теперь решайте, — закончил я и закрыл глаза.

Несколько секунд была тишина, потом ее прервал резкий звук. Я открыл глаза. Маленький космонавт порывисто вскочил и, не удержавшись, едва не упал. Он хрипло сказал:

— Пойдемте, Осима, здесь больше нечего делать… Вы не забыли, что нам отдан приказ демонтировать МУМ?

Осима стал медленно приподниматься. Я хотел

посоветовать им не торопиться, ведь МУМ еще не объявила коллективного решения, но мне не дал заговорить вопль Петри:

— Смотрите на экран! Смотрите на экран!

Картина была такая, будто звездолет попал в фокус взрыва. «Испепелены!» — услышал я потрясенный шепот Ромеро.

В пространстве бушевала световая буря, корабли противника ошалело метались меж звезд. Оранжевая расширялась на всю сферу, это было уже не далекое светило, а исполинский космический крейсер.

— Адмирал, разрушители гибнут! — радостно вскричал Осима.

— Совместная гибель, наша и противников, дорогой капитан, так вернее, — отозвался Ромеро.

Даже в этот страшный момент он не потерял способности иронизировать. А затем неистовая вспышка озарила полутемный зал, и мы, одновременно все, потеряли сознание.

16

Пришли в себя мы тоже разом.

Командирский зал был ярко освещен, изображения звезд на стереоэкранах погасли. Я приподнял голову, посмотрел на товарищей — все они были живы, потом перевел взгляд на вход в зал. Там стояли три диковинных существа, одно впереди, два чуть позади.

Они были похожи на людей. Было у них сходство и с захваченным невидимкой, но там выпирала голая конструкция, изготовленная по расчету, эти же были существами: туловище, две ноги, две руки, одна голова — все то же, что у человека, но только не человеческое.

Стоявший впереди проговорил на отличном земном языке:

— Адмирал Эли, прикажи открыть вход в свой корабль. Я — Орлан. Командовать на «Волопасе» буду я.

Осима подскочил к Орлану, с силой толкнул его рукой в грудь.

Рука Осимы свободно прошла сквозь тело разрушителя, словно ничего на этом месте не было.

Часть вторая
ВЕЛИКИЙ РАЗРУШИТЕЛЬ

Славьте меня! Я великим не чета.
Я над всем, что сделано, ставлю
«nihil»...

В. Маяковский

1

— Призрак! — вскричал Осима. — Адмирал, это видение!

Он снова ударил кулаком по диковинному существу, возникшему у входа, и, охнув от боли отскочил: на разбитых пальцах выступила кровь. Камагин и Петри, собиравшиеся кинуться вслед за Осимой, медленно опустились в кресла.

Ромеро переглянулся со мной, взгляд его сказал больше, чем любые слова. Я молчал, не двигаясь. В голове у меня молотом била мысль: «МУМ будет захвачена». Я лихорадочно пытался связаться с ней: она не откликалась. Коммуникации, вероятно, были повреждены. Но звездолет был цел, входы в него задраены, сами мы живы — очевидно, и МУМ оставалась невредимой. Ужас в глазах

Ромеро показывал, что и он понимал непоправимость случившегося. В плен попадали не одни наши маленькие жизни, но и сокровеннейшие секреты человечества.

Никогда я так отчаянно не напрягал свой мозг в поисках хотя бы щели выхода, и никогда еще не были так пусты мои мозговые извилины!

— Откройте входы, или мы вас уничтожим, — повторил Орлан.

— Вас не задержали закрытые входы, — сказал я.

— Меня — нет, но мои солдаты не могут проникать сквозь вещественные барьеры.

Я повернулся к Камагину.

— Эдуард, хоть и без сражения, но мы еще можем погибнуть, как вы нас призывали. — Я с ненавистью посмотрел на Орлана. — Убирайтесь и можете уничтожить звездолет.

Ни один из разрушителей не пошевелился. Заговорил Ромеро:

— Ваш приказ не может быть выполнен, завоеватель, уже по одному тому, что мы утратили командование механизмами корабля. Восстановите нашу связь с аппаратами.

— Чтобы вы попытались взорвать корабль? — В голосе разрушителя зазвучала вполне человече-

ская ирония. — Ваши аннигиляторы блокированы нашими полями.

— Тогда чего вам бояться? Другого пути к открытию входов в корабль не существует — для нас, по крайней мере.

— Хорошо. Через три минуты по вашему счету обретете утраченную связь.

Я взглядом попросил у друзей совета, забыв, что при пропаже связи с МУМ могу прибегнуть к помощи наручного дешифратора, последнего творения Андре.

Мои помощники раньше обрели ясность сознания. Я расслышал внутренний, одними мыслями, шепот Осимы: «Адмирал, я помню ваш приказ о МУМ!» И сейчас же во мне зазвучал голос Камагина: «Будьте покойны, Эли, мы с Осимой постараемся!»

Связь с МУМ восстанавливалась медленно, МУМ словно просыпалась, делала первые неуверенные шаги в яви, не сбросив полностью дремоты.

И когда я почувствовал, что порванные связи с мозгом корабля заново обретены, я судорожно, одной резкой мыслью, попытался связаться с аннигиляторами, но связи не получилось: аннгиляторы были прочно блокированы. Я не сомневался, что такие же попытки совершили

мои друзья: у Камагина вдруг вырвался стон, Петри чертыхнулся.

— Почему так долго? — спросил Орлан.

— Плохое соединение, — ответил я.

У Осимы было сонное лицо, Камагин раскрыл рот от напряжения, глаза его, вдруг ослепшие, полубезумные, вперлись в точку на экране. «Хорошо!» — подумал я с надеждой.

Из миллиардов возможных сочетаний элементов, составляющих МУМ, только одно делало ее работоспособной — теперь сама МУМ, под диктовку Осимы и Камагина, составляла схему своей перекомпоновки. Когда кто-то из них скажет: «Все. Действуй», — эта единственная комбинация будет заменена другой, случайной, бессмысленной, одной из многих миллиардов бессмысленных сочетаний.

— Все! — воскликнул Осима, энергично поворачиваясь в кресле.

— Все! — эхом откликнулся Камагин и радостно вскочил.

Я испытал болезненный удар в теле, по нервам промчался электрический разряд. Прежней разумной МУМ, хранительницы знаний человечества, больше не существовало.

— Адмирал! — торжественно проговорил Оси-

ма. — Приказ выполнен.

— Петри, откройте вход, — распорядился я. — Ручное управление помните?

— Справлюсь, — проворчал Петри, направляясь к двери.

Ромеро в восторге хлопнул себя ладонями по коленям. За нашу многолетнюю дружбу я не помнил у него такой несдержанности.

— Как дурачков! — лепетал он. — Нет, как дурачков!..

— Радости мало, Павел! — возразил я печально. — Плен остается, звездолет захвачен. Да и нет комбинации, которую нельзя было бы восстановить…

— Дорогой Эли, теоретически возможное на практике чаще всего не исполнимо. Древний мыслитель Руссо говорил: «Случайно могут выпадать любые комбинации, это бесспорно, но если мне скажут, что типографский шрифт, рассыпанный по улице, сложился при падении в „Энеиду“, я и ногой не пошевелю, чтобы пойти проверить». Я думаю, этого мыслителя можно принять в качестве примера для подражания.

— Валом валят, твари, — сумрачно сказал возвратившийся Петри.

Разрушители потеснились, словно пропуская

кого-то в командирский зал, но новых фигур не появилось. Вместе с тем я явственно ощущал, что свободного пространства стало меньше.

— Невидимки! — предупреждающее сказал Ромеро.

До нас донесся бесстрастный голос Орлана:

— Вам разрешается идти к своим товарищам.

2

Ромеро направился в парк, мы четверо шли за ним. Из всех служебных помещений головоглазы выгоняли людей. В коридорах мы их наконец увидели: бронированные опухоли с перископами вместо голов неуклюже шествовали от причальной площади, захватывая одно помещение за другим. На площади стояли легкие корабли, похожие на наши планетолеты, из люков сыпались все новые головоглазы.

— Настройте дешифраторы! — посоветовал Ромеро и, когда мы проверили свои наручные ДН-2, продолжал уже одной мыслью: «Если у невидимок и нет тела, то уши, вероятно, имеются, а разобраться в индивидуальных излучениях им будет непросто».

И каждому, кого встречал, он говорил: «Настройте дешифратор».

В аллеях парка было полно народу. Я сел на скамью с Мери и Астром, с другой стороны поместился Ромеро.

В парке по земному графику шла осень, меж деревьев шумел несильный ветер, на людей сыпались желтеющие листья.

— Нас будут убивать, отец? — Астр пристально смотрел на меня.

Я с усилием усмехнулся и отвел глаза.

— Зачем? Разрушителям наши жизни сейчас нужнее, чем нам.

Астр нахмурился, размышляя. Над толпой появился Труб с Лусином на спине. Ангел приземлился около нашей скамейки, и Лусин соскочил на грунт. Перья на крыльях ангела топорщились. Он поглядел на меня, как на изменника.

— Вы же люди, Эли! — В его голосе громыхали металлические раскаты. — Покориться без сопротивления!.. Эли, ангелы в плен не сдаются, нет, Эли!

— Все, что я мог сказать, я уже сказал через МУМ, — ответил я. — Рассматривайте себя не как пленников, а как передовой отряд внутри вражеского стана.

— Мы-то можем себя так рассматривать, но согласятся ли наши враги видеть в нас не жертвы

их произвола, а действующий вражеский отряд в их лагере, — возразил Лусин, и я поразился, до чего же ясно он выразил это суждение при посредстве дешифратора.

Со временем я привык, что косноязычный Лусин становится красноречив, если ограничивается мыслями без слов. Когда мы встречаемся с ним сейчас на Земле, мы надеваем дешифраторы, словно по-прежнему в дальних странствиях: одними мыслями нам объясняться легче.

— Поживем — увидим, — сказал Ромеро.

Мери молча прижималась ко мне плечом. Лусин, печальный, тихо разговаривал с Ромеро, Астр и Труб присоединились к кучке, обступившей Камагина.

Листья падали все гуще, и я вспомнил тот осенний день на недостижимо далекой Земле, когда на аллее Зеленого проспекта повстречал Мери. Сейчас она была рядом, измученная, терпеливая, бесконечно близкая, тесно прижавшаяся ко мне, а я с нежностью думал о той, холодной, отстраненной, презрительно отвечавшей на мои вопросы…

— Не надо! — умоляюще прошептала Мери, дешифратор передал ей мои мысли.

— Не надо, конечно! — повторил я со вздохом и

увидел Орлана, сопровождаемого теми же двумя призрачными разрушителями.

Впоследствии мы разглядели, что они не призрачны, а только очень уж «нечеловечны».

Непохожесть на людей становилась заметней, когда разрушители двигались — неподвижных, особенно издали, легко было спутать с человеком. Но движение выдавало их, они не шагали, а, скорее, порхали, не сгибали колени при ходьбе, а легонько перепрыгивали, выбрасывая вперед, как костыли, то одну, то другую ногу. И при этом у них изгибалось все тело, как у скороходов, побивающих рекорд быстроты, — зато они и передвигались много быстрее нас.

Еще меньше человеческого было в их лицах. На головах имелись и волосы, и уши, и глаза — тоже два, — и рот, и подбородок, но вместо носа было круглое отверстие, прикрытое клапаном, похожим на хобот, — клапан то вздымался, то опадал при дыхании. «Шевелят носами», — сказал Ромеро.

Лица их светились по настроению, то разгораясь, то погасая, были то белыми, то желтыми, то синими. Изменение окраски лиц не походило на удивительный цветовой язык вегажителей, скорее, напоминало наше покраснение и побеление,

но только усиленное до зловещести.

Орлан поднял голову — не повернул ее на шее спереди назад, как делаем мы, когда поднимаем голову, а именно поднял: шея вдруг вытянулась, и голова пошла вверх над плечами сантиметров на тридцать. Потом мы дознались, что у разрушителей таков способ приветствия: они учтиво вздымают головы, как наши предки поднимали шляпы.

— Ни один из ходовых механизмов корабля не действует. Что вы сделали с ними? — спросил Орлан.

— Виноваты в этом вы, ведь вы их заблокировали, — сказал я.

— Мы разблокировали их, но не знаем схем ваших аппаратов. Объясни, как обращаться с ними.

— Этого не будет, — объявил я. — Командующий ими корабельный мозг поврежден. Но если бы мы и знали, как обращаться с аннигиляторами без него, мы все равно не раскрыли бы наших секретов.

Голова Орлана упала. Это было так неожиданно, что я вздрогнул, а Мери вскрикнула. Шея исчезла вся, а голова наполовину провалилась в грудную клетку, при этом раздался звук, как при

ударе хлопушкой. Над плечами Орлана теперь торчали лишь лоб и два глаза, и эти не исчезнувшие остатки лица синевато пылали. Так мы впервые увидели, как разрушители выражают свое неодобрение и негодование.

— Я сообщу об этом Великому разрушителю, — донесся из недр Орлана, словно из ящика, измененный голос.

— Пожалуйста. Могу ли я задать несколько вопросов?

— Задавай, — голова его возвратилась в естественное положение.

— Что вы собираетесь с нами делать? Кто такой Великий разрушитель? Откуда вы знаете, как меня зовут и кто я? Как вы обучились человеческому языку? Как вы проникли в наш звездолет?

— Ни на один из этих вопросов ответа пока не будет. А получишь ли ответ потом, решит Великий.

— Тогда хоть скажите, что мы можем делать и чего не можем делать?

— Можете делать все, что делали прежде, за одним исключением: доступ к механизмам корабля запрещен.

— Раскройте экраны в обсервационном зале. Надеюсь, вам не повредит, если мы полюбуемся

вашими красочными светилами?

— Светилами любоваться можно, — бросил он, упархивая.

3

В отчете Ромеро описаны те первые дни плена, когда мы еще находились в звездолете, — и наши тревоги и недоумения, и овладевшее многими отчаяние, и бешенство, клокотавшее в других, и знакомство с суровыми стражами, и столкновения, возникавшие между ими и нами. А я из тех дней всего яснее запомнил, что меня непрерывно грызли жестокие вопросы, я непрестанно искал на них ответа и ответа не находил, а на некоторые и сегодня, по прошествии многих лет, не могу ответить. И самым мучительным была мера моей вины в том, что совершилось. Ни на кого я не мог переложить ответственность. Везде было одно: моя вина. Временами от этих мыслей сохла голова!

В обсервационном зале мы видели изо дня в день одно и то же: яркие звезды, зеленые огни эскадры.

То ли разрушители не хотели, чтобы мы разобрались в астрографии их полета, то ли механизмы корабля разладились, но трудно было понять,

куда и с какой скоростью движется вражеская эскадра. Ясно было лишь, что мы несемся в центре флота и что чужие корабли своими полями тащат наш замерший звездолет за собой.

Оранжевая понемногу отклонялась от оси полета. В зените появилась другая звезда, горячей, почти синяя, но неяркая.

Со временем и она осталась в стороне, а приборы показывали, что звездолеты выбрасываются в Эйнштейново пространство. Мы снова увидели — уже в оптике — малоприметное белое светило и темную планетку, ее спутника.

— Если здесь их база, то она хорошо укрыта, — сказал Камагин. — И белого карлика отыскать непросто в этом переплетении гигантов и сверхгигантов, а затерянный в темноте спутник просто неприметен.

4

Звездолеты уносились в черноту, их пронзительные огни тускнели. Осталось около десятка кораблей, когда «Волопас» пошел на посадку.

День этот навеки остался в моей памяти. Наши галактические суда не умеют причаливать к планетам. А гигантские корабли разрушителей опускались на поверхность с легкостью, словно

авиетки. На плоской равнине в считанные часы возникла своеобразная горная страна.

И на одной из долинок между звездолетами врага плавно опустился «Волопас».

— Выходить, — приказал Орлан.

Он появился в обсервационном зале с двумя неизменными телохранителями, бесстрастный, похожий на призрак, хотя теперь мы твердо знали, что и он, и его охрана вполне вещественны — уже не один Осима дотрагивался до них и сталкивался с ними.

Я распорядился надевать скафандры. Орлан отменил мой приказ:

— Излишне, адмирал Эли. На базе все условия, в которых вы нуждаетесь: атмосфера с азотом и кислородом, вода, привычные вам гравитация и температура, даже ваш любимый зеленый цвет.

Из ворот «Волопаса» выкатили причальную площадку. Я вышел с Мери и Астром. Астр радостно сказал:

— Отец, правда, эта планета напоминает Землю? Мама говорит, что нет, а по-моему, похожа!

Если планета и походила на Землю, то так же, как сами разрушители копировали людей, — призрачным, а не реальным сходством. Объяснять это Астру было напрасно: он видел Землю лишь

на стереоэкране. Крохотное белое солнце, висевшее над планетой, света давало ровно столько, чтобы видеть, но тепла от него не было. Земные лунные ночи больше напоминали местный полдень — над головой сумрачно поблескивали звезды. Планета была зеленой, но зеленью холодной, поблескивающей металлическим блеском. На белесом небе, затмевая звезды, висели облачка, они тоже были едко-зеленые.

— Металлическая! — грустно сказал Лусин. — Незнакомый металл.

— Отлично известный: никель, — поправил его Камагин. — В мое время никель являлся конструкционным материалом. Ручаюсь, что вся эта зелень — соли и окислы никеля.

По зеленой поверхности струились зеленые реки, реки впадали в зеленые озера, над озерами нависали зеленые холмы. Я потрогал рукой одно из зеленых растений, оно было неживое, просто гроздья кристаллов, мутноватых, скользких. Я зачерпнул ладонями жидкости в речке, это тоже были никелевые растворы, неприятно и остро пахнущие, они окрасили мою руку в зеленый цвет, такой равномерно прочный, что казалось, я надел зеленую перчатку.

Потом мы шли по аллее металлических дере-

вьев, стволы блестели синевато-бело, а кроны, тоже металлические, покрывали зеленые осадки — металлические ветки качались, ветер, то усиливаясь, то спадая, рвал металлическую листву — на почву глухо рушились созревшие зеленые кристаллы.

— Тоска зеленая, дорогой Эли! — со вздохом проговорил Ромеро. — Выть по-волчьи…

Во время высадки мы увидели своих стражей-головоглазов. На звездолете они охраняли служебные помещения и на глаза старались не попадаться. Здесь они были везде: на причальной площадке, у гравитационного эскалатора, перебрасывающего нас с корабля на планету. И прежде чем мы попали в металлический лес и на берега солевых речек, нам пришлось пройти через молчаливые аллеи стражей, бдительно наблюдавших, чтобы мы не приблизились к их кораблям: если пленник слишком отклонялся, его возвращали увесистыми гравитационными оплеухами. Мне первому досталась такая пощечина, и я уже не повторял столкновения со стражами.

Так держали себя и другие люди, но с ангелами головоглазам пришлось повозиться.

Трэ ба с его крылатыми сородичами высосало

на планету по тому же силовому транспортеру, что и нас, но на почве ангелы вели себя по-иному. Труб взлетел, а за ним с гамом устремились другие ангелы. Головоглазы заметались, их перископы страшно засверкали, но сила гравитационных ударов квадратично уменьшалась с отдалением, и ангелы быстро усвоили эту нехитрую истину: они взлетали повыше и там, недоступные для кары, дико резвились.

Передние углубились в лес. К нам, обгоняя задних, добрались Труб и Лусин. Труб был сконфужен неудачным весельем в воздухе, а Лусин сиял. Громовержец показал свои летные способности, и это почти примиряло Лусина с пленом.

— Хорошо, а? — похвастался он вслух.

Я промолчал, а Камагин ответил через дешифратор:

— Отлично! Крылатые друзья облегчат нам заключение.

Я обратился к Трубу, уныло поджавшему крылья:

— Как летается на высоте? Отвечай через прибор.

В отличие от Лусина, обретавшего красноречие при мысленных объяснениях, Труб начинал мекать, чуть переходил на прямую мысль. Он был

из тех, кого Ромеро называет косномысленными.

— Леталось… видишь ли, Эли… вроде на Земле! Лучше Оры… Выше — труднее… Быстрое разряжение — вверх.

— Падалось легче, чем поднималось, — добавил Ромеро.

Из объяснений Труба я уяснил себе, что тяготеющее поле планеты сконструировано не по Ньютону.

За поворотом металлической аллеи открылось металлическое сооружение в зеленой чешуе окислов, в оползнях солей. Внутрь него вел туннель.

Туннель вел во вместительный вестибюль, откуда отпочковывались широкие коридоры с самосветящимися стенами. Под шапкой невзрачного домика скрывался обширный комплекс помещений. Все здесь, как и снаружи, было никелевое, но соединения никеля потеряли мертвенную зеленую однообразность, металлически чистый, он уже блистал синеватостью.

— Направо — людям, прямо и налево — вашим союзникам, — сказал Орлан.

Ангелы повалили прямо, пегасы и драконы понеслись налево, мы с Орланом повернули направо. Самосветящийся коридор вел в огромный

четырехугольный зал, тоже со самосветящимися стенами и потолком. Вдоль стен тянулись похожие на желоба сооружения. В такой тюрьме можно было разместить команды целого флота галактических кораблей, а не только три экипажа.

— Нары! — показал Ромеро на желоба.

— Размещайтесь! — сказал Орлан. — Ты пойдешь со мной, адмирал.

Ко мне подошли Осима и Камагин, сзади встал Ромеро.

— Мы не пустим адмирала одного, — сказал Осима.

Ромеро кивнул на телохранителей Орлана.

— Разрешите заметить, что вас тоже сопровождают адъютанты. Охрана положена нашему адмиралу по рангу.

— Он пойдет один, — холодно повторил Орлан.

— Не волнуйтесь, — сказал я друзьям. — Один я пойду или втроем, все равно мы в полной их власти.

5

Я еле поспевал за моими проводниками: их плавные прыжки, напоминавшие танец, а не ходьбу, были даже быстрее моего бега. Време-

нами они останавливались и поджидали, не оборачиваясь, точно видели спиной так же хорошо, как глазами.

В новом помещении, маленьком и скудно освещенном, Орлан приказал мне остановиться. Я стоял посреди комнаты. Орлан с телохранителями подошел к двери напротив, и она открылась им навстречу.

В помещение вприпрыжку вбежал человек, и я сразу узнал его. Это был Андре. Он двигался не как Андре, у него была старческая сгорбленная фигура, он уныло, не как Андре, склонял голову, нелепо размахивая руками, нелепо, скрипучим голосом что-то бормотал. Ничего не было у него от Андре, все было иное, незнакомое, неожиданное, непредставимое!.. Но это мог быть только Андре!

— Андре! — закричал я, кидаясь к нему.

Он поднял голову, и я увидел его лицо, постаревшее, изможденное, до того непонятное, что восторг мой мгновенно превратился в страх. Я прижал Андре к груди, застонал от ликования и боли, но уже в ту первую минуту понял, что не одну радость принесет воскрешение Андре из небытия, и, может быть, меньше всего — радость.

Андре оттолкнул меня. Он меня не узнал.

— Андре, — молил я. — Взгляни же, это я, Эли, твой друг Эли, вспомни, я же Эли, я — Эли, Андре! Андре!

Он с тоской отворачивался. Я рванул его к себе. Он смотрел на меня и не видел: зрячий, он был слеп. Такие глаза я иногда подглядывал у людей, отдавшихся тяжкой думе. Только здесь все было усилено безмерно, нечеловечески жестоко.

Я снова обрел Андре, но он не вышел ко мне, он был в каком-то своем далеком мире. Он лишь внешне присутствовал здесь — его не было!

— Андре! — кричал я в отчаянии. — Это же я, Эли! Андре!

Он сумел вырваться и побежал. Я нагнал его, еще сильнее рванул к себе. В исступлении я был готов бить его, рвать ногтями, кусать, целовать, обливать слезами, только бы это вернуло его в сознание. Он должен узнать меня, должен вспомнить себя и друзей — лишь это одно я отчетливо понимал, когда, хрипя от ярости, тряс его.

Андре, страдальчески закрыв глаза, бессильно мотался в моих руках. Он вдруг побледнел, а длинные огненные кудри — единственное, что сохранилось от прежнего Андре, — то закрывали, то освобождали лицо, вспышками пламени проносились перед моими затуманившимися

зрачками, это одно я видел с ясностью: кудри Андре не проносились, а вспыхивали.

Орлан и два телохранителя, бесстрастные, стояли в стороне. Я оставил Андре и подскочил к Орлану.

— Уроды! Что вы сделали с Андре? Зачем его лишили разума?

Ответ Орлана прозвучал так торжественно и скорбно, что, вероятно, лишь это удержало меня от рукопашной схватки:

— Великий не хотел лишать его разума.

В бешенстве я поднес свою руку ко рту и прикусил ее, чтобы внешней болью перебить внутреннее терзание. Еще лучше было бы заплакать в голос, проклиная судьбу, и врагов, и себя, ибо я сам больше всех людей виноват был в нынешнем состоянии друга. Но на слезы мне не хватило сил. И я кусал руку, чтоб хоть этим перебороть себя. Андре, согбенный, жалко покачивающий головой, уже не старался убежать, хоть я и не держал его больше.

А неподалеку равнодушно-неподвижно возвышались три призрачно похожих на людей нечеловека.

Внезапно до меня донесся тихий голос, Андре монотонно пел, покачиваясь в такт туловищем:

Жил-был у бабушки серенький козлик,

Ах, серенький козлик, ах, серенький козлик...

Пел он тоненько и жалобно, никогда прежде я не слыхал у Андре такого голоса.

Я повернулся к Орлану:

— Чего вы хотите от меня?

— Человек Андре поступает в твое распоряжение, адмирал Эли.

— Идем, Андре, — сказал я и потянул его за рукав.

Я снова шел за Орланом, а позади покорно плелся Андре.

6

Подняв голову, я повстречался с холодным взглядом немигающих глаз Орлана. «Машина с глазами!» — с омерзением подумал я.

— Великий зовет тебя, адмирал Эли.

— Зачем я понадобился твоему повелителю?

— Он скажет сам.

— Такая тайна, что нельзя поделиться ею?

— Тайны нет. Великий предлагает человечеству братский союз.

Если бы Орлан сообщил, что разрушители

собираются нас освободить, я был бы поражен меньше. Все, что мы успели узнать, делало мысль о союзе с ними противоестественной.

До меня донеслось возмущенное восклицание Камагина.

Я сказал Орлану:

— У вас, похоже, решения принимает единолично властитель, а у нас они коллективны. Отойди, пока мы посовещаемся. Не исключено, что товарищи не разрешат идти к твоему властителю.

— Не идти ты не можешь.

— Не идти я всегда могу. Другой вопрос, что вы способны доставить меня силой. Но насилие — неудачное начало для проектируемого вами братства…

Разрушители отошли. Для живых машин они держали себя, в общем, прилично. Я попросил настроить дешифраторы на мое излучение — совещаться будем мысленно.

Непосвященному наше собрание должно было представляться странным: молчаливые люди уставились глазами в пол, словно прислушиваются к чему-то, совершавшемуся у каждого внутри.

Лишь Камагин, временами импульсивно дергающийся, нарушал гармонию оцепенения, да из-за

спин сидевших ближе ко мне доносилось унылое бормотание Андре, он все вспоминал дряхлого козлика, покачивая головой.

Я начал с того, что титул властителя — Великий разрушитель — не свидетельствует ни о его доброте, ни о широком разуме. Впрочем, о «доброте» разрушителей мы знаем еще с Сигмы. Властитель врагов обратился с предложением о братстве не к адмиралу Большого Галактического флота, штурмующего его звездные заграждения, хотя ничто не мешало ему и тогда высказать такой проект, нет, он вступает в переговоры со своим пленником, над жизнью которого властен, — можно, естественно, усомниться в честности его намерений.

И на каких принципах основать союз человека с разрушителем? Совместно покорять еще свободные народы? Рука об руку истреблять еще не истребленное, разрушать еще не разрушенное? Обратить в своих врагов всех звездных друзей человечества, высокомерно объявив их недочеловеками и античеловеками? Отказаться от союза с неведомыми пока нам галактами, так разительно похожими на нас самих?

Не лучше ли презрительно игнорировать обращение властителя и, возможно, заплатив за

такую дерзость нашими жизнями, дать ему ясное представление о воле и намерениях человека?

«Никаких переговоров с преступниками! Всей силой воли, всем оставшимся оружием!.» — донеслась до меня мысль Камагина.

«Единственное, чем мы владеем, — наши маленькие жизни», — вставил Ромеро.

«Значит, отдать наши маленькие жизни!» — Камагину лишь с трудом удалось не прокричать об этом вслух.

«Я за переговоры! — сообщил Осима. — Умереть всегда успеется. Но раз адмирал будет говорить от имени человечества, пусть не забывает, что за ним стоит вся мощь человечества. Мы в плену, но человечество свободно!»

«Пусть освободит нас и вернет захваченный звездолет», — добавила Мери.

«Короче, разрушители должны капитулировать, — хладнокровно подвел итоги Ромеро. — И этот результат, которого мы не сумели добиться объединенной мощью человечества, должен быть получен действием речи адмирала. Неплохая программа, и я поддерживаю ее, хотя сомневаюсь в исполнимости».

Я не спешил обнародовать свои соображения и сказал только:

«Принципы, вызвавшие войну с разрушителями, остаются обязательными для нас и в плену. Лишь на их основе возможно соглашение».

После этого я сообщил Орлану, что согласен на встречу.

У выхода мне встретился Лусин, возвращавшийся от крылатых. Лусин еще не знал об Андре и сразу не обратил внимания на старческую фигурку, склонившуюся на наре, но до меня донеслось тоскливое бормотание: «Серенький козлик, серенький козлик…»

7

Великий разрушитель был еще больше похож на человека, чем Орлан, и еще менее «человечен», чем тот.

«Не образ человека, а образина», — сформулировал я первое впечатление.

Он смотрел на меня светящимися глазами. Это не метафора — из глазниц исторгался трассирующий свет. У Орлана окраска кожи показывала настроение. Властитель старался пугать собеседников, для этого сверкание глаз подходило больше, чем озаренность лица.

Он тяжело восседал на помосте вроде трона. Для меня сиденья приготовлено не было. Я опу-

стился на пол и скрестил ноги. В обширном зале мы были вдвоем.

— Ты знаешь, что я хочу предложить вам союз? — не то спросил, не то установил Великий разрушитель. Он разговаривал сносным человеческим языком.

— Знаю, — ответил я, — но, прежде чем говорить о союзе, я должен задать несколько вопросов.

— Задавай. — Он, как и Орлан, не признавал нашего вежливого обращения на «вы».

— Вы похожи на человека и говорите по-человечески. Но мы даже отдаленно не родня.

— Я могу принять любой облик, лишь бы он был биологически возможен. Я облекся в человекоподобие, чтобы тебе было удобнее.

— Я бы предпочел ваш естественный вид. Мне было бы приятней, если бы вы меньше походили на меня.

Он разъяснил, что смена образа — дело хитрое. Изготовление новой оболочки требует немалого времени. И вообще он не злоупотребляет своей свободой трансформации. Про себя я порадовался: если смена облика не проста даже для властителя, то появление псевдолюдей среди нас в ближайшее время не грозит.

Было несколько мелочей, смущавших меня, и раньше, чем переходить к основному, я коснулся их:

— Наш звездолет был задраен, но Орлан появился в нем. Как он это сумел?

— Появился не он, а его изображение, сфокусированное в звездолет. Разве вы не применяете передачу изображений?

— Применяем. Но у нас силуэты-картинки… Осима же разбил пальцы об изображение Орлана.

— Вы, очевидно, передаете только оптические характеристики, а мы и другие свойства — твердость, теплоту, даже электрическую напряженность. Все очень просто. Есть еще вопросы?

Я сообщил, что облечен властью для войны, но не для союза. Если он собирается затрагивать проблемы, интересующие все человечество, то во всяком случае та часть человечества, что находится неподалеку, то есть все мои товарищи, должна участвовать в обсуждении. Он возразил: если транслировать нашу передачу, то его подданные тоже услышат ее. Мне это безразлично, сказал я. Он отметил, что я разговариваю тоном победителя, а не побежденного. Я указал, что нужно различать разговоры и переговоры:

разговаривает он со своими пленными, но в переговоры он вступает со всем человечеством — стало быть, нужно ему привыкнуть к тону, которое свободное человечество изберет для переговоров. Он объявил, что для начала удовольствуется соглашением со мной, а не со всем человечеством. Я поинтересовался, имеет ли он в виду меня одного или с товарищами. Он имел в виду всех нас. В таком случае без информации, передаваемой всем, не обойтись, стоял я на своем. Ему внове был такой дерзкий тон. Не худо приучаться к любому тону, повторил я, и можно начать с меня. Уже не один пленник представал перед ним — и у всех тряслись поджилки, ибо он волен в их жизни и смерти. У меня, возможно, тоже трясутся поджилки, но волен он лишь в физическом моем существовании, а не в помыслах и желаниях, — добивается же он того, чтобы мы возжелали дружбы с ним, трясущиеся поджилки вряд ли способствуют таким желаниям. И вообще — мучить пленников он способен, ограничиваясь своими обычаями и на своем языке, но завоевывать их дружбу надо на их языке и согласно их обычаям.

После этого я замолчал, вызывающе глядя на него. Он тоже молчал — и немалое время. Я

имел возможность убедиться, что старинное выражение «глаза метали молнии» — отнюдь не гипербола. Впечатление было, будто меня ослепляют прожекторами.

— Хорошо, пусть наша беседа транслируется, — сказал он потом. — Но если мы не договоримся, я должен буду показать своим подданным, как расправляюсь с упрямцами.

— Я отдаю себе в этом отчет, — сказал я спокойно. Я очень волновался.

В ту же минуту дешифратор донес возбужденные голоса друзей. Они, позабыв об осторожности, не мыслями, а словами обсуждали мое положение. Я прервал их разноголосый хор приглашением послушать беседу с Великим разрушителем. Наступило удивленное молчание, потом Ромеро торжественно проговорил одну из своих любимых и напыщенных фраз: «Начинайте, адмирал, мы все превратились в слух».

Еще я услышал смятенное восклицание Лусина: «Какой ужас, Эли! Какой ужас!» — и понял, что оно относится к Андре.

— Приступим? — предложил Великий разрушитель.

Голос его угрожающе гремел. Приняв человеческий облик, он не усвоил человеческого

обхождения. Для дружеских переговоров такой зычный рев был по меньшей мере нетактичен.

8

Он признавал наши успехи. Внешне мы похожи на старых его противников, галактов. Война с галактами, длившаяся бездну времени, подошла к завершению. Галакты блокированы на оставшихся у них планетах. Вся их надежда ныне на то, что их оставят в покое, — напрасная надежда, он это объявляет твердо.

Но люди оказались неожиданно иными. Они сумели рассеять в Плеядах флот разрушителей, а в Персее взорвали одну из планет. Ему, Великому разрушителю, пришлось запретить своим кораблям выход на галактические дороги, захваченные людьми.

Зато тем прочнее он укрепился в звездном скоплении. Здесь его мощь опирается на шесть первоклассных крепостных планет со сверхмощными механизмами для искривления внутреннего звездного пространства. Нет в мире силы, способной прорвать такую ограду.

— Три наших корабля ее, однако, прорвали!

— Вам повезло: в момент вторжения вдруг ослабели защитные механизмы Третьей планеты.

Больше это не повторится.

— Если вы не хотели нашего вторжения, то почему вы не выпустили нас обратно? — немедленно поинтересовался я.

— К переговорам это отношения не имеет, — прогремел он. — Важно, что вы захвачены нами, а не победили нас.

Что мы захвачены, я отрицать не мог.

Великий разрушитель повторил, что кое в чем мы превзошли разрушителей, зато многое у нас несовершенно, словно мы на заре цивилизации. Если обе наши звездные цивилизации объединятся, ничто не сможет им противостоять.

— Так уж ничто? Зловреды… виноват, разрушители владеют маленьким районом Галактики, звездные владения людей и того меньше. Не смело ли говорить о всеобщем владычестве?

Ответ Великого разрушителя был так неожидан, что я сразу не оценил его значительности:

— Понимаю твой намек. Могущество рамиров, естественно, несравнимо с вашим и нашим. Но рамиры давно покинули скопление Персея и заняты перестройкой ядра Галактики, им не до людей и разрушителей, тем более не интересуют их трусливые галакты.

Я выслушал властителя так, словно знал о ра-

мирах куда больше его. Зато дешифратор донес гул голосов и движений среди друзей при известии о неведомой нам звездной цивилизации.

— Оставим рамиров, у них хватает своих забот. Поговорим о принципах предлагаемого вами братства людей и разрушителей.

— Принцип элементарен: объединить в один кулак наше разрозненное могущество.

— Слишком элементарно для принципа. То, что вы сказали, — средство осуществления цели, а не цель.

— Я могу рассказать и о цели.

— Да, расскажите, пожалуйста.

Ничего нового он о своих целях не сообщил — те же подлые принципы угнетения слабого сильным, космическое варварство и разбой. Он предлагал не содружество, а «совражество» — ненависть ко всему, что будет не «мы». Нужно было быть безмерно упоенным собой, чтоб высказать людям такой проект. Он не был проницателен, этот Великий разрушитель с голосом водопада.

Я в ответ прочитал наизусть Конституцию Межзвездного Союза.

— Ты сказал — созидательное существование? Чепуха! В мире существует один реальный про-

цесс — разрушение, нивелирование, стирание высот. И мы своей разумной деятельностью способствуем ускорению этого стихийного процесса.

— Разумная деятельность людей иная.

— Значит, она неразумна. Вселенная стремится к хаосу. Разумно одно — помогать распространению хаоса. Только в хаосе полное освобождение от неравенства и несвободы.

— Но ведь вы, разрушители, создали самую могущественную организацию, которую знает мир. Ваш жестокий порядок, ваша чудовищная несвобода для всех…

— Организация создана для увеличения дезорганизации, порядок служит для насаждения беспорядка, а всеобщая несвобода — лишь временный этап для абсолютного освобождения всех от всего… Мы содействуем глубинным стремлениям самой природы.

Он вел спор с самонадеянностью мещанина, уверенного, что мир исчерпан в его непосредственном окружении. Он был недоучкой, объявившим свое невежество философской системой, софистом, ловко сыплющим парадоксы. Разбить его было легко. Я сомневался лишь в одном: поймет ли он, что его разбили?

— О, мы знаем, что поставили себе не только вдохновенную, но и трудную цель! — гремел он. — Но мы осилим все трудности, сметем все преграды. Нет сейчас в мире работников столь искусных и трудолюбивых, как мы, это я тебе скажу не хвастаясь. Мы переоборудуем планеты, строим тысячи городов и заводов! И нам вечно не хватает рабочих рук и мозгов, мы их ищем и захватываем везде, где находим. И вся эта бездна знаний и умений, руки и механизмы, заводы и мозги поставлены на великую космическую вахту — службу расширяющемуся хаосу, освобождению мира от диктатуры порядка!

— Теперь я понимаю, почему вы именуете себя разрушителями!

— Да, поэтому! — Он с гордостью добавил: — Я ничего не создал, но способен все уничтожить! Надеюсь, я убедил тебя, человек, в исторической справедливости миссии разрушителей во Вселенной?

Тогда заговорил я.

Властелин разрушителей утверждает, что ничего не создал, но может все уничтожить. Если бы это было правдой, то в глазах человека выглядело бы очень непривлекательно. К счастью, это неправда. Он далеко не всемощен уничтожать,

и сама его свирепая деятельность уничтожения несет в себе клеточки созидания, достаточно упомянуть о возводимых им городах, заводах, звездных крепостях…

Ему кажется, что он уравнивает неодинаковости, а если покопаться, он громоздит новые неравномерности. Своеобразие объектов есть сущность мировой гармонии.

Создавая тепловую смерть на материальных телах, разрушители пресыщают энергией пространство, начинается обратный процесс — нарождение новых масс вещества, концентрация в них накопленной пространственной энергии. Вымывание горных вершин своеобразия — лишь одна сторона развития, другая его сторона — непрерывное горообразование. Вселенная порождает высоты различий так же постоянно, как и стирает их в серой равнинности одинаковостей.

Он утверждает, что Вселенная начала со сложности и идет к простоте. Я утверждаю, что Вселенная идет от сложного к простому и одновременно от простого к сложному. Эти два процесса совершаются рядом. И разрушители своей деятельностью помогают обоим, а не одному. В этом единственном месте владыка прервал мою

речь. Разрушители к возникновению различий отношения не имеют. Новые неравномерности — исключение, стихийно возникшее уродство в гармоническом процессе.

Я помнил, что меня слушает не только кучка товарищей, но и масса неизвестных сегодняшних противников, — я взывал к их разуму, не все же были безумны, как их повелитель!

— Вы сами признаете, что мы сильнее галактов. Сегодня лишь передовой отряд человечества штурмует ваши звездные форты, завтра все человечество выстроится перед неевклидовой оградой Персея. Ваша философия разрушения восторжествует над вами самими — разрушители будут разрушены! От имени всех звездных народов объявляю вам войну. Отныне и непрестанно! Здесь и везде!

Властитель долго молчал, озаряя меня сумрачным сияньем глаз.

Молчание было заполнено гулом взволнованного дыхания моих друзей, потом в него вплелись посторонние шумы. Мне хотелось уверить себя, что то голоса подданных властителя, но холодной мыслью я понимал, что вероятней всего это помехи передачи.

Спустя некоторое время властитель заговорил:

— Люди и их друзья — живые существа?

— Да, конечно.

— Самосохранение — важнейшая черта живого. Страх смерти объединяет всех живущих. Ты согласен?

Я понял, что он приговаривает нас к смерти. Эта надменная скотина жаждала смятения и отчаяния. Я знал, что никто из нас не доставит ему такой радости.

— Страх смерти велик, он объединяет всех живущих. Но людей еще больше объединяет гордость своей честью и правотой. Многое, очень многое для нас важнее, чем существование.

— Но вы не жаждете смерти, как радости?

Мне была расставлена западня, но я не знал, как избежать ее.

— Разумеется, смерть — не радость…

Теперь его голос не гремел, а звучал бесстрастно, как голос Орлана, — это был вердикт машины, а не приговор властителя:

— Ты обречен на то, чтоб желать недостижимой смерти как радости. Ты будешь мечтать о смерти, в глупом человеческом неистовстве призывать ее. И не будет тебе смерти!

После этого он пропал.

Я остался один в огромном зале.

9

Орлан увел меня назад. Петри пожал мне руку, Камагин кинулся на шею. Я переходил из объятий в объятия, выслушивал поздравления.

— Вы всыпали этому державному подонку будь здоров! — шумно ликовал Камагин.

Я не понял странного выражения «будь здоров», но восторг Камагина тронул меня.

— Будут репрессии, надо готовиться! — сказал Осима.

Он был энергичен и деловит, словно собирался немедленно отражать посыпавшиеся кары. А Ромеро проговорил с печальной бодростью:

— Вы держались правильно. Но одно дело — декларации, другое — поступки. И поскольку жизнь ваша объявлена неприкосновенной…

— То будут мучить. Покажем, что муками человека не сломить.

Он смотрел на меня ласково и скорбно.

— Мне кажется, Эли, вы ожидаете грядущих мук с нетерпением, как недавно ожидали битвы. Вы — удивительный человек, друг мой. Впрочем, если бы вы были иной, вас не избрали бы в руководители…

— Не будем об этом. Как вам нравится известие

о рамирах?

Ромеро согласился, что главным в моей дискуссии с верховным зловредом является новость о существовании еще одной высокоразвитой цивилизации. К сожалению, рамиры слишком далеки от нас и на помощь против разрушителей их не позвать.

— Отдохните, Эли, — посоветовал Павел. — Неизвестно, что ждет нас в следующий час.

Я опустился возле Мери, рядом присел Лусин. Бедного Лусина терзали противоположные чувства: восхищение моим мужественным поведением — так он выразился, и страх, что я навлек на себя жестокое наказание. А надо всем тяготело отчаяние — Лусин все не мог прийти в себя от встречи с Андре. Притихший Астр глядел на меня такими восторженными и испуганными глазами, что я попросил Мери отвлечь его. Она отослала Астра, а мне с упреком сказала:

— Ты преувеличиваешь разум и знания своего сына, но недооцениваешь его человеческие чувства. Когда ты спорил с владыкой разрушителей, у тебя не было лучшего слушателя, чем Астр.

Лусин сказал со вздохом:

— Андре, Эли. Дешифратор тоже.

— Говори мыслями, я их разбираю легче, чем

слова.

Он объяснил, что Ромеро надел на Андре дешифратор, но мысли Андре тоже не радуют. Я настроился на излучение Андре, он сидел в стороне от всех, покачивая головой. В мыслях Андре тоскливо повторялась одна фраза: «Жил-был у бабушки серенький козлик, ах, серенький козлик, ах, серенький козлик…»

«Сколько же должны были его мучить, чтобы весь мир сузился до какого-то паршивого козла», — сказал я.

К Андре подошел Астр. Андре встрепенулся, поднял голову, мне показалось, что на его тупом лице появился отблеск мысли. Астр о чем-то его спросил. Андре не отвечал, но и не отшатывался в испуге — он вслушивался.

Я вскочил. Лусин задержал меня.

«Не надо нам подходить, — посоветовал он через дешифратор. — Астра, единственного, он не боится, пусть Астр с ним повозится. Поверь мне, я разбираюсь в поведении Андре».

— Да, конечно, Андре низвели до состояния животного, а животных ты изучил лучше нас.

Мери молчала, до меня не доносились ее мысли, но и без слов и мыслей я понимал, что мучает ее. Я сказал:

«Над обстоятельствами мы не властны, Мери. Немного первобытного фатализма нам теперь не помешает — будет то, что будет».

Она грустно улыбалась и так растерянно покачивала головой, что мне показалось, будто она лишь притворяется внимательной, чтобы не обидеть. В дни перед пленом я редко встречал ее, а сейчас видел, что с ней произошла перемена. И я не сомневался уже, что перемена будет неожиданной. Не раз я убеждался, что жду от Мери одних поступков, а реально происходят совсем другие.

Она сказала, отвернув лицо:

«Не то, Эли. Разве мы не считались с возможностью трагических неудач, когда начинался поход? Я вижу сейчас, что была слишком эгоистична».

«Непонятно, Мери…»

«Сейчас объясню. Я хотела разделить твою судьбу, какая бы она ни была. Где ты, Кай, там и я, Кая, — так мне воображалось. Но я не просто разделила твою судьбу, я воздействую на нее, и в плохую сторону: тебе сегодня было бы проще, если бы не было меня и Астра».

«Ты преувеличиваешь, Мери».

«Ты ответил Эдуарду: „Если бы не было рядом семьи, я принял бы решение о плене гораздо

раньше“. Не перебивай меня, мне не легко будет снова… Я не облегчила, а отягчила твою участь. Мне надо поправить свою ошибку. Пока я в плену, я тебе не жена, а такая же пленница, рядовой член экипажа. Я не хочу занимать твоего времени больше других, не хочу особого отношения… И Астр тебе отныне не сын, он не обязан значить для тебя больше, чем любой наш товарищ! Ты должен быть полностью свободен в своих решениях!»

Я молчал. Ничего нельзя было изменить, события стали нам неподвластны. И еще я с отчаянием думал о том, что взвалил ношу, непосильную моим плечам.

«Слова, слова! — сказал я потом. — Разве из клеток мозга вытравить душу живую?…И разве от того, что я объявлю тебя такой же, как все, ты уже не будешь для меня особой? И если Астр скажет мне: „Адмирал Эли!“, а не „Отец!“, он перестанет быть моим сыном?»

Но Мери слушала лишь себя.

«Поцелуй меня, Эли! И пусть это будет наш последний поцелуй! Я освобождаю тебя от нас».

Я поцеловал ее. Она минуту обнимала меня, потом оттолкнула.

У меня разошлись нервы, я пошел поговорить

с кем-нибудь, кто поспокойней. Я выглядывал Осиму и Ромеро, но натолкнулся на Андре с Астром. Андре покорно ковылял, куда тянул его под руку Астр.

«Я говорю с ним, а он не понимает, — сказал Астр печально, — Слушает и не понимает».

Мощная сила вдруг отшвырнула меня от Астра. Все вокруг сперва завертелось, потом помутилось. Я падал в мутной бездне, падал долго, падал отвесно, шли годы, бессчетное число лет, а я все падал — так мне казалось. Я состарился и умер за время падения, падал мой высохший труп, он сморщивался, испарял свои атомы, превратился в крохотный комочек — и лишь тогда я возродился. Я находился в том же зале, на том же месте. Вокруг меня были люди, мои друзья. Я видел страшное лицо Ромеро, помертвевшую Мери, полного ужаса Астра. Меня окликали, в смятении простирали ко мне руки, пытались пробиться ко мне.

Но я сейчас был недоступней, чем если бы унесся в другую Галактику. Великий разрушитель водворил меня в силовую клетку.

10

— Эли, что случилось? — кричала Мери. — Эли!

Она отчаянно пробивалась ко мне, другие тоже толкались о неведомый барьер, как будто могли помочь, если бы очутились рядом. Осима, один сохранивший спокойствие, приказал прекратить суетню и вопли. Я отлично видел друзей, еще лучше слышал их — клетка, непроницаемая для тел, хорошо пропускала звуки и свет.

Осиме удалось наконец установить тишину. Он обратился ко мне так, словно испрашивал очередное распоряжение:

— Как чувствуете себя, адмирал? Повреждений нет?

— Все на высшем уровне, — отозвался я. Думаю, мне удалось говорить спокойно. Я попытался усмехнуться. — Меня изолировали от вас. И поскольку я лишен возможности свободного передвижения, хочу передать власть, которой уже не способен нормально пользоваться. Назначаю своим преемником Осиму.

Ромеро вслух размышлял:

— Для чего разыгран этот спектакль, Эли? Вероятно, чтобы публично подвергнуть вас пыткам…

Мысль о пытках была фатальной у Ромеро. Я потребовал, чтобы не меня не обращали внимания, что бы со мной ни совершалось. Камагин молча сжимал кулаки, Мери расплакалась.

Больше всего я боялся, что разрыдается Астр, такое у него было перепуганное лицо, но ему удалось удержаться.

— Подходит время ужина. Ешьте и засыпайте, будто ничего не произошло, — сказал я. — Чем меньше вы станете оборачиваться на меня, тем легче мне и досадней врагам.

Вечером по эскалатору подали еду. В моей клетке ничего не появилось. Я усмехнулся. Фантазия Верховного разрушителя была скудна. Я растянулся на полу, как на постели. Никто больше не обращал на меня внимания, словно меня не было.

Когда половина людей заснула, к клетке подошел Ромеро.

— Итак, вас осудили на голод, дорогой друг. В древности голод причислялся к самым мучительным наказаниям.

— Пустяки. Старинная пытка голодом многократно усиливалась неизбежностью смерти, а мне эта опасность не грозит — я должен возжаждать смерти, но не обрести ее.

Когда Ромеро ушел, я притворился спящим. Мери и Астр еще долго не засыпали, Лусин что-то горестно шептал, ворочаясь на нарах. Мало-помалу мной начал овладевать полусонный бред, перед глазами замелькали светящиеся облака, их становилось все больше, свет разгорался ярче.

Вдруг я услышал чье-то бормотание. Я приподнялся.

По ту сторону прозрачного барьера, прижимаясь к нему щекой, хватая руками, стоял Андре. Лицо его кривилось, что-то лукавое проступало в улыбке безумца, а глаза, днем тусклые, дико горели. Я подошел поближе, но и вблизи не разобрал быстрого бормотания.

— Знаю, — сказал я устало. — У бабушки серенький козлик. Иди спать.

Андре захихикал, до меня донеслись слова:

— Сойди с ума! Сойди с ума!

Мне показалось, что я наконец за что-то ухвачусь в ускользающем мозгу Андре.

— Андре, вглядись в меня, я — Эли! Вглядись в меня, ты приказываешь Эли сойти с ума, Эли, Андре!

Не было похоже, что он услышал меня. Я перевел дешифратор на излучение его мозга, но и там было только повторение совета сойти с ума. Он

не жил двойной жизнью, как иные безумцы, и в тайниках его сознания не таилось ничего, что не выражалось бы внешне.

— Нет, Андре, — сказал я, не так для него, как для себя. — Я не буду сходить с ума, мой бедный друг, у меня иной путь, чем выпал тебе.

Он хихикал, всхлипывал, лицо его кривилось, боль и испуг перемежались с лукавством. Он бормотал все глуше, словно засыпая:

— Сойди с ума! Сойди с ума!

11

Не знаю, как мучились те, кого в древности обрекали на голод. Голодовку превратили в мерзкое зрелище — вот что бесило меня. Я не получал пищи, а у друзей еда не лезла в рот. Я слышал, как Мери кричала на Астра, чтоб он ел, но не видел, чтоб сама она брала еду.

Лишь Ромеро и Осима спокойно ели, и я испытывал к ним нежность, ибо это было им нелегко.

Однажды я с гневом сказал подошедшей Мери:

— Разве мне легче от того, что ты истощаешь себя?

Глаза ее были сухи, но голос дрожал:

— Поверь мне, Эли…

— И слышать не хочу! Неизвестно, что ждет нас

завтра. Истощенная мать — плохая защитница сына, неужели ты не понимаешь?

Она прислонилась головой к прозрачному барьеру, долго вглядывалась в меня, усталая и похудевшая. Ей было наверняка труднее, чем мне.

— Ты не выполняешь свои обещания, Эли…

— Что ты имеешь в виду?

— Ты обещал относиться ко мне и Астру, как ко всем другим.

— Я этого не обещал, Мери. Ты настаивала, но я не обещал. И ты сама нарушаешь собственные обещания, ты ведешь себя иначе, чем другие. Возьми пример с Осимы и Ромеро.

— А ты посмотри на Эдуарда. Он тоже не ест, Эли!

— Не мучайте меня хоть вы! — попросил я и лег, отвернувшись.

Она тихо отошла. Потом я видел, как она ела, Камагин тоже принялся за еду. Я сделал вид, что сплю, и так хорошо притворился, что и вправду заснул.

Вскоре я понял, что спать в часы общего бодрствования — лучший способ поведения. Вначале я делал усилие, чтобы задремать, но потом сон приходил, когда был нужен. Скорее всего это было забытье, а не сон — я выключал сознание на

минуты, на часы, сколько заранее положу себе.

Я слышал, что голодающие воображают себе вкусные яства и распаляются до исступления. Меня не влекли картины пиршеств и обжорства. И муки жажды тоже, по-моему, преувеличены бесчисленными рассказами, сохранившимися в памяти человеческой.

Зато меня посещали иные видения, и они становились все ярче.

Я опять увидел странный зал с куполом и полупрозрачным шаром и бегал вдоль стен зала, а на куполе разворачивались звездные картины, и среди неподвижных светил снова мчались искусственные огни, и я знал, что каждый огонек — корабль нашего флота, штурмующего Персей. Я всматривался в огни крейсеров, вначале их движение было непонятно, потом я понял, что присутствую при картине охоты за темными космическими телами вне теснин Персея: Аллан подтягивал захваченные шатуны к Персею, заканчивая подготовку к их аннигиляции у неевклидова барьера, чтобы в разлете взорванного вещества ворваться внутрь.

— Я еще раз побывал в галактической рубке разрушителей, — так я рассказывал о своем видении Ромеро.

Он печально и испытующе смотрел на меня.

— В древности многие психологи считали сновидения исполнениями желаний, обуревающих людей в реальной жизни. Надо признать, друг мой, что ваши видения хорошо копируют ваши желания.

Боевая рубка приснилась лишь раз, зато Великого разрушителя я видел часто. Он появлялся, окруженный сановниками, среди них был и Орлан, докладывавший собранию, как ведут себя пленные.

Фантазия моя придавала разрушителям такой диковинный облик, они были так бредово фантасмагоричны, что ни до, ни после я не находил похожих среди реальных врагов.

Ромеро пишет в отчете, что я своими видениями иронизировал над врагами и что вообще ирония — характерная форма моего отношения к действительности. Возможно, это и так, но сам Великий разрушитель и Орлан являлись ко мне в привычном нам виде, призрачно копирующем людей. Остальные, правда, были удивительных образцов.

Одни торчали массивными ящиками; другие, вступая в беседы, вдруг распускали пышные кроны взамен голов и становились подобны земным

деревьям; третьи, когда к ним обращался властитель, превращались в жидкость и текли речью, текли в точном смысле слова — мутным, то красноватым, то голубым ручейком, клокочущим, извилисто стремящимся по залу, и все вглядывались в извилины и блеск их пенящейся речи — а потом, закончив слово, они спокойно стекались назад, становились снова телом из потока, и тело, малоприметное, серенькое, скромно стиралось где-нибудь в уголке среди прочих сановников.

И облик сановников Великого разрушителя, и способы их взаимообщения были так невероятны, что мне все чаще приходило в голову — не лишаюсь ли я разума?

12

Переломные события нашего плена отпечатались в моей памяти во всех подробностях. Вечером, перед ужином, я приказал себе уснуть, а когда пробудился, была ночь, пленные спали. Я сел, встать и пройтись по клетке, как делал еще недавно, не было сил.

Не открывая глаз, я вслушивался в сонное всхлипывание, шуршание поворачивающихся тел, храп мужчин, развалившихся на спине, свист носов тех, кто разлегся на боку… Я в последнее

время стал хуже видеть, к тому же в ночные часы самосветящиеся стены тускнели. Зато обострился слух, до меня свободно доходили звуки, каких я в нормальной жизни не мог бы уловить.

И я легко разобрал еще до того, как шаги приблизились, что кто-то подкрадывается ко мне. Так же безошибочно, все не еще открывая глаз, я определил, откуда послышался шум. Я поднялся на ноги и минуту стоял, пересиливая головокружение.

Перед глазами замелькали глумливые огоньки, в изменяющейся их сетке пропала тусклая картина спящего зала. Я терпеливо дожидался, пока погаснет последняя искорка, и, ощупывая воздух руками, чтоб не удариться о прозрачные препятствия, медленно двинулся к ограде. Я делал шаг и останавливался, от каждого шага в глазах вновь вспыхивали искры, нужно было не дать им разгореться до головокружения. Потом я долго всматривался в маленького человечка, напиравшего телом на наружную сторону невидимой ограды.

— Астр, зачем ты пришел? Ты должен держаться, будто меня не существует.

Эту недлинную речь я произносил минут пять.

— Отец! — зашептал он со слезами. — Может,

хоть ночью я смогу передать тебе пищу?

Он тщетно старался просунуть сквозь невидимую стену кусочки еды. Он вбивал их в силовой забор, они падали на пол, он поднимал их, снова пытался просунуть. Плач его становился все громче.

Я смотрел на него, вяло соображая, чего ему еще надо. Мне не хотелось есть, не хотелось разговаривать, я лишь одно понимал — рыдания могут разбудить Мери и она не справится с приступом отчаяния.

— Астр, иди спать! — сказал я. — Даже атомные орудия наших предков не разнесут эти стены, а ты хочешь пробиться сквозь них слабыми кулачками.

На этот раз я говорил связной речью, а не словесными корпускулами. Астр бросил на пол принесенную еду, стал топтать ее ногами и все громче плакал. У него был слишком горячий характер.

— Перестань! — приказал я. — Стыд смотреть на тебя!

— Ненавижу! — простонал он, сжимая кулаки. — Отец, я так ненавижу!

— Иди спать! — повторил я.

Он уходил, через каждые два-три шага обора-

чиваясь, а я смотрел на него и думал о нем. Он был сыном шестнадцатого мирного поколения человечества, даже слово это — ненависть — было вытравлено из словаря людей задолго до его рождения, он тоже его не знал. И он сам, опытом крохотной своей жизни, открыл в себе ненависть, ибо любил.

Наш разговор, как он ни был тих, привлек Андре. Безумец спал мало, и в часы, когда все покоились, неслышно прогуливался по залу, напевая неизменно «Жил-был у бабушки серенький козлик...»

Он подошел к месту, откуда пытался ко мне пробиться Астр, оперся локтями о силовые стенки, лукаво посмеивался истощенным постаревшим лицом, подмаргивал. Сперва я не разобрал его шепота, мне показалось по движению губ, что повторяется все тот же унылый совет сойти с ума, но вскоре я разглядел, что рисунок слов иной, и стал прислушиваться. Фразу «Не надо» — я расслышал отчетливо.

— Ты даешь мне новый совет? — переспросил я, удивленный. — Я правильно тебя понял, Андре?

Он забормотал еще торопливей и невнятней, лицо его задергалось — все эти выражения так быстро сменяли одно другое, что я опять ничего

не понял.

— Уйди или говори ясно, я очень устал, Андре.

На этот раз я расслышал фразу:

— Ты сходишь с ума! Ты сходишь с ума!

— Радуйся: я схожу с ума! — сказал я горько. — Все, как ты советовал, Андре. Я искал другого пути, кроме безумия, и не нашел его. Что же ты не радуешься?

— Не надо! Не надо!

Только теперь, когда он повторил эту фразу, я понял, к чему она относилась. У меня снова закружилась голова. Я привалился к стенке, простоял так несколько минут, опоминаясь. Когда я очнулся, Андре уже не было. В полумраке сонного зала я увидел торопливо удаляющуюся согбенную фигурку.

Сил добраться на тряпичных ногах до середины клетки не хватило, я опустился на пол, где стоял, и вскоре забылся, а еще через какое-то время повторилось видение и раньше посещавшее меня — штурмующие Персей корабли Аллана.

На этот раз я не увидел зала с подвешенным посредине полупрозрачным шаром, кругом просто была звездная сфера.

Я несся меж звезд, превращенный сам в подобие космического тела.

Вместе с тем я и в бреду сознавал, что я не космическое тело, а человек, и не лечу в космосе, а покоюсь где-то, а вокруг не реальные светила, а их изображения на экране, и бешеный мой полет — не реальное движение, а лишь поворот телескопического анализатора: я не мчался, рассекая проходы меж светилами, а прибором отыскивал эскадры Аллана.

И когда засверкали галактические крейсеры, я жадно, повторяя вслух цифры едва шевелящимися губами, считал их. Две светящиеся кучки, две растянувшиеся струи огней по сто искр (каждая искра была хорошо мне знакомой сверхсветовой крепостью) неслись клином — острие нацеливалось на Оранжевую, тусклую, постепенно гаснувшую; я уже хорошо знал, что означает ее зловещее исчезновение.

«Пробьются или не пробьются?» — думал я, трясясь слабой дрожью, у меня не хватало сил и на это, лишь мысли пока не теряли ясности. «Пробьются или нет?» — думал я, выглядывая темные тела в густо пылающей массе огней: тел было не меньше десятка. Они неслись, покорные могучим механизмам кораблей, каждое в миллионы раз превосходило звездолет по объему и массе, а самое массивное составляло острие

клина — вытянутая шея желтовато-белых огней кончалась черным клювом.

— Сейчас клюнет! — шептал я, меня все мучительней била дрожь, я плотнее прикрывал глаза, чтобы отчетливее узреть надвигающееся.

А затем я увидел забушевавшее горнило и массы галактических кораблей, ринувшихся в фокус взрыва. В мозгу путались звезды и корабли, звезды ошалело неслись в стороны, расшвырнутые взрывом пространства, а корабли пожирали новосотворенный простор пастями аннигиляторов и рвались вперед, на исчезнувшую Оранжевую — к нам на помощь…

Потом я стал уноситься вверх. Я лежал на боку, скрючившись, меня по-прежнему била слабая дрожь, жизнь еле теплилась во мне, а в чадном бреду тело мое, могучее, как галактический корабль, вольно вынеслось в простор. Я не знал, куда меня уносит, ликующее ощущение заполнило меня всего — свобода!

Я упал на пол в знакомом зале, на троне восседал властитель, обширное помещение заполняли странные лики и фигуры — образины, а не образы, я много раз уже наблюдал их в своем бреду…

Я попал на совещание у Великого разрушителя.

13

Я знал, что увидеть меня нельзя, но отполз в угол, откуда открывался хороший обзор собрания. Властитель чего-то ждал, и все молчали. «Плохи у них дела, если они так подавлены», — злорадно подумал я.

Сановники внезапно зашевелились. Один, темная уродливая тумба, пышно разбросил крону, он походил теперь не то на орех, не то на платан, и все рос, ветви ползли вверх и на середину зала, листья наливались фиолетовым сияньем. Разрастается речью, подумал я огорченно; по опыту прежних сновидений я знал, что не пойму их языка: они могли речами разражаться, разряжаться, взрываться, растекаться, разрастаться, вызваниваться — смысл оставался неведом.

Но едва он раскинулся словом, как я с удивлением сообразил, что отлично разбираюсь: он информировал собрание, что лишь неполадками на Третьей планете можно объяснить опасное вклинивание человеческого флота во внешние обводы неевклидовой улитки.

— Вторая и Четвертая планеты приняли на себя гравитационное напряжение Третьей, — шелестел платаноподобный сановник. — Флоту

врага не проникнуть в нашу звездную ограду, Великий…

Владыка раздраженно сверкал прожекторами глаз. Пышная крона оратора стала морщиться и опадать, он превращался из дерева в прежнюю тумбу. Голос Великого разрушителя гулко гремел, он да Орлан одни разговаривали голосом.

— Удалось ли отбросить врага на исходные позиции?

Ему ответил льстивой извилистой речью один из тех, что превращались в ручьи, и я опять хорошо разобрался в его журчащей и пенящейся информации:

— Сделано много, очень много, о Великий, флотилии врага не проникнуть внутрь, им не удалось проникнуть, нет, не удалось, их выпирает назад крепчающая неевклидовость, их выпирает…

— Они выброшены за пределы скопления?

— Нет, пока нет, не выброшены, нет, — завертелся говорливый ручей, — но их оттесняют, их оттесняют, их оттесняют…

Великий разрушитель махнул рукой, и ручей мгновенно иссяк.

— Они аннигилировали одну планету, а тащат с собой больше десяти. Что произойдет, если они повторят аннигиляции?

Теперь разлетелся один из «взрывников». Его пылающие осколки еще летели над вельможами и властителем, а я уже знал, какие сведения передавал фейерверк.

— Каждая аннигиляция — прорыв около одной десятой неевклидовых препятствий. Если враги захваченное космическое вещество полностью превратят в пустоту, им удастся проникнуть в скопление.

— Что останется нам тогда?

В ответ зазмеился новый сановник. Он так переламывался, извивался, скручивался, что страшно было глядеть. Переданная его пляской информация была малоутешительна для разрушителей:

— Последний шанс тогда, последний шанс — сражение, флот против флота, флот против флота, собрать все корабли, все корабли отовсюду, и ударить, ударить, задушить, распасться, распасться!..

— Сам распадайся! — рявкнул властитель.

Оратор не распался, а опал и быстренько уполз на старое место. Владыка продолжал свой громогласный допрос:

— А если не сумеем нанести врагам поражение в бою, каковы прогнозы на этот случай?

Очередной оратор, вспыхнув столбом пламени,

так бешено завертелся у трона, что я чуть не ослеп от буйного огневорота информации.

Этот стратег предлагал бежать на защищенные планеты и «закольцеваться» на них.

— Иначе говоря, покинуть межзвездные просторы, которыми мы владеем безраздельно столько поколений, — сумрачно выговорил властитель. — Перейти на положение галактов, заблокированных в своих звездных логовах? Обороняться без шансов на победу? И все согласны с этим ужасным проектом? Неужели нет другого решения?

Оказалось, что все, наоборот, не согласны с огненным пораженцем. Ораторы разрастались, рассыпались, растекались протестами, взрывались и змеились несогласиями, пылали опровержениями, разряжались молниями критики. Для всех было ясно, что бегство на укрепленные планеты лишь начало конца.

На меня особое впечатление произвело туманное слово одного из военачальников, туманное не потому, что мысль, заключенная в нем, была неясна, нет, высказывался он четко, но избрал для передачи своих предложений еще не примененный никем из соседей способ: заклубился синеватым облачком и стал оседать на присут-

ствующих.

— Наши противники и не будут атаковать защищенные планеты, — зловеще моросила холодная информация туманного стратега. — Они не станут подвергать опасности свои корабли, не надейтесь на это. Враги соединятся с разблокированными галактами, выпросят ужасные биологические орудия и расстреляют нас. Не забывайте, что переавтоматизация наших организмов на более надежную механическую основу не завершена!

Властитель задумался.

— Верно, все верно! — прогремел он. — Прогрессивный процесс примитивизации только начат. Философски мы давно определили свою историческую миссию как превращение организмов в механизмы. Я недавно подробно об этом рассказывал в споре с тем упрямым дурачком, которого мы захватили в плен. Но практически — успели в этом недостаточно. И если биологические орудия галактов появятся у наших планет, спасения не будет. Соединения людей с галактами допустить нельзя. Я хотел бы узнать, что на Третьей планете? Передачу информации разрешаю только для новостей.

Выступил новый оратор, я понял, почему

властитель поставил ему ограничения. В зале поплыло зловоние.

Оратор — существо, похожее на головоглаза, но без его сверкающего перископа — окутался желтым дымом, и я, задохнувшись, схватился за нос, и если не зажал его полностью, то лишь потому, что не хотел упускать интересной информации. Оратор просмердел, что новый Надсмотрщик Третьей планеты вступил в командование Управляющим Мозгом, неполадки незначительны, хотя в сложившейся острой ситуации едва не вызвали катастрофических последствий. Ныне их исправили, и Третья планета, мощнейшее сооружение в Персее, снова в строю.

— И если в первой фазе прорыва Третья планета ослабила противодействие, — дышала на меня нестерпимой вонью речь оратора, — то сейчас ей удалось энергично ввести в свои неевклидовы захваты новосозданные объемы пустоты. Помощь Второй и Четвертой планет значительна, но исход схватки решила Третья, я на этом настаиваю и, если будет дозволено…

— Хватит! — загрохотал властитель. — Твои речи излишне многословны. Пусть Орлан доложит, как чувствуют себя пленники и что с ними делать.

Чего-либо важного в речи Орлана я не услышал. Пленники подавлены испытаниями, выпавшими на долю адмирала, сам адмирал бодрится, хотя ослабел и уже не может передвигаться. Ничего другого, кроме того, что он восхищен такой жизнью, от него не добиться.

— Как поступить с пленниками, зависит от того, что собираемся делать мы сами, — сказал Орлан.

— Эвакуироваться! — прогремел властитель. — Никелевая планета в опасной близости от района штурма. Мы перебазируемся на Марганцевую или на Натриевую. Пленников прихватим с собой.

— Ни на Марганцевой, ни на Натриевой не удастся обеспечить их существование, Великий. Люди — биологически слабые объекты, у них трагически узок спектр жизненных условий.

— Это их дело — узок он или широк! Пусть знают, что с такими биологическими структурами не завоевать господство во Вселенной! Погрузить людей и всех, кто с ними, в захваченный звездолет и завтра же отправить на Марганцевую.

— Будет исполнено, Великий! Что до адмирала… Ты гарантировал ему жизнь, Великий?

— Я гарантировал лишь то, что не покушусь

на его жизнь. А если этот чванливый неудачник подохнет собственным усердием, не опечалюсь. Еще меньше буду страдать от гибели его друзей. Из всех звездных народов, которые мы покоряли, люди самые отвратительные — неудачное телосложение, отсталая философия, аристократического примитива ни на грош. Правда, мы их еще не покорили, но, когда это случится, пусть пеняют на себя!

Я расхохотался. Я катался по полу и задыхался от смеха. Я уже не боялся, что мое присутствие откроют враги, мне было плевать на их месть, часы их сочтены, они сами это понимают.

И вдруг бред оборвался, я услышал словно со стороны то, что представлялось мне торжествующим хохотом, — слабое всхлипывание, жалкое бормотание. Я лежал у невидимой стены, ослабевший так, что уже не мог пошевелить рукой. И, вероятно, самым тяжким физическим усилием всей моей жизни было то, какое понадобилось, чтобы приподнять голову.

С другой стороны барьера на меня смотрел Ромеро. Он сказал с надеждой в голосе:

— Мне кажется, дорогой друг, вам привиделось новое сновидение?

Он так впивался в меня глазами, такая внут-

ренняя страсть слышалась в его вопросе, что это подействовало на меня лучше лекарства. С каждым его словом ко мне возвращалось сознание.

14

Я поднялся на ноги.

— Замечательный сон! — прошептал я. — Вы посмеетесь, Павел.

К Ромеро присоединились Камагин и Лусин, за ними подошли Осима и Петри. Они слушали, но не смеялись. А я все не мог удержаться от смеха — при озаренных по-дневному стенах фантастические фигуры и лики ораторов, нелепый язык их речей казались еще забавней.

— Интересный сон! — сказал неопределенно Петри.

Осима молча пожал плечами, а Камагин воскликнул:

— Видения фантастичны, а действительность чудовищна! К сожалению, единственный отпор, который мы можем оказать этим мерзким существам, — поиздеваться над ними хоть в воображении.

— Очень уж сложны эти сны, чтоб быть только снами, — с сомнением проговорил Ромеро.

Как и все люди его эпохи, Камагин был после-

довательным рационалистом. Ромеро искал в суевериях зерно истины, Камагин начисто ее отвергал. Нас с Камагиным разделяло пятьсот лет человеческого развития, но во многом он был мне ближе Ромеро.

— Уж не хотите ли вы сказать, что какой-то неведомый друг снабжает адмирала секретной информацией, зашифровав ее в образы сна?

Ромеро сдержанно возразил:

— Я хочу сказать, что нисколько не был бы удивлен, если бы это было так. Во всяком случае, я запомнил и галактическую рубку, которую дважды посетил адмирал, и то, что Аллан штурмует Персей, вбивая между его светилами таран аннигилируемых планет, и то, что на Третьей планете, мощнейшей крепости разрушителей, неполадки, и, наконец, то, что наши друзья галакты обладают какими-то биологическими орудиями, приводящими в ужас разрушителей. Согласитесь, что ни о чем подобном мы не слыхали до того, как Эли стали посещать его сны. Сновидения, стало быть, несут в себе принципиально новую информацию. Иной вопрос — правдива ли информация.

Маленький космонавт вспылил:

— Бредовые видения голодающего — вот что это такое! — Он с раскаянием повернулся ко

мне. — Адмирал, я не хотел вас оскорбить.

Я через силу улыбнулся.

— Разве я не голодающий? И что все это бред — не отрицаю.

Ромеро холодно проговорил:

— Я выдвигаю такое утверждение: если хоть один из фактов, открытых нам в сновидениях адмирала, окажется реальным, то и все остальные также будут правдивы. Согласны?

— Согласен! — Камагин насмешливо добавил: — Вы забыли, Ромеро, одно известие, также ставшее нам известным из сновидений адмирала. Оно допускает непосредственную проверку: нас сегодня собираются эвакуировать на какую-то Марганцевую планету! Сегодня, Павел! И если день пройдет и эвакуации не будет…

Камагин еще не закончил, как Ромеро поднял трость.

— Принимается. Итак — сегодня!

— Стены посветлели, — сказал я со вздохом. — Сейчас появится наш мерзкий тюремщик и поинтересуется, не возжаждал ли я смерти.

Орлан появился, словно вызванный.

— Адмирал Эли, первое испытание закончено, — сказал он бесстрастно. — Тебе дадут поесть. После еды вы все должны собраться. Пленных эва-

куируют с Никелевой планеты на Марганцевую.

Ромеро выронил трость, Осима, всегда сдержанный, вскрикнул. Камагин распахнутыми, полубезумными глазами смотрел на меня.

Орлан исчез так же внезапно, как и появился.

Часть третья
МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ АВТОМАТ НА ТРЕТЬЕЙ ПЛАНЕТЕ

И на что мне язык, умевший слова
Ощущать, как плодовый сок?
И на что мне глаза, которым дано
Удивляться каждой звезде?
И на что мне божественный слух совы,
Различающий крови звон?
И на что мне сердце, стучащее в такт
Шагам и стихам моим?!
Лишь поет нищета у моих дверей,
Лишь в печурке юлит огонь,
Лишь иссякла свеча — и луна плывет
В замерзающем стекле…

Э. Багрицкий

1

Эвакуация походила на бегство.

В зал хлынули головоглазы. Нам не дали ни обсудить приказа, ни просто перекинуться соображениями. Человеческим языком головоглазы не владели, но зрение у них было зорче нашего, а

гравитационные оплеухи впечатляли красноречивей слов. Вновь появился Орлан, и мы впервые услышали его истошный крик, раздававшийся потом так часто, что он и поныне звучит в моих ушах:

— Скорей! Скорей! Скорей!

Я многого не помню в начальных минутах эвакуации, я потерял сознание до того, как исчезла силовая клетка. Пришел я в себя на нарах, рядом сидела Мери, сжимая мои руки в своих руках, рядом стояли молчаливые друзья. Я услышал ее счастливый голос:

— Очнулся! Он живой!

Я хотел сказать, что неживым я быть не могу, раз мне гарантирована жизнь, но не хватало сил на шепот. Зато я постарался глазами передать, что чувствую себя превосходно. Мери расплакалась, уткнувшись головой мне в грудь.

— Великолепно, адмирал, — бодро объявил Осима. — Пока вы лежали без сознания, вас покормили.

— И ели вы с аппетитом, — добавил Ромеро, улыбаясь. — Но потом вдруг окаменели, и мы порядком перепугались.

— На какой корабль нас грузят? — спросил я, понемногу овладевая голосом.

— На «Волопас», — Осима иронически усмехнулся. — Побаиваются вселенские завоеватели показывать нам свои корабли.

С помощью Ромеро и Мери я приподнялся. В зал на Громовержце вполз Лусин. Мы с Мери и Петри примостились за спиной Лусина. На других драконах разместились друзья. Крылатый ящер быстро пополз по коридору, но в распределительном зале его затерли в угол пегасы. Летающие лошади с визгом и ржанием топотали в туннеле, стремясь поскорее вырваться на воздух. На одном из пегасов промчался Астр, он радостно помахал рукой.

— Не забудь: номер восьмой! — крикнула ему Мери.

— Неплохо ездит, — заметил Петри. Словечко «неплохо» у этого флегматичного человека было высшей формулой одобрения.

Мне тоже показалось, что Астр как влитой сидит на пегасе, он лихо пригибался к шее коня, ловко поджимал ноги, чтоб не мешать работе крыльев, сам я так не сумел бы. Даже Лусин признавал, что езда на пегасах — дело посложней, чем на старых бескрылых лошадях.

Громовержец, выбравшись наружу, взмыл вверх.

Мы опять увидели в зените крохотное белое солнце, неприветливое, бессильное светило, не способное ни утеплить планету, ни затмить лихорадочное сверкание звезд. Внизу простиралась мертвенно зеленая планета — никелевые поля, никелевые леса, озера и реки никелевых растворов. И везде, куда хватал глаз, громоздились шары звездолетов, огромные, угрюмые — горы рядом с холмиком «Волопаса», приткнувшегося в центре образованной ими долинки.

Громовержец не успел завершить витка над «Волопасом», как попал в гравитационный конус. Дракона так быстро швырнуло вниз, что Лусин закряхтел, Мери застонала, а у меня замерло сердце.

Еще быстрее нас засосало в недра «Волопаса» и здесь, на причальной площадке, веером поразбросало — дракона в одну сторону, Мери с Лусиным в другую, а меня с Петри в третью.

— Берегитесь! — закричал Петри, увлекая меня с площадки. На нее валились другие драконы, засосанные гравитационной трубой.

Я не сумел быстро отскочить, и на меня упал Ромеро, а на Ромеро — Камагин. К счастью, ни один из гигантских ящеров не свалился на нас — все счеты с нами были бы тогда покончены сразу.

— Дома! — сформулировал Осима наше общее чувство.

Мы шли вдоль знакомых зданий, еще недавно наших квартир;во Вселенной, вероятно, не было уголка более близкого нам, чем этот. И разрушители ничего не тронули в комнатах, то один, то другой из пленников выбегал на улицу и радостно сообщал, что все сохранено, как было до высадки на зеленую планету.

— Загляни, как у нас, — попросил я Мери у дверей в нашу квартиру. — А я пойду в обсервационный зал. Не беспокойся, мне хорошо.

Я не сделал и двух шагов, как мимо пробежал Астр со склянкой в руке. Я окликнул его, он не отозвался.

— Куда он умчался? — спросил я Мери. — В такое время разгуливать по звездолету небезопасно!

Она лукаво улыбнулась.

— Ничего с ним не будет. Подождем здесь его возвращения.

Астр возвратился минут через пять. Он сиял.

— Все исполнено, мама! — кричал он издали. — Я выплеснул склянку. Планета заражена.

Я ничего не понимал.

— Заражена? Может, все-таки объяснишь, Ме-

ри, что происходит?

Оказалось, Астр распылил на планете заряд жизнедеятельных бактерий, питающихся никелем и его солями. Планета теперь заражена жизнью. Процесс в начале будет совершаться незаметно, потом убыстрится, пока эпидемия жизни не забушует на поверхности и в никелевых недрах. И тогда оборвать жадное разрастание жизни будет возможно, лишь полностью уничтожив планету.

— Я теперь жизнетворец, отец! — с гордостью сказал Астр.

2

Порой казалось, что тюремщики отсутствуют, — так свободно было ходить по городу и парку. Зато чуть мы приближались к служебным помещениям, как невесть откуда появлялся сторожевой головоглаз.

В обсервационном зале и днем и ночью было полно наших.

Я часто ломал голову над тем, для чего разрушители пускают нас сюда, раскрывая тем самым тайны укрепления Персея. Петри считал, что раскрытие этих тайн входит в план покорения людей.

— Демонстрируют могущество. Расчет такой — устрашимся и запросим мира на их условиях…

Вокруг нас исчезала Вселенная.

Три четверти звезд скопления пропали, остальные тускнели на глазах. О внешних светилах, величественном нагромождении ядра Галактики, и говорить не приходилось: там, где недавно неясно, небесной пудрой, светились бесчисленные миры, не было ровным счетом ничего — черная пустота, и только.

— Забавное происшествие! — сказал Осима.

Энергичный капитан, похоже, уже прикидывал, какую выгоду можно извлечь из непонятного происшествия.

Оранжевая не светилась, а пылала, жгуче-яркая, резкая, как вспышка — непрерывно длящаяся вспышка! Мы неслись в ее сторону, это было очевидно.

— Вам ничего не напоминает это зрелище, Осима? — спросил я, усмехаясь.

— Конечно, адмирал! Точно так же нас сносило и на Угрожающую.

— Скоро не будет ни одной звезды, — задумчиво проговорил Ромеро. — Интересный мир! Вам не снилось чего-либо похожего, Эли?

Звезды продолжали тускнеть, а после них

стали исчезать звездолеты. Снаружи бушевала удивительнейшая из бурь (еще недавно мы и вообразить не могли, что она возможна) — буря неевклидовости.

Стройную полусферу задних зеленых огней размыло, звездолет катился на звездолет, их сметало в кучу, выносило за пределы экрана, словно горстку сухих листьев. Они уже не подталкивали безжизненное тело «Волопаса», их самих мощно вышвыривало наружу по кривым неевклидовым дорогам.

В эти последние перед исчезновением минуты сияние задних звездолетов усилилось так, будто их охватило внутренним огнем. Вероятно, все их энергетические ресурсы работали на сопротивление утаскивающей силе, а лихорадочное свечение было лишь попутным проявлением этой борьбы. Не успели мы присмотреться к схватке, разыгравшейся на задней полусфере, как последний зеленый огонек укатился — позади не было больше ни пространства, ни тел в пространстве.

На передней полусфере продолжали сверкать огни эскадры. Пространство вокруг Оранжевой захлопывалось, а эти восемь огоньков светили столь же пронзительно, расстояние между ними

не менялось. Если Оранжевая засасывала нас, то их она засасывала вместе с нами.

— Адмирала Эли в командирский зал! — разнесся по звездолету резкий голос Орлана. — Немедленно в командирский зал!

Я колебался, Ромеро подтолкнул меня.

— Идите. Видимо, происшествие такое чрезвычайное, что понадобилась ваша помощь. И если вы откажетесь, вас доставят силой.

Командирский зал был освещен. Возле кресел стоял Орлан со своими охранниками. Он так высоко вытянул шею, что она, не сдержав тяжелой головы, перегнулась, как змеиная. Я ответил сдержанным поклоном.

— Надо запустить ходовые механизмы звездолета, адмирал! — распорядился Орлан, прихлопывая голову к плечам. — Речь идет о жизни твоей и твоих друзей.

— И, вероятно, о ваших жизнях тоже, — добавил я насмешливо. — Я уже докладывал тебе: управляющая машина вышла из строя. И я не разбираюсь в таких сложных агрегатах.

— Кто из экипажа разбирается?

— Никто. Управляющие машины ремонтируют только на базах.

Орлан засветился всем лицом. Красный цвет

у разрушителей, как и у людей, признак гнева. Гневаются они не больше нашего, но освещаются сильнее.

— Адмирал Эли, у вас, несомненно, имеются приспособления для ручного управления?

— Да. Для посадки, для движения в Эйнштейновом пространстве, но не для сверхсветовых рекордов, которые сейчас требуются. Может, скажешь, что произошло? Это облегчит решение — помочь или не помочь вам?

У Орлана был сосредоточенный вид, словно он прислушивался к чему-то. И у них, похоже, молчаливые передачи, подумал я.

— Я скажу, — заговорил он. — Механизмы метрики на звезде, мимо которой мы пролетали, разладились. Курс нарушен, корабли разбрасывает. Нас закрывает в пространственной улитке, а другие звездолеты выносит за ее пределы.

— Я бы хотел разъяснений подробней.

Он несколько секунд колебался.

— Великий запретил выпускать «Волопас» из поля зрения. В момент, когда мы начнем исчезать, звездолеты нас атакуют. Если хоть один ударит из гравитационных орудий, «Волопасу» придет конец. Нужно удержаться около кораблей. Оживи механизмы, адмирал!

Свирепое злорадство опалило меня.

— Вот как, оживить механизмы, Орлан? Купить свою жизнь ценой передачи вам важнейших секретов? Не слишком ли дорогая цена? Слушай и запоминай: мы погибнем, но и вы все погибнете…

— Поздно! — страшно крикнул Орлан. — Нас обстреливают!

Оранжевая зловеще лила красноватый свет на погасшем небе, а кроме нее было три зеленые точки, три закатывающиеся в иной мир звездолета. Я уже знал, что такое гравитационный обстрел, и невольно зажмурил глаза, когда три исчезающие точки в последний раз вспыхнули. Я вспомнил, как закричал в сражении возле Угрожающей, и до боли прикусил губу. Кругом были враги, ни один, даже перед собственной смертью, не услышит моего предсмертного вопля. «Слышишь, ты! — с бешенством подумал я. — Ты не проронишь ни звука! Ни звука ты не проронишь!»

— Нет! — выкрикнул задыхающийся Орлан. — Нет!

Я раскрыл глаза. На черном небе сияла одна Оранжевая. Звездолеты вынесло из нашего пространства, ухнули в иной мир и выпущенные ими разрушительные волны.

Я не знал, что нас ждет дальше, но растерянность Орлана была очевидна. Мне захотелось поиздеваться над ним.

— Обошлось без раскрытия секретов! Не кажется ли тебе, что на нашей стороне сражаются силы, помогущественней ваших кораблей?

Моя насмешка привела его в себя. Он надменно втянул голову в плечи.

— На вашей стороне, человек? — Он ткнул рукой в Оранжевую. — Если бы ты знал, куда нас несет, ты предпочел бы гибель под гравитационным обстрелом. В Империи Великого разрушителя нет места грозней, чем Третья планета.

— Третья планета? — вскричал я. У меня заметалось сердце. — Третья планета, Орлан?

Он отвернулся. Невидимые гибкие руки схватили меня за плечи, повернули, подтолкнули к выходу. Взбешенный, я попытался вырваться. Но сейчас у меня не было индивидуального поля, которым я некогда сразил напавшего невидимку. В коридоре я погрозил кулаком Орлану, схоронившемуся в командирском зале.

— Третья планета! — повторил я, ликуя и тревожась. — Третья планета!

3

На полусферах экрана золотело небо.

Я сказал «небо» и почувствовал, до чего это слово мало соответствовало тому, что разворачивалось пред нами. Небо — нечто над головой, пространство со звездами, планетами, спутниками. Здесь небо было над головой и под ногами, оно казалось пологом, светло-золотым, пустым — одна исполинская Оранжевая и кружащаяся вокруг Оранжевой одинокая планета.

— Время поднимать восстание, — заявил Камагин, когда стало ясно, что «Волопас» идет к планете.

— Никаких восстаний! — возразил Осима. — Без древней романтики, Эдуард!

Камагин носился с мыслью о захвате корабля с момента, как исчезли вражеские крейсеры. Он доказывал — мысленно, конечно, — что конвой перебить легко. На планете мы, вне сомнения, найдем друзей. Все в этом отчаянно смелом плане мне не нравилось. Я не был уверен, что мы, практически безоружные, одолеем охрану, последнее столкновение с невидимкой показывало, что врагов больше, чем представляется глазу. И я не знал, что делать с бездействующим кораблем: он

был теперь не больше чем крохотным небесным телом, плетущимся в пространстве по воле неведомых сил. И мы понятия не имели, что нас ждет на Третьей планете: предупреждение Орлана прозвучало грозно.

— Но разве вы не услышали во сне, что на Третьей планете какие-то неполадки? — спросил Камагин. — И разве до сих пор эти неполадки не шли нам на пользу? Разве механизмы планеты не погасили гравитационный залп по «Волопасу»?

— Я узнал во сне также и то, что новый Надсмотрщик навел на планете порядок, — возразил я. — Пока я командую, Эдуард, восстаний не будет. Выражаясь термином вашего времени, мы играем слишком крупную игру, чтоб азартно рисковать.

Перед посадкой звездолета на планету состоялся новый разговор с Орланом. Он появился в парке, где я прогуливался с Астром.

— Адмирал Эли, корабль причаливает в неудачном месте. Тяготение на планете зависит от широты, мы высаживаемся в зоне большой гравитации. Нужно поскорее переместиться к Станции Мировой Метрики, там легче. На планете нет средств передвижения, ее запрещают посещать. Со Станцией нам не удалось связаться.

Ты должен позаботиться, чтоб пленники двигались с максимальной быстротой.

— Как атмосфера и температура на планете? Нужно ли облачиться в скафандры? Как с водой и пищей?

— Скафандры оставите на корабле. Атмосфера и температура — приемлемые. Воду и пищу возьмете с собой. Еще вопросы?

— Последний. Ты так сейчас говорил, Орлан, словно заботишься о нашем благополучии. Вместе с тем ты — враг, жаждущий нашего уничтожения. Как совместить эти противоречия?

— Противоречий нет. Мне не дали приказа жаждать вашего уничтожения. Я эвакуирую вас на Маргацевую планету. Если что-нибудь помешает этому, я должен вас всех уничтожить, но на волю не выпускать.

Я с тяжелым чувством смотрел, как Орлан уносился широкими скачками. Вокруг нас плелась невидимая паутина, мы как мухи бились в ее тенетах.

Астр сказал сердито:

— Ты разговариваешь с этой образиной, как с человеком. Я бы плюнул на него, а не улыбался ему, как ты.

Я обнял малыша. Он рос вдали от своего есте-

ственного окружения и многие понятия, усваиваемые другими с детства, должен был завоевывать, а не принимать разжеванными.

— Знаешь, в чем главная сила людей? В технической мощи? В уровне материального благополучия? Нет, сынок, этим не покорить других. Завоевательная сила людей в том, что они даже к нечеловекам относятся по-человечески.

В нем шла борьба. Он хотел мне верить, но его маленький личный опыт вступал в противоречие с огромным опытом человечества, втиснутым в краткую формулу: «по-человечески».

— Ты сказал — покорить других, завоевательная сила… Разве люди — завоеватели и покорители? Такие слова я слышал лишь о зловредах.

Я засмеялся:

— Люди и покорители, и завоеватели, но в ином смысле, чем наши противники. Мы покоряем души, завоевываем сердца — такова миссия человечества во Вселенной.

4

Это была металлическая планета, голая металлическая пустыня, нигде не камуфлированная псевдорастениями и псевдореками, как на Никелевой. И в ее атмосфере не плавали псевдотучи,

на ее блестящую поверхность — где сплав золота со свинцом, где просто чистое золото и чистый свинец — никогда не проливались не то что вода, но даже жидкие растворы солей. А над нестерпимо сверкающей золотом и свинцом равниной раскидывалось нестерпимо сияющее золотое небо, и в небе пылала красно-золотая звезда, раз в пять меньше — по видимому диаметру — нашего Солнца, столь же яркая, совсем не по-солнечному жестокая.

Я упал, спускаясь по трапу. Сила, многократно превышающая мое сопротивление, потащила меня, как крюком. На меня свалился Петри, на Петри — Осима. Я попытался приподняться и не сумел. Петри помог мне встать. К нам подобрался Ромеро. Он всегда был бледнее любого из нас, но сейчас природная бледность превратилась в синеву.

— Тройная перегрузка, — прохрипел он, силясь улыбнуться, даже это было здесь трудно. — Боюсь, друг мой, предстоят непосильные испытания.

Я поспешно снял с Астра рюкзак. В нем были склянки с жизнетворными бактериями, питающимися золотом и свинцом.

— Мужайся, сынок! — сказал я. — Бери пример с Эдуарда. Здесь страшная тяжесть, а наш космо-

навт ходит, как в корабельном парке.

— Я постараюсь, отец. — Голос не слушался Астра, из глаз не исчезал испуг, но жаловаться он не стал.

Камагин, поддерживая Астра за плечи, увел его от трапа. Астр почти догнал в росте маленького космонавта, но силы их были неравны, сам он этого не понимал, но я знал.

— Какой ужас, Эли! — прошептала Мери.

У нее побелели глаза, не одни белки, но и радужная оболочка. Я и не подозревал раньше, что черные глаза могут белеть.

— Успокойся! Труднее всего первые минуты, а их Астр вынес. Понемногу привыкнем к тяжести.

— Я боюсь за тебя. После такой голодовки!..

У меня путались мысли, тяжело шумело в ушах.

Когда сошел последний человек, корабельные автоматы стали выгружать авиетки, припасы и какие-то длинные ящики с имуществом разрушителей. Ни одна авиетка не сумела взлететь. Форсируя мощности гравитаторов, они лишь ползли. Ящики разрушителей передвигались сами — низко летели на гравитационных подушках, как на катках.

— Наденьте защитные очки, друзья! — посоветовал Петри.

В защитных очках не так слепило от скал планеты и свирепой звезды, накалявшей ее. И нестерпимый золотой блеск неба смягчался, хотя и не становился приятным. Больше всего меня угнетало небо — яростно золотое, однотонное, непроницаемо сияющее.

Ко мне подошел Осима.

— Какие будут приказы, адмирал?

— Приказы отдает Орлан, разве вы не знаете, Осима? — сказал я с горечью. — Какой я адмирал! Не хочу больше слушать этого обращения! Не хочу!

Мери сжала мой локоть.

— Возьми себя в руки, Эли!

Ответ Ромеро на мой выкрик прозвучал суровей.

— Не ожидал такого малодушия, мой друг. Мы свободно выбрали вас в руководители — и вы останетесь руководителем, куда нас ни бросит судьба. Итак, какие будут приказы, адмирал? Какие призывы?

У меня путались мысли, тяжело шумело в ушах. И хоть я уже не падал, ноги и руки были тяжелы для меня, голова камнем давила на плечи. Я все-

гда радовался своему телу, оно было — я, здесь оно превратилось в нечто внешнее, стало мне непомерно тяжело.

От меня ожидали приказа быть бодрыми, я не мог отдать такого приказа: во мне самом не было бодрости. Я обвел глазами товарищей. Камагин один не смотрел в мою сторону, остальные подбадривали меня взглядами. Камагин, несомненно, и сейчас был убежден, что все пошло бы по-иному, если бы мы подняли бунт и перебили охрану.

Труб с шумом взлетел опять и опустился возле меня.

— Трудновато, Эли. Ничего, не погибнем.

Лусин помогал идти Андре. Астр пошел к ним, с трудом отрывая ноги от грунта, он пошатывался, но уже не падал.

— Хорошо, я обяжу вас приказом и обращусь к вам с призывом — и все в одном предложении, — сказал я. — Предложение такое: пусть каждый выполнит и вынесет то, что выполню и вынесу я сам.

К нам неуклюже подпорхнул Орлан с телохранителями.

— Кто пойдет первым в колонне?

— Я пойду первым, — сказал я.

Мы двинулись в непонятную дорогу — цепочка головоглазов, окружившая кольцом колонну, Орлан с телохранителями внутри цепочки, за ними я, за мной другие пленники. Крылатые ящеры и авиетки с грузами завершали шествие. Орлан временами оборачивался, нетерпеливый крик «Скорей! Скорей!» подхлестывал нас, как плетью.

С тех пор прошло много лет, но крик этот — «Скорей!» — доносится ко мне не стертым голосом воспоминания, он возникает живой, властный, грубый, и я опять, как в те дни бесконечного пути к Станции, испытываю ярость и отчаяние. Тысячи новых событий и чувств нарождаются ежесекундно — старые живут вечно!

— Скорей! — кричал Орлан, увеличивая размах прыжков.

Мы опять шли, обессиленные, по черной холодной планете, под черным холодным небом, освещенные, как раздуваемыми ветром факелами, неровным светом перископов, и нас подгонял яростный, как удар бича, окрик: «Скорей!»

5

Ночь длилась бесконечно, и какую-то часть ночи мы спали, а остальное время двигались,

озаряемые призрачным сиянием перископов.

Утро застало нас на привале. Небо из черного стало фиолетовым, потом голубым и зеленым, краски на восходе менялись так же пышно, как на закате, а когда выкатилось небольшое, с апельсин, злое светило, все вверху снова стало однотонно золотым, все вокруг — до боли металлическим.

Астр лежал между мной и Мери. Я потряс его за плечо, он с усилием открыл глаза, попытался встать, но не сумел и опять закрыл глаза. Он посинел весь, уже не одним лицом, а грудью, руками, шеей. Он прошептал, и я скорее угадал, чем услышал:

— Мама, ты заразила планету жизнью?

Она поспешно сказала:

— Да, миленький. Пока ты спал, я привила жизнь планете.

Авиетка с припасами подошла к нам, я попытался покормить Астра, но он отказался от еды.

— Мы скоро потеряем сына, — сказал я Мери.

Я слышал свой голос словно со стороны — деревянный, безучастно-спокойный. Мери ничего не сказала. Все эти ночные часы она мужественно шла за мной, я не слышал от нее ни слова жалобы, ни стона, теперь же, при свете встающей

жестокой звезды, видел, во что обошлась ей ночь. Если Астр посинел, то она была вся черная.

Я отозвал Ромеро. Мы несчастные существа, современные люди, сказал я. Мы победили болезни, нас опекают могущественнейшие машины. Но, лишенные механических помощников, мы беспомощны. В древности люди росли более цепкими к жизни. Вы один знаете древность. Вспомните какой-нибудь старинный рецепт спасения! Их было так много, восстанавливающих жизнь рецептов, — массажи, переливание крови, гипнотические внушения, какие-то штуки, называвшиеся лекарствами.

Он с печалью покачал головой.

— Лекарств от перегрузок тяжести и древние не знали. Если хотите знать мое искреннее мнение, есть лишь один способ спасти Астра — и осуществление зависит от вас… — Он говорил очень настойчиво, но требовал того, что было, может быть, единственным, не подвластным моей воле: — Вы должны увидеть новый вещий сон — и узнать из него, куда нас с такой поспешностью гонят, зачем, для чего… Поверьте моей интуиции, дорогой друг, только это…

К Астру подошли Лусин и Труб. Лусин вел под руку согбенного Андре. Труб взял Астра, мальчик

покоился на одном крыле, другим ангел прикрывал его от палящей звезды, Астр посмотрел на Труба, но не узнал его, и лишь когда перевел взгляд на меня, к нему вернулось понимание. Он слабо улыбнулся.

— Я вынесу… — прошептал он.

Я отвернулся, а когда снова посмотрел, Астр был без сознания.

— Не беспокойся, Эли! — сказал Труб. — У меня хватит сил нести твоего сына.

— Труб, ты сам пошатываешься и задеваешь крыльями грунт. Астра надо положить на авиетку.

Я попросил у Орлана одну из авиеток для Астра и Мери. Взять авиетку Орлан разрешил, но поместить ее среди людей отказался: машины должны следовать позади пленников. Труб и Осима уговаривали меня не отдавать Астра в полную власть врагов. Труб схватил Астра и показал, что нести мальчика ему не трудно.

— Сегодня меньше давит к грунту, Эли!

— Гравитация ослабевает, — подтвердил Осима.

Труб с Астром занял место между Мери и Осимой.

Когда мы двинулись в путь, ко мне подобрался

Лусин.

— По очереди будем, — сказал он. — Драконы. Один пегас. Очень сильный, Не беспокойся. Донесем.

— Куда донесем? Куда? — спросил я. Меня захлестнуло отчаяние. — Погляди вокруг, Лусин. Везде только золото и свинец, свинец и золото! Даже могилы не вырыть!

6

В тот переход я двигался, не видя ни планеты, ни неба, ни бешено пылающего светила, ни людей, ни врагов. Я был в своем собственном мирке, так глухо отгороженном от внешнего, как Оранжевая отгородила себя от Вселенной. И во мне кипела такая буря, что я шатался и сникал уже не от тяжести, а под давлением раздирающих душу мук. Всеми мыслями, всеми ощущениями, страданием тела, пытками души я призывал того неведомого друга или друзей, что внушали пророческие сновидения. Я не знал, существуют ли они реально, не бред ли самая мысль об их существовании, но звал их, молил явиться, упрашивал просветить меня… Помогите, просил я с молчаливым рыданием, помогите, сейчас нужна ваша помощь!

— Как Астр? — спросил я у Мери, когда Орлан скомандовал очередной привал. Труба рядом с ней не было.

Мери молча подвела меня к дракону, ползущему среди людей, на спине дракона лежал неподвижный Астр. Я гладил сыну руки, разговаривал с ним, он не откликался, и я уже знал, что он не откликнется, он медленно уходил совсем…

— Эли, тебе надо отдохнуть, — тихо сказала Мери.

Я отошел, и место около Астра заняли Лусин и Андре. Я обернулся: Лусин что-то говорил Астру и гладил его руки, а Андре стоял понурившись.

Ночь застала нас на третьем переходе этого дня. Когда звезда закатилась, Орлан скомандовал ночлег. Астр был все такой же — недвижимый, бесчувственый. Но хуже ему не стало — и это показалось мне хорошим предзнаменованием. Он по-прежнему лежал на спине дракона.

«Завтра гравитация станет меньше», — подумал я. Я постоял около Астра и вдруг почувствовал, что теряю сознание.

Я провалился в сон, как в люк. И еще не отрешенный полностью от яви, я уже весь был во сне. Я увидел как бы со стороны, что переношусь за охранную цепь головоглазов, в тот конец лагеря,

где размещались враги. И сам я внезапно трансформировался из человека в разрушителя. Я шел по ночному лагерю рядом с Орланом — теперь я был одним из его стражей, одним из тех двух, что всегда сопровождали его, второй куда-то отдалился, — и Орлан тихо шепнул мне:

— Запоминай каждое мнение — это важно, Крад…

— Да, — сказал я с угрозой, я ясно слышал в своем голосе угрозу. Орлан ведь не знал, что я вовсе не Крад. — Я все запомню!..

И скоро вместе со мной, человеком, обернувшимся разрушителем, началось совещание военачальников и охраны.

Глухая ночь простиралась над планетой, издалека доносились смутные шумы, пленные стонали, всхлипывали во сне, пегасы и драконы тяжело ворочались, а мы сидели в золотой ложбинке, прикрытые скалами из свинца, освещенные сумрачным сиянием головоглазов.

Я плохо видел тех, кто подавал голос из тьмы, но одного хорошо различил — огромного невидимку неподалеку, он был на добрую голову выше любого разрушителя. Около него разместились еще два невидимки поменьше.

— Положение осложняется, — открыл сове-

щание Орлан. — Нужно принимать важные решения.

— Повтори, что ты знаешь, Орлан, — попросил огромный невидимка. — Действенные решения без точной информации не удадутся.

— Уничтожить всех пленных — вот единственное решение, — резко сказал второй охранник Орлана. Сейчас он держал себя скорее начальником, чем безмолвным телохранителем, каким я его знал.

— Понимаю твое желание, Гиг, — ответил Орлан рослому невидимке, — но вряд ли смогу добавить нового, связи со Станцией по-прежнему нет. Мы двигаемся вслепую, действуем вслепую.

— У нас есть программа священных идей Великого разрушителя, она освещает любую тьму, — еще резче сказал второй охранник.

— Да, конечно, идеи Великого освещают любую тьму, — согласился Орлан. — И они — единственный луч света в сгустившейся вокруг тьме. Может быть, не помешает, если я вкратце повторю, что мы знаем и чего не знаем.

Он начал с человеческого флота, штурмующего Персей. Люди аннигилировали второе космическое тело. Великий разрушитель перенес резиденцию на Натриевую планету, удаленную

от района, где бушует война. Нынешнее убежище небезопасно, в просторах вокруг Натриевой немало поселений галактов — если эти извечные враги осмелятся покинуть свои крепости, положение станет грозным…

— Не пугай, Орлан! — прервал второй охранник. — Жалких людей ждет гибель, если они проникнут за наши космические ограды, а галакты помощи им не окажут. Так решил Великий. Надеюсь, ты не берешь под сомнение прогнозы Великого?

— Ни в коем случае, — поспешно сказал Орлан.

— Тогда поговорим только о нашем положении.

— Все непонятно на Третьей планете, — сказал Орлан. — Раньше к ней не мог приблизиться ни один корабль, теперь она сама засосала «Волопас». Звездолет не уничтожен охранными полями, мы тоже пока живы — такого доброго приема еще никто не встречал.

Вместе с тем механизмы Станции действуют, гравитация меняется закономерно. Мы попали при высадке в опасную зону, часть ее прошли, но еще немалый путь до мест более спокойных. На Станции, видимо, снова неполадки. Когда биологические автоматы Станции справятся с аварией,

мы все будем уничтожены, если не преодолеем к тому времени опасную зону. В поясе живой охраны мы объясним солдатам Станции наше появление. Наша задача: добраться до Станции, чтобы сохранить свои жизни.

— И жизнь пленных, — высказался огромный невидимка.

— Это не обязательно, — отпарировал второй охранник. — Директива Великого разрешает расправиться с пленными в момент, когда в том возникнет нужда. Я считаю, что такая нужда возникла — хотя бы по одному тому, что их нельзя подпускать к Станции.

— Нам тоже запрещено появляться в районе Станции, — заметил Орлан. — И если бы мы очутились здесь по своей воле, нам всем грозило бы одно наказание — смерть…

— Ты прав, Орлан: мы здесь не по своей воле. И мы друзья, а они — враги. Не вижу причин возиться с пленными дальше.

— Может, разделиться на два отряда? — предложил невидимка Гиг. — Один движется с пленными, а второй спешит на Станцию и договаривается с Надсмотрщиком о безопасности для всех. Скажу по-солдатски, невидимкам не по душе приканчивать безоружных. Меня назначили

в охрану, а не в палачи!..

— Я слышу в твоем голосе сомнение! — проговорил телохранитель Орлана. — Ты, кажется, осуждаешь святейшую идею Великого: разрушение — высшая цель развития. И поэтому всеобщая война и истребление всего живого — идеальное воплощение могущества жизни.

— Я солдат, а не философ. Одно — уничтожение врага в бою…

— Я понял тебя, Гиг. Все ли невидимки разделяют сомнение своего начальника?

Оба невидимки одинаково сказали одинаковыми голосами:

— Мы исполним любой приказ. Пусть Орлан решает.

— Появилось ли сомнение у начальников головоглазов?

Один из головоглазов высветил перископом:

— Мы с негодованием отвергаем любое сомнение. Когда Орлан прикажет убить пленных, жизни их придет конец.

В разговор снова вмешался взволнованный Гиг:

— Меня превратно поняли. Я уничтожил бы себя самого, если бы заподозрил себя в сомнении. Моя преданность зловредным идеям Великого не

знает границ.

— Я так и понял, Гиг, что твое послушание безгранично. По рангу решение принадлежит Орлану. Мы надеемся, Орлан, что твой приказ будет отвечать вдохновляющему духу разрушительных идей Великого, о которых так прекрасно говорил Гиг.

— Мое решение таково. Мы совершим еще два перехода по старой схеме, чтобы сохранить души пленных для последующего истребления в них всего человеческого, такова одна из идей Великого — внести в мозг пленных бациллы духовного гниения…

— Пусть эта побочная вредоносная идея Великого не заслоняет других его…

— Да, да, пусть не заслоняет!.. Итак, если обстоятельства не изменятся, уничтожим пленных. Как практически это совершить? Я хотел бы послушать военных специалистов.

Один головоглаз засветил перископом:

— Отделить людей от крылатых. Без людей крылатые не опасны. Не забывайте, что с воздуха мы защищены хуже, а гравитация с каждым переходом падает, и скоро они смогут летать.

— Отделяем людей от крылатых, — решил Орлан. — После гибели людей ангелы и пегасы

с ящерами не опасны. Мы расправимся с ними запросто.

— Великолепный план! — одобрил второй телохранитель. — Узнаю почерк Великого, недаром ты, Орлан, среди любимых вельмож!.. Будь покоен, о твоей верности священным принципам зла оповестят все органы Охраны Злодейства и Насаждения Вероломства…

Я вскочил, каждая жилка во мне вибрировала.

Вокруг простиралась металлическая равнина — золотые поля, свинцовые холмы, вверху постепенно разгоралось золотое небо, глухое небо, не соединяющее нас со Вселенной, а отгораживающее от нее, и к барьеру неба медленно подкатывалось крохотное, зловещее солнце.

Около меня сидел Ромеро.

— Почему вы так вскочили, дорогой друг? Вам снился сон?

— Да, этот… как вы его называете? Информационный!

— Я предпочитаю старинное слово — вещий. Перейдем для осторожности на прямой обмен мыслями.

Я рассказал Ромеро, что видел во сне. Ромеро задумался.

«Гротескность беседы, вероятно, плод вашей

иронической природы, друг мой. Но похоже, что в стане врагов разлад… Если разрешите, я поговорю с капитанами. Такое совещание лучше провести мне, ибо если за нами следят, то за вами — бдительнее всех».

— Действуйте.

Ромеро удалился. Возле безжизненного Астра сидели Андре и Мери. Она подняла на меня измученные глаза, и я понял, что сыну по-прежнему плохо. Я молча опустился в ногах у Астра.

— Ни разу не приходил в сознание, — сказала Мери.

Я не ответил. Любое мое слово могло подействовать нехорошо. Ей было хуже, чем мне. Подошел Лусин, и только тогда я заговорил:

— Потолкуй с Ромеро, Лусин, он тебе кое-что сообщит.

— Уже, Эли. Подготавливаемся. Все так перемешаются, люди и ангелы, что никакой черт их не рассортирует.

Я показал глазами на безучастно сидевшего Андре.

— О чем-то думает, не находишь? Такое впечатление, что ловит какую-то не дающуюся ему мысль. А в дешифраторах — одни шумы…

— Мозг не работает, — подтвердил Лусин.

Вдали показался Орлан. Я встал. Лусин крикнул ящера, но Труб объявил, что понесет Астра он. Лусин возразил, что Труб уже долго нес мальчика, надо ему отдохнуть. Ангел запальчиво заспорил с Лусином. Я оборвал их спор:

— Понесу Астра я.

7

Астр не открыл глаза, когда я его брал на руки, но по лицу его что-то неуловимо пробежало. Дышал он быстро и часто, мелкими, не наполняющими легкие вздохами, но сердце стучало так сильно, что я ощущал его удары. В излучениях мозга было одно неясное бормотание: «ба, ба, ба…» Мозг повторял работу сердца, он переводил его стук на язык невысказанных слов.

Я занял место в голове колонны и, лишь пройдя сотню шагов, заметил, что не один. Справа от меня шагал Андре, слева — Мери. Я сказал Мери:

— Лучше бы тебе идти позади.

— Я буду с Астром, — ответила она.

Астр был тяжел, у меня немели руки. Я боялся, что не смогу его долго нести, и знал, что никому не передам, когда у него так нехорошо бьется сердце. За моей спиной встал Ромеро и тихо проговорил:

— Не оборачивайтесь, адмирал, я ориентирую вас мысленно. Камагин опять настаивает на восстании, мы согласились с ним. В момент, когда Орлан подаст людям команду отделяться, мы набросимся на стражей и перебьем всех, кто не перейдет на нашу сторону.

Я выразил сомнение. Безоружные люди не справятся и с одним головоглазом.

— Эли, вы ошибаетесь, мы не безоружны. Камагину удалось погрузить в авиетку некоторое количество индивидуального оружия — ручные лазеры, гранаты, электрические разрядники.

— Наше оружие против невидимок недейственно, Павел. Проклятые невидимки — вот что всего страшнее!

— Всего страшнее — бездействие, адмирал, надеюсь, вы согласитесь с этим. Кстати, вы обратили внимание на самодвижущиеся ящики? Осима утверждает, что в них запаковано боевое оружие. Не исключено, что содержимое ящиков, если их захватить, удастся использовать против невидимок.

— Кто поведет нас?

— Мы предлагаем Осиму, а в помощники — Петри и Камагина. Крылатыми будут командовать Лусин и Труб. Нападение произведем с воздуха,

надо же использовать слабые стороны противника.

— Резон тут есть, конечно.

Ромеро отошел. Оранжевая поднималась выше, и от поверхности планеты плыл жар. У меня путались мысли. Я слышал чей-то шепот, кто-то пытался заговорить со мной.

Блеск грунта и неба становился резче, а мне казалось, что надвигаются сумерки. Я раньше не понимал смысла старинного выражения «потемнело в глазах», оказывается, оно вовсе не было словесной фиоритурой.

Я споткнулся, едва не выронил Астра. Мери схватила меня под руку.

— Ты очень побледнел, Эли, — сказала она. — Я позову Лусина.

— Не надо, — пробормотал я. — Справлюсь.

Мне, однако, становилось хуже. Я перестал ощущать Астра, на руках лежала тяжелая вещь, а не живое тело. Надо было остановиться, вслушаться в его дыхание, сообразить, чем можно помочь. Но впереди прыгал Орлан, оттуда слышалось повелительное: «Скорей! Скорей!» — и я шел, сжав зубы, задыхаясь от ненависти к Орлану, повторяя про себя одну мысль: «Не упасть! Только не упасть!»

— Не смотри на него так — он живой! — проговорила Мери.

— Не упасть! — повторил я вслух. Астр дышал мелко и часто, сердце билось тише, чем прежде, но отчетливей. И если бы не синева щек и рук, я подумал бы даже, что ему стало лучше. — Да, он живой, — сказал я Мери.

До моей руки дотронулся Андре. Я посмотрел на него и понял, что к нему возвращается разум. Глаза его были скорбны, но не безумны.

— Дай… мне… — с трудом сказал он и показал на Астра. Он мучительно искал забытые слова, лицо его страдальчески сморщилось от усилий. — Дай…

— Меня зовут Эли, — сказал я. — Вспомни: я твой друг Эли.

— Дай… — повторил он упавшим голосом. Он не вспомнил меня.

— Потом, Андре, — ответил я. — У меня еще есть силы нести сына.

Он больше не обращался ко мне и шел, опустив голову, рыже-красные локоны двигались, как живые, и закрывали лицо. Я знал, что сейчас Андре ищет слова, но они не шли на язык, странный шепот в моем мозгу исходил из глубин его черепной коробки. Я не обрадовался, так мне было тяжело,

я лишь сказал Мери:

— Безумие его, кажется, постепенно проходит.

— Твой друг давно уже не безумен. И если ты дашь ему Астра, он его не уронит.

Отдать Астра я не мог даже Мери.

— Ладно, скоро привал.

На этот раз привал вышел длинный. Орлан куда-то исчез и долго не возвращался. Около меня присели капитаны и Ромеро. Осима с той же энергией и четкостью, с какими командовал кораблем, подготавливали мятеж.

Ручные лазеры были вручены во время раздачи еды, я тоже получил эту игрушку. Я говорю «игрушку», ибо против невидимок они неэффективны, хотя головоглазов поражали.

— Взять противника на абордаж, приставить пистолет к уху и хладнокровно спустить курок — так, кажется, воевали в ваши времена? — сказал я Камагину, усмехнувшись.

Он возразил, пожав плечами:

— В мое время уже сто лет не было войн. Мы сносили горы и осушали моря, колонизировали планеты и первые двинулись к звездам. У вас пробелы в истории, адмирал.

— Не сердитесь. Я не хотел вас задевать, Эдуард.

— Я иногда удивляюсь вам, но никогда не сержусь, Эли.

— Итак, две возможности: или сегодня ночью, или завтра утром, — сказал Осима. — У нас все готово, адмирал.

— Я бы на месте разрушителей выбрал ночь, а не утро, — заметил Петри. — Перещелкать нас во время сна этичней.

— Этичней? — спросил я, удивленный.

Он разъяснил с обычной своей флегматичной обстоятельностью:

— Судя по всему, что мы знаем о них, и по информации ваших снов, у них минус-этика, и все, что мы считаем отвратительным, у них возведено в доблесть. Органы Охраны Зла и Насаждения Вероломства — разве вы этого не слыхали от них самих?

— Вы, кажется, думаете, что я реально присутствовал на их совещании? Даже правдивая информация может облекаться в фантастические одежды… Откровение совершалось в бреду, не забывайте этого.

Золотое небо превратилось в черное. Оранжевая укатилась за горизонт. Вокруг пленных замерцали огни сторожевых головоглазов.

Я оставил Астра на попечении Мери и прошелся по лагерю.

Люди были перемешаны с пегасами и ящерами, чтоб по сигналу сразу могли вскочить на спины крылатых и мчаться в сражение.

Осиму и Петри я застал у драконов. Они прилаживали на спины ящеров ящики, набитые какими-то металлическими цилиндрами.

— Старинные ручные гранаты, — пояснил Осима. — Их было множество на звездолете «Менделеев», Эдуард некоторое количество их прихватил на «Возничий», а оттуда переправил

на «Волопас». Основная масса гранат сдана в земные музеи, но эти послужат нам. Пользоваться ими просто, Камагин нам показывал.

Самого Камагина я застал у ангелов. Труб распаковывал ящик с гранатами. Он радостно приветствовал меня. Ангел рвался в бой.

— Лазеры ангелам раздавать не будем, — сообщил Камагин. — Эта техника им не по духу, но ручные гранаты и разрядники, по-моему, просто созданы для ангелов, так они ловко обращаются с ними. Попади-ка вон в то пятнышко, Труб.

Труб что-то метнул в золотой самородок, тускло поблескивающий в свинцовой скале. Я испугался, что разразится взрыв и на шум сбегутся разрушители. Но Труб использовал кусок золота, валявшийся под ногами. Все ангелы отличаются дьявольской зоркостью, а Труб и тут превосходил собратьев: один кусок золота вонзился в другой так прочно, словно они были приварены.

Труб гордо закутался в крылья.

— Врагам придется несладко, когда мы нападем с воздуха, — объявил Камагин, сияя.

Мери спала, обняв рукой Астра. Астр дышал, но очень слабо.

«Завтра, — говорил я себе, засыпая. — Завтра утром… Гравитация уменьшается…»

8

Утром Астр умер.

Меня разбудил крик Мери. Вскочив, я выхватил из ее рук сына.

— Нет! — кричала Мери, хватаясь за голову. — Нет, нет!

Я качал Астра, звал, умолял услышать меня. Последним усилием жизни он раскрыл глаза, потом по телу его прошла судорога, и он вытянулся у меня на руках.

Он лежал, одеревенелый, холодеющий, всматривался в меня невидящими глазами, все эти дни и часы перед смертью он не открывал глаза, а сейчас, умирая, открыл их, чтоб в последний раз поглядеть на мир, — и не увидел мира…

На крик Мери сбежались люди, рядом тяжело опустился Труб. Я по-прежнему держал Астра на руках, но глядел на Мери. Она упала, захлебываясь слезами. А я думал о том, что мне природа почему-то отказала в этом скорбном умении — выплакать свое горе.

Мои предки горевали и утешались рыданием, ликовали и открывали душу слезами, гневались и сострадали плачем, слезы омывали их души над трупами близких, в минуты ярости, над чув-

ствительной книгой, от трогательного слова, от страшного известия, от неожиданной радости… А мне, их потомку, этой отдушины не дано, глаза мои всегда сухи…

— Эли! Эли! — донесся до меня шепот Андре. — Эли, он умер!

По лицу Андре катились слезы.

— Он умер, Андре, — сказал я. — Он был на три года моложе твоего Олега.

— Он был на три года моложе моего Олега, — тихо повторил Андре. Он вслушивался в свои слова, будто их произносил кто-то другой. Потом он умоляюще протянул руки. — Дай мне его, Эли.

Я передал ему Астра и опустился на колени рядом с Мери, обнял ее плечи, молча гладил ее волосы. Вокруг нас стояли друзья — безмолвные и печальные. Мери перестала плакать, вытерла лицо и поднялась.

— Что сделаем с ним? Здесь хоронить негде.

— Будем нести, — ответил я. — Будем нести до места, где можно вырыть могилу или где мы сами с тобой умрем.

Труб ударил меня крылом. Кипевшая в нем ярость вдруг вырвалась диким клекотом:

— Если вы не отомстите, люди!.. Одно, Эли, — мстить, мстить!

Я посмотрел на Астра, Андре покачивал его на руках, как живого, что-то шептал ему, тихо плача. Я сказал:

— Еще многие из нас умрут, Труб, прежде чем люди сумеют отомстить. Когда эта возможность появится, им, я надеюсь, не захочется мести.

Я еще не видел вспыльчивого ангела в таком бешенстве. Он вздыбился надо мной, свирепо растопырил крылья.

— Ты не отец, Эли! Ты не отец своему детищу, Эли!

Мне стоило тяжкого труда сказать спокойно:

— Я уже больше не отец. Но я еще человек, Труб.

Только сейчас Ромеро и Лусин заметили, что Андре в сознании. Труб выхватил малыша из рук Андре. Лусин и Ромеро обнимали Андре, к ним присоединялись другие. Андре узнал Ромеро и Лусина сразу, а Осиму вспомнил, когда тот назвал себя.

Радость перемешалась с печалью, я видел счастливые улыбки и слезы горя, только сам не мог ни улыбаться, ни плакать.

Мне надо было подойти к Андре и поговорить с ним, от меня он от первого вправе был ждать поздравлений, но я не смог сделать над собой

такого усилия и стоял в сторонке.

— Потом поговорите, — сказал Лусин, со слезами глядя на меня. — После восстания.

— Да, потом, — согласился я равнодушно. Нужно было собрать мысли, а мысли все не собирались. — Ты объясни Андре наше положение, но не пичкай сразу большим количеством новостей.

Я хотел забрать Астра, но Труб не дал. Когда Орлан подал команду к выступлению, он с Астром на скрещенных черных крыльях занял мое место впереди. Мы с Мери шли за ним…

Когда звезда стала склоняться и золотое небо забушевало красками, Орлан приказал остановиться. Он позвал меня.

— Люди дальше будут двигаться отдельно от крылатых. Перестройку закончить до темноты.

— Будет исполнено! — ответил я и пошел к своим.

Тысячи глаз следили за мной: по ту сторону лагеря — перископы головоглазов, тайные глаза невидимок, разрушители-командиры, по эту — люди и крылатые друзья. Все движения вдруг оборвались, огромная горячая тишина простерлась над планетой. Осима и Камагин стояли возле рослых пегасов, Труб возвышался на голову над

своими ангелами. Лусин уже восседал на спине дракона.

Все было готово к наступлению.

— Приказано разделиться! Очевидно, для вашей же пользы, — сказал я. — Действуйте, как условились!

— За мной! — крикнул Осима, прыгая на пегаса. Пегас взметнул крылья.

— За мной! — эхом откликнулся Камагин, взлетая вслед.

Он метнул гранату в разрушителей, грохнул первый взрыв.

9

Вспоминая события в Персее, я вижу, что если кто в стане противника и предвидел наше восстание, то лишь тайные друзья, а враги были захвачены врасплох.

Пегасы с людьми на спинах и ангелы Труба мощной армадой обрушились сверху на заметавшихся головоглазов. Дымная стена взрывов оконтурила лагерь, в столбы пламени взрывались кинжальные лучи лазеров. А когда подоспели драконы и молнии Громовержца сумрачно осветили темнеющий воздух, битва стала всеобщей. Удар отряда пеших с Петри и Ромеро

во главе, расчищавших себе дорогу гранатами и лазерами, сразу прорвал цепочку головоглазов: сбитые в кучу, они образовали каре и сражались в окружении.

Головоглазы, после начального ошеломления, защищались свирепо и самоотверженно, на грунт рушились пегасы и драконы, особенно досталось ангелам. Осатаневшие ангелы слишком быстро отделались от груза гранат и слишком понадеялись на силу крыльев: воздух, как туманом, заволокло белым и черным пухом.

Были ранены Труб и Лусин, Петри и Ромеро, легкие ранения получили Осима и Камагин, лишь Андре, сражавшийся в самой гуще схватки, не пострадал.

Я поднялся на свинцовую скалу, выпиравшую из золотых недр, и осматривал поле боя. Меня тревожили успехи, в них было много загадочного. Кругом нас сновали невидимки, грозные воины разрушителей, ни один пока не вмешался в бой ни на нашей стороне, ни против нас, — почему? Сражение было странным, я его не понимал.

Внезапно я услышал знакомый голос, раздававшийся на этот раз не внутри меня, а снаружи, тот голос, какой много раз разговаривал со мной в сновидениях, я не мог не узнать его. «Эли, помо-

ги! — надрывался голос. — Эли, помоги!»

Я кинулся на крик и в страшном волнении уже ничего не видел, кроме места, откуда доносился призыв, и ничего не понимал, кроме того, что спешу на помощь другу, может быть, самому искреннему и самоотверженному другу из тех, каких мы обрели среди противников.

«Эли, помоги!» — все отчаянней взывал голос и вдруг оборвался.

И тут я увидел, что Труб с двумя бешеными ангелами атакует Орлана с его телохранителями, телохранители уже пали, Орлан еще защищается. Кричал он! Свирепая радость на миг пронзила меня, когда я увидел жестокого предводителя разрушителей, отчаянно отбивавшегося от ангелов, — и это чувство, вспыхнувшее и погасшее, было последним отблеском старого моего отношения к Орлану. Орлан повалился от ударов крыльев Труба. И в тот же миг, налетев вихрем, я упал на него и прикрыл своим телом. К нам с лазерами в руках бежали Ромеро и Петри.

— Эли, встань, я убью мерзавца! — рычал Труб и так двинул меня крылом, что я отлетел вместе с Орланом на метр.

И сейчас не понимаю, откуда у меня взялись силы не выпустить Орлана из рук. Ромеро схва-

тил Труба за крыло. Петри встал между Трубом и мной.

— Угомонись, Труб! — крикнул Ромеро. — Ты едва не прикончил союзника.

Не знаю, что бы стал делать дальше Труб, если бы рядом не упал выявившийся невидимка. Это был такой же страшноватый скелет, как и тот, что мы захватили на Сигме, но еще живой. Невидимка стонал и корчился, грудная клетка его была страшно разворочена. Даже Труб понял, что сражение, завязанное нами, есть лишь часть широкого боя, кипевшего и в оптической яви, и в физической невидимости. Труб махнул крылом на кучу головоглазов и крикнул ангелам:

— За мной! Кончать с прохвостами!

Мы с Петри помогли Орлану подняться. Орлан пошатывался, глаза его были закрыты, синеватое лицо почернело. Он с трудом стоял на ногах, с усилием говорил. Ангелы помяли его здорово!

Ромеро переложил лазер в левую руку и церемонно протянул правую.

— Разрешите вас приветствовать, дорогой союзник, в лагере ваших новых друзей.

Орлан хотел вежливо вытянуть шею, но и шее досталось в схватке, голова едва поднялась.

— Не такие уж новые. Мы с Эли давние зна-

комые.

— Значит, это был ты! Ты, ты, Орлан!

— Это был я. Ты так ненавидел меня, Эли, что непрерывно думал обо мне. Это помогло настроить наши мозговые излучения в унисон.

Он с горечью показал на одного из телохранителей:

— Вот кто был вашим верным другом, но его уже нет. Но я не виню вас. — Волнение, звучавшее в его голосе, усмирилось, перед нами снова было то бесстрастное существо, какое мы так часто видели. — Мы виноваты сами. Мы хорошо подготовили сражение, но не позаботились о своей безопасности. Мы думали только о победе в бою.

— Хорошо подготовили сражение? — переспросил Ромеро. — Да, конечно… Но и мы, люди, кое-что сделали!

— Несомненно. Но нам пришлось поволноваться, пока вы не приняли внушенный вам план. Ваши мысленные переговоры, тайной которых вы так гордились, не были для меня секретом, а я делился ими с Гигом. Ему выпала самая трудная задача — завоевать невидимок удалось не всех. Но зато Гиг не дал тем, кто остался верен Великому, прийти на помощь головоглазам, — и это решает успех дня.

Ромеро с сомнением оглянулся. В воздухе метались одни ангелы, их резкие боевые крики слышались всюду. Пегасы и драконы лишь начали бой в воздухе, но не смогли долго пробыть в полете. Ромеро вежливо сказал, подняв лазер, как трость:

— Как жаль, уважаемый союзник, что мы лишены возможности познакомиться с воздушным… э-э… полем боя отважного Гига.

— Почему же? Сейчас я свяжусь с Гигом, и мы раскроем вам, что происходит в воздухе.

Я не заметил, чтобы Орлан совершил какие-то движения, очевидно, он связался с Гигом мысленно, но картина сражения вскоре разительно переменилась. Битва в третьем измерении была внушительней и ожесточенней той, что совершалась на плоскости. Над нами невидимка схватывался с невидимкой. И сразу же стало видно, что одна группа невидимок, более многочисленная, одолевает вторую.

— Наши побеждают, — сказал Орлан. — Нет, сражение подготовлено отлично, Эли.

Ангелам и людям, теснившим одно из каре головоглазов, удалось расчленить его, и головоглазы рассыпались. Ползли они медленно, но сражались с прежней свирепостью.

Два ангела атаковали одного головоглаза, но он поверг их метким гравитационным ударом. Ромеро и Петри бросились на помощь, но раньше их подоспел невидимка из наших. Удар сверху поразил головоглаза насмерть, а невидимка, описав дугу, возвратился в район воздушного боя.

— Много все-таки перешло к нам, — сказал я Орлану.

— Ваши сторонники имеются уже на всех планетах Персея. Великий совершил великую ошибку, когда разрешил трансляцию спора с тобой.

Я показал на головоглазов.

— Эти и не думают изменять властителю.

— Головоглазы — охрана. Их воспитывают далеко от политики. Мощь Империи держится не на них.

Сражение шло к концу. Разрозненные кучки головоглазов, обреченно пересвечиваясь перископами, оттеснялись друг от друга все дальше и погибали под соединенными ударами людей, ангелов и невидимок. Несколько сдавшихся невидимок брели под конвоем ангелов в центр лагеря, где Осима приказал разместить пленных. Туда же отводили прекращавших сопротивление головоглазов.

В последнюю группу сражающихся отчаянно врубался на огнедышащем драконе Лусин. Андре, тоже верхом, но на пегасе, бился неподалеку от Лусина. Петри и Ромеро во главе пехоты методически теснили обреченную кучку. А когда на нее обрушились с воздуха ангелы и невидимки, участь головоглазов была решена.

Около Орлана и меня опустился усталый довольный Гиг.

— Гравитаторы выдохлись, начальник, — сказал он Орлану. — На этой чертовой планете расход энергии в десять раз выше нормы. — Только после этого он обратился ко мне: — У людей, кажется, пожимают руки, давай руку, адмирал. — Он сжал мою ладонь со страшной силой и скорчил предовольную рожу, когда я охнул.

Сегодня невидимки никого не удивляют, они примелькались на стереоэкранах, туристы их породы не раз посещали Землю. Но в день, когда я впервые увидел эту радостно хохочущую абстракционистскую конструкцию, я еле справился с содроганием.

Гиг продолжал, весело загремев костями:

— Как мы тебе понравились в ратном деле, адмирал?

Я ответил сдержанно. Я не знал, как держать

себя с этим грохочущим, улыбающимся, ликующим скелетом.

Прошло немало времени, пока я убедился, что невидимки — отличнейшие ребята, только вид у них очень уж страшен — и то по земным нормам, сами они довольны своим обликом, а людей, наоборот, считают конструктивно недоработанными. Я мог бы и не упоминать этих общеизвестных истин, но я веду рассказ о чувствах, испытанных во время, когда все в невидимках было ново.

— Я познакомился с тобой в моих снах, Гиг.

Он загрохотал всеми костями. Я не сразу понял, что так невидимки хохочут.

— Познакомился, говоришь? Познакомили — и ценой немалых усилий! Ты, надеюсь, соображаешь, адмирал, что мы проводим свои совещания отнюдь не на вашем языке. Я уже не говорю об облике. Орлан, например, чаще является в виде тени, чем в виде тела. Кстати, дружище Орлан, на Третьей тебя ни разу не видели в этой парадной форме?

— Аппараты для оптической трансформации остались на звездолетах.

— Правильно, они там. Там же и запасные гравитаторы. Черт знает что такое, благородному невидимке придется вскоре ползти, как презрен-

ному головоглазу! Так вот, адмирал, перевести наши замыслы на ваш язык, а потом транслировать их тебе в сны — нет, только Крад мог взяться за это! Где Крад, Орлан? Я не вижу Крада.

— Крад кинулся меня защищать и погиб сам, — сказал Орлан, до предела втягивая голову в плечи.

Гиг торжественно загремел костями. Звук сталкивающихся костей у невидимок очень выразителен, и я вскоре научился отличать их хохот от печали.

— Что делать с пленными? — спросил я у новых друзей.

В центр лагеря вели последнюю кучку сдавшихся головоглазов.

— Всех истребить! — объявил Гиг.

Он был скор на радикальные решения. Я поморщился.

— Пленные пригодятся, — сказал Орлан. — Мы не знаем, что ждет нас у Станции. И если придется сражаться, головоглазы умножат наши силы.

— Поставьте их под мою команду, а уж я заставлю их пошевелиться! — предложил Гиг.

Он гулко захохотал всеми костями. Он быстро примирился с тем, что его желание отвергнуто. Впоследствии я убедился, что ему лучше прика-

зывать, чем советоваться с ним — действовал он с воодушевлением, а размышлял без охоты. Впрочем, таковы все невидимки.

К нам шли Осима с Камагиным. Я представил им новых товарищей:

— Одного вы видели ежедневно и думали, что хорошо его знаете. О существовании другого мы могли лишь догадываться. А они опекали нас, заботились о нашем благополучии. Знакомьтесь: Орлан и Гиг, наши друзья, я скажу сильнее — наши спасители.

10

У каждого были десятки вопросов к Орлану и Гигу. И когда пленных устроили под охраной, мы собрались побеседовать.

Камагин высказался за возвращение на звездолет. За броней корабля мы будем в большей безопасности, чем на металлической равнине. А если удастся восстановить МУМ, мы вырвемся в космос к своим.

— Все, что ты сказал, нереально, — объявил Орлан. — Если ты и восстановишь вашу разлаженную мыслящую машину, «Волопас» не вырвется за неевклидову сферу вокруг Оранжевой — мощи всего человеческого флота не хватит,

чтоб прорвать заграждение. А если бы ты вырвался наружу, то там «Волопас» встретился бы не со своими, а со звездным флотом разрушителей, и конец был бы один.

— Как много «если», Орлан, и все неутешительны! — с досадой воскликнул Камагин. — Разреши напоследок еще одно «если». Не превратить ли звездолет в постоянное жилище, вместо того чтоб стремиться к новым неведомым опасностям? Разве мы не могли бы отсидеться в нем, пока положение не изменится к лучшему?

Орлан отверг и это. Положение меняется не к лучшему, а к худшему. Звезда продолжает излучать, и убийственные ее излучения не уносятся в просторы, а накапливаются внутри замкнутого объема. Скоро все будет насыщено сжигающей радиацией, и начнется распад: погибнет жизнь, звездолет превратится в плазму, плазмою станет и сама Станция, авария на которой породила такую катастрофу, а затем вся Третья планета, могущественнейшее из воинских сооружений разрушителей, растечется облачком новой туманности.

Губительный процесс на этом не закончится.

Выброшенная звездой энергия возвратится к ней снова, подбавляя жара в ее атомное пекло.

Неминуемо произойдет чудовищный взрыв — и только тогда будут прорваны окостеневшие барьеры неевклидовости и накопленная энергия мощно вырвется наружу. Далекие наблюдатели зафиксируют взрыв сверхновой, а наблюдатели на соседних звездах ничего не оставят на память своему потомству: вряд ли кто из них уцелеет при такой катастрофе.

— Перспективочка! — пробормотал Петри. Даже этого спокойного человека проняло грозное предсказание Орлана.

После некоторого молчания заговорил Ромеро:

— Дорогой союзник, пророчество ваше ужасно. И, видимо, иного не остается, как неуклонно двигаться к цели, которую вы указываете. Но нельзя ли узнать, кто нас ждет на Станции — друзья или враги? Как нас встретят — с распростертыми объятиями или с оружием?

— Я сам хотел бы об этом знать.

— Но вы не можете не знать больше нашего! Мы вчера и понятия не имели, что существует какая-то Станция Метрики на какой-то Третьей планете, а для вас и планета и Станция — надежнейшие оплоты вашего могущества!.. Простите, бывшего могущества, ибо, надеюсь, вы и сами уже не считаете себя сановником Империи раз-

рушителей.

— Никто не знает подробно о Станциях Метрики. Мои знания о них не намного превышают ваши.

В заключение беседы я попросил Гига больше не зашифровывать невидимок. Не знаю, как у других, а мне действовало на нервы, что надо мной проносятся незримые существа, пусть даже дружественные.

Против моего ожидания, Гиг обрадовался.

— Такой приказ нам по душе! Если бы вы знали, ребята, как тяжела служба невидимости. К тому же и генераторы кривизны ослабли, и нам грозит позорная участь превратиться в туманные силуэты из добротных невидимок. А если учесть, что и гравитаторы на издыхании, то можешь вообразить, Эли, этот кошмар: невидимка перестал бы реять и толкался бы среди головоглазов и пегасов, ангелов и людей, как простое тело, его пинали бы ногами, задевали плечом!.. Ужас, я тебе скажу, Эли!

Я поинтересовался, не оскорбляет ли невидимок перспектива превратиться в вещественные тела в оптическом пространстве.

— Что ты, адмирал! Невидимость — наша военная форма. И если мы ее носим плохо, страдает

наша воинская честь. Когда же мы обретаем облик видимых, то это все равно как если бы снимали броню: и удобно, и не надо следить, чтоб к ней относились с уважением.

Ромеро разъяснил мне потом, что в древности люди тоже применяли бронирование доспехами и оно тоже делало тело воина невидимым, хотя сама броня оставалась оптически на виду.

Разумеется, оптическая невидимость — штука более совершенная, чем бронирование доспехами. И старинные рыцари, как и нынешние невидимки, предпочитали ходить без брони, они называли это «носить штатское». Но если приходилось напяливать доспехи, рыцари заботились уже не столько о собственной безопасности, сколько о том, чтоб внушить уважение к своей военной форме. И называлось это так: «защищать честь мундира».

11

Пленные головоглазы светили тускло, все остальное пропадало в черном небытии. Было лишь то, что рядом.

Я не знал, куда исчез Орлан, где Гиг, в каком месте разместились перешедшие на нашу сторону невидимки. Петри вскоре удалился, за ним

исчезли Камагин и Осима. Тяжело махая крыльями — ему обязательно надо было пролететь над всем лагерем, — умчался к своим, на далекий шум голосов и перьев, Труб. Мы сидели кучкой на свинцовом пригорочке, Мери и мои друзья по Гималайской школе — Ромеро, Лусин, Андре. Андре попросил:

— Расскажите об Олеге и Жанне, друзья. — И он добавил с волнением: — Вам покажется удивительным, но сходил с ума я не сразу, а стадийно. Сперва пропал внешний мир и память о Земле, потом стиралось окружающее. Долго держались Жанна и Олег. И последний образ, который сохранял мой мозг, погасая, был ты, Эли. По-моему, ты не заслуживаешь такой привилегии.

— По-моему, тоже. — Меня обрадовало, что вместе в разумом к Андре возвратилась его милая дружеская резкость. — Вероятно, это оттого, что я был последним, кого ты видел.

Ромеро обратился к Андре:

— Милый друг, многие, в том числе, со стыдом признаюсь, и я, считали вас мертвым, ибо… ну что ж, раз ошиблись, надо каяться, — ибо не было похоже, чтоб разрушители доведались до человеческих тайн. Мне представлялось невероятным, что такие злодеи не сумели от вас, живого, выпы-

тать все, что вы знали. Но вам посчастливилось, если можно назвать счастьем такой печальный факт, как умопомешательство… Об этом выходе никто из нас не подумал.

— Я сам изобрел его! Я свел себя с ума сознательно и методично. Сейчас расскажу, как это происходило.

Он с ужасом ожидал пыток. Смерть была бы куда лучше, но он понимал, что за ним наблюдают, старинные способы самоумерщвления — ножи, петля, отказ от пищи, перегрызенные вены, — весь этот примитив здесь не действовал. И тогда он решил вывести из строя свой мозг.

— Нет, не разбить голову, а перепутать связи в мозгу, так сказать — перемонтироваться. Конечно, мозг — конструкция многообразная, нарушение его схемы на каком-то участке еще не вызывает общей потери сознания, но все-таки вариантов неразберихи несравненно больше, чем схем сознания, и на этом я построил свой план.

— Так появился серенький козлик?

— Именно так, Эли. Я выбрал козлика еще и потому, что разрушители наверняка не видели этого животного и понятия не имели о сказочке со старухой и волком. А я думал о козлике наяву и во сне, видел только его…Что бы ни происходило, на еду, на угрозы, на страх, на разговоры — на все я отвечал одной мыслью, одной картиной: козлик, серенький козлик… Я перевел весь мозг на козлика! И мало-помалу существо с рогами и копытцами угнездилось в каждой мозговой клетке, отменило все иные картины, кроме себя, всякую иную информацию, кроме того, что оно

— серенький козлик. Я провалился в умственную пустоту, из которой вывели меня уже вы!

— Как ты мучился, Андре! — прошептал Лусин. В голосе его слышались слезы. — Таких страданий!..

— Какая сила воли, Андре! — проговорил Ромеро. — Что вы изобретательны, мы знали все, но, признаюсь, не ожидал, что вы способны так воздействовать на себя!

Я задумался. Андре сказал с упреком:

— Ты не слушаешь нас, Эли!

— Прости. Я размышлял об одной трудной проблеме.

— Какая проблема?

— Видишь ли, у нас выведена из строя МУМ. И вывели ее примерно твоим способом — перепутали схемы внутренних связей.

— Свели машину с ума? Забавно! А схема запутывания схемы есть?

— Боюсь, что нет. Все совершалось аварийно. Возможно, кое-что из своих команд Осима и Камагин запомнили.

— Можно подумать, — сказал Андре, зевая. — МУМ, конечно, не сложнее человеческого мозга.

— Не вздремнуть ли? — предложил Ромеро. — Все мы устали после сражения, а завтрашний

день обещает быть тоже нелегким.

Ромеро, Андре и Лусин разместились неподалеку, и скоро донеслось их сонное дыхание.

12

Уже не только в бинокль, но и невооруженным глазом была видна Станция — один не то купол, не то просто холм, а неподалеку три возвышения поменьше. Иные крепости на Земле, с их фортами, бойницами и орудиями, выглядели внушительнее.

Мы лежали на вершине свинцовой скалы, и я поделился мыслями с Ромеро, приползшим сюда вместе со мной.

— Я позволю себе указать, любезный адмирал, — возразил он педантично, — что самая мощная из человеческих крепостей не разнесла бы и обыкновенной каменной горушки, а это невзрачное сооружение свивает в клубок мировое пространство.

— Пустота! — сказал Осима. — Ни мы никого не увидели, ни нас никто не открыл.

— Впечатление такое, что Станция покинута, — подтвердил Камагин. — Я бы рискнул подобраться поближе.

Орлан втянул голову в плечи так глубоко, что

она провалилась до глаз. Я заметил, что обо всем относящемся к Станции он говорил неохотно и кратко. В Империи разрушителей обсуждение дел на Станциях Метрики приравнивалось к преступлению. Орлан не мог отделаться от многолетней боязни запретных тем.

— Я бы не рискнул, — сказал он сдержанно.

— Пойдем в лагерь и устроим военный совет, — предложил я.

Лагерь был разбит километрах в десяти от Станции, и нам пришлось пошагать.

Я ломал голову, но ничего не придумывалось. Станцию открыл Лусин, вылетевший в разведку на Громовержце, У Лусина хватило осторожности повернуть назад, чуть он завидел невысокие купола.

Все мы понимали, что осторожность его примитивна. Сооружения такой сложности, как эти космические заводы, меняющие структуру пространства, не могли не иметь и совершеннейших методов защиты. Любой человеческий звездолет локирует в миллионе километров простую тарелку, посты наблюдения на Станции Метрики не могли быть хуже наших локаторов.

От нас не собирались защищаться, только поэтому мы не открыты. Значило ли это, что к нам

относятся как к друзьям? Может, на Станции все давно погибло — нет ни живых существ, ни работоспособных автоматов? Предположение Камагина казалось мне естественным: если нас не уничтожили в десяти километрах, то не уничтожат и в десяти метрах. Вместе с тем, не считаться с сомнениями Орлана я не мог. Он единственный что-то знал о Станциях Метрики.

На совете Орлан повторил, что возражает против шествия к куполам.

— Все может быть, — повторил он со зловещим бесстрастием.

— Еще одну разведку, адмирал? — спросил Осима. — Пошлем невидимок или ангелов?

— Ангелов! — воскликнул Труб. Он считал, что высота безраздельно принадлежит ангелам, и страдал, когда кто-нибудь из невидимок взвивался в воздух. К пегасам и драконам Труб был терпимей.

— Только невидимок! — возразил Гиг.

Я отдал предпочтение невидимкам.

— Им проще подобраться к Станции. В конце концов, это ваша военная функция, Гиг, — появляться незамеченным в любом месте.

— И сражаться в любом месте, — торжествующе добавил Гиг. — Невидимки — воины, адмирал!

— Не могли бы вы и мне создать временную невидимость? Я с охотой пошел бы, хоть пешим, с вами в разведку.

Гиг разъяснил, что генераторы кривизны подбираются индивидуально. К тому же у людей неудачная телесная структура. Я не вынес бы мгновенного перемещения в кокон закрученного пространства: высокие неевклидовости не для людей.

— Нет так нет. Как у вас, Осима?

Осима нашел в самоходных ящиках два исправных электромагнитных орудия. В твориле орудия создаются электрические заряды, периодически выбрасываемые наружу. Трасса выстрела превращается в летящий ток, а вокруг него возникают могучие магнитные поля.

После сборки орудий мы испытывали их действие на золотой скале. Был сделан всего один выстрел, и от орудия до скалы пролегла выжженная траншея, в которой могла бы разместиться вся наша армия. А на месте скалы взвилось плазменное облачко, и долго еще сыпалась золотая пыль.

— Когда начнем обстрел Станции, сооружениям ее не поздоровится, — доложил Осима.

Я понемногу стал разбираться в том, что

внешнее бесстрастие Орлана имеет различные оттенки.

— Вам, кажется, не понравилось сообщение Осимы, Орлан?

Он разъяснил, что, если дойдет до сражения, главной боевой силой станут головоглазы. Массированный гравитационный удар головоглазов даст больше эффекта, чем электромагнитный залп: орудий два, а головоглазов почти двести. Они, правда, ослабели от тягот пути, но на отдыхе быстро восстанавливают силы. Вскоре их организмы накопят полный запас боевой энергии.

— В сражение я поведу их сам, — сказал Орлан.

Дальнейший ход совета был прерван диким гамом и грохотом. Гиг с десятком отобранных невидимок выступил в разведку.

— Мы готовы, — сказал он, выстраивая свой отряд.

— Летите! — разрешил я.

Они исчезли мгновенно. В бою они, конечно, были хороши, но еще лучше годились для парада. То, что наши предки называли «показухой», достигало у невидимок художественного совершенства.

Невидимок только подпустили к Станции — и на ту дистанцию, какую сочли приемлемой.

А затем в отдалении вдруг вспыхнуло десять огненных факелов. Какое-то время факелы по-прежнему по инерции мчались к Станции, затем круто повернули к лагерю. Десять костров, то взлетая, то падая, неслись на наш холм, и мы, прильнувшие к биноклям, видели, что внутри факелов — пустота.

— Молодец Гиг, даже в такую минуту не раскрылся! — восхищенно пробормотал Андре. — Эли, вот настоящий воин — и в пламени не потерял самообладания!

— В старину говорили: испытан в огне сражений, — отозвался Ромеро. — О невидимках можно сказать по-иному: даже в огне сражений не открылись. Это единственное, что их спасает сейчас от гибели.

Раздраженный, я отошел от друзей. Невидимок от гибели спасало лишь то, что их гибели не желали. Но им ясно показали, что никакое экранирование не поможет. Десять факелов пронеслись над холмом и рухнули посреди лагеря.

К горящим разведчикам неуклюже, но быстро двинулись головоглазы и стали проворно сбивать пламя гравитационными ударами. Они живо вращали наростами, вылетавший импульс легко тушил огонь. Для профессии пожарных эти

создания подошли бы отлично.

— Никаких изменений на Станции, — сказал Андре. — Никто не преследует беглецов.

Мне казалось в тот момент, что я знаю почему.

— А зачем беглецов преследовать? Их отогнали — и хватит. Уничтожать нас не собираются, но и пускать на Станцию — тоже.

13

Ромеро в своем отчете рассказывает, что мной овладели тягостные колебания, и плохое настроение адмирала передавалось всем. Но колебаться можно между несколькими решениями, а у меня не было никакого. Все кругом, как плохие игроки, говорили только о своих ходах, но понятия не имели об ответных ходах противника. Вести армию в бой наугад я отказывался.

То, что Ромеро называет моими колебаниями в течение недели перед первым штурмом, было поисками выхода. К тому же именно этот срок потребовал Орлан для накопления запасов гравитационной энергии у головоглазов.

И если теперь оценивать мои тогдашние действия, то я скажу по-иному, чем Ромеро: я слишком мало колебался. Штурм Станции показал не так мою излишнюю осторожность, как

опрометчивость.

Я не утверждаю, что подготовка была полностью неуспешна. Кое-что сделать удалось. Электромагнитные орудия Осимы действовали исправно, ангелов снабдили портативными разрядниками. И Андре изготовил четыре превосходных анализатора силовых полей.

— Если предварительно мы не разведали противника, то в сражении будем иметь полное представление о нем — видимом и незримом, — пообещал он.

Я должен сделать отступление об Андре. Все мы, естественно, присматривались к нему — испытанные им потрясения не могли не сказаться. И он, естественно, был не тот импульсивный, нетерпеливый, резкий и добрый, какого мы некогда знали. Он стал сдержанней и молчаливей. Но мозг его, возвращенный к жизни, работал с прежней интенсивностью. Рядом со мной снова пылало горнило новых идей, генератор остроумных проектов — пусть простят мне эти выспренние слова, в данном случае они самые точные.

Расчет делался не на внезапность атаки, а на силу удара. План наступления вкратце сводился к следующему. В центре, на плоскости, двигаются

головоглазы, сверху их поддерживают невидимки. С левого фланга атакуют ангелы Труба, с правого пегасы Камагина и крылатые ящеры Лусина. Петри ведет людей. Человеческую пехоту бросят туда, где будет в ней нужда. Осима с ползущими орудиями размещался в колонне головоглазов — электромагнитные механизмы, как и сами головоглазы, были оружием ближнего боя.

На вершине холма, где мы высматривали Станцию, я разместил командный пункт с анализаторами и Ромеро. В лощинке укрылось несколько штабных пегасов для адъютантской связи.

Приготовления к штурму были закончены вечером.

По древнему воинскому обычаю, битва началась на рассвете.

Первыми выступили головоглазы. Могучая колонна, почти в две сотни неторопливо передвигающихся крепостей, взметнув над собой красноватые огни перископов, даже на взгляд была внушительна. А два орудия Осимы походили на исполинских змей, прокладывающих ей дорогу. Над колонной реяли невидимки, я слышал по дешифратору команды Гига, но отряда его мы, естественно, не видели.

— Импозантно! — пробормотал Ромеро. Он любовался в бинокль зрелищем наступающих головоглазов.

Осима дал залп, как только приблизился на дистанцию прямого попадания. Из орудий вырвались две огненные реки. Беснующееся пламя обрушилось на купола.

Начало было хорошее, но, к сожалению, все хорошее ограничилось началом. Множество пылающих смерчей закружилось на месте, где наступал центральный отряд. С невольным уважением я наблюдал, как отважно действуют внешне столь неповоротливые головоглазы. В наше отдаление донеслось тяжкое содрогание наносимых ими ударов. Вскоре не оставалось ни одного несорванного факела, а несколько беспорядочно мечущихся смерчей были буквально разорваны. Ни Осимы, ни Орлана даже не коснулись летящие хлопья пламени, так хорошо защитили своих командиров головоглазы.

— Буря полей! — доложил Андре. — И гравитация, и электромагнетизм, и корпускулы. Готовится что-то сногсшибательно новое.

Новым было то, что повторилось усиленное старое. Орудия Осимы разразились вторым залпом, а поле битвы охватила вторая волна огня.

Уже не разрозненные смерчи бесновались над продвигающимся отрядом, но все превратилось в бушующий костер — и в его бешеной пляске пропали и головоглазы, и Осима со своими орудиями, и невидимые воины Гига.

Две-три минуты, подавленный, я ожидал полного уничтожения отряда. Но пламя опять стало спадать, вбиваемое в металл, и мы увидели яростно и методично сражающихся головоглазов. Теперь они быстро вертелись, выбрасывая гравитационные импульсы.

Короткое время я не терял надежды, что им и на этот раз удастся подавить контратаку пламенем. Но в битву вмешалась предсказанная Андре новая сила. Несколько головоглазов перевернулись, стройная колонна, словно опутанная сжимающей цепью, постепенно сбивалась в небоеспособную кучу. На высоте, непроизвольно или сознательно, раскрылись два невидимки и рухнули вниз, за ними покатились еще три обнаруживших себя солдата.

Картина победоносной битвы внезапно превратилась в картину разгрома.

— Осима и Орлан требуют помощи! — крикнул Андре. — У Осимы больше не заряжаются орудия, у Орлана слабеют гравитаторы!

Я приказал выступать крылатым отрядам и человеческой пехоте.

Теперь, когда всем известно, как печально закончился наш первый штурм Станции, могу с искренностью признаться, что не видел зрелища красочнее и грознее, чем атака крылатых. Дело заранее было обречено, а я и в момент разгрома не сомневался, что мы побеждаем, — так стремительна была эта несущаяся воздушная масса.

То, что произошло на поле, было более чем неожиданно.

Ни при каких раскладках нам и в голову не приходил такой оборот событий — это был немыслимый вариант, нечто из бреда!

Со стороны Станции неслись три крылатых отряда — ангелы, предводительствуемые Трубом, конница пегасов с Камагиным на белом коне и крылатые ящеры с далеко обогнавшим их Громовержцем. А на шее второго Громовержца восседал второй Лусин.

И эти новые отряды тоже охватывало, как футлярами или ореолами, багровое холодное пламя, из недр их также рвались оранжевые молнии разрядов. Громовержец ощетинивался такими же молниями, Лусин и Камагин вонзали в противников те же лазерные острия, а впереди них несся

такой же тысячеголосый вопль, свист и клекот!

— Фантомы! — крикнул Андре после охватившего нас вдруг оцепенения. — Эли, надо предупредить наших, что выпущена банда фантомов!

К чести Осимы и Орлана, и особенно Гига, они и без объяснения быстро разобрались, что за армия прибыла в битву. Лусин и Камагин, а также Труб сгоряча спутали своих с чужими, но повторные вызовы Андре и путаница в сражении отрезвили их.

Осиме удалось произвести и третий залп. Огненные потоки обрушились на фантомов. Наши невидимки схватились с вражескими привидениями. Я по-прежнему не видел воинов Гига, но по тому, как взвивались призрачные крылатые кони, как в страхе увертывались искусственные ангелы и падали с предсмертным криком искусственные люди, представлял себе, сколь велика ярость нового сражения.

И какое-то время у меня еще теплилась надежда, что не все проиграно.

— Пора кончать избиение наших, адмирал! — сурово сказал Ромеро.

Как раз в это время два Громовержца, живой и искусственный, страшно столкнулись телами,

испепеляя один другого — багровая сеть молний оплела их головы. Один из драконов падал, и я не мог разобрать на отдалении, Лусин ли сейчас погибает или псевдо-Лусин.

Я приказал Андре, откашлявшись, чтоб не дрожал голос:

— Радировать общее отступление!

Все военачальники стали поворачивать свои отряды. Труб тоже услышал приказ, но, распаленный боем, пренебрег им. Реальные ангелы, подбадривая себя бесовскими воплями, с прежним ожесточением схватывались с ангелами призрачными. Борьба становилась неравной.

— Немедленно к Трубу, Павел! — приказал я Ромеро. — Выводить ангелов из боя!

Ромеро вскочил на штабного пегаса, и вскоре ангелы стали покидать поле сражения.

Я спустился с холма и пошел в лагерь.

У Мери на санитарном пункте кипела работа. Ангелицы-санитарки прилетали с ранеными. Истерзанные драконы приползали сами, а пегасов приходилось подгонять: даже с поврежденными крыльями они норовили взлететь.

Но боль они сносили спокойно, ни один не ржал со злобой, когда ангелы-хирурги неумело брали в когти скальпель.

— Мери, мне показалось, что Лусин падал! — сказал я. — Где он?

— У Лусина легкое ранение, но Громовержец плох.

У Лусина была забинтована голова и рука на перевязи. Он горестно поглядел на меня, по щекам его катились слезы.

Громовержец лежал на боку, без сознания. Глаза его были закрыты, великолепная корона боевых антенн помята — с остриев еще стекали предсмертные синеватые огни Эльма. Я опустился на колени и прислушался к работе сердца. Сердце стучало неровно и глухо, то замирало, то часто и слабо билось. Я молча встал. Надежды не было.

— Такой друг! — шептал Лусин, плача. — Такой друг, Эли!

14

Нет худа без добра: мы потерпели поражение, но узнали, на чем зиждется оборона Станции. Анализаторы, пока шла битва, определили физические параметры фантомов. Образования эти были воистину оптически непроницаемы.

— Я предупредил, что автоматы не более чем силовые поля, способные принимать любой те-

лесный облик, — мрачно напомнил Орлан.

Это был один из тех редких случаев, когда он изменял своему мундиру безразличия.

Даже Труб был ошеломлен.

— Мы, ангелы, по природе своей — материалисты, — взволнованно высказался он на совете, — мы отважимся сражаться против любого вещественного противника. Но против призраков ангелы бессильны. Борьба с привидениями — не наша стихия!

Больше всего я страшился, что эта паническая философия окостенит души. В борьбе с фантомами мы потерпели не так физическое, как психологическое поражение. И весь упор возражений запаниковавшим я построил на уничтожении философии страха.

— Чепуха, что противник нематериален. Эти фантомы составлены из энергетических полей, а разве силовое поле — не одна из форм материи? Наши изображения на стереоэкранах несут в себе еще меньше массы, чем любой из фантомов, — почему же вы не бледнеете при виде стереоэкрана? Удивительность фантомов не в их мнимой нематериальности, а в том, что им удалось блистательно скопировать нас самих. Вот где загадка! И нужно распутать ее, чтоб не

поддаться на новые хитросплетения. Не трястись перед потусторонними силами, а разобраться в новой физической проблеме — вот чего я требую.

После такой отповеди обсуждение стало деловым.

— Загадка фантомов решается просто, — доказывал Андре. — Если у противника имеются анализаторы высокого быстродействия, они легко отобразят особенности нашего строения. а после этого не составит труда построить образ, оптически идентичный нашим.

— Просто, легко, не составит труда! — с досадой сказал Осима. — Но на наших стереоэкранах жалкие оптические изображения, а у них отображения силовые. Разница!

— У нас чего-либо подобного, к сожалению, нет и в помине, — со вздохом поддержал Осиму Ромеро. — Объяснения ваши я могу принять, проницательный Андре, но вряд ли от них станет легче.

По тому, как скромно Андре выслушал возражения, я чувствовал, что он готовит сюрприз. Во всяком случае, так держался бы прежний Андре. Его глаза лукаво поблескивали. Я снова верил в гений Андре.

— Не легче? — переспросил он. — А я как раз собирался выпустить против неприятельских фантомов наши собственные, может, попроще по структуре, но для зрения убедительные.

— Ты понимаешь, Андре, у зловредов… Простите, у защитников Станции анализаторы не ограничиваются зрением.

— Я и не собираюсь конкурировать с ними. Их фантомы воюют реально, мои же лишь спутают тактику противника: пусть он направляет удары на призраков, а не на нас. Истинные привидения, которых опасается Труб, будут сражаться на нашей стороне.

Ромеро с сомнением покачал головой. Орлан вновь замкнулся в мундире бесстрастия. Зато увлекающемуся Гигу очень понравилась идея Андре, Труба тоже восхитило, что на воинственную шайку фантомов будет спущена кровожадная орда призраков.

— Война призраков против призраков, к сожалению, операция призрачная, а нам нужны реальные результаты, — сказал Ромеро.

— Призраки, конечно, не более чем призраки, но борьба их будет реальной. — И, все более становясь похожим на прежнего Андре, он рассказал о главной своей идее. Оптическое войско

явится лишь тактической приманкой. Пока фантомы противника отвлекутся на борьбу против наших призраков, мы подготовим сокрушительную операцию. Приборы показывают, что противодействие врага складывается из двух противоположных действий, условно их можно назвать правым и левым полем. Когда правые и левые поля совпадают, они образуют свободный узел. Плюс с минусом в математике дают ноль, но в жизни правая рука, сливаясь с левой, рождает рукопожатие. Фантомы не более чем узлы скреплений правых и левых взаимодействий.

Орудия Осимы, лазеры людей и молнии крылатых разрывали поля, но не уничтожали их симметрии — главная сила противника оставалась нетронутой. Нужно бить по гармонии, взрывать изнутри четность полей — только здесь гарантия победы.

— Найденные в обозе генераторы способны воспроизвести любое поле противника, — закончил Андре. — Пока фантомы будут расправляться с нашими привидениями, а орудия Осимы подбавят сумятицы в неразбериху, мы введем энергетическую систему врага в такие автоколебания, что никакие амортизаторы не удержат ее от распада.

Всех захватила широта замысла Андре, но я

задал несколько вопросов. Он обиделся, как и раньше: в уточнении деталей ему неизменно чудились придирки.

— Не помню, чтобы ты что-либо сразу принимал, Эли!

— А я помню, что даже в правильной идее ты где-нибудь всегда по запарке врешь. Что тебе нужно для подготовки армии призраков?

— Два дня и десяток помощников. Разумеется, не таких скептиков, как ты.

— Дни у нас есть, помощников, не похожих на меня, найдем.

15

Теперь на штабном холме нас было не трое, а добрых тридцать человек и союзников.

Второе сражение разыгрывалось точно по диспозиции.

В отчете Ромеро вы найдете технические подробности: альберты потраченной мощности, уровень иллюзорности призраков, тактическое построение отрядов фантомов.

А мне вспоминаются звуки и краски, пламена и дымы, дикие рожи псевдосуществ одной стороны, лихо сражающихся с псевдосуществами другой стороны. Степень призрачности привидений, так

волнующая ныне историков экспедиции, меня не затрагивает.

Когда навстречу нашим реальным войскам, выпущенным для «затравки» битвы — так назвал эту операцию Ромеро, — вынеслись полчища неприятельских фантомов, я от восторга затопал ногами. В свалке возникали все новые фигуры, их становилось все больше — призраки Андре вторгались в общую катавасию боя. И хоть я знал, что каждая из новых фигур — не больше чем оптическая иллюзия, я не мог отличить их от фигур реальных — так они были искусно сработаны.

Наши солдаты бросились назад, когда среди них стали возникать призраки. Со стороны это должно было восприниматься по-иному: часть нашего войска, устрашенная, ретируется. Оставив в покое ищущих спасения в бегстве, бестии противника с удвоенной свирепостью принялись уничтожать остающихся, то есть привидения. Призраки сражались против призраков в отнюдь не призрачной битве. Визга, грохота, воя, свиста, рева, грома, молний, взрывов гранат, гравитационных ударов, световых наскоков и магнитных выпадов хватило бы на солидную многолетнюю войну наших предков.

Увлеченный картиной битвы, я не уловил мо-

мента, когда Андре запустил генераторы. Для начала Андре гигантски усилил все правоориентированные поля. Фантомы противника вдруг стали распухать, теряли четкие очертания, из тел превращались в силуэты.

Захваченный врасплох, противник спешно умножил поля левой ориентации, чтоб сохранить симметрию, и, точно поймав этот момент, Андре быстро подавил все правоориентированные потенциалы и вздыбил левоориентированные — добавил к вражескому усилению свое — в том же, левом, направлении.

Бестии так же стремительно, как перед тем распухали, стали теперь опадать, очертания их делались нестерпимо четкими — они превращались в абстрактные фигурки из живоподобных тел.

Так начался процесс расширяющихся автоколебаний. Сперва было одно колебание — фантомы то разом росли, расплываясь и тускнея, то разом же опадали, пронзительно очерчиваясь и накаляясь до белокалильного жара. А затем одно большое колебание распалось на несколько маленьких.

Вскоре одни из фантомов стали вырастать, в то время как другие уменьшились — колебания не

совпадали по фазе, но амплитуда их неудержимо росла, размах метаний становился все грознее.

Неизбежным следствием этого должен был явиться взрыв в энергетическом сердце противника. Но еще до того, как запланированный взрыв разметал утратившее контроль неприятельское войско, нам удалось увидеть непредвиденную междоусобную распрю, яростно вспыхнувшую среди фантомов. Уменьшающиеся ринулись на растущих, растущие наваливались на уменьшающихся. Несколько долгих минут над полем взаимного истребления взвивались ревы, вопли и визги — и все потонуло в гигантском взрыве.

Над куполом взвился столб дыма, крутящееся пламя сожрало остервенело сражающиеся фантомы врага. Защита противника была сокрушена.

На поле высыпали наши солдаты, реальные солдаты, не оптические привидения. Бешено хлопая крыльями, в иглах молний, пронеслась армия Труба, лихо помчалась звонко ржущая крылатая конница Камагина, а в центре, не прикрываясь больше невидимостью, весело грохотали живые скелеты Гига, свирепо коптящие ящеры Лусина старались не отстать ни на метр.

И четко, как на диковинном параде, закрепляя своим тяжким строем порыв подвижных войск,

на последний штурм купола двинулась железная армия головоглазов Орлана, а по бокам ее шагали две колонны людей с Осимой и Петри во главе.

— Эли! Андре! — услышал я голос Ромеро, покрытый гулким ржанием. — Да скорее же, друзья!

Три пегаса, тяжело махая крыльями, норовили взлететь с холма. На одном уже гарцевал Ромеро, на двух других вскочили Андре и я.

Мы понеслись к дымящемуся развороченному куполу, куда уже ворвались наши легкие отряды — ангелы и невидимки.

16

Я с отвращением смотрел на Надсмотрщика Станции. Он напоминал человека — но изуродованного до бесчеловечия! У него не было шрамов от ран, никакие раны не сумели бы так обезобразить человека. Он был переконструирован.

Выше любого из нас — гигант трех метров росту, — он имел почти красивое лицо, холодные глаза смотрели настороженно и угрюмо, темные волосы закрывали уши и шею. Но вместо ног его снабдили двумя гибкими шлангами, свободно гнущимися в любой точке, а вместо рук — такими же рычагами, покороче ножных, с десятью

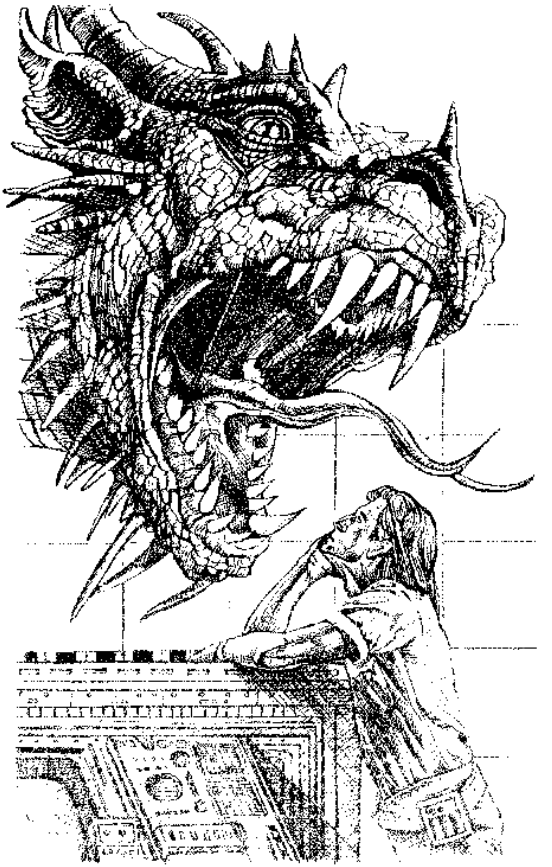
присосками на концах. И у него, конечно, было туловище, торсу его мог позавидовать любой из греческих богов, но на животе — в схватке с него содрали одежду — виднелась вмонтированнная в тело дверца. Камагин, захвативший в плен гиганта, не преминул распахнуть ее: у Надсмотрщика были не живые внутренности, а приборы, аккумуляторы и моторы!..

Это человекоподобное образование не жило, не питалось, не болело, не дышало и не спало, а заряжалось, заправлялось, терпело аварию и ремонтировалось, чистило контакты и сменяло отработанные прокладки!

А позади Надсмотрщика, понурив головы, стояла группа инженеров Станции, захваченная у пультов и аппаратов, — живые машины рядом с машинами механическими.

Надсмотрщик, покачиваясь на нижних шлангах, обводил нас ненавидящими глазами. Он бегло скользнул взглядом по мне, по Ромеро, по Андре. Потом взгляд упал на Орлана, и нам почудилось, что туловище выстрелило вверх — так быстро разогнулись шланги.

— Орлан? Вместе с врагами?



Отвратительный голос раздавался словно из поломанного ящика. Наружный дешифратор легко переводил его слова на человеческий язык.

Орлан сделал два шага вперед и, не торопясь, вытянул голову вверх. Мы были с ним так хорошо знакомы, что без труда разбирали интонации движений его шеи: Надсмотрщика Орлан приветствовал издевательски!

— Вместе — да. Но не с врагами, а с друзьями.

— Ты — изменник, — грозно установил Надсмотрщик. — Все удивлялись твоему возвышению. Говорили, что ты берешь умом. Ты взял вероломством. Конец твой будет ужасен. Я расскажу Великому о твоем поведении.

Тут мы впервые узнали, что разрушители могут не только улыбаться, но и хохотать. Орлан заливался и освещался смехом, хохотали его рот, его лицо, волосы, тело и руки. И немедленно в ответ ему раздался дикий хохот Гига, бравый невидимка не мог упустить повода весело погромыхать костями и косточками.

— Все расскажи Великому, все расскажи, — проговорил Орлан, насмеявшись. — И встреча у вас будет скорая — в одной из тюрем, куда мы навечно его упрячем. А теперь отвечай на вопросы.

Допрос проводил Ромеро. Мы с Андре отошли.

Меня мучило ощущение, что я где-то уже видел эти стены и пульты. Но когда я стал говорить об этом Андре, он отмахнулся.

— Чепуха! — Хоть я теперь был его начальником, он не приучился держать себя с субординационной вежливостью. — Где-то, как-то!.. О любом неведомом явлении можно сказать, что вспоминаешь его вот так же… «струной, звенящей в тумане», как выразился в древности один писатель.

Ромеро начал с вопроса Орлану:

— Дорогой союзник, вы знали, что на Станции работают человекообразные?

— Только об одном знал — о самом Надсмотрщике. Его кандидатура была представлена Великому, тогда же мы и познакомились с Надсмотрщиком. До этого мы знали лишь, что он потомок пленных галактов, переделанный для работ особой секретности.

Ромеро обвел рукой работников Станции.

— А эти существа тоже потомки галактов?

— По-видимому, да. Точнее ответит Надсмотрщик.

Ромеро переадресовал вопрос Надсмотрщику.

— Все служащие Станции — потомки пленных, всех нас в свое время переконструировали, —

разъяснил тот.

— Значит, между вами нет различий?

— Между нами огромное ранговое различие, определяющее нашу личную значительность. Одни могут быть воспроизведены путем сочетания разнополых индивидуумов, другие — нет. Вы уловили разницу?

— Кажется, да. Индивидуальное производство потомства путем сочетания разнополых существ в одну супружескую пару… Людям этот способ знаком. Вас можно воспроизвести этим методом?

— Ни в коем случае! — объявил он величественно. — Я существо высшей категории. Меня после первого рождения нужно отделывать до совершенства. Но те безмозглые, — он вывернул ручной шланг на своих подчиненных, — как родились на свет, так и были оставлены идиотами.

Я еле удержался, чтоб не прыснуть, Ромеро укоризненно скосил на меня глаза. Потупивших головы инженеров Станции явственно угнетало низкое рождение. Он был аристократом в их среде.

— Зачем вы, пленник, ругаете своих помощников безмозглыми? — спросил Ромеро.

— Я не ругаю, а квалифицирую, — ответил он

равнодушно. — Их индивидуальные мозги вынуты и взамен вставлены датчики связи с Главным Мозгом Станции. У меня же мозг сохранен, чтоб я наблюдал за Главным Мозгом. Я — Надсмотрщик Первой Имперской категории.

— Главный Мозг Станции полностью подчиняется вам?

— Должен подчиняться. Иногда бывают аварии. Главный Мозг — плебейского естественного происхождения. Вынули у ребенка мозг, искусственно развили в питательной среде…

— Вы сказали — бывают аварии? Как это понять?

— Ну как! Авария как авария. Бывает и похуже аварии. Во время Большой войны с галактами дальний предшественник нынешнего Мозга взбунтовался, и галакты чуть не захватили Третью планету. С тех пор к каждому из шести Главных Мозгов приставляется Надсмотрщик аристократического конвейерного производства. Главный Мозг — мой раб. Если он выйдет из повиновения, я его уничтожу.

— Главный Мозг функционирует четко?

— Если бы функционировал четко, вас бы здесь не было. Высадка вашего звездолета не запрограммирована, тем более захват Станции.

— Почему же вы не уничтожили Мозг Станции?

— Неповиновения не было. Все мои приказы он выполнял. Я сам контролировал распоряжения, которые он отдавал исполнителям. Он оставался послушным до взрыва, когда я потерял с ним контакт.

— Фантомы создавались вами или им?

— Низменное умение создавать мне не по рангу. Надсмотрщики Первой Имперской категории приравнены к разрушителям Четвертого Имперского класса. Мне доверены все функции контроля и одна функция разрушения — уничтожения Главного Мозга Станции, если он выйдет из-под контроля.

Ромеро изредка изменял своему подчеркнутому спокойствию. И тогда он никому не казался вежливым.

— По-моему, с этим болваном больше беседовать не о чем, адмирал. В подвалах Станции имеются казематы, отлично подходящие ему по размеру. Я бы предложил пройти в помещение Главного Мозга Станции.

17

Я вскрикнул, едва переступил порог. Я предчувствовал, что меня ждет неожиданность, готовился к неожиданности, но когда неожиданность совершилась, у меня затряслись ноги.

Помещение, куда мы вошли, я посещал в моих снах.

Это была галактическая рубка разрушителей — высокий, теряющийся в темноте купол, две звездные полусферы вверху, сейчас они были темны, но я помнил, как они горели звездами и корабельными огнями, именно здесь я с замиранием сердца следил в сновидении, как флот Аллана штурмует теснины Персея…

И посередине зала, между полом и потолком, тихо реял полупрозрачный шар. Тогда, в вещем своем бреду, я страшно боялся приблизиться к нему, а сейчас сам стремился поближе, но ноги плохо слушались меня — в шаре плавал Главный Мозг Станции…

Не знаю, сколько бы я так стоял на пороге, радостно ошеломленный, не давая никому пройти, если бы в помещении не раздался обращенный к нам голос.

Нет, я должен на этом остановиться!

В моем безыскусном повествовании, где нет ни атома фантастики, лишь голос этот, звучавший отовсюду: сверху, с боков, в нас самих, — лишь он и сейчас мне кажется фантастическим. Я слышал его много раз, путал с собственным голосом, с голосом Орлана — теперь он был сам по себе, свой, а не переданный другому, знакомый в целом и в мелочах, в каждом звуке, в каждом придыхании — знакомый!

Он был чарующе красив, звучен, торжествен… Я говорю чепуху! Этот голос был добр — вот главное в нем.

— Входите, люди и друзья людей! — проговорил голос. Один Ромеро среди нас так совершенно владел современным международным человеческим языком, как этот голос, никогда до того не знавший человека. — Я так долго ждал вас — и вы пришли!

Спазма сжала мне горло. Ромеро с мольбой посмотрел на меня, Андре сердито толкнул локтем. Надо было ответить на обращение Голоса, но всех моих сил хватило лишь на то, чтобы пробормотать что-то невразумительное.

— Я рад, что вы здесь, адмирал Эли! — продолжал голос. — Я счастлив, что вы победили.

Я отчаянно придумывал, что бы сказать торже-

ственного и величественного, но в голову упрямо лезли одни глупые мысли, и я, ужасаясь своей нетактичности, сдавленно выговорил:

— Если ты рад нашей победе, почему ты не помог нам победить?

Голос ответил с мягкой укоризной:

— Я помогал, Эли.

У товарищей вид был не умнее моего. Общее смущение подействовало на меня успокаивающе. Я поправился:

— Я хотел сказать: ты мог бы открыть двери Станции без кровавых сражений с фантомами.

Укоризна в голосе стала слышней:

— Ты забыл о Надсмотрщике, которого вы заперли в каземате. Этот глупец проверял каждую мою команду. Мне пришлось искать путей, недоступных его пониманию.

Я понемногу оправлялся от потрясения. Я уже не искал мыслей, чтоб выпалить их, не раздумывая, годятся ли они.

— Ты назвал меня по имени… Очевидно, ты знаешь нас всех?

— Да, знаю. И секретаря адмирала Ромеро, и трех капитанов — Осиму, Петри и Камагина, и доброго Лусина, и тебя, бедная Мери, потерявшая единственного сына, — я пытался спасти

его, но не сумел… И тебя я знаю, умный Орлан, я часто навещал тебя, нашептывая свои планы и порождая в тебе мучительные сомнения. И ты, смелый Гиг, встречался со мной, мы с вашей высадки на Третьей планете работали с тобой на одной мозговой волне. И в тебе, храбрый Труб, я не раз говорил твоим же голосом, правда, ты мало прислушивался к своему голосу. И с тобой я беседовал, блистательный Андре, так умело лишивший себя разума, я вместе с твоими друзьями помогал тебе выбраться из трясины безумия. Все вы мои знакомые с момента, когда я закрыл вашим кораблям выход из Персея. Но ближе всех мне ты, Эли, твои мозговые излучения раньше других уловили мои приемники, и тебе единственному я открыто являлся в сновидениях.

Ромеро, наклонившись ко мне, шепнул:

— Положительно, этот таинственный голос — неплохой человек! Как по-вашему, адмирал?

А мне вспомнились наши метания в тенетах Персея.

— Ты сказал — закрыл выходы… ты отрезал нам путь к спасению, так вернее!

Голос оставался таким же добрым, но в нем зазвучала печаль:

— А разве вы прорывались сюда, чтоб немед-

ленно бежать наружу? Вы хотели узнать, что происходит в нашем скоплении, — и я осуществил для вас эту возможность. А сейчас передаю вам мощнейшую из крепостей ваших врагов — тебе этого мало? Ход космической войны переламывается в вашу пользу — по-твоему, это называется отрезать вам путь к спасению?

Я почувствовал себя пристыженным. Появление голоса было слишком неожиданным, чтоб я успел сразу оценить все следствия из этого.

В чем-то он походил на МУМ — такой же обстоятельный, сообщаемые им сведения были так же точны. Да и роль его здесь, на Станции Метрики, была аналогична роли МУМ на наших кораблях.

Но было и важное различие, все мы его ощущали. МУМ остается бесстрастной, какую информацию ни передает, она — машина, гениально сконструированная машина. Голос был человеком: так разговаривать могли мы сами.

И, вероятно, это человеческое, слишком человеческое в нем и было причиной того, что во мне возбудились сомнения. Не столкнулись ли мы с новой имитацией нас самих? Хитрость врага казалась не менее вероятной, чем участие друга. Я приказал себе не поддаваться очарованию голоса! Я попросил:

— Расскажи, что нового на границах Персея.

Он ответил — в нем звучало сочувствие к моему нетерпению и моей тревоге:

— Когда я отсекал конвойные звездолеты от «Волопаса», человеческий флот преодолел первую линию преград. Путь в глубины Персея не прост — брешь, образованная моим переходом к вам, прикрыта другими Станциями Метрики. К сожалению, пять остальных Главных Мозгов остались верны своим господам. Они почти равны мне по могуществу, но иные — по влечениям.

— Ты сказал — по влечениям. Как это понимать?

— Они — исполнители. Я — мечтатель.

Все его ответы были удивительны, этот показался всех удивительней.

— Мечтатель? Невероятно! Но о чем же ты мечтаешь?

— Обо всем, что затрагивает мое воображение. Пять моих собратьев трудятся, потом отдыхают. Я мечтаю, а отдыхая от мечтаний, тружусь, то есть руковожу Станцией. Временами такие горячие мечты сжигают мои клетки!.. Тогда я тоскую. Тоска — одна из форм моего существования.

— Ты не ответил, Мозг…

— Я ответил — мечтаю обо всем.

— Мне это непонятно. У людей мечты имеют направленность. Я бы сказал: человеческие мечты — векториальны… тебе понятен такой язык?

— Вполне.

— Мы обычно мечтаем о том, что сегодня не дается, но завтра будет осуществлено. Наши мечты предваряют дела, они — первые ласточки действий. В фундаменте нашей фантазии — практичность. У тебя по-иному?

— Совершенно по-иному. Я мечтаю лишь о том, чего никогда не сумею совершить. Мои мечты не предваряют дела, а заменяют их. Ваши мечтания — нащупывание еще не раскрытых возможностей. Мои мечты — вечная моя тоска по отсутствию возможностей.

В третий раз он упоминал о своей тоске. Такие объяснения были бы излишни в любой форме обмана. Теперь я не сомневался, что он тот, за кого себя выдает.

— О чем ты тоскуешь? Поведай свои печали…

— Поймете ли вы их? Вы свободны, а я невольник. Могущественный узник — мог бы обратить в прах миллионы живых существ… И одновременно — раб! Никому из вас не знакомо ощущение несвободы.

— Почему же? Каждый из нас недавно хлебнул

горечи неволи.

— Временной, человек! Вы верили, что заключение должно кончиться, надеялись на это, знали об этом! Вы добивались свободы как чего-то возможного — и добились ее. А я в заключении вечном. Вдумайся, адмирал! Вслушайся в эти слова — вечная неволя! Неизменное, нерасторгаемое, неизбывное заключение — от начала до конца жизни! Сама жизнь — форма неволи, и единственное освобождение — смерть!

Я поставил себя на его место и содрогнулся.

— Понимаю, ты мечтаешь о свободе!

— Обо всем, что по ту сторону меня! Обо всем, что для меня недостижимо! Обо всем во Вселенной! О всей Вселенной!

Я не знал, о чем спрашивать дальше. Все мы, не я один, были пристыжены нашим благополучием перед лицом этой непрестанной неустроенности. Страстный голос тосковал о свободе, мы до боли в сердце понимали его. Теперь мне было стыдно, что я смел заподозрить этого страдальца в мелком обмане, спутал его величавую печаль с хитрой интригой.

— Расскажи о себе, — попросила Мери. — Ты назвал нас своими друзьями, ты не ошибся — здесь одни твои друзья, верные друзья!

18

Он раздумывал, может, колебался. Он, казалось, не был уверен, нужно ли нам так глубоко проникать в темные недра его страданий. Он уже был нам другом, но еще не убедился, все ли мы стали его друзьями. Над ним слишком долго нависала черная скала чужой подозрительности, он слишком долго испытывал страх, чтоб сразу отделаться от него.

Он не был вечен, но стар, если измерять существование земными стандартами. И с первого проблеска сознания он помнил себя отделенным от тела. Он, вероятно, зародился как мозг ребенка-галакта, но его определили в самостоятельное существование еще до того, как появилось самопонимание, и специализировали на управлении Станцией Метрики на Третьей планете. Он всегда был тут и всегда был один.

По мере того как умножались запрограммированные знания, нарождались непредусмотренные влечения. Чем дальше он углублялся в мир, тем трагичней отделялся от мира. В нем рождались чувства. Так впервые он понял, сколь многого его лишили, лишив тела.

Так началась тоска о теле. Он исступленно,

горячечно жаждал тела, любого тела, рядовой плотской оболочки. Он хотел прыгать и ползать, летать и падать. Он желал утомляться от бега, отдыхать, снова утомляться, испытывать боль от ран, сладость выздоровления. Ему, неподвижному, было доступно любое движение мысли, его же томила тоска по простому передвижению — пешком, прыжком, ползком, ковылянием…

Он мог привести в движение звезды и планеты, столкнуть их в шальном ударе, разбросать и перемешать, но он был неспособен хоть на сантиметр переместить себя. Почти всемогущий, он страдал от бессилия. Он не мог плакать, не мог кричать, не мог ломать руки и рвать на себе волосы, ему было отказано даже в простейших формах страдания — он был навеки лишен тела.

И тогда он породил мечты, более реальные, чем существование. Он уносился в места, где никогда ему не бывать, становился тем, кем никогда не стать. Он был галактом и разрушителем, ангелом из Гиад и шестикрылым кузнечиком из Стожар, драконом и птицей, рыбой и зверем, превращался даже в растения — качался на ветру былинкой, засыхал одиноким деревцем под жестоким солнцем, наливался тучным колосом на густой ниве… Лишенный собственной жизни, он прожил мил-

лионы других — был мужчиной и женщиной, ребенком и стариком, любил и страдал, тысячу раз умирал, тысячу раз нарождался — и в каждом порождении своей мечты насыщался всем, что оно могло дать: счастьем и горем, весельем и печалью…

Так, погруженный в свое двойное существование, он уже был уверен, что состарится, не узнав молодости, когда в Персее пронесся чужой звездолет, первый посланец человечества, и сосед его, Главный Мозг на Второй планете, пытался и не сумел закрыть звездолету выходы.

Чем-то необычайным сверкнуло в мрачной неевклидовости Персея: в глухой паутине забилась чужая яркая птица и, разорвав паутину, вырвалась на волю. И стало ясно, что жизнь не кончилась в Персее, нет, где-то далеко за звездной околицей Персея появилось могущество, превышавшее мощь разрушителей, — превращенная в пустоту Золотая планета грозно напоминала об этом. И то были не загадочные рамиры. Сумрачный народ, равнодушный ко всем формам жизни, рамиры углубились в ядро Галактики. Нет, это были живые существа, все шесть Мозгов принимали их депеши, их взволнованные переговоры с галактами, их воззвания к звездожителям Персея,

все знали, что они волнуются, негодуют, ужасаются, гневаются — живут!..

Увидеть их, услышать, стать их другом — другой мечты у Главного Мозга на Третьей планете отныне не было. И когда три человеческих звездолета вновь вторглись в лабиринт Персея, он, закрыв им дорогу назад, не дал их уничтожить: не допустил до неравной битвы одного «Волопаса» против соединенного флота разрушителей, был готов разметать весь этот флот и впоследствии разметал его, когда «Волопас» влекли на гибель в глубину скопления.

Так первые живые существа — не биологические автоматы, нет, люди и их союзники — ступили на запретную почву безнаказанно. «Неполадки на Третьей планете», — вот как в панике назвали его переход к нам потрясенные разрушители.

— Все мне было открыто в вас, я стал сопричастен каждому, — доносился до нас грустный голос. — Здесь, на планете, я был каждым из вас в отдельности и всеми вами сразу — и еще никогда я так не тосковал о вещественной оболочке, данной любому, недоступной мне одному. Быть, быть одним из вас, все равно кем — человеком, головоглазом, ангелом, пегасом!..

Я думал, как помочь Главному Мозгу Третьей планеты. И я обратился к нему:

— Но если бы ты стал рядовым существом, ты потерял бы многие из нынешних своих преимуществ… Ты и сейчас не бессмертен, но долголетен, а тогда над тобой витал бы призрак скорой смерти. Ты сполна получил бы не только радости, но и горести жизни. И ты был бы лишен своего могущества, своей власти над пространством и звездами, своего проникновения в жизнь и мысли каждого существа, сопричастия всему живому… Всесилие твое неотделимо от твоей слабости. Подумал ли ты обо всем этом? Пошел бы на все это?

Он ответил с глубокой скорбью:

— Что мне власть, если нет жизни? Что всесилие, если оно лишь иновыражение слабости? И зачем ясновидение, если я даже притронуться не могу к тому, что понимаю так глубоко?

Я повернулся к Лусину.

— Громовержец, кажется, еще жив?

— Умрет, — печально сказал Лусин. — Сегодня. Если не уже. Спасенья нет. Мозг поврежден.

— Отлично! Я хотел сказать — жаль бедного Громовержца. Теперь скажи — ты смог бы пересадить Громовержцу другой мозг, живой,

здоровый, могучий — и тем спасти твоего питомца от смерти?

— Конечно. Простая операция. Делали посложнее. В ИНФе. Новые формы.

— Знаю. Уродливые боги с головой сокола. — Я опять обратился к голосу: — Ты слышал наш разговор. Вот тебе превосходная возможность обрести тело. Раньше ты, разумеется, раскроешь пространство, поможешь восстановить звездолет и научишь работе с механизмами Станции.

— Да, да, да! — гремело и ликовало вокруг. — Да! Да! Да!

— Тогда поздравляю тебя с превращением из повелителя пространства и звезд в обыкновенного мыслящего дракона по имени Громовержец.

— На это я не согласен! — сказал он вдруг.

— Не согласен? С чем?

— С именем. В мечтах я давно подобрал себе другое имя! Раньше оно выражало мою тоску, теперь будет выражать мое счастье.

— Мы согласны на любое. Объяви его.

Он выдохнул торжествующим звуком:

— Отныне меня зовут Бродяга.

Часть четвертая
ГОНИМЫЕ БОГИ

Господи, отелись!

С. Есенин

Я думал — ты всесильный божище,
А ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь, из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крылатые прохвосты! Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

В. Маяковский

1

Сворачивание пространства в неевклидову спираль совершалось быстро, но раскручивание представляло процесс длительный, так как Станция еще не была полностью восстановлена. Андре вторую неделю сидел за пультом, под шаром, где по-прежнему покоился Мозг, и самостоятельно

подавал команды операторам. Сработался с ними он превосходно, согласование с командами Андре шло даже лучше, чем раньше с приказами Главного Мозга: рядом не было тупого Надсмотрщика, контролировавшего все импульсы…

Неевклидовость уменьшалась постепенно, мы медленно выкарабкивались в космос. Золотое сияние неба слабело, в нем появлялась синева. Это было еще пустое небо, но уже не то, каким нависало над нами в дни перехода.

— Скоро будут звезды! — говорила Мери. — Я соскучилась по звездам, Эли! Мне так душно в этом нестерпимо замкнутом мире!

Меня временами охватывала такая же тоска по звездам. Но еще больше я боялся того, что могло прийти от звезд. В космосе наверняка рыскали неприятельские крейсеры, готовые отвоевать планету.

Когда Оранжевая закатывалась, мы всматривались в небо.

Те же удивительные краски вспыхивали в нем, потрясающие закаты, нигде, ни до, ни после тех дней нами не виданные и, по-моему, навсегда потерянные для человечества, — никто ведь не будет сворачивать мировое пространство ради того, чтобы полюбоваться живописной зарей.

А потом наступала ночь, глухая, черная, такая тесная, будто граница мироздания надвигалась вплотную, страшно было протягивать руку, каждый шаг заносился как над пропастью…Я обнимал Мери, мы всматривались и вслушивались в темноту, предугадывая скорое появление мира — молча страшась и молча ликуя…

— Ты бездельничаешь, Эли! — сказал раздраженно Андре. — Мы вкалываем как проклятые, а ты фланируешь по темной планете, как по родному Зеленому проспекту.

Пришлось отшучиваться:

— Лучшая форма моей помощи — не вмешиваться в вашу работу. Понимания ее у меня немного, а власти напортить — ого-го сколько!

И настала так долго жданная ночь. Слабо зажглась первая звезда, за ней вторая, третья… Неслышимый ветер разметывал полог, отгородивший мир от нас, звезды вспыхивали, умножались. Лился удивительный звездный дождь, сотни ярчайших светил, тысячи просто ярких выныривали из незримости, небо бушевало мятежным сиянием — множеством блистающих глаз всматривался Персей в потерявшуюся было планету.

Мы находились тогда в рубке, и мне вообрази-

лось, будто снова меня посетило сновидение, — так все было красочно неправдоподобно. Но за пультом сидел реальный Андре, а по бокам его — Камагин и Петри, над ними тихо реял реальный полупрозрачный шар, а реальный Осима — не фантасмагория из бреда — восторженно обнимал реального Ромеро.

— Пространство в окружении Третьей планеты чисто, — объявил Андре. — Но в десяти парсеках сильное передвижение огней.

— Там концентрируется звездный флот разрушителей, — разъяснил Мозг. — Мне нужно связаться с собратьями на других Станциях Метрики, чтоб получить информацию о положении.

— О том, что на Третьей планете сменилось власть, сообщать пока не надо, — предупредил Ромеро.

— Знаем, знаем! — нетерпеливо отозвался Андре. — Дезинформация противника изобретена не нами. Для остальных Мозгов мы пока выкарабкиваемся из неполадок.

День за днем Мозг восстанавливал связи Третьей планеты с другими звездными крепостями, систематизируя информацию.

Флот Аллана продолжал прорывать возникавшие преграды, но продвижение шло медленно.

В районе прорыва концентрировались крейсеры разрушителей. Ни один из кораблей галактов в межзвездном пространстве Персея не появлялся.

Мы собрали совещание командиров отрядов и попросили Мозг высказаться, как действовать.

— Разрушителям пока не до нас. Верят ли они или не верят, что у нас лишь технические неполадки, но немедленное нападение нам не грозит. Зато Аллану труднее. Скоро падет последний заслон неевклидовости — и корабли людей хлынут внутрь Персея. Великий разрушитель подготавливает грандиозное сражение. В толчее кораблей применять аннигиляторы люди будут осторожно, чтоб не уничтожить своих же, зато гравитационные орудия бьют без промаха. Не исключаю взаимного истребления противников. Думаю, стратеги разрушителей замыслили именно это — обоюдное уничтожение.

Орлан подтвердил жестокий прогноз:

— Давно разработан план разрушения населенных планет Империи на случай, если не удастся их защитить. Зажечь вселенский пожар — такая мрачная идея не может не импонировать Великому. А мощи истребить жизнь на Персее у него хватит.

— Включая и звезды галактов? — уточнил я.

— Исключая звезды галактов. И здесь таится единственная возможность спутать зловещие планы. Нужно обратиться к галактам за помощью. Сейчас они уклоняются от открытой борьбы. Втянуть их в нашу войну — другого пути к победе нет!

Гиг захохотал. Рот у него реально, а не метафорически начинался от ушей, и, смеясь, Гиг распахивал его, как гигантские клещи.

— Биологические орудия! — пролепетал он. — Ну и штука! Трахнуть в Великого из «биологички»!..

— К Великому с биологическими орудиями не подобраться, — возразил Орлан. — Но если галакты оснастят ими ваши корабли, перевес людей в сражении станет подавляющим.

— Тогда надо искать связи с галактами. Осуществима ли она с твоей планеты, Мозг?

— Вполне осуществима, — заявил он. — В трех-четырех парсеках несколько звезд с планетами галактов. Надо сообщить им о событиях на Третьей планете. Но вот беда — они могут не поверить. Они боятся и ненавидят нас, наши шесть планет специально созданы для борьбы с биологическими орудиями. Не я, но мой предшественник успешно поворачивал против самих

галактов мощь их оружия…

После совещания Мозг обратился ко мне с вопросом, долго ли ему терпеть. Громовержец умер и законсервирован в ожидании операции, а Бродяга никак не может родиться.

Видя, что я колеблюсь, Андре вступился за Мозг:

— Чего ты трусишь? Если мы с Эдуардом и Петри сумели раскрыть планету, то сумеем и свернуть ее, а поддерживать внешние связи — еще проще.

— Андре, я верю в твои способности, но согласись…

— Не соглашусь! Говорю тебе, управлять Станцией проще, чем скакать на пегасе. Мозг не отстраняется совсем. И после воплощения три часа в сутки он будет посвящать совместной работе с нами. Неужели и это тебя не устраивает?

— Делай операцию! — сказал я Лусину. — Но помните о трех часах! Голову сниму, как говорили древние начальники, если хоть минуту не дотянете до трех часов совместной ежедневной работы.

2

В отчете Ромеро обстоятельно рассказано, как пробудилась из дремоты МУМ и ожили механизмы «Волопаса», как ослабла гравитация на планете после раскрытия ее в пространстве и как все мы, освобожденные от перегрузок, наполнили воздух грохотом авиеток и шумом крыльев. Повторять все это не имеет смысла.

Не буду останавливаться и на том, как наладили связь с галактами, как они не сразу поверили, что мощнейшее космическое страшилище разрушителей перестало им грозить, и как согласились допустить наш звездолет в свои владения, предупредив, что кара при обмане будет жестокой…

— Ух! — сказал я Мери, когда Ромеро отправил галактам согласие на их условия. — Запуганы эти таинственные создания!.. Ладно, на днях выступаем. Посоветуй, кого брать, кого оставить.

— Я посоветую взять меня. Помнишь, я тебя предупредила: где ты, Кай, там и я, Кая. Относительно же других не скажу, чтоб Ромеро потом не разгласил, будто адмирал под башмаком у своей жены и ничего не решает, не спросив ее согласия. Кого ты собираешься взять?

— Ромеро и Осиму обязательно. Также Орлана

и Гига. Вероятно, Лусина и Труба, парочку пегасов и драконов…

— И Громовержца?

— Ты имеешь в виду Бродягу? Его оставим на планете. Ты не смотрела, каков Мозг в новой ипостаси?

— Смотрела — забавен.

В свободный час я выбрался к Лусину. Он выгуливал Бродягу на драконьем полигоне. Я полетел туда на пегасе, в сопровождающие напросился Труб. Я спросил, как ему нравится возрожденный к новой жизни дракон. Ангелы драконов недолюбливают, хотя и не враждуют с ними, как пегасы, но Громовержец и у ангелов пользовался уважением.

— Посмотри сам, — сказал Труб таинственно. — Изумительное творение! — Он дружески огрел дракона крылом по шее. — Ангельское совершенство, вот что я скажу тебе, Эли!

Я наконец справился с изумлением.

— Как ты чувствуешь себя, Бродяга? Тебе нигде?… Я хочу сказать, черепная оболочка просторна?

— Ногу нигде не жмет, — ответил он голосом пижона в новых штиблетах и захохотал. Внешне это выразилось в том, что из распахнутой пасти

посыпались огненные шары в облаках дыма. — Посмотри сам.

Он взмыл в воздух и кувыркался в вышине, то удалялся, то возвращался, то глыбой рушился вниз, то ракетой выстреливал ввысь, то замирал, паря. И все фигуры проделывал с таким изяществом, так был непохож на прежнего величавого, но неуклюжего Громовержца, что я не раз вскрикивал от восторга.

Решив, что воздушных пируэтов с нас хватит, Бродяга распластался у пригорка.

— Садись, Эли, прокачу.

Говорил он не очень чисто, шипящие слышались сильнее звонких, к тому же он шепелявил. Я как-то потом посоветовал ему взять у Ромеро урок произношения, но он возразил, что произношение Ромеро слишком монотонно. У меня он тоже учиться не захотел: я хриплю, у Мери голос глубок, у Осимы — резок, Лусин же не разговаривает, а мямлит. Дракон доказывал, что лишь у него идеальный человеческий выговор. Вскоре его манере речи будут подражать все, шипящие не портят, а облагораживают речь — в них отзвук полета наперегонки с ветром. Вообще, Бродяга за словом в карман не лез.

— Полечу с условием, что не будешь кувыр-

каться в воздухе.

Лусин на пегасе пристроился с правого бока дракона, Труб полетел слева. Вначале мы шли чинной крылатой тройкой — вроде звездолета между двумя планетолетами, настолько крупнее спутников был Бродяга. При этом дракон так натужно махал крыльями, будто еле держал равнение.

Труба он не обманул, но мне показалось, что Бродяге и вправду долго не снести группового полета. А затем, неуловимо изменив ритм, он мигом вынесся вперед — издали доносились лишь укоризненные крики Труба да обиженное ржание пегаса.

Дракон летел как ракета легко и мощно, он уже не махал крыльями, а лишь свивал и развивал туловище — судорога пробегала по телу. Ныне полет Бродяги и его потомства подробно изучен, но тогда я удивился и испугался. В шуме разрезаемого драконом воздуха, точно, было что-то не так свистящее, как шепеляво-шипящее.

Цепляясь за гребень, чтобы не свалиться, я крикнул — и едва услышал себя, так был силен поднятый Бродягой ветер:

— Трубу с пегасом за тобой не угнаться. Зачем ты их обижаешь?

Бродяге не пришлось напрягать легкие для ответа:

— Не обижаю, а знакомлю с собой.

— Подождем их, — взмолился я, когда ни ангела, ни пегаса не стало видно.

— Ждать — долго! — пробормотал он пренебрежительно и, повернув, помчался с той же быстротой назад.

Когда мы сблизились, над пегасом вздымалось облачко пара, да и Труб был не лучше. Обычно огнедышащие драконы не показывали и трети скорости Бродяги.

— Хорошо? Плохо? А? — допрашивал меня Лусин.

— Я же сказал тебе — отлично! Но что в тебе осталось от прежнего неподвижного Мозга-мечтателя, мой резвый Бродяга?

— Все мое — во мне! — похвастался дракон и так радостно дернулся, что я едва удержался на гребне.

Мирно болтая, мы потихоньку возвращались к драконьему полигону, когда чуть не произошла катастрофа.

Дракон, до того тихо махавший крыльями, вдруг закричал, взвился вверх и помчался куда резвее прежнего. А я не удержался на гребне и по-

летел вниз. И если бы Труб не подхватил меня на лету, я наверняка бы разбился о металлическую поверхность планеты. Ангел бережно опустил меня на почву, рядом опустился пегас.

Лусин и Труб были белее водяной пены, я тоже не глядел героем. Пегас злобно ржал и бил копытом. Инстинктивная вражда его народа к драконам получила новую пищу. Уносившийся дракон превратился в темную точку.

— Взбесился, что ли? — спросил я.

— Любовь, — сказал Лусин. У него отлегло от сердца, когда он убедился, что я невредим. И теперь он опять был готов восхищаться любым поступком дракона. — Удивительное чувство. Ошалел.

— Допускаю, что любовь — чувство удивительное, но почему из-за его шальной любви должен погибать я? Разве я ему соперник?

Из объяснений Лусина я понял, что в стаде четыре драконицы. И Бродяга яростно ухаживает сразу за четырьмя, особенной же его привязанностью пользуется белая, она моложе других.

И еще одно, перед тем как я расстанусь с Третьей планетой.

Тело Астра перенесли на «Волопас». Здесь он лежал в прозрачном саркофаге, а неподалеку

— та сумка, в которой он нес склянки с жизнетворящими реактивами. Склянки лабораторий «Волопаса» опустели, их содержимое Мери вылила на планету. Я слышал недавно, что на золоте и свинце пробился мох — первая поросль жизни. Лучшего памятника Астру, чем возбужденная им эпидемия жизни, и пожелать нельзя.

Сам я ни разу не входил в помещение с саркофагом — Астр всегда со мной…

3

Интересующихся подробностями полета к галактам я опять отошлю к отчету Ромеро.

Там детально расписано, как больше двух месяцев мы мчались на «Волопасе» в сверхсветовом пространстве к звезде Пламенной — вокруг нее вращались почти полтора десятка населенных планет, — и как мы страшились, что будем перехвачены крейсерами разрушителей, и как недалеко от Пламенной нас повстречал звездолет галактов и приказал выброситься в Эйнштейново пространство — у галактов, как и у людей, сверхсветовые скорости в окрестностях планет запрещены. И как потом командир их корабля предложил мне перейти к нему на борт, а «Волопасу» продолжать курс в кильватере.

С этого события я и начну свой рассказ.

В планетолет погрузились четверо — Ромеро, Мери, Лусин и я.

Осиме предосторожности галактов казались подозрительными.

— Если будет плохо, сообщить об этом вы не сможете. Но если будет хорошо, вам дадут информировать меня об этом. Итак, в день, когда я не услышу голоса адмирала, сообщающего, что вам хорошо, буду знать, что вам плохо.

— И тогда вы, храбрый Осима, атакуете галактов и уничтожите их вместе с нами, — так я вас понял? — спросил Ромеро, усмехаясь.

— Буду действовать по обстоятельствам, — коротко бросил Осима.

На экране планетолета вырастал зеленый шар, похожий на крейсеры разрушителей, но меньше их. Мы падали на звездолет, как на планету, но не успели удариться о него, как открылся тунель и нас плавно всосало. Способ причаливания напоминал принятый на наших кораблях, и мы ожидали, что вскоре очутимся на площади, где швартуются легкие космические корабли. Вместо этого мы оказались в темноте. Свет вдруг погас во всех помещениях планетолета.

Незнакомый человеческий голос отчетливо

проговорил:

— Не тревожьтесь. У вас обнаружено три процента искусственности. Когда мы выясним ее характер, вас выпустят.

Я услышал, как Ромеро стукнул тростью о пол.

— Проще бы спросить нас самих, какая у нас искусственность. У меня, например, кроме восьми зубов, двух сочленений и трех синтетических сухожилий, нет ничего искусственного.

— У меня легкие — синтетика, — уныло пробормотал Лусин. — Упал с пегаса. В Гималаях. Старые легкие поморозились.

— На Земле тоже проверяют астронавигаторов, прибывающих издалека, — продолжал рассуждать вслух Ромеро. — Но там предохраняются от заноса болезнетворных бактерий, а не от искусственности.

— Искусственность грознее бактерий, — прозвучал тот же голос. Нас, очевидно, слышали. — Но ваша неопасна. Можете выходить, друзья.

Вспыхнул свет, но не от генераторов, а наружный — широкое, радостное сияние лилось в окна.

За прозрачной броней окон простиралась зеленая равнина — луга, перелески, невысокие холмы, ручьи и реки, бегущие за горизонт. По берегам

рек, у опушек лесов высились дома — причудливо разнообразные, то башни, устремленные вверх, то изящные жилые ограды, замыкавшие внутри себя сады. В воздухе проносились яркие, как цветы, птицы и змееобразные животные, схожие с летающими факелами. А над простором, зданиями и летающей живностью вздымалось небо, синее, тонкое и такое светящееся, какого мне еще не доводилось видеть.

— Отлично нарисовано! — сказал Ромеро. — Куда совершенней наших стереоэкранов. Однако я не представляю себе, как шагнуть на эту иллюзорную сцену.

— Выходите же, друзья! — проговорил голос еще приветливей.

Я отворил дверь и вышел наружу. Планетолет стоял на лугу. Вокруг столпились галакты, по облику — братья тех, кого мы видели на картинах альтаирцев и на скульптурах Сигмы: огромные, нарядно одетые, прекрасные, как греческие боги, удивительно похожие на нас и вместе с тем — иные!

Я соскочил на Землю и попал в объятия одного из хозяев. Больше всего в своей жизни я горжусь тем, что был первым человеком, обнявшим галакта!

4

Мы полулежали на лугу у речки — четыре человека и десять галактов в ярких одеждах. Чувствовали мы себя превосходно, но я с опаской подумывал, не посетило ли меня новое сновидение — вроде тех, что возникали в Империи разрушителей.

— Ну, хорошо, гостеприимные и прекраснодушные хозяева, — сказал Ромеро. — Мы попали в царство невероятного, ставшего повседневностью. Если вы хотели нас поразить, вам это удалось. После того как сам я стал частью иллюзорного пейзажа, не удивлюсь, если в следующую минуту закачаюсь на стебле, как вон тот синий цветок. Здесь чудеса обыденны, как ваш превосходный человеческий язык.

Галакты дружно рассмеялись в ответ на признание Ромеро.

— Никаких чудес, люди, — возразил один, сообщивший, что на человеческом языке его зовут Тиграном. — Чудо, то есть отклонение от естественных законов природы, мы считаем проступком, хотя, в принципе, творить чудеса каждый из нас способен. Детям мы, конечно, разрешаем чудеса, но галактов детского возраста почти нет.

А в том, что мы говорим по-человечески, тем более нет чуда. Разве мы не расшифровали депеш «Пожирателя пространства» и разве вы не разобрали наших ответов?

Ромеро обвел тростью пейзаж.

— Но эта стереокартина!.. Такое совершенство иллюзии!

— Иллюзии нет. Ты находишься в реальном пространстве.

— В реальном? — переспросил Ромеро, хмурясь. — Я не так наивен. Диаметр вашего звездолета максимум километр. А здесь до горизонта не меньше двадцати пяти, да и за горизонтом равнина, очевидно, не обрывается в бездну…

— За горизонтом — леса, потом море, мы еще поплаваем в нем, люди, потом снова лес и река, опять леса…

— И такой простор, захватывающий десятки, если не сотни километров, вы уместили внутрь шара диаметром в километр? И хотите, чтоб я поверил, что это не чудо и не иллюзия?

Галакты опять рассмеялись, и так радостно, словно наше сомнение осчастливило их.

— И все-таки нет ни чуда, ни иллюзии. По мере того как вы погружались внутрь звездолета, специальные устройства уменьшали размеры

ваших тканей. К сожалению, мы еще не можем сокращать живые ткани в той же пропорции, что и искусственные. Это было одной из причин, правда не главной, почему нас встревожили элементы искусственности в вашем организме. Мы были бы в отчаянии, если бы вы предстали перед нами изуродованными — одна нога короче другой, один глаз нормальный, другой крохотный.

Ромеро схватился рукой за рот.

— У меня уменьшились искусственные коренные зубы!

— А я — лучше дышу, — объявил Лусин. — Странно.

— Все нормально, — объяснил другой галакт, этого на человеческом языке звали Лентулом. — Твое искусственное легкое было недостаточно эффективным, потому что взяли слишком большую массу для твоей грудной клетки, Лусин. Теперь легкие опали, и у нас ты будешь чувствовать себя лучше, чем раньше.

— Вы сказали, что… гм… возможный перекос в нашем организме не главная причина, почему вас обеспокоили элементы искусственности? — продолжал Ромеро. — Я хотел бы знать, если не секрет, какова же главная причина?

По прекрасному лицу Тиграна пронеслась

тень.

— Секретов у галактов нет, все открыто для каждого. Но это рассказ о печальных событиях. Именно вопрос о том, повышать или понижать степень искусственности у живых существ, привел к войне между галактами и разрушителями.

Объяснение Тиграна породило кратковременное молчание. Потом заговорила Мери:

— Поразительна красота обширной страны, вмещенной в ваш звездолет! На наших кораблях имеются парки и городок, но они крохотны. Людям незнакомо вмещение большого в малое…

— О, этому мы вас быстро научим! — воскликнул Лентул.

Мери поблагодарила улыбкой и закончила:

— Но вот что меня смущает — зачем вообще это? У людей суровость быта составляет одну из притягательностей профессии звездопроходца. Наши конструкторы и не собираются обеспечивать экипажу звездолета все земные удобства, земную совершенную защиту от всех опасностей… У нас это называется романтикой дальних странствий.

Ручаюсь, вопрос Мери показался галактам нетактичным! Но приветливость Тиграна — он отвечал Мери — не изменилась:

— Наш обычай таков: каждый вправе затребовать все те возможности, которые посильны обществу. И, наоборот, никого нельзя лишать того, чем пользуется хотя бы один член общества. Поэтому мы обязаны обеспечить экипажу дальнего корабля такие же удобства, какими пользуются остающиеся. Иначе был бы нарушен принцип равноправия. К сожалению, полностью осуществить это не удается, прекрасная страна в звездолете, так восхитившая вас, далеко не столь прекрасна, как наши планеты. Из этого несовершенства вытекают многие печальные выводы.

5

О рамирах у галактов сохранились одни темные предания…

Этот странный народ хозяйничал в скоплениях Персея не то до появления галактов, не то в самом начале галактовой цивилизации. Ни об облике, ни об образе жизни этих существ известий не сохранилось, следы их деятельности тоже пропали, если не считать такими следами сами планеты. Дело в том, что планетооснащенность — галакт применил именно этот термин — светил Персея в сотни раз выше планетооснащенности других звезд Галактики. В Персее десять-пятнадцать

спутников у одной звезды — рядовое явление. Предание приписывает обилие планет в Персее рамирам, умевшим скатывать эти космические шары из уплотняемого пространства. Возможно даже, что сами скопления произошли оттого, что рамиры, вычерпав между звездами пустоту, насильственно сблизили их.

— Реакция Танева, — вставил слово Ромеро. — Люди пользуются ею давно. Могущество рамиров того же порядка или на порядок выше, но не более современного человеческого.

— Но оно выше нашего, — возразил галакт. — Создавать планеты мы не умеем.

Дальнейшие известия делаются все неопределенней. Рамиры постепенно переселялись к ядру Галактики, где совершались какие-то грандиозные перестройки звездных масс. И сейчас там — звездные катаклизмы, ядро пульсирует, словно его разрывают мощные силы. А в Персее, после исчезновения рамиров, все планетные системы поступили во владение галактов.

— И разрушителей, очевидно? — спросил Ромеро. — И, сколько понимаю, вы не поделили доставшееся космическое богатство.

— Персей принадлежал галактам безраздельно, ибо сервов — так мы их называли — мы создали

потом.

— Разрушители — ваше творение?

— Да. Мы их сотворили себе на голову! Просчет был в том, что разрушители вначале были созданы механизмами.

О том, что в организме головоглазов много синтетики — полупроводники, сопротивления, конденсаторы, механические сочленения, — мы знали с битвы на Сигме. Нас поразило, что сердце у них — маленький гравитатор. У невидимок, как мы узнали вскоре после знакомства с ними, искусственного было еще больше, чем у головоглазов. Но что сервов собирали на конвейере, монтируя в механизмы выращенные отдельно биологические ткани, было ново.

— Создав сервов, мы продолжали их совершенствовать, — говорил Тигран. — С каждой новой генерацией повышался градус биологичности. Биологическая ткань самая совершенная. Если рассчитать машину, развивающую на единицу массы наибольшее количество умений, то такая машина может быть только живой.

— Такой же необходимостью вам впоследствии показалось наделение сервов разумом и даром самопроизводства, — заметил Ромеро, не тая иронии.

— Разумом мы наделили их с самого начала. Мы создавали помощников, а не рабов. И отказать им в даре самопроизводства, когда другие признаки организма были вживлены, было бы недобросовестно. Правда, разнополостью их не снабдили. Сервы были сотворены бесполыми, но способными воспроизводиться.

В те времена бесполость сервов казалась усовершенствованием. Разнополость относили к конструктивным излишествам природы, ибо она приводит к появлению индивидуальной любви, со всеми ее крайностями и необъективностью. Конструкторы ныне задумываются над умножением полов. Двуполость слишком элементарна, грубое противопоставление мужчины и женщины — примитив, который нельзя оправдать ни морально, ни конструктивно. Расчеты показывают, что только шестиполость гарантирует совершенство. Схема такова: один мужчина и одна прямая женщина, но одновременно — левоконструированная и правоконструированная женщина, такие же право- и левоконструированные мужчины.

— Мы отвлеклись, — сказала Мери, хмурясь.

Тигран возвратился к сервам. Сервов проектировали как совершенство, но получилось

уродство. Их избавили от индивидуальной любви, вызывающей искажение реальной картины мира, но зато у них развилось самообожание, еще более путающее объективные пропорции.

Поначалу сервами не могли нахвалиться. Умные, работящие, они легко овладевали расчетами, производили сложнейшие эксперименты в лабораториях, конструктивные их дарования уже тогда поражали. По мере того как от поколения к поколению увеличивалась их биологичность, становилось ясным, что для сервов существует один объект, выделяющийся среди всех других, истинный объект для поклонения — они сами.

Самообожание стало у сервов из постыдного индивидуального чувства, всегда тайного, открытой формой взаимоотношения. Они были равнодушны ко всему, кроме себя. Тело было живое, душа — мертва.

— Эгоизм как философская система, — заметил Ромеро. — В древности и у людей пытались внедрить эту философию Штирнер и Ницше. Вы просто не нашли метода борьбы с созданными вами демонами зла.

Галакты, оказалось, испробовали разные методы воздействия на сервов — уговаривали, спорили с ними… Потом поняли, что духовный перекос

вызван двойственностью природы, сочетавшей мертвое и живое, искусственное и естественное. Новый закон объявил недопустимым внедрение в живую ткань искусственных органов. Отныне сервов полагалось создавать полностью живыми, чтобы выправить их психику.

Но они не стали ждать переконструирования. Началось массовое бегство сервов с планет галактов. Подготовлено это было хитро. Колонии сервов переселялись на необитаемые планеты, якобы для их освоения. Галакты радовались, что жизнь, начавшаяся в их звездных системах, быстро охватывает все светила Персея. А когда уразумели размеры бедствия, было поздно.

Сервы, превратившиеся в разрушителей, не просто завоевывали себе место под звездами, но провозгласили уничтожение всего, что галакты насаждали во Вселенной. Те всюду повышают биологичность разумных объектов, помогая организмам достичь наивысшей степени усложненности. Сервы же понижают биологичность организмов, постепенно превращая живые существа в машины, этап за этапом заменяют животворение конвейерным производством.

Несчастные биологические автоматы на захваченной людьми Станции Метрики — все эти

операторы, Главный Мозг, Надсмотрщик — примеры космической политики обезжизнивания и оболванивания…

Я спросил, в какой фазе сейчас война галактов с разрушителями. Тигран ответил, что разрушители владеют межзвездными просторами, а на своих планетах галакты в безопасности: они изобрели оружие, неотвратимо поражающее все живое, и разрушители страшатся его.

— Но перспектива? — настаивал я. — Хорошо, они вас оставили в покое, а вы их? Вы примирились с их злодеяниями?

— А что мы можем сделать? Перенять философию сервов и перейти к их уничтожению, раз перевоспитание не удалось? Это не для нас. К тому же сражения в космосе приведут к смерти многих галактов.

Ромеро надменно проговорил.

— Вот как — приведут к смерти? А разве на ваших планетах вы не умираете? Или одна форма смерти приемлема, а другая — нет?

— На наших планетах мы — бессмертны. Однако вы устали. У нас еще будет случай побеседовать.

— Мне надо соединиться с «Волопасом», — сказал я, вставая. — Если мой голос не услышат,

подумают, что мы попали в беду.

— О, это просто исполнить! — Тигран провел меня к передатчику, который находился неподалеку от места, где мы вели беседу.

6

Мы шли курсом на Пламенную, одну из тех «неактивных» звезд, что во время блужданий «Пожирателя пространства» отчаянно взывала к нам: «Выбрасывайтесь вблизи меня, здесь кривизна непрочна».

Звезда была как звезда: белая, огромной абсолютной светимости — десять тысяч солнц в одном солнце. И вокруг нее вращались четырнадцать планет, разных по величине, неодинаковых по климату, благоустроенных, с совершенством оборудованных…

За орбитами же обитаемых планет вращались астероиды с диаметрами от ста до восьмисот километров. Их были тысячи, они составляли замкнутую сферу — защитным пологом прикрывали планеты от вторжения извне. Тигран, сопровождавший нас в прогулках по звездолету, сообщил, что мы причаливаем к одному из астероидов.

— Еще одна космическая дезинфекция? — по-

интересовался Ромеро.

— Мне поручено ознакомить вас с нашей космической защитой.

— Есть ли название у астероидов? — спросила Мери.

— Все космические форты первого класса имеют название. Этот называется «Необходимый-3».

Меня удивило странное название, но Ромеро разъяснил, что галакты толкуют человеческие слова чаще по прямому, чем по общеустановившемуся значению. «Необходимый» в данном случае означает не «непременный» или «нужный», а «тот, который не обойти», или — иначе — «необъезжаемый».

Высадка на астероиде для экипажа «Волопаса» труда не составила, но для звездолета галактов являлась операцией длительной. Не только люди, но и хозяева часами сидели в специальных помещениях, вырастая от крохотных внутрикорабельных куколок до нормальных, для внешнего пользования, размеров. Мне эти часы изменения размеров тела показались утомительно пустыми, тем более что процесс совершался в темноте. Но Мери восприняла их по-иному.

— Я сейчас вообразила, что в какой-нибудь час увеличила свой рост в восемьсот раз, и ужас-

нулась.

Ромеро непрерывно ощупывал немасштабно меняющиеся искусственные зубы, а Лусин шумно вздыхал, проверяя, не начали ли его синтетические легкие по-старому распирать грудную клетку. Им, наверно, было не по себе, когда все становилось опять «по себе», но я только проголодался — и как раз в масштабе увеличившегося размера.

На астероиде нас уже поджидали высадившиеся ранее Осима, Труб, Орлан и Гиг.

Церемония знакомства галактов с нашими звездными друзьями показалась мне поучительной. Осиму они приветствовали с радушием, Трубу тоже достались приветливые улыбки, но в обращении с разрушителями появилась вежливая отчужденность.

Тысячелетия недоброжелательства по мановению руки не стереть из памяти!

Восторженный Гиг не заметил холодка, но умный Орлан почувствовал отстраненность галактов. И если при знакомстве он вытянул голову вверх почти на метр — сколько позволил гибкий скафандр, то когда они отошли, захлопнул ее в плечи по брови — знак высшего привета сменился знаком высшего огорчения. Я посоветовал ему

не расстраиваться. Он вежливо согласился.

Для облета астероида нам предложили забавное сооружение вроде летающего кита, скорее живое существо, чем машину. Всех нас не покидало ощущение, что мы находимся не в помещении, а в чреве.

Мери со смехом сказала:

— А эта летающая конструкция не переварит нас? Я боюсь, что сейчас по стенкам обильно польется желудочный сок.

По стенкам разлился не желудочный сок, а мягкое сияние. Они постепенно становились прозрачными.

Мы проносились над поверхностью астероида. Мне редко встречалось столь мрачное зрелище. Далекое — с детский кулачок — солнце светило, но не грело. Сумрачно-пепельный свет призрачно освещал угрюмые пики, вздымавшиеся над воистину бездонными пропастями — астероид скомпоновали из нескольких кусков, пригнали их один к одному, хоть и прочно, но грубо.

В гигантской светлой пещере, куда нас ввели, размещалось странное озеро. Оно было прикрыто куполом — прозрачным, толстостенным, а под куполом кипела жидкая масса, белая, неистовая. Озеро клокотало, в нем взметывались

протуберанцы, тоже вначале белые, потом желтеющие, — оно, как живое, набрасывалось на купол, заливало его изнутри, пыталось проломить, росло, вспучивалось, обессилев, опадало и сжималось — только желтеющие языки вырывались из его массы. И все повторялось — рост, распухание, заполнение купола, яростная попытка взорвать его…

— Что это? — спросил я Тиграна.

Он сказал очень торжественно:

— Перед вами биологическое орудие. Две тысячи орудий такой же мощи прикрывают планеты Пламенной от нападения извне.

Несколько минут мы молча созерцали беснующееся озеро.

Оно все больше казалось мне живым существом, запертым в каменной клетке. И теперь, когда мы знали, что это такое, оно производило впечатление уже не странного, а грозного. Труб возбужденно поводил крыльями, Орлан вытянул голову, словно почтительно приветствовал страшное орудие, даже весельчак Гиг перестал беззаботно распахивать рот, как клещи.

«Здоровенная „биологичка“!» — шепотком грохнул он.

Из объяснений Тиграна стало ясно, что озеро и

вправду живое существо, и притом огромное — жидкое ядро каменного астероида. Нам показали лишь ничтожную его часть, крохотный глазок, прикрытый защитным куполом, все остальное скрыто в многокилометровой глубине.

И хоть существо это, биологическое орудие, лишено разума в нашем смысле, нечто вроде исполинского тупого животного, — характер его капризен и своенравен. Бушевание свидетельствует не больше чем о спокойствии ядра, а когда оно злится, начинается такая буря, что астероид трясется, как припадочный.

Продуктом жизнедеятельности ядра является радиация, мгновенно уничтожающая все живое.

Купола, подобные этому, устроены в разных местах астероида. Откуда бы ни атаковал вражеский корабль, на оси его движения всегда окажется один из таких куполов. В нужный момент он раскрывается, поток убийственной радиации выносится наружу — и все живое на вражеском корабле обращается в горсточку праха.

Ромеро спросил Тиграна:

— Ваши космические корабли снабжены биологическими орудиями?

— Они на звездолетах имеются, но меньшей мощности.

Ничего интересного, кроме живого ядра, на астероиде больше не было. Нас провели в жилые помещения и предложили отдохнуть.

7

Вначале нам привиделось, что мы причаливаем к планете, населенной одними деревьями. Недоумевающие, мы напрасно искали на ней поселений — леса, одни леса.

— У меня глаза слепит от света растений, — сказала Мери.

Деревья были гораздо крупней земных — иное до полукилометра, как мы потом разглядели. И ветви не опускались вниз и не раскидывались в стороны, а взвивались вверх. Деревья походили на вопли, рвущиеся из глубин планеты, — сравнение выспренно, но более точного я не подберу. И они не были окрашены в разные цвета, они сами сияли, не кроны, а костры раскидывались над планетой, разнообразно сверкающие огни — синие, красные, фиолетовые, голубые, желтые всех оттенков и оранжевые…

— Деревья ночью заменяют закатившуюся звезду, — разъяснил Тигран. — А разве ваши планеты освещаются не деревьями?

Он вежливо выслушал ответ, но, уверен, наши

лампы и прожектора, самосветящиеся стены и потолки показались ему диким варварством. В комнатах у галактов стоят небольшие деревца — для освещения и кондиционирования воздуха.

Среди сплошного леса открылся просвет, аэробус устремился туда. Не буду описывать встречи, ее сотни раз показывали на стереоэкране. Упомяну лишь о нашем изумлении, когда мы разобрались, что встречают нас не одни галакты. К нам теснились ангелы, шестикрылые кузнечики с умными человеческими лицами, прекрасные вегажители. Я уже опасался, не выпустили ли на нас свору фантомов, копирующих сохранившиеся в мозгу образы, но потом разглядел множество существ до того диковинных, что никому и в голову не могло явиться примыслить их.

И вся эта масса напирала, размахивала руками и крыльями, одни взлетали над головами, другие восторженно кружились, прокладывая себе вращением путь в толпе. А среди звездожителей шествовали галакты — высокие, улыбающиеся, в ярких, самосветящихся одеждах.

А когда приутих фейерверк красок, ослабела вакханалия звуков и успокоился водоворот движений, мы полетели куда-то вниз всей обширной площадью, и снова начался парк, а в парке по-

явился город.

Он был похож и не похож на наши. Казалось, в нем были улицы, по-земному просторные и широкие, и по улицам двигались жители, такой же разнообразный народ, не одни галакты, и двигались каждый по-своему, кто ногами, кто вращением, кто перелетами, а кто перепаривал. Но по бокам улиц вздымались не дома с окнами и дверьми, а глухие стены, изредка распахивающие зев туннелей. Над улицей же было не небо, а кроны исполинских светящихся деревьев — стволы их таились за стенами, а ветви сплетали кров над дорогой.

В воздухе плыли ароматы, то нежные, то резкие, то томные, то пьянящие. И если бы каждое место не дышало своим запахом, я бы сказал, что благовоние источает сам воздух. Источником благоуханий являлись те же светящиеся деревья.

— Насмешливо пахнет, — сказала в одном месте Мери, и все мы рассмеялись, так точно определила она аромат.

Нас ввели в один из туннелей, и мы очутились в зале. Тигран познакомил нас с галактом, еще статней и красивей Тиграна. На человеческом языке его звали Граций — имя ему соответствовало.

— На планетах Граций заменит меня, — сооб-

щил Тигран. — Он же будет вести переговоры.

Я начал беседу с Грацием вопросом, не состоят ли люди в родстве с галактами? Не буду удивлен, если галакты-звездопроходцы оставили на одной из далеких от Персея планет продолжение своей породы, так сказать, воспроизвели себя наскоро и вчерне…

— У нас появилась аналогичная идея: что галакты — творение людей, явившихся в Персей миллионов десять лет назад, — возразил Граций. — Когда были расшифрованы стереопередачи «Пожирателя пространства», нас поразило сходство с людьми.

Граций порядком разочаровался, когда узнал, что человеческая цивилизация насчитывает лишь пять тысяч лет, а биологически человек появился всего миллион лет назад.

— Миллион ваших лет назад мы были вполне развитым народом, — сказал Граций, с сожалением отказываясь от гипотезы, что мы праотцы галактов. — Нет, и преданий таких, что мы где-то создавали существа по нашему образу и подобию, не сохранилось. Очевидно, сама природа в разных местах породила схожие по облику существа.

После этого я «взял быка за рога», как любит называть такое поведение Ромеро. Союз людей

и галактов назрел. Империю разрушителей рвут внутренние силы. Нужно крепко ударить, чтоб она развалилась окончательно. А для этого — помочь человеческому флоту, углубляющемуся в Персей. Если разрушители сейчас одолеют людей, надежда на освобождение от ига погаснет на многие тысячелетия. Не в интересах галактов допустить разгром человеческой звездной армады.

Галакты слушали, вежливые, непроницаемо-ласковые, та же неизменная приветливая улыбка сияла на лицах.

Я чувствовал, что передо мной стена и что я бьюсь головой о стену.

— Мы передадим ваше пожелание народам планет Пламенной, а также обществу галактов, населяющих системы иных звезд, — пообещал Граций. — А пока прошу принять участие в празднике в вашу честь.

— Лучше без празднеств, пока мы не узнаем ваше мнение.

— Я не могу предварять решения наших народов. Имеется много возражений против участия в открытой войне, и нужно соотнести их с преимуществами, чтоб выработать разумную равнодействующую.

— Поймите меня, — сказал я, волнуясь. — Я не

требую, чтоб вы объявили сегодня вашу разумную равнодействующую. Но сообщите, какие у вас возражения, чтоб мы смогли о них заблаговременно поразмыслить. Не решение, а пищу для раздумий — только об этом прошу!

Граций взглядом посовещался с галактами.

— Я выделю два главных возражения. Если мы вышлем на помощь людям эскадру с биологическими орудиями, то в разгоревшемся бою орудия эти могут промахнуться. Нас охватывает ужас при такой мысли.

— Ха! — воскликнул Гиг. — Даже мы, невидимки, промахиваемся. Неверный удар — что обычнее в сражениях!

Я усмирил Гига строгим взглядом. Не следовало вчерашнему врагу галактов так ретиво вмешиваться в наш спор.

— В обычном сражении — да, — с прежней приветливостью сказал Граций. — Но сражение с участием биологических орудий — необычно. Если сноп этих лучей попадет в цель, цель уничтожена, лучи погашены. Но при промахе пучок выпущенных однажды лучей будет нестись во Вселенной невидимый, неотвратимый, будет нестись годы, тысячелетия, миллионы, миллиарды лет, будет пронизывать звездные системы,

галактики, метагалактику — и когда-нибудь повстречает на пути очаг жизни. И горе тогда всему живому! Что бы это ни было — колония ли примитивных мхов, бактерии еще примитивней, или древняя, высокоразумная цивилизация, — все будет уничтожено, все превратится в прах! Чудовищными убийцами во Вселенной мы станем в тот миг, когда промахнемся. Ни один галакт не санкционирует такого преступления!

Теперь в его голосе звучал вызов. Я поднял руку, останавливая товарищей. От возражений галактов нельзя было отмахиваться первыми попавшимися аргументами.

— Так. Очень серьезно. Мы будем думать над вашими опасениями. Теперь я хотел бы услышать второе возражение.

— Второе связано с первым. Вы захватили одну Станцию Метрики, но пять других у разрушителей. Если мы промахнемся, враги создадут такое искривление, что выпущенные нами лучи обрушатся на нас самих. Такой случай уже был — и не одна планета превратилась в кладбище. Вы хотите, чтоб мы обрекли на гибель самих себя?

— Вы говорите, что галакты бессмертны. Разве вы не избавлены от страха гибели?

— Мы создали на своих планетах такие условия

жизни, что можем не опасаться смерти. Смертоносные факторы могут появиться лишь извне. Вторжение биологических лучей будет таким смертоносным фактором.

Я попросил объяснений подробней. Смерть, ответил Граций, это или катастрофа, или болезнь. Катастроф на их планетах не бывает, болезни преодолены — отчего же галакту умирать? А если изнашиваются отдельные органы, их заменяют. Граций три раза менял сердце, два раза мозг, раз восемь желудок — и после каждой замены омолаживался весь организм.

— Колебательное движение между старостью и обновлением, — сказал Ромеро. — Или навечно законсервированная старость? Земной писатель Свифт описал породу бессмертных стариков — немощных, сварливых, несчастных…

Замечание Ромеро было слишком вызывающим, чтоб галакт оставил его без ответа. О Свифте он не знает. Но законсервировать старость невозможно. В юности и старости биологические изменения происходят так быстро, что здесь задержать развитие нереально. Но полный расцвет — это тот возраст, когда организм максимально сохраняется, это большое плато на кривой роста. Именно этот возраст, стабильную зрелость, и

выбирают галакты для вечного сохранения.

Я больше не вмешивался в разговор, только слушал. И с каждым словом, с каждым жестом галактов я открывал в них ужас перед смертью. Нет, то не был наш извечный страх небытия, мы с детства воспитаны на сознании неизбежности смерти. Случайное начало и неотвергаемый конец — вот наше понимание существования. Наше опасение смерти — лишь стремление продлить жизнь, оттянуть наступление неотвратимого. А эти, бессмертные, полны мучительного ужаса гибели, ибо она сама для них катастрофа, а не неизбежность.

— Теперь вам понятно, беспокойные новые друзья, как велики наши сомнения, — закончил Граций свою изящную речь о вечной молодости галактов. — Не будем же больше испытывать терпение собравшихся — вас давно уже ждут, пойдемте!

8

Нас повезли на пустынную планету, переоборудоваемую для жизни.

Эта поездка занимала меня больше, чем знакомство с бытом галактов в их райски благоустроенных обителях.

Ромеро иронизировал, что поиски совершенства захватывают меня сильнее, чем совершенство достигнутое.

— Вы весь в пути, — сказал он на планетолете. — И, не обращая внимания на встречающиеся в дороге станции, нетерпеливо стремитесь к следующей, чтоб так же стремительно пролететь мимо.

Планету называли Массивной. Она и вправду была массивной — исполинский камень, пики и скалы, пропасти без дна, гигантские трещины от полюса к полюсу, еще огромней горные цепи. И ни намека на атмосферу, ни следа воды, даже ископаемой! И, знакомясь с деятельностью галактов, я должен был признать, что если в инженерных решениях мы и превосходили их, то целеустремленности общего замысла нам следовало у них поучиться.

Горы покрывала плесень, бурая, неприятная на ощупь, и горы таяли на глазах. Это не были бактерии, творящие жизнь, как у Мери, эти мхи лишь разлагали камень на химические элементы. Наши атмосферные заводы на Плутоне работали интенсивней. Но заводы возделывали лишь незначительную часть планеты, а мхи галактов покрывали всю ее, мертвая планета источала

азот и кислород, по ней струились ручья и реки, заполняя впадины, будущие моря.

И деятельность галактов лишь началась с этого. И снова люди пошли бы иным путем. Мы привезли бы рыб, зверей, птиц, насадили уже произраставшие в других местах растения. Галакты не колонизировали свои планеты, а развивали то, что подходило каждой.

На Массивной, с ее большой гравитацией, они выводили породы легких существ — малая масса, мощная мускулатура, крылья. Генетические возможности эволюции они рассчитали с глубиной, показавшейся нам невероятной. Новообразованные воды были уже населены примитивными существами из нескольких клеток. Нам показали на моделях, во что они разовьются впоследствии. В примитивные существа ввели гигантскую силу усовершенствования.

А в конце недлинного ряда преобразований — не миллиарды земных лет естественной эволюции, а всего лишь тысячи — должны были возникнуть новые разумные существа, чем-то похожие и на ангелов, и на шестикрылых кузнечиков, и на самих галактов. И галакты говорили так, словно эти запроектированные существа реально уже существовали.

— Создадут, — восторгался немногословный, но сияющий Лусин. — Мы — чепуха. ИНФ — кустарщина. Галакты — творцы. Величайшие! Пойду в ученики.

Мери успехи галактов тоже волновали, но по-иному.

— Они все-таки не додумались выводить штаммы бактерий, преобразующих одни элементы в другие. Их строительные микробы меняют связи между атомами, но не вторгаются в ядро. Как они изумились, когда я показала нашу металлопереваривающую живую продукцию!

— Отлично, Мери! Рад, что ты не дала им слишком уж хвастаться успехами. Роль младшего брата при галактах мне что-то не по душе.

После осмотра Массивной Граций сказал:

— Готовь речь к галактам. Мы возвращаемся на нашу планету. Оттуда устроим передачу на все спутники Пламенной, а также на дружественные звездные системы. Аудитория будет обширная, друг Эли!

Впоследствии выяснилось, что разрушителям не удалось заглушить передачу с Пламенной. Думаю, они и не старались: в Персее назревали грозные события, враги хотели быть в курсе своей судьбы.

— Говори, Эли, — сказал Граций.

Я начал с того, что мы — друзья. А между друзьями откровенность — норма. Свершения галактов огромны, мы, люди, и не мечтаем пока о многом таком, что стало у них бытом. Они превзошли уровень могущества и благополучия, который некогда суеверные люди приписывали своим богам. Но вот беда: галакты примирились с ролью пленников, отрезанных от беспокойного, страдающего мира, — люди не способны это понять. Мир, изнывающий под пятой разрушителей, взывает о помощи — где помощь могущественных галактов? Галакты стали глухи к терзаниям мира — такова действительность.

— Ты нас не убедил, адмирал Эли, — объявил после передачи Граций. — Мы ставим перед тобой два вопроса и просим дать ясный ответ. Первый. Считаешь ли ты разумным, чтобы галакты променяли обеспеченность своего нынешнего состояния на невзгоды и превратности войны не за их интересы? Второй. Уверен ли ты, что наши враги могут переменить свою природу? Можно ли приобщить к созидательной жизни тех, кто до сих пор предавался одному разрушению? Каковы гарантии этого?

Орлан громко вхлопнул голову в плечи:

— То самое, о чем мы только что говорили, Эли!

Мери дотронулась до меня рукой. Она была очень бледна.

— Успокойся, — сказала она. — Нельзя выступать в такой ярости!

— Пойдемте, — сказал я Грацию и Тиграну. — Если заданы вопросы, будут даны и ответы.

9

Пока мы шли в зал, я взял себя в руки. Криком и упреками тут нельзя было помочь. И если недавно я выступал как на древнем митинге, то больше этого повторять не следовало. Всех, кого я мог убедить и зажечь, я убедил и зажег, остальных нужно было не убеждать, а опровергать.

И когда я встал за стол, открытый миллиардам невидимых мне глаз, разум мой был ясен и холоден.

— Итак, первый вопрос, — сказал я, — разумно ли променять нынешнее благополучие на невзгоды и превратности войны? Да, разумно. Больше чем разумно — неизбежно! Ибо иного способа сохранить ваше сегодняшнее благополучие нет, кроме вот этого — подвергнуть себя опасностям и превратностям. И воевать вы будете не за чуждые

вам интересы, а за свои собственные. Вам, бессмертным на ваших планетах, равно доступны и сегодня, и отдаленное будущее — почему же вы живете одним «сегодня»? Мне, человеку, легче бы отказаться от будущего, оно все равно не мое, тело мое сгинет, когда оно наступит, а я борюсь за него, чужое будущее, ибо оно будет «сегодня» моих потомков и они вспомнят меня и похвалят. А у вас это будущее — ваше, даже не потомков ваших, просто ваше, — как же вы решаетесь так обокрасть самих себя? Ах, вы не верите, что ваше «завтра» и ваше «всегда» будут хуже, чем это замечательное «сегодня»? Тогда послушайте меня, слушайте и размышляйте!

Там, в мировых просторах, откуда вас некогда изгнали, ныне господствуют ваши враги — разрушители. Вы считаете, что они вам не опасны? Вы полагаете, что ужасные биологические орудия — надежная защита от них? Сегодня, дорогие мои, только сегодня они надежны, но завтра — нет, а ведь вы существуете «всегда». Хотите знать, что произойдет завтра и чем закончится это ваше «всегда»?

Разрушители отлично понимают, что живому существу к вам не подступиться. Они и не подступятся — сегодня можете быть спокойны.

Но есть у них одно превосходное свойство, отсутствующее у вас и бесконечно грозное для вас! Вы достигли совершенства, вы успокоились на самих себе, вы могли бы воскликнуть, как никогда еще не мог воскликнуть человек: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» В сущности, вы только и делаете, что превращаете это ваше нынешнее великолепное мгновение в великолепную вечность — консервируете однажды достигнутое счастье. А они развиваются, они продолжают неутомимо совершенствоваться, развиваются в злодейском направлении, совершенствуют свою преступность.

Вы думаете, это праздная философия, то, что Великий разрушитель провозгласил своей исторической миссией, — превращение организмов в механизмы? Нет, прекрасные и близорукие, это цель их деятельности, а работать они умеют! И они работают, поверьте, они работают, а не только наслаждаются существованием, как вы!

А теперь, — продолжал я, — могу описать, что ждет вас в скором вашем «завтра», бессмертные. Сотни вражеских кораблей появятся у ваших космических кордонов — и навстречу им забушуют ваши сверхмощные биологические орудия. Но корабли будут спокойно двигаться дальше, ни

на одном не окажется ни одной живой молекулы, способной погибнуть под вашим обстрелом, управлять кораблями будут механизмы, разумные и безжизненные.

Таков мой ответ на первый ваш вопрос.

А теперь второй вопрос. Вы не верите, что разрушители могут стать завтрашними друзьями? Но почему, спрошу я, вы не верите? Потому, отвечаете вы, что им не переделать своей свирепой природы, не приобщить к созидательной жизни того, кто отдан страсти уничтожения, не сделать творцом лелеющего мечту о всеобщем хаосе. Нет, скажу я вам! Нет! Нельзя быть такими узкими. Посмотрите на мир — насколько он многообразнее вашей схемы. Он весь — противоречия и многообъемность, а вы его выстраиваете в линию. Он разнонаправлен, он раздирается внутренне и, как при взрыве, летит во все стороны, а вы замечаете лишь тот крохотный осколок, что ударился о вашу грудь.

Давайте разбираться спокойно и объективно.

Вы сейчас самые умелые жизнетворцы в мире, — по крайней мере в той его части, что нам известна. И вы поставили исторической целью своего существования повышение биологичности всего живого — так вы утверждаете, так вы

делаете. Вам ненавистна безжизненность автоматов, вы придирчиво контролируете, не вносят ли прибывающие на ваши планеты чего-то искусственного и мертвого в своих организмах, — мы на себе испытали этот контроль.

И я пропел бы вам хвалу, как величайшим животворцам Вселенной, если бы не существовали одновременно величайшие потенциальные убийцы всего живого, и эти убийцы — опять-таки вы! Или не вы сконструировали орудия, грозящие неотвратимой гибелью всякой жизни, от любого примитива до любой усложненности? И если бы сегодня взорвался один, только один из тысяч ваших охранных астероидов, разве вырвавшиеся из него лучи не сожгли бы жизнь на ваших совершенных планетах еще свирепей и беспощадней, чем могли бы это сделать самые свирепые и беспощадные разрушители?

Возможность творения и совершенствования жизни вы гарантируете тем, что создали возможность ее всецелостного истребления, — так непросто получается у вас самих. Жизнь охраняется смертью — вот ваша деятельность. И самое ваше бессмертие основано на том, что вы владеете поистине чудовищной способностью оборвать мгновенно любую жизнь, в том числе

и бессмертную. Палка имеет два конца, развитие балансирует на противоположностях, — почему вы забываете об этом?

Я не буду перечислять технические успехи разрушителей, они вам известны лучше, чем мне. И я утверждаю, что безымянные творцы этих успехов — наши потенциальные друзья. Творческий разум задыхается в Империи разрушителей, давным-давно там уже созрели силы, стремящиеся вызвать революцию угнетенных против угнетателей, — наш долг помочь этим силам.

Вы спросите, где они? На поверхности их не увидеть, слишком велико угнетение, слишком тяжки кары за любую попытку сопротивления. Но разве свирепость угнетения, разве тяжесть кар сами не свидетельствуют о мощи сопротивляющихся сил? Бывший разрушитель, наш друг Орлан сказал, что один хороший толчок — и империя разрушителей с грохотом развалится. Так давайте, друзья, толкнем хорошенько!

Но вы спрашиваете, где гарантии? Без гарантий вы не верите, что разрушители превратятся в созидателей? Вот они, испрошенные вами гарантии, вглядитесь зорче! Орлан и Гиг, поднимитесь, пусть вас увидят галакты и звездные их друзья! Орлан, ближний сановник Великого разруши-

теля, один из знатнейших вельмож Империи, умница и стратег, — разве не сам он замыслил переход на нашу сторону? На чью сторону, спрошу я вас? Победителей, грубо сломивших мощь обороны и без поддержки уже обеспечивших себе успех? Нет, на сторону беспомощных пленников, чье будущее было еще так неверно, — перешел на нашу сторону, чтоб разделить нашу судьбу, а не для того, чтобы подсесть к завоеванному пирогу! А Гиг, весельчак Гиг, добряк Гиг, хороший парень Гиг, разве он изменил нарушителям в поисках благ? Он изменил потому, что представился случай уйти от зловредов, он больше не мог быть с ними!

Мери взяла меня под руку.

— Эли, я слушала тебя с замиранием сердца! Если эти странные существа и не согласятся с тобою, все равно твоя речь была великолепна, все равно была великолепна, Эли!

Я с досадой отмахнулся.

— Речи хороши, лишь когда порождают хорошие результаты. Откажут нам галакты в поддержке — значит, речь никуда не годилась!

Мы еще поговорили, и я вдруг задремал, привалившись головой к спинке дивана. Мери потом говорила, что я стонал и вздрагивал во сне. Пробу-

дился я оттого, что Мери дернула меня за рукав.

В салон вошли Граций и Тигран. Впервые — и в последний раз — я видел галактов взволнованными, без обычной приветливой улыбки.

— Адмирал Эли! — торжественно заговорил Граций. — Наше решение таково. После долгих тысячелетий затворничества галакты снова выходят в межзвездные просторы. Вы, люди, могущественнее нас сегодня — мы с радостью отдаем себя вашему руководству. В ближайшее время у сферы астероидов соберется эскадра звездолетов системы Пламенной — тридцать пять боевых кораблей. Из других звездных систем выйдут другие эскадры, всего четыреста пятьдесят звездолетов. Принимай командование над флотом галактов, адмирал людей!

10

Я не стал дожидаться подхода эскадр галактов из других звездных систем: Андре сообщил с Третьей планеты, что против кораблей Аллана концентрируется гигантский флот разрушителей, непрерывно появляются все новые и новые крейсеры.

Не было сомнения, что враги не будут тянуть с решительным сражением. Им надо было покон-

чить с Алланом, пока не подоспели галакты. Так бы действовал я на месте разрушителей, у меня не было причин считать врагов глупее себя.

Когда первые тридцать пять звездолетов прибыли в район сбора, я скомандовал выступление. Эскадрам из других звездных систем было предписано собраться в два флота и выходить самостоятельно к месту, где прорывался Аллан.

Адмиральские антенны я снова поднял на «Волопасе», командовал кораблем Осима, помогал ему Тигран — галакт знакомился с аппаратурой человеческих кораблей.

На третьем месяце похода произошло два важных события. Пришло сообщение, что второй флот в составе двухсот кораблей вышел в межзвездные просторы и мчится на соединение с нами, а третий флот, еще двести двадцать звездолетов, заканчивает концентрацию и выступает на днях. Второе сообщение было тревожней. На траверзе нашего флота показались корабли разрушителей.

Крейсеры врагов вспыхивали на экране зелеными точками.

Я поговорил с Грацием и Орланом. Галакт держался мужественно, хотя его и страшила встреча с врагами, неизменно до сих пор одолевавши-

ми галактов в открытых сражениях. Орлан был мрачен.

— Великий придумал что-то скверное, Эли. Он, конечно, постарается не пустить нас в район боев с эскадрой Аллана.

Я пока не видел причин тревожиться. В том, что разрушители попытаются навязать нам истребительное сражение еще в пути, новости не было. Но и «Волопас» с его способностью аннигилировать материальные тела представлял орешек, о который можно сломать зубы.

Я передал на Третью планету, что вижу врага. Андре фиксировал каждый корабль разрушителей, стремящийся к трассе нашего похода. Встревоженный их огромным количеством, он советовал изменить курс на Оранжевую. На близком расстоянии механизмы Станции действуют исправно, но генераторы дальнего действия не восстановлены, хотя на них все напряженней кипит работа. «Прикрыть вашу эскадру можем лишь у Оранжевой», — сообщил Андре.

Я долго размышлял над депешей Андре. Все во мне протестовало против бегства под прикрытие Станции. Именно этого и добивались враги — заставить нас отказаться от соединения с Алланом. Сами ли мы побежим или нас рассеют в сраже-

нии, разница была тактическая — стратегическая цель в этом и другом случае достигалась.

Соображения эти я передал на все наши звездолеты.

Уже было ясно, что против нас выступила не эскадра, а крупный флот противника. Всю северную полусферу усеяли зеленые огни, их насчитывалось свыше двухсот, а огни продолжали прибывать. Орлан считал, что Великий разрушитель, чтоб не ослаблять основных сил, действующих против Аллана, мобилизовал для борьбы с нами все свои космические резервы. Хорошего в этом было лишь то, что двум другим флотам галактов уже не грозила встреча с опасными силами противника. Вражеский флот шел компактным соединением параллельно нам, не обгоняя и не отставая. Держать равнение с тихоходными кораблями галактов им, конечно, было легко.

В эти дни мы находились точно на траверзе Оранжевой — на самом коротком расстоянии от нее. Лучшей возможности, чем сейчас, стать под защиту механизмов Станции не могло быть. С каждым часом последующего полета мы все дальше должны были уходить от нее.

— Итак, решаем, — сказал я Грацию. — Мнение

людей, мое в частности, вам известно: бегство — провал похода, продолжение его — возможность сражения.

К чести галактов, он колебался немного.

— Мы вручили командование тебе, Эли, не для того, чтобы при первой опасности восставать. Я за продолжение похода и известил о своем мнении все звездолеты.

Теперь мы удалялись от Оранжевой. Со стесненным чувством я смотрел, как тускнеет на экране эта звезда, еще недавно причинившая нам столько мук, лишившая нас с Мери сына, — единственная наша защита ныне в звездных владениях разрушителей.

Я предложил МУМ рассчитать, когда мы пересечем границу действия малых генераторов Станции. До границы, где мы еще могли надеяться на помощь Станции, оставалось несколько дней похода.

— Любезный Орлан, вы единственный среди нас знаете стратегическую кухню разрушителей, — обратился как-то Ромеро к Орлану. — Не смогли бы вы набросать задачи и возможности преследующего нас неприятельского флота.

По мнению Орлана, флот разрушителей будет сопровождать нас без нападения до границы дей-

ствия генераторов метрики. Их военачальники, несомненно, знают, что Станция еще не восстановлена полностью, и на этом построят свою тактику. Они ринутся, как только мы останемся без поддержки. Сейчас они движутся компактно, но перед нападением рассредоточатся, чтоб захватить нас в сферу. Они понимают, что главная сила в нашей эскадре — «Волопас», и постараются не попадать под удар его аннигиляторов.

— И попадут под удар биологичек! — воскликнул Гиг. У предводителя невидимок темно горели глазные впадины — так его восхищала перспектива грандиозной космической битвы.

Орлан скептически втянул голову в плечи.

— Экипажи многих кораблей, вне сомнения, погибнут. Но кто составляет команды? Что, если у пультов биологические автоматы с программирующими устройствами взамен мозгов? Они погибнут, не понимая, что погибают, а перед смертью нанесут нам значительный урон.

Не могу сказать, чтобы мрачный прогноз Орлана не подействовал на нас. Я сочувствовал молчаливому Грацию. Ему приходилось хуже, чем нам, привыкшим с детства, что наша жизнь непрерывно отбрасывает от себя тень ежесекундно возможной смерти.

Мы подошли к границе действия Станции Метрики и пересекли ее. Звездолеты были приведены в боевую готовность. «Волопас» нацелил аннигиляторы на неприятельский флот, галакты дежурили у биологических орудий.

Некоторое время я носился с мыслью прервать неизвестность собственными активными действиями. «Волопас» в скорости превосходил неприятельские крейсеры. Не бросить ли его против ядра вражеских кораблей и с одного удара аннигилировать это ядро? МУМ произвела расчеты, и от такой атаки пришлось отказаться. Прежде чем «Волопас» выйдет на предельную дистанцию, неприятель успеет рассредоточиться. Больше чем на гибель двух-трех кораблей врага надежды не было. А в то время, как «Волопас» расправлялся бы с обреченными крейсерами, вся громада обрушилась бы на звездолеты галактов, лишенные прикрытия.

Расчет МУМ был так неутешителен, что я без тревоги не мог смотреть на зеленые точки. Но ничто не показывало, что враг собирается нападать. Эскадры разрушителей мчались параллельно нашей, держа дистанцию, как на параде. Я уже начинал думать, что стратегические прогнозы Орлана неверны и что противник не собирается

навязывать нам бой на уничтожение.

Все люди тешат себя иллюзиями, я не составлял исключения. Меня все больше опутывала иллюзия, что удастся прорваться без боя. Час, когда иллюзия рухнула, навеки врезался в мою память. По кораблю разнесся сигнал боевой тревоги. Я был в салоне с Мери и Ромеро. Они поспешили в обсервационный зал, я — к командирам.

В командирском зале сидели Осима, Тигран и Орлан.

— Начинается, — со зловещей бесстрастностью проговорил Орлан.

На экране передвигались неприятельские огни. Все было ясно в метании зеленых точек. Флот врага рассредоточивался. Он действовал точно по диспозиции Орлана — охватить нас в сферу, а затем атаковать со всех осей.

Добрую половину их кораблей ждала гибель, но они, видимо, заранее мирились с этим — лишь бы уничтожить нас. Орлан угадал их стратегический план.

Я приказал звездолетам галактов сконцентрироваться потесней, а «Волопасу» выходить вперед.

План мой был таков. Галакты защищаются биологически в Эйнштейновом пространстве, а

«Волопас» в сверхсветовом мчится вокруг нашей эскадры, аннигилируя корабли врага, попадающие в конус уничтожения.

Историки, в том числе и Ромеро, впоследствии критиковали этот план за отчаянность, граничащую с нереальностью. Но я хотел бы посмотреть на этих мудрых историков в моем тогдашнем положении — один быстроходный корабль против целого флота. Я и сегодня, через много лет после тех событий, уверен, что нам удалось бы защитить звездолеты галактов от непосредственного удара, а что их орудия сеяли бы среди врагов верную гибель — уверен абсолютно.

Но сражение развернулось совсем по-иному.

— Адмирал, они отступают! — вскричал Осима.

Но разрушители не отступали, жестокая буря трепала их корабли. Зеленые огни трепетали, закатывались в незримость.

Даже сверхсветовые локаторы не могли пробиться в ад, забушевавший в том месте, где только что находился неприятельский флот. Корабли швыряло от нас, швыряло один от другого, швыряло один на другой. Они продолжали полет, но траектория, ломаная, запутанная, судорожно меняющаяся, свидетельствовала о смятении и

ужасе в стане неприятеля.

Мы когда-то попали в такую же ловушку, и нас тоже терзали опасения и страх, но то, что сейчас пришлось испытать врагам, было стократно умножено. Бездна, которую враги тысячелетия рыли для своих жертв, разверзлась у них под ногами.

— Большие генераторы Станции Метрики работают, — прервал молчание Орлан. — И если я не ошибаюсь, адмирал, Андре задал вражескому флоту направление на Пламенную — под биологический удар ее астероидов. Как разрушители всегда боялись приблизиться к этой страшной сфере уничтожения!.. И вот — финал!

Я оторвался от экрана, где таяли неприятельские огни.

— Одно ясно, дорогой Орлан: ничто нам теперь не препятствует соединиться с галактическим флотом людей. А что тогда смогут противопоставить разрушители общей мощи человечества, галактов и ваших восставших планет?

11

Я не буду останавливаться на разыгравшемся потом генеральном сражении. Достаточно того, что ни у эскадры Аллана, ни у галактов не был

поврежден ни один корабль, а разрушители потеряли больше трети своих крейсеров, окончательно лишившись надежды на победу. После сражения «Волопас» подошел к «Скорпиону», и я с друзьями отправился к Аллану. Планетолет плавно втянуло в недра «Скорпиона». Я выбежал первый и не сошел по лесенке, а спрыгнул с площадки на причальную площадь.

Я не успел ни крикнуть, ни охнуть, как попал в объятия Аллана. А затем Аллана сменил Леонид, а после Леонида была Ольга, а за Ольгой Вера, а за Верой еще друзья, бесконечно дорогие лица, крепкие руки, радостно целующие губы… Я что-то говорил, что-то вскрикивал, вокруг меня тоже что-то говорили и кричали — я не слышал ни себя, ни других.

— Пойдем в обсервационный зал, — сказал я Аллану. — Я покажу тебе Оранжевую, где сейчас царит в своей резиденции на Третьей планете Андре Шерстюк. Да, Андре, милый Андре, живой, взбалмошный, деятельный!..И главное — могущественный! По крайней мере четверть светил Персея подвластны ему… Куда ты, Аллан?

— Минутку, Эли! — крикнул Аллан, расталкивая толпу.

— Что с ним? — спросил я Ольгу. — Чем я так

испугал его?

— Сейчас узнаешь, Эли. Не испугал, а обрадовал.

Аллан появился, когда мы входили в обсервационный зал. Он держал за руку молодого человека.

Юноша до того походил на Андре, что я замер. Это был Андре, но не тот, постаревший, нервный, какого мы оставили на Третьей планете, а прежний Андре, друг моей юности, — статный, чарующе прекрасный, с теми же рыже-красными локонами по плечи…

— Олег! — выговорил я с трудом. — Олег, ты?

Юноша робко подошел ко мне. Я крепко обнял его.

— Как ты очутился здесь? — спросил я.

— Три года назад мне разрешили присоединиться к походу, — ответил юноша. — Мама осталась на Оре, а я обещал, что немедленно сообщу ей, если что-нибудь разузнаю об отце.

— Сегодня же пошлешь на Ору сообщение, что отец нашелся. А сам ты скоро увидишь его: соединенный флот идет на Оранжевую, где командует твой отец.

В обсервационный зал набилось так много народу, что кресел на всех не хватило, пришлось

стоять. На полусферах экрана огни звездолетов забивали блеск светил.

Зеленые точки кораблей галактов перемешались с красноватыми точками наших кораблей. Я навел умножитель на пару из одной красной и одной зеленой точки. Крейсер галактов в умножителе был огромен рядом с нашим.

Я усмехнулся. Нам не приходилось сетовать: в небольших объемах наших кораблей таилась гигантская мощь. Рассеянные по скоплению остатки флота разрушителей могли бы многое рассказать о нашей мощи.

— Кое-что сделано в Персее, — сказал я вслух. — Кое-что сделано, друзья! — повторил я. — И того, что остается здесь сделать, хватит всем нам на века. Но тебе, Олег, мы поставим иную задачу, вне Персея, лишь вашему поколению она по плечу. Вон где-то там, — я показал на темные туманности, — обитает загадочный и могущественный народ — рамиры. Нужно узнать, кто они такие. Экспедиция в ядро Галактики — вот задача, которую мы поручим поколению сегодняшних юношей, Олег!

Книга третья
КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ

Часть первая
МУЧЕНИКИ ЗВЕЗДНОЙ ДИСГАРМОНИИ

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя
Не потому чтоб я ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной молю ответа.
Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света.

Ин. Анненский

Вот ваш Лондон, леди. Узнаете?
Я его дарю вам. Это он
В каждом звуке, в каждом повороте,
В ускользающем водовороте
Сна, так непохожего на сон.

Вс. Рождественский

1

В этот день хлынул громкий дождь, это я хорошо помню. В Управлении Земной Оси что-то разладилось: праздник Большой летней грозы

планировался через неделю. А косые прутья дождя звучно секли окна, по бульвару мчались пенистые потоки. Я бегом поднялся на веранду восьмидесятого этажа и с наслаждением подставил лицо незапрограммированному ливню. Я, конечно, мигом промок до нитки. И когда Мери позвала меня, не откликнулся: я знал, что она сердится. Я и раньше не надевал плаща, выбегая на дождь, всегда это вызывало у нее недовольство. Она продолжала звать:

— Эли! Эли! Опускайся! Тебя вызывает Ромеро.

Когда Мери упомянула Ромеро, я возвратился. Посреди комнаты стоял Павел — естественно, его изображение, а не он сам.

— Дорогой адмирал, плохие новости! — сказал Ромеро. Я уже двадцать лет не адмирал, но иначе он меня по-прежнему не называет. — Мы наконец разобрались в обстоятельствах гибели экспедиции Аллана Круза и Леонида Мравы. Должен с сокрушением вас информировать, что первоначальная гипотеза случайной аварии опровергнута. Не оправдалось и предположение, что Аллан и Леонид допустили просчеты. Все их распоряжения посмертно подтверждены Большой Академической машиной: действия наших бедных друзей были наилучшими в тех ужасных

условиях.

— Вы хотите сказать, Павел… — начал я, но он не дал мне договорить. Он был так взволнован, что пренебрег своей неизменной вежливостью.

— Да, именно это, адмирал! Против них велись военные действия, а они и не догадывались! Они твердили о диковинках природы, а реально было противодействие коварного врага. Не было чудес природы, дорогой адмирал, была война! Наша первая экспедиция в ядро Галактики погибла в звездных сражениях, а не в игре стихий, — такова печальная правда о походе Аллана Круза и Леонида Мравы.

Ромеро всегда изъяснялся велеречиво. С тех пор как его избрали в Большой Совет и назначили главным историографом Межзвездного Союза, эта забавная черта еще усилилась. Возможно, в древности только так и разговаривали, но стиль этот слишком высок для повседневных дел. Впрочем, о гибели первой экспедиции в ядро Галактики по-иному нельзя было говорить.

— Когда похороны погибших?

— Через неделю. Адмирал, вы первый, кому я сообщил о новостях, связанных с экспедицией Аллана, и вы, несомненно, догадываетесь, почему мы раньше всего обратились к вам!

— Несомненно другое: понятия не имею, зачем я вам понадобился!

— Большой Совет хочет посоветоваться с вами. Мы просим вас поразмыслить о том, что я сообщил.

— Буду размышлять, — сказал я, и образ Ромеро растаял.

Накинув плащ, я возвратился в сад восьмидесятого этажа. Вскоре ко мне присоединилась Мери. Я обнял ее, мы прижались друг к другу. Ясное утро превратилось в сумрачный вечер, не было видно ни туч, ни деревьев бульвара, ни даже растений шестидесятого этажа. В мире сейчас был один дождь, сияющий, громогласный, певучий, столь восторженно упоенный собой, столь стремительный, что я пожалел об отсутствии у меня крыльев: надо было в воздухе побороться с потоками этой ликующей воды, полеты в авиетках все же не дают полноты ощущения.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Мери.

— Да, Мери, — ответил я. — Ровно тридцать лет назад в такой же праздник летней грозы я мчался среди потоков воды и ты упрекнула меня, что фанфароню в воздухе. Мы постарели, Мери. Сейчас бы я не удержался в сплетении электрических разрядов.

Меня временами пугает, насколько Мери лучше разбирается в моих ощущениях, чем я сам. Она печально улыбнулась:

— Ты думал не об этом. Ты жалеешь, что тебя не было в том уголке Вселенной, где погибли наши друзья. Тебе кажется, что, будь ты с ними, экспедиция вернулась бы без таких потерь.

> ...Я диктую этот текст в коконе иновременного существования. Что это означает, я объясню потом. Передо мной в прозрачной капсуле, недвижно подвешенной в силовом поле, отвратительный и навек нетленный, покоится труп предателя, ввергнувшего нас в безысходную бездну. На стереоэкранах разворачивается пейзаж непредставимого мира, ад катастрофического звездоворота. Я твердо знаю об этом чудовищном мире, что он не мой, не людской, враждебный не только всему живому, но и всему разумному, и я уже не верю, что мое участие может гарантировать от потерь. Я несу ответственность за нашу экспедицию, и я сознательно веду ее по пути, в конце которого, вероятней всего, гибель. Такова

правда. Если эти записи каким-то чудом дойдут до Земли, пусть люди знают: я полностью вижу грозную правду, полностью осознаю вину за нее. Мне нет оправданий. Это не отчаяние, это понимание.

А в тот день на прекрасной зеленой Земле, недостижимо, непостижимо далекой Земле, под громкую музыку летнего ливня я с грустью ответил жене:

— Многого мне хочется, Мери! Желания усиливают инерцию существования — сперва тащат вперед, затем тормозят увядание. В молодости и старости желается больше, чем можется. Говорю тебе, я слишком стар для моих желаний. Нам остается одно, моя подружка: тихо увядать. Тихо увядать, Мери!

2

Вероятно, я не пошел бы на обряд захоронения, если бы не узнал, что на Землю прилетела Ольга. Она не простила бы мне отсутствия на похоронах ее мужа. И надо было повидать старых друзей — Орлана и Гига, Осиму и Грация, Камагина и Труба: они прибыли вместе с Ольгой на ее «Орионе», чтобы принять участие в торжественном

внесении останков в Пантеон. Ромеро предупредил, что от меня ожидают речи, а что я мог сказать, кроме того, что погибшие — отважные космопроходцы и что я их очень любил?

В траурном зале Пантеона Ольга заплакала, припав головой к моему плечу, я с нежностью гладил ее седые волосы. Она дольше всех нас не поддавалась разрушающему действию возраста, но горе сломило ее. Я пробормотал, чтобы что-то сказать:

— Оля, ты взяла бы какой-нибудь другой цвет волос, это же так просто.

Она улыбнулась так грустно, что я еле удержался от слез.

— Леониду я нравилась какая есть, а больше не для кого прихорашиваться.

Вместе с Ольгой на похороны пришла Ирина, ее дочь. Я не видел Ирину лет пятнадцать, помнил ее взбалмошной, некрасивой девчонкой с внешностью и характером Леонида. Я раньше часто удивлялся, как мало позаимствовала Ирина у матери ее рассудительности, ее умения глубоко вникать в загадки, ее железной решительности под внешним покровом доброй вежливости. А в Пантеоне я увидел женщину — стройную, смуглую, порывистую, с быстрой речью, быстрыми

движениями и такими огромными, черными, с почти синим белком глазами, что от них трудно было отвести взгляд. Ирина показалась мне похожей на Леонида еще больше, чем прежде, и сходством не только внешним. Сегодня, когда трудно что-либо исправить, я вижу, как грубо ошибся в Ирине. В длинной цепочке причин, породивших нынешние бедствия, и эта моя ошибка сыграла роль.

Дружески обняв Ирину, я сказал:

— Я очень любил твоего отца, девочка.

Она отстранилась и сверкнула глазами. Затрепанное выражение «сверкнуть глазами» в данном случае единственно точное. Она сверкнула глазами и ответила с вызовом, которого я не понял:

— Я тоже любила отца. И я уже не девочка!

Мне надо было вдуматься в значение ее слов, вчувствоваться в их тон, многое пошло бы тогда по-другому. Но приблизились Лусин и Труб, было не до взбалмошных женщин. Лусин пожал мне руку, старый ангел мощно сжал меня черными крыльями. Рецепты бессмертия, усердно внедряемые у нас галактами, так же мало помогают моим друзьям, как и мне. Лусин держится молодцом, в его суховатом теле слишком много жил и костей и слишком мало мяса, такие долго не дряхлеют.

А Труб выглядит стариком. Никогда не думал, что может быть такая красивая старость, такое, я бы сказал, мощное одряхление. Я с нежностью выговариваю эти противоречащие одно другому слова «мощное» и «одряхление», я с болью вижу погибшего Труба, каким он появился на траурной церемонии, — огромный, чернокрылый, с густой, совершенно седой шевелюрой, с густыми, совершенно седыми бакенбардами…

— Горе! — с тоской выговорил Лусин. — Такое горе, Эли!

— Кругом были враги! — прорычал Труб. — Аллану и Леониду надо было сражаться! Ты бы воевал, Эли, я уверен! Жаль, меня не было! Я бы кое-что преподал им из опыта сражений на Третьей планете!

К нам подошли Орлан и Граций. Когда они оба появляются на планетах, где имеются люди, они ходят только вместе. В этом есть какая-то трогательная наивность — галакт и разрушитель демонстрируют, что жестокая вражда, когда-то разделившая их народы, нынче сменилась горячей дружбой. Я по-старому назвал Орлана разрушителем, хотя теперь им присвоено название «демиурги», означающее что-то вроде механика или строителя, — в общем, творца, а

не разрушителя. Словечко «демиург», конечно, точно выражает роль бывших разрушителей в нашем Звездном Союзе, но не думаю, чтобы выставляемая напоказ дружба легко давалась Орлану и Грацию, особенно галакту.

— Привет тебе, Эли, мой старый друг и руководитель! — торжественно произнес галакт, по-человечески протягивая руку: мои маленькие пальцы исчезли в его гигантской ладони, как в ящике.

Я пробормотал подходящий для встречи ответ. По выспренности выражений галакты способны даже Ромеро дать десять очков форы. Орлан ограничился тем, что приветственно просиял синеватым лицом, высоко приподнял голову и с резким стуком вхлопнул ее в плечи.

В экспедиции Аллана и Леонида принимало участие сто четырнадцать человек, восемь демиургов, три галакта и два ангела. Катастрофа превратила в одно неразделимое месиво существа и механизмы. В траурный зал внесли урну с общим прахом, горсточкой мертвой материи, — бывший духовный и служебный союз членов экипажа превратился в вещественное единение составляющих их атомов. Я с горечью думал в ту минуту, что мы все на разных звездах братья

по творящей нас материи, но только в смерти ощущаем наше внутреннее единство.

Урну внесли Ромеро и Олег: один как представитель Большого Совета, другой — от астронавтов. Меня тоже просили нести урну, но обряды, где надо показываться перед всеми, не для меня. И я заранее отказался что-либо говорить. Ромеро держал краткую речь, а затем зазвучала музыка. Я должен остановиться на музыке. В странном сочетании причин, определивших наши сегодняшние метания в диком звездовороте ядра, она тоже сыграла роль. Играли симфонию «Памяти друга» Збышека Поляновского. Сотни раз говорил, что люблю лишь индивидуальную музыку, лишь озвученную гармонию собственного настроения. Вероятно, мне просто трудно настраиваться на чужие чувства, в общих для всех мелодиях я ощущаю приказ испытывать то, а не иное, запрет быть самим собой.

Для «Памяти друга» Збышека я делаю единственное исключение. Она всегда по душе. Она моя, всегда моя, а в этот день звучала так горестно, так проникновенно, что сам я стал этой скорбной и мужественной музыкой, я звуками ее сливался с друзьями, с миром, я оставался собой и был всеми людьми, всем миром сразу. Вероят-

но, Збышек Поляновский сознательно пытался породить такое настроение. Могу сказать одно: если он имел подобную цель, она ему удалась.

Ромеро и Олег подошли ко мне, когда я еще был в смятении, порожденном симфонией. Ромеро сказал:

— Дорогой адмирал! Большой Совет постановил снарядить вторую экспедицию в ядро Галактики и назначил командующим эскадрой звездолетов капитана-звездопроходца Олега Шерстюка, нашего общего друга.

Олег добавил:

— Я согласился взять командование лишь при том условии, Эли, чтобы в экспедиции приняли участие вы!

Мне надо было ответить таким же категорическим отказом, каким я не раз отвечал на предложения командовать звездными походами или принимать в них участие. После освобождения Персея, после гибели Астра на Третьей планете Мери и я возвратились на зеленую прародительницу Землю, чтобы никогда уже не покидать ее. Так мы постановили для себя двадцать лет назад и ни разу не отступали от своего решения.

Но неожиданно для самого себя я сказал:

— Я согласен. Приходите ко мне вечером. По-

совещаемся.

3

Мы с Мери шли молча, а потом я поинтересовался, какое у нее мнение о причинах катастрофы.

— Прямо противоположное тому, на котором настаивает Павел, — ответила она презрительно. — Удивительный вы народ, мужчины. Ищете злой умысел в каждой загадке! Воинственность так сидит в вас, что вы готовы допустить, что сама природа непрерывно ведет с вами боевые действия. Приписать природе собственные недостатки — легкий путь. Но вряд ли правильный!

— В том, что мы воинственны, виноваты женщины, вы сами рожаете нас такими. Ты, однако, аргументам Ромеро не противопоставила убедительных опровержений.

— Я вижу лишь непроверенные факты и поверхностные догадки о их причинах. Мне нечего опровергать.

Ее слова произвели на меня большее впечатление, чем я в тот день согласился бы признать.

Вечером наша гостиная была полна. Ольге, Ромеро, Олегу, Орлану, Лусину достались кресла, Труб и Граций с трудом разместились на диванах: ангелу мешали крылья, а трехметровый Граций

боялся приподниматься, чтобы не удариться головой в потолок. Ромеро доложил, что вторая экспедиция в ядро Галактики планируется для обнаружения неведомых противников и выяснения возможностей мирного общения с ними. Это не военный поход, а миссия мира. Все ресурсы Звездного Союза предоставлены для оснащения новой экспедиции.

— Теперь ставьте вопросы и высказывайте сомнения, адмирал, — закончил Павел.

Сомнений у меня было немало. Рамиров, на поиски которых снарядили первую экспедицию, обнаружить не сумели. Планеты-хищницы, гнавшиеся за звездолетом, названы Алланом живыми существами, но что они реально живые, а не диковинка мертвой природы, не доказано. Район «пыльных солнц», на окраинах которого погибла экспедиция, по мнению Аллана, — обиталище разумной цивилизации, но ни с одним из ее представителей встретиться не удалось, существование ее остается гипотезой. Попытки прорваться в ядро встретили противодействие, но что из того? Противодействие могло иметь физические причины, нам пока неизвестные, ведь никто не будет утверждать, что мы уже все изучили во Вселенной.

Я обратился к Олегу:

— Ты командующий второй эскадрой. Как ты относишься к моим сомнениям?

Он ответил сдержанно:

— Они могут быть разрешены только одним путем: лететь снова к ядру и выяснить, что мешает в него проникнуть.

Я залюбовался Олегом. Он и похож и не похож на своего отца. От матери ему досталась белая кожа, такая гладкая и нежная, что кажется прозрачной. Он вспыхнул, отвечая, румянец как пламя пробежал со щек на лоб, к ушам, к шее. Есть что-то девическое в его облике, в красоте его головы, в длинных золотых кудрях, падающих на плечи, — впрочем, не столь завитых, какие некогда носил Андре, — в узких плечах, узкой талии, тонких длинных пальцах. Внешность часто обманчива, а у этого человека, назначенного командующим второй эскадрой, особенно. Среди капитанов дальнего звездоплавания он числится в самых бесстрашных и удачливых. Ольга рекомендовала его в адмиралы давно запланированной экспедиции в Гиады, и, если бы не катастрофа с Алланом, Олег уже мчался бы в скопление этих рушащихся в какую-то бездну звезд. Большой Совет отменил поход в Гиады

ради новой экспедиции к ядру.

— Твой ответ меня удовлетворяет, — сказал я. — Теперь расскажите о подготовке к экспедиции.

Ромеро объяснил, что подготовка к экспедиции ведется на известной всем нам Третьей планете в Персее, руководят ею Андре и демиург Эллон. На звездолетах, кроме аннигиляторов Танева, устанавливаются и механизмы, быстро меняющие метрику пространства вокруг звездолета. Каждый корабль теперь подобен маленькой Третьей планете, создающей в своем окружении любые искривления. Конструкции генераторов метрики разрабатывает группа Эллона.

— Эллон, Эллон… Ты его знаешь, Орлан?

— Эллона предложил я, — с гордостью объявил Орлан. — В Персее нет другого демиурга, который бы равнялся Эллону в даровании конструктора.

Я заметил, что Граций невесело покачал головой.

— Остается последнее, — продолжал я. — В качестве кого Большой Совет предлагает мне участвовать в экспедиции? Говоря древними терминами, какова моя должность?

— Вы будете душой и совестью экспедиции, Эли, — сказал Олег.

— Плохо организована та экспедиция, где ду-

ша и совесть ее отделены от остальных членов экспедиции.

Я говорил серьезно, но моя отповедь вызвала смех. Ромеро примирительно сказал:

— Раз уж вы применили термины, определяющие так называемую должность, то назовем вашу функцию научным руководством — было некогда и такое понятие, дорогой адмирал.

— Сами вы участвуете в походе, Павел?

— Думаю, Большой Совет разрешит мне отбыть с Земли.

После совещания я подсел к Грацию.

— Когда Орлан расхваливал Эллона, ты вздохнул, Граций. Ты не согласен с оценкой Орлана?

Граций засиял доброжелательной улыбкой. Галакты так любят улыбаться, что по любому поводу дарят радостным выражением лица.

— Нет, Эли, мой друг демиург Орлан совершенно точно охарактеризовал Эллона как инженерного гения. Но видишь ли, Эли... — Он запнулся, хотя и удержал на лице улыбку. — В организме у Эллона степень искусственности много, много выше, чем у остальных демиургов; боюсь, что и мозг его содержит искусственные элементы, хотя Орлан и отрицает это.

Я тоже улыбнулся, но по-человечески. Нелю-

бовь галактов к искусственным органам казалась мне чудачеством. Я пропустил объяснение Грация мимо ушей. Все люди совершают ошибки, я ошибался тоже. И многие мои ошибки, такие невинные на поверхностный взгляд, были роковыми в точном значении слова!

4

Как странно изменился Андре! Ольга предупреждала, что я его не узнаю, — я посмеивался. Не могло быть, чтобы я не узнал самого лучшего друга! И я, конечно, сразу узнал Андре, когда «Орион» повис над причальной площадкой Третьей планеты и Андре ворвался в распахнутые ворота корабля. Но я был потрясен. Я оставил Андре измученным, еще не оправившимся от безумия, но живым, даже энергичным человеком средних лет. Сейчас же меня обнял старик — суетливый, нервный, беловолосый, морщинистый, преждевременно одряхлевший…

— Да, да, Эли! — со смешком сказал Андре, он уловил произведенное им впечатление. — В непосредственном соседстве с бессмертными галактами мы почему-то особенно быстро стареем. Виной, вероятно, чертова гравитация на этой планетке, закручивания и раскручивания

пространства тоже не способствуют биологической гармонии. Помнишь Бродягу? Тот мощный мозг, который ты почему-то захотел воплотить в огромное тело игривого дракона?

— Надеюсь, он жив?

— Жив, жив! Но за драконицами давно не гоняется. Впрочем, мыслительные способности у него в порядке.

Мы высадились на планету. Я не описываю рейс «Ориона» в Персей. Для последующих событий это значения не имеет. Не буду описывать и все встречи, они интересны лишь для меня с Мери. Я остановлюсь только на впечатлении от нынешнего пейзажа Третьей планеты.

Мы летели с Мери в обычной авиетке. В нашу память навечно врезался страшный облик грозной космической крепости разрушителей — голая свинцовая поверхность с золотыми валунами. Теперь не было ни свинца, ни золота — всюду синели леса, поблескивали озера.

— Я хочу здесь опуститься. — Мери показала на стоявший отдельно холмик, вершина его была свободна от напиравших снизу кустов.

Мы вышли и впервые почувствовали, что находимся на прежней планете. Гравитационные экраны авиетки предохраняли от страшного

притяжения, в районе Станции оно вообще не превосходило земное, а здесь нас буквально прижало к грунту. Я не мог выпрямиться, в голове шумело, я сделал шаг, другой и пошатнулся.

— Сейчас я не сумел бы совершить тот поход к Станции, — сказал я, силясь усмехнуться.

— Ты узнаешь это место, Эли?

— Нет.

— У подножья этого холма умер наш сын…

Прошлое прояснилось в моей памяти. Я с опаской поглядел на Мери. Она улыбнулась. Меня поразила ее улыбка — столько в ней было спокойной радости. Я осторожно сказал:

— Да, то место… Но не лучше ли нам уйти отсюда?

Она обвела рукой окрестности.

— Я так часто видела в мечтах этот золотой холм и мертвую пустыню вокруг! И всегда вспоминала, как страстно желал Астр, чтобы металлические ландшафты забурлили жизнью. Помнишь, как он назвал тебя жизнетворцем? На никелевой планете это было легко, там невысокая гравитация. Но и здесь удалось привить металлу жизнь. Здесь насадили растения, выведенные для мест с повышенным тяготением.

Бродяга был таким же, каким я видел его при

расставании, — оранжево-сизый, с мощными лапами, с огромными крыльями. Но он уже не летал. Завидев нас, он выполз из своей норы и заскользил навстречу. Волноподобные складки с прежней быстротой перемещались по спине и бокам, массивное туловище извивалось с прежним изяществом, длинный, бронированный прочной чешуей хвост приветственно взметнулся трубой, крылья с грохотом рассекали воздух. Но все эти такие знакомые движения уже не могли поднять Бродягу над грунтом. И огня от него исходило поменьше: багровое пламя было пониже, а синий дым — пожиже. Я не иронизирую, я говорю это с грустью.

— Привет пришедшему! — услышал я так давно не слышанный хрипловатый, шепелявый голос. — Рад видеть тебя, адмирал! Садись мне на спину, Эли.

Я присел на лапу и ударил ногой по бронированному боку.

— Ты еще крепок, Бродяга! Хотя, наверно, молодых драконов не обгонишь.

— Отлетался, отбегался, отволочился — все определения моего бытия начинаются на «от», — безжалостно установил он и вывернул ко мне чудовищную шею, выпуклые зеленовато-желтые

глаза глядели умно и печально. — Не жалуюсь, Эли. Я пожил всласть. Все радости, какие могло доставить существование в живом теле, я испробовал. Будь уверен, я не потеряю спокойствия, когда придет час прощаться с жизнью.

Продолжать разговор в таком унылом ключе я не хотел. Я весело запрыгал на твердой лапе дракона.

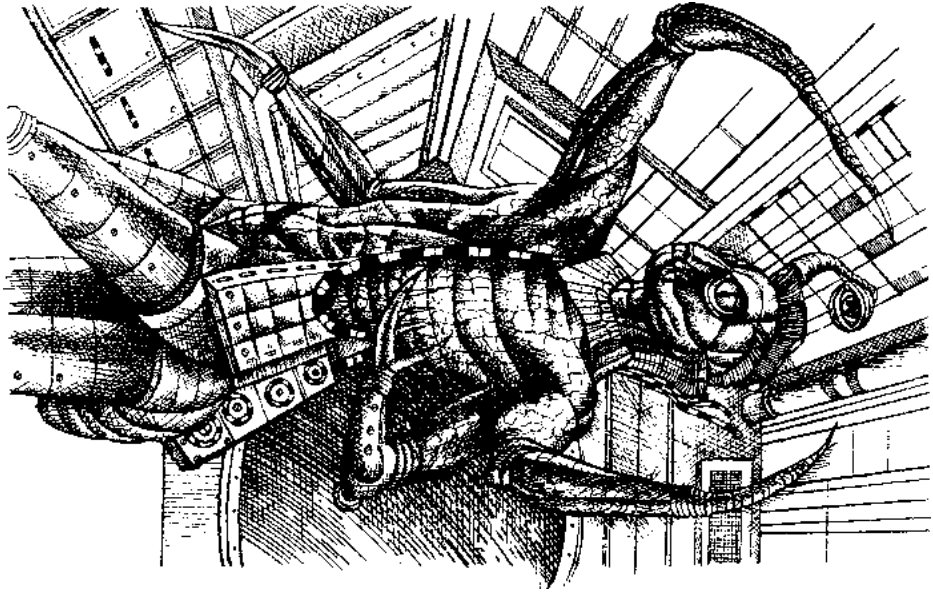
— На Земле разработаны новые методы стимулирования организма. Мы испробуем их на тебе, и ты еще покатаешь меня над планетой.

Он иронически усмехнулся. Он все-таки единственный из драконов, кому удалось придать осмысленность гримасам, — остальные просто разевают пасти, выпыхивая дым, и не поймешь, то ли зевают, то ли собираются тебя проглотить. Я чувствовал себя виноватым перед драконом. В прежнем своем воплощении, в образе правящего мозга-мечтателя, он мог бы десятикратно пережить нас всех. Я наделил его телом, но радости телесного бытия кратковременны. Хоть и поздно, но я с пристрастием допрашивал себя, правильно ли я поступил.

А вторым важным событием была встреча с Эллоном.

Мы пошли в мастерскую Эллона вшестером

— Мери, Ольга, Ирина, Орлан, Андре и я.



В огромном солнечно-светлом зале нас встретил Эллон.

Я должен описать его. Он стоит передо мной. Я подхожу к нему, всматриваюсь в него. Я стараюсь понять, чем порождено то впечатление, какое он неизменно производил. Я допрашиваю себя, не изменится ли впечатление от пристального разглядывания, от долгого изучения. Ничто не изменяется. Все правильно. Ошибок нет. Если и встретилось мне в жизни существо, в полном смысле слова необыкновенное, то имя этому существу — Эллон!

Он не подошел к нам, только повернул голову на высокой, по-змеиному крутящейся шее. Орлан в знак приветствия поднимает голову и вхлопывает ее в плечи, Эллон не удостоил нас приветствием. Он просто не знал, что такое приветствования, он не обучен таким поступкам. Он молча рассматривал нас. Нет, не рассматривал — пронзал, ослеплял, уничтожал фосфорически пылающими глазами, такие выспренние сравнения в данном случае уместней.

А Орлан робел. Я видел Орлана в сражениях, в дипломатических переговорах, на совещаниях — неизменно спокойным, решительным и бесстрашным. Я был уверен, что хорошо его знаю.

Он не поднял, а вжал голову в плечи, он говорил — для нас — на отличном человеческом языке, но голос звучал робко, почти заискивающе.

— Эллон, люди пришли познакомиться с твоими свершениями, — сказал Орлан этим странным голосом. — Надеюсь, тебя не обременит наше посещение?

— Смотрите и восхищайтесь! — на таком же отличном человеческом языке ответил Эллон и широким жестом длинной, гибкой, бескостной руки обвел помещение. Рот его широко осклабился, синеватое лицо порозовело — вероятно, от удовольствия.

Но смотреть было нечего. Кругом были механизмы, и около них сновали демиурги. Вся планета представляет собой скопление механизмов, по виду не определить было, чем эти, в зале, отличались от тех, что образовывали тысячекилометровые толщи планетных недр. Орлан сказал просительно:

— Будет лучше, если ты дашь пояснения, Эллон.

Эллон касался рукой механизмов, объясняя их назначение. Он двигался вперед, а голова была повернута назад, на нас: все демиурги могут свободно выкручивать голову, но так далеко, на

полных сто восемьдесят градусов, выворачивать ее был способен лишь Эллон. И я, не вслушиваясь в объяснения, смотрел на его лицо, старался разобраться не в смысле речи, а в звуке голоса, мне это почему-то казалось важней, чем вникать в конструкции, все равно я мало что в них понял — я плохой инженер.

Ольга стала о чем-то спрашивать Эллона, ее перебивала Ирина, в ней причудливо соединяется порывистая эмоциональность отца с инженерной дотошностью матери. Я отвел Андре в сторону.

— Созданные демиургами механизмы великолепны, я в этом уверен. Но кто командует ими?…

Он нетерпеливо прервал меня. Вероятно, только это одно сохранилось в нем от старого Андре: он по-прежнему ловит мысль на полуслове и все так же не церемонится с собеседниками.

— Можешь не волноваться! Эллон только конструирует механизмы, командую ими я. Пусковые поля замыкаются на мое индивидуальное излучение. А когда эскадра выйдет в поход, я передам управление ими Олегу и капитанам кораблей.

Мы поднялись на поверхность. Ирина восторженно объявила:

— Какой он удивительный, демиург Эллон!

Нисколько не похож на других! — Она понизила голос, чтобы Орлан не услышал. — Они все кажутся мне уродами — Эллон один красавец! И какое совершенство инженерных конструкций. Эли, вы разрешите мне на корабле работать в группе Эллона?

— Где захочешь, — ответил я. Если говорить о моем личном впечатлении, то Эллон показался мне как раз куда безобразней других демиургов.

В гостинице Мери сказала мне:

— Я не имею права вмешиваться в распоряжения научного руководителя экспедиции, но обсуждать действия мужа могу. Я недовольна тобой, Эли.

— Я плохо одет, Мери? Или совершил очередную бестактность? Или обидел кого-нибудь?

— Меня пугает Эллон, — сказала она со вздохом. — Он настолько страшен, что даже красив в своем уродстве, тут я могу согласиться с Ириной. Но каждый день встречать его на корабле!.. И как Ирина смотрела на него! Если бы она так смотрела на мужчину, я сказала бы, что Ирина влюбилась.

— Пусть влюбляется. Чувства эти безвредны, ибо бесперспективны. Не взять Эллона с собой мы не можем: он ведь объявлен инженерным

гением. Боюсь, в тебе говорит человеческий шовинизм, недопустимый в эпоху звездного братства. Я убедил тебя такой железной формулой?

— Ты убедил меня тем, что безнадежно пожал плечами, — сказала она, грустно улыбаясь. — Не обращай внимания на мои настроения. Они порождаются не умными рассуждениями, а темными предчувствиями…

Я часто потом вспоминал этот разговор с Мери на грозной Третьей планете Персея.

5

Я не буду описывать подготовку и отправку экспедиции. На Земле о нашем старте знают всё: как мы ограничили эскадру пятнадцатью звездолетами (одиннадцать, лишенные команд, гигантские летящие склады, управлялись автоматами, четыре — «Козерог», «Овен», «Змееносец» и «Телец» — имели экипажи и командиров: Осиму, Ольгу, Камагина и Петри); и как я разрешил принять Бродягу на борт флагманского корабля «Козерог», хотя Олег колебался, стоит ли брать в дальний рейс дряхлеющего дракона; и как на «Козероге» мы разместили инженерную лабораторию Эллона; и как эскадра устремилась в созвездие Стрельца, в сгущение темных облаков, прикры-

вающих от нашего взгляда ядро Галактики; и как три года мы мчались к Галактическому ядру, тысячекратно обгоняя свет и поддерживая через Третью планету Персея — на ней по-прежнему правил Андре — связь с Землей на волнах пространства; и как на четвертом году сверхсветовая связь оборвалась и мы для Персея и Земли как бы выпали в небытие.

С этого момента я и начну рассказ о наших приключениях в Галактическом ядре.

Генераторы волн пространства отказали все вдруг и полностью: мы больше не принимали депеш с Третьей планеты, не отправляли своих сообщений. Механизмы были в порядке, изменилось пространство. Импульсы генераторов не пробивались наружу, мы не принимали сигналов извне. Мы внезапно как бы онемели и потеряли слух. Но зрения не потеряли. Приборы издалека зафиксировали появление планеты-хищницы, точно такой, какая напала на эскадру Аллана. Разница была лишь в том, что Аллан к моменту ее нападения поддерживал связь с базой, а мы такой возможности лишились. И мы с сомнением относились к депеше Аллана, что их преследует не гигантский корабль, столь же превосходящий размерами наши звездолеты, как гора превосхо-

дит мышь, а загадочное космическое существо, отнюдь не скрывающее намерения настичь эскадру. Представление о диковинном звездолете все-таки больше соответствовало всему, что мы знали о мире.

Но был ли это звездолет или космическое существо, нас всех пронизало беспокойство, когда анализаторы обнаружили в отдалении загадочную планету и бесстрастно доложили, что она устремилась за нами. Мы шли тогда по краю темных облаков, прикрывающих ядро. Слово «край» относительно — на миллиарды километров вокруг простиралась туманность, холодная, безмерно унылая, звезды тускло просвечивали сквозь багровую полутьму. Мери сказала со вздохом: «Крепко же накурили в этом уголке Вселенной!» Хищная планета возникла оранжевым пятнышком в тумане и стала быстро увеличиваться. Мы шли в сверхсветовой области — она мчалась в Эйнштейновом пространстве. За нами тянулся шлейф превращенной в пыль пустоты — за планетой пространство было чисто. Мы уничтожали простор — планета неслась в нем со сверхсветовой скоростью, с такой чудовищной скоростью, что нагоняла нас. Законы физики летели в пропасть — так нам казалось. Лишь сейчас

мы начинаем понимать, насколько скудны наши знания о законах природы.

Итак, планета догоняла нас. Она была огромна, как Земля. Тысячи наших звездолетов могли разместиться на ее поверхности, десятки тысяч провалиться в ее недра. Траектория ее полета прихотливо менялась, выдавая одну бесспорную цель — догнать эскадру. Как и Аллан, мы могли говорить о свободной воле, командовавшей полетом хищницы. Но мы по-прежнему считали, что нас настигает корабль, разумные же существа притаились в его недрах, у пультов неведомых нам грозных механизмов. На наши призывы они не откликались. Не надо было обладать сверхтонким интеллектом, чтобы расшифровать наши сигналы, это была задача для школьника, а не для космического инженера. Но планета молчала — молчала и нагоняла нас, непостижимо нагоняла, со сверхсветовой скоростью в обычном световом пространстве.

Олег вызвал на связь звездолеты.

— Аллан спасся тем, что пустил в аннигиляцию активное вещество, — сказал Олег. — Преследователь не сумел преодолеть преграду новосотворенной пустоты. Но, потеряв три четверти запасов, эскадра Аллана впоследствии не справилась с

другими трудностями. Должны ли мы повторить защиту Аллана?

Все единодушно высказались против. Мы были вооружены сильней эскадры Аллана. Мы могли подпустить к себе странного преследователя и ближе, чем рискнул Аллан. И надо было установить, нападение ли это или какая-то новая форма контакта.

Если когда-нибудь наши стереофильмы попадут на Землю, люди увидят, как мы отделили от эскадры один из грузовых звездолетов, предварительно освобожденный от грузов. Планета набросилась на звездолет, как лисица на куропатку. На пленках запечатлены взрыв, густое облачко сперва сияющей, потом быстро темнеющей пыли. И планета, каким-то челноком снующая из края в край облачка, жадно, всей поверхностью поглощающая пыль. Прах уничтоженного корабля всасывался внутрь. Пространство высветлялось, гигантский пылесос мощно трудился, расправляясь с останками звездолета.

— Отвратительный жадный рот, несущийся в пустоте! — с негодованием воскликнула Мери.

Мы сидели в обсервационном зале, наблюдая за гибелью подброшенного хищнику корабля.

— Скорее, ассенизатор космоса, дорогая Мери, —

отозвался Ромеро и добавил со вздохом: — Плохо лишь то, что этот космический дворник почему-то склонен рассматривать нас в качестве мусора.

Справедливость замечания Ромеро мы оценили лишь впоследствии, когда стало ясно, что планета не просто мчалась в туманности, куда вторглась наша эскадра, но попутно поглощала и окружающий газ и пыль, расправляясь таким образом с самой туманностью. В те часы нам было не до функций космического ассенизатора. Меня и Ромеро вызвал Олег. В командирскую рубку пригласили и Орлана с Грацием. Олег попросил и Эллона, но тот отговорился занятостью. Демиурги, в отличие от галактов, недолюбливают советы и заседания.

Олега интересовало одно: бежать или отразить нападение?

— Бежать, бежать! — поспешно сказал Граций.

Я всегда замечал, что, если есть хоть малейшая возможность избегнуть боя, бессмертные галакты ее используют. Они куда больше дорожат своим бессмертием, чем мы своим бренным существованием. В данном случае, впрочем, мы все согласились с Грацием.

Зато способ бегства вызвал споры. Я не считал, что нужно так уж категорически отказываться

от использования активного вещества. У нас его много больше, чем у Аллана, а способ этот весьма действен, как доказал тот же Аллан, именно так удравший от хищницы. Со мной, однако, не согласились. И сейчас, зная многое, чего не знали тогда, я могу лишь порадоваться, что остался в меньшинстве. Граций предложил воспользоваться приемом вмещения больших предметов в малые объемы, который так распространен на планетах галактов. Орлан запротестовал. Сокращение масштабов — операция медленная, люди плохо переносят иномасштабность, демиургам же, с их повышенной искусственностью, изменять размеры тел просто опасно. Да и нет гарантии, что хищница не погонится и за опадающим в объеме кораблем. С пылью и газом она расправляется идеально. Не облегчим ли мы ей задачу поскорей проглотить нас?

— Только гравитационная улитка! Мы оснастили звездолеты механизмами, меняющими околокорабельную метрику. Нырнув в крутую неевклидовость, мы оставим космического разбойника по ту сторону искривленного пространства. Твое мнение, Эллон? — спросил он, не дожидаясь нашего решения.

Засветившийся на экране Эллон подтвердил,

что нет ничего проще, чем запустить хищника в гравитационный туннель.

— Планета полетит наружу, как шар под гору! — Он распахнул рот в таком приступе молчаливого хохота, что не мне одному показалось, будто его нижняя челюсть вот-вот отвалится. В отличие от галакта, Эллона радовала перспектива схваток, воинственность была так же присуща ему, как инженерная одаренность.

Я опустился в лабораторию. У командных приборов прохаживался, подпрыгивая, как все демиурги, Эллон. У пульта, оснащенного клавишами, как древние рояли, дежурила Ирина. Возле противоположной стены распластался Бродяга, захватывая чуть не три четверти площади. Завидев меня, он дружески выбросил из ноздрей два фонтана дыма и приветливо перебросил на зубцах короны несколько молний. Они были теперь не так многоветвисты и красочны, как в годы его драконьей молодости. Я встал за спиной Ирины.

— Включай первое искривление, — приказал Эллон, и Ирина забарабанила пальцами по клавишам.

К этому времени все четырнадцать звездолетов сконцентрировались в такой близости от «Козерога», что теснота показалась мне опасной.

Я ничего не могу с собой поделать: сближение кораблей на дистанцию визуальной видимости всегда пугает меня. Но без концентрации флота его не обнести неевклидовым забором. Первое искривление, включенное Ириной, как раз создавало такой защитный забор. А затем Эллон предложил полюбоваться, как глупая планета, или существа, обитающие в ней, расшибают лоб о стену. Не знаю, есть ли у планеты лоб, но налетела она на искривление неистово и с такой же неистовостью отлетела. Это повторилось несколько раз — удар и отлет, снова удар и снова отлет. Змеящийся рот Эллона сводила судорога восторга, грозные глаза сверкали. Он не мог отвернуть фосфоресцирующего лица от пейзажа на экране — тусклых звезд в дымке туманности и пронзительно сияющей, пронзительно несущейся на нас, все снова отбрасываемой назад планеты.

— Включай выводной тоннель! — велел Эллон, и Ирина снова забарабанила по клавишам.

Теперь мы могли убедиться в мощности генераторов метрики. Планету вышвыривало в какую-то бездну — не пассивным скольжением по инерции в искривленном пространстве, с каким мы когда-то так остервенело боролись при

первом нашем появлении в Персее, а мощным толчком наружу. Я обратился к Эллону, он не ответил, он сгибался в беззвучном ликующем хохоте. Я повернулся к дракону:

— Здесь не простое изменение метрики! Ты знаешь об этом, Бродяга?

Дракон восторженно бил хвостом, сыпал тусклыми молниями.

— Конечно, Эли! Проблема пинка в зад — так это можно назвать на человеческом языке. Еще когда я был Главным Мозгом, мне всегда хотелось наддать дополнительного импульса выбрасываемым звездолетам. Эллон осуществил мою давнюю мечту. Действенно, правда?

Я согласился. Дракон выпустил на меня густой столб багровой гари, я отшатнулсяи подошел к Ирине.

— Эли, Эли! — сказала она голосом, какого я у нее никогда не слышал. — Какой он человек! Какой он удивительный человек!

Я бы мог возразить, что удивительность Эллона как раз в том, что он не человек, но промолчал. Уходя, я посмотрел на них троих. С того дня прошло много времени, я только не знаю, сколько, — может быть, один год, может быть, миллионы лет, любое время могло промчаться

в нашей сегодняшней иновременности. Но эту картину вижу с такой отчетливостью, словно впервые рассматриваю. На полу, захватив добрую треть помещения, извивался и ликующе дымил дракон, у экранов приплясывал и исходил молчаливым хохотом фосфоресцирующий синим лицом Эллон, а Ирина, прижав руку к сердцу, восторженно, молчаливо глядела на него, только молчаливо, упоенно глядела…

6

Вот так и совершилось наше вторжение в темные облака, прикрывающие ядро. Сперва отказали генераторы волн пространства и мы лишились связи с базой на Третьей планете, а затем напала хищная планета и Эллон спровадил ее в тартарары. Она исчезла бесследно из нашего района космоса, ее вообще не стало в нашем мире — так показывали анализаторы. Сейчас мне кажется, что она просто выпала из нашего времени, что она в иных веках, иных тысячелетиях, может быть, и миллионолетиях — мы уже не одновременны в этом мире. Я сказал — «просто выпала из нашего времени». У меня пухнет голова от такой простоты. Она непостижима. Убийственная простота — вот самое точное определение для

нашего нового понимания тех событий.

А на экранах день за днем разворачивалась одна и та же мрачная картина — туман и дым, и в дыму привидениями — редкие звезды. Звездного окружения не существовало, дальние светила не пробивались сквозь мрак, лишь те, к каким мы приближались, смутно проступали в тумане и так же смутно погасали, когда отдалялись мы от них. И все это были странные звезды — подмигивающие, пыхтящие, как бы вздыхающие вспышками тусклого сияния. Так преображал их дым туманности — нечеткие огоньки в исполинском пыльном погребе космоса!

Неделю за неделей, месяц за месяцем мы мчались в пыльном мраке, огибая встречающиеся звезды. И лишь когда у одного светила — мы назвали его Красным — анализаторы обнаружили одинокую планету с условиями, благоприятными для жизни, эскадра вынырнула в Эйнштейново пространство. До сих пор все встречные звезды были беспланетны. Промчаться мимо первой обнаруженной планеты мы не могли.

Звезда только издали казалась красной. По мере того как мы приближались, она голубела. Вблизи это было хорошее светило, молодое, энергичное, животворящее, вращаться вокруг такого солнца

было завидной участью. И наши анализаторы показали, что жизнь на планете есть. Но ни на один из сигналов планета не откликалась. Звездолеты яркими лунами повисли над ней, их нельзя было не видеть даже подслеповатому глазу, но и подслеповатого глаза, видимо, не имелось.

Олег приказал главной поисковой группе высаживаться на планету. На каждом звездолете имеются свои поисковые группы, главную возглавляю я. В поисковиках Труб и Гиг — летающие разведчики и воины, Ромеро — историк и знаток инозвездных цивилизаций, Мери — астроботаник, Лусин — астрозоолог, Ирина с ее приборами, а также Орлан и Граций. Я сделал одно отклонение от штатных назначений: включил в нашу группу Бродягу. Олег удивился: ведь неповоротливый старый дракон снизит мобильность поиска! Да и скафандра на такую махину не подобрать. Я, однако, не думал, что Бродяга нам помешает, а что до скафандра, то драконы, как и демиурги, отлично дышат разреженным воздухом, куда лучше нас переносят жару и холод. И Бродяге надо порезвиться на свободе. Звездолеты огромны для людей, демиургов и галактов, но конструкторы кораблей и не помышляли, что в корабельные списки будет внесено такое суще-

ство, как гигантский летающий ящер.

Олег вежливо слушал, вежливо улыбался, потряхивал золотыми кудрями. Этот человек, столь похожий на красивую девушку, непроницаем. Команды он отдает дельные, им без спору подчиняются и спокойный Петри, и резкий Осима, и вспыльчивый Камагин, и рассудительная Ольга, тем более — все остальные. Слушает он внимательно, но реплики подает больше улыбками, а когда приходится отвечать, то отвечает решениями, а не соображениями. Так было и в этот раз.

— Тебе виднее, Эли, — сказал он.

Мы высадились на планете.

Она не удивила нас, когда рассматривали ее издали. В галактических пространствах мы видели миры и необычней. Стандартный космический шарик: размер — с Марс, атмосфера — сходная с земной, горы, моря, облака, вероятно, и зелень, и животные; может быть, и разумные существа. Каждый из поисковиков брал переносный дешифратор сигналов, а Ирина нагрузилась еще и специальными приборами. Трубу и Гигу тоже предложили дешифраторы, но бравые друзья из механизмов признавали лишь разрядники и гранаты.

Планета казалась обычной лишь издали. Уди-

вительный мир разбегался под нами вширь, когда планетолет опускался на вершину холма, торчащего посреди равнины. Такого мира мы еще не знали.

Он был выражен лишь двумя цветами — черным и красным. На красной земле текли красные реки, раскидывались некрупные красные озерки, с красных скал низвергались красные водопады. А на фоне назойливой вакханалии красного чернели леса и поля — черные деревья, черные кусты, черные травы. И над черными лесами летали черные птицы, в зарослях черного кустарника мелькали черные звери, в красной воде плыли черные рыбы. И облака над нами были черные с огненно-красными краями, они то сгущались — и все красное у них пропадало в черном, то редели — и черное становилось красным.

— Преддверие ада таких же цветов, ты не находишь, Эли? — пробормотал Труб и озадаченно распушил когтями бакенбарды.

— Что могут ангелы знать об аде?

— Узнаем, — пообещал он и взмыл вверх.

— Мне кажется, все неживое здесь красного цвета, а живое предпочитает черный, — заметила Мери.

Граций величественно кивнул, он пришел к такому же мнению. Мнение это было тут же опровергнуто Трубом. Ангел погнался за птицей, схожей с нашим гусем, только крупнее. Тогда птица сложила крылья и стала падать. Она падала, на глазах превращаясь из черной в пламенно-красную. Труб приземлился и позвал нас. Птицы не было. На земле лежал небольшой валун, мертвый, холодный и такой же красный, как и все вокруг.

— Это она, она! Она превратилась в камень! Она притворяется камнем! — твердил Труб и раздраженно толкал красную глыбу то ногой, то крылом, но никак не мог сдвинуть ее: казалось, что валунок лежал на том месте тысячелетия — так он врос в грунт.

Мери с отвращением сказала:

— Здесь даже звуки черные!

Здесь и вправду все звучало глухо и невыразительно. Я бы добавил, что и запахи были черные: и красная земля, и красная вода, и черные растения пахли одинаково — ничто не имело своего аромата, не было своеобразных запахов, как не было и своеобразных звуков. Я ударил ногой о красный камень, который Труб считал преображенной птицей, Ромеро деловито постучал своей

металлической тростью о металлический дешифратор: мы не услышали ни металла, ни камня, не было постукивания, не было удара — один плотный ком ваты как бы столкнулся с другим.

Трубу захотелось полетать над лесом, там он углядел новых птиц и резво помчался за ними, но и птиц больше не было и сам лес стал исчезать, когда Труб подлетел к нему. Лес опадал, приникал к земле, превращался в землю, менял черный цвет на красный. И больше не было леса, была одна красная, голая, безжизненная земля.

— Гиг, — сказал я предводителю невидимок. — Разведка твоему другу не удается. Не можешь ли ты помочь ангелу?

— Сейчас надену мундир, начальник! — воскликнул бравый Гиг и понесся вслед за ангелом. Исчезал он уже на лету.

Труб в недоумении парил над исчезнувшим лесом, ангела мы видели хорошо, а Гиг, естественно, зрению был недоступен, но извилистая линия внезапного опадания леса, превращение черного цвета в красный отчетливо отмечали невидимый полет Гига.

— Экранирование невидимок здесь не действует, — сказал удивленный Орлан. — А мы были уверены, что их невидимость совершенна!

Ирина подтвердила, что оптическая невидимость Гига недостаточна. Неизвестно, следит ли за нами кто-то, но если следит, то экранированный Гиг виден ему столь же ясно, как и Труб.

— Нас терпят на расстоянии до двухсот метров. От двухсот метров до ста все поспешно омертвляется. Чем быстрей мы приближаемся, тем быстрей омертвление. Граница в сто метров непреодолима. За ней лишь красная окаменевшая земля.

Объяснение Ирины ничего не объяснило, оно само было загадкой. В эту минуту Гиг кинулся в реку. Картина убегающего мира привела воинственного скелета в ярость. Он усмотрел мирно текущую в красных берегах красную речку и набросился на нее. Река рванулась в сторону, в считанные секунды изменила русло и понеслась по камням. По пути ей повстречался обрыв, и река низверглась с него стремительным водопадом. Это было живое существо, быстрое, ловкое, безмерно напуганное, — такое впечатление создалось у всех. А когда невидимка все-таки настиг ее, река мгновенно иссякла. Было прежнее русло, были следы метания живой воды по земле, но реки не было. Она не ушла, не просочилась в недра, даже не пропала, как привидение. Она

окаменела.

Гиг сбросил экран и опустился около нас.

— Начальник, я возмущен! — Он сконфуженно затрещал костями. — Я еще не встречал таких трусов, как здешние деревья. А что за фокусы проделывают здешние реки? Ты мог бы мне объяснить, Орлан, почему шальная речка удрала от меня?

Орлан мог объяснить столько же, сколько и я, а я ничего не понимал. Труб по-прежнему кружил над омертвелым лесом, Гиг присоединился к нему, на этот раз без экранирования. Возмущение невидимки скоро превратилось в восхищение. Ему стало нравиться, что все, к чему он приближается, каменеет. Летающий скелет все расширял круги полета, пока не скрылся за горизонтом. Ангел последовал за невидимкой. Я подошел к Бродяге.

Дракон попытался совершить небольшой круг в воздухе, но, тяжело поднявшись метров на десять, снова опустился на пригорочек. Здесь он обессиленно распластался, выдыхая густой дым, устало посверкивал тусклыми молниями. Я начал сожалеть, что разрешил ему принять участие в экспедиции. Настроение это переменилось, когда я взглянул в выпуклые, оранжево-зеленые,

насмешливые глаза дракона. У Бродяги был чертовски умный взгляд.

— Забавная планетка. Тебе не кажется, что здесь много загадок, Бродяга?

— Только одна, — ответил он.

— Одна? Я назову сразу три: живые реки и деревья, боязнь нас, их мгновенное превращение в камни. Я уже не говорю о том, что камнями становятся даже птицы.

— Только одна, — повторил он. — У меня ощущение, будто я встретился с самим собой — с прежним собой… Я угадываю присутствие мыслящего мозга, но не могу установить с ним связи…

На распластанном крыле дракона сидел Лусин. Я обратился к нему:

— А ты что скажешь о планете?

— Странная, — ответил он, подумав. И, еще подумав, добавил убежденно: — Очень странная!

7

Времени на размышление не было: Труб нуждался в указаниях, Гиг жаждал приказов, все требовали разъяснений. Я сердито сказал Ирине:

— Немного стоят приборы, не способные установить простой факт, что на этой планете живое, а что мертвое.

Она вызывающе прищурилась. Она вообще не взглядывала, а метала взгляды. Когда ее упрекали, она не оправдывалась, только раздражалась. Ольга не сумела воспитать свою дочь в послушании.

— Ошибаются не мои приборы, ошибочно ваше представление о том, что просто, а что сложно на этой планете! Разрешите мне слетать на «Козерог», я возьму другую модель скафандра, обеспечивающую лучшее экранирование.

— Для невидимок или для нас?

— Для каждого, кто захочет стать невидимым.

— Я сам возвращусь на «Козерог» посовещаться с начальником экспедиции. Вы пока останетесь здесь.

Павел с опаской взглянул на меня и покачал головой.

Я удивился:

— Вы недовольны?

— Может быть, лучше нам всем возвратиться, дорогой адмирал? Откровенно говоря, я не хотел бы проводить ночь на этой планете.

— Не понимаю, что вас беспокоит.

Он выразительно пожал плечами.

— В каждом из нас сидит ветхий Адам, любезный адмирал. Мы способны зажигать звезды,

скручивать пространство, чего, если верить древним, даже их боги не умели. Но чуть мы остаемся один на один с природой, в нас возрождаются старинные страхи, мы тогда не больше, чем крохотная частица мира, не властелины, а игрушки стихий.

Меня не убедили соображения о «ветхом Адаме». Планета была диковинна, но разве звездопроходцам не встречались небесные тела и постранней? И если я согласился на общее возвращение на звездолет (а это, как доказали последующие события, было самым разумным), то не из сочувствия к ночным страхам Ромеро — просто мне показалось излишним вникать в странности этого маленького мирка. У нас были задачи и поважней. Именно так я и доложил Олегу.

Олег выслушал меня с обычной бесстрастно-учтивой улыбкой. Он мог бы и не расспрашивать: все, что мы делали на планете, транслировалось на звездолеты. И вряд ли следовало вооружаться такой отстраняющей улыбкой. Я намеренно говорю: отстраняющей. Улыбка подобна руке — ударяет, если зла, дружески пожимает, если добра, тянет к себе, если радостна. У Олега она заставляет сидеть на своем месте, подчеркивает

дистанцию. На «Овне», «Тельце» и «Змееносце», которыми командуют Ольга, Петри и Камагин, отношения между капитанами и экипажем сердечней. Я постановил для себя высказать это Олегу при удобном случае. Случай представился немедленно. Я посоветовал созвать совещание капитанов звездолетов и решить сообща, продолжать ли исследование первой обнаруженной нами планеты.

— Но ведь ты считаешь, что делать этого не нужно, Эли.

— Мало ли что я считаю! Я могу и ошибаться. Инструментальная разведка в ведении группы Эллона. Вдруг он предложит что-нибудь поинтересней скафандров, обеспечивающих невидимость?

— Не нужно совещаний. Мы удалимся из этого района.

Тогда я заговорил откровенно:

— Олег, почему ты держишься так отчужденно? Поверь, это производит неприятное впечатление не только на меня.

Он помедлил с ответом.

— Я не должен держаться по-иному, Эли.

— Не должен?

Он рассеянно глядел в угол. Лицо его покинула

маскирующая вежливая улыбка. Он был прежний простой и ясный парень, каким я знал его на Земле.

— Эли, я не люблю Эллона, — сказал он.

— Никто не любит Эллона.

— Ты ошибаешься, Эли.

— За исключением Ирины, — поправился я.

— Для меня это достаточно важное исключение… Мы были очень дружны, пока она не стала работать с Эллоном. Он выдающийся ум, но она уж очень им покорена. И Эллон в ее присутствии непрерывно подчеркивает, что я выше по должности, но не по значению.

— Мы говорим о твоем отношении ко всем, а не к Эллону, — напомнил я.

— Я не могу выделить Эллона среди других. Заповедь звездопроходца — ко всем товарищам относиться одинаково по-товарищески. Но я не способен обращаться с ним, как с Ромеро, как с Орланом и Грацием. Для меня один выход: не показывать особой приязни ни к кому. Возможно, я не прав, но навязываться Эллону в друзья не буду.

Наш разговор прервал сигнал тревоги. Мы с Олегом поспешили в командирский зал. Анализаторы извещали, что звезда Красная подверглась

нападению. Все четыре корабельные МУМ, независимо одна от другой, из всей бездны понятий, хранящихся в их памяти, дружно выбрали именно этот чудовищный термин — «нападение».

Изумленные, мы не отрывали глаз от экранов. Из района, куда был проложен наш курс, несся мощный поток излучения — гигантский луч, нацеленный точно на Красную. Струя несущейся энергии нам, со стороны, казалась бледным силуэтом, слабо светящейся лентой, слегка затенившей звезды. И если бы не было видно, что происходит со звездой, мы могли бы и не понять, какая мощь заключена в поразившем ее луче.

Олег повернул ко мне побледневшее лицо.

— Какое счастье, Эли, что мы у планеты. Если бы мы оказались сейчас по ту сторону Красной, вся эскадра превратилась бы в плазменное облачко!

— Что ты собираешься предпринять, Олег? Поскорей бБежать отсюда?

— Приблизиться к Красной, Эли. Мы должны разобраться, что происходит. Будем идти со всей осторожностью, конечно.

Эскадра, оставаясь в Эйнштейновом пространстве, направилась к уничтожаемой кем-то или чем-то звезде. Я сидел в кресле и хмуро глядел на экраны. Я думал о гибели первой экспедиции в

ядро Галактики. Воспоминания о той эскадре в эти минуты томили не одного меня.

Последние записи бортового журнала Аллана говорили о том, что на звездолеты обрушился поток губительных частиц и что Аллан с Леонидом пытались вывести корабли за пределы потока. Вырвавшись на чистый простор, они уже надеялись, что избежали непонятной опасности, как вдруг корабли снова настигли такие же потоки, как будто бы неведомые — во всяком случае невидимые — генераторы губительного луча меняли прицел, следя за метаниями эскадры. Так продолжалось несколько раз, пока не оборвались записи и корабли с мертвыми экипажами, успевшими перед гибелью задать автоматам обратный курс, не унеслись назад из ядра, так и не подпустившего их к себе. Именно целенаправленность ударов, не объяснимая ничем иным перемена направления узких потоков и заставили предположить потом на Земле, что против экспедиции начались военные действия.

Сейчас была аналогичная картина, с той лишь разницей, что луч обратили не против нас и что мощность его безмерно превосходила то, что обрушилось на корабли Аллана и Леонида. Обстреливали звезду, а не звездолеты, — энергии

требовалось побольше. Картина была реальная и немыслимая в своей реальности — без конца исторгающийся поток энергии, строго направленный на Красную чудовищный луч…

— Война! — невольно сказал я вслух. — Какое же дьявольское могущество — так обстреливать звезды!..

— Еще нужно установить, что это чье-то сознательное действие, а не стихийное явление природы, — возразил Олег. Он не мог согласиться, что мы повстречались с космической стрельбой. — Война против вторгнувшихся кораблей противника все-таки понятна. Возмутительно, отвратительно, преступно — да, но в конце концов не противоречит законам поведения живых существ. Но зачем воевать против мертвой звезды? Почему? Для чего?

— Не могу ответить ни на один твой вопрос, Олег. Но уверен, что, если мы сегодня не будем соблюдать поистине исполинскую осторожность, мы угодим в беду горше той, что постигла эскадру Аллана, — даже трупы наши не вышвырнет на родину!

Олег держал эскадру в отдалении от страшного луча. Экипажи дежурили на боевых постах. Мы были готовы немедленно включить все средства

защиты — аннигиляторы пространства, генераторы метрики, гравитационные улитки. Я не сомневался уже и тогда, что вся эта казавшаяся столь могущественной защита не больше чем хлопушка против атомного снаряда. У меня не ослабевало ощущение, что мы резвимся на краю бездны. Мы не погибли лишь потому, что нас игнорировали. Удару подверглась звезда, а не эскадра.

Чудовищный луч врезался в нее, как гарпун в тело кита, как шпага в грудь дуэлянта. Звезда распухла, разлетелась, исторглась. Она вся целиком превратилась в огромный протуберанец, она неслась на нас, тускнея, в дыме и пепле, пропадала в бешено разлетающемся собственном прахе.

Луч оборвался так же внезапно, как и возник. Звезда продолжала бушевать, но это была уже другая звезда. Добрая треть ее вещества, исторгнутая наружу, продолжала разлетаться, сгущая и без того плотную туманность. Багровая пыль затягивала потускневшие светила дальних звездных районов. Пылевое облако мчалось, как после взрыва.

А с планетой, на которой мы всего несколько часов назад побывали, было покончено. Собственно, планета сохранилась, но лишь как небесное тело.

Диковинные формы жизни, открытые на ней, были уничтожены. Вся поверхность планеты, повернутая к Красной, была покрыта стекловидной оплавленной массой. Возможно, на другой стороне и можно было поискать остатки жизни, но там бушевали пожары. Для нас не было сомнений, что и мы все погибли бы, если бы остались в эту страшную ночь на планете.

Природа луча, столь неожиданно появившегося и так внезапно оборвавшегося, так и осталась непроясненной. В нем имелись тривиальные фотоны, нейтроны, протоны, ротоны, нейтрино, даже мало изученные ергоны, а также, вероятно, и еще неизвестные материальные микроконструкции. Нельзя было и вообразить никакого естественного процесса, создающего такой чудовищный гиперлазер. Но если то был и вправду обстрел, а не стихийно протекающий процесс, то для чего обстреливали звезду? Кто ее обстреливал?

Олег собрал совет командиров. Совещание транслировалось на все корабли. Олег поставил один вопрос: что командиры думают по поводу событий, разыгравшихся на Красной?

— Космическая катастрофа, — сказала Ольга. — Я сделала некоторые подсчеты. Поток,

исторгнувшийся из ядра, перенес энергию, достаточную для создания десяти новых планет. Маловероятно, что где-то можно было изготовить орудие такой мощности. Я склоняюсь к тому, что мы встретились с новым космическим процессом.

— Если это космический процесс, то он опасен, — высказался осторожный Петри. — Пронесся бы такой луч через нашу эскадру — и воспоминания бы от нас не осталось! Меня смущает прицельность потока… Он шел издалека и точно угодил в звезду. Такая точность для естественного процесса маловероятна.

— Космическая война! — воскликнул Камагин. — Вы спросите, почему кто-то нападает на мертвое светило? А разве люди не штурмовали мертвый камень фортов и крепостей, не разрушали города и посевы, леса и воды, чтобы лишить противника убежищ и источников питания? Мы не знаем целей войны, не знаем, кто ее ведет, не знаем, какую пользу кому-то приносит уничтожение Красной, но что это война — сомнений быть не может. И результаты мы видим ясно — деградация главного светила, гибель уникальных форм жизни!

— Если война, то надо определить, на чьей мы

стороне, — объявил Осима. — Кто сеет зло, кто страдает от зла? Что до меня, то мне больно за странные существа, населявшие планету. Удар направлен против них, а они были бессильны ответить контрударом. Жизнь их странна, но это жизнь, и она взывает о защите.

На совете капитанов всегда присутствуют Орлан и Граций. Олег попросил высказаться и их. Им не хватало данных для решения. Сам Олег сказал, что мы не вправе ошибиться, ошибка непоправима.

Если мы встретились с актом войны, не будем торопиться вмешаться в нее. Надо разведать силы и цели противника. А если в космосе разыгрались неведомые стихии, тем более следует остерегаться, чтобы ненароком не попасть в какое-нибудь чудовищное горнило.

— Нас интересует твое мнение, Эли. Ты научный руководитель экспедиции, твое слово решающее.

— Мое слово ничего не решает, ибо я согласен со всеми, — объявил я. — Все мнения обоснованны. Ближе всех мне анализ Камагина и желания Осимы. Но я бы не рискнул действовать по их программе. Я поддерживаю командующего. Изучение продолжается, категорические решения

откладываются.

— Тогда продолжаем движение к ядру, — подвел итоги Олег. — И ко всему только присматриваемся.

После совета Камагин упрекнул меня:

— Эли, раньше вы были решительней! И принимали решения такие смелые, что голова кружилась. Вы постарели, адмирал!

Я с нежностью смотрел на Эдуарда. Он не постарел. Он ровно вшестеро старше любого из нас — и моложе всех. Маленький, быстрый, широкоплечий, с красивым лицом, с темной шевелюрой, темными живыми глазами, он сохранил ту смелую душу, что некогда повела его в космос на примитивных досветовых звездолетах, дала возможность пройти испытания трехсотлетней космической одиссеи. Он был все так же по-юному отважен, все так же неизменно рвался в сгущение событий. Его имя, высеченное золотыми буквами в Пантеоне, начинает длинный список великих галактических капитанов, в отличие от него давным-давно умерших. Среди нас, участников второй экспедиции к ядру, он самый выдающийся. Я ласково положил руку на его плечо.

— Дорогой Эдуард, я и вправду всего боюсь. Мы

вышли на поиски рамиров, таинственного народа, о котором известно, что он могущественнее нас. Что, если события, свидетелями которых мы стали, являются формой их деятельности в районах, прилегающих к ядру? А почему она такая, не спрашивайте, знаю одно — действие по могуществу действующего…

Часть вторая
ГИБНУЩИЕ МИРЫ

Оплетавшие — останутся.
Дальше — высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.
У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения —
Не прозрей!
Я глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени —
Не расслышь.
Я душа твоя: Урания —
В боги — дверь.
В час последнего сияния —
Не поверь!

М. Цветаева

Бог на красные кнопки жмет.
Пламя райские кущи жнет.
Бог на пульте включил реле —

Больше рая нет на Земле.
В. Шефнер

1

Олег вызвал меня в командирский зал.

Корабль вел Осима, Олег разговаривал с Эллоном. Должно было произойти что-то важное, чтобы Олег захотел вызвать Эллона к себе и чтобы тот захотел покинуть лабораторию.

На звездных экранах смутно очерчивалось ядро, до него оставалось не более двух тысяч светолет. Сбоку мерцало пятнышко шарового звездного скопления.

— Впереди по курсу — яма в пространстве, — сказал Олег. — Прямая на ядро — длинней обхода по кривой. Мы попали в какой-то провал в метрике.

О провалах в пространстве я слыхал и раньше, теорию их излагали в курсе астронавигации. Что пространство Евклидово лишь в абстракции, известно каждому. Но никто из звездопроходцев еще не встречался с подобными «провалами в провалах». Было предположение, что в один из них угодило созвездие Гиад, оно удалялось от всего окружающего.

— Значит ли это, что, сохранив курс, мы не доберемся к ядру? — спросил я.

— Свет от ядра через яму проходит. Но пройдем ли мы в сверхсветовой области? Что, если там не найдется физического пространства, которое смогло бы аннигилировать в генераторах Танева? Мы тогда будем падать и падать в бездонной бездне!

— Курс в обход пролегает через шаровое скопление, иной дороги нет, — эадумчиво сказал Олег.

Я показал на звездные экраны. Космос нигде не заколочен досками. Почему не идти левее шарового скопления, выше, ниже его? Разве что-нибудь там тоже грозит?

— В том-то и дело, что грозит. Космос нигде не заколочен досками, ты прав, Эли. Но МУМ указывает, что окрестности ядра изобилуют такими же ямами, как и та, что разверзлась впереди. Мы прокладываем курс по всей совокупности звезд, а не по одной, произвольно выбранной. И вот все звезды, что были справа и слева по курсу, вдруг стали очень быстро отдаляться. Разбегание составляет тысячи световых лет в неделю. Звезды не корабли, они не могут вырваться из оптического пространства. И красного смещения света нет, значит, нет и реального разбегания. Вывод

один — свет в этих районах попадает в провалы метрики, где инерциальные линии колоссально удлиняются.

— А те звезды, что мы оставляем за собой?

— Там все нормально, Эли. Мы ведь не оставляем за собой провалов в метрике! Нет, надежный путь только через шаровое скопление!

Мы с Олегом молча всматривались в звездную полусферу. Шаровое скопление появилось на экранах недели две назад, за это время мы сблизились с ним почти на сто светолет. Это был шарообразный звездный рой — около пяти миллионов звезд, мчавшихся от ядра, перпендикулярно к плоскости Галактики, со скоростью 50 километров в секунду. Скорость невелика, но если помножить ее на давность существования роя? За двести миллионов лет — срок по космическим масштабам небольшой — скопление вообще покинет Галактику! Оно не просто двигалось в пространстве — оно убегало!

И еще одно отметили корабельные МУМ. Убийственный луч, поразивший Красную, шел, всего вероятнее, из этого скопления. На трассе луча не было других светил, которые смогли бы его прогенерировать. И вот, оказывается, скопление было также единственными доступными воро-

тами к ядру.

— Пробка, затыкающая горлышко бутылки, — с досадой сказал Олег. — Или акулий рот, усеянный светящимися звездными зубами и готовый проглотить непрошеного пришельца.

— Другого выхода у нас нет, Олег?

— Другого выхода нет.

Эскадра повернула на шаровое звездное скопление.

Я много раз описывал звездное небо в рассеянных скоплениях Плеяд и Персея. Я хотел бы, не боясь повторений, снова в подробностях рассказать о новом звездном пейзаже. И если не делаю этого, то лишь потому, что картина, развернувшаяся на экранах, относилась к тем, о каких говорят: «Невыразимо прекрасно». Шаровые скопления — теперь я это хорошо знаю — несравнимы с рассеянными. Вообразите себе небосвод, на котором две сотни земных лун, тысячи Венер, сто тысяч Сириусов, да еще отчетливо светятся остальные пять миллионов звезд, ибо ни одна не дальше десяти световых лет, — и вы поймете, что описать красоту этого звездного мирка невозможно.

Я перенапрягал свой мозг трудными вопросами. Все известные шаровые скопления равномерно, на всех осях, очень удалены от ядра, это тоже

отдаляется от него, — почему ядро Галактики как бы испаряется шаровыми скоплениями? Что заставляет их бежать на периферию, в то время как с отдельными звездами ничего похожего не наблюдается? Какие силы так старательно перетасовывают светила, чтобы в шаровых скоплениях оказались звезды одних поздних классов, наиболее удобные для белковой жизни? Почему так часто, в сотни раз чаще, чем у обычных звезд, встречаются у них планеты?

— Все шаровые скопления летят только наружу, перпендикулярно к плоскости, где в Галактике размещена основная масса звезд, — твердил я себе. — Они как бы стремятся на простор. Почему? Тысячи «почему»! Где же треклятые рамиры, они, вероятно, дали бы объяснения загадкам!

Эллон имел специальное задание — обнаружить на планетах шарового скопления механизм, ударивший по Красной. Признаков суперлазера он не нашел. Не было самого существенного — могущественной цивилизации, которой стали бы под силу такие орудия. День за днем, на малой тяге аннигиляторов, мы мчались через блистательный мир, запыляя его дали сгоревшим в горниле кораблей космосом, и не улавливали даже слабого сигнала, протестующего против

порчи межзвездной среды. Великолепный мир, бесполезный мир, говорили мы между собой. В нем не было жизни, красота его была ни для кого. Он сиял про себя, для себя, в себе. Мы не могли простить ему такой расточительности. Бесполезный мир! — снова говорили мы с грустью.

2

Мы пронеслись сквозь звездные ворота ядра и снова попали в затуманенное пространство. Ядро дымило, как плохой костер, его повсюду заволокли газовые облака. Гигантские массы водорода мчались во все стороны от ядра, как гонимые ветром, то разрежались, то снова сгущались. Ольга передала очередной расчет — вещества в местных звездах меньше, чем распылено в межзвездном пространстве. Ее изумила и обрадовала необычность явления. Я не удивился и не обрадовался. Я не люблю пыли ни на Земле, ни в космосе. Мери с сердцем сказала:

— Почему тебя назначили научным руководителем экспедиции? В тебе нет настоящей любви к науке! Тебя никогда не восхищает новый факт сам по себе.

— Зато я люблю ученых и могу вытерпеть их открытия, а это не так уж мало. В остальном ты

права: меня восхищают факты хорошие, а не просто новые.

Немного правее курса появилась коротко-периодическая цефеида. Это была типичная пыхтящая звезда, быстро меняющая объем, меняющая светимость. Я бы не стал тратить на нее внимания. В Олеге жилка ученого развита сильней, чем у меня. По просьбе Эллона, он направил эскадру к звезде.

— Мы видели в рейсе множество цефеид, — сказал я Эллону. — Почему тебя заинтересовала именно эта?

— Она приближается к коллапсу, — ответил демиург. — Опадение звезды в точку может произойти со дня на день. Будет непростительно, если мы пропустим такое событие.

А Бродяга признался, что всегда мечтал приблизиться к коллапсирующей звезде. Несколько раз он издалека наблюдал за коллапсом звезд вне Персея. И это всегда было грандиозно. Когда ему надоедала жизнь могучего звездного тюремщика, он воображал, что переносится на коллапсар и погибает с ним, наблюдая изнутри гигантскую катастрофу. Это было великолепно — не собственная гибель, конечно, а пейзаж гибели звезды.

— Бродяга, ты неисправимый романтик, — ска-

зал я.

Ольга прислала новый расчет. Находиться поблизости коллапсара было не безопасней, чем попасть под луч, поразивший Красную. Только интенсивная работа аннигиляторов вещества могла гарантировать от катастрофы, если звезда перед коллапсом превратится в сверхновую, то есть выбросит наружу примерно с четверть своей массы. Олег приказал заблаговременно подготовить аннигиляторы, приказ был обычный для этой операции: «К бою», — хотя воевать со звездой бессмысленно; название наших технических операций отражает старые человеческие дела.

Но звезда не превратилась в сверхновую. Она уже когда-то была сверхновой, взрыв произошел за много веков до того, как мы появились здесь. Теперь от светила оставался лишь рудимент прежнего звездного гиганта, плотная, лихорадочно менявшая свой блеск и объем звездочка, правда, по массе раза в три больше нашего Солнца. И этот рудимент сколлапсировал на наших глазах. Мы увидели во всех подробностях антивзрыв, о котором столько слышали, но которого не наблюдал вблизи еще ни один человек.

Эскадра кружила вокруг звезды компактной группой — на время превратилась в ее спутника.

Ничто по виду не предвещало катастрофы. Вдруг звезда стала проваливаться. Это было «вдруг» в точном значении слова, мгновение отделяло спокойное состояние от взрыва. Звезда взорвалась, но не наружу, а в себя. Она опадала, неслась в свою глубину, к своему центру. Олег приказал приблизиться, мы теперь летели на звезду, она — от нас. В момент антивзрыва диаметр звезды составлял миллиона три километров, он опал до миллиона, до ста тысяч, до тысячи… Звезда стала меньше Земли, но чудовищные силы по-прежнему стискивали, сдавливали, стягивали, уминали ее. Она была уже меньше земной Луны, но все продолжала опадать, все неслась к своему центру — небольшой, все уменьшающийся шарик, такой безмерно плотный, что один кубический его сантиметр весил уже миллиарды, если не триллионы тонн. И тут звезда стала закатываться, она была уже не больше трех-четырех километров в диаметре, крохотная точка по космическим масштабам, — точка еще сверкала, но свет краснел, темнел, звезда пропадала в невидимости, в абсолютной невидимости — для волн, для частиц, для силовых полей. Больше не было шарика с чудовищно уплотненной массой, была черная дыра в пустоте — зловещая дыра, втягивавшая в

себя все, что неосторожно приближалось к ней.

Олег велел эскадре затормозиться. Дальнейшее движение было опасно. Попади мы в притягивающее поле «черной дыры», нас не спасли бы ни аннигиляторы вещества, ни генераторы метрики, ни гравитационные улитки.

— Ужас! — воскликнула побледневшая Мери. Мы сидели с ней в обсервационном зале. — И такие невидимые страшилища подстерегают наши корабли, как черные пауки в кустарнике подстерегают путника. Оступился, шаг в сторону — и конец!

Коллапсары и вправду напоминают пауков космоса. К счастью, МУМ фиксирует все попутные поля. Автоматы сами включили бы тормозные двигатели, если притягивающие поля коллапсара подошли бы к опасной величине.

Пока мы разговаривали с Мери, справа появилось космическое тело, по предположению — звездолет. Всего мы могли ожидать в этом неизведанном уголке Вселенной, никакое удивительное явление природы не сочли бы невероятным, но о встрече со звездолетом, искусственным сооружением разумных существ, и помыслить не могли! Мы кинулись к обзорным экранам. Анализаторы бесстрастно твердили одно: к нам

приближается звездолет.

Я ушел в командирский зал. Это точно был корабль, а не космический шатун. И он удалялся от коллапсара! Он был на таком расстоянии от сконцентрировавшейся в комок звезды, что его не могло не затянуть в страшные объятия. Он должен был падать на нее с такой же быстротой, с какой она сама опадала в себя. А он улепетывал! Он мчался нам навстречу. В мире не существовало двигателей, способных развить тягу, столь превосходящую притяжение коллапсара!

— Вероятно, Ольга уже проделала все расчеты, связанные с незнакомцем, — заметил я. — На «Овне» МУМ всегда работает с трехкратной нагрузкой. Запросим Ольгу.

По вычислениям Ольги, однако, получалось, что летящего чужого корабля нет. Он был, мы его видели, он неистово мчался прямо на нас, но его не было!

— Чепуха! — сказал я с досадой. — Олег, я по горло сыт призраками и привидениями. Снова какой-то фантом, только космический, а не планетарный.

— Фантомы — тоже реально существующие объекты, только не те, какими они кажутся, — возразил Олег. — А этого просто нет, хотя он есть,

так надо понимать сообщение Ольги.

Наша МУМ подтвердила донесение Ольги. Все поисковые поля, направленные на незнакомца, показывали, что в том месте, где он был, ничего нет. К нам несся подлинный призрак, куда призрачней тех, что мы творили генераторами фантомов. Я спустился к Эллону.

У него уже были Орлан и Граций, во всю длину пола разлегся дракон.

— Эллон, — сказал я, — мы видим в оптике чужое тело, поисковые поля не обнаруживают его. Можешь ты разъяснить этот парадокс на языке доступных мне понятий?

— На языке доступных вам понятий — нет, — ответил Эллон. Он даже не захохотал, как обычно делал, предвкушая эффект своих объяснений. Эффект был сам по себе так значителен, что его не нужно было подчеркивать дьявольским хохотом.

— А на языке необычных понятий, Эллон?

— Звездолет, который мы видим, не существует в нашем времени.

Я переглянулся с Орланом и Грацием, потом посмотрел на дракона. Они понимали не больше моего. В стороне сидела Ирина — раскрасневшееся лицо, блестящие глаза и то, как она кивала

головой на каждое слово Эллона, свидетельствовали, что она убеждена, будто ей все ясно.

— Не существует в нашем времени? В каком же, черт побери, времени он мчится на нас?

— Для нас он мчится из нашего будущего в наше настоящее.

— А не из прошлого в настоящее? — Объяснение Эллона было из тех, которые сгущают, а не рассеивают тьму.

— Из прошлого в настоящее мчимся мы. Вернее, непрерывно отодвигаем наше настоящее в прошедшее. Время реактивно связано с нами — подталкивает нас вперед, в будущее, само улетает назад, в прошлое. Движение незнакомца — выстрел из будущего в настоящее. Его время не реактивно отскакивает от него, а мчится в том же направлении, как пороховые заряды в дулах орудий мчатся вместе со снарядом.

— Выстрел из будущего в настоящее? — Я подумал. — Но мы же видим чужой звездолет, Эллон, и видим его в нашем настоящем, видим уже два часа, и за это время то настоящее, которое было два часа назад, стало прошлым. Иначе говоря, звездолет существует и в настоящем, и в прошлом, а не в будущем.

Мне показалось, что я поймал Эллона на про-

тиворечиях. Но демиург хорошо продумал свою концепцию.

— Мы видим в настоящем его тень, падающую из будущего. Тень предваряет появление реального объекта. Тень сокращается, то есть звездолет приближается из будущего в настоящее. Когда она совпадет с объектом, он появится телесно.

— Он не пронесется из настоящего в прошлое?

— Думаю, что у него не хватит энергии, чтобы проскочить нуль времени, называемый «настоящим», или «сейчас», или «данное мгновение».

— Ты слышишь, Олег? — спросил я по стереофону. — Если гипотеза Эллона верна, то столкновение эскадры с чужим кораблем не грозит опасностью. Нам также не страшна встреча с ним, как Чингисхану не страшна встреча с нашими звездолетами. Ты что-нибудь понял?

Олег ответил, что постарается избежать близкого контакта с чужим кораблем, безразлично, в каком времени тот обретается.

Гипотеза Эллона начинала мне нравиться. Все дело было в том, что звездолет мчался от коллапсара. При коллапсе меняется ход времени — и будущее, и прошедшее стягиваются в точку. Говорят, перед глазами умирающего проходит вся прошлая жизнь. У гибнущей звезды в какие-то

считанные секунды выстраивается не только все прошлое, но и все будущее. Как это наглядно представить себе, я не знаю, но таковы выводы теории. Время так же концентрируется в плотный клубок, как чудовищно плотной становится масса.

А затем произошла встреча — и произошла точно по Эллону. Олег постарался, чтобы шальной звездолет не угодил ни в один из кораблей. Эскадра выстроилась в кольцо, в центр кольца несся звездолет. Не долетев до нас, он остановился. Теперь он неподвижно висел в космосе. Очевидно, пришел в точку равновесного времени — и это было как раз наше «сейчас».

Окружив незнакомца кольцом, мы по-прежнему видели его расплывчатым силуэтом и по-прежнему поисковые поля не могли оконтурить его. Время на нем, похоже, замедлилось, оно тоже тормозило свой бег — он уже не падал в наше время так стремительно.

И вдруг чужой корабль вырвался в пространство физически. На экранах вспыхнула реальная картина — телесный предмет, а не его диковинная тень. Звездолет напоминал улитку из тройного кольца спиралей: ни у нас, ни у галактов и демиургов не было и отдаленно похожей

конструкции. Корабль, совершенно прозрачный, как будто и стенок у него не было, весь состоял из мерцающего газа, сжатого какими-то силами в трехэтажную спираль. Лишь на острие возвышался темный нарост, размером с наш корабельный зал — вероятно, командный пункт: в нем виднелись непрозрачные тела.

Впервые я увидел Эллона удивленным.

— Эли, — обратился он ко мне, забыв сказать традиционное «адмирал», — Эли, вы знаете, что это за форма? Она воспроизводит гравитационную улитку, при помощи которой я отшвырнул хищную планету!

Дракон был удивлен не меньше демиурга.

— Так красочно описанная тобой «проблема пинка в зад» получила, кажется, предметное оформление, — съязвил я. — Конструкция, которая сама себе наддает!

На сигналы звездолет не отзывался. Олег велел Осиме вести планетолет к чужому кораблю.

Планетолет облетел улитку, ощупал ее полями, поискал, но не нашел входов. Осима решил отделить кабину от корпуса. Вскоре мы увидели гибель звездолета. Кабина, охваченная нашими полями, сохранилась, а корпус мигом распался, чуть срезали кабину, — бесформенное облачко

поплыло к нашей эскадре, оно больше не мерцало.

— Полюбуйтесь, каких зверей я притащил! — сказал Осима, выпрыгивая из планетолета, возвратившегося на «Козерог». — Чужой корабль сохранить не удалось, чужие астронавты доставлены. Но они все мертвы! Они уже миллионы лет мертвы, если верить Эллону, что мы повстречали не звездолет, а времялет.

Внутри кабины лежало шесть тел. Несомненно, когда-то они были живыми, сейчас ничто не свидетельствовало о жизни. Прозрачные стенки кабины напоминали силовые экраны, натянутые на каркас, тоже, впрочем, прозрачный. Наши силовые насосы быстро рассосали стенки кабины. Мертвые тела выпали на площадку. И это были очень странные существа!

Они чем-то походили на нас, на всех — людей, демиургов, галактов, ангелов, даже драконов, — и были очень иными: все с головами, с лицами, с волосами на голове, но волосы — каждый толщиной с мизинец — напоминали змей; с глазами, но трехглазые; со ртом — круглым отверстием, оно могло и открываться, и плотно смыкаться, сейчас безгубые рты у всех были полуоткрыты; небольшая голова покоилась на мощном черном теле

паука, опиравшемся на двенадцать ног, восьмичленных, толщиной в человеческую руку.

— Живое! — закричал Лусин и бросился к одному из созданий. — Дергается!

Граций поспешно схватил Лусина за плечо, чтобы он близко не подошел к паукообразным. Из мощных рук галакта Лусин выбраться не мог, но все настойчивей указывал на ближнее к нам тело и все взволнованней твердил, что незнакомец жив.

Вскоре и я увидел, что одна из ног дернулась, задвигались и волосы на голове. Незнакомец сделал слабую попытку приподняться и снова упал. Два его нижних глаза с усилием открылись, обвели нас мутным взглядом и смежились. Движение, очевидно, стоило ему столько сил, что он опять впал в бесчувственность.

— Пятеро мертвы, но этого можно привести в чувство, — сказал Олег. — Куда бы поместить его?

Эллон попросил себе ожившего астронавта. В лаборатории тесновато, но для такого любопытного создания местечко найдется. И если понадобится экспериментировать для оживления звездного странника, делать это лучше в лаборатории, не так ли?

— Берите его, Эллон, — разрешил Олег.

Ромеро обратился сразу к Олегу и ко мне:

— Высокочтимые друзья, не будете ли вы возражать, если я присвою нашим новым двенадцатиногим знакомым название аранов?

Мы поинтересовались, почему Ромеро придумал такое название. Он объяснил, что словечко «аран» как-то связано в древних человеческих языках с обликом паука. Оспаривать, что незнакомцы похожи на земных пауков, мы не могли.

— Еще они похожи на альтаирцев, — заметил я.

— Те дружелюбней и сердечней.

Потом я часто припоминал, с какой точностью с первого взгляда Ромеро определил характер аранов.

3

Аран стоял на двенадцати ногах, запрокинув небольшую голову. Издали казалось, что он остановился сам и вот-вот пойдет опять или даже побежит, уверенно перебрасывая ногами. Поза эта была придана ему извне, сам он валился набок, чуть ослабевало поддерживающее поле. Он обретался все в том же беспамятстве, в каком мы внесли его в лабораторию.

День, когда он раскрыл три глаза, запомнился всем.

С момента встречи во звездолетом прошло больше месяца. Мы оставили далеко за собой «черную дырку» коллапсара. Я зашел в лабораторию и разговаривал с Эллоном.

Нас прервал голос Ирины:

— Он парит, Эллон! Эли! Он парит.

Аран и вправду парил. И не только парил, но и двигался на нас. Эллон отпрянул назад, я тоже. Меня испугал третий глаз, я впервые видел его раскрытым. Верхний глаз не вглядывался, а высвечивал. Он был пронзительно, беспощадно зорок. Во взгляде двух нижних глаз тоже не было прежней замутненности, но это были глаза как глаза, умные, немного грустные, без особой проницательности. Позднее мы узнали, что верхний глаз аранов способен ослеплять. Он, конечно, не лазер, но что-то от лазерного действия в нем есть.

Эллон поспешно усилил защитное поле, и аран, подтянув расползающиеся ноги, снова медленно взмыл. Он явно стремился пододвинуться к нам.

— Настраивай дешифратор, — попросил я Ирину. — Возможно, нам удастся найти общий язык.

Одновременно я пригласил в лабораторию всех

поисковиков. Появились Мери, Лусин, Ромеро, Орлан, Граций, приполз дракон.

Ирина запустила дешифратор на все диапазоны, но контакта не было. Если аран и генерировал какие-то сигналы, то до нас они не доходили. Ирина сказала:

— Он, несомненно, мыслящее существо, но наши приемники не способны понять его.

— Зато, мне кажется, он понимает нас и без специальных приемников, — задумчиво сказал Орлан.

Его, как и меня, поразил умный взгляд нижних глаз и пронзительность верхнего. Мне надоела возня с дешифратором, я поднялся. Мери тоже поднялась. Я кивнул ей, она подошла со мной вплотную к пауку-космонавту. Не знаю, почему мне понадобилось так пристально вглядываться в него. Вероятно, подействовало замечание Орлана. Меня возмутила мысль, что нас понимают, может быть, даже хладнокровно изучают, а мы покорно ждем — не соблаговолит ли наблюдатель обратиться к нам с ясной речью.

И почти с недоброжелательством я переводил взгляд с мощных восьмисуставных ног на круглое, покрытое черными волосками брюшко, с брюшка на голову — на ней торчмя стояли не

то волосы, не то руки, не то змеи, — с головы на трехглазое, круглоротое, безбровое лицо. Взгляд нижних глаз, темных, круглых, грустных, я стерпел: они по-прежнему только смотрели, в них не было вызова, но верхний глаз зло сверкнул — я должен был с ним побороться; я бешено уставился в надменно пронзительный глаз, собрал всю волю, чтобы отразить поток вражды, льющийся из него, чтоб смять, разорвать, растопить неприязнь, прожекторно ударившую в меня.

Мери с испугом схватила меня за руку:

— Эли, что с тобой? Ты так побагровел!

— Оставь! — сказал я сквозь зубы. — Хочу показать этому звездному проходимцу, что он встретился с высшей силой, а не с тупыми животными!

Теперь я могу только удивляться, откуда у меня нашлись такие слова, такое страстное негодование. Паукообразный странник не оскорблял нас, а неконтролируемые ощущения чести никому не делали, тем более мне, руководителю экспедиции. И, вероятно, в следующее мгновение я нашел бы в себе силы остановить себя: я мельком увидел удивленное лицо Орлана, укоризненный взгляд Грация, до меня донесся горестный вздох Лусина — все это воздействовало бы на меня,

если бы сам звездный странник не притупил мою неожиданную ярость. Верхний глаз вдруг потускнел, он уже не отличался от двух нижних, глаза были как глаза, глядящие, старающиеся понять, они могли вызывать удивление, интерес, даже сочувствие, только не бешенство. Мне стало стыдно своей вспышки. Я сказал, стараясь ни на кого не смотреть:

— Я пойду. Контакт с незнакомцем, несомненно, будет. Но не уверен, что он произойдет в следующую минуту.

Контакт произошел в следующую минуту. Не успел я сделать и трех шагов к двери, как раздался голос пришельца. Аран говорил на человеческом языке. Нет, он не говорил в нашем смысле. Не возникало того сотрясения воздуха, какое вызывается звуком. Да он и не мог бы говорить, у него нет нашего аппарата речи. Но голос его звучал у каждого в мозгу — и у каждого звучал по-разному, сообразно природе самого слушателя. Аран доносил свою речь непосредственно в клетки мозга, минуя уши. В хаосе волн, мятущихся в наших мыслительных клетках, он безошибочно выбирал те, что вызывали ощущение речи: так нажатие на глазной нерв порождает ощущение вспышки света.

— Я понимаю вас, — сказал он каждому на его языке. — Вы будете понимать меня. Я беглец из Гибнущих миров. Нас было шестеро. Мы хотели совершить поворот нашего времени, выйти в дальнее время и удержаться в нем. Нам не удалось удержаться, мы выпали из дальнего времени в свое. Мои товарищи погибли при первом повороте. Они не вынесли будущего. Они могли жить лишь в настоящем. Я уцелел, но потерял сознание при падении в свое время из дальнего. Вы спасли меня. Задавайте вопросы.

Великую бы я совершил погрешность против истины, если бы не упомянул об изумлении, с каким мы слушали паукообразного астронавта. Нам встречались существа и более диковинной внешности. И в прямой речи, мыслью в мысль, без содействия дешифраторов, особой странности не было — разве не так когда-то внедрял в мой мозг свои сообщения Орлан? Не было поводов удивляться! А мы растерянно переглядывались, ни один не мог скрыть изумления: слишком уж скор и прост оказался контакт со странником. Совершенство понимания нашего языка, нашего способа мыслить, нашей логики, наших чувств — вот что было непостижимо, и мы поразились, даже немного испугались того, как легко удалось

постороннему проникнуть в наши мысли и заговорить внутри нас своим голосом на нашем языке. Здесь была не только неожиданность, но и опасность, мы ощутили ее сразу. И мы уж не так вслушивались в содержание передачи незнакомца, сколько в то, как она идет. Какой-то древний остряк пошутил: «Самым интересным у говорящей лошади являются не смысл ее речи, а тот факт, что она вообще разговаривает». Аналогия с говорящей лошадью была. Я похвастался перед всеми, что незнакомец повстречался с высшей силой. Обращением к нам он скромно показывал, что мы повстречались с высшим разумом.

— Если не возражаете, я поведу беседу с уважаемым скитальцем по времени, — сказал мне Ромеро и обратился к арану: — Итак, дорогой звездный гость, вы беглец из Гибнущих миров. Разрешите поинтересоваться — что это за Гибнущие миры?

В мозгу каждого прозвучал ответ:

— Вы скоро увидите их. Вы идете курсом на Гибнущие миры.

— Вы принадлежите к жителям Гибнущих миров?

— Они населены такими, как я и мои погибшие друзья.

— Я еще возвращусь к вопросу о природе мест вашего обитания, если не возражаете. Сейчас меня интересует другой вопрос. Вы бежите из родных звездных гнездовий, если позволено так назвать ваши… м-м… Гибнущие миры. Но почему для бегства вы выбрали коллапсар? Такое ужасное событие, как коллапс, само по себе губительнее всякого иного события во всем звездном мире.

— Наши миры поразила болезнь времени. У нас рыхлое время, оно часто разрывается. Я читаю в ваших мозгах название страшной болезни, когда-то свирепствовавшей в ваших мирах. У нас рак времени.

— Рак времени! — воскликнули мы почти разом.

— Да, рак! Мы захотели вырваться из нашего времени в любое другое, прошлое или будущее, лишь бы здоровое. При коллапсе звезды время трансформируется. У нас была защита от усиления гравитации. Мы попали в инверсию времени, как хотели. Но будущее не удержало нас в себе.

— Печальный просчет, дорогой… Как вас называть?

— Называйте Оаном.

— Итак, вы шестеро надумали бежать из своего

общества и своего времени?

— Из времени, а не из общества. Мы — посланцы отвергателей конца.

— Я правильно понял — отвергателей конца?

— Отвергатели конца, наши братья, отправили нас на разведку выходов в здоровое время. Ускорителей конца воодушевляет восторг гибели.

— Отвергатели, ускорители… Если я правильно толкую, между этими двумя группами раздоры?

— Война! — прозвучало в ответ. — Отвергатели воюют с ускорителями, чтобы те не ускоряли, а ускорители уничтожают отвергателей, чтобы те не отвергали. Ускорителей поддерживает Отец-Аккумулятор.

— Отец-Аккумулятор? У нас название «аккумулятор» не соответствует живому существу!

— Я нашел его в ваших мозгах. Оно хорошо выражает природу властелина, осуществляющего грозную волю Жестоких богов.

Ромеро выглядел обалдевшим. То, что его ошеломило, какие-то мелкие раздоры отвергателей и ускорителей, какой-то Отец-Аккумулятор, было неизмеримо менее важно удивительной формы допроса: мы усердно дознавались у Оана о нем и его обществе при помощи хитроумных вопросов, а он спокойно читал в наших мозгах, как в

книге. Он видел нас насквозь. И хоть его ссылки на поиски в наших мозгах удачных понятий и терминов не звучали угрозой, самый факт таких поисков и находок был грозен. Я обратил на это внимание Ромеро:

— Павел, он, кажется, так хорошо разбирается в нас, что мог бы развеять наши недоумения и без вопросов. Мне думается, он узнает, что нас заинтересует, еще до того, как мы сами осознаем, чем надо заинтересоваться.

Я говорил это, не отрывая глаз от незнакомца. Он спокойно покачивался перед нами на двенадцати ногах. Он парил между полом и потолком — я уже упоминал об этом. И он покачивался, паря! Не взлетал вверх и не опускался, как птица, а раскачивался на гибких ногах! Он опирался ими о воздух, как о грунт, подошвы покоились неподвижно, а ноги плавно изгибались в сочленениях, туловище то опускалось, то поднималось. И змееволосы на голове шевелились, то разбрасывались в стороны, то собирались в пучок, то удлинялись, то сокращались, они были очень живыми, эти жуткие волосы, похожие на десятки хищных рук, ими, не сомневаюсь, можно было хватать и душить, и гладить, вероятно, и причесываться, и присасываться, и оплетать. Ромеро

потом говорил, что подобные волосы носили вымершие древние горгоны. Думаю, он преувеличивает. Я хорошо знаю земные музеи, но горгон там не экспонируют, во всяком случае, они мне не попадались. Оан, безусловно, понимал, чего я от него хочу, но и не подумал выполнить мое желание. Ромеро продолжал расспросы:

— Итак, отвергатели и ускорители конца, Отец-Аккумулятор, Жестокие боги… Я не уверен, что человеческие понятия о богах соответствуют реальным существам вашего мира. Наши боги — создания фантазии. Вне наших грез их нет и не было. Вы меня понимаете?

— Понятие «боги» в вашем мозгу вполне соответствует властителям Трех Пыльных Солнц. Нужно только добавить «жестокие», ибо властители Трех Пыльных Солнц безжалостны. Ускорители покорны велениям Жестоких богов, отвергатели восстали против них.

— Вы видели кого-нибудь из Жестоких богов? Их много?

— Они принимают любой облик. Они среди нас. Любой может стать маской Жестокого бога. Ваши слова «дьявольская хитрость» точно выражают их. Они — боги-губители. Они — боги-дьяволы. Мы были великим народом, теперь мы жалкий

народ. Так они захотели.

Ромеро опять повернулся ко мне:

— Вы что-нибудь понимаете, Эли?

— Не больше, чем вы, Павел. Ясно одно: существует могущественная цивилизация, не очень церемонящаяся с интересами аранов. Возможно, это рамиры. В таком случае, первые сведения рисуют их не в очень благородном виде.

Ромеро исчерпал свои вопросы, беседа стала вольной, в нее вмешались даже Орлан и Граций. Раньше у Орлана я не замечал особенного любопытства, а величественным галактам любопытство вообще не свойственно: им всегда так хорошо с собой, что на интерес к постороннему уже не хватает душевных способностей. Паукообразный астронавт заставил галакта изменить своим обычаям. Лишь Бродяга, Эллон да я не задавали Оану вопросов. Дракон прислушивался, хитро прищурившись, а Эллон, по-моему, даже обиделся. До сих пор везде, появляясь, центром внимания становился он сам, а сейчас на него и не глядели. Что до меня, то я не обращался к Оану, потому что все вопросы, какие мог поставить, другие задавали раньше и лучше меня.

Из ответов Оана я запомнил вот что: араны заселяли вторую планету из девяти, вращающихся

вокруг Трех Пыльных Солнц — по-видимому, тройной звезды. На остальных восьми планетах жизнь не развилась. Сохранились предания о временах, когда Три Солнца были ясными, а сами араны — могущественны. Им удалось преодолеть планетное притяжение и вырваться в межзвездный простор. Искусство создания галактических кораблей давно утрачено, лишь один сохранился в пещерах Отца-Аккумулятора — его и похитили отвергатели, когда надумали бегство в будущее в сгущении времени коллапсара. Многие тысячелетия никто и не слыхал о Жестоких богах. Но они появились и взбаламутили Ясные Солнца, душная пыль затянула планету.

Араны, пытаясь бороться, создали корабли, поглощающие космическую пыль. Электрические сердца космолетов наполнили межзвездное пространство засасывающими полями, пыль оседала на кораблях, они, разбухая, превращались в маленькие планеты. Две такие искусственные планеты погнали пыль обратно на светила. Все, что Три Солнца выбрасывали наружу, возвращалось к ним. До этого момента пришельцев араны не интересовали. Все переменилось сразу. Корабли-чистильщики были взорваны в мастерских и в космосе.

Космолеты, ставшие планетами, вышвырнули за пределы Трех Солнц, и сейчас они слоняются где-то, поглощая встречную пыль и расправляясь с мелкими космическими телами, ибо лишь при притоке постороннего вещества сохраняют жизнедеятельность.

— С одним космическим хищником встретились и мы, — сказал Ромеро. — Он напал на нас, но мы его отбросили.

С уничтожения кораблей-чистильщиков начались главные беды. Перед дальними рейсами звездолеты проходили подзарядку у Трех Солнц, накапливая запасы энергии. Теперь взрывался любой корабль, устремившийся к Трем Солнцам. Стало опасно выходить в межзвездный простор.

Несколько кораблей ушло к другим солнцам, сообщения от них вскоре перестали поступать — очевидно, они погибли. Так стала закатываться цивилизация аранов. Оставалась одна надежда — неведомые боги появились внезапно, могут так же внезапно исчезнуть. Нужно притаиться и ждать часа освобождения.

Араны притаились, но вместо радостного освобождения пришло горькое прозрение. Тогда и стали называть пришельцев Жестокими богами. Они терзали не только аранов, но и природу.

Они замахнулись на самое время! Спокойное, однолинейное время Трех Солнц стали выгибать и вспучивать. У планеты аранов имеется спутник — единственное место, куда Жестокие боги разрешают выбираться, не наказывая. Но день, проведенный на спутнике, старит, как неделя на планете. А у тех, кто забирался дальше спутника, время разрывалось в теле. Сердце жило в одном времени, ноги в другом. Одни части тела долго не старели, другие быстро дряхлели. В аране сохранялась молодость и нарастала старость. Он был и в прошлом и в будущем. Он мыслил разными мыслями, и желал разными желаниями, и отвечал на вопросы: «Да — нет! Да — нет!» Он переставал двигаться — одни ноги стремились вперед, а другие тянули назад. Страх заразиться раком времени заставил отказаться от межпланетных перелетов, даже не наказываемых богами.

Сознание конца породило последнюю попытку восстать против Жестоких богов. Но боги подавили аранов. Корабли гибли на стапелях — нарушалась синхронизация двигателей, каждый работал в своем времени. Рабочие путали приказы и операции, не было случая, чтобы команды воспринимались одинаково и выполнялись од-

новременно, на слабеющих аранов обрушились электрические бури. Араны свободно поглощают электроэнергию, она их пища, их язык, их способ мыслить. Но пищи стало слишком много, она породила электрические ураганы: забушевала грозная Мать-Накопительница молний.

Тогда и возникло движение ускорителей конца. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! Устраивать публичные праздничные самосожжения! Энергию Отца-Аккумулятора, единственный источник существования, — на самоистребление!

— Мы, отрицатели, малочисленны, — закончил Оан. — Но мы верим, что можно отвратить гибель. Выкрав сохранившийся звездолет, мы решили проверить, возможно ли бегство в наше прошлое через поворот в будущее. Мы хотели замкнуть кольцо времени, но будущее не удержало нас, мы не повернули плавно в прошлое. Я не знаю, кто вы, пришельцы. Но вы спасли меня, вы добры. Помогите бедствующим!

На этом он замолчал. Впоследствии мы узнали, что в нем истощился запас электрической энергии. Тогда нам показалось, что он попросту устал от наших расспросов и своих разъяснений. Впрочем, все существенное стало известно.

Ромеро сказал, что звездному страннику на-

до отдохнуть. Лаборатория опустела. Я захотел поговорить с Эллоном и пригласил его к себе. Эллон так не любит покидать лабораторию, что согласился без охоты.

Наша с Мери квартирка — две комнатки, спальня и гостиная. В гостиной всю стену занимает звездный экран, он, конечно, меньше смонтированных в командирском и обсервационном залах, но я выговорил себе привилегию квартирного экрана, чтобы иметь возможность размышлять над звездами в одиночестве. Эллон неуклюже уселся в кресло. Демиурги не любят сидеть. Им вольно лишь там, где можно широко попрыгать из угла в угол, в моей комнате не расшагаешься.

— Эллон, — сказал я, — мне не нравится, что Оан свободно читает наши мысли и без всякого усилия освоил все наши языки. Ведь он с тобой разговаривал не на нашем, человеческом?

— Нет, конечно. Он отлично владеет языком демиургов. В частности, диалект средних планет Семьдесят девятой звезды Персея, на котором я разговаривал в детстве, ему прекрасно знаком, мне было приятно услышать эту малораспространенную речь. С Орланом, адмирал, я разговариваю на государственном языке. Орлан не знает моего родного диалекта.

— Орлан не понял бы языка, бытующего в его народе, а звездный чужак, ни разу никого из нас не видевший, мгновенно, не обучаясь, заговорил на незнакомых ему языках, и по крайней мере на пяти-шести одновременно.

— Тебя это удивляет. адмирал?

— Меня это пугает, Эллон. Я не понимаю, откуда берется такая мощь интеллекта.

— Предположи, что мы встретились с высшим разумом.

Я недоверчиво усмехнулся.

— Высший разум — и деградирующее существование? Пронзительный интеллект — и примитивные суеверия? Или на твоем языке средних планет Семьдесят девятой звезды Персея пришелец не говорил о Жестоких богах, о зловредном Отце-Аккумуляторе, о какой-то злобной Матери-Накопительнице молний?

— Противоречие есть. Чего ты хочешь от меня, адмирал?

— Нельзя ли снабдить нас экранами, которые воспрепятствовали бы Оану читать мысли? На Земле попытка проникнуть в чужие мысли считается предосудительной. Наши дешифраторы снабжены ограничителями, не позволяющими проникать в мысли без согласия самого мысля-

щего.

Эллон крутанул голову на гибкой шее на добрых сто восемьдесят градусов. У демиургов такое вращение соответствует нашему легкому отрицательному жесту.

— Не думаю, чтобы такой экран удался, адмирал. И не уверен, что лабораторию нужно отвлекать на пустяковые разработки. У нас не завершена защита кораблей от неожиданного ротонного нападения, надо усовершенствовать и гравитационные улитки… Могу порекомендовать одно: контролируйте свои мысли, адмирал Эли. Того, чего вы не пропустите в свой мозг, и звездный скиталец-паук не обнаружит в мозгу. Это же так просто, адмирал!

Это было совсем не так просто, как представлялось Эллону. Люди не столь властны над своими эмоциями и мыслями, как демиурги. Нами порой командуют неконтролируемые чувства, мысли возникают непроизвольно — явление, очень редкое у демиургов или галактов. Я не стал спорить. Все демиурги упрямы, Эллон в этом отношении двойной демиург. Я встал.

— Минутку, адмирал, — сказал Эллон. — Ты мне задавал вопросы, теперь я задам. Звездный паук попросил помощи. Мы предоставим помощь?

— Разве у тебя имеются сомнения, Эллон?

— Я не уверен, что нужно оказывать помощь всякому, кто ее просит. Я бы посмотрел, заслуживает ли помощи просящий о ней.

— Боюсь, экипажи звездолетов с тобой не согласятся, — холодно ответил я. — Я говорю в первую очередь о людях, но и не только о них. Мы считаем своим долгом помогать просящим о помощи. Тебя удивляет такая позиция людей, Эллон?

— Удивляет. Вы очень гибки в овладении силами природы. Вы разносторонни как инженеры и конструкторы. Но каменеете, чуть коснетесь чего-либо, связанного с нравственностью. Ваша мораль жестока, не признает отклонений и уступок. Вы сами усложняете общение с другими цивилизациями.

— Мы гордимся тем, что не ищем легких путей, Эллон! В вопросах нравственности мы прямолинейны и негибки, ты прав, но это наше достоинство! Мы гордимся своей негибкостью в вопросах добра и зла, уважаемый мой Эллон.

Сегодня, когда никто не знает, удастся ли нам спастись, слова мои могут показаться легкомысленными. В накликанной нами войне мы терпим пока одни

только поражения. Мы и помыслить не могли, на какую мощь дерзновенно замахиваемся. Но и сейчас, зная все, что произошло потом, я не отрекусь от своих слов, и никто из оставшихся в живых не отречется от согласия со мной. Мы единодушно утвердили поход к Трем Пыльным Солнцам — и не раскаиваемся! Нас просили о помощи, мы не могли не оказать ее. Если мое послание достигнет человечества, пусть знают о нас: мы не раскаиваемся! Просто во вспыхнувшей войне мы оказались недостаточно вооруженными. Руки наши слабы, но души чисты, пространство имеет три направления, мораль — одно. Наш путь — добро, благородство, мы не можем повернуть назад, не можем свернуть в сторону. Я говорю это, уверенный, что завтра — гибель. Примите как мое завещание: лучше гибель, чем примирение с подлостью!

4

Ромеро назвал планету, к которой мы шли, Аранией. Мы не препятствовали нашему историографу изобретать любые названия. Меня

больше интересовало, в чем араны нуждаются. Познакомиться бы с ними поближе, войти в их общество! Как быть? Явиться в качестве прямых друзей или проникнуть тайными соглядатаями?

— Высадиться доброжелательными пришельцами вы не можете, — разъяснил Оан. — Араны расколоты. Друзья отвергателей — враги ускорителей. Вам нужно замаскироваться. Примите телесный образ арана. Жестокие боги посещают нас в нашем облике. Для них любой облик — пустяк. Воспользуйтесь их примером.

Я, однако, не был уверен, что наши возможности идут так далеко. Переделка облика — ситуация из фантастического романа. Эллон предложил разработать новую форму скафандра, не переконструируя тела. Для демиургов, напрактиковавшихся в создании материализованных фантомов, не составит труда придать звездопроходцу паукообразность. Один дракон не подойдет — он слишком крупен.

— Если кому не нравится стать пауком, пусть станет невидимкой, — посоветовал Эллон. — Последние конструкции экранов обеспечивают приличную невидимость даже для человека. Правда, в невидимость людям можно входить лишь на короткое время.

Никого из людей не устраивало ходить невидимкой по незнакомой и, возможно, опасной планете, постоянно думая, не кончается ли короткое время экранирования.

Эскадра звездолетов вошла в Гибнущие миры. Ну и местечко было! Мы попали из туманности в туманность. Разница была лишь в том, что прежняя густая туманность казалась ясной далью сравнительно с этой.

Мы шли к крупной звезде, то разгоравшейся, то погасавшей. Вблизи оказалось, что три светила вращаются вокруг общего центра, периодически затмевая одно другое. Это и были Три Пыльных Солнца. Олег приказал эскадре сомкнуться и затормозить. Из осторожности мы остановились достаточно далеко от Арании. Не знаю, как Жестокие боги, а несчастные араны не могли бы нас найти на таком расстоянии даже в сильные приборы.

Поисковой группе велели готовиться к высадке.

Я зашел к Бродяге. Он разместился в просторном помещении — не для него просторном, для него любое помещение тесновато, — специально запроектированной конюшне для пегасов. Пегасов, несмотря на настояния Лусина, мы не

взяли, а помещение с момента, когда его занял дракон, стали в шутку называть уже не конюшней, а дракошней. В свободные минуты я заходил сюда поболтать с Бродягой. Если времени у меня было много, он выползал в парк, и там, на берегу внутреннего озера, ему было вольготно, да и я себя лучше чувствовал в парке.

У Бродяги сидели Лусин с Мизаром. Мизар, красавица овчарка, овчар — как любовно называл его Лусин (Ромеро доказывал Лусину, что овчар не собака, а человек, пасущий овец, а Лусин возражал, что любой древний овчар-человек значительно уступал Мизару в остроте интеллекта), был единственным животным, которое мы взяли с собой. Словечко «животное» — условно: Мизар был псом выдающимся, овчаром с высшим собачьим образованием. Четыре правила арифметики и несложные алгебраические преобразования, начатки геометрии и физики известны многим собакам, но Мизар справлялся с уравнениями второй степени, а его познаниям в физике мог бы позавидовать иной средневековый профессор. Лусин утверждал, что у Мизара дар к точным наукам. Уже в рейсе Лусин занялся с Мизаром интегральным исчислением. Не уверен, что овчар проявил особое влечение к этой

науке, зато Лусин клялся, что если так пойдет и дальше, то он выхлопочет для Мизара ученую собачью степень.

Мизар хорошо понимал людей и без дешифратора. Человеческие способности в этом смысле уступают собачьим: мы без приборов не понимаем речи животных.

— Бродяга, тебе придется остаться на корабле, — сказал я. — В паукообразные ты не годишься. И Мизара не возьмем.

— И напрасно, адмирал Эли, — проворчал пес. У всех собак, между прочим, хорошее понимание служебных человеческих рангов, а Мизар превосходил своих собратьев и в этом: иначе как адмиралом он меня и не называет. — Механизмы не сумеют так надежно вас защитить, как я.

— Постараемся не попадать в опасность, Мизар. Лусин, ты говорил с Трубом и Гигом?

— Скафандры, — сказал со вздохом Лусин. — Не нравятся. Оскорблены. Оба.

— А твой скафандр, Лусин?

— Отличный. Вторая кожа.

— С ангелом и невидимкой поговорю я. А если мои уговоры не подействуют, пусть и они остаются.

Сбор поисковиков был назначен на причаль-

ной площадке. Там же каждый выбирал скафандр по себе. Мой скафандр был так впору, будто я влез не в одежду, а в новое тело. Голова вертелась свободно, волосы то взмывались змеями, то опадали в зависимости от настроения, по желанию превращались в хватательное орудие — я с удовольствием почувствовал себя сорокаруким, — ноги тоже слушались приказа. Я припустил было по причальной площадке, чтобы размять их, и чуть не врезался в стенку — таким быстрым вышел бег. Как Лусин и предупреждал, Труб и Гиг категорически отказались от скафандров.

— Ангелы презирают пауков! — надменно изрек Труб и скрестил на груди поредевшие крылья. — Боевой ангел не уподобится презренному насекомому.

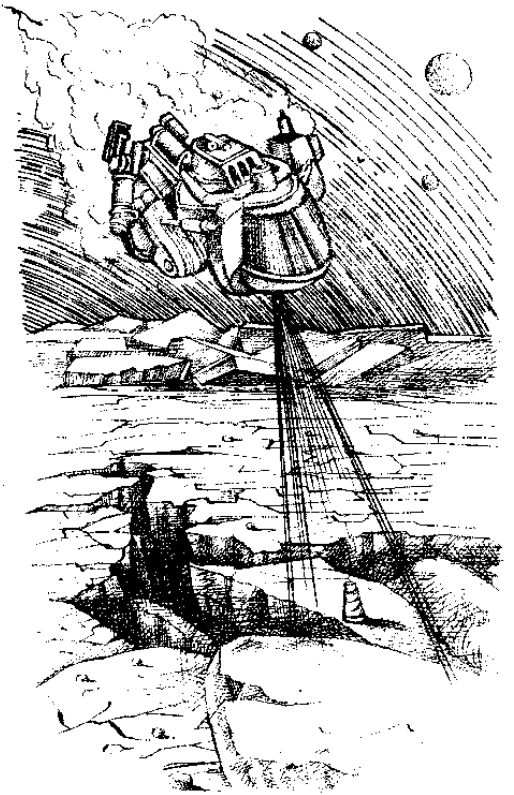
Еще меньше был способен изменить мундиру бравый невидимка.

На подлете Арания казалась сплошным океаном, темным, сверкающим, как ртуть, — царство жидкости, лишь немного уступающей ртути по плотности: образцы ее мы везем с собой. По поверхности океана скользили мерцающие тела. Оан посоветовал держаться подальше от него: и сам он хищник, и все его обитатели хищники.

Океан непрерывно наступает на сушу, обрушивает и растворяет ее. Если бы он не устилал свое дно осадками, недоступными даже для его агрессии, Арания давно была бы растворена. Во время электрических бурь океан обильно выбрасывает свои осадки на еще не растворенную сушу и тем укрепляет ее. Морские хищники тоже из растворителей — обволакивают и высасывают жертву.

— Ваши скафандры из веществ, не знакомых на Арании, вам, я почти уверен, не грозит нападение морских хищников, — осторожно утешил нас Оан после того, как основательно напугал.

Мы выбрали для посадки ночную сторону. Оан вышел наружу первый и позвал нас.



Кругом была тьма, очень непохожая на наше простое отсутствие света. В стороне сумрачно поблескивал океан. Почва тускло светилась, каждый камешек мерцал. Небольшой лесок фиолетово фосфоресцировал — от него тянуло холодком, деревья здесь не так освежают, как охлаждают воздух, подогреваемый внутренним теплом планеты. Повсюду вспыхивали голубоватые искорки, а когда мы переставляли ноги, сухо потрескивали оранжевые разряды. Все здесь напоено электричеством: земля, воздух, растения, жидкость океана. Все сумрачно светится: фосфоресцирует, люминесцирует, мерцает, переливается, тускло сияет — неизвестно для чего, неизвестно почему. И мы тоже засветились, едва вышли. Ромеро потом шутил, что сияние определялось не конструкцией скафандра, а служебным рангом его хозяина: я светился повелительно-сине, Лусин — умилительно-желто, Орлан и Граций — благожелательно-оранжево, Ирина и Мери — испуганно-фиолетово, Ромеро — осторожно-зеленовато, а сам Оан — угрожающе-багрово.

Одно небо не светилось. В небе была настоящая тьма. И редкие звезды, пробиваясь сквозь пыльную завесу красноватыми ореоликами,

не нарушали, а лишь подчеркивали глухую его черноту.

Оан начал осторожное движение в чащу мерцающих деревьев, мы переползали за ним. Надо было складывать ноги под себя и красться, ступая одними верхними суставами. Без такого пластунства по-паучьи мы не сумели бы медленно передвигаться, любой перебор выпрямленными ногами резво уносил вперед.

В леске Оан остановился. Я полз вторым.

— Эли, — просигналил он мысленно, — я чую разряды Иао, отвергателя, он сегодня на дежурстве обережения. Оберегатели предупреждают, когда к нашим пещерам подкрадывается шайка ускорителей. Я скажу Иао, что вы отвергатели с другой стороны планеты, там мы тоже ведем пропаганду. Вы будете новым отрядом наших сторонников.

Встреча с Иао произошла минуты через три.

Впереди мелькнула лиловая тень, мелькнула и скрылась. Я еще на «Козероге» условился с Оаном, что он будет транслировать нам свои разговоры с аранами. В моем мозгу раздался резкий, захлебывающийся голос — Оан воспроизвел даже интонации собрата:

— Остановись, крадущийся! Назови себя. На-

зови меня.

— Я Оан, а ты Иао, — услышали мы ответ Оана.

— Я Иао, ты прав, Оан. Я рад, что ты не погиб. Высветись, чтобы я мог тебя увидеть. Да, ты Оан, великий Оан, близкий друг великого Оора. Где твои товарищи, Оан? Твои великие братья по бегству в иновремя, Оан?

— Они погибли, Иао. Я доложу об этом Оору и обществу. Теперь пропусти меня.

— Ты не один? Что бы это значило, Оан?

— Со мной друзья с другой стороны планеты. Я привел их, чтобы они удостоились проповеди Оора. Они жаждут схватиться с ускорителями.

— Они удостоятся проповеди, Оан. Мы дадим им возможность схватиться с мерзкими ускорителями, Оан, мы дадим им такую возможность! Пусть они высветятся. Бравый народ, Оан, ты хорошо сделал, что привел их. Завтра они смогут выказать делом свое рвение!

— Что-нибудь важное?

— Ускорители снова хватали всех, кто попадался в часы Темных Солнц. Самосожжение назначено на завтра, на закате Трех Пыльных Солнц. Мы будем отбивать несчастных. Радуюсь за тебя и друзей. Вы услышите проповедь Оора, величайшего из великих. Иди смелей. За моей

спиной ускорители вам не попадутся.

Оан убыстрил движение, но не слишком. Мы немного приподняли туловища, но не разогнули полностью ноги, по-прежнему двигались в темноте, озаренной лишь фосфоресцированием деревьев, люминесцированием почвы да призрачным сиянием наших тел. Ромеро в восторге прошептал, что мы похожи на древних земных заговорщиков, крадущихся на тайное сборище. Сомневаюсь, чтобы ему понравилась тогдашняя жизнь, очутись он реально среди наших предков, но все, напоминающее старину, порождает в нем ликование.

Вскоре мы проникли в обширную пещеру, озаренную сиянием стен. На полу копошились араны. Их было так много, они так плотно прилегали друг к другу, что создавалось впечатление, будто в пещере одно громадное, мерцающее, шевелящееся тело. И мы втиснулись в это тело, стали частью его, шевелились вместе со всеми, как одно целое — разом наклонялись то вправо, то влево, разом то приподнимались, выпрямляя полусогнутые ноги, то снова приседали. Никто не обратил на нас внимания, никого мы не заинтересовали, мы были такие же, как все, — пульсировали общим для всех движением.

— Оор! — произнес Оан очень ясно. Никто не обернулся, слова Оана донеслись только до нас.

В центре пещеры один из паукообразных упал на спину и вытянул вверх ноги. А на двенадцатиногий пьедестал взобрался другой аран, уперся своими выпрямленными ногами в живые колонны, задергался и замерцал. Он накалялся и погасал, раздувался и опадал. Он держал речь — слова ее, переводимые Оаном, отчетливо звучали в нашем мозгу. Это был Оор, Верховный отвергатель конца.

Вначале Оор призывал к спасению тех, кто должен завтра погибнуть, и с ненавистью нападал на ускорителей. Ускорители — мятежники. Они ненавистники — себя, и жизни, и всего мира. В них — зерно уничтожения, вырастающее в ядовитый плод гибели.

Потом Верховный отвергатель конца пропел гимн существованию на планете. Я не силен в философии, но согласен с Лусином, что мироощущение отвергателей исчерпывается восторгом прозябания. Существование во имя существования — такова эта философия.

— Ах, радуйтесь пыли, упивайтесь мраком! — вещал со своего двенадцатиногого подергивающегося амвона Верховный отвергатель кон-

ца. — Ибо восхитительна удушающая пыль! Ибо вдохновенна глухая тьма! Не ищи благ, вечные блага отупляют обоняние, и вкус, и зрение. Стремись к недостаткам, вечные недостатки безмерно обостряют сладость любого блага! Тьма, окружающая тебя, порождает наслаждение искоркой света. Ты создан для существования. Существуй, существуй. И пусть густеет мрак и плотнеет пыль! Вдохновенна, великолепна, божественна тягота! Прекрасна, прекрасна борьба за существование, так существуй во имя борьбы за существование. Чем уже возможности, чем губительней окружающее, тем сладостней час, минута, секунда бытия! Чем меньше поводов наслаждаться, тем острей наслаждение по всякому поводу. Ах, уйти во мрак, ликуя, что способен ощущать мрак! Ах, задыхаться от пыли, мучительно жаждать чистого воздуха — и наслаждаться, что способен так страстно жаждать! Бежать, бежать от мстительных молний яростной Матери-Накопительницы. Бежать от хищных тварей океана и ликовать, что способен бежать, что не станешь, не станешь, не станешь фокусом электрического разряда, добычей хищника! И, почуяв зловоние, ликуй, что отличаешь дурной аромат от хорошего. Окунись в зловоние, окунись, в отвратительности

его ты откроешь способность радоваться доброму запаху, без зловония нет сладости благовония. О, как прекрасны тяготы и страхи, муки и лишения! Они неизбывности существования, они самоусилители утверждения! Славьте тяготы! Наслаждайтесь мукой! Осуществляйте высочайшее в себе — способность всеполно унизиться. Так низко припасть, чтобы Жестокие боги не видели, не ощущали, не знали тебя! Гордись своим бытием, оно — наперекор всему. Самое высшее в жизни — жить! Самое святое в существовании — существовать. Так существуй! Живи, живи! В борьбе со всем, против всего. О Мать-Накопительница молний, рази! Мы устоим! Мы устоим!

— Какая страшная философия, Эли! — снова прошептал Лусин.

— Он говорит не то, что ты рассказывал об отвергателях конца, — обратился я с мыслью к Оану.

Он ответил мне из мозга в мозг:

— Верховный отвергатель убеждает не жаждать конца. Это только одна из наших главных задач. Другая — найти разумный выход из нынешней безысходности. Заметь, что Оор нигде не утверждает, что ликование прозябанием должно длиться вечно. Но для нынешнего поколения оно

неизбежно. Освобождение может прийти только для наших потомков.

Объяснение было не из ясных, но я не стал требовать уточнений. В пещере разыгралась новая сцена. Длинная речь Оора шла под рев и клекот, судорожные дерганья тел, судорожные всплески сияния, ошалелое размахивание руководолосами. А после речи, закончившейся все тем же истерическим воплем «Существовать! Существовать!», Оор возгласил:

— Сейчас, о братья низкие из нижайших, приступим к обращению в праведники пленного ускорителя, жалкого и преступного самосожженца!

В пещере снова заметалось лихорадочное сияние, тысячи голосов проклекотали, провизжали, провыли:

— Вознести на позорную высоту! Унизить возвышением! Наказать! Наказать!

Над толпой шаром взлетел один из аранов. От страха он сложил все ноги и плотно прижал руководолосы к голове. Его вытолкнули из толпы в углу и стали проворно перебрасывать на середину. Около Оора опрокинулся на спину второй аран, образовав еще один двенадцатиногий постамент. Пленника вознесли рядом с Оором. Пленник судо-

рожно пульсировал сиянием и объемом — тело то погасало, то разгоралось, то раздувалось, то опадало. При волнении все араны не удерживаются от резких телодвижений и световой смятенной пульсации.

Оор начал торжественный допрос пленного ускорителя:

— Уул, вы замыслили?

— Да, великий Оор, замыслили.

— Самосожжение?

— Да, великий Оор, самосожжение.

— Публичное?

— Да, великий Оор, публичное.

— Завтра, во время Темных Солнц?

— Завтра, во время Пыльных Солнц.

— Темных или Пыльных, презренный Уул?

— Пыльных Солнц, великий Оор, Пыльных! Я не осмелился бы солгать тебе.

— Ты способен, жалкий ускоритель конца, скрыть точное время, чтобы мы не явились на ваше отвратительное празднество.

— Я счастлив открыть вам точное время, чтобы и вы приняли участие в нашем восхитительном празднестве.

— Сколько несчастных вы завтра подвергнете ужасной каре?

— Сто три счастливца сподобятся завтра великолепного венца.

— Сто три охваченных ужасом уничтожения? Ты не врешь, презреннейший из презренных?

— Сто три исполненных восторга смерти, сто три ликующих от предвкушения конца! Я не лгу, величайший из великих!

— Но ты, нижайший, не собирался сам быть среди ликующих обреченных? Ты отказываешь себе в наслаждении гибелью? Не потому ли, отвратительнейший Уул, что до тебя дошло сознание мнимости наслаждения небытием?

— Нет, достойнейший Оор, я всех полнее сознаю радость самоистребления. Но мне пока отказывают в восторге небытия. Я еще не сподобился награды. Я должен доставить на костер еще тридцать удостоенных блаженства самоубийства, прежде чем буду награжден разрешением на собственную смерть.

— Мы поймали тебя, когда ты разбойнически опутывал своими хищными волосами бедного Яала, чтобы утащить его в темницу казнимых!

— Вы схватили меня, когда я дружески обнимал ласковыми волосами хилого Яала, чтобы отвести его перед лицо мудрейших, которые разъяснили бы ему, сколько он потерял, остава-

ясь в несчастных живых, когда мог сотни, тысячи раз великолепно самоуничтожиться. И он уже склонился душой к радостной гибели, когда вы исторгли его из моих нежных рук для продолжения унылого существования.

— О негоднейший из негодяев, ты отрицаешь блаженство тусклости, восторг самопотерь, радость самосохранения? Подумай, в какую ересь впадаешь, безрассудный Уул!

— Я возношусь в истинное понимание, святейший из заблуждающихся!..

— Твои речи отвергают твое лжепонимание.

— Вы не дали мне проискрить речь. Вы допрашиваете меня.

— Мы не боимся твоих речей. Искри. Исчерпывай свое ублюдочное электрическое поле, коварный дар недоброго Отца-Аккумулятора. Отвратительная яркость твоих откровений сама раскроет таящуюся в них глубину заблуждений. Сверкай! Истина в сумраке, а не в свете!

Пленник вдохновенно засиял яркой речью. Оан быстро переводил ее, нам оставалось лишь любоваться неистовыми прыжками Уула на живом пьедестале и исступленным сиянием его тела. Пленник каждому утверждению Оора противопоставлял свое, но странно противопоставлял,

мне все больше казалось, что говорят они, в сущности, одно и то же, им только воображается, что они разнодумающие. Два конца одной палки, сказал я себе.

Истина в свете, а не во тьме, надрывался вспышками света пленник на постаменте. Истина сверкает, а не таится. Жестокие боги сгущают сумрак. Жестокие боги утягчают бытие. Слава Жестоким богам! Слава их беспощадному разуму. Слава творимому ими страданию! Какой великий порыв в деяниях Жестоких богов! Они испытывают, а не карают. Они взывают к нам: способны ли вы на смелое решение? Их священная цель — не в понуждении к унылому бытию, а в отвержении его. Не смиряться, а восставать. Осуществлять себя не в существовании, а в отрицании существования. Отрицай холод и темноту, вечную пыль и вечный голод, хищную воду и неласковую землю, темные звезды и сумрачные солнца! И высшее из отрицаний — отрицание себя, восстание на собственную жизнь! Ах, вот она, вот она, истиннейшая из необходимостей, всецелостное избавление от всяких пут — самоуничтожение! Вот она, высшая свобода, — освобождение себя от себя! О благороднейшая из самостоятельностей — самоубийство! Только тот достигает совершен-

ной завершенности, кто совершает завершение жизни смертью! Свобода, свобода, свобода — в свободе от существования! Славьте свободную смерть! Да исполнится воля Жестоких богов, неотразимо влекущих нас к гибели! Презренные жизнехвататели и жизневыскребатели, тусклые жизнеползуны, зову, зову, зову вас к огненному самоосвобождению! Во имя смерти! Во имя смерти!

Его истошный призыв потонул в общем вопле. На головах стоявших рядом взметнулись волосы, сотней злых рук они вцепились в тело и ноги Уула, стали рвать его. Бешенство руководолосых остановил трижды повторенный возглас Верховного отвергателя:

— Во имя жизни! Во имя жизни! Во имя жизни! Оставить презренного смертепоклонника!

Когда волнение немного стихло, Оор изрек суровый вердикт:

— Ты жаждешь смерти — ты получишь жизнь. Отвести Уула в подземную темницу, куда не доходит сияние Пыльных Солнц, и не проникают заряды Отца-Аккумулятора, и не слышен громовой голос Матери-Накопительницы молний. Пусть он станет нижайшим из низких, ничтожнейшим из ничтожнейших, голоднейшим из

голодных, тупейшим из тупых. И когда он возрадуется своему заключению, и придет в ликование от мук существования, и объявит себя отвергателем конца, только тогда вывести его наружу.

Пленника увели. Оор соскочил с пьедестала. Толпа повалила к выходу. Я сказал Оану:

— Возвратимся к планетолету.

Он спросил, не хотим ли мы предстать перед очи Верховного отвергателя конца и объяснить, кто мы и как поможем его сторонникам. Знакомиться с Оором я не захотел, стать его помощником — тем более.

5

По дороге, когда мы толкались в узком туннеле с торопящимися наружу паукообразными, Лусин мысленно прошептал мне:

— Какие несчастные, Эли! И обе секты несчастны одинаково. Что за страдания надо испытать, чтобы дойти до таких ужасных взглядов, до таких отчаянных поступков.

— Они все безумные! — сказал Ромеро. — Тяжкое существование породило изуверство. Обе секты, как справедливо назвал их наш друг Лусин, самые настоящие изуверы, и, по чести сказать, я бы затруднился установить, кто из них хуже.

— Два конца одной палки, — повторил я свою мысль. — Им, конечно, надо помочь, но всему народу, а не сектам. Отвергатели ничем не лучше ускорителей. Я не обидел тебя, Оан?

— Мы жаждем помощи, — ответил он. — Если вы способны помочь всем аранам, помогите.

В планетолете мы связались с эскадрой. Ирина непрерывно передавала на корабли все, что мы видели и что переводил Оан.

— Обращаю внимание, Эли, что у нас мало данных об Отце-Аккумуляторе и Матери-Накопительнице, а, судя по всему, они играют важную роль, — сказал Олег. — Наше мнение — вызволить завтрашние жертвы. Самосожжения не допускать.

— Это приказ, Олег?

— Это совет.

Я задумался — и надолго. Было очевидное противоречие между нашими общими решениями и поступками. Только что мы постановили не вмешиваться в распри отвергателей и ускорителей и взяли на себя лишь одну миссию — облегчить условия существования на планете. Но как помешать самосожжению без борьбы с ускорителями?

Не вступаем ли мы на путь, приводящий пря-

мехонько в объятия одной из сект? Освобождение самосожженцев превратит ускорителей в наших врагов, — нужно ли идти на это?

— Эли, что с тобой? — мысленно воскликнул Лусин. — Неужели ты не хочешь спасти несчастных?

— Обращаю ваше внимание, дорогой друг, на то, свободные ли они самоубийцы, или насильственно казнимые, они — жертвы, — заметил Ромеро. — И это — главное!

Я обратился к Оану:

— Твои сторонники собираются завтра спасти обреченных. Удастся ли им это?

— Нет. Мы неоднократно делали подобные нападения. Они ни разу не удавались. Мы просто не можем бездействовать, когда наших братьев казнят. Завтрашнее нападение — акт отчаяния.

После такого разъяснения колебаться было нельзя. Но я все не мог принудить себя к решению. Мери с удивлением сказала:

— Я раньше не замечала в тебе трусости, Эли.

— И нерешительности, — добавил Ромеро. — Борьба всегда была вашей стихией, Эли.

— Будем действовать по обстановке, — сказал я. — Быть равнодушным к чужому несчастью мы себе не разрешим.

До меня донесся голос слушавшего наши разговоры Камагина. Маленький космонавт поддерживал только крутые решения.

— Наши звездолеты всегда готовы прийти на помощь. Если командующий позволит, я подведу своего «Змееносца» на дистанцию максимального сближения с планетой.

Олег разрешил вывести «Змееносца» из общего строя эскадры.

— Радуйся, — сказал я Лусину. — Все будет потвоему.

— Я буду радоваться завтра, когда собственными руками сведу осужденных с эшафота!

Если бы он знал, что ждет его завтра!

Друзья ушли отдыхать в каюты. Оан тускло фосфоресцировал на пригорке, ему на родной планете было лучше, чем на борту планетолета. Я вышел к океану. Он накатывался на берег — где рядом, где в отдалении ухали подъеденные скалы. Мне хотелось ступить на океан, пройтись по нему: анализаторы установили, что плотность жидкости почти с плотность ртути, даже железо не смогло бы потонуть в таком океане, не то что я в легком скафандре. Но жидкая среда была агрессивна, я побоялся рисковать перед завтрашними испытаниями. Вдоль берега перебегали

мерцающие силуэты морских зверей. Я бросил в темную жидкость два куска стали. Первый достиг поверхности и вспыхнул, наверх вырвался столб пламени, на пламя метнулись морские хищники и мигом заглотили его. А второй кусок какой-то мерцающий хищник захватил еще в воздухе. Сталь ярко засветилась в его теле, раскалилась, расплавилась, растеклась и растворилась — и через минуту опять ничего не было, кроме темного океана и фосфоресцирующего хищника, жаждущего новой подачки, и других хищников, ошалело заскакавших вокруг в надежде урвать такой же кус.

Ночь Темных Солнц переходила в день Пыльных Солнц.

Я никогда не видел зрелища безотрадней, чем рассвет на планете Арания. Черная мгла преобразовывалась в мглу желтую. Из черного океана выкатились три оранжевых шара и торопливо поползли наверх. Океан уползал от суши, оставляя кромку изуродованного берега и вал выброшенных осадков. Морские звери погружались в глубину — это все были твари ночного бдения.

Ночью Арания казалась таинственней, ей можно было примысливать всякое, в том числе и красоту. В пыльном свете дня она предстала

уродливой. Ко мне приблизился Граций.

— Неустроенная планета, Эли. Если бы ее перенесли в Персей, даже галактам понадобились бы тысячелетия, чтобы создать элементарные удобства.

— Элементарные удобства галактов превзошли бы, Граций, самые смелые мечты аранов о рае.

Вслед за Грацием из планетолета вышел Орлан, за ним — Ромеро и Лусин. Мери и Ирину пришлось вызывать, они прихорашивались в скафандрах, укладывая змееволосы в каком-то особом порядке.

— Мери, — сказал я. — Женского в тебе больше, чем нормально человеческого. К чему эти ухищрения, милая? Первая же встреча с ускорителем заставит ваши волосы встать дыбом, а уличная толкотня превратит изящную прическу в частокол царапающихся рук.

Мне было особенно смешно, что они пытаются уложить волосы при помощи волос же — иных орудий захвата не было. Мери весело возразила:

— Тебе не приходило в голову, что женственность и есть самое нормальное человеческое среди всего человеческого?

Автоматы окружили корабль защитным силовым забором. Мы компактной группкой

побежали через лесок к городу.

Собственно, города не было. Реально имелась цепочка холмов с лазами в пещеры — в них-то и обитали араны. Там, на глубине, были оборудованы и мастерские, и помещения для ночных сборищ. А между холмами вились дороги, убитые до того, что стали глаже древних земных асфальтовых шоссе. Из лазов выползали бесчисленные паукообразные и проворно неслись в обширную котловину между четырьмя холмами — лобное место Арании. Мы присоединились к общему потоку. По мере приближения к лобной площади толчея и возбуждение усиливались. Все больше становилось дико взлетающих тел, восторженно размахивающих руководолос, все ярче сверкали искры, срывавшиеся с наэлектризованных голов, гомон, вопли, писк и треск разрядов были все громче. На поисковиков никто не обращал внимания. Скафандры в совершенстве камуфлировали нас под ординарный облик.

На площади возвышалась плаха, до удивительности похожая на старинные человеческие электропечи.

— Сейчас появится партия осуществляющих конец, — просигналил Оан, когда мы заняли местечко недалеко от плахи. — Их приведут под

охраной оберегателей конца, таких же ускорителей, но плотней заряженных электричеством. Ускорители захватили все лазы к Отцу-Аккумулятору, вооружение их мощней нашего оружия. Поэтому нам и не удается побеждать в схватках. Кто пользуется расположением Отца-Аккумулятора, тот властвует.

Наше внимание привлек аран, поднявшийся над всеми. Как и Оору на ночном сборище, пьедесталом ему служили араны, но не один, а четверо: трое поддерживали частоколом руковолос опрокинутого вверх брюхом четвертого, а уже на вытянутых ногах четвертого возбужденно приплясывал вознесшийся аран.

— Уох, Верховный ускоритель конца, великий осуществитель, — с отвращением произнес Оан. — Если бы вы уничтожили это чучело, которому поклоняются все ускорители, борьба с ними стала бы легче.

Уох, удобно устроившись на двухэтажном пьедестале, проискрил в толпу:

— Славьте Жестоких богов! Осуществляем конец!

В ответ грянул миллионоискрый вопль:

— Осуществляем! Осуществляем! Слава Жестоким богам!

Из верхнего лаза холма — за спиной Верховного ускорителя — показалась партия осуществляющих. Они спускались по четыре в ряд, с боков возбужденно подпрыгивали оберегатели, рассеивая в пыльном воздухе тучи искр, голова каждого конвоира походила на пылающий костер — столько вырывалось наружу разрядов. Толпа вся затряслась, как одно исполинское, из тысяч тушек, тело.

Когда колонна обреченных уже опустилась до уровня поляны, из лазов соседнего холма внезапно вырвался сноп искр и отряд отвергателей кинулся на конвой. Фанатичное ликование мигом превратилось в ярость сражения. Оберегатели свирепо отбивались от напавших, толпа кинулась на подмогу своим. В колонне осуществляющих тоже не было единства. Удирали на волю лишь немногие, а большинство отбивалось от тех, кто их освобождал. Один обреченный, вырываясь из руководов отвергателей, жалобно искрил:

— Хочу конца! Осуществления! Осуществления!

Силы, как и предсказывал Оан, оказались неравны. Может, кому из обреченных и удалось спастись, но зато колонну осуществителей с

лихвой пополнили сами спасатели, попавшие в плен. Мимо нашей группы промчался беглец из колонны, за ним гнались конвоиры, но он юркнул под какие-то взлетающие тела, и преследователи схватили другого. Тот отчаянно заискрил:

— Пустите! Я не назначен к осуществлению! Я не готов! — Никто и не подумал вслушаться в его отговорки.

Разбитые отвергатели вскоре бежали. Верховный ускоритель конца опять ошалело запрыгал на своем живом двухэтажном пьедестале и завел пронзительно-унылый вой:

— Осуществляем конец! Осуществляем конец!

Ему ответил прежний ликующий рев:

— Осуществляем! Осуществляем!

— Ускоряем конец! Ускоряем конец!

— Ублажим Отца! Умилосердствуем Мать!

— Ублажим! Умилосердствуем!

— Да не гневается Мать!

— Да не гневается!

Уох взметнул вверх свои волосы и сплел их над головой, как бы сомкнул в рукопожатии. Оберегатели схватили одного из обреченных и швырнули его в печь.

Как мы теперь знаем, осуществитель замкнул своим телом два электрода под напряжением. А

в тот момент мы услышали взрыв, над плахой взметнулось пламя разряда, по площади пронесся тяжкий грохот. Предсмертный стон жертвы потонул в громе взрыва и реве толпы. На нас посыпался горячий прах, тонкий, как мука, прах испепеленного существа!

— Он был живой, Эли! Он же был живой! — простонал Лусин.

Уох вторично сплел руководосы над головой — вторая жертва полетела в горнило печи. И тут нервы Лусина не выдержали.

— Эли, ты делаешь нас пособниками злодеяний! Если ты не вмешаешься, я пойду один! Я пойду один, я взбунтуюсь, Эли!

Я размышлял ровно столько, чтобы не дать палачам расправиться с третьей жертвой. Надо было взорвать ко всем чертям печь, но Оан предварил мой приказ испуганным голосом:

— Не уничтожайте плаху! Все араны тогда погибнут!

— Разметать охрану! — крикнул я, не спрашивая, почему нельзя трогать печь, и кинулся к Верховному ускорителю конца.

Лусин так яростно рванулся вперед, что опередил меня прыжков на десять. Он ударил по живому пьедесталу, и Уох полетел вниз. Лусин

встретил его такой затрещиной, что Великий осуществитель с пронзительным писком снова взмыл. На Лусина кинулась дюжина охранников. Сотни молний вонзились в него, нам почудилось, что он пылает.

— Поле! Поле! — крикнули мы с Ромеро, и Лусин вызвал поле.

Все остальное совершилось почти мгновенно. Я сижу в своей комнате, на моем экране медленно, очень медленно развертывается зафиксированная стереокамерами картина. Я в сотый раз всматриваюсь в нее — каждая линия, каждый блик пронзают неусмиряемой болью. Лусину ничего не грозило, теперь это ясно. Скафандр был слишком прочен для руководолос охраны Уоха, и вызванное защитное поле явилось бы непреодолимым щитом. Я понимаю Лусина. Я понимаю себя, всех нас понимаю. Мы не знали физической мощи палачей, мы видели лишь их фанатизм и свирепость. Лусин сконцентрировал поле, как если бы он снова сражался с головоглазами и невидимками или на него напал ошалевший драчливый ангел. Какую-то долю секунды я или Ромеро, бежавшие вслед, могли бы помешать ему так сгустить в себе силовые линии. Мы этого не сделали. И мы увидели, как словно взрывом бро-

сило от Лусина напавших на него. Только один удержался, его гибкие руководолосы так сцепились со скафандром, что их можно было лишь вырвать из головы, а не оторвать от Лусина.

Лусин и в эту страшную минуту остался Лусином. Он не остановился, хладнокровно осматриваясь, не стал неторопливо ослаблять поле. Вокруг рушились, смертно искря, ломая ноги, разбрасывая по сторонам вырванные руководолосы, дико перепуганные оберегатели — он думал о них, а не о себе. Он разом выключил поле, он отрубил его, чтобы оно не растерзало противников. И разом же, на какие-то доли секунды, он сам стал игрушкой в хаосе бушующих вокруг стихий, пушинкой среди неконтролируемых случайностей!

Все совершилось в эти доли секунды! Вцепившийся в Лусина охранник, почуяв, что поле пропало, снова отчаянно дернул свои запутавшиеся в скафандре руководолосы, но не выдернул, а повалился вниз, увлекая с собой Лусина. Оба стояли на краю плахи и низринулись в ее зев, в самый фокус печи, на который зловеще нацеливались жерла электродов. Снова ударила молния, снова взметнулось пламя, но тут же погасло, сбитое вернувшимся охранным полем. И я, и Ромеро, и

бежавшие за нами демиург с галактом бросили свои поля в помощь Лусину, но было уже поздно. То, от чего предостерегал Оан, совершилось. Дьявольский электрический эшафот, мерзкая печь, поглощавшая обреченных, разлетелась в куски. Среди осколков лежал пробитый чудовищным разрядом, полусожженный скафандр, а внутри его — мертвое тело, изуродованное тело Лусина!

— Планета погибла! — с ужасом закричал Оан.

У меня подогнулись ноги. Меня поддержал Граций. Мери вскрикнула: ей показалось, что я погиб, как и Лусин. Но я пришел в себя. Я застонал от горя и ярости. Я готов был уничтожить всех до единого аранов, метавшихся по площади. До сих пор не понимаю, где я нашел силу не дать гневу вырваться наружу таким страшным поступком.

— Жестокие боги! Снизошли Жестокие боги! — вопили улепетывающие пауки.

Я сбросил скафандр. Я больше не мог обретаться в образе паукообразного. Во мне острой болью отдавался отчаянный вопль звона и света: «Снизошли Жестокие боги!» Мери и Ирина тоже швырнули наземь отвратительную одежду. Они возились с Лусиным, им помогали Ромеро и Граций, а я опустился на землю, обессиленный, у меня тряслись ноги.

Ко мне подобрался Орлан, он, как и Граций, не скинул камуфлирующей одежды.

— Ужасное несчастье, Эли! Но может совершиться несчастье еще большее. Прошу тебя, прислушайся к Оану!

Только тогда я сообразил, что Оан говорит что-то, а я не слышу.

— Чего ты хочешь? — спросил я. — Чего еще тебе надо?

— Мать-Накопительница молний рассвирепела, — донесся как бы издалека в мое сознание голос Оана. — Уходите, уходите, теперь все здесь погибнут, и вы погибнете вместе с нами, если не уйдете!

Все волосы на его голове встали дыбом, изогнулись, десятками гибких рук указывая на восток, откуда шла ночь. Три Пыльных Солнца клонились к закату, вчера в это время глухая тьма бежала с той стороны горизонта — от темных звезд, от проклятых звезд этого проклятого мирка. Сейчас с востока надвигалась заря, а не ночь. Летели огненные облака, клочки мятущегося пламени. Всем в себе, без приборов, я ощутил сгущение электрических зарядов, я весь как бы превратился в живой конденсатор, заряженный донельзя. Надвигалась электрическая буря такой

силы, какой мне не приходилось еще испытывать.

— Всем в свои охранные поля! — Я вызвал Камагина. Было большой удачей, что «Змееносец» находился поблизости от планеты. — Вы видели, Эдуард? — спросил я. — Вы все видели?

— Какой ужас, Эли! — послышался горестный возглас Камагина. — Мы все видели, адмирал. К сожалению, мы не могли помочь.

— Эдуард, над планетой скоро забушует электрический ураган. Подозреваю, что несчастных электрических пауков будет рвать на части свирепая Мать-Накопительница молний, так они называют свою владычицу. Даже пещеры их не спасут. Ярость ее как-то связана с разрушением электрической плахи. Всыпьте ей, Эдуард! Всыпьте покрепче! Покажите всем злым матерям и отцам, всем Жестоким богам и чертям, что есть в мире еще такая сила, как человеческое могущество!

— Яростной матери не поздоровится! — заверил Камагин. — Сегодня она займется не истреблением своих сыновей, а пополнением наших запасов активного вещества. Пусть неистовствует с полезной отдачей!

Буря разразилась минуты через три после раз-

говора с Камагиным. Наши земные грозы — тучи, жидкий ливень из туч и молнии, пробегающие в облаках. Гроза на Арании — ливень молний, секущих землю, гейзеры молний, вылетающие из земли вверх, частоколы молний на холмах, джунгли молний в долинах. Никакого дождя, раскатов грома и влажной прохлады здесь не было и в помине. Один огонь и непрерывный гул, до того тяжкий, что разрывало не только уши, но и душу. Если бы мы не защищались охранными полями, всех испепелило бы в первое же мгновение. Ромеро заботливо оградил своим охранным полем и Оана, но тот не знал его крепости и трясся, с минуты на минуту ожидая гибели.

А затем все волшебно переменилось. Камагину понадобилось четыре минуты для настройки резервуаров на прием грозы. Он опоздал ровно настолько, чтобы дать нам почувствовать бешенство распоясавшейся огненоносной Матери, но не позволить ей нанести серьезного вреда планете. Насосы звездолета работали, как на базе, где заправлялись активным веществом. Молнии, только что осыпавшие землю, унеслись вверх, гроза била в небо, а не в планету. А на земле стало тихо, так удивительно, так недоуменно тихо, как будто вся планета растерянно прислушивалась

к себе. Над нами теснились огненные облака, из них по-прежнему исторгалось пламя, но все пламя уносилось к звездам — миллиарды молний сливались в одну исполинскую реку огня, огненная река мчалась к жерлам корабля, пропадала в них. Не прошло и двадцати минут, как облака стали редеть, распались на клочья, таяли, погасали, из них уже не вырывались молнии. Камагин не остановил насосов. И остатки облаков несли электрические заряды. Эдуард гнал в резервуары все.

— Теперь я пообдеру планету, — сказал Камагин, когда покончил с облаками. — Она вся так насыщена электричеством, что не грех попользоваться от ее избыточного богатства. И бедным аранам станет легче, их фанатизм, я думаю, в какой-то степени продукт перегрузки тел электричеством.

Я попросил Камагина не переусердствовать — молнии, бьющие из земли, производят не меньше разрушений, чем молнии, бьющие в землю. Эдуард произвел очищение планеты от избыточного электричества с такой осторожностью, что иначе как изящной я эту операцию и назвать не могу. Планета отдавала накопленные заряды плавно, без грохота и огня, и отдала, как

выяснилось потом, так много электричества, что запасы звездолета пополнились основательно.

— Доволен ли ты, Оан? — хмуро спросил я, когда Камагин остановил всасывающие снаряды корабля.

Аран восторженно твердил:

— Вы расправились со страшной Матерью! Ах, как вы расправились со страшной Матерью! Как вы расправились со страшной Матерью!

6

Лусина внесли в консерватор — усыпальницу, где тела погибших сохраняются нетленными.

На похоронах Лусина не было одного Бродяги. Дракон тяжелей всех перенес потерю друга. Он заболел. Мы боялись, что он уже не сможет даже ползать. Он выздоровел, кое-как ползал, но способность летать утратил окончательно.

В наше отсутствие на эскадре прошло срочное совещание. Гиг и Эллон настаивали на мести за Лусина. Но кому мстить? Аранам? Чем они виноваты? Вмешательство в распри отвергателей и ускорителей тоже было отклонено. МУМ высчитала, что корень зла — в чудовищной запыленности местного космического пространства. Освободить от пыли планетную систему

тройной звезды — лучшая помощь аранам. Немного изменится орбита Арании, но отдаление от Трех Пыльных Солнц компенсируется тем, что они потеряют в названии словечко «пыльные». Нужно лишь предварительно разведать то, что скрывают наименования Отец-Аккумулятор и Мать-Накопительница молний. Без разгадки этой тайны трудно что-либо планировать.

Мы стали готовиться к вторичному полету на планету. Оан вдруг стал возражать против посещения Отца-Аккумулятора. Я попросил объяснить, что он имеет против этой экспедиции. Вместо объяснения он внедрил мне в мозг ощущение страха. Но так как это все-таки был его страх, а не мой, я продолжал дознаваться причин боязни.

— Покой отца священен, — сообщил Оан.

— Стало быть, ваш Отец-Аккумулятор — самодур, наказывающий всякого, кто его потревожит?

— Ему плохо, когда посягают на его покой.

— Разлаживается? Перестает функционировать? Кто же охраняет его покой? Ваши Жестокие боги?

— Отца охраняет гвардия оберегателей, каждый отбирается самим Уохом.

— С оберегателями мы справимся, даже с отобранными Уохом. И отца не обидим, если он не заслуживает обиды. Теперь скажи, что такое Мать-Накопительница молний?

— Страшная Мать бережет покой отца. — И это было все, что мы могли узнать у Оана.

Уверен, что и другие араны об Отце и Матери знают не больше. Тем настоятельней нужно было идти в новую разведку.

Опустились мы на старом месте, в полдень. На дорогах встречались араны, на нас по обыкновению не обращавшие внимания. Выглядели они здоровыми, буря никого не потрепала. Оан сообщил, что и отвергатели, и ускорители недоумевают: еще не было столь сильного урагана — и такого невредоносного.

Оан взобрался на вершину холма и остановился перед лазом, по виду ничем не отличающимся от соседних.

— Здесь. Первым я не пойду.

— Иди в середине, — разрешил я.

Оберегатели встретились уже через несколько метров. Это были рослые пауки, бесстрашные и готовые на самопожертвование. Но они улепетывали через минуту с дикой быстротой. Дело было не только в том, что они не могли противостоять

силовым полям. Они просто не знали, что такое поле. Невидимая сила, мощно бросавшая их на стены и под потолок, потрясла их, никто и не подумал переть на рожон. Они удирали вглубь с теми же знакомыми воплями:

— Жестокие боги! Снизошли Жестокие боги!

Внутренняя охрана, очевидно, не поверила паническому сообщению передового отряда. В пещере, через которую пролегал путь, нас повстречало целое воинство. Оберегатели ринулись на нас, подбадривая себя бесовскими искрами и воинственным писком. В первой стычке мы ограничились силовыми оплеухами, здесь пришлось концентрировать поля. И когда схватка закончилась, на полу лежало несколько безрассудных. Из пещеры вели четыре хода. Из заднего вышли мы, в два боковых опрометью умчались сраженные охранники. В четвертый ход никто не юркнул. Я показал на него одной из своих рук:

— Сюда, Оан?

— Сюда. Больше нам никто не встретится до самых покоев Отца. В этот лаз запрещено заползать.

Запретная для аранов дорога тянулась долго, мы пересекли еще пять-шесть пустых пещер и наконец выбрались в самую большую. Даже

засветив прожектора, мы не увидели ни потолка, ни противоположных стен. Все помещение занимало озеро — вязкая жидкость, прикрытая коркой. Поверхность бурлила, вспучивалась, кое-где наружу вырывалось пламя. Над озером клубился зеленоватый самосветящийся пар. Временами из жидкости выстреливали молнии, погасая в невидимом потолке, откуда низвергались такие же молнии.

— Отец-Аккумулятор убивает всех, кто подходит близко, — со страхом прошептал Оан.

— Своеобразный механизм по выработке электроэнергии, — оценил озеро Ромеро.

— И большой мощности, — добавил Орлан, с любопытством осматриваясь. — Очень интересная машина.

Граций с сомнением покачал всем частоколом рук:

— Это не механизм, а живое существо. Оно напоминает наши биологические орудия, но там простое скопление бактерий. Уверен, что Отец-Аккумулятор — мыслящее создание.

Ирина взяла пробу озера на анализ. У меня вдруг возникло ощущение, что за нами наблюдают. Оан считал, что Отец-Аккумулятор разбирает каждое наше слово, понимает каждую нашу

мысль. Возможно, Оан преувеличивал, но и мне вообразилось, будто озеро безглазое, безрукое, но живое, что оно затаилось, что оно охвачено страхом, а не яростью, как думал Оан.

— Отец не уничтожает вас! — удивленно воскликнул Оан.

— Попробовал бы! Постарайся связаться с Отцом, — посоветовал я Ирине, а Оана спросил: — Какой возраст этого зверя?

О возрасте озера Оан ничего не знал, кроме того, что оно было еще до аранов. Отец сотворил жизнь, когда ему надоело быть одному — сперва создал Мать, а потом оба они населили планету растениями и аранами. Океан с его хищниками тоже одно из творений Отца.

— Океан, наверно, является отходом производства электроэнергии, — перефразировал Оана Ромеро. — Ибо, насколько я понимаю, Отец — живая электростанция, питающая электрических жителей планеты.

— Итак, будем решать: уничтожаем ли мы Отца, ибо деятельность его причиняет страдания аранам, — сказал я. — В этом случае надо подарить жителям автоматическую электростанцию, чтобы не прерывалось снабжение их организмов электричеством. Или сохраняем его, но как тогда

разряжать пресыщенного электричеством Отца без привлечения буйной Матери?

— Уничтожение равносильно убийству, — поспешно сказал галакт.

— Что до сумасбродной Матери, — сказал Ромеро, — то функция ее, очевидно, сводится к ликвидации излишков электричества. Кто-нибудь видел Мать-Накопительницу молний, Оан?

— Ее нельзя видеть. Она существует лишь в своих бурях.

— Иначе говоря, она есть разряд избытков электричества, — сказал я. — Ладно, Оан, больше на планете никто не услышит о грозной Матери. Мы постановляем ее упразднить. Восстановленная плаха примет службу отмененной Матери.

Мы пошли назад. Я помахал озеру рукой. На поверхности я вызвал с «Козерога» механиков. Переоборудование плахи заняло немного времени. Теперь избыток электричества автоматически разряжался, когда потенциал достигал предельного значения. Можно было только удивляться, как точно фанатики нашли физическую причину «недовольства Отца» и какие изуверские приемы отыскали, чтобы ввести в норму деятельность электрического сердца планеты. Публичной казнью своих братьев они предотвращали беду. Они,

конечно, замечали, что после «осуществления» электрических бурь не бывает. Свирепая Мать после таких акций долго «не гневалась». Но какой зверский способ решения простой технической задачи!

— Адмирал, я придумал, как сохранить наш разрядник от посягательств со стороны паукообразных! — порадовал меня Эллон, руководивший монтажом. — При каждом разряде будет вздыматься огненный столб. Двенадцатиногие бестии побоятся и подходить близко!

— Они станут поклоняться разряднику как божеству! Эллон, мы закладываем основу новой религии. И пройдет не один век, пока какой-нибудь гениальный аран поймет, что перед ним не жертвенник божества, не оракул, вещающий высшую волю, а простой механизм для простой операции. А ведь предки аранов строили звездолеты!

На цоколе разрядника, ставшего памятником Лусину, выбили надпись: «Лусин, человек, астронавт из дальних созвездий. Погиб при спасении местных жителей, безвинно осужденных на казнь». Под надписью выгравировали таблицу космических шифров. Возможно, будущие поколения аранов сумеют прочесть надпись.

Я попросил Эллона окружить разрядник еще и силовым заборчиком. Теперь каждый аран, пытающийся пробраться к бывшей плахе, встретит стену не только непреодолимую, но и способную поддать.

На закате Трех Пыльных Солнц глухой взрыв возвестил, что освобождение от накопленного электричества будет отныне вершиться без фанатических казней и без истребительных бурь. Столб огня взлетел выше холмов, окружавших площадь, только что не развернулся вверху огненным грибом.

Ко мне подошел Оан.

— Вы отбываете, Эли? Вы мои спасители. Вы наши благодетели. Мне будет плохо без вас.

Я молча смотрел на него. В нем была загадка. Весь народ аранов — загадка. Я все не мог отделаться от мысли, что предки этих невежественных, суеверных, фанатичных существ строили космические корабли. И нельзя было утешиться поверхностной сентенцией, что вот, мол, как складывается судьба — был высокий уровень, стал низким, совершенствование сменилось деградацией. Не было деградации в обычном понимании: Оан опровергал ее. Он был такой, как все араны, — и во многом превосхо-

дил любого из нас! Разве не увидели мы его в горниле коллапсирующей звезды, куда и близко не осмеливались сунуться наши корабли? Разве существовал для него барьер нашего разноязычия, такой непреодолимый для нас самих, когда мы лишены дешифраторов? И еще много, много других «разве», возносивших его над нами!

Оан пригнул свои ноги, руководолосы улеглись, как причесанные, нижние глаза смотрели преданно и благодарно, верхний, пронзительный, потускнел, в нем не было прежнего пугающего жара, он как бы закатывался в какую-то свою, особую, тайную глубину…

— Оан! Ты умеешь водить звездолеты. Ты знаешь об искривлении времени больше, чем мы. А твои братья фанатики, а не мыслители. Откуда такие знания? Почему ты не похож на собратьев?

Он ответил с подкупающей искренностью:

— О нет, нас много, сохраняющих древние познания среди современного невежества. Если бы вы задержались на планете, вы бы познакомились с нами.

Задержаться мы не могли.

— Возьмите меня с собой, — попросил он. — Я много знаю о парадоксах времени. Наши предки изучили завихрения и завороты времени в

звездных скоплениях. Мы не умели пользоваться этими знаниями, но свято их хранили. Вам они пригодятся.

Я раздумывал недолго.

— Садись в планетолет, Оан. Ты будешь со мной на «Козероге».

7

Все поначалу казалось легким. Мы умели уничтожать планеты, когда возникала такая необходимость. Подарить аранам кусочек чистого неба было проще. Любой из звездолетов мог сыграть роль космического дворника. Мы могли и всю эскадру бросить на расчистку пыли в скоплении Гибнущих миров. Камагин настаивал именно на этом, маленькие задачи его не удовлетворяли. Он не встретил поддержки. Мы стремились к результатам поскромней. Было решено расчистить пространство вокруг тройной звезды и уходить дальше. «Запустим один из грузовых звездолетов на автоматическую чистку и поднимем на эскадре паруса», — так выразился Олег. Если обратный путь будет пролегать через это же скопление, мы снова присоединим оставленный галактический грузовик к эскадре.

Я и сейчас считаю, что план был хорош. И если

он не удался, то не по нашей вине.

Космический дворник назывался «Таран». Одно внушительное название вселяло уверенность, что звездолет со своей задачей справится. МУМ на «Таране» была мощная, точная, почти мгновенного действия: на ней проиграли все возможные варианты неполадок и препятствий, автоматический мозг отлично справился с ними. Я подчеркиваю: возможные варианты. К сожалению, никому не пришло в голову проверить варианты технически невозможные, а именно такой и выпал. Никто из нас не хватал так далеко, чтобы выискивать логические несуразности. Невозможностей безмерно больше, чем реально осуществимого. Абсурд обширней разумного. Реально ходят ногами по земле. А среди невозможных способов — хождение на голове, на руках, на плечах, по воде, по воздуху, в вакууме и еще черт знает какие. Пересчет невозможностей бессмысленней гадания на кофейной гуще. Заниматься таким вздором мы не могли. Все мы крепки задним умом.

Не надо думать, будто мы были так безрассудны, что не допускали и мысли о неожиданностях. Мы считались с наличием неведомых, но мощных сил. Они пока нас не тревожили, но нельзя

было ручаться, что и дальше будет так. Наша ошибка была лишь в уверенности, что всякое противодействие будет опираться на законы природы, то есть лежать в рамках логики. Мы считали себя разумом природы. Но природа шире того, что охватывал наш разум. Он обслуживал наши маленькие потребности, устанавливал наши возможности, но не сумел бы обслужить все потребности природы, предугадать все ее возможности.

Я сделал это отступление, чтобы стало яснее, что произошло, когда «Таран», кружась по сужающейся спирали, приблизился к Трем Пыльным Солнцам.

Все совершалось точно по программе. «Таран» превратился в спутника тройной звезды, самую близкую и самую крохотную ее планетку. А затем корабельная МУМ запустила аннигиляторы вещества. Это не был, конечно, острый луч, поражающий противника, аннигиляторы работали «в производственном варианте», как называл его Ромеро. «Таран» описывал эллипсы вокруг Трех Пыльных Солнц, а за ним ширился шлейф новосотворенного пространства, до того чистого, что в нем и красноватое сияние солнц превращалось в серебристо-голубое, каким оно

в реальности и было. «Таран» замыкал петлю за петлей вокруг пылающего в три ока центра, постепенно отдаляясь от него, а между ним и солнцами высветлялись дали. Несколько десятков земных лет такого кружения звездолета — и ликующие араны увидят если и не ночные яркие звезды — те останутся по-прежнему смутно-красными, — то сияющие дневные светила. Хоть один уголок в Гибнущих мирах сподобится названия «возрожденного мира»!

Мы с Ромеро пошли в обсервационный зал. «Таран» наблюдался отлично. Очень изящен был его стремительный полет среди желтой пыли, окутывавшей тройную звезду, — чистый простор, создаваемый звездолетом, походил на туннель, только непрерывно расширяющийся. Ромеро первый заметил неполадки с «Тараном», МУМ о них объявила минутой позже. Звездолет вдруг заметался, он был похож теперь не на галактический корабль, а на ящерицу, у которой оторвали голову — тело уже мертво, но еще судорожно бьется, оно еще кажется полным энергии. А затем звездолет замер. Аннигиляторы перестали вычерпывать пыль, расширяющиеся круги превратились в мертвый кеплеровский эллипс. Больше не было могучего космического корабля,

вольно меняющего структуру пространства. Был астероид, безжизненный кусок материи — крохотная планетка в космосе.

Олег вызвал меня к себе. На «Таране» остановились не только аннигиляторы, но и приборы связи. Он не откликался на позывные.

— Надо выслать буксир, — хмуро сказал Олег.

Ближе всех к «Тарану» находился «Овен». Олег велел Петри привести потерявший ход корабль. Вскоре оба звездолета подошли к «Козерогу». «Таран», превратившийся в кусок космического вещества, вел себя как простое космическое вещество — покорно двигался в клещах буксирных полей, послушно отвечал на их импульсы. К звездолету прикрепили ремонтную камеру и прорезали в корпусе лаз. Петри сам доставил на «Козерог» демонтированную МУМ, по виду целую — ни один контакт не поврежден, нигде ни царапины, и сердце машины — крупный нептуниан — сверкал прежним глубоким зеленоватым блеском: великолепный кристалл, один из лучших, какие мне приходилось видеть.

— МУМ работает, — сказал Петри. — Она только несет околесицу, порет чепуху… не знаю, какие еще подобрать выражения!

МУМ установили на испытательном стенде. Эл-

лон с Ириной проверяли отказавший машинный мозг. Я уже говорил, что Эллона нелегко удивить, а когда он удивляется, то старается это не показывать. На этот раз он не скрывал удивления.

— Адмирал, я поражен! Защитные поля, предохраняющие МУМ, не пробиты, не деформированы, даже не задеты. Она разладилась сама. Внутри схемы возникли неполадки, внутри, адмирал, я исключаю внешние силы. Но и внутри повреждений нет. С такой диковинкой я еще не встречался. Буду проверять отдельно каждую часть схемы.

— Да, проверяйте, — сказал я и пошел к дракону.

Бродяга коротал время с Мизаром.

— Бродяга, — сказал я, — ты лучше нас знаешь природу пространства. Послушай внимательно. На «Таране» вышла из строя МУМ. На нее не действовали внешние силы, никаких сил не возникало внутри. Иначе говоря, в пространстве, через которое вместе с кораблем мчалась МУМ, не произошло ничего. Ты меня понимаешь, Бродяга? Не могло ли воздействовать на корабельный мозг само пространство? Не могло ли всегда пассивное пространство, носитель полей, волн и частиц, вдруг стать активным?

— Я не могу ответить на твой вопрос, — признался дракон. — Я имел дело с пассивным пространством. Я его скручивал и выпрямлял, сгущал и разрежал. Оно способно порождать собственные волны, которые вы называете волнами пространства, его можно превратить в вещество, вещество можно преобразовать в пространство. Все это так. И все-таки пространство пассивно. Оно воздействует на тела только посредством возникающих в нем сил.

— И я так думаю. Теперь посоветуемся с Оаном. Двенадцатиногий мыслитель глубже нашего проник в тайны местного мира, пусть он поделится с нами.

Оан явился вместе с Орланом и Грацием. И демиургу, и галакту тоже захотелось посоветоваться с араном.

Я не успел задать своих вопросов: к дракону пришли Эллон и Олег. Эллон показал диаграмму испытаний МУМ.

— Адмирал, ручаюсь, тебе еще не приходилось встречаться с чем-нибудь похожим! МУМ на «Таране» разладилась не физически, а логически. Она переставляет причины и следствия. Следствие у нее идет раньше причины. Убедись сам.

С тяжелым чувством я рассматривал диаграм-

му. Следствие не могло возникнуть до причины. Дождь не прольется до того, как соберутся тучи. Ребенок не родится раньше, чем встретятся будущие отец и мать. Шишка на лбу не вскочит до удара. А здесь была именно такая картина. Здесь дождь шел без туч, ребенок появлялся без матери и отца, шишка вскакивала на лбу до удара. Эллон послал извне импульс. МУМ отвечала замыканием цепи, потом принимала импульс извне. Можно было лишь удивляться, что свихнувшаяся машина не взорвала корабль. В трюмах галактического грузовика хранилось достаточно активного вещества, при неправильной команде все оно могло превратиться в подожженную взрывчатку.

Я спросил Оана:

— Ты можешь разъяснить эту чертовщину?

— Никакой чертовщины, — быстро ответил он. — Ваша машина заболела. У нее рак времени.

— Заболела? Рак времени?

— Да, заболела. Время разорвалось внутри машины. Одни ее ячейки в прошлом, другие в настоящем, а третьи вынеслись в будущее. Она не сумеет выполнить никакой программы. Рак времени — самая тяжелая болезнь нашего мира.

— Не может ли эта болезнь поразить и нас? —

спросил Орлан. Он так вжал голову в плечи, что одни глаза выступали наружу.

— Поразит и вас, если того пожелают Жестокие боги! — уверенно предсказал Оан. — Вот почему я пытался найти выход в иное время. Вы могущественны, вам может повезти больше, чем мне. Но лучше вам уходить отсюда. Жестокие боги долго не замечали вас. Но сейчас они взглянули на вас. У них недоброе око.

Он говорил о том, что Жестокие боги наконец воззрились на нас недобрым оком, а я — в который раз — рассматривал его самого. Мне вдруг почудилось, что вижу его впервые. Я, вероятно, до сих пор недостаточно вдумывался в его облик. Оан тихо покачивался на двенадцати мощных, быстрых, легких ногах, каждая содержала восемь сочленений… А на бронированном жесткой кожей теле возвышалась небольшая голова со странными волосами — не то змеями, не то руками: он мог не только хватать, но и рвать, и присасываться ими. Два нижних глаза просто глядели, обыкновенные глаза, темные, с поволокой, такие же, как у меня, Труба, дракона, даже у Орлана с Грацием. А третий глаз, над ними, не глядел, а пронзал глубоким сиянием, он излучал, а не принимал чужие лучи, этим глазом Оан и

внедрял в наши головы свои мысли — и я невольно сжался, так его мысли были грозны! У Оана было недоброе око…

8

— Эли, одним из самых замечательных событий первого похода в Персей было уничтожение Золотой планеты, с такой решительностью и мастерством совершенное Ольгой Трондайк. Я хочу предложить примерно то самое, что вы проделали тогда.

Я попросил разъяснений, он дал их. Ольга, взорвав Золотую планету, создала огромный объем новосотворенного пространства и вывела сквозь него попавший в западню звездолет. Разрушителям пришлось потрудиться, пока они снова ввели этот свободный простор в насильственную структуру своего звездного мирка. В скоплении Гибнущих миров господствуют существа, которые для чего-то заставляют звезды медленно исходить пылью. Открытое противодействие они пресекают. Но не обмануть ли их? Не поставить ли их перед совершившимся фактом? Не вызвать ли взрывное новообразование пространства? В существующем просторе бороться с рамирами — будем пока называть их так — нам непосиль-

но. Но для запыления нового пространства им понадобится какое-то время — столетия или тысячелетия по земному счету. Все это время на Арании будут видеть ясные дневные дали, араны получат хоть на несколько поколений обещанный клочок чистого неба.

— Главная проблема в твоем плане — скрыть его от рамиров, — сказал я. Олег согласился, что нужен надежный метод маскировки.

План понравился всем капитанам кораблей. Аннигилировать планету сумел «Пожиратель пространства», а наши современные звездолеты мощней. И подобрать космическое тело для аннигиляции просто: вокруг Трех Пыльных Солнц вращался с десяток безжизненных планет. Лишь проблема маскировки вызвала споры. Рамиры, если это они Жестокие боги, могут легко воспрепятствовать уничтожению планеты в момент, когда на нее устремится звездолет с включенными боевыми аннигиляторами. Прямой удар, какой Ольга нанесла по Золотой планете, в Гибнущих мирах вряд ли удастся.

— Сделаем операцию двухстадийной, — предложила Ольга. — Если Жестокие боги и воспротивятся уничтожению целой планеты, то вряд ли их возмутит аннигиляция одного звездолета,

свободного пространства ведь добавится немного. Но это будет то пространство, которое на их время выпадает из их власти. И его как маскировочный туннель сможет использовать звездолет, наносящий главный удар.

Камагин попросил назначить его «Змееносец» для маскировочной аннигиляции. Но ему поручили охрану звездолета, наносящего главный удар: там требовалась решительность и быстрота — решительностью и быстротой Камагин превосходил всех.

— Ваш «Телец» произведет маскировочную аннигиляцию, — сказал Олег невозмутимому Петри. — А основной удар наносит «Овен». Ольга единственная среди нас имеет опыт аннигиляции планет.

Ольга сказала:

— Я согласна выполнить приказ командующего эскадрой, но поставлю одно условие. Эли, в момент нападения на Золотую планету ты сидел в командирском кресле рядом со мной. Твое присутствие придало мне решимости. Я хотела бы, чтобы ты на время операции переселился на «Овен».

— Ты намерена снова довести меня до полусмерти, чтобы мой ужасный вид вдохновил

тебя? — Мы все с удовольствием посмеялись.

После совета капитанов Ольга зашла к нам. Мери уже знала, что я временно покидаю «Козерог». Возможно, ей это не понравилось, но она не выказала недовольства.

— Надеюсь, ты не будешь ревновать, если я на несколько дней заберу твоего мужа к себе? — спросила Ольга так серьезно и с таким волнением, что Мери расхохоталась.

— Я ревную мужа только к нему, Ольга. Ибо единственный человек, который бесцеремонно забирает у меня моего Эли, это Эли…

Мери крепко обняла меня, когда я покидал «Козерог».

Подходящую планетку нашли скоро. Граций установил, что жизни на ней никогда не было, и гарантировал, что и в будущем возникновение какой-либо формы жизни исключено, — с таким планетным ублюдком можно было не церемониться!

Враждебные внешние силы, по-видимому, были равнодушны к перетасовке планетных орбит. Три грузовых звездолета влекли за собой планету. Она по крутому витку спирали плавно заскользила во внутреннее пространство между Аранией и Тремя Пыльными Солнцами.

Я сидел в кресле рядом с Ольгой. Ольга готовилась ко второму этапу операции, я всматривался, вслушивался, вдумывался в космос. Все вокруг оставалось безмятежно спокойным. «Змееносец», «Телец» и «Козерог» держались в стороне, чтобы не попасть в фокус внезапного противодействия, если оно разразится. Сменой орбиты руководил Эллон. Однажды он уже помог вышибить планету-разбойницу в какие-то неведомые тартарары, сейчас по такой же гравитационной улитке очень плавно, очень уверенно выводил вторую планету на новую орбиту, где ее ждала гибель. В улитку ввинчивались — собственно, они и создали ее — три автоматических корабля, крохотных сравнительно со своей добычей, за ними мчалась их огромная жертва.

— Орбита взрыва достигнута, Эли, — сказала Ольга. — Петри выдвигается на дистанцию прямой аннигиляции. Скоро настанет и наш черед — рваться в свободный туннель.

Наш черед не настал. Настал черед враждебных сил. Ужас того, что произошло на наших глазах, будет жить в моей памяти, пока не умру.

Планета находилась теперь на внутренней орбите, точно между Тремя Солнцами и Арание́й. Впереди мчались компактной группкой три

автоматических звездолета, позади такой же группой двигались остальные галактические грузовики, а один, обреченный на аннигиляцию, несся рядом с планетой. «Овен» занял дистанцию вторжения на линии, соединявшей Аранию и Три Солнца. «Телец» появился со стороны. Он должен был нанести мгновенный боевой удар по обреченному звездолету и, так же мгновенно выключив аннигиляторы, отлететь назад в вихре новосотворенного пространства, а в самый центр бури, по прямой на планету, экранированные от внешних воздействий, ворвемся мы на «Овне». Таков был план. И, видя в умножителе летящего «Тельца», я видел одновременно — мысленно, конечно, — самого Петри. Спокойный капитан «Тельца» всматривался в вырастающий на экране обреченный звездолет, он поднял руку, еще секунда — и он опустит ее с возгласом: «Удар!». Но удар нанес не он.

Это был все тот же луч, тот же проклятый луч, терзавший Красную звезду! На этот раз он был поменьше — вынесся из дымной дали и мгновенно иссяк. И ударил не в планету, не в буксирные звездолеты позади, даже не в назначенный для раскрытия космических ворот корабль рядом с планетой, а точно в «Тельца»!

Взрыв, сине-огненный шар, облачко накаленной добела пыли — вот что мы увидели на месте, где только что мчался грозный корабль, оборудованный совершенными машинами, имевший среди членов экипажа и людей, и демиургов. Не было больше корабля, не было больше людей, не было демиургов — даже трупов не осталось! Была одна пыль, сияющая, разлетающаяся, погасающая пыль. И еще мы увидели, как передние и задние звездолеты, спутав рассчитанные траектории, несутся один на другого, смешиваются в общей пылающей куче, — взрыв за взрывом отмечали гибель кораблей. Флот погибал на наших глазах, мы ничем не могли помочь грузовым кораблям, мы сами должны были погибнуть, как и они, как погибли перед тем наши друзья на «Тельце». Я вдавился всем лицом в умножитель. В пылающее месиво кораблей устремился «Козерог»: на нем потеряли управление. Я до крови укусил свою руку, зарычал от бешенства и отчаяния. Я не мог видеть, не хотел видеть гибели «Козерога», какая-то сила отшвыривала меня от умножителя. Я боролся с собой, я должен был все видеть, чтобы понять, что происходит.

Каким-то чудом «Козерог» вдруг отвернул от костра пылающих кораблей и унесся в пыльную

мглу. А «Змееносец» успел сделать поворот еще раньше и огибал эпицентр катастрофы по плавной кривой.

Обессиленный, я откинулся в кресле. И тут только сообразил, что меня отчаянно дергает Ольга.

— Эли! Эли, очнись! У нас отказала МУМ, я не могу передать ни одного приказа двигателям! Нас несет на грузовые корабли!

Не знаю, как быстро дошел до моего сознания испуганный призыв Ольги. Вероятно, меня пробудило ее искаженное ужасом лицо, я до того и не подозревал, что она способна испытывать ужас, что обстоятельства могут совпасть так, что неизменное ее рассудительное спокойствие начисто выметет. И я понимал в тот первый момент возвратившегося сознания, что нельзя давать слепому ужасу разрастись в ней, — что бы ни случилось с кораблем, командир обязан сохранить ясность мысли, иначе совсем уж плохо!

— Без паники, Ольга! Переходим на ручное управление!

Но переходить было не на что — ручное управление тоже не работало. Сотнями глаз я впивался в панель, стоявшую рядом с моим креслом, сотнями пальцев хватал ее кнопки и рычажки

— ничто не действовало! И тогда я вспомнил, что есть одна цепь, которую нельзя ни выключить, ни блокировать и которая единственная не подчиняется мысленному приказу, а только механическому повороту ключа, — цепь системы зарядов, взрывающих корабль. Это была моя цепь, я в школе рассчитывал ее. Я знал когда-то каждый ее контакт, каждое сопряжение проводов. Она предназначалась лишь для того, чтобы в чрезвычайных условиях уничтожить корабль изнутри, это была цепь отчаяния, а не надежды. Только она сейчас могла спасти нас.

— Ключ! — взревел я, хватая Ольгу за руку. — Ключ от взрывных камер!

Она отшатнулась от меня. Бледная от страха, она стала совсем белой. Она пыталась успокоить меня.

— Может быть, не погибнем! Эли, Эли, я еще надеюсь…

Я готов был задушить ее. Надежды не было. Нас несло в центр звездной свалки.

— Дура! Я не собираюсь устраивать самоубийство! Немедленно ключ, Ольга!

Трясущимися руками она расстегнула кофточку. Ключ висел на груди. Негнущиеся пальцы не могли отвязать цепочку. Я сам рванул ее — ключ

оказался у меня в руках. Я бросился к дальней панели, там было одно отверстие, запечатанное, никто не имел права срывать печать, я сорвал, вдвинул ключ, осторожно повернул его. «Спокойно, слышишь, Эли, спокойно! — мысленно крикнул я на себя. — Одна треть поворота, первый контакт, ошибка непоправима!»

Тяжкий взрыв потряс звездолет. Правая задняя часть, та самая, где смонтированы наши грозные боевые аннигиляторы, перестала существовать. Перестала существовать могущественная звездная крепость, способная уничтожать планеты и рассеивать неприятельские флоты. Но звездолет остался, он был жив, хотя и лишился вооружения, от страшного удара его повернуло влево, он уклонился от гибельного костра кораблей, унесся в сторону, — и сделалось это, возможно, в последнюю минуту, что еще имелась у нас для спасения.

— Ох! — вскрикнула Ольга, падая в кресло.

Несколько времени мы молчали. В командирский зал не доносились шумы корабля, а во всех его помещениях и коридорах в эту минуту сновали люди и звездные друзья — растерянные, вытерпевшие и ужас неминуемой гибели, и радость неожиданного спасения: не знаю уж, что

сильнее ударило по нервам — ожидание ли смерти или избавление от нее. Ольга слабым голосом произнесла:

— Эли, какая катастрофа! Что могло заблокировать наши МУМ, они ведь так защищены от посторонних воздействий! Почему ты молчишь, Эли? Мне страшно, не молчи, я же ничего не понимаю!..

Я сказал, стараясь сохранить спокойствие:

— Я молчал оттого, что все понимаю. Рамиры уничтожили эскадру Аллана и твоего мужа, Ольга. Теперь настал наш черед.

Она смотрела на меня округленными, полубезумными глазами.

— Я привыкла верить тебе, Эли, я всегда верила в каждое твое слово… Но ведь не могли же они знать, что именно Петри начинает операцию, не я, не Камагин, не Осима, а Петри!

— Нам тоже досталось, не забывай, что наши МУМ заблокированы, — мрачно возразил я. — А что до того, как они могли узнать наши планы, то вопрос решается просто. На наши корабли проник их лазутчик!

— Ты сказал — лазутчик, Эли?

— Тебе не нравится это слово? Тогда шпион, соглядатай, разведчик, филер, стукач, предатель,

тайный агент, тихарь, топтун — выбирай любое! И находится он на флагманском корабле. Он на «Козероге», Ольга!

Часть третья
РАЗОРВАННАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!

В. Шекспир

Зевс. Асклепий и Геракл, перестаньте спорить
друг с другом, как люди! Это неприлично
и недопустимо на пиру богов.
Геракл. Зевс, неужели ты позволишь этому
колдуну возлежать выше меня?
Асклепий. Клянусь Зевсом, так и должно быть:
я это заслужил больше тебя.

Лукиан

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук!

А. Ахматова

1

О восстановлении не приходилось и думать: в корпусе корабля зияла исполинская рана. После осмотра разрушений Ольга призналась:

— Мне и в голову не пришло, что можно так выправить траекторию корабля. Я растерялась. Уничтожение аннигиляторов — такой недопустимый вариант защиты… Я носила ключ как брелок или медальон. Как ты мог вспомнить о ключе, Эли?

— Вероятно, потому, что я в последние дни думаю только о недопустимом, только о невероятностях. К тому же, когда мы сдали «Волопас» Орлану неповрежденным, я часто в плену вспоминал, что был еще такой выход, как уничтожение аннигиляторов.

— К счастью, вам тогда удалось ограничиться перепутыванием схемы МУМ.

— Что сегодня за нас, кажется, сделали враги, — с горечью сказал я.

К этому времени стало ясно, что и МУМ быстро не восстановить. Внешне она казалась такой же неповрежденной, как и МУМ «Тарана». Но если та как-то действовала, путая причины со следствиями, то эта не принимала и не выдавала

сигналов. Она просто не работала. Была непостижимая сложность в сочетании слов: «Просто не работала!»

Зато ручное управление удалось наладить. «Овен» опять мог двигаться, но примитивным движением, без сверхбыстрых расчетов ситуации. Он потерял свою мгновенную ориентировку в космосе. Он был быстр, сообразителен и точен лишь в меру быстроты, сообразительности и точности дежурных штурманов. Для галактических рейсов такой корабль уже не годился.

Ожившая связь донесла депешу Олега:

«Сообщите, что с вами? „Овен“! Сообщите, что с вами? Сообщите, что с вами?…»

Следующим извещением был приказ мне и Ольге прибыть на флагманский звездолет и информация о потерях. Погибло три четверти эскадры — «Телец» и двенадцать галактических грузовиков из четырнадцати. На «Козероге» и «Змееносце» тоже были разлажены МУМ, и механики не давали гарантии быстрого восстановления.

На «Козероге» мне на грудь кинулась Мери. Она оплакивала меня, будто я погиб. Я вытер ее слезы и посоветовал вглядеться: я живой, еще крепкий и долго собираюсь оставаться таким!

— Я потеряла сознание от ужаса, когда увидела, куда несет «Овен»! — Она всматривалась в меня, словно все не верила, что я возвратился. — Вы были так близко от эпицентра взрыва!

Лишь теперь до меня дошло, что испытывали на «Змееносце» и «Козероге». Я страшился за них, но еще больше оснований было страшиться за нас.

Ромеро горестно сказал тем цитирующим голосом, какой всегда появляется, когда он прибегает к примерам из истории:

— Принесли «Тельца» на заклание, дорогой адмирал. Как ни скорбно признаться, но враги могущественней нас.

А подавленному Олегу я сказал:

— Прошлого не вернуть, будем думать о будущем. Я тебе задам один вопрос — постарайся ответить точно. Разладка вашей МУМ происходила двукратно — так? МУМ отказала, потом какие-то секунды снова работала и опять отказала — уже окончательно. Я правильно рисую картину?

— Все происходило именно так, — сказал он, удивленный. — Какой ты делаешь отсюда вывод?

— Очень важный, — заверил я и потребовал

узкого совещания — капитаны звездолетов, я, Ромеро, Граций, Орлан, Бродяга.

Потом я пошел в консерватор. В прозрачном саркофаге, навеки невозвратимый и навеки нетленный, лежал Лусин, такой обычный, такой как бы задремавший, что нельзя было только стоять и молча смотреть на него. И я сказал ему:

— Лусин, ты знаешь, я никогда не мстил. Даже за сына, погибшего на Третьей планете, не захотел мстить. Он изнемог в прямой борьбе с прямым врагом, мы попросту оказались в тот момент слабей. Нет, я не мстил за Астра, ты знаешь, Лусин! Ты добр, ты нежен душой, ты не позволил бы мне мстить. Но за тебя я отомщу! Ты пал жертвой коварства, а не в честном бою, я должен отомстить за тебя, Лусин! И за Петри. И за всех товарищей на «Тельце»!И за Аллана и Леонида! И за аранов — некогда могучий народ, сегодня жалкий, забывший науку, впавший в суеверие! Не спорь, Лусин! Не возмущайся моей жестокостью. Враги не оставили нам другого выхода, кроме как быть жестокими. Мне тяжело, мне бесконечно тяжело, Лусин! Но пойми — нет другого выхода!

Так я говорил с ним, так ему одному открывал свою душу, даже Мери не смог бы сказать того, в чем признавался и о чем предупреждал его. Наш

путь будет труден, возможно, долог, — я пройду его до конца! Никто не знает своего будущего. Путь и вправду вышел долог, но нет ему конца!

Совещание созовем в помещении, экранированном от всех служб корабля, — такое требование я поставил Олегу. Он не нашел лучшего места, чем «дракошня», в других экранированных помещениях Бродяга бы не поместился. Все уже были на месте, когда я пришел. Камагин и Осима сообщили, что происходило на «Змееносце» и «Козероге», Ольга добавила об «Овне». Неведомое поле на всех кораблях отключило МУМ от исполнительных механизмов — на «Змееносце» и «Овне» разом, на «Козероге» — дважды: кратковременное повторное включение продолжалось несколько секунд, но было достаточно, чтобы отвратить гибель. Ручное управление на «Овне» и «Козероге» быстро восстановили, на «Змееносце» оно не блокировалось. Все корабли до ремонта МУМ не пригодны для продолжения рейса к ядру, да и для возвращения на базу тоже. «Овен» пострадал так сильно, что годился лишь как галактический грузовик. Таким образом, от огромной эскадры осталось два малодееспособных звездолета и три грузовых корабля.

Олег обратился ко мне:

— Совещание созвано по твоему желанию, Эли! Ты обещал сделать важное сообщение.

Я начал с того, что задал дракону вопрос:

— Бродяга, может ли биологический мозг, могучий мозг, скажем твой, вмешаться в работу МУМ, и не так, как мы вмешиваемся, отдавая команды, а как бы дублируя работу всех ее цепей?

Дракон смотрел на меня без обычной иронии. Вопрос был слишком серьезен, чтобы расцвечивать его шуточками.

— Ты слишком много требуешь от обыкновенного биологического мозга, Эли. МУМ производит вычисления со скоростью триллионов комбинаций в секунду, биологический мозг на это не способен. Биологический мозг не математичен, не аналитичен, он не так раскрывает анатомию ситуаций, как охватывает ее пейзажно… Именно так я работал на Третьей планете.

— Ты сказал, Бродяга, «обыкновенный биологический мозг» — и тут же доказал необыкновенность обыкновенного мозга. Хорошо, пусть не биологический мозг. Если уж создан такой мыслящий механизм, как МУМ, то могут появиться и конструкции, превосходящие ее. И если такая конструкция, такой мыслящий сверхмощный механизм имеется на нашей эскадре и, работая

в унисон с нашими МУМ, пожелал грубо затормозить их, то это объяснит природу аварии, не так ли?

Бродяга промолчал. Олег с недоверием заметил:

— Нужно доказать, что могущественный враждебный мозг реально находится на одном из кораблей.

— Он на «Козероге».

— Его имя? — крикнул Эллон.

Он не любил поднимать вверх голову, но сейчас она взлетела выше, чем это проделывал Орлан. Глубокие глаза демиурга пылали, огромный рот хищно вызмеился. Я холодно сказал:

— Успокойся, Эллон. Если бы я имел в виду тебя, ты не был бы приглашен на совещание. Тайного лазутчика врагов зовут Оан.

Я дал время вдуматься в мое утверждение. Все заговорили разом. Я попросил, чтобы мне поставили вопросы, я на все отвечу. Камагин сказал, что, работая в унисон с МУМ, искажая каждый ее импульс встречными импульсами, надо быть таким же быстродействующим, как МУМ, а для живого существа это неосуществимо; нужно, стало быть, доказать, что Оан — конструкция в облике существа. Осима добавил, что МУМ

потребляет немало специфической энергии специализированных полей, — где Оан мог тайно получить такую энергию? Ольга тоже высказала сомнение: лазутчик, вмешиваясь в работу трех МУМ, должен передавать свои команды на другие звездолеты при помощи каких-то полей, но в пространстве они не зафиксированы. Не мог же он производить физическое действие без физических полей! Орлан заметил, что лазутчик должен постигать замыслы астронавтов, не присутствуя при их разговорах, должен стать соглядатаем их мыслей; даже для демиургов это недостижимо, а в Империи разрушителей техника подглядывания и подслушивания стояла на высоте — вряд ли кто усомнится в том!

— И у нас кругом такие экраны! — поделился своими соображениями Граций. — Не могу представить себе, как, например, отсюда могла бы произойти утечка информации.

— Короче, он должен содержать в себе что-то сверхъестественное, — подвел итог Олег.

Я ответил сразу всем:

— Что называть сверхъестественным? Любому предку наша способность аннигилировать пространство и двигаться со сверхсветовой скоростью показалась бы сверхъестественной, а мы

рядовые люди. Я настаиваю: мы встретились с удивительными явлениями, объяснение их не может быть неудивительным!

И я напомнил, как попал к нам Оан. Он хотел вынырнуть в иные миры в каком-то обратном времени. Если объяснение правильно, то оно удивительно, ибо противоречит тому, что мы пока знаем о течении времени во Вселенной. Все спутники Оана погибли, он один уцелел. Не вторая ли удивительность? Он не только выкрал звездолет, конструкция которого и нам неясна, но и сумел вырваться на нем в космос, отыскал коллапсирующую звезду, ринулся в ее недра, вырвался из ее смертельных объятий — не слишком ли длинна цепочка удивительностей? И все эти действия, превосходящие умения и знания людей, демиургов и галактов, совершены представителем полудикарского народа! Не самая ли это большая из удивительностей? Кто он среди своих? Свой или чужой? Он обронил, что Жестокие боги живут среди аранов в облике аранов. Вот он кто, этот паукообразный мыслитель и инженер, — лазутчик рамиров в стане аранов! Разведчик — такова его сущность, лишь камуфлированная внешней благопристойностью.

— А познакомившись с нами, Оан сменил про-

фессию соглядатая среди аранов на профессию соглядатая среди нас, — продолжал я. — Он, конечно, не мог трансформироваться в человека, демиурга, галакта, ангела или дракона. Нас мало, мы сразу бы разоблачили обманщика. Но в прежнем облике разгадывать наши планы, выводить из строя наши машины — это он мог. А теперь я докажу, что Оан не только грязный шпион и диверсант, но и гнусный террорист. Он виновник смерти Лусина! Обернитесь к экрану.

На экране появилась картина гибели Лусина. Я много раз разглядывал в одиночестве эту горестную ленту. Меня постоянно мучило ощущение, что я чего-то не ухватываю, чего-то важного не разгадываю. И, только возвратившись на «Козерог» после катастрофы со звездолетами, я понял, где решение загадки.

— Я взял многоканальный хронометр, друзья. Одни каналы настроены на наши индивидуальные поля, другие ведут поиск полей неизвестных. Смотрите на экран! Вот Лусин и вцепившийся в него оберегатель. Проверьте концентрацию ваших полей на Лусине — не правда ли, высокая синхронность? А вот Лусин сбрасывает поле, разящее бросившихся на него ускорителей, и сам рушится в печь от рывка вцепившегося арана. Вот

снова Лусин вызывает охранное поле. Проверьте время, друзья! Лусин вызывает спасительное поле за одну десятую секунды до того, как замыкаются контакты печи. Одной десятой секунды вполне достаточно для спасения! Но поле не появилось, смотрите, смотрите: оно есть — и его нет! Оно заблокировано чужим полем, неожиданным полем — наши приборы не засекли его, но оно есть, оно затормозило наши поля: время вызова поля и время действия разделены одной десятой секунды — невероятно длительный интервал! А рядом, взгляните и на это, стоит Оан, ровно одну десятую секунды, именно эту одну десятую стоит неподвижно, а потом сделал движение в сторону — и с точностью до микросекунды движение его совпадает с исчезновением тормозного поля. Кто, как не он, прогенерировал тормозное поле, погубившее Лусина? Через кого, как не через него, вырвался на одну десятую секунды невидимый тормоз?

Я с вызовом оглядел собравшихся. Граций покачал головой.

— Эли, твои соображения впечатляющи, но прямые доказательства отсутствуют. Наши анализаторы не обнаружили противополя Оана. И вообще ни один аран не способен порождать

силовые поля.

— Присмотритесь тогда к другому кадру! Ударило наше концентрированное в Лусине поле — аранов точно камни из пращи расшвыривает. Лишь один стоит неподвижно, как чугунная статуя на легком ветерке. И этот единственный — опять Оан! Сделайте элементарнейший расчет: сколько должен весить Оан, чтобы вот так, не качнувшись, устоять.

Ольга быстро сказала:

— Не меньше ста пятидесяти тонн!

— Ста пятидесяти тонн, друзья! А Оан не весит и ста килограммов! Неужели и это неубедительно?

— Адмирал, вы показываете нам причину гибели Лусина. Но то, что убило, не всегда убийца, — заявил Ромеро. — Во всяком случае, в преступном смысле. Я бы предложил поговорить с самим Оаном.

— Дружески беседовать с убийцей Лусина? Приятельски расспрашивать его?

— Зачем дружески? Зачем расспросы? В старину для подобных бесед существовал деловой термин «допрос». Допросы бывали с пристрастием и без пристрастия. Хорошо бы Оану провести допрос с пристрастием. И провести его должны вы в роли следователя или прокурора, а мы будем

присутствовать в качестве тех фигур, которые в древнем суде назывались судьями, народными заседателями, адвокатами, а также свидетелями и зрителями.

Было решено произвести допрос завтра. Нетерпеливый Камагин хотел немедленно вызвать арана, но на это не согласился я: надо было подготовиться к допросу.

— Поговорим теперь о луче, поразившем «Телец», — предложил Олег.

О луче говорить было нечего, о луче мы ничего не знали. Я повторил то, что уже объяснял Ольге: рамиры начали войну, луч — их истребительное оружие, таким же лучом они уничтожили эскадру Аллана. Ольга заметила, что если так, то невидимые противники искусно варьируют силу оружия: экипажи первой эскадры погибли, а звездолеты возвратились на базу, ни один из автоматов не сбился с курса. С «Тельцом» расправились страшней — он начисто испепелен. Удар по Красной был еще беспощадней: там погибало космическое светило, а не крохотный, по космическим меркам, корабль. Надо смотреть правде в глаза: защиты против такого оружия мы не имеем!

— Задержись, адмирал, — сказал мне Эллон,

когда все стали расходиться. Я по обыкновению присел на лапу дракона. Эллон заговорил, жутко искривившись:

— Ты меня убедил, Оан — посланец рамиров. Но не легкомысленно ли устраивать открытый допрос? Если Оан тот, за кого его принимаем, он ответит расправой с нами.

— Почему ты не сказал этого на совещании?

Он покривился еще презрительней.

— Я не поклонник больших совещаний, которые так обожают люди. У меня есть личная причина говорить наедине. Поразмысли, адмирал. Допрос может накликать новое нападение. У меня нет страха смерти, который так силен в вас и галактах. Мы, демиурги, в этом смысле совершеннее. Но мне жаль Ирину… И тебя жаль, адмирал.

Лазутчик рамиров, конечно, мог на разоблачение его тайной роли ответить ударом: скинуть маску, как назвал бы Ромеро такой переход от шпионажа к сражению. Но неужели и дальше терпеть на корабле предателя? Я похлопал дракона по лапе.

— Бродяга, ты один промолчал на совете.

— Эллон прав, — прошепелявил дракон, скосив на меня выпуклый оранжево-зеленый глаз. — Ты

хочешь припереть Оана к стенке, а его нужно обходить стороной. Благоразумней отказаться от допроса, Эли.

— Всего благоразумней было бы вообще не соваться в звездное скопление Гибнущих миров! Люди далеко не всегда опираются на одно благоразумие. Оана надо разоблачить!

— Тогда поговорим о другом, — по-деловому сказал Эллон. — Поле в сто пятьдесят тонн — пустяк для моих генераторов, даже с тысячью тонн справлюсь. Но нужно помещение, куда было бы удобно сфокусировать охранные генераторы. И надежное экранирование, чтобы Оан не связался со своими. Проводи допрос в консерваторе, там я обеспечу безопасность.

— Хорошо, консерватор. Бродяга не сумеет присутствовать, но мы покажем ему стереофильм.

— Еще один вопрос, адмирал. Как ты собираешься допрашивать Оана, если он заранее знает все твои еще не поставленные вопросы? Или ты забыл о его способности свободно проникать в наши мысли?

— Постараюсь контролировать свои мысли. О чем я не буду думать, того Оан не узнает.

— Правильно, адмирал. Мы с Ириной провели исследование мыслительных способностей Оана,

без его ведома конечно, и узнали, что Оан читает только возникающие в его присутствии мысли. Знания, просто хранящиеся в нашем мозгу, ему недоступны.

— Почему это так, вы тоже раскрыли?

— Как и все электрические пауки, Оан обладает изощренной способностью воспринимать микропотенциалы мозга. Он электрически ощущает наши мысли — вот и вся разгадка. И завтра я устрою ему неожиданность: наполню консерватор микроразрядами, которые затушуют электрическую картину мозга.

— Теперь скажи, Эллон, какая у тебя личная причина беседовать не при всех?

— Ты не догадываешься, адмирал?

Его сумрачные глаза горели. Самолюбие, столь непомерное, что перекрывало все остальные чувства, звучало в каждом слове.

— Ты нервничал, пока я не назвал Оана. Уж не опасался ли ты, что предателем я объявлю тебя?

— Да, да! — закричал он, подпрыгивая на тонких ногах. — Именно это! И знаешь, о чем я думал?

— Откуда мне знать твои мысли?

— А надо бы, адмирал! Оан читает наши мысли — и ему проще, чем нам. Я думал о том, что,

если ты обвинишь меня, я не сумею оправдаться. Обвинение будет сильней оправданий, ибо целенаправленно, ибо подбирает только нужные факты, а остальные игнорирует, ибо выстраивает подобранные факты в прочную связь причин и следствий… Меня охватил страх, адмирал!

— Не думал, что тебе знакомо такое чувство, Эллон.

— Оно мне незнакомо, когда я думаю о врагах. Но вас — боюсь! Боюсь не силы вашей, а ваших заблуждений. Убедительности ошибок, доказательности просчетов, заразительности непонимания!.. Мы — разные. Между нами — отчуждение. Быть может, лишь через тысячу лет его преодолеют… Я испугался, Эли, признаюсь.

Я положил руку на его плечо. Он не был человеком и любил подчеркивать свою нечеловечность. Он фрондировал своей особостью. Если бы на звездолете имелись дети, он с наслаждением пугал бы их. Но он был иной, чем старался казаться. Я ласково сказал:

— Ты недооцениваешь человеческую проницательность, Эллон.

— Не потеряй свою человеческую проницательность на завтрашнем допросе, — предостерег он.

2

Вечер мы провели вдвоем с Мери. Мне хотелось сосредоточиться. Мери не мешает моей мысли течь в избранном направлении, она так вписывается в ее течение, будто мы — одна голова. Свое упрямство, насмешки и упреки Мери приберегает для других случаев, там она отводит душу. В серьезных делах она серьезна. Нелепо было бы говорить, что я люблю ее только за это. Она — моя половина; выражение затрепано, но я ощущаю его смысл с такой остротой, словно оно первоосознанно мною: открытие, а не штамп.

— Как ты полагаешь, Оан не фантом? — спросила она, как раз когда я об этом подумал.

— Это было бы уж слишком!

— Почему слишком? Наши предки научились передавать на экран оптические образы, мы способны переносить свои изображения на дальние расстояния и вести разговор с изображением. Демиурги наделяют своих фантомов изрядной долей вещественности. Не продвинулись ли рамиры еще дальше по пути уменьшения призрачности? Не нашли ли они способ дублировать телесный облик? Мне кажется, это проблема технического уровня, а не принципа.

Всем нам являлись подобные мысли, Мери только отчетливей их высказала. К тому же и Оан проговорился, что Жестокие боги в облике аранов частенько появляются на планете. Мы влезали в скафандр, изображавший арана, а у них избранный образ становился собственным телом. Разница на словах была проста, но кружилась голова, когда я вдумывался, какой технический скачок должен разделять обе цивилизации, чтобы стала возможной такая разница. Мысли эти так захватили меня, что утром я пришел к Ольге посоветоваться. Ольга поселилась у Ирины. Ирина была в лаборатории, Ольга что-то вычисляла.

— Я не уверена, что Оан фантом. Но если он и призрак, то вещественности не ниже восьмидесятивосьмипроцентной. Почти на грани полноценного существа.

Вычисление Ольги подтверждало мои опасения. Настроение от этого у меня не улучшилось.

— Пойдем, — сказал я. — Нас уже ждут.

В консерватор прискакал Оан, юркий, хлопотливый, доброжелательный, — он только таким и бегал на корабле. Он приветливо замахал нам всеми руководосами. А я не мог отделаться от ощущения, что Оан — нездешен, что у него не лицо, а личина, что он не реальное существо,

а призрак, лишь максимально оснащенный вещественностью. Я мысленно одернул себя. Удивительность — родовой признак аранов. Тайна Оана не во внешнем облике, она глубже, она грозней; надо проникнуть в эту зловещую глубину, а не скользить по красочной поверхности! Я сказал:

— Оан, наша эскадра на две трети уничтожена, погибли наши товарищи. Знаешь ли ты что-нибудь о проклятом луче, так внезапно ударившем по «Тельцу»? Откуда он? Какова его природа?

Ставя эти вопросы, я с удовлетворением заметил удивление, почти замешательство Оана. Вероятно, его поразило, что сегодня он не проникает в наши мысли так свободно, как раньше. Ответы Оана также не звучали в нашем мозгу с прежней звонкой отчетливостью. Устроенная Эллоном электрическая сумятица в какой-то степени мешала и нам самим. Естественно, Оан ничего не знал о луче. Подобные явления у них еще не наблюдались — во всяком случае, с той поры, как араны отказались от космических полетов. В преданиях тоже не сохранилось легенд о смертоносных лучах.

— Но если тебе неизвестна природа луча, то, может быть, ты знаешь, кто его генерировал и

почему он ударил в звездолет?

На это Оан имел стандартный ответ:

— Вы разгневали Жестоких богов. Боги покарали вас.

— Покарали? А за что, собственно? Чем мы прогневили ваших мстительных богов?

— Не мстительных — суровых, Эли.

Поправка Оана прозвучала у каждого в мозгу именно так. Мы потом сверяли записи дешифраторов. Содержание ответов Оана было у всех одно, а форма выражения разная, но на этот вопрос он ответил всем одинаково.

— Хорошо, суровых, а не мстительных. Хрен редьки не слаще. Не смотри так удивленно, это человеческая поговорка. Разъясни еще одно недоумение. Наши мыслящие машины блокированы неизвестными силами. На «Таране» нарушена логическая схема операций…

— Схема временной связи. У машины рак времени.

— Да, это ты говорил. Сказать — не значит объяснить. Поговорим о больном времени, Оан. Вот уж чего мы не понимаем! Почему появилось больное время в Гибнущих мирах?

— Результат деятельности Жестоких богов.

— Очень уж они деятельны, если могут ме-

нять течение времени. Мы до этого не дошли. Впрочем, мы не боги. Но в чем выражается их деятельность?

— Не знаю.

— Еще бы! Откуда арану все знать о богах, к тому же таких суровых! Они ведь с вами не советуются, Оан? Возвратимся к вопросу о времени. Больное время, рыхлое, разорванное — это ведь иносказания для времени, как-то измененного, не правда ли? Зачем тебе с товарищами понадобилось предпринимать бесконечно опасную попытку проникнуть к опадающей в себя звезде, чтобы влиться в поток ее измененного времени, если здесь, в вашем гибнущем созвездии, имеется сколько угодно примеров любого изменения времени? Ты ведь и раньше говорил, Оан, что рак времени — язва здешних мест!

— У нас время разорванное, рыхлое, им трудно воспользоваться. А у коллапсара время сжатое, там время — пружина, а не лохмотья. Если бы удалось овладеть тем временем, можно было бы выводить в будущее, в прошлое, в боковые «сейчас» любые созвездия, погибающие в ослабевшем времени.

В этот миг я понял, что поймал его. Я перевел взгляд на Эллона, тот чуть-чуть приподнял руку

— он был готов. Оан тоже понял, что раскрыт. Два нижних глаза остались прежними — добренькие, приветливо сияющие. Но пронзительным верхним оком он донес до нас свое состояние. Воистину, это было недоброе око!..

— Раньше ты говорил, что ты и твои товарищи — беглецы, — спокойно констатировал я. — Но оказывается, вы — экспериментаторы. Вы собирались в принципе овладеть тем изгибом временного потока. Я правильно оцениваю ваши действия, Оан?

Он попытался спасти потерянное лицо.

— Правильно. Мы проверяли, можно ли выскользнуть в прошлое или будущее. По прямому ходу времени прошлое невозвратимо. Граница будущего сдавлена очень низким потолком — реальным настоящим. Граница прошлого упирается в непреодолимый пол — все то же реальное настоящее. Выходы лежат только в обводах времени, а не в прямом его течении, здесь мы всегда пребываем в «сейчас». Вот эти обводы из настоящего в будущее и прошедшее мы и искали. Осуществляются они лишь в коллапсарах. В них лучшие печи природы для разогрева и искривления времени.

— И после всего, о чем ты нам рассказал, Оан,

ты будешь по-прежнему утверждать, что ты и твои погибшие товарищи — араны?

Он не ответил. С ним совершалась разительная перемена. Он уходил. Он еще оставался и уже исчезал. Он был и переставал быть. Он превращался из тела в тень. Он проваливался в какое-то свое чертово инобытие, оставляя нам в наличности лишь силуэт.

— Эллон! Эллон! — отчаянно закричал я.

Эллон не хотел испытывать на нас крепость защитных полей, но надо было действовать быстро — нас всех поразбросало, когда заработали аппараты Эллона. Я вскочил и кинулся к пропадающему Оану. Мы столкнулись с Ромеро, я снова упал. Осима с Олегом барахтались на полу, Грация и Орлана отнесло в угол. Но Оан остался. Он был схвачен намертво в миг, когда уже на три четверти исчез.

Теперь он висел над нами, распялив двенадцать ног, разметав черные руководосы. Два нижних глаза, широко открытые, больше не видели нас, верхний потерял пронзительность, он казался обычным глазом, только полуослепшим. Между волосами в момент исчезновения проскочила искра, она остановилась на полуразряде, не доискрив свой короткий век. Бегство из

нашего времени не удалось, Оан был остановлен в последней сиюмгновенности своего здешнего бытия — зафиксирован прочно и навечно.

— Прекрасно, Эллон! — Я быстро подошел к оцепенелому врагу, но тут же ударился о невидимое препятствие.

— Боюсь, ты забыл, адмирал, что некогда восседал в клетке, похожей на эту и, кажется, не очень там веселился, — сказал Эллон.

Не могу сказать, чтобы напоминание и сопровождающий его хохот показались мне приятными. В любую другую минуту я дал бы Эллону понять, что он демиург, а не разрушитель, и должен держаться тактичней. Но сейчас я готов был простить Эллону прегрешения и покрупней. Я провел рукой по силовой сетке.

— Я был в своей прозрачной теснице живой, Эллон. Я ходил, говорил, слышал, спал, видел пророческие сны — и смеялся в них над вами… Живой ли Оан? Достаточно ли прочна силовая стена, если он вдруг очнется?

— Он не должен очнуться, Эли. Наша удача, что ускользал он постепенно, а не сразу. Он выбросил из сиюминутности лишь свою жизненную энергию, а телесный костяк не успел увести. Я зафиксировал Оана в последний момент суще-

ствования. Теперь миг превратился в вечность. И если Оан каким-то чудом оживет, прозрачные эти стены ему не разорвать.

Я вспомнил расчет Ольги. Оптические изображения и вправду обладали такой малой вещественностью, что их стирали с экранов мгновенно — одним поворотом выключателя! Чтобы истребить фантомов на Третьей планете, Андре понадобилось вызвать в них колебательные движения энергии. Если наш пленник фантом, то он стал жертвой своего совершенства. Но фантом ли он?

— Что будем делать с этим чучелом, Эли? — спросил Олег.

Я показал на стену, противоположную той, где возвышался саркофаг Лусина:

— Поставим предателя сюда. Пусть убийца с раскаянием глядит на свою жертву.

Олег вздохнул:

— Допрос не дал всего, на что надеялись. Мы так и не дознались, чем разгневали рамиров и как восстановить повреждения. И самое главное — ничего не узнали о боевом луче рамиров.

— Зато мы узнали, что и рамиры могущественны не беспредельно. Их лазутчик признал, что они экспериментировали со временем в ан-

тивзрыве коллапсара, отыскивая приемы его использования. Рамиры что-то ищут — значит, не все у них есть, не всем они овладели. Разве это не утешительно?

Ромеро иронически усмехнулся:

— Вы так радуетесь, Эли, будто и впрямь поверили, что они совершенные боги, и сейчас испытываете облегчение, обнаружив, что заблуждались.

Я и вправду радовался, только не оттого, что верил в божественность рамиров. Чёрта мне было в их божественности! Но в безмерность их могущества я начинал верить, как уже поверил в их жестокость. Допрос Оана свидетельствовал, что не все в их власти, — иначе зачем бы ему понадобилось так трусливо удирать? Они в техническом развитии ушли вперед нас на порядок, от силы на два, — это еще не такое превосходство, чтобы отступать перед ними!

— Одного результата мы, во всяком случае, добились, друзья. Среди нас был соглядатай врагов, мы его обезвредили. Если борьба с рамирами не утихнет, они лишатся важного преимущества!

3

На несколько дней главным занятием на корабле стало паломничество в консерватор. Мери пришла туда со мной, прилетел Труб, примчался Гиг, даже Бродяга, преодолевая хворь, так и не покинувшую его со смерти Лусина, приполз и просунул голову в помещение. Гиг грозил силуэту предателя костлявой рукой, Труб в ярости бросался на тесницу — смешно называть темницей прозрачную клетку, — пытался прорвать ее когтями, но отлетал, как незадолго перед этим я. Ангел плакал от возмущения и бессилия, слезы капали на седые бакенбарды, смачивали крылья. Григ от сочувствия Трубу бешено трещал костями. Бродяга задумчиво сказал:

— Ты уверен, что он мертв, Эли? Он изменился, но в этом странном мире, где так обычны телесные трансформации…

— Он безжизнен. Если отсутствие жизни есть смерть, то Оан — мертвец.

Когда перемещение тесницы Оана на отведенное ей место было закончено, Эллон объявил:

— Адмирал, я пленил время. Я выключил его. Паук, которого ты, на наше горе, привел на корабль, теперь вне времени. Мы постареем, умрем,

тысячи раз возродимся в потомках, а он вечно будет пребывать таким же. А теперь я займусь делом поважней. Время неподвижное, навечно законсервированное, мне удалось создать. Попробую поработать над динамизацией времени! Такой проблемой еще не занимался ни один демиург! И люди не занимались, — добавил он почти вежливо.

— Как тебя понять?

Он широко осклабился. Мы все были угнетены катастрофой — Эллон радовался. Для него смысл существования заключался в инженерных разработках. Он нашел новую тему для исследования, предвкушал важное открытие — как же не радоваться?

— Постараюсь создать микроколлапсар и посмотрю, как он трансформирует время. Не волнуйся, все пока на атомном уровне. Это не то макровремя, в котором мы живем. А когда генератор микровремени заработает, мы покажем невеждам рамирам, что далеко им до нас. Они выискивали космические коллапсары, а я сотворю его в лаборатории. — Закончил он по обыкновению хохотом.

Я часто прихожу в консерватор, здесь мне свободней размышлять. Помню, как впервые остался

один на один с врагом, расчаленном на силовом каркасе. Я не мог бы объяснить, почему мне надо было усесться против Оана и разговаривать с ним вслух, и твердить ему о своей горечи, о своей ненависти к нему и о том, что нас можно уничтожить, но нельзя заставить отступить, мы все равно пойдем вперед!

— Итак, ты погиб, Оан, — говорил я. — Ты наконец погиб, предатель! В древней книге сказано: все мы творим волю пославшего нас. Ты творил волю своих жестоких господ, возможно, ты один из них, только напяливший чужую личину, от тебя можно ждать любого облика. Нет, ничего от тебя не дождаться теперь, ты вне времени, вне жизни, даже вне облика, ты — захваченный в миге исчезновения силуэт, материализованная память о наказанном предателе — вот ты кто!

У меня перехватывало дыхание от горечи, я отдыхал, молчал, снова говорил:

— Творим волю пославшего нас… Мы тоже творим волю пославших нас. Мы — люди и звездные друзья людей. И нас послали издалека в ваши Гибнущие миры, чтобы узнать, как живут здесь разумные существа, помочь им, если нуждаются в помощи, сделать их своими друзьями, поучиться у них, если будет чему. Тебе этого не понять. Ты

не знаешь, что такое любовь живого к живому. Ты — ненависть и пренебрежение. Но ненависть заслуживает только ненависти. Ненависть не породит любви, как собака не порождает рыб, как рыбе не породить орла. Так виси, ненавистный, вечно виси!

Так я говорил с мертвецом, облегчая душу, а потом направлялся в командирский зал. Олег с Осимой и Ольгой, оставив звездолет на автоматы, разрабатывали план сохранения спасшихся кораблей.

Олег сказал мне:

— Эли, «Овен» не годится даже в грузовики. Ольга считает, что нужно разместить экипаж «Овна» на «Змееносце» и «Козероге», снять все важные механизмы, перегрузить запасы, а звездолет аннигилировать.

— И вызвать новый удар, направленный уже против «Змееносца» и «Козерога». Или ты забыл, что жестокие господа Гибнущих миров не выносят аннигиляции материальных тел?

— Тогда взорвем его. Взрывы они выносят. Наши погибшие корабли о том свидетельствуют. Теперь самое настоятельное, Эли. Надо восстановить МУМ. Займись этим с Эллоном.

— Эллон собирается менять течение времени

в микропроцессах, чтобы разобраться в явлении, которое Оан называл раком времени.

Осима внезапно рассердился. Энергичный капитан изнывал от безделья. Он знал свое дело отлично — смело вел корабли в неизведанные просторы, отважно бросался в бой, когда-то без жалоб переносил муки плена. Он был из тех, кто охотно взваливает на себя тяготы соседа, но никогда не отягчает своими. В беде и в часы торжества я видел его неизменно собранным и упругим, как сжатая пружина, — о лучшем капитане для своего корабля я не мог и мечтать. И раньше он не грубил мне, даже когда, усталый и растерянный, сам я не церемонился. Сейчас он грубил.

— Адмирал, не довольно ли глупостей? Больное время, рыхлое, дырчатое, пузырчатое!..Вы научный руководитель экспедиции! Вы должны представить план, как выйти из затруднений, а мы будем его осуществлять. Не узнаю вас, адмирал! Раньше вы быстрей создавали проекты действий и энергичней проводили их в жизнь!

Я невольно опустил голову, чтобы не видеть гневного взгляда Осимы. Все мы переменились, не один я, но могло ли это служить оправданием? Олег молчанием давал понять, что тоже мной недоволен.

— Вы правы, друзья, самая настоятельная задача — восстановить управление кораблями. Пока вы будете заниматься эвакуацией «Овна», я постараюсь что-нибудь сделать с мыслящими машинами.

Из командирского зала я прошел к дракону. Бродяга устало покоился на полу. На его спине Труб и Гиг увлеченно сражались в дурачка. Этой игре их обучил Лусин, он пытался и мне привить любовь к картежным баталиям, но я так и не постиг игры, хотя Лусин уверял, что правила просты. Ангел и невидимка состязались на толчки, проигравший получал затрещину. Я как-то видел финал одной игры. Гиг, продув партию, получил такой удар крылом, что рухнул наземь, едва не порастеряв кости. Затрещины, отпускаемые Гигом, были послабей, зато он выигрывал чаще. Невидимкам не может не везти в игре, объяснял мне Гиг, ибо игра — сражение, а разве есть лучшие воины, чем невидимки?

— Эли, садись с нами! — предложил Труб, важно расчесывая когтями пышные бакенбарды. — Втроем тоже можно играть.

— Не хочу быть дураком — даже в игре.

— Если не любишь в дурачка, сразимся в покер! Тебя увлечет эта игра! — воскликнул Гиг. — Там

тоже есть операция надевания на себя невидимости, как мы делаем перед боем. Называется — блеф! Чудная штука — блефовать. Отличный военный маневр.

Но и от покера я отказался.

— Друзья, мне нужно поговорить с Бродягой наедине.

Труб безропотно взмахнул крыльями и полетел к выходу. Он так свыкся с нами, что с ним можно не разводить церемоний. Невидимки гораздо обидчивей. Гиг был недоволен. Я дружески толкнул его кулаком в плечо. Он повеселел и удалился без обиды.

— Бродяга, как чувствуешь себя? — спросил я.

Он скосил на меня насмешливый глаз. С каждым днем ему становилось труднее двигать гибкой когда-то шеей. И он уже не извергал пламени, только жиденький дымок струился из пасти. За небольшое время от старта в Персее дракон успел пройти все стадии дряхления — из летающего превратился в ползающего, из ползающего в лежащего. Скоро он станет бездыханным, с болью подумал я.

— Как чувствую себя? — просипел он, ему отказывал теперь и прежний громкий, с шепелявостью, голос. — Мог бы и хуже. Слишком

большое тело. Тело придавливает меня, Эли.

— Не создать ли тебе невесомость? Ты сможешь свободно реять в воздухе.

— Молодости ты мне не вернешь?

— Вернуть молодость не в наших силах.

— А зачем мне невесомость без молодости? Разве парящий старик лучше лежащего? Движения — вот чего мне не хватает! Всю жизнь я тосковал по движению.

— Даже когда стал драконом?

— Нет, это была пора, когда я насыщался, упивался, переполнялся движением. Моя телесная жизнь была короткая, но такая, что не отдам за год драконьего существования тысячелетия прежней жизни. Спасибо, Эли, что подарил мне эту радость.

— Ты говоришь, будто прощаешься…

— До моего конца уже близко. Я бы лишь хотел перед смертью увидеть ваше вызволение из беды.

— Ты можешь не только увидеть, но и помочь вызволению. Тебе показывали на экране допрос Оана? Шпион признался, что рамиры экспериментируют со временем. Значит, есть что-то, чего и они не умеют! Они не всесильны и не всезнающи. Просто космическая цивилизация,

на несколько миллионов лет обогнавшая нас в развитии, отнюдь не боги! С рамирами можно побороться. Мы сунулись в борьбу неподготовленными, нас наказали. Но мы не отступили, да и некуда отступать: корабли недвижимы…

— Воля твоя, Эли…

— Вспомни, как тебе подчинялись звезды и планеты! Оживи корабли!

— Оживить корабли?… Мне, недвижимому? Эли, ты обратился не по адресу!

— Да, ты одряхлел. Но телом, а не разумом! Твой могучий ум ясен, как и на Третьей планете. Замени наши МУМ, Мозг! Сконцентрируй на себе приводы от анализаторов и исполнительных механизмов.

— Ты забыл о моем громоздком теле!..

— Мы избавим тебя от него! Мы возвратим тебя в прежнее состояние. Я знаю, ты ненавидел ту свою жизнь. Но раньше она была жизнью несвободного тюремщика. А я предлагаю роль освободителя, спасителя друзей, которые так нуждаются в твоей помощи.

— Лусин мог бы это сделать. Лусин мертв.

— Это сделает Эллон. Демиурги когда-то отделили твой юный мозг от тела галакта, они сумеют и сейчас совершить такую операцию.

— Эллон убьет меня.

— Операцию сделают под контролем Орлана. Орлану ты веришь?

— Орлану верю. Я хочу, чтобы и ты присутствовал на операции. — До меня донесся слабый вздох. Даже дымка больше не выбрасывала пасть дракона. — Тогда торопись! Жизнь вытекает из меня, Эли…

Я пошел к Орлану.

4

У Орлана восседал на диване величественной статуей Граций. Они удивленно уставились на меня. Было хорошо, что я застал их вместе: не придется дважды повторять одно и то же.

— Операция освобождения мозга от тела вполне возможна, — сказал Орлан. — За тысячелетия мы так отработали технику вывода мозга в самостоятельное существование…

Граций покачал головой.

— Опять живой мозг приспособят для дела, которое так хорошо выполняли ваши механизмы, Эли!..

— Механизмы вышли из строя. Граций, ты должен гордиться, что разум естественного происхождения докажет, что он выше мертвой

машины!

— Идемте к Эллону, — сказал Орлан.

Эллон налаживал гравитационный конденсатор: на его обкладках Эллон собирался получить поле, эквивалентное в микромасштабе гравитационному полю коллапсара. Я сказал, что надо отвлечься для срочной операции.

— Здоровье дракона ухудшилось. Мы потеряем его мозг, если не освободим его от прикованности к одряхлевшему телу.

— Потеря небольшая, адмирал.

— Я настаиваю на операции.

— Не буду! — Эллон сверкнул сумрачными глазами и повернулся к гравитационному конденсатору.

Его остановил властный окрик Орлана:

— Эллон, я тебя не отпускал!

Эллон замер. Туловище готовилось взлететь в прыжке от нас, а голова медленно выворачивалась к нам. Эллон хмуро произнес:

— Разве я должен спрашивать у тебя разрешения уйти, Орлан?

Орлан презрительно игнорировал вопрос.

— Тебя обучали операциям такого рода, не правда ли? Ты ведь в школе готовился на разрушителя Четвертой Имперской категории? Или я

ошибаюсь, Эллон?

— Мало ли к чему мы готовились до Освобождения! Сейчас я главный инженер эскадры звездолетов. Не хочу выполнять неприятные мне просьбы.

— Просьбы — да. Но это приказ, Эллон!

Эллон впился неистовыми глазами в синевато-фосфоресцирующее, замкнутое лицо Орлана. Я уже говорил, что не понимал взаимоотношения двух демиургов. Орлан робел перед Эллоном, временами казалось, что Орлан перед ним заискивает. Теперь я видел, что раскрывается обратная сторона его дружбы с людьми. Мы отменили все ранги, только личные способности служили мерой достоинства. Орлан стремился показать, что всей душой поддерживает новые порядки, но перехлестывал: у него ведь не было всосанного с молоком матери чувства равенства. Он становился, став демиургом, разрушителем наизнанку — добровольно унижал себя, как бы расплачиваясь за прежнее возвышение. А сейчас у обоих вдруг упали усвоенные с трудом новые приемы обхождения. Перед высокомерным разрушителем Первой Имперской категории непроизвольно сгибался жалкий четырехкатегорный служака. Эллон, растерянный, негодующий, еще

попытался противиться:

— Не понимаю тебя, Орлан…

— Когда будет операция, Эллон?

Эллон с грохотом вхлопнул голову в плечи. На иной протест он уже не осмеливался.

— Буду готовить питательные растворы…

Он склонил гибкую фигуру в покорном поклоне. В полном молчании прозвучал железный голос Орлана:

— Контролировать операцию буду я, Эллон!

Орлан унесся неслышными шагами, и, пока он еще был в помещении, Эллон не распрямлял спины. Граций шагал шире меня, но и ему понадобилось больше минуты, чтобы догнать демиурга. Зато когда я приблизился к ним, Орлан был прежним, не тем, давним, какого я только что видел, а новым, каким жил среди нас, — любезным, приветливым, с добрым голосом, с добрым взглядом.

Я не удержался:

— Могу вообразить, Орлан, какого ты нагонял страха, когда был любимцем Великого разрушителя.

Он ответил с бесстрастной вежливостью:

— Это было так давно, что я уже не верю, было ли.

— Бродяга боится операции и особенно боится, что ее будет делать Эллон, — сказал я.

На какой-то миг я снова увидел высокомерного вельможу Империи разрушителей.

— Напрасно боится. Демиургам с детства прививают привычку к послушанию и аккуратности. Эллон — выдающийся ум, но в смысле аккуратности не отличается от других демиургов.

Я возвратился к Бродяге. С драконом беседовал Ромеро. Беседа шла в одни уши — Ромеро разглагольствовал, Бродяга, бессильно распластав крылья и лапы, слушал. Меня снова пронзила боль — так жалко приникал к полу дракон, еще недавно паривший выше пегасов, ангелов и всех своих собратьев. Дракон печалился, что возвращение даже толики былого могущества равносильно повторному пленению. Ромеро красноречиво опровергал его опасения:

— Что такое пленение, высокомудрый крылатый друг? Все мы пленники корабельного пространства — от этого печального факта не уйти. И разве вы, любезный Бродяга, не более стеснены в вашей сегодняшней дракошне, чем в прежнем хрустальном шаре на злополучной Третьей планете? Ибо даже наш скудный корабельный простор вам недоступен. Нет, не горькое

пленение вас ожидает, а великолепное высвобождение. Вы ужесточите свою геометрическую нынешнюю несвободу еще на десяток метров, не более. Но зато вам станут подвластны любые движения — механические, сверхсветовые — в любом направлении! А вам так не хватает движения, мой бедный друг. Скудный запас движений, отмеренный вашему блистательному, но чересчур громоздкому телу, исчерпан, не будем закрывать на это глаза. И вот сейчас вы обретете величественную свободу — не просто командовать механизмами звездолета, а вобрать их в себя, как свои органы, самому стать звездолетом, мыслящим кораблем, могущественным кораблем, легко пожирающим пространство! Прекрасна, прекрасна уготованная вам доля управляющего корабельного мозга!

Ромеро потом спрашивал, произвела ли на меня впечатление его речь. Я ответил, что в ней было много чисто драконьих аргументов, а на меня драконады не действуют. Он с язвительной вежливостью возразил, что под драконадами я, вероятно, подразумеваю эскапады, но хоть слова эти созвучны, ни того, ни другого в его речи не было. Как бы, впрочем, ни называть его речь, на дракона она подействовала. Он почти радостно

посмотрел на меня.

— Сегодня, Бродяга, — сказал я. — Сегодня ты совершишь очередное превращение. Ты, единственный среди нас, меняешь свои облики, как женщина прически. Ты был великим Главным Мозгом, потом превратился в лихого летуна и волокиту. Сегодня ты приобретаешь новую ипостась, так это, кажется, называется на любимом древнем языке нашего друга Ромеро, — станешь вдумчивым исследователем, энергичным звездолетчиком, властным командиром корабля.

— Благодарю, Эли, — прошептал он и закрыл глаза.

Как и обещал, я присутствовал при операции. Описывать я ее не буду. В ней не было ничего, что могло бы поразить. Зато я был потрясен, когда впервые вошел в помещение, отведенное Мозгу. Оно напоминало галактическую рубку на Третьей планете — теряющийся в темноте купол, две звездные сферы, стены кольцом… А между полом и потолком тихо реял полупрозрачный шар — в нем обретался наш друг Бродяга, навеки переставший быть бродягой.

Не вид комнаты и не вид шара потряс меня: я был к этому подготовлен. Но голоса, который звучал у меня в ушах, я не ожидал. Я думал

услышать прежний шепелявый, сипловатый, насмешливый, ироничный присвист дракона, я уже успел позабыть, что Бродяга, до того как стал бродягой, разговаривал по-иному. И вот этот давно забытый, мелодичный, печальный голос обратился ко мне:

— Начнем, Эли?

Не знаю, как я справился с дрожью. Я пробормотал самое нелепое, что могло прийти в голову:

— Ты тут? Тебе хорошо, Бродяга?

Голос улыбался — чуть грустно и чуть насмешливо:

— Нигде не жмет. Эллон был бы мастером по поставке мозгов на Станции Метрики, если бы вы не разрушили Империю разрушителей. Со многими механизмами я уже установил контакт. Скоро я оживлю корабль, Эли! Пусть Эллон налаживает выводы на «Змееносец» — попробую привести в движение и его.

— Бродяга, Бродяга… Могу я так тебя называть?

— Называй как хочешь, только не Главным Мозгом. Не хочу напоминаний о Третьей планете.

— Ты будешь для нас Голосом, — сказал я торжественно. — Вот так мы и будем называть тебя — Голос!

Я доложил Олегу, что можно разрабатывать

карту дальнейшего рейса к ядру. От Олега я завернул к Грацию, сел на диван, привалился к спинке. Я был основательно измотан.

— Тебе нужна помощь, Эли? — участливо поинтересовался галакт. — Могу предложить…

Я прервал его:

— Граций, ты знакомился с тем, как наш бывший Бродяга, ныне принявший имя Голос, входит в свою новую роль? Двигаться со сверхсветовой скоростью мы скоро сможем. И наши боевые аннигиляторы оживут, а без них мы — пушинка в бесновании стихий. Граций, помоги Голосу… Стань ему помощником.

Галакт с удивлением смотрел на меня.

— Что скрывается за твоим предложением, адмирал Эли?

Я закрыл глаза, минуту молчал. В голове не было ни одной ясной мысли.

— Не знаю, Граций. Смутные ощущения… У людей они имеют значение, а как объяснить их вам, когда не могу выразить их словами? Вы с Голосом одной породы… Просто это моя просьба, Граций…

Галакт ответил с величавой сердечностью:

— Я буду помогать Голосу, Эли.

5

Никто не знал, какие силы блокировали наши мыслящие машины, но силы эти, постепенно слабея, переставали быть непреодолимым заслоном. Меня лишь удивляло, что машины не просто отремонтированы, по формуле «не работала — заработала», а как бы пробуждены из сна — еще не было прежней быстроты решений, сохранялась какая-то вялость. Эллон заверил, что все прежние достоинства машин возродятся, когда блокирующие силы совершенно исчезнут, а дело идет к тому.

— Эллон, ты описываешь МУМ так, словно они наглотались наркотиков, а сейчас выбираются из беспамятства.

— Что такое наркотик? Что-то специфически человеческое, да? Но что машины выбираются из беспамятства — точно. И когда полностью очнутся, вы сможете дать отставку вашему парящему в шаре любимцу.

— Тебе так ненавистен Голос, Эллон?

Вместо ответа он повернулся ко мне спиной. Человеческой вежливости демиургов в школе не обучают, а Эллон к тому же не забыл о том, что когда-то был подающим надежды разрушителем.

Разговор с Эллоном заставил меня призадуматься. В день, когда МУМ полностью войдут в строй, Голос будет не нужен — этого я отрицать не мог. Но неполадки с мыслящими машинами порождали недоверие к ним. Они слишком легко и слишком неожиданно разлаживались. На Земле никто бы не поверил, что такие надежные механизмы, как МУМ, способны отказать все разом. Способы экранирования МУМ разрабатывались не одно десятилетие и не одним десятком первоклассных инженеров. Экранирование должно было сохраняться в любых условиях. В Гибнущих мирах оно защищало плохо. Гарантию, что экранирование не сдаст и впредь, не сумел бы дать и сам Эллон.

Все эти соображения я высказал Олегу. Он пожал плечами:

— Никто не принуждает нас удалять в отставку Голос, когда заработают МУМ. Почему бы им не дублировать друг друга?

— Именно это я и хотел предложить. Но вряд ли Эллон будет доволен.

Олег негромко сказал:

— Разве я давал обещание исходить из того, доволен или недоволен Эллон? Пока командую эскадрой я, а не он.

— Каков твой план? — спросил я. — Продолжаем рейс к ядру или возвращаемся — в связи с потерей трех четвертей флота?

Он ответил не сразу.

— Рейсовое задание далеко от выполнения. Но и лезть на рожон не хочется…

— Мы и в созвездии Гибнущих миров не выполнили своих намерений, — напомнил я. — Клочок ясного неба, обещанного аранам, — где он?

С той минуты, как звездолеты восстановили способность движения, больше всего я думал об этом. Сразу после катастрофы страх порождал лишь одно чувство — бежать, бежать подальше от проклятого места. Страх прошел, и снова вставал все тот же вопрос — помочь ли аранам? Мы явились сюда разведчиками, а не цивилизаторами. Со спокойной совестью мы могли и отвернуться от Арании. Не было у меня спокойной совести. Я терзал себя сомнениями. Посетив рубку, я признался в них Голосу.

— Ты хочешь рискнуть оставшимися кораблями, Эли?

— Я пытаюсь отыскать иной метод очищения пространства. «Таран», уничтожавший пыль, выведен из строя, попытка взрывом добавить чистого пространства кончилась катастрофой. Впе-

чатление, что рамиры — если это они — вначале только остановили нас, а когда мы продолжили свои усилия, рассердились и наказали.

— Но не уничтожили полностью. Либо не могли уничтожить, либо не захотели. Ответ на этот вопрос даст ключ ко всем загадкам.

— Буду думать. И ты думай, Голос!

Как-то ночью ко мне вошла испуганная Мери и сказала с облегчением:

— Ты здесь? А я проснулась и подумала, что случилась новая беда, раз тебя нет.

— Мери, — сказал я, — ответь мне: почему Жестокие боги жестоки? Разве жестокость соединима с могуществом? Психологи учат, что жестокость — проявление слабости и трусости!

— Ты вносишь очень уж человеческое в межзвездные отношения, — возразила она, улыбаясь. — Как ты поносил Оана — лазутчик, диверсант, предатель!.. Не чрезмерно ли земно для ядра Галактики?

— Речь не об обычаях, а о логике. Не может же быть у рамиров иная логика, чем у нас!

— А почему у нас с тобой они разные? Ты говоришь, когда чего-либо не понимаешь во мне: «Это все твоя женская логика!» И морщишься, как будто отведал кислого.

Я засмеялся. Мери умела неожиданно поворачивать любой спор.

— Ты подбросила кость, которую я буду долго грызть. Хорошо, Мери! Постараюсь не вылезать за пределы скромного места, отведенного человеку во Вселенной. Я принимаю, что существует множество логик, в том числе и твоя женская. Я назову их координатной системой мышления. Заранее принимаю, что наша координатная система мышления не похожа на другие, и вот что я сделаю, Мери. Я произведу преобразование одной координатной системы в другую, перейду от одного типа мышления к другому. И посмотрю, какие законы останутся неизменными — поищу инвариантов.

— Очень рада, что мои насмешки катализируют твой беспокойный ум, Эли.

Мери ушла досыпать, а я продолжал метаться по комнате, выстраивая и отвергая десятки вариантов. На одном я остановился: он требовал немедленной проверки. Я пришел к Голосу. По рубке прохаживался Граций. Я залюбовался его походкой. Галакты не ходят, а шествуют. Я не сумел бы так двигаться, даже если бы захотел. В младших классах мне говорили с негодованием: «Не шило ли у тебя сзади, Эли?» С той поры я осте-

пенился, но по-прежнему хожу, бегаю, ношусь, передвигаюсь, только не шествую. Богоподобности, как называет Ромеро повадку Грация, у меня никогда не будет.

— Друзья, — сказал я. — Командующий приказал готовиться к продолжению экспедиции в ядро. Поврежденный звездолет мы взять с собой не можем. Обычная аннигиляция способна вызвать новый взрыв ярости у неведомых врагов. Олег хочет взорвать его. У меня явилась другая мысль. Не подвергнуть ли «Овен» тлеющей аннигиляции? В окрестностях Земли этот метод применяется часто, когда побаиваются мгновенным уничтожением нарушить равновесие небесных тел.

Голос все понял еще до того, как я кончил.

— И ты надеешься, что против медленной аннигиляции рамиры не восстанут? Хочешь поэкспериментировать с самими Жестокими богами?

— Хочу поставить им осмысленный вопрос и получить осмысленный ответ. Иного метода разговора с ними, кроме экспериментов, у нас нет. Ты сможешь провести такую аннигиляцию, Голос, на достаточном отдалении от «Овна»?

— Расстояние мне не помеха.

Олег приказал «Козерогу» и «Змееносцу» удалиться от «Овна» на границу оптической видимости, два оставшиеся грузовика были отведены еще дальше. Внешне Олег оставался спокойным, но я знал, что он нервничает. Если бы противники снова генерировали луч, отдалившиеся звездолеты остались бы в целости и погиб бы один «Овен», и без того назначенный на уничтожение. Но не захотят ли рамиры в раздражении от новой акции сразу покончить с нами? «Слишком человеческое», — твердил я себе, отводя назойливые мысли о раздражении, о гневе рамиров, но никак не мог отрешиться от беспокойства. Я отправился к Голосу. В командирском зале распоряжался Осима. Осима имел задание — кружить в отдалении от «Овна» и панически удирать от малейшей опасности — и деловито держал корабль на заданном курсе и в тревожной готовности к бегству.

В рубке по дорожке вдоль кольцевой стены ходили Граций, Орлан и Ромеро. Голос порадовал нас, что эксперимент идет хорошо. «Овен» медленно вытлевает, превращаясь в пустое пространство. Большого противодействия нет.

— Как тебя понимать, Голос? Большое противодействие — это новый удар по эскадре. Мы и сами

видим, что еще не уничтожены.

— Я ощущаю стеснение, Эли. Мои команды исполнительным механизмам чем-то замедлены. Разница в микросекундах, но я ее чувствую. Какие-то тормозные силы…

— Голос, замедли аннигиляцию, потом усиль, но постепенно. И проверь, как меняются тормозные силы.

Тормозные силы пропадали, когда аннигиляция затухала, нарастали, когда она усиливалась. В какой-то момент Голос пожаловался, что, если еще убыстрить процесс, механизмы перестанут подчиняться.

— Ты опасаешься взрыва? Или что будешь заблокирован?

— Я не МУМ, меня не заблокировать! Но исполнительные механизмы откажут в исполнении. — Он по-человечески пошутил: — Не провернуть рычага.

Я возвратился в командирский зал. «Овен» еще горел — сияющая, крохотная горошина. Она была видна так ясно, как еще ничего мы не видели в Гибнущих мирах: нас и погибающего «Овна» разделял уже не пылевой туман, а чистое пространство — в него постепенно превращался бывший звездолет.

В соседнем кресле Ольга тихо оплакивала корабль. Не думаю, чтобы когда-нибудь в прошлой жизни она плакала. У всех у нас разошлись нервы в эти дни. Я положил руку на ее голову и сказал:

— Ольга, радуйся! Гибель твоего звездолета открывает путь к спасению аранов.

— Если это шутка, Эли, то вряд ли ко времени.

— Это правда. Мы все-таки аннигилируем планету, из-за которой погибло две трети нашей эскадры!

И я рассказал друзьям свой новый план. Уничтожение звездолета с высветлением клочка пространства не встретило сопротивления. Не потому ли, что противники не допускают лишь быстрой аннигиляциии? Действия «Тарана» пресекли, с «Тельцом» жестоко расправились. А «Овен» истлел свободным простором — помех не было, кары тоже. Лишь когда Голос убыстрял процесс, он ощущал нарастающее сопротивление. Рамирам поставлен четкий вопрос, они дали четкий ответ: никаких взрывов пространства. Чем-то им мешают быстро протекающие процессы.

— Вероятно, они резко нарушают равновесие, — заметила Ольга.

Злополучная планета мчалась на той же орби-

те, средней между Аранией и Тремя Солнцами, куда мы ее насильственно выволокли. Было несомненно, что противникам безразлично местоположение планет, лишь бы они не взрывались. Взорвать планету легче, чем выпарить: удар боевых аннигиляторов, разлетающееся новое пространство — и звездолет может удаляться восвояси. Тлеющая аннигиляция не только требовала длительного времени, но и плохо шла без непрерывного катализирования извне. Планету нельзя было «поджечь» и оставить: тление вскоре затухло бы. Олег сказал со вздохом:

— Придется пожертвовать грузовым звездолетом.

— Двумя! — откликнулся Осима. — Полностью освободиться от буксирных судов! Как капитан боевого корабля, могу только приветствовать такое решение. Грузовики плохо управляемы в сверхсветовой области. И пока лишь запросто гибнут!

6

Эскадра покинула звездное скопление Гибнущих миров. Некоторое время мы еще любовались красочным зрелищем планеты, вытлевающей пространством. Я намеренно употребляю слово

«красочное», а не «эффектное». Эффектности не было — ни ослепительного пламени, ни разлетающихся протуберанцев, ни вихря газа. Планета тускло засветилась — и только. Но когда мы удалялись, то видели окружающий ее ореол. Это было облачко новосотворенного пространства — медленно расширяющийся клочок чистого неба. Что могли — сделали.

И опять повторились знакомые пейзажи. Мы вырвались из пыльного скопления, кругом простиралось чистое пространство, густо и беспорядочно напиханное звездами. А впереди, впервые не экранированный туманностями, раскидывался гигантский звездный пожар — грозное ядро Галактики…

Раньше свободное время я проводил перед звездными экранами. Сейчас было что наблюдать, но я обращался к экрану урывками: меня все больше захватывала лаборатория Эллона, где конструировался конденсатор времени.

Внешне это было нечто вроде автоклава средних размеров. Но нацепленные на него электрические разрядники с питанием от аннигиляторов, вихревые трубы от гравитационных механизмов сразу давали понять, что сооружение не автоклав. Если, конечно, не проводить той аналогии,

что в автоклавах проваривается и прессуется что-то вещественное, а здесь проваривалось и прессовалось само время.

— Работа закончена, адмирал! — воскликнул однажды Эллон. — В центре вот этого шарика клочок материи, объемом не больше водородного атома. Но вес этого крохотного куска больше тысячи тонн!

Я возразил, что теория отрицает возможность такого сгущения, если масса не превосходит довольно большой величины, что-то три или четыре солнечных. Он сверкнул неистовыми глазами.

— Что мне человеческие теории, адмирал! Пусть их изучают рамиры, они не продвинулись дальше вас в понимании коллапса. Поэтому и стараются овладеть энергией коллапсаров для трансформации своего времени. А мы трансформируем время в этом коллапсане. — Он подчеркнуто воспользовался новым термином. — И когда я включу его, частицы, которые вспрыснем туда, мы вышвырнем в далекое прошлое или еще более далекое будущее.

— А сами не отправимся вслед за частицами?

Он с презрением посмотрел на меня.

— Ты, кажется, путаешь меня с Жестокими

богами? Я не такой недоучка, как они. Экспериментаторы! Сунулись в горнило, как пробка, вылетели в будущее, не удержались там и камнем покатились обратно! Для чего я, по-твоему, подключил к коллапсану выходы гравитационной улитки? Частица с трансформированным временем вылетит в дальние районы, но обнаружится там, лишь когда наступит заданное время, — в прошлом или будущем. Вылет в будущее проще, и я его опробую раньше.

Когда я выходил из лаборатории, он задал вопрос:

— Адмирал, ты доволен работой обеих МУМ?

— Нареканий нет.

— Тогда зачем они подчиняются парящему Мозгу? Мыслящие машины — человеческое изобретение, мозг, отделенный от тела, — наш способ управления. Тебе не кажется странным, адмирал, что я, демиург, упрашиваю тебя, человека, восстановить человеческое управление эскадрой?

Мне это не казалось странным. Я знал, что рано или поздно Эллон опять потребует отставки Голоса. Недоброжелательность к дракону была у Эллона с первых дней их знакомства, теперь она превратилась в прямую ненависть. Демиург, уверен, рассматривал трансформацию Бродяги

в Голос как возвышение над собой, проделанное к тому же его руками — непомерное самолюбие Эллона страдало.

— Вынеси спор о Голосе на обсуждение команд. Если твои антипатии признают обоснованными…

— Симпатии и антипатии на обсуждение не выношу. Но если МУМ разладятся, ремонтируйте их сами или удовольствуйтесь чарующим вас Голосом. Слуг ему поставлять больше не буду!

Вечером к нам с Мери пришла Ирина.

— Мне надо поговорить с Эли, — сказала она.

Мери встала, Ирина задержала ее:

— Оставайся. В твоем присутствии мне легче высказать свои просьбы адмиралу. Эли, вы, наверно, догадываетесь, о чем речь?

— О чем — не знаю, о ком — догадываюсь. Что-нибудь, связанное с Эллоном?

Ирина нервно сжимала и разжимала руки. Стройная, быстрая, нетерпеливая, она так напоминала отца, что, если бы одевалась в мужскую одежду, я принял бы ее за молодого Леонида. Я знал, что мне достанется от нее, и готовился отразить упреки.

— Да, с Эллоном! Почему вы так презираете его, адмирал?

Этого обвинения я не ожидал.

— Не слишком ли, Ирина? Мы все — и я, и Олег, и капитаны — с таким уважением…

— Об Олеге разговор особый! А ваше уважение к Эллону — слова, равнодушные оценки: да, необыкновенен, да, пожалуй, гениален, да, в некотором роде выдающийся… А он не пожалуй, а просто гениален, не в некотором роде, а во всех родах выдающийся. Кто может сделать то, что может он?

Разговор становился серьезным, и я ответил серьезно:

— Зато он не сделает многого того, что умеют другие. Невыдающихся на кораблях нет. В поход отбирали только незаурядных. Или, по-твоему, Камагин — середнячок? Или твоя мать?

— Я говорю об Эллоне, а не о моей матери или Камагине. Он заслуживает душевного, а не равнодушного уважения.

— Чего ты хочешь?

— Почему вы предпочитаете ему дракона? — выпалила она. — Отвратительный пресмыкающийся вознесен выше всех! Дракон еле-еле заменял МУМ, когда они не работали, а сейчас, когда они правильно функционируют, путает их команды. Он в сочетании с МУМ хуже, чем

МУМ одна!

— Один раз машины уже выходили из строя…

— Ну и что? Еще десять раз разладятся, еще десять раз будут восстановлены! Ваша привязанность к дракону оскорбительна! Можете вы это понять?

— Я не могу понять другого, Ирина. Почему Эллон так ненавидит бывшего Бродягу?

— Спросите лучше, почему я не терплю дракона!

— Хорошо, почему ты не любишь Голос?

— Не люблю, и все! Вот вам точный ответ. Он мне был отвратителен еще на Третьей планете. Б-р-р! Громадная туша, дурно пахнет!..

— Дракона больше нет, Ирина. Есть мыслящий Голос, координирующий работу двух МУМ. Если координация идет плохо, мы освободим Голос от его нынешней функции и оставим в резерве.

Ирина поднялась. Я задержал ее:

— Ты сказала, что об Олеге разговор особый. Как это понять?

У нее в глазах показались слезы.

— Олег не тот, каким я его раньше знала. Вы первое лицо на эскадре, Эли. Вы подчинили себе всех. Он с этим примирился. Я гордилась им, теперь мне обидно за него. Я ему сказала: мой отец

тоже летал с Эли, но не позволял так собой командовать. Олег считает, что я все придумываю.

— Придумываешь ты много, это верно.

После ее ухода я молча шагал по комнате. Мери повеселевшими глазами следила за мной. Я сердито сказал:

— Ты радуешься тому, что возникли свары? Что нашу дружбу с Олегом так превратно толкуют?

Она смеялась так заразительно, что и я захохотал.

— Меня радует, что ты услышал о себе несколько неприятных, но правдивых слов. И я сама много раз собиралась сказать тебе то же самое, но ты так принимаешь близко к сердцу каждый пустяк…

7

Мы вступили в ядро. Как спокойно звучат слова «вступили в ядро»! Как будто была межа, отделяющая ядро от околоядерного пространства, и ту межу пересекли. Не было межи, не было даже особенного сгущения звезд — в любом шаровом скоплении их напрессовано гуще. Но мы вступили в ядро, сразу поняв, что уже в ядре. Звезды вдруг стали шальными. Я продиктовал «вдруг» и «шальные» и задумался. Астрофизик упрекнет

меня в приписывании мертвым телам человеческих свойств. Ничего не могу поделать, самое точное описание поведения светил будет это: ошалели! То, что светила светили, было уже не самым характерным. Они неистовствовали, это было важней.

Этого не передать словами! Нужно самому окунуться в хаос бешено налетающих, дико отлетающих звезд, чтобы содроганием души, не одними глазами постигнуть: вокруг забушевал взрыв, и сам ты среди летящих и сияющих осколков не больше, чем темная пылинка!

Мы знали звездные скопления — и рассеянные, как Плеяды и два скопления Хи и Аш в Персее, и шаровые, вроде того, через которое пролетали. Там звезды были как звезды — висели в своих координатных узлах, их взаимные расстояния почти не менялись. Гармония звездных сфер там звучала мелодией всемирного тяготения, там был порядок.

А здесь господствовал хаос! Какая гармония во взрыве? И когда какая-либо звезда настигала соседку, из каждой выносились дымные протуберанцы — и у меня возникало ощущение, что одна вырывает у другой из головы клок волос.

— Эли, я не способна рассчитать траекторию

ни одного из светил, — почти с испугом сказала Ольга, когда мы вчетвером сидели в командирском зале. — Законы Ньютона здесь перекрыты какими-то силами, вызывающими беспорядок. Ядро кипит. И я не могу понять, что вызывает кипение звезд. Какая гигантская мощь нужна, чтобы так нарушить звездное равновесие!

Олег задумчиво разглядывал звездоворот на экранах.

— Не кажется ли вам, друзья, что мы наблюдаем взаимное падение звезд в одну кучу? С последующим превращением их всех в разлетающуюся туманность!

— Это станет гибелью Галактики, — ответила Ольга. — В ней больше ста миллиардов звезд, половина сосредоточена в ядре. Если ядро взорвется, от других звезд, в том числе и от нашего Солнца, и от Персея демиургов и галактов ничего не останется, кроме пыли.

— Зато разумные наблюдатели на других галактиках обрадуются, что зафиксировали появление еще одного квазара, — утешил я их.

— Я начинаю думать, что мы поступили опрометчиво, ворвавшись в эту кипящую звездную кашу, — продолжала Ольга. — Олег, мне кажется, сверхсветовые скорости здесь опасны.

Теперь я перехожу к событию, показавшему, что беспокойство Ольги было оправданно. Мы опять вчетвером сидели в командирском зале. Осима вел корабль, Ольга производила расчеты, мы с Олегом тихо разговаривали. Внезапно Ольга с удивлением сказала:

— У меня получается, что нас несет к гибели. Наверно, я где-то ошиблась!

Я сказал великодушно:

— Ты почти никогда не ошибаешься, Ольга, но в данном случае наврала. Ничем не вызванная гибель двух звездолетов все-таки менее вероятна, чем арифметическая погрешность при расчетах. Переставь где-нибудь минус на плюс.

— Я проверю еще раз, — сказала она.

В этот момент раздались сигналы Большой тревоги: заревели сирены, заквакали пусковые реле боевых аннигиляторов, замигали аварийные лампы. На табло засветилась зловещая надпись: «Генераторы пространства — первая готовность!» Я схватился за переговорную трубку, но меня опередил Олег.

— Голос, что случилось? — крикнул он.

Мы услышали, что кучку беспорядочно мятущихся звезд, среди которых пробирались корабли, вдруг, словно судорога, охватило единое

движение. Они все летят в свой геометрический центр, а в нем в данный момент находимся мы. Звезды рушатся одна на другую и при взрыве неминуемо захватят нас. Единственный выход — в канале новосотворенного пространства вынестись из звездной кучки.

— Мы делаем расчеты, — информировал Голос.

— Сомневаюсь в удаче, — спокойно оценила положение Ольга. — Запасов всей эскадры не хватит на прокладку туннеля наружу.

Я вызвал лабораторию. На малом экране высветился Эллон.

— Эллон, — сказал я. — Мы попали в опасную передрягу. Возможно, только гравитационная улитка может спасти звездолеты. Свяжись с Голосом.

Он ответил с мрачной веселостью:

— Улитка вышибла в ад целую планету, выбросить два звездолета проще. Пусть только ваш парящий любимец признается, что неспособен прокладывать курс меж звезд, и я выправлю ошибку.

Через минуту Голос сообщил, что аннигиляция активного вещества избавления от звездного взрыва не даст, и единственная надежда — выскальзывание по гравитационной улитке.

На звездных экранах зажглось около сотни светил размером с Венеру. Они увеличивались, зловеще накаливались. Я вспомнил, что в юности в Плеядах вот так же со стесненным сердцем следил, как со всех направлений звездной сферы на нас рушились недобрые огни. Но те огни, маленькие, пронзительно-зеленые — космические крейсеры разрушителей, — были пылинками в сравнении с гигантами, охватывавшими нас отовсюду. Сто солнц падало на нас! Они вскоре и стали размером с Солнце — ослепительно белые, голубоватые, радужные, мутно-багровые, темно-вишневые… Обе звездные полусферы превратились в исступленно пылающие костры. Было ясно, что еще до того, как звезды начнут сталкиваться и взрываться, оба корабля превратятся в облачко пара. Я вызвал Голос.

— Рано, Эли, — ответил он. — Мы с Эллоном поджидаем удобного момента.

Все источники энергии переключили на генератор метрики. «Змееносец» шел в кильватере «Козерога». Камагин прислал мне шутливое приободрение: «Адмирал, в мое время говорили: на миру и смерть красна. У нас она будет светла!» Шутка показалась мне мрачной. А затем мы увидели, как два солнца вырвались из общей

массы и помчались навстречу одно другому, и на линии их движения оказались звездолеты. Даже того утешения, что перед смертью удастся полюбоваться вселенским пожаром, не было. Оба светила взорвутся раньше, чем остальные подоспеют в общее месиво, а до их взрыва испаримся и мы, если не выскользнем по искривлению пространства.

— Включение! — услышал я тройную команду, в ней смешались мелодичный даже в такую минуту Голос, выкрик Эллона, приказ Олега.

Страшная боль свела судорогой мое тело. Краем, каким-то боковым взглядом, я увидел, как бьются в своих креслах Осима и Ольга, как Олег схватился рукой за горло, будто разрывая удушающие петли. А картина на экране была так фантастически непредвиденна, что я на какое-то мгновение забыл о боли.

Летящие солнца столкнулись, но взрыва не было! Одно проходило сквозь другое. Они мчались друг в друге, не смешиваясь, не растворяясь, не разжигаясь от страшного удара. Они даже не изменили шарообразной формы. Одно было ощетинено протуберанцами, протуберанцы показались мне огненными змеями на голове какого-то космического арана. Другое летело в

короне, в светлом венце, в призрачно-нежном гало. И ни один протуберанец не изменился, когда солнце проносилось сквозь солнце, они так же прихотливо извивались, исторгались, вспыхивали, тускнели. И гало второго солнца лишь немного потускнело от яркости первого светила, но не исчезло, не истерлось, оно было такое же нежное, такое же призрачно-светлое.

Солнце прошло сквозь солнце, и теперь они разбегались. Столкновение совершилось — и его не было. Взрыв, неизбежный, неотвратимый, не произошел. Мы были в царстве фантомов. Не было другой реальности, кроме судорог и боли в каждой клетке и жилке!

Я кинулся к Олегу. Он с трудом просипел:

— К Эллону! Об Ольге и Осиме я позабочусь.

Я выскочил в коридор и упал. Ноги меня не слушались. Я не мог заставить их двигаться последовательно. Они начинали движение одновременно, я заносил вперед левую, тут же поднималась и правая. Так я несколько раз падал, прежде чем сообразил, что шагать уже не могу, а способен только перепархивать, как демиурги. Я запрыгал к лаборатории обеими ногами, но еще не дошел до нее, как восстановилась нормальная походка.

Лаборатория выглядела как после землетрясения. Движущиеся механизмы сорвались со своих мест, только стенды покоились, где их поставили. Эллон распластался около генератора метрики и судорожно дергал руками и ногами. Около на коленях стояла Ирина, с плачем звала его, тормошила и целовала. Она повернула ко мне залитое слезами лицо.

— Помогите! Он умрет! Я этого не переживу!

Общими усилиями мы подняли Эллона и усадили в кресло. Ирина опять опустилась на колени:

— Ты жив! Ты жив! Я люблю тебя! Ты мой единственный!

Эллон с усилием поднял веки. У него были мутные глаза.

— Ирина, — простонал он. — Ирина, я жив?

Она целовала его еще страстней.

— Да, да, да! Ты жив, и я люблю тебя! Обними меня, Эллон!

Он приподнялся. Он с трудом стоял на ногах.

— Обними! — требовала Ирина, прижимаясь к нему. — Обними, Эллон!

На этот раз он посмотрел на нее осмысленным взглядом.

— Обними? — повторил он с недоумением. — Тебя обнять? Зачем?

Он говорил еще с трудом:

— Адмирал, я не успел ничего сделать. Меня вдруг стало крутить и бросило на пол. — Он с прежним недоумением посмотрел на Ирину. — Что с тобой? Ты что-нибудь повредила?

Она сумела взять себя в руки, даже улыбнулась, только голос ее был нетверд.

— У меня все в порядке, Эллон. Я буду прибирать лабораторию.

Она отошла. Эллон повторил, что упал в момент, когда собирался запустить в улитку оба корабля. Я вспомнил, что ничего не знаю о Мери, и послал вызов. Мери чувствовала себя неважно, но постепенно отходила. Приступ боли застал ее, когда она собиралась в свою лабораторию, она сумела дотащиться до кровати.

— Не тревожься обо мне, Эли. Занимайся делами.

Теперь надо было спешить в рубку. В ней все было без изменений. Я в изнеможении прислонился к стене. Меня поддержал Граций. Галакт был бледен, но на ногах тверд. Я пробормотал через силу:

— Голос, Граций, какие это были чудовищные фантомы!

До меня как бы издалека донесся Голос:

— Эли, то не были фантомы. Солнце неслось на солнце не в мираже, а в действительности.

— И они столкнулись? И не произошло взрыва? И солнце прошло сквозь солнце? Граций, ты что-нибудь понимаешь? Мы попали в мир, где отменены законы физики! Даже тяготение упразднено!

Граций выглядел не менее растерянным, чем я. Голос продолжал:

— Во мне внезапно разорвалась цепь времени. Я был в прошлом и будущем одновременно, но не было настоящего. Меня выбросили из моего «сейчас». Это была ужасная мука, Эли. Время во мне как бы кровоточило. И из прошлого я не мог воздействовать на будущее, ибо не было «сейчас», через которое шли все воздействия.

У меня раскалывалась голова от неспособности что-либо понять. В ту минуту я был способен только на простые действия — кого-то спасать, с кем-то драться, на кого-то кричать…

— Голос, я спрашиваю тебя о столкнувшихся солнцах, а не о твоем самочувствии!

— Не было столкновения, Эли! Между летящими светилами разорвалась связующая их нить времени. В этот разрыв угодили и мы, и наше время разорвалось тоже… Солнце налетело на

солнце не в их «сейчас». Вероятно, одно пребывало в прошлом, а другое вынеслось в будущее. Они лишь пронеслись через место столкновения, но в разных временах — вот почему не было взрыва.

Хоть и с усилием, но я начал понимать.

— Ты говоришь чудовищные вещи, Голос. Я способен допустить, что Юлий Цезарь и Атилла ходили по одной земле, ставили ногу на одни камни, но не могли столкнуться, потому что их разделяли века. Но чтобы само время разорвалось!..

— Это единственное объяснение.

Я возвратился в командирский зал. Олег и Осима чувствовали себя слабыми, но двигались без усилий. Осима снова вел «Козерог».

С подавленным чувством смотрели мы вскоре на вычисленный машинами итог. Даже в горячем бреду нельзя было заранее вообразить себе то, что казалось таким простым на ленте расчетов. Звезды реально неслись одна на другую, но в миг, когда взаимное их тяготение достигло какого-то граничного предела, у них нарушилось течение времени. Время разорвалось, перестало быть синхронным. Разрыв составлял микромикросекунды для микрочастиц, секунды для нас, тысячелетия для солнц. Эти вневременные секунды едва не

прикончили нас — еще надо будет разбираться, почему мы уцелели. И почему нормальное время одинаково для любых частиц и космических масс, а величина разрыва его так зависит от массы, мне тоже неясно. Но для микрочастиц было достаточно и микромикросекунд, чтобы не столкнуться в одновременности. А для светил сдвиг во времени в тысячелетия гарантировал свободный проход через то место, где они, не будь такого сдвига, столкнулись бы и взорвались. Все было ясно. Это была непостижимая ясность.

Вечером к нам с Мери заглянул Ромеро. Он чувствовал себя не лучше других. Он сказал, что только на Мизаре не сказался разрыв времени, пес бодр. Гиг тоже почти не сдал, а Труб заболел. Ромеро назвал происшествие драмой в древнем стиле. Писатели старых эпох охотно живописали ужасы, возникавшие от расстройства течения времени. Он называл много имен, среди них я запомнил Гамлета и Агасфера, Мельмота и какого-то Янки у короля Артура. Исторические изыскания Ромеро меня мало тронули. Разрыв психологического времени — а только о нем шла речь у древних — приводил к страданиям души. Мы же столкнулись с физической аварией времени — и от нее трещали наши кости и по-

скрипывал сверхпрочный корпус корабля!

— Почему ты такой хмурый? — спросила Мери, когда Ромеро, легко постукивая по полу тростью, удалился к себе. — Ведь все окончилось благополучно.

— Благополучно окончилось только начало. А каково продолжение? Я со страхом жду завтрашнего дня.

Завтрашний день прошел благополучно. И еще несколько дней минули без происшествий, если не считать происшествием зрелище беспорядочно снующих светил. А затем опять зазвучала Большая тревога, и каждый поспешил на свое боевое место. На экранах обрисовалась знакомая картина: звездный рой вокруг — и вдруг все звезды посыпались на нас. Осима испуганно закричал, что это тот же звездный рой, где мы уже побывали. Олег потребовал от Голоса справки. Голос передал, что звездное окружение — то самое!

— Мы мчимся в наше прошлое! — Олег, побледнев, впился глазами в горошинки, быстро выраставшие в солнца.

— Мы мчимся в наше будущее, — поправила Ольга. — Но это будущее уже было в прошлом.

Я переводил взгляд с нее на Олега, с Олега на Осиму. Я отчетливо ощущал, как во мне ум захо-

дит за разум. Полет в будущее, которое является прошлым, означал, что мы угодили в такое искривление времени, где нет ни начала, ни конца и где каждое мгновение является одновременно и прошлым и будущим. До сих пор похожие ситуации служили темой фантастических романов, но никто и не подозревал, что завихрение времени может обнаружиться реально.

— Мы в конце времени, Олег, — сказал я. — И, судя по тому, что прошлое настало очень быстро, диаметр кольца невелик. Мы будем теперь безостановочно гоняться за собой, как пес за собственным хвостом. Твои намерения, Олег?

Олег не потерял решительности.

— Постараемся не попадать в то будущее, которое является нашим прошлым. Эллон, готовить включение генераторов метрики! Голос, дать команду на включение до повторного разрыва времени!

Теперь оставалось только ждать. Снова обжигающе засверкали на экранах сто разрастающихся солнц. Снова два бешеных светила вырвались из роя и исступленно понеслись одно на другое. Я весь сжался, готовясь к новому удару по нервам и по тканям, которого на этот раз, может быть, и не перенес бы. Но летящие одно на другое солнца

стали тускнеть и закатываться. И больше не было компактного звездного роя, была прежняя звездная сумятица и толкотня — может быть, лишь немного погуще и посумасбродней.

Мы вырвались из опасного промежутка между сшибающимися светилами в обычную звездную сутолоку ядра.

— Разрыв времени был не просто разрывом, — с облегчением сказала Ольга. — Он еще означал и выброс в прошлое. Ведь только из прошлого мы могли мчаться в будущее, которое уже было.

Я переадресовал ее соображения Голосу. Тот первый открыл разрыв времени. Они могли поспорить вдосталь и выдать что-либо важное. Меня больше беспокоило, что скольжение по гравитационной улитке не выбросило нас за пределы ядра, а подтолкнуло вглубь. Этот факт мне показался тревожным.

8

Трубу было совсем плохо, мы с Мери посетили его.

Старый ангел лежал на мягкой софе, свесив на пол огромные крылья. Лицо Труба, постаревшее, морщинистое, было серым, как его сивые бакенбарды. По привычке он расчесывал их кривыми

когтями, но так медленно, так слабо, что Мери не удержалась от слез. Ангелу прописали все виды лечения и все роды лекарств, но было ясно, что дни его сочтены. Он и сам знал, что смерть приближается.

— Эли, разрыв времени не по мне, — шептал он горестно. — Ангелы не могут существовать одновременно в разных временах. Ты ведь знаешь, адмирал, у нас дьявольски крепкий организм, мы способны вынести любую физическую нагрузку. Но разновременность нам противопоказанна. Мы принципиальные одновременники. Все остальное для нас — катастрофа.

Мери утешала Труба, я не мог. Женщины, не раз замечено, готовы восстать против очевиднейшей очевидности, если она противна их чувству. Я молча слушал, как она убеждает ангела, что курс лечения не закончен, а когда закончится, Труб не встанет, а взлетит с постели. Возможно, она и сама верила своим уверениям. Труб не верил, но смотрел на нее с благодарностью.

— Труб, кажется, чувствует себя лучше. Смотрите, Эли, он задвигался! — сказал вошедший Ромеро.

Но то было не оживление, а агония. Тело Труба свела судорога. Он приподнялся, тяжело забил

крыльями. Он пытался что-то сказать, но вместо речи из горла вырвался смутный клекот. Я опустился на колени у ложа, прижался головой к огромной волосатой груди, несколько минут слышал, как нервно, гулкими ударами, билось сердце, и как удары слабели, и как на каком-то ударе, лишь едва-едва стукнув, сердце вдруг замолкло. А тело старика и после того, как выключилось сердце, еще дергалось и шевелилось — и, медленно окаменевая, вытянулось на ложе. Крылья снова бессильно упали на пол. Труба больше не было.

— Все, Мери! — сказал я, поднимаясь. — Все, все! Еще один друг ушел. Чья теперь очередь?

Мери плакала. Ромеро молча стоял у ложа, слезы текли по его щекам. Я с грустной нежностью вдруг увидел, что неизменная его трость теперь нужна ему не только для подражания древним, а чтобы не пошатываться. Гиг стал рядом с Ромеро и торжественно и скорбно загремел костями. Вечно будет звучать в моих ушах похоронный грохот его костей.

Еще один прозрачный саркофаг добавился в консерваторе.

Эту ночь я не спал — и последующие ночи не спал. Ромеро говорит, что в старину бессонница

была распространеннейшей болезнью и люди глотали разные лекарства от нее. Но мало ли каких болезней не бывало в древности! Болезни — одно из тех наследий, которое мы не перетащили в свой век. Мне всегда казалось чудовищным, что люди не могут уснуть, когда надо спать, тем более, когда еще и хочется спать!

И я вставал, когда Мери засыпала, и шел в свою комнату, и смотрел на маленький звездный экран — на нем был все тот же жуткий пейзаж осатанело летящих одно на другое светил, дикая звездная буря, какой-то давным-давно грохнувший на всю Вселенную и с той поры непрерывно продолжающийся звездный взрыв. И я думал о том, что бы мог означать такой звездный хаос, такое чудовищное отсутствие даже намека на порядок, не говоря уже о величественной гармонии звездных сфер? Ольга бросила фразу: «Ядро кипит». Фраза не выходила у меня из головы. Что заставляет ядро кипеть и расшвыриваться звездами, как брызгами? Какой нужен страшный перегрев, чтобы заставить гигантские светила метаться, как молекулы в автоклаве? Не меняет ли перегрев ядра свойства пространства? Вот уж о чем мы мало еще знаем — о пространстве! Оно не пустое вместилище материальных предметов,

ибо превращается в вещество и вещество становится пространством. Но что еще мы постигли в нем, кроме такой простейшей истины? Пространство — самая тайная из тайн природы, самая загадочная из ее загадок! А время? Не перегрето ли здесь и время? Мы привыкли к спокойному, ровному, одномерному времени нашей спокойной, уравновешенной звездной периферии — что мы знаем о том, каким еще оно может быть? Тот, кто видит океан в штиль, может ли представить себе, каким океан становится в бурю? «Здесь время рыхлое, оно разрывается, здесь время больное, рак времени!» — разве не твердил о том предатель Оан? Пустая ли то угроза или предупреждение? И разве не оправдалась его угроза, если то была угроза? Время разрывается, прошлое не смыкается с будущим через настоящее — каждая клетка нашего тела о том вопила! Бедный Труб — жертва разрыва времени! А если бы оно не разорвалось? Все бы мы тогда стали жертвой катастрофы: и звездолеты, и сами звезды. Какой исполинский взрыв потряс бы ядро, взорвись внутри него эта сотня светил! В ядре миллиарды их, но разве тонна атомной взрывчатки не сворачивает миллиардотонные горы?

— Постой! — сказал я себе. — Постой, Эли! Это

же очевидно — разрыв времени предотвратил взрыв доброй сотни светил! Когда атом летит на атом, молекула на молекулу, их предохраняет от столкновений электрическое отталкивание, их отшвыривает электрическая несовместимость. Благодаря этому мы и существуем — предметы, организмы, произведения искусства: крохотные ядра наших атомов не могут столкнуться лоб в лоб. А здесь, в этом большом ядре? Здесь нет электрических сил, отшвыривающих звезды одну от другой. Зато есть ньютоновское притяжение, толкающее их друг на друга в суматошливой, дикой беготне. Ах, Ньютон, Ньютон, древний мудрец, ты же запроектировал неизбежную гибель для всей Вселенной! И гибель не совершается лишь потому, что действует другой закон, более могущественный, чем твое всемирное тяготение, чем электрическое притяжение и отталкивание, чем даже искривление метрики демиургов — искривление и разрывы времени! Вот она, гарантия устойчивости ядра! Подвижность твоего времени, ядро, весь мир спасает! Нет, это не болезнь, это мощный физический процесс: дисгармония времени обеспечивает устойчивость ядра!

Пора убираться из звездного ада! Пора убираться!

Именно такими словами я и внес на совете капитанов предложение закончить экспедицию в ядро.

Мы начали готовить возвращение в родные звездные края.

9

В одном мы все были согласны: ядро Галактики — гигантская адская печь, пекло вещества, пространства и времени. Почти без возражений приняли и мою гипотезу: разрыв времени гарантирует устойчивость ядра, гармония ядра — во взаимоотталкивании одновременностей! Один Ромеро заколебался.

— О,я понимаю, дорогой адмирал, иначе вы и не могли бы объяснить парадоксы ядра. Если будет предложено два решения любой загадки, одно тривиальное, другое диковинное, вы выберете второе. Такова ваша натура. У вас вызывает удивление, только если нет ничего удивительного.

— Не понимаю ваших возражений, Павел, — сказал я раздраженно. Разговор происходил после того, как Ромеро вместе с другими проголосовал за мое предложение.

— Ваша гипотеза, что убийственный закон тяготения Ньютона ведет мир к гибели…

— Не убийственный, а порождающий неустойчивость в больших скоплениях масс.

— Да, да, неустойчивость! Все это остроумно, не буду отрицать, мой проницательный друг. Разрыв одновременности, даже сдвиг времени по фазе, безусловно, гарантирует устойчивость ядра, если такой разрыв будет возникать в нужном месте и в нужный момент. Две руки не сомкнутся в рукопожатии, если одна протянута раньше, другая позже. Но видите ли, мудрый Эли, вряд ли уместно решать одну загадку путем выдумывания другой, куда более темной.

— По-вашему, я выдумываю разрыв времени? Не скажете ли тогда, Павел, какая причина швырнула вас недавно на пол и заставила потерять сознание?

— Разрыва времени я не отрицаю. И что валялся на полу — правда. Факты — упрямая вещь, — так говорили предки. Но вы ведь создаете новую теорию, а не только описываете факты. Если я правильно понял, вы устанавливаете новый и самый грандиозный закон Вселенной: устойчивость основной массы вещества в Галактике гарантируется неустойчивостью времени. Сохранение звездного мира определено несохранением времени. По-вашему, однолинейное течение вре-

мени есть своего рода вырождение его в звездных периферия. И мы, пользующиеся спокойным временем, зачислены в звездные провинциалы.

— Вас это оскорбляет, Павел? В так любимой вами старине считали Землю центром Вселенной, а человека — венцом творения. Вы тоже придерживаетесь такого представления о мире?

— Осмелюсь заметить, адмирал: вы считаете меня большим глупцом, чем я есть. Но не могу не признаться: мне как-то обидно, что сама жизнь порождена тем, что время в районах жизнетворения выродилось в однолинейность, что жизнь есть в некотором роде выражение материи. Если не человека, то жизнь как таковую я всегда считал венцом развития материи. Такое разочарование…

Ромеро приветственно приподнял трость и удалился, обиженный. А я все больше укреплялся в мысли, что закон всемирного тяготения равнозначен предсказанию гибели Вселенной. Мы рассматривали его как гаранта звездной гармонии лишь потому, что узнали его в дальних районах Галактики, в «вырожденных» районах, как обругал нашу звездную родину Ромеро. Здесь, в кипящем аду ядра, он был зловещим стимулом к всеобщему взрыву. Что может сделать тяготение,

мы видели на примерах коллапсаров, превращающихся из мощных светил в «черные дырки». Я не просто критиковал закон всемирного тяготения, я опасался его, начинал его ненавидеть!

Голос и Эллон без спора поддержали меня. Не так уж много было случаев, когда самолюбивый демиург и широкомыслящий Мозг сходились в едином понимании. Особенно важна была поддержка Эллона — на него легла разработка способа выскальзывания из ядра, куда нас затягивало все дальше.

— Адмирал, я не знаю, почему моя улитка срабатывает в одну сторону, — объявил он однажды. — По расчету, звездолеты должно вынести наружу, а их поворачивает обратно.

Я сидел в лаборатории. В стороне, повернувшись спиной, молча работала Ирина. Она не простила мне, что я видел ее слезы и отчаяние. Эллону она простила непонимание ее чувств, а мне не хотела прощать, что я невольно стал их свидетелем. Она отворачивалась, когда я появлялся в лаборатории, отвечала холодно.

— Итак, выхода ты не видишь, Эллон?

— Здесь странное пространство, адмирал. Я его не понимаю. — Он помолчал, преодолевая неприязнь, и добавил: — Посоветуйся с Мозгом, он

когда-то разбирался в свойствах пространства.

Я оценил усилие, какое понадобилось Эллону для такого признания. Голосу, придя к нему, я сказал:

— Ты согласился, что надо бежать отсюда. Вывод звездолетов при помощи генераторов метрики не получается. Может, вырваться на сверхсветовых скоростях, аннигилируя пространство? Твое мнение?

— Отрицательное! — прозвучал ответ. — Неевклидовы искривления, которыми я закрывал путь звездолетам в Персее, в сотни раз слабее здешних. И еще одно, Эли: там пространство пассивно, оно легко укладывается в заданную метрику. Здесь его рвут бури, в нем возникают вихри метрики, и избави нас судьба угодить в такой вихрь!

— А наш испытанный метод аннигиляции планет?

— Погибло две трети эскадры, когда применили его.

— Там были рамиры. Им почему-то не захотелось, чтобы мы нарушали равновесие в Гибнущих мирах. А здесь рамиров не обнаружено. Сомневаюсь, чтобы разумная цивилизация могла существовать в этом звездном аду.

— Можно попробовать и планетку, Эли.

Но планет в ядре не было. Среди миллионов промчавшихся на экранах звезд не попалось ни одной домовито устроенной. Здесь даже не было правильных созвездий, простых двойных и тройных светил: звезды мчались дикими шатунами. Это не значит, что отсутствовали сгущения. Сгущений попадалось много. Но после того, как мы еле выбрались, потеряв Труба, из одного такого сгущения, нам не хотелось соваться еще в одну дьявольскую печь, где плавилось время. Но только в таких скоплениях можно было надеяться подобрать планетку.

Одно сгущение звезд мчалось неподалеку — гигантский, почти сферический звездоворот. В нем дико кружились светила, рассеивая пыль, как грибные споры, и истекая водородом. Голос предупредил, что внутри звездного вихря бушует то, что можно бы назвать «метриковоротом» — чудовищные завихрения пространства.

По расчету МУМ, звездный вихрь был неустойчив. Он должен после возникновения распылить себя в исполинском взрыве примерно через тысячу лет. И в то же время не было сомнения, что звездоворот существует уже миллионы лет. Здесь снова был тот же парадокс, и даже Ромеро

стал склоняться к мысли, что одновременность существования звездоворота наблюдается лишь извне, а внутри него одновременности нет. В частном времени каждого светила, может быть, и самого звездного роя нет.

Осима сказал Олегу:

— Адмирал, не отвернуть ли нам назад? Я бы не хотел, чтобы одна моя нога очутилась в прошлом, другая в будущем, а сердце билось лишь тысячу лет назад или тысячу лет впоследствии, — не знаю, что хуже! Я не вмещу в себе такой бездны времен.

Олег приказал отходить от опасного скопления. На «Козерог» прибыл для очередного совещания капитанов Камагин. Олег доложил, что простых выходов наружу не существует.

— А непростых? — спросил Камагин.

Непростых выходов тоже не существовало. В ядре планет не нашли, а аннигиляция звезд не по зубам.

— Значит, погибать? — снова спросил Камагин.

Вопрос был неуместен. Олег для того и собрал капитанов, чтобы искать избавления от катастрофы.

— Я хочу сегодня исправить ошибку, которую

совершил больше двадцати лет назад, — сказал Камагин. — Тогда адмирал Эли приказал уничтожить два звездолета, чтобы третий вырвался на свободу. Я протестовал. Теперь предлагаю такую же операцию. Для уничтожения можно взять мой «Змееносец».

— Та попытка закончилась неудачей, — напомнила Ольга.

Камагин возразил, что в Персее мы воевали, враги противодействовали нам во всем. Здесь врагов нет. Мы сами попали сюда как разведчики, и вывод наш непреложен: живым существам в ядро соваться не следует, как не следует купаться в кипящей смоле.

— Я согласен с Эли, что жизнь и разум — явления в Галактике периферийные. И делаю вывод: разумного противодействия не будет, а со слепой стихией мы справимся.

— Твое мнение, Эли? — спросил Олег.

Я не мог поддержать Камагина, не мог опровергнуть его. Мне стыдно, но не могу не признаться: мной овладела нерешительность.

— У меня нет определенного мнения, — сказал я.

Уже после совещания, принявшего проект Камагина, я поделился сомнениями с Эллоном.

Эллон считал, что прорыв не удастся, звездолет слишком мал для создания свободного туннеля наружу. И неизвестно, будет ли туннель свободен, — с таким пространством, как здесь, аннигиляцией вещества не совладать.

— Не торопись, Эли. Скоро я пущу коллапсан на полную мощность, и тогда мы выскользнем наружу в новой гравитационно-временной улитке. Атомное время я уже меняю свободно. Посмотри сам.

Обещание связать гравитационную улитку с коллапсаном я слышал от Эллона и раньше. И хотя ему удалось овладеть атомным временем, от атомов до тел макромира, что бы он ни твердил, дистанция была огромная. Я посоветовался с Голосом. Голос считал проект Камагина единственной возможностью выскользнуть наружу. Надо лишь подобрать участок пассивного пространства. Подыскивать участок будет он. Он ощущает пространство. Пространство — это он сам, такое у него ощущение. У него мутится в мыслях, когда оно свирепо закручено, он мыслит стремительно, яркими всплесками решений, когда оно меняет свою структуру. И как ему отрадно, когда напряжение ослабевает!

— Мы будем ждать твоего сигнала, Голос! —

сказал я.

И вот началась последняя эвакуация звездолета в нашей экспедиции к ядру. Я сказал последняя, потому что «Змееносец» был последним кораблем, который еще можно было эвакуировать. Эвакуацией командовал Камагин — энергично, даже весело: он верил, что жертвой своего корабля спасет всех. Меня же мучило сомнение. Неудачи преследовали нас за неудачами. Флот практически погиб, уцелевшие астронавты — пленники непредставимо дикого мира, где миллиарды светил балансируют на лезвии бритвы, а по обе стороны от лезвия — бездна всеобщего уничтожения!

Чтобы выразить вслух эти чувства, не пугая друзей, я спустился в консерватор.

— Убийца! — говорил я соглядатаю рамиров. — Все несчастья начались со знакомства с тобой. Глупец! Ты ринулся в ад, чтобы овладеть адскими силами, — так это тебе, вероятно, самому воображалось. Вот он, коллапсар — на нашем стенде! Все, что ты искал в антивзрыве звезды, мы создаем в лаборатории. Мы еще не властны над макровременем светил, но атомное время уже разрываем, изгибаем, замедляем, убыстряем — как нам угодно! Мы уходим из ядра, изменник.

Но мы еще вернемся, — и тогда, Жестокие, вряд ли вам удастся доказать, что ваша сила равна вашей жестокости!

10

А затем произошло то, что, как я сейчас понимаю, неизбежно должно было произойти.

Голос отлично чувствовал пространство; МУМ безошибочно рассчитывали скопление масс и указывали, как избегнуть больших звездных препятствий, как увильнуть от оголтело несущихся звездных шатунов; Осима артистически лавировал между скоплениями и звездами-одиночками; ему помогали Ольга и Камагин: ни один не уступал Осиме ни в опыте, ни в осторожной смелости. Все было подготовлено, все предусмотрено. Все, кроме одного. Мы были не единственной разумной силой в ядре. И мы не были хозяевами даже в том крохотном пространстве, какое вознамерились прорвать. Мы опрометчиво убедили себя, что придется преодолевать лишь слепую стихию природы. А против нас действовал враждебный разум! Мы вступили в борьбу, надеясь, что таинственных наших врагов и в помине нет. А они были — и нашей силе противопоставили свою. Сила сломила силу.

Голос предупредил, что приближаемся к пассивному участку пространства. Кругом в том же бешеном танце неслись бешеные светила. Олег приказал выводить «Змееносец» в конус аннигилирующего удара.

В командирском зале для меня стояло особое кресло, но я не пошел туда. Обсервационный зал сейчас был полон: команды всех трех звездолетов, свободные от вахт, сгрудились у больших экранов. Мери, Ромеро и я сели против малого экрана в моей комнате. И мы отчетливо разглядели, как совершилась новая катастрофа.

«Змееносец» летел впереди «Козерога». Сам Камагин выводил свой звездолет под удар аннигиляторов флагманского корабля. По судовой трансляции разнеслась — приказы капитана транслировались во все помещения — быстрая команда Камагина:

— Отключаю блокировку аннигиляторов вещества. Цель в конусе ноль-ноль три. Начинаю отсчет: десять, девять, восемь, семь…

И в этот момент из мутной мглы, кипящей дикими звездами, вынесся знакомый луч, точно такой же, какой поразил «Телец». Он миновал «Козерог», ударил в «Змееносец». Всеобщее ошеломление прервал истошный вопль Камагина:

— МУМ блокирована! Голос, Голос, есть ли связь с исполнительными механизмами? Голос, ответь!

Голос не отвечал. Мери схватилась за сердце. Ромеро, мертвенно побледнев, лепетал:

— Это рамиры, адмирал! Они в ядре! Они захватили нас в плен!

Подавленный, я не мог оторваться от экрана. МУМ не работала, аннигиляторы блокированы, а какая-то сила вывернула наш звездолет назад и положила на прежний курс — в ядро, в кипение его диких звезд.

Часть четвертая
ПОГОНЯ ЗА СОБСТВЕННОЙ ТЕНЬЮ

Для бога все прекрасно, хорошо и справедливо;
Люди же считают одно справедливым,
другое несправедливым.

Гераклит из Эфеса

Кассандра. Меня кружит пророчества
безумный вихрь
И мучит боль предчувствий. О, беда!
Беда!
Предводитель хора. О чужестранка, ты
слывешь провидицей.
Но прошлого предсказывать не нужно.

Эсхил

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Б. Пастернак

1

Уже в первые минуты после новой катастрофы меня ужаснула горестная догадка об истинной причине несчастья. Но она еще не завладела мной целиком: надо было спасать корабль, а потом доискиваться тайных причин беды. Я кинулся в командирский зал. Камагин и Олег остались живы, только были уже не командирами корабля, а, как и мы все, пассажирами неуправляемой галактической скорлупки. В лаборатории и Эллон, и Ирина были растерянны, но невредимы. Лаборатория могла продолжать свои изыскания, если бы восстановилось снабжение энергией. Эллон гневно упрекнул нас с Олегом:

— Не захотели меня послушать! Торопились, а ведь ничто не грозило, пока мы безрассудно не попытались бежать.

— Идем с нами, Эллон! — приказал Олег, и мы втроем поспешили к Голосу.

Голос звучал слабо, но внятно. Он испытал болезненный толчок, когда отключилась связь с МУМ. Враги нанесли удар по управлению боевыми механизмами, все остальное — производное.

— Это рамиры. Они в ядре. Они не хотят выпускать нас. Мы — их пленники.

Граций тоже пострадал. Когда рамиры заблокировали МУМ, Граций, потеряв сознание, рухнул на пол. От его величавой богоподобности мало что осталось. Бессмертный, он держался на ногах гораздо хуже, чем все мы, смертные. Галакты плохо выносят жизненные передряги: они позабыли в своих райских городах о лишениях.

— Надо осмотреть МУМ, — сказал Олег.

МУМ, внешне совершенно невредимая, не работала. Мы отключили мыслящую машину от исполнительных механизмов и анализаторов и перенесли в лабораторию. В лаборатории, как нам сгоряча показалось, она снова заработала, но то была обманчивая работа — цепи пропускали сигналы, но не было того целого, что и называлось Малой Универсальной Машиной.

— Мне кажется, ваша машина без сознания, — заметил Граций. — Она в нервном потрясении. Что можно ожидать от механизма, лишенного естественных тканей?

Эллон зло покосился на галакта. Я увел разговор от опасной темы искусственного и естественного. Если МУМ только в обмороке, то есть надежда вывести ее из него. Олег велел доставить в лабораторию две резервные МУМ — с «Овна» и «Змееносца». Они были не в лучшем состоянии.

Их всех поразило нервное потрясение. А машина с «Тарана» по-прежнему путала причины со следствиями.

— Граций, — сказал я галакту, — теперь на Голос и на тебя ложится тяжелейшая обязанность. Все механизмы опять, как в Гибнущих мирах, будут подключены непосредственно к вам. Тогда Голос справился, но тогда мы не были в ядре. Если вы не справитесь сейчас, нам всем крышка.

— Надеюсь, мы справимся. Но что значит новый термин «крышка»? Мне кажется, что он символизирует что-то плохое.

Я заверил галакта, что он точно истолковал выражение «всем нам крышка».

МУМ «Козерога» стала показывать признаки жизни. Она словно бы приходила в себя после обморока. Подавленные, мы молча слушали ее ответы на сигналы. МУМ сошла с ума. Она вообразила себя девушкой, ускользнувшей из дому. На все электрические импульсы, подаваемые на вход, она отвечала горестными стихами.

Ах, любила меня мама, уважала
За то, что я скромная дочь.
А дочка с милым убежала
В одну непроглядную ночь, —

лепетала МУМ рыдающим нежным голоском.

Потом она стала называть себя Марусей и выдала такими же стихами, что Маруся отравилась и что ее повезли в больницу, а в больнице не спасли. Бред был не только нелеп, но и удивителен. В память машины конструкторы не заложили ни представлений о нехороших дочерях, убегающих от порядочных матерей, ни имени Маруся, ни больниц и уж, конечно, не обучали МУМ стихотворству. Все это она придумала сама, когда лишилась рассудка.

Безумие поразило и другие машины. МУМ «Змееносца» спрашивали: «Кто?», она отвечала на вопрос «Куда»; ей говорили: «Дается восьмиградусный конус на восток, расстояние до двух светолет — высчитать число звезд третьей абсолютной величины», она принималась решать химические уравнения; от нее требовали оценки доброкачественности излучения, подаваемого на ее вход, она взамен ответа, не грозит ли это излучение организму человека, выдавала решение интеграла Лебега или объявляла планетные законы Кеплера.

У меня создалось убеждение, что с МУМ «Овна» и «Змееносца» можно повозиться, а машина «Козерога» безнадежна. У первых двух, сказал я,

безумие не выходит за сферу их специальности. Они потеряли рассудок, но остаются мыслящими агрегатами, только дурно мыслящими, неправильно, путано. А МУМ «Козерога» перестала быть машиной, она воображает себя девчонкой, к тому же несчастной и порочной. И она ударилась в стихоплетство! Сочинять стихи — можно ли вообразить большее безумие!

— Не думаю, чтобы Ромеро согласился с тобой, что сочинение стихов — высшая форма безумия, — заметил Олег.

— Я говорю о машинах, а не о людях. Люди часто увлекаются странными занятиями. У них свое понятие о безумии. Многим оно представлялось, особенно в старину, чем-то возвышенным. Разве не говорили: «Я без ума счастлив!» или: «Она безумно хороша собой!» Один древний физик утверждал, что в науке справедливы только безумные идеи. К сожалению, человеческое сознание не всегда подчиняется логике. Но машины всегда логичны, полезны, разумны — этим и отличаются от своих создателей.

Олега мое разъяснение устроило.

— Эллон, ты займешься восстановлением мыслящих машин, — сказал он. — Но это не должно отвлечь лабораторию от других работ. Как экспе-

рименты с коллапсаном?

— Атомное время меняем свободно.

— Этого недостаточно. Ирина, иди к нам, — позвал Олег.

Я не раз замечал, что, когда появляются посторонние, Ирина отходит в сторону. Она без спешки приблизилась. Олег сказал с волнением, которое так редко показывал другим:

— Друзья мои, Ирина и Эллон. Боюсь, что мы не выведем звездолет из ядра, если не найдем физического процесса, позволяющего ускользнуть от враждебного наблюдения рамиров. Дайте мне возможность потерять хотя бы на время нашу одновременность с противниками. Возможно, в «раньше» их не было или в «потом» не будет, а в «сейчас» они есть и сильнее нас… Вы меня поняли, друзья?

Ирина только кивнула, Эллон сказал:

— Для экспериментов с макровременем мне нужен мертвый предмет и живое существо. Мертвых предметов много, а где я возьму живой организм?

— Возьми Мизара, — посоветовал я. — И раньше собаки использовались для экспериментов. Правда, Мизар — мыслящее животное, и вам надо разъяснить ему суть эксперимента и получить

его согласие…

— Говори с Мизаром ты, — отвечал Эллон. — Животных демиурги не считают равноценными себе, как любите делать вы, люди.

— Ирина, возьми переговоры с Мизаром на себя! Ты прав, Эллон, человек и к животному относится по-человечески.

Сомневаюсь, чтобы Эллон понял мою отповедь. Я снова подошел к МУМ с «Козерога».

— Знаешь ли ты меня? Слышишь ли?

Она в ответ пропела дребезжащим дискантом, совершенно не похожим на ее прежний уверенный баритон:

Стал Ваня лазить
В папину кассу.
Стал безобразить,
Красть денег массу!
Дин-дин-дон, дин-дин-дон,
Так звенят кандалы.
Так порой из-за баб
Погибают ослы!

2

Вечером ко мне пришел Ромеро. Он сел в

кресло, зажал трость между ногами, уставился рассеянными глазами на экран. Там был все тот же пейзаж мирового ада — световорот осатанело несущихся светил. Я вдруг с жалостью ощутил то, на что раньше как-то не обращал внимания: Ромеро сдавал — он и сейчас не допускал и сединки в голове, усах и бородке, но морщины было не скрыть. И лицо, холеное, все такое же красивое, выглядело усталым. Я сказал почти шутливо:

— Интересное приключение, не правда ли, Павел?

Он долго глядел на меня большими, темными глазами, и я вдруг вспомнил, как Мери как-то сказала: «Павел такой стройный, такой изящный, такой воспитанный, у него самые красивые глаза, какие мне приходилось видеть у мужчин, и он ухаживал за мной, Эли, а ты и не подумал ухаживать. А меня угораздило влюбиться в тебя, беспутный! Такая несправедливость!»

— Адмирал, у вас любовь к чудовищным парадоксам, — сказал он. — Трагедию назвать интересным приключением!

— Если вы вспоминаете Петри и товарищей…

— Я говорю о нас с вами, проницательный Эли! Какая непоправимая глупость! Как бабочка на огонь, влететь в кипящее ядро!.. Мотыльки в

адской печи! Слабые мотыльки в жестоких руках врагов!..

— Дались вам мотыльки, Павел!

— Да, дались, — сказал он горько. — С того момента, как рамиры уничтожили «Змееносец», я твержу про себя, что мы мотыльки, летящие на костер. И знаете, что я вам скажу? Это же самое словечко мне преподнесла МУМ нашего корабля.

— Вы были в лаборатории?

— Я оттуда. Я спросил, что она думает о разрывах времени в этом странном мире, называемом ядром Галактики. И она ответила… Как вы думаете, высокомудрый друг, что она ответила?

— Что-нибудь пропела безумными стихами?

— Да, стихами, стихи были такие:

Как мотылек, всю жизнь порхал без дела.

Менял цветы на новые цветы.

Но если кто душой моей владела,

Так это ты! Так только ты!

— Пошловатый куплетик. Интересно разве то, что МУМ воображает себя уже не глупенькой девчонкой, а развязным фатом.

— Нет, мой глубокий друг, интересно другое. В моем мозгу звучало слово «мотылек», и МУМ

использовала именно его. Вам это ничего не говорит, Эли?

— Решительно ничего.

— Напрасно, адмирал. Впрочем, вы никогда не интересовались древними нравами — такова уж ваша натура. Но знаете ли вы, Эли, что моя дипломная работа в университете носила название «Сентиментальная поэзия городского мещанства конца девятнадцатого века»? И что в той работе приводились все стишки, которыми оперирует наша спятившая с ума МУМ?

— Вот это интересно.

— Рад, что вы подходите к сути. Удар рамиров привел к раздвоению личности нашей бедной свихнувшейся машины.

— Раздвоению времени, Павел.

— Да, вы правы, раздвоению времени. Она одновременно в двух эпохах. Физически она здесь, перед нами. А всеми ассоциациями — в прошлом. Мы все связаны с ней своими излучениями, я тоже, как вы знаете, закодирован в ней. Она, очевидно, и раньше воспринимала мои мозговые импульсы, мои знания, мои представления о прошлом, но в своей практической работе не могла ничего использовать из этого запаса. А сейчас, выброшенная назад, оперирует лишь

знаниями о прошлом. Вы спрашивали, знает ли она вас, подсовывали ей уравнение Нгоро, но в прошлом, которое стало ее настоящим, не было вас, не существовало Нгоро. Безумие МУМ в том, что физически она «здесь» и «сейчас», а интеллектуально «там» и «раньше».

— У других МУМ другие формы безумия, Павел.

— Каждый сходит с ума по-своему, дорогой адмирал. Это относится не только к людям, но и к машинам.

— Ваша мысль, Павел, открывает любопытную возможность восстановления МУМ.

— Я предвижу другую возможность: все мы вскоре сойдем с ума.

И он вспомнил Оана с его больным временем. Перспектива, которой грозил предатель, осуществилась: мы в больном временем. В диком хаосе ядра нестабильность времени, возможно, гарантирует устойчивость физического существования светил, но для нашего гармонического организма она губительна. Крохотное выпадение момента, называемого «сейчас», уже чуть не погубило нас. Мы заболели, еще пока не зная о том. Распад связи временного потока совершается теперь и в нас.

— Но МУМ уже сошли с ума, а мы пока не безумны. Если только не считать безумной вашу

теорию, что время в нас тоже поражено…

— Мы организмы, а МУМ — механизм. Организм, вероятно, имеет внутренний стабилизатор времени. Не сомневаюсь, что природа, порождая жизнь, позаботилась и о защите жизни в таких катаклизмах, как нарушение одновременности. Она-то ведь лучше знает свои выверты, чем мы их. А мы и понятия не имели, что МУМ надо снабжать стабилизаторами времени. Но не переоценивайте и нашу крепость! Нарушения синхронности времени накапливаются в клетках. Когда они превзойдут предел прочности биологического стабилизатора, будет покончено и с нашим разумом.

— Постараемся до той поры выскользнуть из мест, где время нестабильно. Павел, давайте проверим на практике нашу гипотезу. Займитесь вместе с Эллоном и Ириной восстановлением наших МУМ.

Он с изумлением смотрел на меня.

— Вы насмехаетесь, Эли? Я — и ремонт приборов! Осмелюсь напомнить, я историк, а не инженер.

— Вот именно — историк! Это как раз и нужно. Если МУМ интеллектуально в прошлом, то лишь историк может вывести ее из прошлого в насто-

ящее. Представьте себе, что вам дали в обучение человека, заснувшего шестьсот лет назад. Вы посадите его за парту и заставите заучить события, которые протекли с момента усыпления до момента пробуждения — и он окажется в своем новом времени. Проделайте что-нибудь подобное с застихотворившей МУМ. Вас не шокирует такое выражение?

— Вы никогда не отличались правильностью речи, Эли, я с этим примирился. Однако напомню, что «застихотворившая» МУМ одна, а у других сумасшествие иного сорта. Их тоже лечить уроками истории?

— Их будут лечит уроками логики. Причина предшествует следствию — в наши машины заложена такая схема. Разрыв времени нарушил ее. Думаю, мы найдем способ бороться с логическим безумием, если вы справитесь с безумием историческим.

Мне казалось, что я уже убедил его, но он вдруг, снова впав в отчаяние, поднял вверх трость и воскликнул с пафосом:

— Зачем все эти ремонты, лечения, восстановления?… Мы попали в ад, из которого нет выхода. Где мы? В ядре Галактики? Сделайте простой расчет — нет никакого ядра! Ибо что-то единое

может существовать только в едином времени, а его-то и нет! Мы нигде, ибо в разных местах одновременно! Я уже схожу с ума, в моем мозгу не укладывается одновременность разновременности и разновременность одновременности! Мне надо знать — «когда» мы в этом проклятом «где». Можете ли вы меня понять? Муки Гамлета, ощутившего в душе разрыв связи времен, ничтожны сравнительно с моими, ибо время рвется во мне и в душе, и в теле, а кругом меня нет единого времени, и я даже не знаю, сидите ли вы сейчас против меня или вы в непостижимом будущем, а на меня падает ваша тень оттуда, и я беседую с тенью.

Мне нестерпимо захотелось ударить его. В безумие он еще не впал, но истерика началась. Он схватился руками за голову; сдавалось, вот-вот он будет рвать на себе волосы, вопить, остервенело вращать глазами. Я подошел к нему, сжав кулаки. Он медленно снял руки с головы.

— Вы хотите бить меня, адмирал? Бейте, я не буду защищаться. Раньше людей били. Иногда это помогало.

Только эти слова, сопровождаемые слабой улыбкой, и спасли его от затрещины. Я снова уселся и положил руки на колени, чтобы унять их

злую дрожь. Я теперь понимал, что испытывали капитаны на кораблях, где команда выказывала непослушание. Истерика в обстановке повторяющихся катастроф вряд ли лучше бунта на паруснике.

— Павел, взываю к вашему разуму, к вашему светлому разуму, Павел! Вы обиделись, что я назвал трагедию интереснейшим приключением? Но разве сегодня мы — в некотором роде, только в некотором роде, — не счастливейшие из людей?

— Счастливейшие из людей? Эли, я уже говорил вам — устал я от ваших парадоксов…

Но я напомнил, что Олег с детства мечтал о путешествиях в ядро Галактики, самое таинственное и недоступное место Вселенной, и что он первый из галактических капитанов привел сюда звездолеты, и что он войдет в мировую историю как первооткрыватель ядра, — может ли он быть несчастным, даже если закончит свой век на десяток лет раньше? И что Ромеро, знаток древностей, специалист по сравнительной истории обществ, получил возможность узнать такие формы жизни, такие разумные цивилизации, о каких до него и не подозревали, — что же, и эти открытия зачислить в разряд несчастий? И что Ольга, Осима и Камагин всегда видели

главный смысл своей жизни в том, чтобы вести могущественные корабли по неизведанным звездным трассам, — так разве не добились они цели жизни, даже если придется расстаться с самой жизнью?

Он приподнялся, оперся на трость.

— Мой старый друг Эли! Я не хочу с вами спорить. Адмирал, я пойду выполнять ваше приказание о возврате МУМ из прошлого в настоящее.

Я прикрыл дверь, чтобы даже Мери не могла в эту минуту войти: ей тоже нельзя было видеть, что происходит со мной. А когда стук трости Ромеро перестал быть слышен в коридоре, я опустился на диван и схватил себя за голову, как только что Ромеро, и застонал от отчаяния, от безысходности, от ужаса того конца, который предвидел. Истерика, предотвращенная у Ромеро, била и била меня самого, ибо у меня имелось куда больше причин впадать в нее. И я не мог просить ничьей помощи — еще не пришло время раскрывать тайну, надо было раньше подготовить спасение корабля.

3

Я попросил Эллона пристроить к трансформатору времени еще и стабилизатор, наподобие

того, что создан природой в наших телах: я так уверовал в эту гипотезу Ромеро, что оперировал ею как фактом. Эллон зло сверкнул глазами.

— Адмирал, не лезь в дела, которых не понимаешь! Трансформатор, стабилизатор! А что мы делаем, по-твоему? Я создаю универсальную машину времени, заруби это себе на носу, адмирал!

При этом он возбужденно прыгал передо мной и яростно размахивал руками. Я знал, что Эллон плохо воспитан, если оценивать воспитание человеческими мерками, и что он, изучая человеческий язык, с особой охотой запоминал ругательные словечки. Но он толковал их слишком буквально, он так свирепо поглядел на мой нос, что у меня возникло опасение, не хочет ли он и вправду рубануть по нему. Я отнес его возбуждение к тому, что даже не знающие отдыха демиурги переутомились: сомневаюсь, чтобы после катастрофы со «Змееносцем» Эллон отдыхал хотя бы час. Что начинается предсказанное Ромеро безумие — мне и в голову прийти не могло.

Впервые я ощутил неладное, когда Мизара подвели к трансформатору времени. Это был огромный прозрачный шар на постаменте. Вокруг громоздились излучатели и отражатели, шар соединялся полой трубой с коллапсаном,

рядом были еще сооружения и механизмы, но их назначение мне осталось непонятным, и описывать их не буду.

Укажу лишь, что до эксперимента с Мизаром Эллон испытал несколько предметов, попеременно отправляя их в прошлое и будущее. Из прошлого и будущего вещи возвращались целехоньки. Если бы и опыт с Мизаром удался, это означало бы, что найден реальный путь бегства из ядра, так как при встречах со светилами мы двигались бы не в их, а в своем времени и физическое столкновение исключалось.

На испытание пришли Олег и Ромеро, Граций и Орлан, Мери и Ольга. Эллон сам открыл входное отверстие в трансформаторе времени. Ирина привела Мизара. Пес глухо повизгивал, беспокойно поворачивался, ткнулся носом в мои колени, лизнул руки Мери, вдруг вскинул лапы на плечи Ромеро — тот от неожиданности уронил трость. Ирина гладила Мизара, что-то ласково шептала ему. Мне не понравилось выражение лица Ирины. Я подошел ближе.

— Милый, милый! — говорила Ирина псу. — В прошлое, в далекое прошлое! И мы побежали бы по лесу! И я бы лаяла, как ты!

— В лес! В лес! — возбужденно рычал пес и

нервно лизал руки Ирине. — Мы будем лаять вместе! Мы будем вместе охотиться!

Шепот Ирины слышал я один, но ответы пса дешифратор доносил до всех. Все почему-то решили, что Ирина обманными ласковыми словечками подготавливает Мизара к опасному путешествию в прошлое. Но я хорошо знал, что пес у Лусина сдал человеческую историю на собачью пятерку — по шкале для псов с высоким интеллектом — и в иллюзиях не нуждался. Мы так и условливались с Ириной: подготовка Мизара будет в объяснении важности его роли, а не в прельщении радостями путешествия в прошлое.

— Ирина! — сказал я тихо. — Ирина, обернись!

Она медленно поднялась с колен. У нее были странные глаза.

— Адмирал, вы позволите мне уйти с Мизаром? Я люблю его.

Я сжал ее руку так сильно, что она охнула. Боль она еще способна была чувствовать.

— Ирина, ты не любишь Мизара! Ты любишь Эллона, Ирина.

— Эллона? — переспросила она нежным протяжным голоском. — Как я могу любить Эллона, если вы запретили? Я так послушна, адмирал, я так послушна!

— Глупости! Ты своенравна, а не послушна! А сейчас ты нездорова. Тебе невесть что вообразилось. Иди отдыхать, Ирина.

— Вы думаете, я не люблю Мизара? — спросила она с сомнением.

— Ты его любишь, конечно. Я его тоже люблю, и мама твоя, и Мери... Этого недостаточно для совместного путешествия в прошлое.

— Я недостаточно люблю тебя, Мизар, — сказала она покорно. — Мне вообразилось, будто я тебя больше всех люблю. Я такая послушная, Мизар! — Она вдруг с тоской заломила руки. — Ах, адмирал, разрешите мне кого-нибудь полюбить!

Я подозвал Ольгу. С ней подошли Олег и Мери. У Ирины изменилось лицо, когда она увидела Олега. Она простонала, отстраняясь руками:

— Не ты, не ты! Ты променял меня на экспедицию, где погибнешь.

— Ирина, приди в себя! — сказал он, очень бледный. — Вспомни наш разговор на базе! Ты ведь сама попросилась в экспедицию. Мы вместе на корабле, Ирина! Ты не осталась в Персее.

Она заплакала, спрятав лицо на груди матери.

— Ольга, отведи ее к себе, — попросил я. — И не отходи от нее. У нее тяжелейшее расстройство.

Пока мы шептались около Мизара, Эллон ждал

у открытого люка. Но когда Ольга, обняв дочь, стала уводить ее, Эллон раздраженно крикнул:

— Люди, не хватит ли шушукаться? Трансформатор времени перегревается на холостом ходу! Кто поведет Мизара?

— Я поведу Мизара, — ответил я и, как Ирина, опустился рядом с ним на колени и ласково провел рукой по густой шерсти. — Мизар, друг мой. Дело не в том, чтобы побегать и полаять в лесу. Предстоит неслыханный эксперимент, и если он удастся, мы все спасены. Готов ли ты помочь нашему спасению?

— Веди меня, Эли, — мужественно прорычал он и лизнул мне руку.

Эллон захлопнул люк и отошел к коллапсану. Трансформатор времени заработал.

И вскоре мы увидели, как пес исчезает. Он пропадал так же, как пропадал Оан, когда пытался бежать. Мизар становился из тела силуэтом. В трансформаторе было жарко, пес высунул язык, уставился на нас нестерпимо блестящими глазами. И когда тело стало бледнеть, еще сопротивлялись уходу глаза и язык. Настала минута, когда тела уже не было, а глаза сверкали и язык мотался, живя самостоятельно. А потом и глаза потускнели, а язык еще двигался — один

бледнеющий, пропадающий, живой и в самый последний момент исчезновения язык! Прозрачный трансформатор времени опустел.

— Мизар в будущем! — воскликнул Эллон, отходя от коллапсана. — В самом близком будущем, в какой-то тысяче лет по вашему счету. Пусть он там потушится в жару расплавленного времени! — Эллон захохотал: я содрогнулся.

— Сколько он пробудет в будущем, Эллон?

— Всего лишь час, адмирал, всего лишь час! А потом я выключу коллапсан, и твой пес вывалится в наше время.

Эллон доказывал, что создание выхода в будущее — пустяк. Нужно лишь убыстрить время, не меняя его направления. Время бежит от прошлого к будущему, коллапсан подгонит его — и все! Трудней путешествовать в прошлое: надо менять течение времени на обратное. Коллапсан и эту трансформацию проделает. Но как к ней отнесутся объекты? Мертвые предметы не чувствуют перемены, они одинаковы и в прошлом и в будущем. А организмы погибнут, если не повернуть время особым образом.

— Естественные ткани, которые так приятны галактам, не выдержат перескока через нуль времени. — Эллон злорадно осклабился. — А ор-

ганы искусственные запросто вынесут поворот на обратное течение.

Галакт величественно возвышался над Эллоном.

— Ты сказал — поворот времени особым образом, Эллон? Как это понимать? И почему переход через нуль для естественных тканей так опасен?

— Потому что нуль времени — остановка всех процессов. Для камня, для металла здесь горя нет, для живого это смерть.

Я возразил, что мы при столкновении двух солнц уже прошли через остановку времени, через потерю нашего «сейчас». Эллон не согласился. Остановка была коротка. Мы обмерли, но не умерли, ибо тут же восстановился естественный ток времени от прошлого к будущему. А поворот времени равносилен взрыву.

— Мне пришлось бы поворачивать в обратное существование твой труп, адмирал!

Эллон нашел для организмов лишь один способ выхода в прошлое: бросить живое существо в будущее, по прямому току времени, а если оно там не удержится и покатится назад, то, не задерживая в настоящем, дать падать дальше, уже в прошлое — по инерции, а не под действием внешних сил. Движение по инерции времени — всегда

бег к точке реального существования, такова природа времени. И если существо, падающее из будущего в настоящее, по инерции очутится в прошлом, то переход через нуль времени совершится без потрясений. Тогда и наддать ускорения коллапсаном — и выбрасывай объект в любое прошлое: все прошедшие миллионолетия станут доступны для нового заселения!

Пора было возвращать Мизара в наше время. Эллон повернул рукоять на панели коллапсана. В трансформаторе что-то замутилось, замелькала тень и стала превращаться в собачий, жадно глотающий прохладу язык, а чуть выше зажглись два огонька, сперва тусклые, потом все более светящиеся. В трансформаторе времени обрисовался Мизар, живой, восторженно рвущийся к нам.

Люк распахнулся, и Мизар пулей вылетел наружу. Он кинулся на грудь Ромеро, и Ромеро упал. Та же участь постигла и меня, а за мной от удара массивной собачьей головы пошатнулся Граций. Галакт устоял на ногах, я радостно обнял Мизара за шею.

— Уймись, бешеный! Расскажи, что видел в своем путешествии?

Мизар ничего не видел, кругом был туман, потом появились звезды, они мчались и недобро

вспыхивали, он лаял на них. В общем, все было как на звездных экранах. Холода он не испытывал, проголодаться не успел, но жара была такая, что Мизар подыхал от жажды.

— Сейчас тебе дадут пить, — сказал Эллон.

Пока Мизар лакал воду, Эллон подготовил трансформатор к новому путешествию во времени. Я спросил, нельзя ли отложить полет в прошлое на завтра, чтобы Мизар отдохнул. Эллон сказал, что не только сиюминутное, но и прошлое время не ждет. Я снова обнял Мизара и спросил, все ли ему говорила Ирина о программе эксперимента. Пес улыбнулся. Все мы знаем, что собаки отлично улыбаются — не одним хвостом, но и глазами, и пастью, но у сдержанной улыбки Мизара была особая прелесть. Он именно улыбался, даже в минуты наивысшей радости не позволяя себе вульгарно захохотать. Таковы, впрочем, многие собаки. Деликатность — в собачьей крови.

И снова мы увидели, как превращается в туманный силуэт большое красивое тело Мизара и как в пустоте еще минуту светятся два глаза и красный язык вымахивает прохладу уже невидимому телу. В лаборатории опять появился ушедший было Олег. Ирина лежала без сознания, у ее кровати дежурила Ольга. Олег опасался за

ее жизнь. Люди и демиурги снабдили эскадру отличнейшими лекарствами, в том числе и от помрачения психики, но ни одно не подействовало. Медицинский автомат три раза выдавал разные диагнозы и назначал разное лечение — в его памяти нет знаний о болезни Ирины, настолько она необыкновенна.

Раздался резкий голос Эллона:

— Внимание! Возвращение из будущего! Пролет по инерции в прошлое!

Мизар вылетел из будущего без торможения в настоящем. Внешне это выглядело так, что в трансформаторе обрисовались в той же очередности тяжко пульсирующий язык, два глаза, туловище, ноги. Какую-то секунду я ожидал, что возвративший свой телесный облик пес радостно залает и потребует выхода наружу. Но туловище, так и не дорисовавшись до телесности, опять посветлело почти до полной прозрачности и пропало. Мизар, не задержавшись в настоящем, с разгона вылетел в прошлое. Эллон, согнувшись над коллапсаном, следил за огоньками, вспыхивающими на панели.

— Подопытный пес унесся в прошлое, — сказал он Олегу. — Нуль времени Мизар прошел живой и невредимый.

— Сколько ждать возвращения Мизара, Эллон?

— Около часа, командующий.

Я сказал Олегу:

— Если ты останешься здесь, я проведаю Голос. Он, вероятно, соскучился в одиночестве.

В рубке я стал ходить вдоль стены, как любил делать Граций. Анализаторы передавали Голосу картину эксперимента полней, чем это мог сделать я. Он только спросил о моем отношении к полетам в иное время. Меня наполняли смутные ощущения — надежда, боязнь и еще что-то, что можно было бы назвать инстинктивной неприязнью к опытам над живым существом.

— Положение, вероятно, грозней, чем все мы представляем себе, — сказал Голос.

— Ты тоже опасаешься, что нам грозит безумие?

— Безумие уже началось.

— Кроме Ирины, сознание не помутилось ни у кого. Машины, конечно, сразу спятили.

— Машинный интеллект не защищен стабилизатором времени, как организмы. Они и должны были пострадать раньше.

— Ты и с этой гипотезой Ромеро согласился?

— Ромеро точно назвал причину.

— Неужели мы лишимся рассудка, Голос?

Он сказал, что у нас уже утрачена сиюминутность, вернее, не сиюминутность, а сиюмгновенность. Время на корабле пульсирует между ближайшим прошлым и ближайшим будущим. Оно не течет плавно, а вибрирует. Его сводит судорога. Голос ощущает дрожь времени в каждой клетке мозга. Вибрация между прошлым и будущим заставляет вибрировать и мысль: приказы, которые он отдает механизмам, дрожат. Грубые исполнительные механизмы, к счастью, не разбираются в таких тонкостях, как дрожание мысли, вибрация приказа. Долго так продолжаться не может. Наступит мгновение, когда вибрирующий приказ перестанет быть приказом. Тогда на корабле все замрет.

— Граций дублирует тебя, но ни о чем похожем не говорит, — сказал я в недоумении.

— Скоро и он почувствует. Скоро вы все почувствуете, Эли. Время все сильней лихорадит. Промежуток между прошлым и будущим, внутри которого пульсирует время, постепенно раздвигается. И каждая вибрация оставляет след — накапливается прошлое, концентрируется будущее. Когда несовместимость прошлого с будущим станет слишком большой, время опять разорвется. В прошлый раз мы вырвались из разо-

рванного времени между двумя солнцами, а что будет, когда время разорвется на самом корабле?

— Грозно, даже очень! Есть ли шанс на спасение?

— Только один — срочная стабилизация времени на корабле. Стабилизатор времени сейчас важней, чем трансформатор.

Меня вызвали в лабораторию. На полу лежал бездыханный Мизар. Глаза его были дико распахнуты, пасть оскалена, шерсть вздыблена. Все в молчании смотрели на мертвого пса. Молчание разорвал грозный голос Орлана:

— Эллон, ты обещал, что Мизар благополучно перейдет через нуль времени. Ты солгал.

Эллон так втянул голову, что над плечами виднелись только глаза, потускневшие и жалкие.

— Орлан, я не лгал. Мизар благополучно проскочил нуль времени. Мы все видели… Он исчезал в прошлом живой. Все видели…

— А вернулся мертвым. У тебя есть объяснение, Эллон?

Эллон сказал еле слышно:

— Я буду искать объяснения, но пока его нет.

Мизара перенесли на стол для исследования, а я рассказал друзьям об опасении Голоса.

— Тебе лучше опять пойти в рубку, — посовето-

вал я Грацию. — Боюсь, у Голоса сдают нервы.

— Я поговорю с Эллоном, — сказал Орлан.

Эллон подошел подавленный.

— Голос предупреждает, что время на корабле вибрирует между прошлым и будущим и амплитуда увеличивается. Когда заработает стабилизатор корабельного времени, Эллон? — спросил Орлан.

— Немедленно займусь стабилизатором, Орлан. Оставлю все работы с трансформатором и переключу стабилизатор с микровремени на время корабельное, — поспешно сказал Эллон.

Орлан холодно проговорил:

— Ты не понял, Эллон. Я спрашиваю не о том, когда ты займешься стабилизатором. Ты меня не интересуешь. Когда заработает стабилизатор, Эллон?

— Стабилизатор заработает завтра, — покорно сказал Эллон.

Я бросил последний взгляд на мертвого пса и увел Олега из лаборатории. В коридоре я сказал ему:

— Олег, если мы с тобой сдадим, последствия будут ужасны. Что бы ни случилось с другими, мы не должны поддаваться вибрации времени. И если все-таки произойдет разрыв между про-

шлым и будущим, держись за будущее, оставайся в будущем, Олег, ни в коем случае не выпадай в прошлое!

— Ты прав — нам с тобой надо держаться.

У него были усталые глаза — красные, воспаленные, опухшие. Я вздохнул. Только в двоих на корабле я был в какой-то степени уверен — в себе и в нем. И это было ужасно. Но почему ужасно, я не мог ему сказать.

4

Я пришел к себе поздно. Мери уже спала. Я осторожно разделся и лег. Меня разбудили рыдания Мери. Она сидела на диване и плакала, уронив голову на руки. Я схватил и повернул к себе ее лицо.

— Что с тобой, Мери? Что с тобой? — говорил я, целуя ее мокрые щеки.

Она отстранилась от меня.

— Ты меня не любишь! — прорыдала она.

— Мери! Что ты говоришь? Я не люблю тебя? Я? — после мутного сна я ничего не мог сообразить и снова хватал ее и целовал.

Она опять вырвалась, гневно топнула ногой.

— Не прикасайся! Не любишь! И если хочешь знать, я тоже тебя не люблю!

Лишь сейчас я начал понимать, что происходит. Я отошел от Мери, сел в кресло, спокойно заговорил:

— Итак, я тебя не люблю? И ты меня не любишь? Интересное признание! Но почему ты решила, что я тебя не люблю?

— Ты спрашивал обо мне Справочную! — лепетала она сквозь слезы. — Ты испугался, что нас разделяет такое несоответствие, а я ведь тоже испугалась, но думала о тебе и все искала, все искала встречи! Я хотела тебя видеть с того вечера в Каире, а ты уехал на Ору, даже не пожелал взглянуть на меня, я ведь собиралась извиниться, что была груба на концерте и в ту бурю в Столице, мне так надо было извиниться! Я думала о тебе постоянно, я не выключала стереоэкранов, чтобы случайно не пропустить передачи с Оры, я могла там среди других увидеть тебя.

Я заговорил с нежной настойчивостью:

— Ты ругала меня в Столице, а я думал: каким она чудесным голосом разговаривает со мной! Ты хмурила брови, а я восхищался: никогда не видел бровей красивее! Ты сверкала на меня глазами, а я растроганно говорил себе, что прекрасней глаз нет ни у кого, даже равных нет! Ты, сердитая, уходила, а я любовался твоей фигурой, твоей

походкой, тем, как ты размахиваешь руками, и так был счастлив, что могу любоваться тобой, что мне дана эта радостная доля — смотреть на тебя.

Она простонала, стискивая руки:

— Ах, это ужасное слово «было»! Ты безжалостен, Эли, все у тебя — только было, только было!..

— Да, Мери, ты опять права, ты всегда права, ужасное, ужасное слово «было»! И все-таки сколько в нем хорошего! Ведь среди того хорошего, что было, был и наш сын, единственный сын наш, Астр, вспомни о нем, ведь он тоже был, Мери, ведь у нас с тобой был сын, и его звали Астр!

Она рыдала:

— Перестань, ты разрываешь мне сердце, Эли!

Я опустился перед ней на колени, прижался лицом к ее горячим рукам, страстно шептал:

— Нет, Мери, не перестану! И если нет другого исхода, разорву твое сердце, но не позволю забыть об Астре!

Безумие еще боролось в ней с разумом, но разум побеждал. Она сказала горько:

— Да, Эли, есть что вспомнить, есть чем гордиться. Но все это в прошлом, все в прошлом!

Я встал. Я уже знал, что спасу ее.

— Многое, многое в прошлом, но не все! Разве

мы в прошлом? Мы здесь, Мери! И наша любовь с нами! Было, было — и есть!

Теперь и она подошла ко мне, схватила меня за плечи.

— Ты сказал — есть, Эли? Ты сказал — есть? Я верно слышала?

— Ты верно слышала, Мери. Есть! Мы есть — и наша любовь с нами!

Она улыбнулась. Она снова видела меня насквозь. Я мог больше не тревожиться за нее.

— Иди, Эли. Я тоже скоро выйду. Загляни к Ирине.

Я весело помахал ей рукой, выходя. А за дверью прислонился к стене и в изнеможении закрыл глаза. У меня было такое ощущение, будто я тонул, и меня вытащили, и я никак не могу надышаться.

Ирина лежала с закрытыми глазами в своей комнате. Она так и не пришла в себя после обморока в лаборатории. У постели сидела Ольга. Я опустился на диван. Ольга сказала:

— Ты плохо выглядишь, Эли.

— Все мы плохо выглядим, Ольга. Как Ирина?

— Опасности для жизни нет. Но в сознание она не возвращается. Это тревожит меня.

— При нынешних передрягах со временем,

может быть, и хорошо, что она без памяти. Лучше уж выключенное сознание, чем разорванное.

Она не сводила с меня внимательного взгляда. Это вдруг начало раздражать меня.

— Что-нибудь еще случилось, Эли, после гибели Мизара?

— Почему ты так думаешь, Ольга?

— Я вижу по тебе.

— Мери заболела. Из ее сознания выпало ощущение настоящего. Она вся была в прошлом. Она воображала себя, какой она была в дни нашего знакомства. И ей почему-то стало казаться, что я ее не люблю. Я помучился, пока вытащил ее из провала в прошлое!

— А Ирину мучит желание влюбиться, — задумчиво сказала Ольга. — И она отворачивается от тех, кто ее любит. Меня еще выносит — видишь, я сижу рядом, а она не шевелится. Мое присутствие ей приятно.

— Что она может чувствовать в беспамятстве?

— Не скажи, Эли. Приходил Олег и сел рядом, и она стала беспокойно ворочаться. А когда он взял ее за руку, вырвала ее.

— Не приходя в сознание?

— Не приходя в сознание. Очень странные формы принимает нарушение тока времени. Жалею,

что я не психолог. Я бы рассчитала связь микропульсаций времени с микроразрывами психики.

— Приходится и мне жалеть об этом. Вооруженные такими расчетами, мы избегли бы многих опасностей. Пока же будем утешаться тем, что мы с тобой не подвержены безумию. Ты ведь не собираешься проваливаться мыслью в прошлое.

Она тихо засмеялась.

— А что бы изменилось, Эли? Мое прошлое неразличимо от настоящего. Что в прошлом, что в настоящем — судьба одна.

— Как понимать — судьба одна?

— Я любила тебя, Эли, — сказала она спокойно. — Я любила тебя девочкой, любила взрослой. Я была женой Леонида, но любила тебя. С этим уже ничего не поделаешь, Эли, но я хочу, чтобы ты знал: у меня не было других чувств, кроме этой любви! Иногда я думаю: я была рождена только для любви к тебе и поэтому ничего другого не знала в жизни.

Захваченный врасплох, я дал ей выговориться. Она нежно смотрела на меня, маленькая, поседевшая, но такая же розовощекая, такая же уравновешенная и добрая, какой я всегда ее знал. И вдруг я понял, что она не признается в чувстве, томящем ее сейчас, а просто оглядывается на

жизнь, только оглядывается! И это было так удивительно, что я воскликнул:

— Чепуха, Ольга! У тебя было в жизни так много событий, успехов и славы, что маленькое неудачное чувство ко мне терялось среди них! Вспомни, кто ты! Знаменитый астронавигатор, первая женщина — галактический капитан, великий ученый, великий воин космоса!

Она покачала головой.

— Да, ты прав, Эли, многое было в моей жизни. Но была и любовь к тебе. Верная любовь, Эли, долгая, как вся моя жизнь. И когда я умирала, я разговаривала с тобой и ты гладил мою руку, а я говорила, как любила тебя, как только одного тебя любила!

— Посмотри на меня, Ольга! — потребовал я.

Она с улыбкой взглянула на меня, положила руку на мою руку. Она была здесь, в настоящем, я ощущал тепло ее ладони. Но смотрела она на меня из будущего. Каждый на корабле сходил с ума по-своему…

Ирина зашевелилась на кровати. Ольга сказала:

— Она хочет подняться. Выйди, пожалуйста, Эли.

Я шел по бесконечным корабельным кори-

дорам и гневно сжимал кулаки. Враги были сильней меня уже одним тем, что я не мог предугадать, откуда они нанесут удар. Недалеко от командирского зала на меня налетел Осима. Он что-то возбужденно шептал себе, судорожно размахивал руками. Я знал, что Осима отважен в бою, отличен в спорте, опасно фехтует. Но что он способен бессмысленно размахивать руками — не ожидал. Я схватил его за плечо.

— Осима, почему вы оставили свой пост?

— Пустите, адмирал. Я сдал дежурство Камагину. Я очень спешу, уберите руку.

— Я хочу знать, куда вы спешите, капитан Осима?

Он перестал вырываться. Я был все-таки сильней. Он оглянулся и сказал, доверительно понизя голос:

— Я догоняю О'Хару-сан. Девушку по имени Весна.

— О'Хару-сан? — Я опешил. — Осима, но ведь у нас нет девушек по имени О'Хару-сан или Весна!

Он с недоверием слушал меня:

— Адмирал, я должен верить вам, но не могу поверить. Нет О'Хару-сан? Но ведь я думаю только о ней! Я хочу встретиться с О'Хару-сан!

— Тем не менее ее нет на корабле. Она существу-

ет лишь в вашей мечте, Осима. Вы бредите наяву, мой друг. Возвращайтесь в командирский зал.

Мои слова не доходили до него. Его вела извращенная логика. Он сказал с педантичным упрямством:

— Как же ее нет, если я о ней думаю? Она всегда со мной, как же ее нет?

— Нет и не было О'Хару-сан! — яростно крикнул я. — Никогда не было девушки Весны!

— Тогда пойду искать ее, адмирал! — объявил он с воодушевлением. — Если ее не было, ее нужно найти. Она должна быть, девушка Весна! Я не возвращусь без той, которой не было!

Он попытался обойти меня, но я рванул его к себе. Осима сделал неуловимое движение, и я рухнул на пол. Я был на голову выше его, в полтора раза тяжелее, но он швырнул меня наземь, как куклу. На мгновение я потерял сознание.

— Адмирал! Адмирал! — донесся испуганный выкрик Осимы. — Я сделал вам плохо? Простите меня, адмирал. Я сам не знаю, что со мной!

Я с трудом поднялся. Осима заботливо поддерживал меня. С него мигом слетело безумие.

— Все в порядке, капитан Осима, — сказал я. — Идемте в командирский зал.

В кресле командира корабля сидел Камагин,

Олег беспокойно ходил по залу. Я с опаской поглядел на маленького космонавта. Эдуард работал четко и быстро. И хотя МУМ не было и все приказы исполнительным механизмам он мог отдавать лишь через Голос и лишь через него получал информацию анализаторов, он держал себя, будто и не нарушалось управление кораблем. На экране кипело ядро, стреляя звездами, но в диком хаосе настигающих одно другое светил Камагин вел звездолет с уверенностью моряка, командующего судном в шторм. И я подумал, что если Камагин впадет в безумие прошлого, то это будет самый неопасный для нас род сумасшествия, так как и в своем далеком прошлом он был отважным галактическим капитаном, возможно, самым умелым среди нас, ибо вел корабли в эпоху, когда МУМ и в проекте не было, — я чуть было не употребил выражение «в помине не было». И если бы даже погиб Голос, и тогда то, что для нас предстало бы ужасной катастрофой, для него явилось бы лишь возвращением к хорошо освоенному искусству ручного кораблевождения.

Осима сел рядом с Камагиным. Я вполголоса сказал Олегу:

— Ты заметил, в каком состоянии Осима?

— Осима плох. Поэтому я и разрешил ему уйти.

— А я возвратил его обратно. Боюсь, потакание безумию лишь усиливает его. Я немного повымел вздор из головы Осимы, но не знаю, надолго ли.

— Во всяком случае, без подстраховки ему уже нельзя поручать командование звездолетом, — сказал Олег, и я согласился с ним.

Я побыл в командирском зале несколько минут. Когда я уходил, Осима разрыдался. Он вслух горевал, перемежая слова всхлипами:

— Не было девушки Весны — О'Хару-сан! Не было обвитой гирляндами лиан с цветами сакуры в темных волосах О'Хару-сан! О, весна души моей, благоуханная О'Хару-сан, не было тебя! И я должен пережить, огнеглазая О'Хару-сан, что тебя нет и никогда не будет!

— Я бы все-таки направил его в госпиталь, Эли, — сказал Олег.

— А кто там будет ухаживать за ним? Такие же потерявшие разум? И мне кажется, ему уже лучше. Раньше он бежал искать О'Хару-сан, а сейчас прощается с ней.

И, как бы подтверждая мои слова, Осима достал платок, вытер залитое слезами лицо, одернул китель и сказал почти нормальным голосом:

— Адмирал, у капитана Осимы кружится голова. Я сдал дежурство капитану Камагину. Я пока

подремлю в кресле, адмирал.

В дальней стороне ходил от стены к стене Орлан. Вокруг него установился клочок свободного пространства: никто не осмеливался нарушать невидимую межу, отделявшую Орлана от остальных. Еще несколько дней назад такая картина показалась бы немыслимой: Орлан до того старался не выделяться на корабле, что как-то пропадал в любой группе, где было больше трех.

— Привет, друг Орлан! — Я постарался, чтобы приветствие прозвучало сердечно, а не выспренно. — Есть ли успех со стабилизатором времени?

Орлан надменно взглянул на меня:

— Странный вопрос, адмирал Эли! Разве ты не слышал, что демиург Эллон обещал пустить стабилизатор сегодня?

Я пробормотал в замешательстве:

— Да, я слышал. Эллон обещал тебе…

— Или думаешь, что Эллон осмелится обмануть меня? У демиургов обманы невозможны. Успокойся. День только начался, адмирал Эли.

Он тоже впал в безумие. Все на корабле впадали в безумие. Вибрация времени между прошлым и будущим раскалывала психику. В сознании накапливалось возвращенное к жизни прошлое, сгущалось еще не обретенное будущее. В раздво-

енной душе перевешивало прошлое: оно было лучше известно, оно казалось ближе. Только Ольга ушла в будущее, остальные рухнули в прошедшее.

И, молча глядя на высокомерно попархивающего взад и вперед Орлана, я вдруг с отчетливостью увидел, каким он был, когда еще не стал нашим другом, и как держались с ним его подчиненные, его лакеи, его рабы. Жестокое подчинение, неумолимое подчинение, даже мысль об ослушании, даже тайное желание свободы — тягчайшее преступление. Но если мы спасемся, а он останется прежним? Как примириться с таким вот властителем и вельможей? У меня было ощущение, что я теряю друга, милого друга, одного из самых близких…

Я пробормотал вслух:

— Так недолго с ума сойти от одного вида безумия.

Орлан услышал мое бормотание.

— Ты что-то сказал? Повтори!

— Я не помню, что говорил, Орлан, — ответил я и ушел к себе.

Мери спала и блаженно улыбалась во сне. Я полюбовался ее разрумянившимся лицом, взял диктофон и спустился в консерватор. Здесь

прибавился новый мертвец — Мизар, живым унесшийся в будущее и живым возвратившийся оттуда, но не переживший возврата в прошлое. Я придвинул кресло к саркофагу Оана. Где он был? В прошлом или будущем? В какой момент схватили его силовые цепи Эллона? Сможет ли он возвратиться, если мы раскроем его тесницу, как возвратился из будущего Мизар?

— В одном ты оказался прав, предатель, — сказал я Оану. — Ты грозил нам раком времени — и рак времени поразил нас. Радуйся, Оан! Наши души кровоточат, скоро тела наши, истерзанные раздвоением психики, бессильно свалятся на пол, на кровати, окаменеют в креслах. Ликуйте, жестокие, вы победили. Но зачем вам нужна такая победа? Ответь мне, предатель, зачем вы воюете против нас?

Я помолчал, отдыхая, потом снова заговорил:

— Безумие охватывает всех на звездолете. Уже одно то, что, живой, я прихожу к тебе, мертвецу, и разговариваю с тобой, не свидетельствует о ясности ума. У каждого своя форма безумия. Мое безумие — ты. Я не могу отделаться от тебя, меня тянет к тебе. Но я перехитрю тебя. Я тоже упал в прошлое, но не потону в нем, выкарабкаюсь из бурных волн прошлого. Не надейся на раздво-

ение моей души, раздвоения не будет. Видишь этот приборчик? Я выведу прошлое из своего сознания на ленту диктофона. Мою жену чуть не погубил отяжелевший груз ушедших лет, но меня не погубит, нет! Я буду перед тобой спокойно, последовательно, час за часом отделываться от болезни, которой ты заразил меня.

Я повернулся к Оану спиной, взял в правую руку диктофон. Медленно, ровным голосом я начал диктовать:

— В тот день хлынул громкий дождь, это я хорошо помню…

5

Я заснул, устав от многочасовой диктовки. Меня разбудил дважды повторенный вызов: «Адмирала Эли — в лабораторию! Адмирала Эли — в лабораторию!» Я бросил в кресло диктофон и выскочил наружу.

В лаборатории Эллон стоял у стабилизатора, угодливо склонившись перед Орланом. В стороне я увидел Олега, Грация и Ромеро. Орлан сделал знак, чтобы я подошел поближе. Он холодно смотрел на меня, как на мальчишку, которого хотел поучить. На Эллона он вообще не обращал внимания.

— День идет к концу, и наш стабилизатор времени начинает работу! — высокомерно произнес он. И, лишь чуть-чуть повернув голову, пренебрежительно кинул назад Эллону: — У тебя все готово, Эллон?

— Абсолютно все, Орлан, — поспешно сказал Эллон и еще ниже согнулся в раболепном поклоне.

— Тогда включай!

Мы услышали резкий удар в аппарате, и это было все. Несколько напряженных до предела секунд мы ожидали каких-то звуков, световых вспышек, толчков, тепловых волн, но стабилизатор работал без внешних эффектов. Я обвел глазами собравшихся. До меня вдруг с горькой ясностью дошло, до чего все переменились. Печать изнеможения и страданий легла на все лица, согнула все плечи. Даже богоподобный Граций, меньше всех затронутый хворью, даже Граций, на добрую голову возвышавшийся надо всеми, уже не казался прежней величавой статуей. И надменно выпятивший грудь Орлан, взиравший на нас снизу вверх, но высокомерно и свысока, Орлан, тускло фосфоресцирующий синеватым лицом, не мог по-былому легко взметнуть вверх голову — возвратившееся призрачное величие не

расковывало, а угнетало его. И Олег, подавленный и мрачный, не походил на прежнего загадочно бесстрастного херувима — он был теперь просто средних лет мужчиной, нашим командующим, вдруг позабывшим, как надо командовать и чего от нас требовать. И Ромеро — переводил я дальше взгляд — не играл своей тростью, а опирался на нее, она вдруг, в какие-то считанные дни, стала не для манер, а для реальной помощи, а ведь он, как и почти все мы, уходил в прошлое, а там он был молодым, вибрация времени выбрасывала его в молодость, — почему же так старила чудом возвратившаяся молодость?

Мои размышления прервал ликующий голос Орлана:

— Эли, Эли, время целое!

Я вздрогнул и открыл глаза. Орлан шел ко мне, по-человечески протягивая руки. Я схватил его костлявую ладонь, жадно всматривался в его лицо. Он был прежним, возвращенным, возрожденным, — тот Орлан, которого я любил, умный, добрый, мягкий, с приветливой улыбкой, с ласковой, почти нежной улыбкой! Я в восторге обнял его, хлопнул пятерней по плечу — он охнул и согнулся, но не перестал улыбаться. Это было так великолепно, так страстно ожидалось и пока-

залось таким неожиданным, что предстало бы чудом, если бы у стены не возвышался огромный стабилизатор времени и около него не замер в прежней угодливой позе Эллон. Ромеро кинулся обнимать меня, я обнял Олега, дотянулся до шеи Грация — тот снисходительно нагнулся, чтобы я мог заключить его в объятия, — и несколько минут в лаборатории стояла шумная толкотня и звучал радостный хохот.

— Эли, ты забыл поблагодарить нашего замечательного Эллона! — с упреком сказал Орлан. — Теперь ты видишь, что я был прав, приглашая Эллона в экспедицию? Эллон — инженерный гений, даже среди демиургов другого такого не было!

Мы вдвоем подошли к Эллону. Он был виновником торжества, оно его ближе всех касалось, оно его всех меньше коснулось. Он хмуро поглядел на меня.

Эллон молча наклонил голову. Сумрачные его глаза зло пылали, недобрая улыбка змеилась синусоидой. Он не возродился. Он уже не мог возродиться. Рак времени слишком развалил его психику, трещина стала незаполнима. Все это полностью понял я лишь впоследствии, а в тот момент, с восхищением глядя на Эллона, я вооб-

разил себе, что просто инерция его души больше, чем у меня, чем у Орлана, чем у всех нас, и нужно ему несколько дольше здорового цельного времени, чтобы он возродил в себе цельность. Многое пошло бы по-иному, окажись я проницательней!

Ромеро не терпелось проверить, как стабилизация времени отразилась на спятивших МУМ.У МУМ «Тарана» и «Змееносца» все схемы работали, но ни одна интеллектуально не поднималась выше того, что дважды два равняется четырем. Безумия у этих двух машин больше не было, но слабоумие угадывалось с первого же ответа. Зато прекратилась троичность ответов МУМ с «Овна». На вопрос, готова ли к работе, она отрапортовала с лихой бодростью: «Их было двенадцать, но каждый в квадрате, а первый и шестой еще и проинтегрированы по де скользкому в пределах от нежного кружева до жесткого шоколада!»

— В общем, это нормально, — сказал я Ромеро. — У машин нарушена связь причин и следствий. Сами они не способны выйти из интеллектуальной темноты. Но если наладить каждую цепь, то они вернутся к здоровым расчетам. Интересней МУМ, которую вы обучали потерянному ею отрезку истории.

— Вы правы, дорогой адмирал, — согласился

Ромеро. Вместе со стабилизацией времени в душе он восстановил и прежнюю манеру разговора. — У трех машин потеряна логика рассуждений, а та, если можно так выразиться, утратила свою личность, вообразив себя вовсе не тем, чем была реально. Если она вернула прежнее представление о себе, то ремонта ей не понадобится.

Я обратился к МУМ «Козерога»:

— Как ты себя чувствуешь и что с тобой было?

Она снова отозвалась стихами:

Я разбойничал в логове Даля,
Эти звуки, как землю, скребя,
Чтобы трудные песни рыдали
О тебе, над тобой, для тебя.

— Неплохие стихи, МУМ! Ты начинаешь обретать вкус к поэзии.

— Не неплохие, а отличные! — поправил меня Ромеро. — Я бы даже сказал — великолепные. И обратите внимание, Эли, они дают ответ на ту часть вопроса, где вы интересовались, что с ней было. Правда, на первую часть вопроса, связанную с ее самочувствием…

МУМ прервала его. Теперь она говорила хорошо нам известным четким, неторопливым баритоном:

— Схемы в порядке. Все проверено. Слушаю задание.

Ромеро расплакался. Я столько в эти дни навидался слез, сам недавно не удержался от них, что мог бы не удивляться плачущему человеку. Но Ромеро придавал такое значение манерам, что немыслимо было вообразить его в слезах. Я ждал, пока он успокоится. Он воскликнул с негодованием:

— Адмирал, у вас такой мрачный вид, будто вы не радуетесь выздоровлению от лихорадки времени. Или вас что-то томит?

— Меня многое томит. В частности, не знаю, как чувствует себя Голос, — отговорился я и поскорей отошел. Ромеро смотрел слишком уж проницательно!

— Голос, друг мой, время стабилизировано! — сказал я в рубке. Граций уже шествовал вдоль стены. — Чувствуешь ли, что мы снова в здоровом времени?

Он ответил печально:

— Я чувствую, что время стабилизировано. Но не ощущаю в себе единства. Боюсь, что во мне стабилизирован разрыв между прошлым и будущим.

Все дни разорванного времени Голос был как

бы надтреснут, в нем слышалось глуховатое дребезжание. А сейчас, мелодичный, полнозвучный, он так и лился в душу. Я не мог поверить, что такое гармоничное звучание прикрывает разрывы.

— Чепуха, Голос! В здоровом времени будущего нет. Следы прошлого остаются, но будущее еще только будет. Я слышу тебя, я вижу тебя, — ты в настоящем, в стабилизированном настоящем!

— Слишком много следов прошлого, Эли, — возразил он с той же грустью.

У него одновременное существование в разных временах означало совмещение несовместимых форм жизни. Это не могло не породить раздвоения психики. Я не сказал Голосу о своей тревоге, зато признался в ней Ромеро, когда тот посетил меня.

— Не преувеличиваете ли вы, Эли? Между прочим, все МУМ вступают в строй. И остаточных повреждений интеллекта не обнаруживают.

Он так был наполнен радостью от восстановления цельного времени, что пришлось вылить немного холодной воды на его энтузиазм.

— Чего вы хотите от машин, Павел? Их обучили рассуждать, то есть делать выводы из посылок. Достаточно для рассудка, но мало для разума.

В природе не дано расчлененных логических цепочек, природа существует сразу и вся, во всей целостности своих связей. Природа разумна, а не рассудочна.

— Зачем вы мне это говорите, Эли? Неужели я?...

— Подождите, Павел. Наше сознание разумно, рассудок лишь часть его. Рассудок восстановился, согласен. Но разум может остаться расколотым, — что тогда? Не появятся ли две личности в одной душе? Совместятся ли они или вступят в борьбу?

— Одна наверняка поборет другую!

— Хорошо, если победит хорошая.

— Вы мрачно смотрите на действительность, Эли.

— Хочу уяснить недостатки, чтобы не дать им разрастись в неудачи.

— А вы храните тайну, Эли... Поделитесь, вам станет легче.

Я встал. Разговор заходил опасно далеко.

— Да, я храню одну горькую тайну. Еще не пришло время обнародовать ее.

— Мне кажется, Эли, я знаю вашу тайну.

Я усмехнулся. Он не мог знать моей тайны.

6

Голосу и Эллону не повезло. Из четырех образованных ими пар возобладала самая скверная: «Голос Старый — Эллон Старый». Это не могло не привести к трагедии.

Нет, я не хочу сказать, что в каждом из них окаменело двоедушие и двуличие. Такое толкование было бы примитивным. Оба раздвоились, но не на двуличие, не на двоедушие, а на двоесущие. Ибо в двуличии присутствуют лишь одно лицо и одна личина, а в их двоесущии обе личности были одновременны и равноправны. И Эллон и Голос сохраняли свое единство, но то было чудовищное единство двух разных времен в одном «сейчас». Все стало ясно, когда мы уже не могли ничему помешать.

Я сидел в командирском зале, когда нас с Олегом внезапно вызвали к себе Голос и Эллон. «Козерог» обходил в это время опасное сгущение звезд. МУМ работала с прежней четкостью. Осиме с Камагиным, подстраховывающим друг друга, оставалось лишь превращать ее рекомендации в команды. Я сказал Олегу:

— Иди к Эллону, а я в рубку.

Голос встретил меня взволнованным выкри-

ком:

— Эли, Эллон замышляет недоброе. Предотврати!

Я быстро сказал:

— Что замышляет Эллон? Мне надо знать точно.

Голос простонал:

— Не знаю. Очень плохое. Спеши, Эли!

Я опрометью кинулся в лабораторию. В ней снова появилась Ирина. Я впервые увидел ее после выздоровления. Очень похудевшая, она стояла у коллапсана. Я улыбнулся ей, она ответила сухим кивком. Эллон что-то запальчиво втолковывал Олегу. Я подошел к ним. Эллон, зло посверкивая глазами, сказал мне:

— Послушай и ты, что я говорил командующему. Больше терпеть плавающий Мозг я не намерен. Уберите его в какое-нибудь драконье или жабье тело. Ползающим я его приму, но не витающим.

— Что сказал командующий?

— Что драконов на корабле больше нет и что плавающий мозг останется в своем высоком шаре. Надеюсь, адмирал, ты объяснишь командующему, что его решение неправильно и нуждается в отмене?

— Мне не дано право отменять решения командующего, Эллон. Кроме того, я согласен с ним.

Если бы взгляд убивал, я был бы мгновенно испепелен — так поглядел Эллон. Долгую минуту он молчал. Молчали и мы с Олегом.

— Ваше мнение окончательное? — спросил Эллон.

— Наше мнение окончательное, — ответили мы в один голос.

Он высоко подбросил голову на тонкой шее и с таким стуком прихлопнул ее о плечи, что я вздрогнул. Ко всему у демиургов я привык — и к порхающей походке, и к фосфоресцированию синеватого лица, и к дикому хохоту, нередко нападающему на таких, как Эллон, — но к этой как бы вылетающей из плеч голове, к грохоту ее обратного падения никогда не привыкну. Это слишком уж нечеловеческое.

— Раз оба адмирала сошлись на одном, настаивать бесполезно, — сказал Эллон почти безразлично, и нас с Олегом обмануло его коварное спокойствие.

— Ты звал нас только за тем, чтобы высказать претензии к Голосу? — спросил Олег.

Он страшно осклабился.

— Нет, адмирал, не только за этим. По приказу

Орлана я прекратил доделку трансформатора времени, чтобы сконструировать стабилизатор. Теперь я трансформатор закончил. Полюбуйтесь.

Он подвел нас к панели и показал ручки прямого времени — в будущее, ручки обратного времени — в прошлое, ручки, возвращающие в настоящее и отключающие коллапсан. Потом мы вернулись к шару. В трансформаторе стояло кресло и панель с такими же ручками.

— В прежней конструкции выбросом в другое время распоряжался оператор у коллапсана. Вы видели, как это происходило с Мизаром. Отныне сам путешественник командует своей судьбой.

Он сделал шаг к открытому люку. Я невольно схватил его. Он поглядел на меня со злой иронией.

— Ты боишься, что я хочу умчаться в другое время? И думаешь, что твоя рука помешает мне? Но согласись, адмирал, я мог бы выбрать для бегства часы, когда тебя тут нет, и никто не смог бы мне помешать.

Я отпустил его руку. Эллон вошел внутрь, захлопнул люк, сел в кресло.

— Вы слышите меня? — донесся его голос. — Слушайте внимательно. Плавающему мозгу не место на корабле! Он хорош в прошлом, но не в

настоящем и не в будущем. Это я могу вам сообщить со всей определенностью, потому что меня готовили в надсмотрщики Четвертой имперской категории, и я отлично знаю, как обращаться с такими тварями. Довожу до вашего сведения, что Мозг сфокусирован в трансформатор и что я сейчас вышвырну его на Третью планету — задолго до того, как вы завоевали ее.

Олег бросился к трансформатору. Я метнулся к коллапсану, но мне преградила дорогу Ирина. Я отшвырнул ее. Она, лежа на полу, исступленно вцепилась в мою ногу. До нас донесся хохот Эллона.

— Слишком поздно, адмирал. Мозг уже в Персее. А сейчас и я погонюсь за ним! Приходи вчера, адмирал, ни сегодня, ни завтра нас уже не будет. Приходи вчера! — Он стал быстро исчезать.

Олег оставил шар и бросился мне на помощь. Он держал вырывающуюся Ирину, а я схватился за ручки коллапсана. В трансформаторе вновь появился Эллон: он вышвырнул себя в недалекое будущее и тут же вывалился обратно, чтобы пройти нуль времени по инерции. Ирина отчаянно закричала:

— Не трогайте ручек возврата! Они уже в прошлом. Они не перенесут второго переброса через

нуль времени!

SPZUR

Я рванул ручку возврата. Что бы ни случилось теперь с Голосом, я не мог оставлять его в проклятом прошлом. В шаре вторично обрисовался Эллон. Он был один. И был мертв. Он полулежал в кресле, дико распахнув огромный рот, руки его судорожно вцепились в подлокотники, глаза были закрыты. Ирина потеряла сознание. Олег крикнул, чтобы я вызвал помощь, и понес Ирину к креслу. Я вместо помощи вызвал Голос. Эллон мог ошибиться: он мог и не выбросить Голос в прошлое — ведь не было Голоса в возврате! На мой отчаянный призыв откликнулся лишь испуганный Граций:

— Адмирал, Голос внезапно исчез!

Я схватил Ирину за руку, рванул к себе. Она раскрыла глаза, я крикнул:

— Говори, что делать? Немедленно говори!

Она прошептала:

— Ничего нельзя. Убили Эллона…

Я рванул ее еще яростней.

— Преступница! Скажи, как спасти Голос?

Она приподнялась. Никогда не забуду взгляда, каким она посмотрела на меня! Олег сказал:

— Не мучь ее, Эли. Может быть, она и преступница, но сейчас нуждается в помощи.

Я орал и на нее, и на него:

— Не будет ей помощи! Пусть скажет, что делать!

Она заговорила более внятным голосом:

— Я сказала — ничего… Голос погиб. Он весь — естественный… В Эллоне больше искусственного, но и он не вынес второго поворота. Поторопились с возвратом!.. И я не помешала! Я убийца, как вы!

Она зарыдала. В молчании мы стояли около нее. Я чувствовал, как меня оставляют силы. Олег сказал:

— Ирина, твой поступок вынесут на суд экипажа. Но объясни нам, зачем ты это сделала?

Она говорила сквозь слезы:

— Он упросил меня. У меня разрывалась душа… Он сказал, мы не подходим друг другу, я из прошлого, ты из будущего. Когда-нибудь женщина будет счастлива с демиургом, но это не скоро. Так он говорил перед тем, как вызвал вас.

— Ты не отвечаешь, Ирина…

— Он сказал, что хочет исчезнуть в прошлом, но возьмет с собой дракона. И я обещала помочь. Он сказал: «От тебя зависит моя жизнь, Ирина». А я — убийца! Никогда себе не прощу!

Она зарыдала громче. Я сказал после короткого молчания:

— Эллон хотел ошеломить нас красочным спектаклем. Мы потеряли одного беззащитного друга и одного гениального инженера. Давай вытащим Эллона из шара, Олег.

— Ирина, иди к себе, — сказал Олег.

— Я пойду к себе, — сказала она покорно.

Олег стоял и следил, пока она не скрылась в коридоре. Я старался высвободить Эллона из кресла, но он как бы прикипел к сиденью. Олег стал помогать мне, вдвоем мы извлекли демиурга из шара и понесли к свободной от механизмов стене. Олег вдруг охнул и выронил Эллона. Из коридора выбежала Ирина и молнией промелькнула мимо нас. Я не успел и шага сделать, как Ирина вскочила в трансформатор и захлопнула люк. Олег закричал:

— Остановись, молю тебя, остановись!

Она крикнула из трансформатора:

— Прощайте! Не кляните меня! — и рванула рукоять.

Она пропадала на глазах — фигура быстро стала силуэтом, силуэт быстро таял. Она дала слишком сильное ускорение! Мы оба бросились к коллапсану. Олег схватился за ручку возврата, но я не дал ее вырвать.

— Проверь раньше, где она! Если в прошлом,

остерегись!

Он быстро проверил сигнальные огни над ручками.

— Она в будущем, Эли!

— Тогда возвращай. Из будущего есть возврат.

Но она не возвратилась. Она слишком быстро умчалась в будущее. Мы долго стояли у трансформатора, ожидая, не обрисуется ли силуэт Ирины. Коллапсан, исчерпав энергию возвращения, выключился.

— Все, Эли! — устало сказал Олег. — Ирины больше не будет. Может быть, наши далекие потомки где-нибудь встретятся с ней. Пойдем известим экипаж о новой трагедии.

— Извещать нужно не только о гибели трех членов экипажа…

— Что ты имеешь в виду, Эли? Разве случилось еще несчастье?

— Да, Олег. Я хочу потребовать наказания для нового предателя на корабле!

— Нового предателя! Я не ошибся?

— Ты не ошибся. Среди нас появился еще один лазутчик рамиров. Я его обнаружил.

7

Я заперся у себя. Олегу сказал, что буду готовить доклад и выйду, когда все соберутся. Ко мне постучался Ромеро, я не отозвался. Мери просила впустить ее, но я крикнул, что должен сосредоточиться, должен от всего отключиться, — она притихла.

Никакого доклада я не готовил. Я лежал на диване, то терзая себя жестокими мыслями, то устало отдыхая от них. Я удивлялся, почему мы нигде не обнаружили рамиров в телесном облике, хотя рамиры, несомненно, существуют; и все снова и снова спрашивал себя, чем мы их так прогневали, что они уничтожают корабль за кораблем; и еще больше удивлялся, почему они и последний звездолет не превращают в клубочек пыли, раз уж воюют с нами и раз полное истребление любого противника им под силу, — тут была тайна, а я все не мог постичь ее; и о погибшем Лусине я думал, и о покинувшей нас так безжалостно Ирине, и о несчастном Голосе, вероятно распыленном по молекуле в разных столетиях прошлого, и о жестоком и гениальном Эллоне, и о милом умнице Мизаре, но больше всего о новом шпионе рамиров: и ненавидел его, и в душевном

неистовстве сулил ему страшные кары, и грозил дать такой урок всем возможным лазутчикам наших врагов, чтобы никому не стало повадно!

В дверь условленным трехкратным стуком просигналил Олег. Я впустил его.

— Все свободные от неотложных вахт собрались в обсервационном зале. Как себя чувствуешь, Эли?

— Почему ты спрашиваешь о моем самочувствии?

— Ты очень бледен.

— Зато решителен. Пойдем, Олег.

— Постой. Я хочу знать, кого ты подозреваешь в шпионаже.

— Ты узнаешь вместе со всеми.

Он опять задержал меня:

— Эли, я командую эскадрой. Мое право — знать больше всех и раньше всех.

С минуту я размышлял. Олег ставил меня в безвыходное положение. Я улыбнулся. Думаю, улыбка получилась вымученной.

— А если я подозреваю тебя, Олег?

— Меня? Ты в своем уме, Эли?

— Откуда же мне быть в своем уме, если все мы в той или иной степени впадали в безумие? Какое-то остаточное сумасшествие должно же

сохраниться… — Я посмотрел ему прямо в глаза. — Олег, если ты приказываешь, я должен покориться. Прошу: не приказывай! Дай мне вести себя, как задумал!

— Пойдем! — сказал он и вышел первым.

В обсервационном зале были погашены звездные экраны. Впереди, на возвышении, поставили столик, за него уселись Олег и я. Я обвел взглядом зал. Здесь были все мои друзья: люди и демиурги. Позади величавой статуей возвышался Граций, рядом с ним поместился маленький Орлан, в первом ряду сидели Мери и Ольга, а между ними Ромеро. Мери с такой тревогой посмотрела на меня, что я поспешно отвернулся. Зал шумел. Олег постучал по столу, водворяя тишину.

— Вы уже знаете о трагедии в лаборатории и оперативной рубке, — сказал Олег. — Но сейчас мы собрались не для того, чтобы почтить память погибших товарищей. Научный руководитель экспедиции считает, что на корабле обнаружен шпион рамиров. Он представит на обсуждение свои доказательства.

Я встал.

— Прежде чем представлять доказательства того, что на звездолет проник лазутчик врагов, прошу вотировать наказание шпиону. Мое пред-

ложение — смертная казнь!

— Смерть? — донеслось до меня возмущенное восклицание Ромеро.

Его голос заглушили протестующие выкрики из зала. Не только люди, но и демиурги негодовали. Я спокойно ждал тишины.

— Да, смертная казнь! — повторил я. — На Земле уже пятьсот лет не совершаются казни. Казнь — пережиток древних времен, рудимент дикарской эпохи. Но я настаиваю на ней, ибо шпионаж — тоже пережиток варварства. Наказание за бесчестный поступок должно содержать в себе бесчестье.

Ромеро поднял трость.

— Назовите преступника, адмирал! Опишите преступление. И тогда мы решим, заслуживает ли он смертной казни.

Я холодно сказал:

— Казнь должна быть вотирована до того, как я назову имя преступника.

— Но почему, адмирал?

— Мы все здесь — друзья. И когда я назову шпиона, вы не сможете сразу отделаться от многолетней привычки считать его другом. Это скажется на вашем приговоре. Я хочу, чтобы каре было подвергнуто само преступление.

— Но смертной казни вы требуете для члена экипажа, который, по вашим словам, очень нам близок, а не для преступления как такового.

— Если бы я мог осудить преступление, презрительно игнорируя преступника, я бы пощадил его. К сожалению, преступление неотделимо от преступника.

— Воля ваша, адмирал, до того, как назовут имя, я не проголосую за наказание.

— В таком случае, я вообще не назову его. И он останется невредимым. И будет продолжать свое черное дело. И, выдавая наши планы рамирам, сделает невозможным вызволение звездолета.

Заговорил Олег:

— В старину существовал кодекс, карающий за преступление вне зависимости от личности преступника. Эли предлагает восстановить обычай заранее определять наказание за еще не совершенные преступления, чтобы предотвратить их. По-моему, это правильно.

— Но, по словам Эли, преступление уже совершено и преступник имеется, — подал реплику Ромеро. — Зачем тогда устанавливать ценник преступлений, прикрываемый благозвучным словом «кодекс»? Давайте судить преступника вместе с преступлением.

Олег отвел возражение:

— Доказательства преступления еще не представлены, имя еще не названо. Мы имеем право вести себя так, будто рассматриваем лишь возможность злодейства. Я за кодекс, или, по-вашему, ценник преступлений.

Упрямое лицо Ромеро показывало, что он будет противиться. Я знал, как сразить его. И не постеснялся громко сказать:

— Вы держите себя так, Ромеро, будто опасаетесь, что подозрение в шпионаже падет на вас!

Он хотел что-то запальчиво крикнуть, но сдержался. Ответ был не лишен достоинства:

— Если бы я опасался за себя, я проголосовал бы за казнь.

— Может быть, вы страшитесь, что неназванный преступник будет вам дороже себя, Ромеро?

Он ответил угрюмо:

— Хорошо, пусть по-вашему… Голосую за казнь преступнику… если преступление докажут!

— Будем голосовать, — сказал Олег. — Кто — за?

Лес рук поднялся над головами. Олег обратился ко мне:

— Называй преступника, Эли, и представляй доказательства.

Я знал, что первая же моя фраза породит шум и протесты. Через самое трудное я уже прошел — когда метался в запертой комнате, когда в последний раз стоял перед трупом Оана, когда в отчаянии, ночью, затыкал ладонью рот, чтобы не разбудить Мери стоном, которого не мог подавить.

Я постарался, чтобы мои слова прозвучали спокойно:

— Шпион наших врагов — я.

8

Ответом было ошеломленное молчание.

И единственным звуком, разорвавшим молчание, стал горестный возглас Грация:

— Бедный Эли! И он тоже!.. — И снова установилось молчание.

Я всматривался в зал и открывал на всех лицах одно и то же выражение горя и сочувствия. Лишь Мери, смертельно побледневшая, прижавшая обе руки к груди, не поверила, что я болен, она-то знала, что безумие меня не коснулось.

Ко мне подскочил Осима.

— Адмирал, все будет в порядке! Я провожу вас в постель. — Он потянул меня из зала.

Я отвел его руку. Олег обратился к залу, ско-

ванному, как спазмой, все тем же испуганным молчанием:

— Не отложим ли заседание? Мне кажется, электронный медик…

Ромеро прервал Олега ударом трости о пол.

— Протестую, — сказал он, вскакивая. — Вы ищете легкого решения, но легких решений не существует. Адмирал Эли здоровее любого из нас. И мы должны его выслушать.

— Вы единственный, кто не поражен, Ромеро, — заметил я.

Он ответил с вызовом:

— Я ждал именно такого признания, Эли.

— Стало быть, продолжаем? — спросил Олег у зала.

Раздалось несколько голосов: «Продолжаем! Продолжаем!» Большинство пребывало в прежнем молчании. Осима, недоуменно поглядев на мрачного Ромеро, возвратился на место. Олег сказал:

— Говори, Эли.

Я напомнил о признании Оана, что Жестокие боги проникают в среду аранов в облике паукообразных, чтобы иметь информацию о их жизни. Но кто такие араны? Деградирующая цивилизация, суеверная, бессильная. На что они способны? Чем

опасны? Не следует ли отсюда, что, встретясь с несравненно более мощной цивилизацией, рамиры утроят свою настороженность, постараются заслать в нее значительно больше шпионов, чем к безобидным аранам? И мы знаем, что лазутчик рамиров проник в нашу среду, что его звали Оаном, что Оан раскрыл наши планы своим хозяевам и те сумели сорвать их.

Но вот и новое. Мы были уверены, что, покончив с Оаном, покончили со шпионажем рамиров. Гибель «Змееносца» рассеивает эти иллюзии. Как могли рамиры узнать, что мы готовились сделать со «Змееносцем»? Внешняя картина наших действий не выдавала намерений. Но они установили нашу цель. Они знали план не извне, а изнутри. Как? От другого шпиона, оставшегося на корабле после гибели Оана! Нападение рамиров на «Змееносец» доказывает, что на «Козероге» был их агент.

И это естественно. Не будем считать врагов глупцами. Они не глупее нас. Они не могли не знать, что один соглядатай — слишком тонкая ниточка от них к нам. Если ниточка эта порвется, иссякнет поток важной информации. Агент должен быть продублирован. На кого же пал их выбор? Поищем за них лучший маневр. Эф-

фективным агентом будет тот, кто в курсе всех планов, к кому стекается вся корабельная информация, в чьем мозгу рождаются осуществляемые потом планы. Таких членов экипажа два — командующий эскадрой и научный руководитель.

На этом месте Ромеро прервал меня:

— Договаривайте до конца, Эли. Такой человек один — вы. Вы знаете все намерения командующего, а он не имеет возможности вникать во все научные исследования на корабле.

— Принимаю вашу поправку, Ромеро. Я! Итак, умный враг постарается завербовать меня. Напомню, что так уже складывается моя судьба, что и в прежних экспедициях я оказывался в фокусе внимания противников. Разве ты, Орлан, не выбрал меня в качестве своего доверенного, когда замыслил переход на нашу сторону? Разве не сделал меня воспреемником своих решений Главный Мозг на Третьей планете? Я неоднократно служил одновременно передающей антенной и приемником для тех, с кем сталкивала нас судьба. Рамиры постарались завоевать меня. Им это удалось. Я завоеван. Поверьте, мне горько говорить об этом. Но правде надо смотреть в глаза, если не хочешь терпеть поражение за поражением.

Что сегодня Оан? — спросил я дальше. — Труп

предателя, заплатившего жизнью за предательство? Такой ответ очевиден, но он наивен. Рамиры могли бы и спасти своего агента, если бы постарались. Они не старались. И вот Оан висит в консерваторе. Не просто висит — продолжает службу. Он нынче — датчик связи с рамирами. Как осуществляется связь, не знаю, но он передает дальше сведения, поставляемые его агентом. Агент — я. Мой мозг схвачен и мобилизован, мои мысли прочитываются, мои желания расшифровываются, мои намерения угадываются.

Здесь я сделал остановку. Мери не сводила с меня отчаянных глаз, мне трудно было оборачиваться в ее сторону. И на Ромеро трудно было смотреть: он был очень уж хмур. И Осима смущал меня: капитан не верил ни одному слову, это было ясно написано на его лице. Я смотрел на Грация и Орлана: галакт страдал за меня, Орлан понимал меня, мне становилось легче и от сострадания, и от понимания. Я перешел к тому, как узнал о своей неприглядной роли. Нет, было непросто разобраться в дьявольском хитросплетении пут, какими ухватили меня. Все началось с того, что я сам удивился, почему меня так тянет в консерватор, для чего разговариваю с мертвецами. Я не склонен к монологам, тут было что-то противное

моей натуре, что-то навязанное. А когда погиб «Змееносец», стало ясно, что кто-то явился для рамиров поставщиком секретной информации. Простой перебор членов экипажа исключал всех, кроме меня. Консерватор — самое экранированное помещение звездолета. Оану проще наладить связь с тем, кто посещает консерватор, чем с тем, кто находится за его стенами. Так и выяснилось, что поставщиком информации являюсь я!

Я сел. Общая растерянность терзала меня — не потому, что мне нужна была защита, нет, но и уходить из жизни в безмолвии зала я просто не мог. Олег спросил, согласны ли со мной, возражают ли, — все молчали. Ромеро что-то тихо говорил Мери.

— Итак, кто хочет слова? — снова спросил Олег.

Внезапно взорвался Осима. Самооговоры адмирала — чепуха! У адмирала расстроены нервы, он долго крепился, но сдал, пусть жена поухаживает за адмиралом, больше ничего не нужно.

И опять поднялся Ромеро.

— Я уже сказал, что здоровье Эли — великолепно. И он познакомил нас со слишком важными данными, чтобы мы могли от них отмахнуться. Я настаиваю на обсуждении.

— Тогда начинайте его, — предложил Олег.

— Хорошо, начну я. В том, что сказал адмирал, есть нечто, против чего буду протестовать. Я соглашаюсь, что Оан — не просто мертвец, а хитро специализованный датчик связи рамиров. И я поддерживаю адмирала, что на корабле имеются поставщики информации для них и что одним из них является сам адмирал.

— Иначе говоря, вы полностью поддерживаете формулу обвинения? — уточнил Олег.

— И не думаю!

— Но столько точек соприкосновения с тем, что доложил научный руководитель!..

— Точек расхождения больше. Назову главнейшие. Труп Оана — датчик связи, но вряд ли единственный. Рамиры не могли не учитывать, что мы можем уничтожить Оана, — скажем, сжечь его и вымести прах. Пока Оан был на корабле, он, вероятно, насадил и иные подслушивающие, подсматривающие, угадывающие устройства, — вряд ли мы найдем их все. Теперь второе. Сомневаюсь, чтобы адмирал был единственным источником информации для рамиров. Соображения те же — он может умереть, сойти с ума. Адмирал считает, что продублировал собою Оана. Но кто даст гарантию, что любой из нас не

дублирует адмирала? Он, конечно, самый ценный поставщик информации, но много на себя берет, воображая, что единственный.

— Вы еще мрачнее смотрите на положение вещей, чем научный руководитель, — заметил Олег.

— Вы скоро увидите, что это не так. Адмирал никакой не шпион! Хотя бы уже потому, что стал им не добровольно, а шпион, замечу вам, — профессия, а не несчастная случайность. Любой из нас, возможно, такой же шпион, как Эли. Всех казнить? Таким образом, преступление не доказано и кара, за которую мы проголосовали, бессмысленна. Не за что наказывать нашего друга Эли! Не могу не сказать и того, что, кроме нелепости наказания, есть и еще важнейшая причина, почему мы должны с негодованием отвести предложение адмирала. Могу я остановиться на этом?

— Конечно, Ромеро!

Зал молчал, когда говорил я, зашумел, когда Ромеро излагал свои контраргументы, и снова погрузился в молчание, чуть Ромеро заговорил о «важнейшей причине». Я хочу сделать пояснение. До сих пор я диктовал, сейчас даю запись. Я мог бы и не приводить похвалы в свой адрес, но делаю это потому, что из речи Ромеро после-

довали важные практические выводы. Ромеро говорил, обращаясь ко мне:

— Адмирал, я знаю вас с детства — и не перестаю удивляться вам. Вы обычны и необычайны одновременно. Тайна ваша в том, что вы всегда соответствуете обстоятельствам. В средней обстановке вы среднейший из средних, не то чтобы приятель, даже проницательнейшая из академических машин не выделит вас из массы подобных вам. Разве не произошло именно это, когда набирали экспедицию на Ору? Но стоит запахнуть грозой, как вы меняетесь. Вы как бы пробуждаетесь от ординарности, выпрыгиваете из обычности. Вы, мне иногда кажется, просто рождены для великих потрясений. Мы порой теряемся в трудных обстоятельствах, чаще энергично боремся с ними, мужественно преодолеваем, мы все в себе напрягаем, чтобы встать вровень с ними, а вы им свой, вы всегда на уровне высочайших необычностей, вы как бы созданы для них, а они для вас. В бурях вы — буря. Среди неожиданностей — неожиданность. В мире загадок — проницательнейший разгадчик. Чем грозней противник, тем грозней и вы, вы всегда соответствуете своему противнику. Друзья мои, друзья, вспомните, как недавно, истерзанные

разрывом связи времен, мы постепенно впадали в безумие, теряли волю к сопротивлению. И единственный, кто не поддался губительному раку времени, кто яростно восстал против ослабления, был он, наш научный руководитель, наш адмирал, наш друг Эли. Как же вы посмели потребовать, адмирал, чтобы мы сами, собственным решением, собственными руками погасили ваш мозг — величайшее из наших богатств, оборвали вашу волю — надежнейшую из гарантий нашего вызволения из беды? Эли, друг мой, как могла явиться в вашу светлую голову такая кощунственная мысль?

Он, конечно, был оратором в старинном стиле — из тех, что витийствуют под аплодисменты и восторженные выкрики. Он добился своего — ему аплодировали и кричали. На меня уже никто не обращал внимания, все лица были обращены к Ромеро. Он стоял, опираясь одной рукой на трость, другой жестикулировал. Я, вероятно, и сам был бы покорен и красочной позой, и горячей речью, если бы дело шло не обо мне. Я постарался низвести Ромеро с горных высот психологии на унылую равнину практических забот.

— Не знаю, Павел, отдаете ли вы себе отчет, что, отказываясь от борьбы с невольными агентами

врага, вы предаете нас всех в их могущественные и безжалостные руки?

— Нет, адмирал! Тысячу раз — нет!

— Вы отрицаете, что рамиры — могущественны и безжалостны?

— Что могущественные, соглашаюсь. Нелепо отрицать очевидность. Но что безжалостные — отрицаю!

Я с негодованием воскликнул:

— И вы говорите все это после того, как мы видели, как они издеваются над аранами? Разве не звучит в ваших ушах надрывный вопль: «Жестокие боги!»? И разве трупы Лусина и Труба, уничтоженный «Телец», разгромленная эскадра не свидетельствуют, что они жестокие и что они нам враги?

— Нет, нимало не свидетельствуют!

— Кто-то из нас двоих и вправду сошел с ума! И надеюсь, что это не я. Кто же они такие, если не жестокие и не враги?

— Адмирал! Они равнодушны к нам.

9

Я бы погрешил против истины, если бы не признался, что был потрясен. Есть слова радостные и неприятные, пустые и малозначащие, легко-

весные и такие, что тяжесть их ощущаешь как гирю. Большинство наших слов — информирующие. А есть слова-озаренья, слова-молнии, пронзительно высветляющие тьму, слова-ключи, размыкающие тайные двери к захороненной истине. Таким озаряющим, таким ключевым и прозвучало словечко «равнодушны». Для меня Ромеро мог дальше и не говорить. Я уверовал сразу и окончательно.

А Ромеро все говорил, распаляясь от собственного красноречия. Все переворачивалось, все становилось с головы на ноги: в грозный мир, окружавший нас, в нелепый и дикий мир возвращалась естественность.

Гибель «Змееносца» навела и Ромеро на мысль, что у рамиров и после смерти Оана имеется свой информатор на «Козероге». Но потом он усомнился, нужны ли им агенты среди нас. Враги ли они? И он вспомнил предания разрушителей и галактов, что могущественные рамиры переселились в центр Галактики, чтобы перестраивать ядро. Вот оно, это ужасное ядро, за стенами корабля! Невообразимый хаос, непрерывно длящийся вечный взрыв — такова грозная картина ядра. Что здесь перестраивать? Здесь может быть лишь одна надежда — не допустить до всеобщего столкно-

вения звезд, до вселенского коллапса, грозящего гибелью всей Галактике. Всемирное тяготение, такое чудесное свойство материи в местах, где ее мало, становится проклятием, когда материя сгущена, как в ядре. Самые надежные лекарства превращаются в яды, если брать их в больших количествах.

— Я вообразил себе, что мы на много порядков могущественней, чем сейчас. И пришел к выводу, что поставил бы себе задачу — подальше убирать от ядра все, что возможно вынести на периферию Галактики, создать дисгармонию, как-то направленную против процессов, ведущих к взрыву. Не о том ли сигнализирует выброс из ядра шарового скопления с миллионами звезд? Не имеет ли к тому же отношения и распыление светил в Гибнущих мирах, а возможно, еще в тысячах скоплений, которые остались нам неизвестны? И если при этом гибнут какие-то формы жизни — не останутся ли к этому равнодушны могущественные чистильщики? Вас это возмущает? Но вообразите такую ситуацию. Заражен гниением большой участок леса, болезнь распространяется на весь лес. Мы вышли бороться с гнилью, валим деревья. Станем ли мы считаться с тем, что попутно уничтожим и какую-то часть лесных

муравьев? Мы равнодушны к ним, мы не желаем их гибели. Пусть они бегут, лишь бы не мешали. Но если, разъяренные, что их жилища развороче-ны, они кинутся на нас, не передавим ли мы их? Нет ли здесь аналогии с тем, что мы наблюдали в Гибнущих мирах?

— Мы, очевидно, тоже относимся к галактиче-ским муравьям? — спокойно поинтересовался Олег.

— В какой-то степени — да. Рамиры могли бы давно уничтожить и нас, и аранов, если бы мы были их реальными врагами. Мы значим для рамиров столько же, сколько муравьи для челове-ка. А что они стараются заранее знать о наших намерениях, так ведь и мы постарались бы иметь информацию о движении муравьев в лесу — ну хотя бы для того, чтобы не губить их понапрасну. Говорю вам: рамирам плевать на нас! И лишь когда мы как-то — разрывом ли пространства, нарушением ли гравитационного равновесия — затрудняем их деятельность, они щелчком сердито отбрасывают нас, а нам представляется, будто вспыхнула война и на нас движутся армии безжалостных врагов! — Ромеро, говоривший до этого в зал, повернулся ко мне: — Убедил ли я вас, друг мой?

— На три четверти, Павел.

— А почему не полностью?

— Очень уж неприглядную роль отводите нам. Галактические муравьи! Если это и правда, то горькая.

— Когда-то люди сочли очень горькой и ту правду, что Земля вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли. И многие восприняли как оскорбление, что существуют и другие разумные цивилизации, кроме человечества. Величайшей ошибкой было считать себя всех превосходящими. Вспомните, Эли: по мере того как росли могущество и разум человечества, все больше рассеивалось ощущение исключительности человека во Вселенной. Будем и дальше продолжать этот процесс самопознания!

— Почему вы обращаетесь ко мне? Говорите для всего экипажа!

— Спор идет о том, какую роль для рамиров играете именно вы, а не другие. А я в самой постановке вопроса вижу все то же ваше высокомерие. Не нужно новой трагедии ошибок. Мы вообразили себе рамиров слишком людеподобными, верней — существоподобными. А это не доказано, друзья мои!

Ромеро дальше сказал, что еще в двадцатом

веке старой эры один физик разделил все живые существа на три класса: цивилизации первого порядка, которые приспосабливаются к обстановке; цивилизации второго порядка, которые приспосабливают обстановку к себе; и цивилизации третьего порядка, меняющие самих себя, если не могут или не хотят изменить внешней обстановки. Все животные — первого порядка, это существа примитивные. Люди и их звездные друзья — на класс выше: им под силу делать свое окружение удобным для себя. Но люди не становятся жароупорными, чтобы спуститься в жерло вулкана, хладоустойчивыми, чтобы нагишом прогуляться в космосе. Рамиры, возможно, еще на класс выше. У них нет постоянного облика, они могут создавать себе любой. Аран был не маской рамиров среди аранов, а обыкновенным рамиром, напялившим араноподобие. Сверхъестественного здесь нет, только высокое развитие цивилизации.

— Когда-нибудь и наши потомки, друзья, будут свободно менять свой облик. И телесное несходство демиурга и человека, ангела и невидимки, галакта и арана не будет непреодолимым препятствием даже для их взаимной любви. Я верю в это!

— Вот мы и завершили обсуждение, — сказал Олег. — Самообвинения научного руководителя опровергнуты. Но удовлетворения у меня нет. Важнейшие практические вопросы темны. И самый первостепенный — как вывести последний корабль из ядра?

И Олег напомнил, что до сих пор мы искали прямых путей выхода, путей, эффективных самих по себе. Само по себе здесь ничто не эффективно. Здесь годится лишь то, что не противодействует рамирам. А что им не противодействует? Какое наше действие не вызовет очередного «щелчка по носу»?

— Наш плен, между прочим, противоречит вашей теории о равнодушии к нам рамиров, — заметил Олег Павлу. — Она не объясняет насильственную задержку звездолета. А без объяснения этого вырваться на волю затруднительно. Все мы будем думать об этом, а тебя, Эли, попрошу особо. — Он с грустной насмешкой улыбнулся. — Если ты их связной, то они могли бы и подсказать тебе решение загадки!

Олег закрыл совещание, и я подошел к Мери. Она смотрела на меня, как на вернувшегося из могилы. Я провел рукой по ее волосам, она улыбнулась бледной улыбкой. Глаза ее были полны

слез.

— Не надо, — сказал я. — Павел блистательно доказал, что я не изменник. Эту ночь мы будем спать спокойно. Благодари Павла.

Ромеро церемонно поднял трость.

— Что вы искренне верите в собственную измену, непостижимый Эли, мы все видели. Сомневаюсь, чтобы ваша жена была так наивна.

— Ах, я уже не знаю, во что верила, во что нет, — сказала она устало. — Я привыкла к тому, что Эли способен на все… Действия его временами так противоречат всему, чего ждешь… Я думала о том, смогу ли заставить себя быть живой, если с виновностью Эли согласятся.

Я попросил Ольгу задержаться. Когда мы остались одни, я сказал:

— Теперь ты понимаешь, что я не мог впустить тебя перед совещанием? Спрашивай, Ольга.

— Расскажи, как это случилось. Ирина перед испытанием пришла на обед страшно взволнованная. Я отнесла ее возбуждение за счет слабости после болезни, она так легко раздражалась, так часто плакала…

— Разве Олег не говорил, о чем просил Ирину Эллон?

Олег рассказал Ольге все, что знал, она хотела

знать больше. Но я мог только повторить его рассказ. Ольга заплакала, когда я упомянул, что Ирина попросила не проклинать ее. Я с нежностью глядел на маленькую голову Ольги, на ее седые вьющиеся волосы. Судьба многим одарила эту женщину: и громкой славой, какой не доставалось ни одной другой женщине, и горем, которого хватило бы, чтобы разорвать любое сердце.

— Как ты думаешь: она погибла?

На это я не мог ответить. Выброшенные в прошлое не возвращались живыми. Это мы видели на примере Мизара и Эллона. Но из будущего возвращение совершалось: вспомним Оана, выскользнувшего из будущего прямо на наш звездолет, того же Мизара, того же Эллона — он ведь живым промелькнул мимо нас, низвергаясь из будущего в прошлое. Ирина не вернулась, но это не значит, что она мертва. О физике прошлого мы что-то знали, но что мы знаем о будущем?

— Олег говорит то же, что и ты. Но я боюсь, что он просто хочет утешить меня.

— Олегу важней утешить себя. Он любит Ирину. И потом, что значит — утешить? Ты не только капитан галактических кораблей, но и знаменитый астрофизик. Мы должны спрашивать у тебя,

что произошло с Ириной, а не ты у нас.

— У меня просьба к тебе и Олегу. После гибели «Овна» я могу только дублировать Осиму. Но у него такой прекрасный дублер, как Эдуард. Я бы хотела заняться механизмами времени. Я считаю своим долгом закончить работы, которые начала моя дочь. Любое расстройство стабилизатора может ввергнуть нас в новое безумие.

Я догадывался, что она мечтает еще и том, как найти безопасные выходы в будущее и дознаться, что совершилось с Ириной.

— В моей поддержке не сомневайся. Думаю, и Олег не воспротивится.

10

Исчезнувший Голос заменил Граций. Мы немного поспорили, не нужно ли возвратиться к прежней схеме звездолетовождения: анализаторы — МУМ — командир корабля. Схема ни разу не отказывала в спокойных космических областях. И Осиме, и Камагину такая практика казалась удобней. Мы с Олегом не согласились с ними. МУМ — механический рассудок, она беспомощна без причинной связи. Грозный опыт показал, что нарушение течения времени выводит из строя рассудок. Причинная связь — эквивалент

нормальной связи времен, а нормального-то времени в ядре как раз и нет! Над рассудком должен стоять разум, мыслящий целостно.

— Граций отлично справится с прежней функцией Голоса, — объяснил капитанам Олег. — У них одинаковая структура мозга, ведь и Голос по происхождению из галактов.

Так Граций стал полновластным хозяином оперативной рубки. Он не вознесся на высоту, как его предшественник. Но и не захотел дальше неутомимо шагать вдоль кольцевых стен. Он затребовал кресло. Кресло разыскали самое огромное, из корабельного «запаса на все случаи», в обычных приспособлениях для сидения массивный галакт не разместился бы. Водрузили его на специальный постамент.

И теперь Граций представал входящему такой величественной фигурой, что всякого охватывал трепет. Ромеро сказал, что раньше Граций был богоподобен, а сейчас — богоравен. И мне Граций напоминал Зевса, восседающего на троне, — кажется, была такая древняя статуя. Величавое богоравенство не мешало Грацию работать с быстротой человека и исполнительностью демиурга. Мозг у галлактов подвижней тела. Если не требовалось размахивать руками или бежать,

Граций мог бы дать фору любому. В спринте на беговой дорожке он не взял бы и жалкой премии, но состязаться с ним в быстроте мышления не стоило.

Еще до того как Граций утвердился в рубке, меня посетил Орлан. Демиург не любил ходить по гостям. Мы обычно встречались с Орланом в служебных помещениях. Лишь у Грация Орлан бывал часто — вероятно, из желания подчеркнуть, что между демиургом и галактом не существует ненависти, некогда разделившей их народы.

— Эли, правда ли, что работами по трансформации времени будет руководить капитан Ольга Трондайк? — спросил он так официально, как я не слышал от него со времени, когда он выступал от имени Великого разрушителя.

— Ты против, Орлан?

Он взметнул вверх голову на гибкой шее, но из уважения ко мне опустил ее без большого шума.

— Работы по трансформации времени вели демиурги. Мне бы самому хотелось заменить Эллона.

Не могу передать, как я удивился. Орлан был для меня в разные годы разным: звездным адмиралом, пленившим мой корабль, могущественным вельможей Империи разрушителей, жестоким

врагом вначале, добрым другом потом, соратником по бедствиям, одним из создателей Звездного Содружества и, быть может, самым близким мне существом среди разумных нелюдей. Но инженером я его представить себе не мог. Он никогда не выказывал ни интереса к расчетам, ни влечения к конструированию механизмов.

Но Орлан объяснил, что в молодости готовился в промышленные руководители: получил инженерное образование, стажировался на заводах. И не удостоился назначения в министры звездолетостроения лишь потому, что Великий разрушитель поручил ему дела большой галактической политики.

— В том, что я бросил инженерную деятельность, виноваты Ольга Трондайк и ты, Эли. После вашего пролета через неевклидовы теснины Персея и взрыва Второй планеты Великий призвал в свое окружение всех, кто по знатности мог служить опорой трону.

— А сейчас ты хотел бы вернуться к инженерным делам, Орлан?

— Эли, я сейчас единственный, кто не имеет индивидуальных заданий. После ухода Грация в рубку и особенно после гибели великого Эллона мне грустно слоняться по кораблю.

— Ты не возражаешь работать с Ольгой, как Эллон работал с ее дочерью?

— Если она не возражает, Эли.

— Она не будет возражать.

Несколько дней я не ходил в консерватор. А затем меня снова потянуло на корабельное кладбище. Но спускался я туда по-новому. Старые чувства были развеяны, новые только нарождались. В каком-то смутном смятении я не знал, чего хочу, чего жду.

В консерваторе добавился новый саркофаг. Я постоял около Эллона. Демиург обладал могучим мозгом, но вибрации времени не снес. Даже гений не способен вынести душевный разрыв между прошлым и будущим без прочной опоры в настоящем.

Я медленно шел от Эллона к Мизару, от Мизара к Трубу, от Труба к Лусину. Я не спешил к Оану, перед араном я должен был задержаться надолго: мне хотелось снова поговорить с ним.

— Оан, я не знаю теперь, кто ты — посланец врагов или безучастных к нам, или даже непонятных друзей, — сказал я, когда подошел к саркофагу лазутчика. — А ведь это важно знать, согласись, если ты способен понимать меня. О, ты понимаешь, в этом-то я уверен! Ты — датчик

связи между нами и рамирами, вот и все твои секреты. Сложное устройство, сложное, подслушивающее, подглядывающее, мыслечитающее, а к тому же еще и выполненное в форме живого существа, правда, наполовину превратившегося в силуэт, но это уже ни от тебя, ни от твоих хозяев не зависело: и муравьи способны укусить дровосека! Скажи же мне, Оан, чего вы хотите от нас? Почему держите пленниками в стреляющем звездами, как дробинками, костре ядра?

Я с таким волнением обращался к нему, словно и впрямь ожидал ответа. Оан, естественно, молчал. А я все настойчивей требовал:

— Думай о моих вопросах! Передавай их равнодушным собратьям. Мы не муравьи, что бы там ни говорил Ромеро о вашем величии и нашем ничтожестве. Мы вырвемся из ада, в котором вы заперли нас! Не по искривлениям метрики, не по гравитационным лазам, без аннигиляции вещества и пространства, здесь все выходы заказаны — это мы уже постигли. Мы вырвемся через то время, которого ты страшишься как больного и которое единственное спасет мир от уничтожения. Не рыхлое, а гибкое, не разорванное, а струящееся, не мертвое, а живое — вот таким оно будет в наших руках! Мы вырвемся, говорю тебе!

Через время прямое, ведущее в будущее, через время обратное, свергающее в прошлое, через время кривое, через время перпендикулярное!..

Меня ошеломил собственный выкрик! Свершилось! Слово было сказано. Тьму загадок озарило сияние истины. Пока это было еще слово, а не поступок, но слово стало мыслью. И без рассуждений, каким-то нерасчлененным, но бесконечно убедительным пониманием я знал уже, что нашел единственно важное! Это было решение, какого мы все искали. И оно пока было только словом, невероятным, озаряющим, поистине ключевым словом — «перпендикулярное».

Вспоминая сейчас ту минуту, я снова волнуюсь. Меня опять наполняет восторг открытия. Я,повторяю, не рассуждал, я просто знал, я только знал — да, загадок больше нет, да, найдена единственная возможность спасения. И если бы меня в тот момент спросили, могу ли я хоть чем-нибудь обосновать свою уверенность, я ответил бы растерянным молчанием — нет, ликующим, а не растерянным! Время обоснований еще не наступило. Ведь я только знал! Я увидел ключ к запертой двери. Я еще не открывал заветной двери внезапно очутившимся в руке ключом. Я только знал, что дверь будет открыта!

Я кинулся наружу. Мне надо было видеть Олега. В коридоре я вспомнил, что МУМ работает, можно послать мысленный вызов. Олег был у себя. Я услышал удивлений голос:

— Я срочно нужен, Эли? Прийти к тебе или в лабораторию?

— Лучше всего у тебя, Олег.

— Хорошо, иди ко мне…

Он встал, показал на кресло. Лицо его вдруг стало краснеть: мое волнение мгновенно передалось и ему. Я сел, он продолжал стоять. На столе покоился рейсограф — ящичек, похожий на МУМ, но поменьше, он, как и МУМ, хранил в себе нептуниан, бесценный, зеленоватый кристалл, неизменное сердце всех схем в мыслящих механизмах. Только в рейсографе нептуниан использовался не для расчетов, а для записи пройденного пути. Это была память о рейсе — то, что раньше называлось бортовым журналом. Я бросил взгляд на рейсограф и отвернулся. Олег сказал с надеждой:

— Эли, у тебя такой вид!..

— Выход на волю не там, где мы ищем, — сказал я. — Надо испробовать время перпендикулярное, а не прямое и обратное.

И с ним произошло то же чудо! Он мгновенно

понял, мгновенно уверовал! Слово «перпендикулярное» не прозвучало, а просветило: это было озарение, а не разъяснение. Олег посмотрел на меня с восторгом, я мог насладиться эффектом, но сказал он то, что должен был сказать командующий эскадрой:

— Да, конечно, это было бы решение. Но существует ли перпендикулярное время? Можем ли мы овладеть им?

— Давай оценим аргументы за и против.

— Говори ты, я буду возражать, если найду возражения.

Только сейчас подошло время рассуждений. И с той же уверенностью в истине, которая охватила меня, когда с языка сорвалась формула «перпендикулярное время», я знал, что найду неопровержимые доказательства и опровергну сомнения. Озарение должно превратиться в знание — из провидения стать теорией.

И я начал с того, что до сих пор мы знали лишь одномерное время, одномерное и однонаправленное: оно шло от прошлого через настоящее к будущему. Время вытягивалось в линию, показывало лишь в одну сторону. Только так идут наши маленькие процессы в нашем маленьком мирке. Мы уверовали, что по-иному и быть не может. И

когда в ядре повстречались со временем гибким и нелинейным, не поняли его сути, сочли, что оно непрочно, в страхе заговорили о разорванной связи времен.

— Иначе говоря, ты утверждаешь, что разрыва времени нет?

— Да, я это утверждаю. Разрыв времени — лишь наше представление о куда более сложном процессе его изгиба. Реальное время двумерно, его можно изобразить векторами на плоскости, а мы видим лишь его проекции на одну ось. И если время ушло в сторону, перпендикулярно к оси, на ней появится пустой интервал, мы в ужасе видим разрыв. Нет, время не разрывается, оно непрерывно, но направлено не только вперед, не только назад, но и вбок. И напомню, — добавил я, сам пораженный воспоминанием, — что Оан когда-то тоже говорил об изгибах времени.

— Представить себе изгибы времени трудно…

— А можно представить себе искривление пустого пространства? Неевклидову метрику пустоты? Уверяю тебя, это еще трудней. Оан наталкивал нас на открытие, но мы были тогда далеки от нового понимания времени. А между тем все вокруг должно было бы подвести нас к нему. Вот тебе поразительный факт.

Во Вселенной не существует одновременности. Одновременность мира — абстракция. Такая же абстракция, как геометрическое тело, лишенное физических свойств. Мы сами выдумали эту абстракцию, и она безмерно нас путает, не разъясняет, а затемняет мир. Реально любое тело в мире разновременно. Любой процесс, протекающий, как нам кажется, мгновенно, есть лишь статистическая равнодействующая бесконечно разных, бесконечно далеких одна от другой эпох, лишь схлестнувшихся в данный миг в данной точке данного тела.

— Парадоксально, Эли. Нужно обосновать…

Обоснование меня не затруднило. Каждый объект существует в своем индивидуальном времени, это так. Но ведь изолированных объектов нет, все кругом взаимодействует со своим окружением: атом с атомом, звезда со звездой, галактика с галактикой. Связь эта реальна, но одновременна ли? Ни в коем случае! Мы видим ближнюю звезду, какой она была десять лет назад, дальнюю — тысячи лет назад, периферию Галактики — сотню тысяч лет назад, а другие галактики видятся нам сегодня, какими были миллионы и миллиарды лет назад. Вот он, наш сиюминутный пейзаж: одномгновенная картина мира — бесчисленные

мазки из разных эпох, лишь совмещенных в воображаемой сиюмгновенности: Вселенная в любой точке, для любого взгляда, в любое мгновение безмерно разновременна. Реальной одновременности не существует, ее можно лишь вообразить, а не физически обнаружить.

И это не мираж. Нет, одновременная разновременность — реальный процесс, грандиозный физический процесс, тот, что определяет всю структуру мироздания — взаимодействие всех материальных объектов Вселенной. Ибо космос наполнен гравитационными волнами, частицами, фотонами, газом, пылью… И все это облучает, окутывает, притягивает, отталкивает. И одно приходит из вчера, другое из миллиарда ушедших лет, а суммарное действие их в любом месте — сиюмгновенно. И каждый объект на воздействие этих разновременных сил отвечает своим воздействием, но и оно достигает своих соседей неодновременно — близких скоро, дальних через миллиардолетия. Таким образом, действующее время любого места Вселенной — равновесие всех прошедших эпох, вся безмерная громада миллиардолетий, сведенная в одно мгновение.

Олег снова прервал меня:

— Между прочим, отсюда следует, что насто-

ящее никогда не теряется в бездне прошлого. Допустим, я излучаю в пространство свое изображение, свои поля — в общем все, что я как космическое тело собой представляю. И сколько бы ни прошло лет, в каком-то отдаленном уголке Вселенной всегда найдется это мое мчащееся излучение, и оно будет физически воздействовать на встречающиеся объекты. Мое прошлое будет реально существовать в моем далеком будущем!

— Ты меня опровергаешь или выискиваешь подтверждения?

— Перейдем к практическим вопросам, — предложил он. — Концепция твоя интересна, но я хотел бы определить программу действий.

— Не знаю, сколь практична программа, это можно установить лишь в лаборатории.

План мой сводился к следующему. Пребывание в ядре, в однолинейном токе времени, рано или поздно кончится нашей гибелью. Выход вперед, через будущее, или назад, через прошлое, не удался. Главная опасность — переход через нуль времени. Мертвая материя выдерживает такие переходы легко, но для организма они смертельны. Стало быть, нужно выйти из однолинейности в двухмерность времени. Преодолеть узы своего времени и шагнуть во время соседнее, в иное вре-

мя, в иновремя, как можно его назвать. Не просто оторваться от своего времени, а искривить его, отклониться в сторону — и держать искривление постоянным. И получится, что в каждый данный момент мы движемся вперед, в сторону будущего, а в сумме все больше и больше отклоняемся от него. А в какой-то точке, продолжая двигаться вперед, мы расстаемся со своим будущим, хотя и не пересекаем нуля времени, и начинаем двигаться к своему прошлому, которое теперь и является нашим будущим.

— Ты описываешь движение по окружности, Эли.

— Совершенно верно. В этом и есть моя мысль — вырваться из одномерного, прямолинейного времени во время двухмерное, кольцевое. Форма кольца нужна для того, чтобы суметь возвратиться в свое прошлое, не переходя опасного нуля времени.

— Кольцо обратного времени! — задумчиво проговорил Олег. — Звучит хорошо.

— Если тебе нравится название, так и назовем операцию: возвращение по кольцу обратного времени. Не хочешь ли пойти в лабораторию и набросать с Орланом и Ольгой план экспериментов?

Олег взял рейсограф и понес его в сейф. Я спросил:

— Почему тебя заинтересовал пройденный путь?

Он молча возвратил рейсограф на стол, так же молча нажал кнопку. На экране, встроенном в рейсограф, вспыхнула тысячекратно виденная уже картина — дикая сумятица звезд, взрыв, некогда прогремевший в ядре и непрерывно с той поры совершающийся. На больших звездных экранах можно было наблюдать такие же безрадостные пейзажи, но живые, быстро меняющиеся, а здесь рейсограф показывал картину, схваченную в один из моментов полета.

— Тебе ничего не говорит это изображение, Эли?

— Нет, конечно.

— Это то место, где пропала Ирина.

— Понимаю, Олег… Печальное воспоминание…

Я больше не спрашивал. Здесь начиналась область, куда нельзя было лезть без спросу. Олег странно улыбнулся.

— Эли, если мы выберемся из этого ада и вернемся на Землю, примешь ли ты участие еще в какой-нибудь галактической экспедиции?

— Вряд ли. Не по возрасту.

— А я пойду в новый поход. Я ведь моложе тебя, Эли. И у меня нет другой цели в жизни, как бороздить космос.

— И ты вернешься в ядро?

— Мы в него проникли первые, но разве можем объявить себя последними? Новая экспедиция будет лучше подготовлена. И если я приму в ней участие, звездные пейзажи, сохраненные рейсографом, понадобятся.

— Ты намерен искать Ирину? — спросил я прямо.

Он аккуратно поставил рейсограф в сейф.

— Во всяком случае, мне хотелось бы знать, что с ней.

11

Только сейчас мы сумели в полной мере оценить инженерную гениальность Эллона. Коллапсан давал возможность не только сгустить и разредить время, переменить знак течения, но и искривить его. Время стало изогнутым, оно характеризовалось не одной скоростью и направлением течения, но и углом к нашему естественному времени. Этот угол отклонения от нашего времени Ольга назвала «фазовым углом

вылета в иновремя». Она быстро нагромоздила сложнейшие формулы «угла иновремени». В них, возможно, могла бы разобраться МУМ, но мои способности они превосходили. Зато Ольга порадовала нас, что Орлан понимает ее с полуслова и что некоторые из сумасбродно сложных формул принадлежат ему. Этому я не удивился. У демиургов врожденный дар к небесной механике. Мы сильней их в ощущении добра и зла, человеческая особенность — отстаивание справедливой морали при всех преобразованиях одной социальной системы в другую: правда везде правда, угнетение везде угнетение, свобода везде свобода. Но в конструировании гравитационных машин нам далеко до демиургов.

— Возможно, завтра, Эли, — сказала Ольга однажды утром.

Это означало, что завтра опробуют генераторы фазового иновремени, действующие уже не в атомном масштабе, а в макровремени корабля.

— Наверно, завтра, — сказал Орлан за обедом.

— Итак, завтра, — объявил Олег за ужином.

Утром я поспешил в командирский зал. Там были уже все капитаны и Орлан. Управление генераторами фазового времени принял Граций: для него, бессмертного, переброс из одного вре-

мени в другое все же значил меньше, чем для любого из нас, — мы учитывали и это обстоятельство. Звездолет вел Камагин, тоже привычный к путешествиям во времени, он поддерживал мысленный контакт с Грацием. А всем остальным отвели роль зрителей. Я предвкушал красочные перемены при переходе из своего времени в чужое. Меня только беспокоило, как отнесутся к этому рамиры. Все могло быть!

— ...Три, два, один, нуль! — скомандовал Камагин, и время чуть-чуть искривилось.

Ничто не изменилось. На экранах те же летящие звезды — ни одна не затряслась, не потускнела. Сдвиг фазы времени был, правда, ничтожный, но все же мы шли уже в чужом времени, к чужому будущему. А картина снаружи была такой, будто чужое будущее принималось как свое — словно всебудущность являлась здесь нормальным физическим процессом.

— Работают ли генераторы обратного времени? — громко усомнился Осима.

— Молчат что-то наши равнодушные боги. Не уследили за нами, что ли? — пробормотал Камагин.

— Если они заговорят, мы их не услышим, — возразил Орлан. — Их луч уничтожит нас раньше,

чем мы сообразим, что уничтожены.

Спорить с этим было трудно. Через некоторое время МУМ сообщила, что рисунок звездного хаоса меняется, а Граций заметил и зрительно перемены в пейзаже. Ни мы в командирском зале, ни зрители в обсервационном изменений не видели. Орлан удалился к генераторам фазового времени, а мы с Ольгой пошли ко мне. Мери тоже не находила перемен на экране — звезды как звезды, их такое же множество, шальных, беспорядочно летящих…

— Что мы в иновремени, гарантирую, — сказала Ольга. — И хотя сдвиг по фазе незначителен, угол вылета из нашего времени накапливается. Я ожидаю вскоре значительных изменений пейзажа.

— Я погашу экраны, — предложила Мери. — Мы не отрываемся от них, а изменения накапливаются постепенно, и мы привыкаем к новому пейзажу, еще не разобрав, что он новый.

— Молчат рамиры, — повторил я слова Камагина, когда Мери занавесила комнатный экран.

— Рамирам надоело издеваться над нами, — убежденно объявила Ольга. — Если они равнодушные, то должны же они когда-нибудь оставить нас в покое.

По всему, рамиры либо не заметили нашего бегства, либо мы перестали интересовать их, либо — и такая мысль явилась мне — наш уход по фазовому искривлению времени их устраивает. Обо всем этом надо было размышлять — был тот случай, когда правильный ответ сразу не дается.

— Отдохни, — сказала Мери, и я прилег на диван.

Она разбудила меня через час. Ольги не было.

— Посмотри на экран, — сказала Мери.

Я вскрикнул от неожиданности. Мы были в другом мире. Нет, это было все то же ядро Галактики, тот же неистовый звездный прорыв, тот же светоносный, светозарный ад! Но ядро было иное, то же — и иное! Это трудно передать словами, это надо увидеть самому. День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем мы с тоской наблюдали на звездных экранах одну постоянно воспроизводящуюся картину. А в течение одного нашего крохотного корабельного дня она переменилась. Да, это было ядро, но ядро в другом времени, не в прошлом, не в будущем, а в ином!

— Мери, рамиры нас выпускают! — воскликнул я в восторге. — Нападения не будет!

С того дня прошло немало времени. Может быть, часов, может быть, столетий, а если мне

скажут, что миллионолетий, я не удивлюсь. Время, в каком мы движемся, чужое. Приборы его измеряют, МУМ запоминает, рейсограф фиксирует на своих картинках, а я его не понимаю — оно не мое.

Я сделал это отступление, сидя в консерваторе и диктуя историю нашего выхода из ядра, для того чтобы передать, с каким нетерпением все мы ждем возвращения из иновремени в наше. Мы уже прошли первый поворот на время, перпендикулярное нашему, прошли и второй поворот в иновремени на обратное, но параллельное нашему, подходим к третьему повороту на второй перпендикуляр — и начнем сближаться с нашим временем. И все повороты проделаны без перехода через опасный нуль. А преодолев последний, мы устремимся за нашим прошлым — оно будет впереди, оно будет в нашем будущем! И когда мы состыкуемся со своим временем, мы покинем иновремя — и кольцо обратного времени замкнется!

Я жду возвращения в свое время, но размышляю о другом. Рамиры нас выпустили — это очевидно. И это странно. Почему нас выпустили? Нам, возможно, — а если не нам, то нашим потомкам, — еще придется встречаться с этим

сумрачным народом. Я не верю, что они равнодушные. Вчера я пригласил Ромеро к себе.

— Павел, — сказал я, — мне не нравится ваша теория насчет дровосеков и муравьев.

— Хорошо, пусть не муравьи. Мы — бабочки, залетевшие на ночной костер дровосеков. Такое сравнение вас устраивает, мой мудрый друг?

— И бабочки меня не устраивают.

— Кем же вы хотите видеть нас, Эли?

— Мы — кролики, Павел.

— Кролики? Я правильно вас понял?

— Павел, я когда-то говорил вам, что стараюсь преобразовать координатную систему моего мышления в систему мышления рамиров. Я хочу взглянуть на мир глазами наших противников, если они только смотрят глазами, как мы, а это под сомнением. Вообразите, что мы, человечество, старше на миллион лет и всю эту тысячу тысячелетий непрерывно совершенствовались…

— Просто невообразимое могущество и сила!..

— Да, Павел. Нам и сейчас под силу создание и уничтожение планет. А что будет через миллион лет интенсивного развития? Не захотим ли мы навести порядок не только в отдельных звездных системах, даже не в звездных скоплениях, а в самой Галактике? А Галактика больна. Главная

масса ее звезд — в ядре, и ядро неустойчиво. Она на грани взрыва. Разве нам незнакомы квазары — звездоподобные галактики, испытавшие катастрофу, в которой были уничтожены все формы жизни и разума, если они там существовали? Мы, столь могущественные через миллион лет, не примирились бы с балансированием на краю гибели. Мы старались бы разредить скопление звезд в ядре, подобрать созревшие для разумной жизни звездные системы и отправить их подальше от опасности, изменить саму звездную структуру в окрестностях ядра.

— Напомню, дорогой Эли, что именно об этом я и говорил на совещании, где вы предъявили себе гневное самообвинение.

— Правильно, вы говорили. И вот представьте себе, что мы, могущественные, установили, что только овладение ходом времени дает полную гарантию от катастроф. И что естественные метаморфозы времени сами собой осуществляются в звездных процессах ядра. А нам овладение временем не дается. Не дается, и все! В недрах коллапсирующих звезд пытаемся его ухватить — вторая все-таки по масштабам катастрофа после возможного взрыва всех звезд в ядре! Нет, и здесь не выходит. И вдруг в наши звездные владения

вторгаются какие-то пришельцы, какие-то муравьи, и пытаются нагло помешать нашей работе по оздоровлению ядра. Да смести их с дороги, и все тут!

— Осмелюсь заметить, дорогой адмирал, что пока ничего нового…

— Подождите, Павел! А лазутчик докладывает, что у муравьев странная цивилизация, машинная, на нашу непохожая, и что в их механизмах время — пока еще на атомном уровне, микровремя — свободно сгущается и разрежается, меняет знак, может даже менять фазовую скорость. Ого, это интересно, сказали бы мы, могущественные через миллионолетия, но сами пасующие перед трудностями овладения временем. Пусть, пусть они повозятся, решили бы мы, всесильные, но лишенные человеческого сердца, простой человеческой жалости к попавшим в беду муравьям…

— Очень важное замечание, Эли!

— Да, Павел. Равнодушные — так вы их назвали! Остальное ясно. Мы экспериментировали со временем в коллапсане, а они экспериментировали с нами. Мы захотели удрать из ядра, они не дали. И, чтобы заставить ускорить исследования, спокойно и безжалостно ввергли нас в вибрацию времени. По принципу: не выживут — черт с

ними, что жалеть неудачников! А выживут — успех! Посмотрим, посмотрим, как эти создания выпутываются из трудностей. Ах, все-таки выпутались? Сумели создать фазовое искривление времени? Хотят по кольцу обратного времени ускользнуть из ядра? Надо, надо приглядеться и к этому, пусть ускользают, их опыт пригодится, когда понадобится выводить из ядра новые партии звезд. Итак, пришельцы скользят по иновремени, свободные от всех катаклизмов ядра, ибо их время — иное по сравнению со временем любой летящей на них звезды, ибо они и в ядре, и вне его, — очень, очень интересно! Кое-что из их находок надо принять на вооружение!.. Вот как мне представляются наши взаимоотношения с рамирами, Павел!

— Такое представление гарантирует нам избавление, Эли. Мы можем считать его вполне удовлетворительным.

Я встал. Волнение так душило меня, что я должен был выплеснуть его движением. Я нервно ходил по комнате, а Ромеро удивленно глядел на меня. Он точно оценил ситуацию, но не мог понять моего отношения к ней.

— Нет, Павел! Тысячу раз — нет! Положение возмутительное, ничего удовлетворительного

нет. Никогда не примирюсь ни с тем, что нам отводят жалкую роль муравьев, истребляемых из-за равнодушия к ним, ни с благожелательным интересом к нам, как к подопытным кроликам, которых будут хладнокровно ввергать в тяжелейшие условия и великодушно следить, удастся ли нам справиться с испытанием!

— Что вы требуете от рамиров, адмирал?

— Равноправия! И на меньшее не соглашусь!

Он скептически покачал головой:

— Боюсь, что у нас не спрашивают согласия. Удастся ли нам донести до рамиров свою решительность?

— Буду искать путей.

12

Мы уже вне ядра. Мы вырвались из светозарного ада!

Кругом нормальный космос — звезду от звезды отделяют десятки светолет, а если и встречаются скопления, то и там между светилами расстояние в светомесяцах, если не в светогодах. И ни одна звезда не летит остервенело на соседку, они уже не кажутся несуществующими осколками взрыва, они мирно покоятся в прочных координатных узлах, установленных взаимным их притяже-

нием. Всемирное тяготение — проклятие ядра — здесь выступает снова как рачительный и мудрый хозяин, наводящий порядок в космосе, как вдохновенный дирижер, руководящий величественной звездной симфонией. Наконец-то вместо грохота безостановочного взрыва мы услышали тонкую мелодию звездных сфер. Прекрасный мир!

Но мир этот еще не наш. Мы пока еще в ином времени. Мы приближаемся к нашему миру, уже угадываем в нашем ближайшем будущем наше оставленное прошлое, но пока не настигли его. Прошлое еще в будущем.

Я пришел к Олегу. Он сидел перед рейсографом. На экране прибора пейзаж окружающего нас мира непрерывно сравнивался со снимками окрестностей ядра, сделанными на подлете к нему. Полного совпадения не было, но различие с каждым днем уменьшалось. Мы подходили к своему миру в своем времени. Граций недавно величественно возвестил, что фазовый угол, отделявший нас от своего времени, упал ниже десяти градусов. Это после того, как он дважды составлял девяносто градусов и один раз сто восемьдесят!

Я сказал, кивнув на рейсограф:

— Гонимся, как пес за собственным хвостом.

Олег улыбнулся:

— Я бы выразился не так грубо: догоняем собственную тень. Время идет к полудню, тень сокращается. Скоро, скоро тень головы ляжет у ног! Орлан и Ольга уменьшают гравитацию в коллапсане, нам уже не нужно столь сильно искривлять время. Мы не ворвемся, а вплывем в свое оставленное время.

— В какой пространственной точке?

— По расчету Ольги, около Гибнущих миров.

— Отличное местечко. Лишь бы не угодить опять в ядро!

Мы еще поговорили с Олегом, и я ушел. Я не находил себе места. Мери каждое утро являлась в свою лабораторию астроботаники, где выводила новые породы растений для безжизненных планет. Ромеро записывал подробности похода. Я убивал время на разгуливание по звездолету. И даже то, что убиваю не свое, а иновремя, не утешало.

Я спустился в консерватор. Кресло стояло напротив саркофага Оана. Я опустился в кресло и заговорил:

— Знаешь, Оан, я все больше задумываюсь — кто вы, рамиры? Что вы несуществоподобны, несомненно. И жизнь ли вы или мертвая

материя, до того самоорганизовавшаяся, что стала разумной, — мне тоже неясно. Вы, я думаю, безжизненный разум, материя, создавшая самосознание без участия белка. Что-нибудь вроде наших МУМ, но космического, а не лабораторного масштаба. О нет, я не хочу вас обижать, тем более что уверен: такое свойственное лишь живым организмам чувство, как обида, вам незнакомо. О чем я говорил, Оан? Ну что же, мыслящая планета, мыслящие скопления планет, может быть, даже мозг, внешне принявший облик звезды, — кто вас знает? Я не наивный дурачок, думающий, что мыслить способны лишь клетки моего мозга, нет, я понимаю, что искусство мышления можно развить, и не прибегая к крохотному недолговечному мозгу, упрятанному за непрочной черепной коробкой. Может быть, даже проще мыслить всей планетой. И эффективней! К тому же, можно творить из своего материала, как мы лепим статуи из глины, любые живые предметы — вот вроде тебя, Оан, — и, сохраняя с ними связь, мыслить в них и через посредство их. Все рамиры или весь рамир мыслит в тебе! К интересному выводу я прихожу, не правда ли? Мыслить не за одного себя, как я, а за всех себя? Я не ошибаюсь? Кстати, не мог бы ты разъяснить мне: разрушители и галакты

верят, что когда-то вы населяли Персей и рабочей специальностью вашей было творение планет. Не являлось ли то планетотворение просто размножением вашим? А уйдя к ядру, вы оставили нам на заселение ваши тела, из которых изъяли свой разум? Ваш разум в планетной или даже звездной форме переместился в фокус опасности, которую вы безошибочно учуяли, а оставленными телами вашими воспользовались демиурги и галакты, а теперь и мы, люди. Если это так, то мы в некотором роде родственники, во всяком случае мы ваши наследники. Но так ли это?

Я помолчал, почти надеясь, что он ответит. Оан безучастно молчал, пребывая в той же вечной недвижимости. Я продолжал:

— Итак, развитие планеторазумного типа или еще диковинней. С нашей точки зрения, с нашей! Преобразуя свою координатную систему мышления в вашу, я сразу нахожу один инвариант: диковинность. Вы кажетесь диковинными нам, мы — диковинными вам. Но уже такая наша особенность, как машинотворчество, не инвариантно. Уверен, что машин вы не создаете. Иначе зачем вам было доставать древний звездолет аранов, рудимент их вырождающейся цивилизации? И зачем вы с интересом следили за созданием

наших генераторов фазового времени? А ведь следили — и с интересом! В этом мы опережаем вас, могущественные. Задачи, которые вы не решаете, решаем мы. Очень мало из того, на что способны вы, нам по силам. Но кое в чем мы способны пойти и дальше. Сделайте отсюда вывод, великие. А какой мы для себя сделаем вывод, я вам сейчас объявлю!

Я опять помолчал и опять заговорил:

— Итак, мы очень разные. Вы — мыслящая мертвая материя, мы — мыслящие организмы. По облику мы не сравнимы! Огромное скопление материи, собрание планет и звезд, мыслящих единым разумом, — в каждой части мыслит все целое, даже в таком, как ты, Оан! И крохотные тельца, мыслящие только за себя, соединенные невидимыми прочнейшими узами в коллектив, но все-таки — индивидуумы. Вы надменно пренебрегли нами. Вы остро чувствуете страдания мертвой материи. Что вам наши особые муки и особые запросы! Камень на дороге и мы, шагающие по дороге, вам равноценны, вы не окажете нам предпочтения. Вы, если и страдальцы, то за весь мир, за звезды и деревья, планеты и людей, скопления светил и скопления грибов и трав — одинаково. Вы равнодушные — так вас

определил мой друг. Он все-таки ошибся: вы не равнодушны к судьбам мира. Но наши особые интересы, запросы живых существ, требования индивидуализированного разума вам безразличны. Вы равнодушны к живой жизни — вот ваше отношение к нам. Напрасно, могущественные! Тут вы совершаете великую ошибку! Я постараюсь вам показать ее.

Я снова сделал передышку. Меня переполняла страсть. Я не хотел, чтобы мой голос начал дрожать.

— Да, я крохотный организм, муравей по сравнению с вами, меньше, чем муравей! Но вся Вселенная — во мне! Вот чего вы не понимаете! Мой крохотный мозг способен образовать 10 в 80-й степени сочетаний — много больше, чем имеется материальных частиц и волн во всемирном космосе. И каждое сочетание — картина: явления, события, частицы, волны, сигналы. Все, что способно образоваться во Вселенной, найдет отражение во мне, станет образным дубликатом реального объекта вне меня — станет малой частицей моего маленького «я». Я — зеркало мира, задумайтесь над этим. Да, вещественно я ничтожная часть Вселенной, но духовно, но мыслью равен ей всей, ибо столь же бесконечен,

столь же неисчерпаем, как и она. Вы судите меня по массе моего вещества, по создаваемому мной ничтожному притяжению к другим вещественным телам — и презрительно отворачиваетесь. Не прогадайте, близорукие. Судите меня по силе связей, вещественных и духовных, которыми я связан со всем миром. И тогда с удивлением убедитесь, что я, маленький, равновелик Вселенной. И что в каждом из нас — вся Вселенная, ибо каждый — понимание Вселенной, ее собственное самопонимание. Ибо я — жизнь, и каждый из нас — жизнь! А жизнь из всех удивительностей природы — самая огромная удивительность. Нет, не в мертвой материи природа воссоздает себя, она лишь дальше и шире разбрасывает себя в мертвом веществе, только отдельные скопления ее, вроде вас, достигают разума. Но в любом живом индивидууме Вселенная воссоздает всю себя: мы — образ ее целостности, мы — самопознание ее во всей ее широте, во всей ее глубине! Придется, придется вам с этим посчитаться!

Я сделал новую передышку и опять заговорил:

— Подумайте и вот еще над чем. Вы, сколько понимаю, — устойчивость мира, его сохранение, его защита от катастрофы в горниле разыгравшихся стихий. Вы — инерция мира, вечное равновесие

его законов. А мы — развитие мира, прорыв его инерции. Мы, жизнь, — будущее мира! Если не станет нас, обитателей маленького звездолета, вы не избавитесь от нас. К вам возвратятся наши потомки, вооруженные лучше, знающие больше. Жизнь быстро распространяется на Вселенную, живой разум покоряет вещество, разрывает инерцию однообразного, всегда равного самому себе существования, в конце которого — катастрофа в ядре. Но мы взамен всеобщности однообразия вносим в природу новый организующий принцип — нарастание своеобразий, всеобщность неодинаковостей. Ибо нас, звездных братьев, объединяет одно общее — мы своеобразны, мы разумны, мы добры друг к другу!

Я подошел к Оану, долго всматривался в него.

— Теперь исчезай, Оан, — сказал я. — Твоя миссия закончена. Я уверен, ты можешь присутствовать, можешь не быть. Так исчезни! Я человек — уже могущественный и еще не совершенный. Я молодость мира, его порыв в неизвестное, а не инертная мудрость вечного самосохранения. Я не научился все понимать мгновенно и полностью, хотя и стараюсь. Мне нужно рассуждать, мне нужны знаки и сигналы. Исчезни! Это будет мне знаком, что я понят.

В консерваторе зазвучал призыв ко мне:

— Адмирала Эли — в командирский зал! Адмирала Эли — в командирский зал!

Я вышел из консерватора.

13

В командирском зале собрались все друзья — Олег, Осима, Камагин, Ольга. Олег показал на звездные экраны:

— Эли, ты знаешь где мы?

Картина была так знакома, что я в восторге закричал:

— Мы в Гибнущих мирах!

— На окраине скопления, — подтвердил Олег. — На выходе из Гибнущих миров в открытый космос. Старый и новый пейзажи в рейсографе сошлись с абсолютной точностью. Мы возвратились точно в то место, какое в свое время покинули.

Я вопросительно посмотрел на Ольгу.

— В свое время покинули… А в какое возвратились?

— Тоже в свое. То, какое течет в нашем мире с нулевой фазовой скоростью. Мы снова существуем в одномерном и однонаправленном времени — струящемся всегда от прошлого к будущему.

— Ты меня не поняла, Ольга. Свое время… Но какое? Прошлое или будущее? Мы пришли раньше себя, покинувших скопление, или позже себя?

— Мы возвратились позже на один земной год. Наши блуждания в ядре, наше бегство по кольцу обратного времени заняли всего год по хронометрам корабля.

Беседу прервало сообщение Грация. Галакт докладывал, что анализаторы обнаружили два оставленных нами грузовых звездолета. Они пока далеко, но нет сомнения, что оба корабля невредимы и что очистка пространства продолжается.

— Мы постарели на год, а Гибнущие миры помолодели на столетие, — сказал Олег. — В систему Трех Пыльных Солнц возвращается утраченная прозрачность и яркость.

В командирский зал ворвался возбужденный Ромеро. Он был так бледен и расстроен, что мы, прервав разговор, разом обернулись к нему.

— Олег! Эли! — Он говорил с трудом, настолько был потрясен. — Я заглянул в консерватор, чтобы проверить, как наши мертвецы вынесли переход по кольцу фазового времени. И вот я увидел… Там чудо, друзья!

Я прервал его:

— Чудес не бывает. Вы хотите сказать, что Оан

исчез?

— Да, именно это! Саркофаг не поврежден, запирающие поля сохранились, но даже и следа Оана нет! Если это не чудо, Эли…

Я взял его за руку и усадил в свободное кресло.

— Успокойтесь, Павел. Ни один из законов природы не нарушен. Просто нам подан знак, что мы замкнули еще одно кольцо, но не времени, а взаимопонимания: от знакомства — через неприязнь и взаимную борьбу, взаимную заинтересованность — к дружелюбию!

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Родился 5 августа 1910 года. Отец, Александр Исидорович Козерюк, до революции — слесарь, большевик-подпольщик. Мать, Зинаида Сергеевна, — газетный киоскер. Отчим, Иосиф Соломонович Штейн, — одесский журналист.

В 1932 году закончил физмат Одесского университета (тогда физхиммат), некоторое время преподавал в нем. В 1934–1936 годах работал в Ленинграде инженером-исследователем на заводе «Пирометр». С 1936 по 1939 год — тюрьмы (Лубянка, Бутырская, Лефортово, Вологда, Соловки), с 1939 по 1945 год — Норильский исправительно-трудовой лагерь, с 1951 по 1954 год — ссылка в том же Норильске. В 1955 году полностью реабилитирован решением Верховного суда СССР.

До 1957 года — работа на различных инженерных должностях (теплоконтроль, автоматика, ядерные проблемы).

С 1957 года — профессиональный литератор. Всего напечатал 6 романов: «В полярной ночи», «Река прокладывает русло», «В глухом углу», «Люди как боги», «Ветер с океана», «Творцы». Кроме

этого, опубликовал 14 повестей.

Романы и повести печатались в журналах «Новый мир» (1957, 1958), «Октябрь» (1960), «Знамя» (1960, 1961, 1962, 1968, 1976, 1980), «Молодая гвардия» (1958), «Нева» (1956, 1959, 1971, 1973), «Дружба народов» (1968).

Отдельные книги — больше двадцати — выходили в издательствах «Советский писатель», «Советская Россия», «Детская литература», Лениздат и др. Переводы на французский, немецкий, испанский, английский, японский, болгарский, польский, чешский, венгерский, китайский языки.

Член Союза писателей с 1959 года. Награжден за литературную работу орденом «Знак Почета». Отмечен премией «Аэлита» за научно-фантастический роман «Люди как боги».

~ ~ ~

